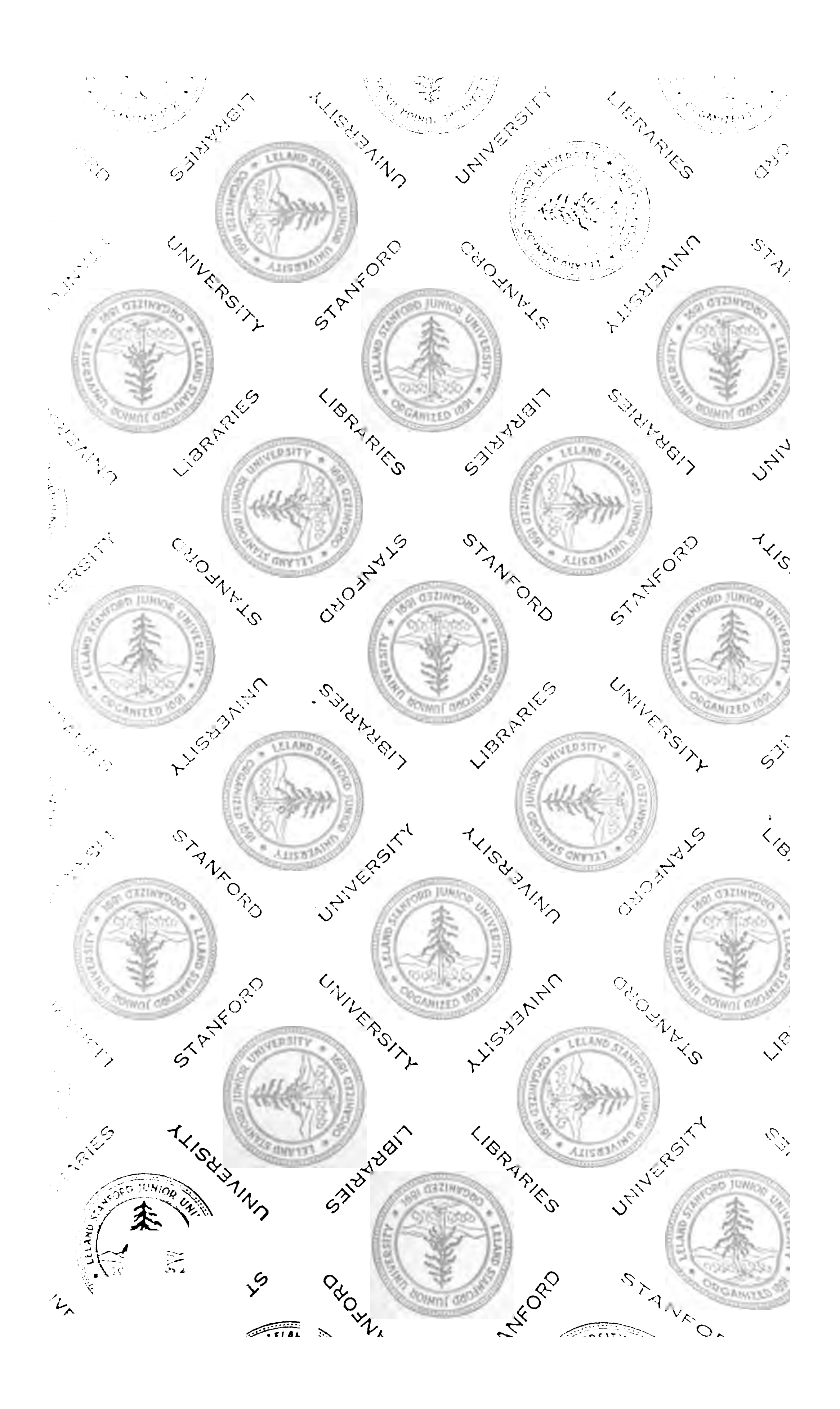
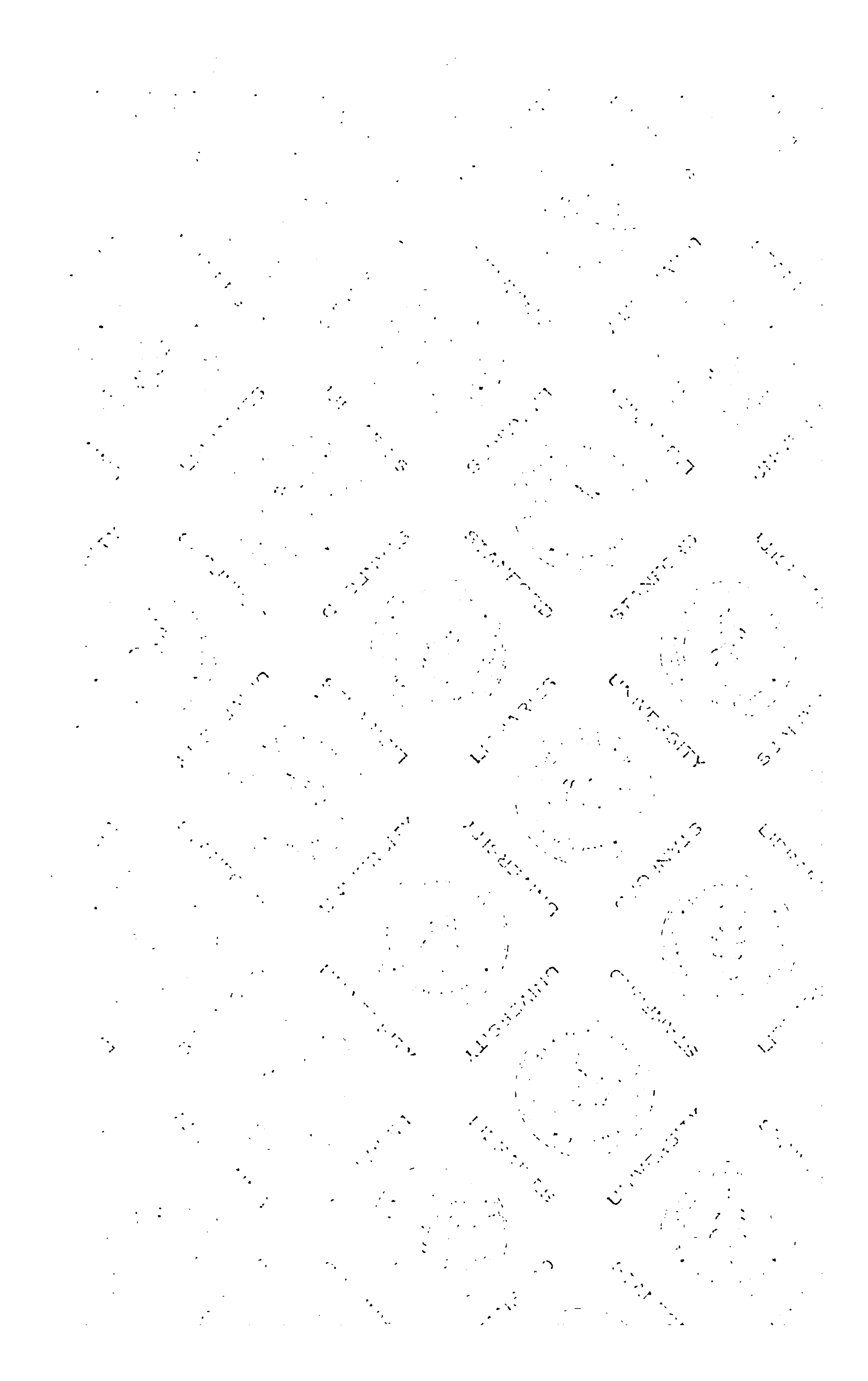

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

дѣйствительнаго члена Императорской академіи наукъ

при ближайшемъ содѣйствіи

профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), профессора академіи генеральнаго штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ V.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Нѣмецкіе соціалисты: I. Лассаль. *Б. Н. Чичерина* 1

Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. *А. Д. Градовскаго* 72

Реформа исполнительной полиціи въ Россіи. *И. Е. Андреевскаго* 125

Очеркъ политической этнографіи странъ, лежащихъ между Россіею и Индіею. *М. И. Венюкова* 141

Желѣзныя дороги въ Россіи. *А. А. Головачева*. Исторія постройки дорогъ. Статья вторая 163

Критика и библіографія.

Русская литература.

Церковь. Правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и святыхъ отецъ съ толкованіями, вып. 1. *М. И. Горчакова* 3

Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, вып. I—V. *Его-же* 7

Руководство къ русской церковной исторіи. Сост. П. Знаменскій. *Его-же* 8

Статистическія свѣдѣнія по общественному призрѣнію С.-Петербурга. П. П. Семенова и И. Е. Андреева. Ч. I. Приходскія благотворительныя общества. *Его-же* 9

Историческій очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства въ Россіи. Н. Невзорова. *Его-же* 9

Исторія старой Казанской духовной академіи 1797—1818 гг. А. Благовѣщенскаго. *Его-же* 13

Исторія Владимірской духовной семинаріи (1750—1840 гг.). Соч. К. Надеждина. *Его-же* 13

Исторія русской церкви. Т. VIII. Архіеп. Макарія. *Его-же*. 14

Стр.

История церкви въ предѣлахъ нынѣшней калужской губерніи Іером. Леонида. *М. И. Горчакова* 16

Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. П. Лошкарева. *Его-же* 16

Философія права. Спиноза и его ученіе о правѣ. К. Н. Яроша. *Л. Е. Владимірова*. 17

Исторія права. О Мазовецкомъ правѣ. Ч. I. Карла Дунина. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* 27

Военныя науки. Прикладная тактика. Сост. ген.-маіоръ Лееръ. *Я. А. Гребенщикова* 31

Исторія. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. И. Забѣлина. *Е. А. Бѣлова* 34

Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства, за время съ половины VII до начала XIX столѣтія. Томъ I. *С. В. Вѣдрова.* 46

Уголовное право. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Общая часть. А. Ѳ. Кистяковскаго. *А. И. Палюмбецкаго.* 48

Иностранная литература.

Церковь. Лѣтопись евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ. Соч. Фехнера. *А. Г. Брикнера* 62

Государственное право. Философское государственное право. Гумпловича. *П. Л. Карасевича* 65

Политика. Политика какъ наука. Блунчли. *Гр. Л. А. Комаровскаго.* 69

Международное право. Руководство къ международному праву. Функъ-Брентано и Сореля. *Ф. Ф. Мартенса* 79

Политика и обычаи войны. Рюстова. *Его-же* 83

Право добычи на войнѣ и морское право добычи въ особенности. Блунчли. *Его-же* 88

Комплектованіе военнаго и коммерческаго флота; права воюющихъ и нейтральныхъ въ случаѣ войны. Линдсея. *Его-же* . . 90

Исторія международнаго права въ XIX вѣкѣ. Пьерантони. *Его-же* 92

Право войны, основанное на нравственности. Никазіо Ди Ланда. *Его-же*. 93

Дипломатическій ежегодникъ Россійской Имперіи за 1877 г. *Его-же* 94

Конспектъ дѣйствующаго европейскаго международнаго права. Неймана. *О. О. Эйхельмана*. 95

Новое собраніе трактатовъ и дипломатическихъ актовъ, продолженіе собранія. Мартенса. *Его-же* 102

Управленіе Эльзаса. Соч. Леннинга. *Его-же* 105

Стр.

Государственное и народное хозяйство. Общинное землевладѣніе. Собственность и ея первобытныя формы. Лавеле. — Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Соколовскаго. *К. К. Гаттенбергера* 110

Деньги и денежное обращеніе. Іеванса. *Его-же*. 116

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за первую половину 1877 г.).

Война и ея послѣдствія въ государствѣ и обществѣ. — Международное право. — Войско и военная организація. — Государственные финансы; финансовое положеніе до войны и чрезвычайные финансовые ресурсы для покрытія военныхъ расходовъ; бумажныя деньги; текущее финансовое законодательство; таможенный тарифъ. — Государственное хозяйство; всемірная выставка въ Парижѣ; пути и способы сообщеній; коммиссія для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла; передача шоссейныхъ дорогъ въ распоряженіе земствъ; разныя другія мѣры по государственному хозяйству. — Полиція. — Судебная часть; тюремная коммиссія. — Народное образованіе; вновь открытыя и преобразованныя учебныя заведенія. — Ученая часть. Мѣстное управленіе. — Гражданское право 3

НѢМЕЦКІЕ СОЦІАЛИСТЫ. [1]

Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

I. ЛАССАЛЬ.

Идеализмъ, доведенный до крайности въ своемъ исключительномъ развитіи, переходитъ въ утопію. Подъ именемъ утопіи мы разумѣемъ чистый идеалъ, въ которомъ все частное, раздѣльное, составляющее содержаніе дѣйствительности, оставляется безъ вниманія, или отрицается во имя высшаго единства. Здѣсь идеализмъ перестаетъ быть соглашеніемъ противоположностей; онъ становится чистымъ согласіемъ, отрицающимъ противоположности. Самостоятельность раздѣльнаго бытія исчезаетъ въ цѣломъ; лице погружается въ общую субстанцію и дѣлается страдательнымъ ея органомъ.

Такое направленіе, въ большей или меньшей степени, можетъ быть результатомъ всякаго систематическаго движенія мысли. Всякая философія имѣетъ въ виду умозрительное объединеніе всего, что человѣкъ знаетъ и дѣлаетъ. Поэтому, у всѣхъ систематиковъ, особенно при недостаточномъ знаніи предмета, легко можетъ явиться поползновеніе перепрыгнуть черезъ частности и прямо перейти къ абсолютному единству. Утописты, какъ мы могли убѣдиться, встрѣчаются среди мыслителей всѣхъ школъ.

---

[1]) Предлагаемая статья составляетъ отрывокъ изъ неизданной еще 5-й части *Исторіи Политическихъ Ученій* автора. *Ред.*

Но можно сказать, что всѣ другія школы на столько склоняются къ утопіи, на сколько онѣ приближаются къ идеализму. Въ послѣднемъ же, утопія является неизбѣжною крайностью, вытекающею изъ самаго его существа. Изображеніе чистаго идеала составляетъ одно изъ необходимыхъ требованій идеализма. Поэтому, какъ скоро человѣческая мысль становится на эту точку зрѣнія, такъ, вслѣдъ за идеализмомъ, является и утопія. Мы видимъ этотъ законъ и въ древности, и въ средніе вѣка и въ новое время. Величайшій идеалистъ древняго міра, Платонъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ утопистомъ. Но въ новое время это явленіе принимаетъ болѣе обширные размѣры, нежели когда бы то ни было. Утопія перестаетъ быть одинокою думою человѣколюбиваго мечтателя. Также какъ теоріи свободы и равенства, она соединяется съ запальчивою критикою существующаго порядка; она становится двигателемъ народныхъ страстей и источникомъ общественной опасности. Причина такого небывалаго общественнаго значенія, далеко не оправдывающагося содержаніемъ этихъ системъ, заключается въ томъ, что только въ новое время низшіе слои народа, къ которымъ преимущественно обращаются утописты, достигли той степени развитія, когда эти ученія могутъ быть имъ доступны, при чемъ однако они не обладаютъ достаточною зрѣлостью мысли, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности.

Отечество утопій новаго времени — Франція. Тамъ эти теоріи, извѣстныя подъ именемъ соціализма, развились съ необычайнымъ блескомъ и въ удивительной полнотѣ. Мы разберемъ ихъ ниже. Въ Германіи же, утопическія ученія пріобрѣли значеніе только въ весьма недавнее время, именно, когда они стали падать во Франціи. Нѣмецкій соціализмъ примыкаетъ къ школѣ Гегеля, составляя нѣкоторымъ образомъ крайнее ея развитіе. Онъ далеко не имѣетъ той производительной силы, какъ французскій соціализмъ, но зато онъ обставленъ гораздо бо̀льшимъ аппаратомъ учености и обладаетъ всѣми средствами современной науки. Связь его съ философіею раскрываетъ намъ и тѣ умственныя нити, которыя приводятъ мысль къ этой точкѣ зрѣнія. Здѣсь, поэтому, мы можемъ изучить это направленіе съ такой стороны, которая въ французскихъ писателяхъ остается для насъ болѣе или менѣе скрытою. Мы можемъ прослѣдить утопическія теоріи до самыхъ глубокихъ ихъ корней.

Зачинателемъ соціалистическаго движенія въ Германіи былъ

Фердинандъ Лассаль, лице въ высшей степени любопытное. По обширности свѣдѣній, по тонкости ума, по силѣ таланта, по глубинѣ философскаго пониманія, онъ могъ стать на ряду съ замѣчательнѣйшими учеными нашего времени. Ему недоставало одного: безпристрастнаго отношенія къ наукѣ. Рьяный политическій фанатизмъ, который даже въ чисто ученой области проявляется нерѣдко въ софистическихъ пріемахъ и въ злобныхъ выходкахъ, побуждалъ его постоянно гнуть свои выводы въ извѣстномъ направленіи, не только въ силу односторонняго развитія мысли, но далеко за предѣлы того, чего требовала мысль. Отсюда безпримѣрное, можетъ быть, сочетаніе глубины и легкомыслія, основательныхъ изслѣдованій и поверхностныхъ выводовъ, чисто ученой работы и ярой агитаторской дѣятельности. Отсюда нескладность въ самомъ составѣ его произведеній: чрезмѣрное расширеніе нѣкоторыхъ частей и рядомъ съ этимъ чрезмѣрное сокращеніе другихъ, столь же существенныхъ, единственно съ цѣлью сдѣлать поспѣшный выводъ. Прибавимъ, что Лассаль былъ Еврей. Въ нѣмецкомъ ученомъ едва ли бы могло встрѣтиться такое соединеніе противорѣчащихъ свойствъ.

Первое сочиненіе, съ которымъ выступилъ Лассаль, было обширное изслѣдованіе о Гераклитѣ Темномъ, Ефесскомъ, одномъ изъ величайшихъ философовъ древняго міра, еще въ то время славившемся своею непонятностью. Здѣсь Лассаль показалъ себя замѣчательнымъ филологомъ и глубокимъ знатокомъ философіи. Затѣмъ, въ 1861 году, онъ издалъ другое сочиненіе по совершенно другому предмету, именно: *Систему пріобрѣтенныхъ правъ* (Das System der erworbenen Rechte). Тутъ онъ явился тонкимъ юристомъ, обладающимъ громадными свѣдѣніями, въ особенности же знатокомъ римскаго права, которое онъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ освѣтилъ новыми и блестящими мыслями. Но въ этомъ сочиненіи высказываются вмѣстѣ съ тѣмъ и коренные недостатки автора. Оно не имѣло уже въ виду изслѣдованіе чисто теоретическихъ вопросовъ, какъ первое; несмотря на спеціальное, повидимому, содержаніе, цѣль была практическая. Какъ авторъ самъ объясняетъ въ своемъ предисловіи, эта книга заключаетъ въ себѣ безконечно болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Задача, которую онъ себѣ положилъ, была ни болѣе ни менѣе, какъ ученo-юридическая разработка той политическо-соціальной мысли, которая лежитъ въ основаніи всей современной жизни. Понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ, говоритъ

Лассаль, снова подвергается спору, и этотъ споръ составляетъ животрепещущій вопросъ настоящаго времени. Не смотря на свое, повидимому, чисто юридическое значеніе, этотъ вопросъ въ сущности, гораздо болѣе политическій, нежели все политическое, ибо это вопросъ соціальный [1]).

Лассаль указываетъ на то, что въ реакціонныя эпохи понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ получаетъ безмѣрное расширеніе, ибо здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сохранить и упрочить права прошедшаго. Напротивъ, въ революціонныя времена, это понятіе значительно стѣсняется, съ цѣлью по возможности ускорить примѣненіе новыхъ началъ. Въ современныхъ намъ общественныхъ движеніяхъ авторъ видитъ поворотъ всемірной исторіи, начало новой эры, совершенно отличной отъ прежней, а потому онъ полагаетъ себѣ задачею, путемъ научнаго труда, облегчить переходъ отъ стараго порядка къ новому [2]).

Метода, которой Лассаль слѣдуетъ въ своихъ розысканіяхъ, состоитъ въ развитіи спекулятивной, то есть, чисто философской идеи во всѣхъ ея послѣдствіяхъ. Онъ противополагаетъ идею частнымъ соображеніямъ юридическаго ума, который, не смотря на всю свою тонкость, не въ состояніи свести явленія къ единому началу [3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требуетъ, чтобы мысль не оставалась при однихъ отвлеченностяхъ. Чтобы доказать состоятельность спекулятивной идеи, надобно провести ее по всѣмъ явленіямъ, а для этого необходимо осилить весь фактическій матеріалъ. Лассаль возстаетъ въ этомъ отношеніи противъ учениковъ Гегеля, которые, вмѣсто того чтобы развить въ подробностяхъ начертанную учителемъ систему, ограничиваются повтореніемъ отвлеченныхъ категорій, не вступая на почву дѣйствительности [4]). Самую же философію Гегеля Лассаль называетъ „квинтессенціею всякой научности" [5]). Его основныя начала и его метода, говоритъ онъ, должны остаться вѣчнымъ достояніемъ науки [6]). Однако онъ и систему Гегеля считаетъ необходимымъ подвергнуть полному переустройству. По его мнѣнію, въ философіи духа Гегель отступилъ отъ собственныхъ своихъ началъ.

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, Vorr. стр. VII, X.
[2]) Тамъ же, Einl. стр. 35, 49.
[3]) Тамъ же, die Theorie, стр. 53, 362—3, и др.
[4]) Тамъ же, стр. XI—XIII.
[5]) Тамъ же, стр. XIII.
[6]) Тамъ же, стр. XVII.

Надобно возстановить правильное развитіе идеи и доказать фактически, что въ коренныхъ своихъ положеніяхъ Гегель былъ гораздо болѣе правъ, нежели онъ самъ предполагалъ. Однимъ словомъ, новая философія духа должна быть такимъ отрицаніемъ системы Гегеля, которое бы само вытекало изъ этой системы, и являлось бы единственнымъ послѣдовательнымъ ея построеніемъ [1]). Лассаль самъ думалъ написать эту философію духа, но практическая дѣятельность и ранняя смерть не допустили осуществленія этого плана.

Въ чемъ же, по мнѣнію Лассаля, заключается ошибка Гегеля? Въ томъ, что онъ выдаетъ за логическія, то есть, вѣчныя и необходимыя истины, то, что составляетъ только преходящее проявленіе историческаго духа. Такъ, въ философіи права, Гегель логически выводитъ категоріи собственности, договора, семейства, гражданскаго общества, государства, между тѣмъ какъ всѣ эти категоріи въ историческомъ своемъ развитіи измѣняются, и тѣ начала, которыя признаются въ настоящее время, отнюдь не могутъ считаться необходимыми требованіями духа, а составляютъ только моменты историческаго движенія человѣчества [2]).

Этотъ упрекъ совершенно противоположенъ тѣмъ возраженіямъ, которыя мы сами сдѣлали противъ системы Гегеля [3]). Недостатокъ исключительнаго идеализма, который все сводитъ къ началу конечной цѣли, состоитъ именно въ наклонности понимать самостоятельные элементы жизни, какъ преходящіе моменты развитія, вслѣдствіе чего частное окончательно грозитъ исчезнуть въ общемъ. Лассаль же, напротивъ, упрекаетъ Гегеля въ томъ, что онъ эту односторонность не довелъ до крайности и развивающимся въ исторіи элементамъ приписалъ существенное значеніе, вмѣсто того, чтобы *снять* ихъ путемъ діалектическаго отрицанія. Неосновательность этого упрека, съ точки зрѣнія гегелевой системы, очевидна. По началамъ Гегеля, историческое развитіе и логическое—одно и тоже. Послѣднее есть процессъ чистой мысли, первое — тотъ же процессъ, перенесенный въ жизнь. Логическія категоріи составляютъ необходимое содержаніе понятія, и это именно содержаніе развивается въ исторіи. На этомъ основаніи, Гегель понимаетъ исторію, какъ положи-

---

1) Syst. d. erw. R. I, Vorr. стр. XVI; также стр. 70, прим.
2) Тамъ же, стр. XVII—XIX.
3) См. Исторію Политическихъ Ученій, часть 4-я.

тельное изложеніе внутренняго существа человѣческаго духа; во всякой ея ступени онъ видитъ проявленіе извѣстной положительной стороны этого духа, стороны, которая, будучи выработана движеніемъ жизни, сохраняется, а не переходитъ въ совершенно другое, какъ утверждаетъ Лассаль [1]).

Источникъ этого невѣрнаго взгляда на систему Гегеля заключается въ ложномъ пониманіи того закона, который лежитъ въ основаніи какъ исторіи, такъ и логики, именно, закона діалектическаго развитія. Діалектика содержитъ въ себѣ два элемента: положительный и отрицательный. Путемъ отрицанія одно опредѣленіе переводится въ другое, но черезъ это первое не исчезаетъ, а сохраняется, какъ часть высшаго цѣлаго. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, оно снова выдѣляется изъ цѣлаго какъ самостоятельное начало, но уже съ болѣе полнымъ содержаніемъ, и этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута, съ одной стороны, полнота развитія частныхъ элементовъ, съ другой стороны, гармоническое ихъ сочетаніе въ цѣломъ. Такимъ образомъ, рядъ діалектическихъ опредѣленій составляетъ развитіе положительнаго содержанія понятія; отрицательный же процессъ обозначаетъ только ихъ взаимную связь: каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, оказывается недостаточнымъ и требуетъ восполненія другими. По понятіямъ Лассаля, напротивъ, существенною оказывается именно отрицательная сторона діалектики, а потому всѣ опредѣленія понимаются только какъ преходящіе историческіе моменты. Ниже мы подробнѣе разберемъ этотъ взглядъ, но здѣсь уже ясно, что идеализмъ въ этомъ воззрѣніи достигаетъ крайнихъ предѣловъ односторонняго развитія. Мы не можемъ назвать это послѣдовательностью, ибо послѣдовательность не состоитъ въ развитіи одной стороны въ ущербъ другой, отрицательной въ ущербъ положительной. Истинное значеніе всякой науки и всякаго пониманія заключается именно въ постиженіи положительной стороны вещей. Діалектика важна, не какъ отрицательный процессъ, а какъ изложеніе внутренняго существа предмета посредствомъ повторяющейся смѣны положительныхъ и отрицательныхъ опредѣленій.

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, стр. 72: «.... woraus sich dann auch die angeblichen blossen Verschiedenheiten der Ausführung, welche das historische Recht demselben naturrechtlichen Gedanken, derselben Kategorie zu geben scheint, vielmehr als das Dasein *schlechthin verschiedener* und entgegengesetzter Begriffe des historischen Geistes ergeben».

Результатомъ этого ложнаго взгляда является полное поглощеніе частнаго общимъ. Лассаль прямо это признаетъ. Стремленія настоящаго времени, говоритъ онъ, идутъ не противъ индивидуализма, ибо единичное, какъ единичное, то есть, то, что принадлежитъ всѣмъ *безъ различія*, совпадаетъ съ общимъ; они идутъ только противъ завѣщаннаго средними вѣками узла *особенности* [1]). Категоріи *особеннаго* онъ объявляетъ войну. Но спрашивается: что же такое личность, если отнять у нея ея особенность? По теоріи Гегеля, на котораго ссылается Лассаль, единичное представляетъ сочетаніе общаго съ особеннымъ. Безъ послѣдняго элемента, оно дѣйствительно совпадаетъ съ общимъ: лице становится безразличнымъ проявленіемъ общей субстанціи; но это—извращеніе истиннаго его характера. Существенный смыслъ всякаго развитія заключается именно въ выдѣленіи особенностей изъ общей основы, и если расходящіяся особенности должны снова быть приведены къ высшему единству, то все же онѣ всегда сохраняютъ относительную самостоятельность. Въ этомъ состоитъ полнота жизни. Отрицаніе же особенностей во имя общаго элемента можетъ быть только плодомъ самаго крайняго отвлеченія. Это хуже, чѣмъ возвращеніе къ первоначальной точкѣ отправленія, ибо въ самой скудной жизни проявляются уже различія. Въ дѣйствительности, общее безъ особеннаго немыслимо. Сочетать общее съ единичнымъ, перепрыгнувъ черезъ категорію особеннаго, или выдавши послѣднюю за преходящій моментъ, это—такой діалектическій скачекъ, на который способенъ только мыслитель, ослѣпленный страстью.

Въ этихъ положеніяхъ Лассаля мы видимъ глубочайшія основы его воззрѣній и связь ихъ со всѣмъ предъидущимъ развитіемъ философіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы вездѣ найдемъ приложеніе этихъ началъ. Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, они несомнѣнно ведутъ къ отрицанію свободы, ибо, какъ скоро допускается свобода, такъ является и неразлучная съ нею особенность. Но тутъ-то и оказывается внутреннее противорѣчіе системы. Лассаль вовсе не думалъ отвергать свободу, ибо съ нею вмѣстѣ онъ долженъ бы былъ отвергнуть единичное начало, котораго она служитъ выраженіемъ, и которое онъ отстаивалъ противъ частнаго. Его задача состояла именно въ томъ, чтобы со-

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, стр. 263, прим.

четать свободу съ требованіями общей жизни, отвести первой извѣстное мѣсто, но такъ, чтобы она была совершенно безсильна противъ цѣлаго. Къ этому и клонится теорія пріобрѣтенныхъ правъ. Отсюда то значеніе, которое получаетъ этотъ, съ перваго взгляда, чисто юридическій вопросъ.

Пріобрѣтенное право составляетъ область частной свободы. Это—право, присвоенное лицу, какъ его достояніе. Въ правовѣдѣніи признается общимъ правиломъ, что пріобрѣтенныя права должны оставаться неприкосновенными. Съ этимъ въ связи находится и другое коренное правило, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Законодатели, политики и юристы единогласно держатся этихъ началъ. Между тѣмъ, въ приложеніи ихъ являются затрудненія. Гдѣ граница пріобрѣтенныхъ правъ? И что̀ именно для новаго закона должно оставаться неприкосновеннымъ? По общему правилу, новый законъ не распространяется на прошедшія дѣйствія, но въ какой мѣрѣ можетъ онъ измѣнять юридическія послѣдствія этихъ дѣйствій, которыя продолжаютъ существовать въ видѣ пріобрѣтенныхъ правъ? Вопросъ въ высшей степени важный, но затруднительный для разрѣшенія. Лассаль подвергаетъ его обстоятельному и тонкому разбору.

Онъ отправляется отъ самаго понятія о томъ, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Основаніе этого правила заключается въ томъ, что обратное дѣйствіе закона составляетъ нарушеніе свободы и вмѣняемости человѣка. Еслибы поступокъ, законный во время совершенія, былъ въ послѣдствіи объявленъ незаконнымъ, это было бы искаженіемъ человѣческой воли. Человѣкъ хотѣлъ одного, а ему, помимо его, подставляется другое; онъ хотѣлъ извѣстныхъ послѣдствій, которыя общая воля признавала законными, а общая воля, вмѣсто того, навязываетъ ему совершенно другія, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду. Между тѣмъ, воля человѣка составляетъ источникъ самаго права. Нарушеніе воли есть, поэтому, нарушеніе права. Такимъ образомъ, тутъ оказывается внутреннее противорѣчіе въ самомъ законѣ. Какъ выраженіе общаго сознанія, законъ долженъ бы былъ освѣщать одинакимъ свѣтомъ и настоящее и прошедшее: съ этой точки зрѣнія, новый законъ, какъ проявленіе высшаго сознанія, долженъ имѣть обратное дѣйствіе. Но тутъ онъ встрѣчается съ субъектомъ, какъ самостоятельнымъ началомъ и единственнымъ источникомъ своей воли и своихъ поступковъ. Это начало должно

оставаться для него неприкосновеннымъ, ибо онъ не можетъ обращать въ страдательную, извнѣ опредѣляемую вещь свободу духа, которой онъ самъ составляетъ высшее проявленіе [1]).

Изъ этихъ началъ Лассаль выводитъ и понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ. Если неприкосновенною должна оставаться свобода, то пріобрѣтеннымъ должно считаться единственно то право, которое пріобрѣтается человѣкомъ путемъ свободы, то есть, посредствомъ собственнаго дѣйствія. Всякое другое право, которое присвоивается лицу силою закона или дѣйствіями посторонних людей, поэтому самому, не можетъ считаться пріобрѣтеннымъ, слѣдовательно неприкосновеннымъ. Собственно говоря, замѣчаетъ Лассаль, законъ никогда обратнаго дѣйствія не имѣетъ, ибо онъ касается только существующихъ въ данное время отношеній, а не прошедшихъ; но всякій разъ, какъ онъ встрѣчается съ свободою лица, онъ останавливается; тамъ же, гдѣ нѣтъ этого препятствія, онъ начинаетъ дѣйствовать тотчасъ послѣ изданія, не считая пріобрѣтенныхъ прежнимъ способомъ правъ ненарушимыми. На этомъ основаніи, права, проистекающія изъ внѣшнихъ для воли событій, подлежатъ немедленной отмѣнѣ [2]).

Лассаль старается провести это понятіе по всѣмъ юридическимъ сферамъ, сознавая, что только полное объясненіе явленій служитъ настоящимъ оправданіемъ теоріи. Онъ доказываетъ, что даже тамъ, гдѣ это понятіе, повидимому, не прилагается, оно скрытнымъ образомъ лежитъ въ основаніи юридическихъ опредѣленій. Такъ, въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ, можетъ казаться, что права пріобрѣтаются въ силу закона или путемъ рожденія; но въ дѣйствительности всегда предполагается собственная воля пріобрѣтателя: законъ считаетъ эти права пріобрѣтенными, потому что онъ признаетъ единство воли между членами семьи. Въ силу этого начала, воля и дѣйствія родителей считаются волею и дѣйствіями самихъ дѣтей [3]). Точно также, въ другой области, право на уничтоженіе обязательствъ, сопряженныхъ съ насиліемъ, обманомъ или заблужденіемъ, считается пріобрѣтеннымъ, хотя казалось бы, что эти обстоятельства, будучи независимы отъ свободы, не могутъ быть источникомъ пріобрѣтеннаго права. Но здѣсь основаніемъ права является именно несоотвѣтствіе внѣшняго

---

1) Syst. d. erw. R. I, § 1, стр. 55—59.
2) Тамъ же, стр. 60—62.
3) Тамъ же, I, § 2, A.

дѣйствія съ внутреннею волею. Во имя внутренней воли, нарушенной насиліемъ, обманомъ или заблужденіемъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ право на уничтоженіе внѣшняго дѣйствія [1]). Далѣе, въ такъ называемыхъ подобіяхъ договоровъ (quasi-contractus), когда, напримѣръ, одно лицо ведетъ дѣла другаго безъ согласія послѣдняго, для обоихъ возникаютъ извѣстныя права и обязанности; но и здѣсь основаніемъ юридическаго отношенія служитъ предполагаемая закономъ нормальная воля лица: всякій здравомыслящій человѣкъ, въ случаѣ несчастія, постигающаго его имущество, желаетъ, чтобы кто нибудь распорядился, если онъ самъ не можетъ этого сдѣлать [2]). Къ понятію о скрытномъ договорѣ можетъ быть подведено и истеченіе исковой давности: кто не ищетъ въ законный срокъ, тотъ добровольно отказывается отъ юридической защиты своего права, а кто въ законный срокъ не исполняетъ своего обязательства, тотъ добровольно принимаетъ этотъ подарокъ [3]). Такимъ образомъ, принятое начало оправдывается даже въ тѣхъ случаяхъ, которыя, повидимому, всего болѣе отъ него удаляются. Оно потому именно и можетъ быть признано началомъ, что оно объясняетъ всѣ случаи и распространяется на всѣ области. Оно точно также имѣетъ силу въ государственномъ правѣ, какъ и въ частномъ. И здѣсь, то, что вытекаетъ изъ собственнаго дѣйствія лица, должно оставаться неприкосновеннымъ. Поэтому, преступленія должны судиться по тому закону, который дѣйствовалъ во время ихъ совершенія. Но права, присвоенныя лицу самимъ закономъ, напримѣръ, выборное право, не считаются пріобрѣтенными и могутъ быть тотчасъ отмѣнены [4]).

Таково опредѣленіе пріобрѣтенныхъ правъ, сдѣланное Лассалемъ. Мысль эта не новая. Шталь, противъ котораго Лассаль сильно полемизируетъ, выводитъ пріобрѣтенное право изъ того же самаго начала ненарушимости человѣческой свободы; но онъ даетъ ему болѣе обширное значеніе, ибо онъ считаетъ пріобрѣтенными всѣ права, присвоенныя лицу, не только собственными дѣйствіями, но и внѣшними событіями [5]). Лассаль видитъ въ

---

1) Syst. d. erw. R. 1, § 2, B.
2) Тамъ же, § 2, C.
3) Тамъ же, § 2, E.
4) Тамъ же, I, § 1, стр. 79—84; § 7, стр. 214—215.
5) Тамъ же, § 7, стр. 199 и слѣд. Ср. Stahl: Phil. d. Rechts, 2 Band, §§ 15—18, стр. 336—343.

этомъ искаженіе основной мысли, ибо здѣсь вводится совершенно чуждое ей начало. Но такое расширеніе понятія, признанное всѣми юристами, оправдывается истиннымъ значеніемъ свободы. Откуда бы ни истекало право, изъ собственнаго ли дѣйствія лица или изъ посторонняго событія, *присвоеніе* означаетъ связь его съ личною свободою человѣка. Становясь *своимъ*, оно входитъ въ область личной свободы и дѣлается законнымъ ея выраженіемъ. Поэтому, начало неприкосновенности личной свободы несомнѣнно должно распространяться на всѣ подобныя права. Самъ Лассаль видитъ недостаточность выставленной имъ формулы, но онъ объясняетъ это тѣмъ, что всѣ формулы недостаточны для выраженія богатства конкретныхъ явленій. Единственная формула, говоритъ онъ, которая соотвѣтствуетъ истинѣ, есть та, которая совпадаетъ съ самимъ понятіемъ: личная свобода воли не должна быть нарушена [1]). Но именно эта формула заключаетъ въ себѣ всѣ права, составляющія область свободы лица, какимъ бы путемъ они ни были пріобрѣтены.

Собственныя изслѣдованія Лассаля подтверждаютъ этотъ взглядъ. Тѣ объясненія, посредствомъ которыхъ онъ старается подвести подъ свое начало неподходящія подъ него явленія представляютъ очевидныя натяжки. Если въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ предполагается единство воль, то это предположеніе, на которомъ зиждется весь выводъ, установляется закономъ, а не волею лицъ. Можно еще признать, вмѣстѣ съ Лассалемъ, что рожденіе ребенка есть актъ свободной воли родителей [2]), но никакъ нельзя выдавать это за актъ свободной воли самого ребенка. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о предполагаемой въ quasi-contractus нормальной волѣ, которая во всякомъ случаѣ, по этой теоріи, должна бы была уступить волѣ явно выраженной. Далѣе, когда, съ истеченіемъ исковой давности, должникъ пріобрѣтаетъ извѣстное право, пользуясь промахомъ заимодавца или даже случайными обстоятельствами, помѣшавшими послѣднему во время предъявить свой искъ, то въ этомъ никакъ нельзя видѣть тайнаго договора. Относительно насилія, обмана и заблужденія, изъ которыхъ вытекаютъ права потерпѣвшаго, не можетъ быть сомнѣнія, что все это чуждыя ему обстоятельства, и если требованіе основывается на внутренней

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 6, стр. 189 прим.
[2]) Тамъ же, I, § 2, стр. 87, прим.

свободѣ лица, то отнюдь не на положительныхъ ея проявленіяхъ, а единственно на томъ, что въ означенномъ дѣйствіи ея не было, какъ признаетъ и самъ Лассаль [1]). Но отсутствіемъ воли никто, по теоріи Лассаля, правъ не пріобрѣтаетъ; они даются только положительнымъ дѣйствіемъ [2]). Тоже отрицательное начало лежитъ и въ основаніи обязательствъ, вытекающихъ изъ преступленія, о которыхъ Лассаль умалчиваетъ въ теоріи, но которыхъ онъ касается въ приложеніяхъ. Согласно съ установленнымъ имъ опредѣленіемъ, онъ прямо производитъ ихъ изъ закона, ибо претерпѣнное поврежденіе, какъ онъ самъ говоритъ, ничто иное какъ невольное страданіе, слѣдовательно, не можетъ быть источникомъ пріобрѣтенныхъ правъ. Поэтому, въ противность мнѣнію всѣхъ юристовъ, онъ требуетъ немедленнаго приложенія къ нимъ новыхъ законовъ [3]). Такимъ образомъ, вознагражденіе убытковъ исключается изъ области пріобрѣтенныхъ правъ. Между тѣмъ, оно очевидно не составляетъ произвольнаго постановленія закона. Если принадлежащая мнѣ вещь похищена или уничтожена, я тѣмъ самымъ пріобрѣтаю право на вознагражденіе. Это составляетъ необходимое послѣдствіе моего права собственности. На этомъ основаніи, Гроцій справедливо причислялъ вознагражденіе убытковъ къ первоначальнымъ требованіямъ естественнаго права. Здѣсь опредѣленіе Лассаля очевидно оказывается слишкомъ тѣснымъ. Наконецъ, Лассаль признаетъ, что всякое право, хотя бы оно первоначально истекало изъ закона, можетъ быть въ послѣдствіи усвоено лицемъ какимъ бы то ни было добровольнымъ дѣйствіемъ, напримѣръ, подачею прошенія или даже просто пользованіемъ [4]). Но если такъ, то почти всѣ права должны быть признаны пріобрѣтенными. Всякое присвоеніе предполагаетъ въ пріобрѣтающемъ по крайней мѣрѣ молчаливое согласіе, а какъ скоро онъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, воспользовался своимъ правомъ, оно тѣмъ самымъ становится ненарушимымъ. Распространяя это начало на государственную область, какъ дѣлаетъ Лассаль, мы должны будемъ сказать, что выборное право, которымъ разъ воспользовался избиратель, не можетъ уже быть у него отнято, а если для пользованія нужна запись, то достаточно записаться. Это послѣднее различіе прилагается самимъ

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 2, B. стр. 110.
[2]) Тамъ же, § 2, E. стр. 142.
[3]) Syst. d. erw. R. I, Anwend. III, стр. 428; также § 7, стр. 201.
[4]) Тамъ же, §§ 3, 4.

Лассалемъ къ опредѣленію дѣйствія новаго закона въ отношеніи къ совершеннолѣтію. Если напримѣръ, вмѣсто 21 года, законъ установляетъ совершеннолѣтіе въ 25 лѣтъ, то, по мнѣнію Лассаля, всѣ лица отъ 21 года до 25 лѣтъ должны немедленно изъ совершеннолѣтнихъ снова сдѣлаться несовершеннолѣтними, хотя уже совершенныя ими дѣйствія продолжаютъ считаться законными; но если, по прежнему закону, для опредѣленія совершеннолѣтія требовалось какое либо дѣйствіе со стороны лица, хотя бы объявленіе, то право должно считаться пріобрѣтеннымъ и не можетъ уже быть нарушено [1]). Достаточно указать на эту проистекающую изъ теоріи Лассаля нелѣпость, чтобы обличить несостоятельность его основной мысли.

Изъ всего этого ясно, что сдѣланное Лассалемъ опредѣленіе слишкомъ тѣсно. Съ другой стороны, онъ, вмѣстѣ съ Шталемъ, даетъ пріобрѣтенному праву слишкомъ обширное значеніе, распространяя его и на область государственныхъ отношеній. Шталь идетъ здѣсь еще далѣе Лассаля, ибо онъ къ пріобрѣтеннымъ правамъ причисляетъ и права, присвоенныя лицу закономъ. Но и теорія Лассаля не менѣе ошибочна. Принявши ее, мы логически должны признать всѣ политическія права пріобрѣтенными, какъ скоро для нихъ требуется какое либо дѣйствіе со стороны гражданина. Между тѣмъ, въ различіи политическихъ правъ и частныхъ, ближайшимъ образомъ раскрывается существо пріобрѣтеннаго права. Законъ политическій, также какъ и гражданскій, получаетъ силу только со времени обнародованія, слѣдовательно не распространяется на прошедшія дѣйствія; но возникающія изъ дѣйствій политическія права никогда не могутъ считаться пріобрѣтенными. Въ государствѣ лице является не самостоятельною особью, а членомъ высшаго цѣлаго. Поэтому и права присвоиваются ему не въ видѣ собственности, а какъ органу цѣлаго. Политическимъ правомъ нельзя распоряжаться по произволу; его нельзя подарить или продать: продажа голоса считается преступленіемъ. Поэтому, оно всегда можетъ быть отмѣнено по требованію общаго блага, и никто не въ правѣ на это жаловаться, ибо это не частное дѣло, а общественное. Но если изъ пользованія политическими правами или изъ исполненія общественныхъ обязанностей возникаютъ частныя имущественныя отношенія, то такого рода права должны считаться пріобрѣтенными. Сюда при-

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 1, стр. 73—74.

надлежитъ, напримѣръ, право на пенсіи. Законъ, понижающій ихъ размѣръ, не можетъ распространяться на пенсіи уже заслуженныя; это было бы нарушеніемъ пріобрѣтеннаго права.

Отсюда ясенъ глубочайшій смыслъ понятія о пріобрѣтенномъ правѣ. Оно ограждаетъ свободу лица въ частной сферѣ, объявляя ее неприкосновенною для государства. Поэтому, оно составляетъ драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка; имъ утверждается значеніе лица, какъ самобытной единицы, требующей себѣ безусловнаго уваженія въ присвоенной ему области свободы. Отсюда ясна и та опасность, которая проистекаетъ изъ смѣшенія въ этомъ отношеніи государственнаго права съ частнымъ. Если, съ одной стороны, такое смѣшеніе ведетъ къ превращенію политическихъ правъ въ частную собственность облеченныхъ ими лицъ, къ чему именно склоняется Шталь, то съ другой стороны, оно точно также можетъ повлечь за собою вторженіе государственныхъ началъ въ область частной свободы, а это и составляетъ окончательный выводъ Лассаля. Объявивши пріобрѣтенное право неприкосновеннымъ, какъ выраженіе личной свободы, онъ самое существованіе правъ, къ какой бы области они ни относились, считаетъ проявленіемъ государственнаго начала, которому всѣ пріобрѣтенныя права должны безусловно подчиняться. Пока государство признаетъ извѣстнаго рода права, оно обязано уважать тѣ изъ нихъ, которыя пріобрѣтены законнымъ путемъ, хотя бы способъ и условія пріобрѣтенія подверглись измѣненію; но оно можетъ совершенно отмѣнить этотъ видъ правъ, и тогда пріобрѣтенныя права тѣмъ самымъ перестаютъ существовать [1]. Такимъ образомъ, утвердивши, повидимому, на прочныхъ основаніяхъ значеніе лица, какъ самобытнаго начала, Лассаль, въ концѣ концовъ, всецѣло предаетъ его на жертву измѣняющимся требованіямъ общаго духа.

На чемъ же основывается такой неожиданный выводъ?

Неприкосновенность пріобрѣтеннаго права, говоритъ Лассаль, всегда имѣетъ необходимую свою границу, вытекающую изъ самой природы вещей. Оно можетъ существовать, только пока права этого рода допускаются общимъ сознаніемъ. Какъ же скоро общее сознаніе требуетъ ихъ отмѣны, такъ оно должно исчезнуть, и безъ всякаго притомъ вознагражденія. Причина ясна. Общее народное сознаніе составляетъ единственный источникъ права.

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, Einl. стр. 20—21; § 7, стр. 281, прим.

Гегель доказалъ это неопровержимымъ образомъ, и замѣчательнѣйшіе юристы нашего времени, какъ Савиньи и другіе, признающіе право органическимъ выраженіемъ народной жизни, пришли къ тому же заключенію. Отдѣльное лице не можетъ имѣть притязанія на верховное владычество въ своей сферѣ; оно не можетъ быть своимъ собственнымъ законодателемъ, ибо, становясь въ противорѣчіе съ общимъ сознаніемъ, оно становится въ противорѣчіе съ самымъ существомъ права. Всѣ пріобрѣтенныя права имѣютъ силу единственно вслѣдствіе общаго признанія, и какъ скоро сознаніе народа измѣнилось, такъ они теряютъ всякую юридическую почву. Отдѣльное право непремѣнно должно слѣдовать за измѣненіемъ общей субстанціи, изъ которой оно происходитъ и которою оно держится. Поэтому, всѣ юридическія обязательства сопровождаются молчаливымъ условіемъ, что они сохраняютъ свою силу, только пока общій законъ признаетъ существованіе подобныхъ правъ [1]). О вознагражденіи же въ случаѣ отмѣны не можетъ быть рѣчи, ибо вознагражденіе ничто иное какъ признаніе существованія отмѣненнаго права, хотя и въ другой формѣ. Тутъ нечего вознаграждать, ибо право съ самаго начала пріобрѣталось подъ условіемъ, что оно будетъ существовать, только пока оно признается закономъ. Вознагражденіе есть признаніе зависимости народнаго сознанія отъ частныхъ интересовъ; это — дань, наложенная на общественный духъ за его развитіе, иными словами, превращеніе государственнаго права въ частную собственность извѣстныхъ лицъ [2]). Лассаль признаетъ это даже похищеніемъ чужой собственности! [3])

Не трудно замѣтить, что эта, можно сказать, чудовищная теорія находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи со всѣмъ предъидущимъ. Тамъ личная свобода признавалась самобытнымъ, неприкосновеннымъ началомъ; здѣсь же она безусловно подчиняется измѣнчивымъ опредѣленіямъ народнаго сознанія. Очевидно, что при такомъ взглядѣ, о пріобрѣтенномъ правѣ не можетъ быть рѣчи. Лице, довѣряя закону, положило свой трудъ и свое достояніе въ извѣстные предметы, а законъ заднимъ числомъ лишаетъ его всего этого, объявляя незаконнымъ то, что онъ прежде признавалъ законнымъ. Большаго насилія противъ человѣческой

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 7, стр. 193—198.
[2]) Тамъ же, I, § 7, стр. 224—225, 248.
[3]) Тамъ же, стр. 239.

свободы невозможно придумать; это — чистая ловушка, подставленная законодателемъ. Утверждать, какъ дѣлаетъ Лассаль, что всякое юридическое обязательство заключается съ тайнымъ условіемъ, что оно будетъ имѣть силу, только пока оно признается закономъ, значитъ на мѣсто дѣйствительнаго права ставить свои собственныя произвольныя фантазіи. На существованіе подобнаго условія не представлено, да и не можетъ быть представлено ни малѣйшаго доказательства. Теорія и практика единогласно признаютъ, напротивъ, что обѣщанная государствомъ защита составляетъ долгъ, который оно во всякомъ случаѣ обязано исполнить, также какъ послѣдующія правительства обязаны платить долги своихъ предшественниковъ, хотя бы они считали эти долги заключенными въ ущербъ интересамъ государства и самыя заключившія ихъ правительства признавали незаконными. Если общее сознаніе считаетъ необходимымъ отмѣнить извѣстныя права, составляющія частное достояніе лицъ, то оно обязано вознаградить владѣльцевъ; иначе это будетъ не право, а нарушеніе права. Законъ можетъ на будущее время объявить незаконными такія дѣйствія, которыя прежде считались законными; но онъ не можетъ, безъ внутренняго противорѣчія, объявить незаконно *пріобрѣтеннымъ* то, что было пріобрѣтено законно. Уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ, также какъ и уплата долговъ, составляетъ необходимое условіе преемственности государственной жизни. Это—уваженіе, оказанное государствомъ самому себѣ. Признавая себя единымъ лицемъ, непрерывно сохраняющимся при смѣнѣ поколѣній, оно признаетъ своими принятыя имъ на себя въ прежнее время обязательства. Когда Лассаль, извращая мысль Шталя, приписываетъ полную автономію каждому преходящему моменту, какъ будто онъ ничѣмъ не связанъ съ прошедшимъ [1]), то этимъ онъ уничтожаетъ всякую преемственность народной и государственной жизни. Вознагражденіе за отмѣну пріобрѣтенныхъ правъ дѣйствительно есть дань, налагаемая прошедшимъ на настоящее и будущее, но дань справедливая и законная. Это—плата за то, что лице въ своихъ дѣйствіяхъ подчинялось закону и слѣдовало его предписаніямъ. А безъ этого начала, всякое право и всякая гражданственность превращаются въ пустой звукъ.

И развивая эту теорію, Лассаль ссылается на Гегеля, на

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 7, стр. 205.

Савиньи! Но Гегель, также какъ историческая школа, видитъ въ правѣ прежде всего выраженіе личной свободы. Въ этомъ состоитъ право въ собственномъ смыслѣ, то, что Гегель называетъ отвлеченнымъ правомъ. Общее сознаніе признаетъ и опредѣляетъ это начало; но отрицаніе свободы въ законно принадлежащей ей области, хотя бы оно совершалось общественною волею, есть не право, а безправіе. Отдѣльное лице можетъ быть тысячу разъ правѣе, нежели законодательное собраніе въ родѣ французскаго Конвента, котораго дѣйствія Лассаль тщетно старается оправдать всякими софизмами. Держась діалектической методы Гегеля, самъ Лассаль принужденъ признать, что въ установленіи правъ является сочетаніе двухъ противоположныхъ началъ, общаго и частнаго; но единство обоихъ онъ видитъ въ томъ, что съ одной стороны, частное существуетъ не иначе какъ черезъ посредство общаго, вслѣдствіе чего оно должно исчезнуть, когда общее измѣнилось, а съ другой стороны, общее, какъ скоро оно признаетъ законность частнаго, вводитъ послѣднее въ свою собственную субстанцію [1]). Ясно, что тутъ выходитъ не сочетаніе противоположностей, а полное и одностороннее преобладаніе одного начала надъ другимъ. Сочетаніе противоположностей означаетъ взаимную ихъ зависимость; здѣсь же частное вполнѣ зависитъ отъ общаго, а не наоборотъ. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ встрѣчающагося у Лассаля злоупотребленія діалектики. Точно также онъ утверждаетъ, что такъ какъ развитіе есть изложеніе внутренней сущности духа (sein eigenes Ansich), то настоящее свое сознаніе духъ считаетъ тайно присущимъ уже и предъидущимъ своимъ дѣйствіямъ, а потому онъ съ этой точки зрѣнія обсуждаетъ и всѣ настоящія послѣдствія этихъ дѣйствій, оставляя нетронутыми только послѣдствія уже истекшія. Въ этомъ чисто спекулятивномъ понятіи Лассаль видитъ глубочайшее основаніе всѣхъ своихъ выводовъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ даже, что настоящее свое сознаніе духъ считаетъ отъ вѣка существовавшимъ, ибо оно принадлежитъ къ собственной его сущности [3]). Но очевидно, что если развитіе составляетъ изложеніе внутренней сущности духа, то и предшествующія ступени должны считаться существовавшими отъ

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 13, стр. 361—362.
[2]) Тамъ же, I, § 10, стр. 317.
[3]) Тамъ же. стр. 314, примѣч.

вѣка, а потому духъ не можетъ относиться къ нимъ чисто отрицательно, а долженъ признать ихъ законность. Полное отрицаніе прошедшаго во имя настоящаго разрываетъ связь ступеней и тѣмъ самымъ уничтожаетъ понятіе о развитіи. Къ этому и клонится теорія Лассаля. Отсюда можно видѣть, на сколько развитіе спекулятивнаго понятія, которымъ щеголяетъ Лассаль, въ его рукахъ подвинуло науку. Если при правильномъ пониманіи діалектическаго процесса, предметы озаряются новымъ свѣтомъ, то при малѣйшей неточности, они выставляются въ совершенно ложномъ видѣ. Но и тутъ неправильность обличается ближайшимъ анализомъ понятія.

Развивая эту теорію абсолютныхъ законовъ, передъ которыми всякое пріобрѣтенное право должно исчезнуть, Лассаль понималъ однако, что ее невозможно распространить на все, ибо тогда для свободы вовсе не останется уже мѣста, и понятіе о пріобрѣтенномъ правѣ должно быть вычеркнуто изъ науки и практики. Поэтому, онъ дѣлаетъ различіе между запретительными законами перваго разряда и запретительными законами втораго разряда. Одни объявляютъ извѣстныя, доселѣ существовавшія права вовсе не подлежащими обладанію (extra patrimonium), другіе воспрещаютъ только извѣстныя формы или виды этихъ правъ. Къ первымъ вполнѣ прилагается теорія абсолютныхъ законовъ, ибо право можетъ существовать, только пока оно допускается общимъ сознаніемъ. Ко вторымъ, напротивъ, прилагается теорія пріобрѣтенныхъ правъ, ибо, еслибы лице знало, что извѣстная форма права будетъ воспрещена закономъ, оно выбрало бы другую. Поэтому, рядомъ съ вышеизложеннымъ безмолвнымъ условіемъ, въ силу котораго право продолжаетъ существовать, только пока оно дозволяется закономъ, надобно, по мнѣнію Лассаля, принять еще другое безмолвное условіе, именно, что пока законъ допускаетъ существованіе извѣстныхъ правъ, пріобрѣтенное право продолжаетъ существовать въ той формѣ, какая признается закономъ. Вслѣдствіе этого, здѣсь вполнѣ приложимо вознагражденіе, то есть, превращеніе права изъ одной формы въ другую [1]).

Такимъ образомъ, первая фантазія оказалась недостаточною; надобно присоединить къ ней еще другую. Но черезъ это, противорѣчіе становится только еще болѣе явнымъ. Лицу дается право жаловаться на отмѣну установленной формы права: оно

---

[1]) Syst. d. erw. R. § 7, стр. 225—227, 230—231, 252—254, 267—270.

можетъ сказать, что еслибы это было извѣстно ему заранѣе, оно выбрало бы другую форму. Но развѣ оно не въ правѣ сказать тоже самое, въ усиленной степени, когда отмѣняется самое существо пріобрѣтеннаго имъ права? Конечно, еслибы оно знало это заранѣе, оно стало бы пріобрѣтать не это право, а другое. Оказывается, что частная отмѣна пріобрѣтеннаго права составляетъ нарушеніе свободы, а полная отмѣна не составляетъ нарушенія свободы, то есть, когда свобода человѣка нарушается отчасти, ему дозволяется вопіять о несправедливости и требовать вознагражденія, но когда она нарушается всецѣло, ему остается только безмолвно повиноваться и считать рѣшеніе справедливымъ. Достаточно выяснить эту нелѣпость, чтобы обличить всю несостоятельность этой теоріи.

Лассаль старается въ подробныхъ примѣрахъ объяснить установленное имъ различіе; но тутъ уже оказывается такая путаница понятій, изъ которой нѣтъ возможности выбраться. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ слѣдуетъ считать существомъ извѣстнаго права, и что̀ только частною его формою, видомъ, условіемъ, опредѣленіемъ или способомъ дѣйствія, выраженія, которыя Лассаль употребляетъ безразлично? [1]) Частное опредѣленіе относится къ общей сущности, какъ видъ къ роду. Но родовое понятіе само есть качественно-опредѣленное право, какъ признаетъ и Лассаль [2]); иначе оно не было бы дѣйствительнымъ правомъ. Слѣдовательно, оно само составляетъ видъ высшаго рода, а потому нѣтъ возможности опредѣлить, какую отмѣну слѣдуетъ считать частною и какую всецѣлою, или лучше сказать, можно принять то или другое по произволу. Если мы частное опредѣленіе введемъ въ самое понятіе о правѣ, оно будетъ принадлежать къ его существу, если же мы его выдѣлимъ, оно будетъ составлять только извѣстную форму. Такимъ образомъ, просто играя опредѣленіями, мы можемъ считать извѣстное право неприкосновеннымъ или подлежащимъ немедленной отмѣнѣ, признать данное вознагражденіе справедливымъ удовлетвореніемъ или преступнымъ воровствомъ. Это и дѣлаетъ Лассаль въ своихъ выводахъ.

Прежде всего, онъ въ опредѣленіе существа юридическаго отношенія вводитъ не одно содержаніе права, но и юридическое

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 7, стр. 227, 253, 268.
[2]) Тамъ же, стр. 269.

его основаніе, то есть, способъ пріобрѣтенія [1]), въ прямое противорѣчіе съ собственнымъ своимъ положеніемъ, по которому законы, не касающіеся содержанія правъ, а только тѣхъ дѣйствій, которыми права пріобрѣтаются, принадлежатъ ко второму разряду [2]). Затѣмъ оказывается, что юридическое основаваніе имѣетъ значеніе единственно для обязательствъ, ибо послѣднія опредѣляются именно способомъ пріобрѣтенія. Въ вещныхъ же правахъ, способъ пріобрѣтенія нисходитъ на степень безразличнаго средства или простой формы, вслѣдствіе чего законы, воспрещающіе извѣстные способы пріобрѣтенія, въ приложеніи къ обязательствамъ, принадлежатъ къ первому разряду, а въ приложеніи къ вещнымъ правамъ ко второму [3]). Однако и въ вещныхъ правахъ, юридическое основаніе получаетъ значеніе, если оно превращается въ опредѣленіе самаго содержанія. Напримѣръ, изъ феодальныхъ отношеній вытекали для господина извѣстныя частныя права на лице и имущество подчиненныхъ. Законъ допускалъ пользованіе этими правами и на другихъ юридическихъ основаніяхъ, а потому казалось бы, что это запрещеніе принадлежитъ ко второму разряду; но, по мнѣнію Лассаля, феодальное происхожденіе является здѣсь качественнымъ опредѣленіемъ самаго права; слѣдовательно, запретительный законъ относится къ первому разряду, и права эти должны быть отмѣнены безвозмездно [4]). Точно также отмѣна фидеикомиссовъ и субституцій объявляется закономъ перваго разряда. Хотя наслѣдованіе вообще не воспрещается, но безусловно воспрещается извѣстный его *видъ* или постановленіе извѣстныхъ *условій*, стѣсняющихъ права наслѣдниковъ [5]). На основаніи того же различія, Лассаль относитъ ко второму разряду законъ, воспрещающій доказывать денежныя обязательства свыше извѣстной суммы показаніемъ свидѣтелей; но законъ, воспрещающій свидѣтельскія показанія *вообще* въ денежныхъ обязательствахъ, принадлежитъ, по его мнѣнію, къ первому разряду, хотя свидѣтельскія показанія въ гражданскихъ дѣлахъ *вообще* допускаются. Лассаль увѣряетъ при этомъ, что заимодавецъ не можетъ жаловаться на то, что у него отнято законное право защиты, ибо онъ находится въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и тотъ, кто послѣ изданія закона не имѣетъ

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 7, стр. 226.
[2]) Тамъ же, стр. 268—269.
[3]) Тамъ же, стр. 255.
[4]) Тамъ же, стр. 255—256.
[5]) Тамъ же, стр. 218—219, 258.

возможности получить письменный документъ!! [1]). Точно также къ первому разряду Лассаль относитъ и законъ, воспрещающій показанія извѣстныхъ родственниковъ, ибо здѣсь отмѣняется *вообще* это *опредѣленное* право!! [2]).

Такимъ образомъ, отнесеніе запретительныхъ законовъ къ первому или второму разряду, то есть, существованіе или несуществованіе пріобрѣтенныхъ правъ, нарушеніе или ненарушеніе человѣческой свободы и собственности, зависитъ отъ того, куда мы поставимъ частичку *вообще*. Въ этомъ отношеніи, у Лассаля встрѣчаются весьма куріозные примѣры. Такъ, разбирая силу судебныхъ рѣшеній, онъ говоритъ, что законъ, отмѣняющій право женщинъ получать отъ соблазнителя вознагражденіе за беременность, не отмѣняетъ вошедшихъ уже въ силу рѣшеній, ибо плата денежнаго вознагражденія *вообще* не воспрещается. Но законъ, отмѣняющій обязанность отца давать пропитаніе незаконнымъ дѣтямъ, уничтожаетъ и вошедшія въ силу судебныя рѣшенія, ибо послѣднія надобно понимать не отвлеченно, какъ признанное право на денежное вознагражденіе *вообще*, а въ ихъ опредѣленной юридической натурѣ, какъ опредѣленія о *родственной обязанности давать пропитаніе* [3]).

Самыя количественныя опредѣленія превращаются Лассалемъ не только въ качественныя, но и въ родовыя. Такъ напримѣръ, законъ, воспрещающій брать проценты свыше извѣстнаго размѣра, онъ относитъ къ первому разряду, а потому приписываетъ ему немедленное дѣйствіе, даже въ приложеніи къ прежде заключеннымъ обязательствамъ [4]), хотя казалось бы, что тутъ и частички *вообще* нельзя поставить, ибо вообще процентовъ брать не запрещено, и самъ Лассаль, въ указанномъ выше примѣрѣ, относитъ ко второму разряду законъ, воспрещающій свидѣтельскія показанія въ денежныхъ обязательствахъ свыше извѣстнаго размѣра.

Окончательно, по этой теоріи, существованіе или несуществованіе пріобрѣтенныхъ правъ, справедливость или несправедливость вознагражденія, зависятъ не отъ какихъ либо юридическихъ началъ, а чисто отъ субъективнаго воззрѣнія законодателя. Если законодатель считаетъ возможнымъ существованіе извѣстнаго

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, § 7, стр. 270—271.
[2]) Тамъ же, стр. 271—272.
[3]) Тамъ же, § 8, стр. 302—303.
[4]) Тамъ же, I, § 7, стр. 283—284.

права въ какой либо формѣ, то при отмѣнѣ прежнихъ формъ сохраняются пріобрѣтенныя права или дается вознагражденіе; если же означенное право вовсе отмѣняется, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и пріобрѣтенныя права, и никто не имѣетъ права ничего требовать. Такъ, въ случаѣ возвышенія опредѣленнаго для совершеннолѣтія возраста съ 21 года на 24, недостигшіе послѣдняго возраста, но объявленные совершеннолѣтними по прежнему закону, сохраняютъ свое право, если законодатель допускаетъ еще нѣкоторые способы пріобрѣтенія совершеннолѣтія до 24 лѣтъ, напримѣръ, посредствомъ брака или объявленіемъ опекуновъ; но если законодатель не допускаетъ никакихъ другихъ способовъ, кромѣ достиженія опредѣленнаго возраста, то всѣ эти лица изъ совершеннолѣтнихъ снова становятся несовершеннолѣтними [1]). На томъ же основаніи, Лассаль считаетъ справедливымъ постановленное прусскимъ закономъ 1810 года вознагражденіе за проистекающія изъ феодальныхъ отношеній неопредѣленныя работы; ибо въ то время законодатель не считалъ еще феодальныхъ правъ подлежащими полной отмѣнѣ. Но тоже самое вознагражденіе сдѣлалось неправомѣрнымъ въ 1850 году, когда законодатель пришелъ уже къ новому сознанію, а потому Лассаль объявляетъ это постановленіе чистымъ грабежемъ, учиненнымъ высшими классами надъ низшими [2]).

Ясно, что вся эта теорія ничто иное какъ чистая софистика. Ложная въ своихъ основаніяхъ, она оказывается совершенно несостоятельною въ своихъ приложеніяхъ. Не смотря на силу и ясность своего ума, Лассаль былъ не въ состояніи выпутаться изъ той сѣти, въ которую завлекла его предвзятая мысль. Его система пріобрѣтенныхъ правъ остается памятникомъ потраченныхъ даромъ усилій и безплодной діалектики.

Вторая часть сочиненія Лассаля посвящена наслѣдственному праву, главнымъ образомъ римскому. По собственному его завѣренію [3]), онъ имѣлъ цѣлью доказать, что и наслѣдство пріобрѣтается не иначе какъ собственною волею наслѣдника, либо въ силу существующаго уже единства воль родителей и дѣтей, либо въ силу добровольнаго принятія наслѣдства. Но очевидно, что для такого доказательства недостаточно было даже самаго

---

[1]) Syst. d. erw. R. I, стр. 267, прим.
[2]) Тамъ же, I, § 7, стр. 239, прим.
[3]) Тамъ же, II, стр. 3—4.

подробнаго изслѣдованія постановленій римскаго права; надобно было провести это начало по наслѣдственному праву всѣхъ временъ и народовъ, а этого Лассаль не сдѣлалъ. Относительно самаго римскаго права, доказательство не представлено имъ вполнѣ. Начало предполагаемаго закономъ единства воль приложимо къ сыну, который является необходимымъ наслѣдникомъ отца, безъ права отказаться отъ наслѣдства, но не приложимо къ рабу, который по завѣщанію получаетъ свободу и въ тоже время дѣлается необходимымъ наслѣдникомъ. Самъ Лассаль признаетъ, что освобождаемый рабъ является наслѣдникомъ, какъ *другое* лице, а не какъ тождественное съ завѣщателемъ [1]); а такъ какъ отъ раба не требуется и принятія наслѣдства, то для него наслѣдство становится пріобрѣтеннымъ правомъ помимо его воли. Точно также легатаръ, которому отказано было извѣстное имущество по древнѣйшему способу (legatum per vindicationem), становился собственникомъ отказаннаго предмета въ силу самаго завѣщанія, безъ всякаго принятія [2]). Такимъ образомъ, основное положеніе Лассаля осталось недоказаннымъ. Но въ сущности, оно служило ему только предлогомъ для изслѣдованія. Истинная цѣль автора, которая обнаруживается въ его окончательныхъ выводахъ, заключалась въ желаніи доказать, что все наслѣдственное право имѣетъ чисто историческое значеніе и разрушается собственнымъ внутреннимъ процессомъ развитія [3]).

Съ этой точки зрѣнія, изслѣдованіе получаетъ гораздо высшій интересъ, но тутъ еще болѣе поражаетъ насъ крайняя его неполнота. Постановленный такимъ образомъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ единственно всемірною исторіею наслѣдственнаго права. Вмѣсто того, Лассаль подробно изслѣдуетъ одно римское наслѣдство, а остальныхъ едва касается. Предшествующимъ Риму ступенямъ посвящается лишь нѣсколько словъ. На Востокѣ, по мнѣнію Лассаля, наслѣдственное право основано на естественномъ продолженіи лица въ дѣтяхъ; тутъ завѣщаніе неизвѣстно. Въ Греціи, гдѣ лице отрѣшается уже отъ естественной основы и пріобрѣтаетъ самостоятельность, но живетъ еще общею жизнью

---

1) Syst. d. erw. R. II, стр. 275.

2) Тамъ же, II, стр. 184.

3) Тамъ же, стр. 586 прим.; стр. 600 — 601, 604 — 608. Ср. брошюру Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch стр. 165 прим. (Chicago 1872), гдѣ Лассаль утверждаетъ, что онъ въ *Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ* доказалъ чисто историческое значеніе *всѣхъ* юридическихъ категорій и въ особенности, во второй части, наслѣдственнаго и семейнаго права.

съ народомъ, является наслѣдованіе въ силу усыновленія, имѣющаго цѣлью продолженіе имени въ народѣ. Въ Римѣ, наконецъ, субъективная воля становится преобладающею; здѣсь первое мѣсто занимаетъ наслѣдованіе по завѣщанію, а наслѣдованіе по закону нисходитъ на степень вспомогательнаго средства. Господствующая здѣсь идея есть безсмертіе души, но еще въ приложеніи къ внѣшнему міру. Это — ступень, непосредственно предшествующая христіанству, которое относитъ безсмертіе къ внутренней, духовной сущности человѣка, отрѣшенной отъ внѣшняго бытія [1]). Лассаль выводитъ эту идею продолженія воли за гробомъ изъ господствовавшаго у Пеласговъ поклоненія душамъ умершихъ. Покойный считался живущимъ еще при своемъ домашнемъ очагѣ и властвующимъ надъ окружающимъ міромъ. Это религіозное воззрѣніе, во всей чистотѣ своей, сохранилось въ Этруріи, откуда Римляне получили свою вѣру. Но здѣсь душа умершаго, Манъ или Ларъ, является еще ревнивымъ хранителемъ своего достоянія; подлѣ него для живущихъ нѣтъ свободнаго мѣста. Задача Рима заключалась въ примиреніи этого темнаго владычества умершихъ съ свободою живыхъ. Оно совершается посредствомъ завѣщанія, которымъ умершій установляетъ живаго продолжателя своей воли. Черезъ это, темная область религіозныхъ представленій переходитъ въ свободную область права, ибо право есть именно осуществленіе воли во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому, римскій духъ выразился въ правѣ, также какъ греческій духъ выразился въ свободномъ искусствѣ [2]).

Изъ этого кореннаго понятія слѣдуетъ, что значеніе римскаго завѣщанія состоитъ въ продолженіи воли умершаго, а отнюдь не въ передачѣ имущества. Установленный наслѣдникъ совершаетъ вѣчныя жертвоприношенія лицу умершаго и исполняетъ его волю послѣ его смерти; имущество же можетъ быть роздано совершенно другимъ лицамъ, въ видѣ частныхъ отказовъ. Поэтому, наслѣднику противополагается легатаръ [3]). Лишеніе наслѣдника всякихъ имущественныхъ правъ составляетъ даже высшее торжество воли завѣщателя, какъ чистое выраженіе лежащаго въ основаніи наслѣдства метафизическаго начала [4]). Но здѣсь-то именно эта воля встрѣчается съ препятствіемъ. Въ дѣй-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 21—25.
[2]) Тамъ же, стр. 517 и слѣд.
[3]) Тамъ же, стр. 28—29, 30—40, 66.
[4]) Тамъ же, II, стр. 71—72, 482.

ствительности, продолженіе воли умершаго ничто иное какъ фикція, ибо наслѣдникъ — все таки другое лице, а не тоже самое. Поэтому, у него непремѣнно есть свой личный интересъ, и когда завѣщатель лишаетъ его имущества, возлагая на него однѣ тяжести, онъ, съ своей стороны, отказывается отъ наслѣдства и тѣмъ лишаетъ завѣщателя высшаго блага, продолженія воли послѣ смерти. Отсюда развивающееся въ римскомъ правѣ столкновеніе двухъ началъ, воли завѣщателя и интереса наслѣдника. Законъ вступается за наслѣдника и требуетъ, чтобы ему удѣлена была часть имущества. Но этотъ законодательный процессъ составляетъ искаженіе чисто римскаго понятія. Послѣднее постепенно разлагается, вслѣдствіе внутренняго своего противорѣчія. Окончательно, продолженіе воли превращается въ простую передачу имущества; фикція уступаетъ дѣйствительности. Но съ этимъ вмѣстѣ, римскій духъ, который былъ носителемъ этой идеи, перестаетъ существовать [1]).

Рядомъ съ имущественнымъ началомъ развивается и связанное съ нимъ начало кровной семьи. Въ чисто римскомъ воззрѣніи, и для послѣдняго не было мѣста. Личная воля завѣщателя господствовала безусловно; тамъ, гдѣ она не выразилась явно, отыскивалась предполагаемая воля. За недостаткомъ завѣщанія, какъ вспомогательное средство, наступало наслѣдованіе по закону (ab intestato). Что же такое наслѣдованіе по закону по римскимъ понятіямъ? Явно высказанная воля есть частная воля лица; гдѣ этой частной воли нѣтъ, остается общій элементъ воли, совпадающій съ субстанціею народнаго духа. Поэтому, предполагаемая воля лица — ничто иное какъ общая воля народа или государства. Она-то и выражается въ наслѣдованіи по закону. Но общая воля народа связывается съ лицемъ не прямо, а черезъ посредство органическихъ союзовъ, на которые разчленяется государство, именно, рода (gens) и юридической семьи (agnati). Вслѣдствіе этого, за недостаткомъ завѣщанія и прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдуетъ ближайшій родственникъ изъ юридической семьи (agnatus), а за недостаткомъ послѣдняго ближайшій членъ рода (gentilis). Они наслѣдуютъ, какъ представители цѣлыхъ союзовъ, а не въ силу кровнаго родства. Послѣднее начало (cognatio) вводится въ наслѣдственное право только позднѣйшими преторскими эдиктами, мало по малу вытѣсняя собою первона-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 72—103.

чальное римское воззрѣніе. Наконецъ, за недостаткомъ родича, наслѣдникомъ можетъ сдѣлаться всякій Римлянинъ. Кто въ теченіи года владѣлъ имуществомъ умершаго, тотъ, въ силу давности, становится наслѣдникомъ (usucapio pro herede). Здѣсь въ наслѣдственное право вводится уже имущественное начало: не продолженіе воли влечетъ за собою пріобрѣтеніе имущества, а наоборотъ. Но это случай крайности, и онъ-то и ведетъ къ уничтоженію чисто римскихъ понятій: наслѣдственная давность становится началомъ преторскаго права. Римское воззрѣніе въ себѣ самомъ заключало уже сѣмена своего разложенія. Весь процессъ его развитія ничто иное какъ діалектическій процессъ его отрицанія. Римскія понятія переходятъ въ общечеловѣческія. Идея продолженія личной воли вытѣсняется имущественнымъ и семейнымъ началомъ. Это составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ къ германскому воззрѣнію [1]).

Таковъ взглядъ Лассаля на развитіе римскаго наслѣдственнаго права. Онъ проведенъ во всѣхъ подробностяхъ съ необыкновенною послѣдовательностью и нерѣдко съ значительною глубиною пониманія. Но онъ страдаетъ такими преувеличеніями, которыя бросаютъ ложный свѣтъ, какъ на самое существо наслѣдственнаго права, такъ и на историческое его развитіе у Римлянъ. Что въ римскомъ воззрѣніи первое мѣсто занимало продолженіе воли умершаго, что это начало имѣло религіозный характеръ, это несомнѣнно. Но тоже самое мы видимъ и у другихъ, народовъ. Дѣти наслѣдуютъ послѣ отца, потому что они считаются продолжателями его личности. Самъ Лассаль прямо признаетъ это относительно Востока [2]). Завѣщаніе имѣетъ религіозный характеръ и у христіанскихъ народовъ, именно вслѣдствіе того, что оно связано съ вѣрою въ безсмертіе души. Особенность римскаго воззрѣнія состояла въ томъ, что воля умирающаго отца семейства ставилась выше всего, но это не означаетъ преобладанія личнаго начала надъ семейнымъ. Основаніе этого права заключалось въ томъ, что въ цвѣтущія времена Рима, пока еще крѣпокъ былъ народный духъ, каждый гражданинъ былъ носителемъ этого духа. Никто лучше отца семейства не могъ распорядиться судьбою семьи. Ограниченія потребовались уже во времена упадка народной нравственности, когда явились злоупотре-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, 384 и слѣд.
[2]) Тамъ же, II, стр. 24.

бленія. Семейное начало такъ мало устранялось въ римскомъ наслѣдованіи, что по признанію самого Лассаля, дѣти считались прямыми наслѣдниками отца не въ силу закона, а по собственному праву, въ силу непосредственно существующаго единства воль [1]). Если сынъ не былъ по имени лишенъ наслѣдства, то завѣщаніе считалось недѣйствительнымъ; слѣдовательно, какъ признаетъ и Лассаль, надобно было формально уничтожить существующее право, прежде нежели установлять новое [2]). Явный признакъ, что въ сознаніи самихъ Римлянъ, завѣщаніе считалось позднѣйшимъ началомъ, которому предшествовало семейное наслѣдованіе. Поэтому, когда Лассаль утверждаетъ, что наслѣдованіе по закону, или лучше, наслѣдованіе безъ завѣщанія (ab intestato), ибо таково было чисто римское понятіе, является только какъ вспомогательное средство при наслѣдованіи по завѣщанію, онъ принужденъ, вопреки точному смыслу слова, исключить изъ наслѣдованія по закону наслѣдованіе членовъ семьи. Онъ утверждаетъ, что прямой наслѣдникъ (suus) составляетъ нѣчто среднее между наслѣдованіемъ по завѣщанію и наслѣдованіемъ безъ завѣщанія [3]), хотя онъ самъ же признаетъ эти два понятія исключающими другъ друга противоположностями [4]), между которыми, поэтому, не можетъ быть ничего средняго.

Устранивъ семейное начало, Лассаль принужденъ далѣе дать самому наслѣдованію по закону совершенно превратное толкованіе. Онъ понимаетъ его, не какъ наслѣдованіе родственниковъ а, какъ наслѣдованіе народа въ его органическихъ разчлененіяхъ. Поводомъ къ такому толкованію послужило то, что въ Римѣ кровные союзы были вмѣстѣ съ тѣмъ органическими членами государства. Но вопросъ состоитъ въ томъ, которымъ изъ этихъ двухъ значеній опредѣляется данное отношеніе? На это самъ Лассаль даетъ отвѣтъ, совершенно противорѣчащій его выводу. Когда нѣтъ завѣщанія, наслѣдуютъ прямые наслѣдники, состоявшіе подъ властью умершаго, а потому имѣющіе съ нимъ единую волю. Здѣсь воля считается еще явно выраженною, если не въ словахъ, то на дѣлѣ; когда же прямыхъ наслѣдниковъ нѣтъ, законъ ищетъ предполагаемой воли. Что же онъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ? Онъ восходитъ къ агнатамъ, то есть, къ тѣмъ ли-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 229. 231, 238, 252.
[2]) Тамъ же, стр. 254—255.
[3]) Тамъ же, II, стр. 242, 403.
[4]) Тамъ же, стр. 247, 249, 250, 391.

цамъ, которыя состояли или могли состоять вмѣстѣ съ умершимъ подъ общею отцовскою властью. Основаніемъ, по толкованію Лассаля, является тутъ воспоминаніе о прежнемъ единеніи воль. За недостаткомъ же агнатовъ, законъ восходитъ еще выше, къ давнопрошедшему единенію воль подъ властью родоначальника [1]). Очевидно, что во всемъ этомъ исканіи руководящимъ началомъ служитъ личная связь умершаго съ живыми, соединеніе ихъ самихъ или ихъ предковъ подъ единою семейною властью, а никакъ не разчлененіе государственной жизни. Воля умершаго, говоритъ Лассаль, хотя и предполагаемая, всегда является опредѣленною, то есть, относящеюся къ другому, опредѣленному лицу [2]). Государство же никогда не получаетъ наслѣдства: за недостаткомъ родичей, имѣніе, по древнему римскому праву, считается ничьимъ, а не обращается въ пользу казны [3]). Что касается до пріобрѣтенія наслѣдства давностью, на которое ссылается Лассаль, то въ немъ отнюдь нельзя видѣть наслѣдованія народа, какъ единаго цѣлаго. Самъ Лассаль признаетъ здѣсь господство имущественнаго начала. Такимъ образомъ, римское наслѣдованіе безъ завѣщанія выражаетъ собою вовсе не общую народную волю, разчленяющуюся въ органическихъ союзахъ, а родственныя отношенія лица, въ томъ видѣ, какъ они понимались Римлянами. Въ римской семьѣ, какъ извѣстно, точно также какъ и въ римскомъ родѣ, естественное, кровное начало подчинялось началу религіозно-юридическому. Эта чисто народная форма семейныхъ и родовыхъ отношеній въ теченіи римской исторіи мало по малу уступала мѣсто болѣе широкому началу кровнаго родства. Самъ Лассаль признаетъ, что спеціально римскія воззрѣнія замѣнились общечеловѣческими [4]). Но это было расширеніе одного и того же семейнаго начала, а не замѣна одного начала другимъ, противоположнымъ.

Точно также одностороненъ взглядъ Лассаля и на отношеніе двухъ элементовъ наслѣдственнаго права: продолженія воли умершаго и передачи имущества. Невозможно видѣть истинное существо римскаго наслѣдованія въ метафизическомъ зудѣ, по выраженію Лассаля, въ силу котораго умирающій считалъ высшимъ осуществленіемъ своей воли лишеніе наслѣдника всякаго

---

1) Syst. d. erw. R. II, стр. 409, 413—414.
2) Тамъ же, стр. 428.
3) Тамъ же, стр. 429.
4) Тамъ же, стр. 484, 566.

имущества. Продолженіе воли, какъ признаетъ и самъ Лассаль [1]), выражается въ господствѣ надъ подчиненными ей вещами, то есть, именно въ имущественной области. Личныя преимущества умершаго не переходятъ на наслѣдника; не переходитъ и семейная власть. Самое совершеніе жертвоприношеній связано съ передачею имущества, ибо оно происходитъ на домашнемъ очагѣ. Поэтому, по древнѣйшей, чисто квиритской формѣ завѣщанія, per aes et libram, наслѣднику цѣликомъ передавалось все имущество, за исключеніемъ тѣхъ отдѣльныхъ отказовъ, которые тутъ же отъ него отсѣкались и дѣлались собственностью легатаровъ [2]). Эта древнѣйшая форма отказа, per vindicationem, и позднѣйшее явленіе отказа per damnationem, по которому самъ наслѣдникъ становился распорядителемъ и обязанъ былъ раздавать отказы, служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что первоначально наслѣдникъ понимался отнюдь не какъ простой исполнитель воли умершаго или какъ душеприкащикъ, а именно какъ владѣлецъ совокупнаго имущества. Говоря объ этихъ двухъ формахъ, Лассаль неизбѣжно принужденъ впадать въ противорѣчіе съ собою. Съ одной стороны, онъ не можетъ не признать въ отказѣ per vindicationem древнѣйшую, чисто римскую форму [3]); съ другой стороны, согласно съ своею теоріею, онъ считаетъ отказъ per damnationem наиболѣе соотвѣтствующимъ римской идеѣ [4]); а наконецъ, и этотъ способъ уступаетъ отказу sinendi modo, по которому завѣщатель опять устраняетъ наслѣдника и дѣлаетъ его страдательнымъ лицемъ [5]). Лассаль видитъ въ этомъ рядъ внутреннихъ противорѣчій самаго начала; но противорѣчіе есть только въ способѣ пониманія.

Отсюда ясно, что превращеніе наслѣдника въ простаго душеприкащика было явленіемъ позднѣйшаго времени. Злоупотребленія, возникшія изъ этого при паденіи народной нравственности, именно и побудили законодателя къ принятію ограничительныхъ мѣръ. Поэтому, развитіе имущественнаго начала въ римскомъ наслѣдственномъ правѣ никакъ нельзя считать искаженіемъ рим-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 190, 340.
[2]) Тамъ же, стр. 190.
[3]) Тамъ же, стр. 196: «auf die römischste Weise in der Welt».
[4]) Тамъ же, II, стр. 195: «dem römischen Geiste, als das seinem Begriffe adäquateste.»
[5]) Тамъ же, стр. 207—208.

скихъ воззрѣній и вторженіемъ чуждыхъ элементовъ въ народную жизнь, какъ дѣлаетъ Лассаль. Напротивъ, это было возвращеніе къ первоначально существовавшему, нормальному порядку, но конечно, возвращеніе въ иной, болѣе широкой формѣ. Тѣсное римское воззрѣніе расширяется и становится общечеловѣческимъ.

Такимъ образомъ, тѣ внутреннія противорѣчія, которыя Лассаль находитъ въ римскомъ наслѣдственномъ правѣ, вовсе не существуютъ. Римское наслѣдственное право не разрушается собственною діалектикою, а переходитъ только въ болѣе широкую форму. Сущность же права, выработанная Римлянами, становится достояніемъ человѣчества. Этотъ результатъ совпадаетъ съ тѣмъ, что можно назвать истинно-философскимъ взглядомъ на историческое развитіе, съ тѣмъ взглядомъ, который видитъ въ исторіи положительное изложеніе внутренняго содержанія человѣческаго духа. Принявши воззрѣніе Лассаля, слѣдуетъ сказать, напротивъ, что все римское наслѣдственное право ничто иное какъ развитіе невозможной фикціи; а такъ какъ въ этомъ полагается весь смыслъ римской исторіи, то вся она превращается въ чисто отрицательный процессъ, который исчезаетъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. И это отрицательное воззрѣніе выдается за послѣдовательное развитіе идей Гегеля!

Въ сущности, указанныя Лассалемъ противорѣчія относятся не къ одному римскому праву, а къ наслѣдованію вообще. Это и есть сокровенная мысль автора, которая проглядываетъ въ общности употребляемыхъ имъ выраженій [1]). По мнѣнію Лассаля, противорѣчіе оказывается между понятіемъ о наслѣдствѣ и его реальностью, между юридическою фикціею единства воль и дѣйствительнымъ существованіемъ различныхъ, воль. Очевидно, что это относится не къ одному завѣщанію, но также и къ наслѣдованію по закону, ибо дѣти получаютъ наслѣдство отца именно вслѣдствіе того, что они считаются продолжателями личности и воли умершаго. Поэтому, Лассаль и наслѣдованіе дѣтей послѣдовательно признаетъ юридическою фикціею, хотя онъ же самъ, въ другихъ мѣстахъ, называетъ рожденіе дѣтей есте-

---

[1]) Syst. d. erw. R, II, стр. 212: «welches wiederum nur die Aeusserung jener fictiven Natur des Erbbegriffes ist, vermöge welcher der Wille nach seinem Erlöschen fortexistiren und sich als fortexistirend bewähren will.» Тоже на стр. 99.

ственнымъ и истиннымъ продолженіемъ лица умершаго [1]). Между тѣмъ, такой всемірноисторическій фактъ, какъ наслѣдство, невозможно объяснить вымыслами утонченнаго юридическаго ума. Существованіе наслѣдственнаго права во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, казалось бы, должно указать на то, что это не мимолетное историческое явленіе, а начало, лежащее въ самомъ существѣ человѣческаго духа, вытекающее изъ самыхъ глубокихъ его основъ. И точно, на этомъ началѣ духовнаго единства зиждутся всѣ человѣческіе союзы, всѣ нравственныя отношенія, вся духовная преемственность поколѣній. Не только семейство, но и государство составляетъ единое цѣлое, именно потому что между отдѣльными, входящими въ составъ его лицами признается единство воль. Это буквально принимаетъ и Лассаль [2]), хотя онъ послѣдовательно долженъ бы былъ и государство и народъ выдавать за чистыя фикціи. Народъ и государство образуютъ единое лице, не смотря на смѣну поколѣній, вслѣдствіе того что позднѣйшія поколѣнія считаются продолжателями личности и воли предшествующихъ. На этомъ основаніи, новыя правительства признаютъ себя обязанными соблюдать договоры и исполнять обязательства, заключенныя прежними. Это духовное единство лицъ, проявляющееся въ правѣ, освящается и нравственностью и религіею. Вслѣдствіе этого, дѣти считаютъ священнѣйшею обязанностью исполненіе воли умершихъ родителей. На томъ же основаніи, завѣщанія, не только въ Римѣ, но и у христіанскихъ народовъ, ставились подъ охрану церкви. Когда человѣкъ, отходя отъ міра, распоряжается всѣмъ, что онъ оставляетъ послѣ себя, всѣмъ, что служило принадлежностью и выраженіемъ его личности, онъ совершаетъ не только юридическій, но и религіозный актъ, ибо во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ господствуетъ мысль объ отношеніи лица къ Божеству. Съ этимъ связана и вѣра въ безсмертіе души, вѣра опять же присущая всѣмъ временамъ и народамъ. Она не служитъ основаніемъ завѣщанія, но оба понятія тѣсно связаны: они являются выраженіемъ единаго начала, убѣжденія въ томъ, что духъ не умираетъ, а живетъ, не

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 24: «die natürliche und wahrhafte Fortpflanzung der Person». Съ другой стороны на стр. 282: «jene unbedingte und mittelbare Identität des Suus mit dem Erblasser ist eben nur die Rechtsfiction, welche die N-- wahrheit, dass es eine andere selbstwollende Willensperson ist, zurückd kann.»

[2]) Тамъ же, II, стр. 415.

смотря на разложеніе плоти. Этимъ началомъ человѣкъ живетъ и въ настоящей жизни: увѣренность въ томъ, что дѣло его не погибнетъ, что память его будетъ чтиться, что воля его будетъ исполнена, что все, что онъ любитъ и что называетъ своимъ, будетъ передано тѣмъ, кого онъ любитъ, служатъ ему и побужденіемъ къ дѣятельности и утѣшеніемъ въ смерти. Только въ силу этого начала, человѣкъ творитъ не для одного настоящаго дня, а какъ звено преемственной цѣпи поколѣній. Мысль о будущемъ входитъ, какъ существенный элементъ, въ настоящее. Поэтому, распоряженія послѣ смерти составляютъ для человѣка священнѣйшее право, котораго онъ не можетъ быть лишенъ безъ оскорбленія самыхъ глубокихъ его чувствъ, безъ посягательства на духовное его естество.

Такимъ образомъ, и право, и нравственность, и религія и философія единогласно утверждаютъ начало духовнаго единства, какъ составляющее самую сущность человѣческаго духа. Только чистый матеріализмъ можетъ видѣть въ этомъ одну фикцію. Для матеріализма реально одно лишь видимое, физическое раздѣленіе особей; для идеализма, напротивъ, невидимое, духовное единство составляетъ высшую реальность, ибо въ немъ выражается истинное существо духа, въ противоположность матеріи. Все ученіе Лассаля клонится къ признанію послѣдняго начала. Мы видѣли, что у него идеализмъ доводится до крайности: самостоятельность лица исчезаетъ передъ общею субстанціею. Но когда это оказывается нужнымъ для постороннихъ цѣлей, когда надобно лишить лице священнѣйшаго его права, тогда пускаются въ ходъ самыя грубыя матеріалистическія понятія и смѣло утверждается, что только физическое лице есть нѣчто дѣйствительное, а духовное единство лицъ ничто иное какъ фикція, которая разрушается собственнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ характеристическою чертою Лассаля, съ чертою, которая служитъ высшимъ осужденіемъ всей его дѣятельности. Тутъ нѣтъ искренняго стремленія къ правдѣ, а есть коренная фальшь.

Лассаль понималъ однако, что недостаточно на обумъ кинуть мысль, что все понятіе о наслѣдствѣ составляетъ чистую фикцію, которая противорѣчитъ дѣйствительности, а потому разрушается сама собою; надобно доказать эту мысль, проведя ее по всѣмъ явленіямъ. Съ этою цѣлью онъ и предпринялъ обстоятельное изслѣдованіе римскаго наслѣдственнаго права. Вышло ли оно

удачно или нѣтъ, во всякомъ случаѣ тутъ былъ научный пріемъ: представлено подробное доказательство. Но очевидно, что этого было мало. Вопросъ былъ поставленъ общій, а потому рѣшеніе его требовало такого же изслѣдованія наслѣдственнаго права у всѣхъ другихъ народовъ. Но тутъ-то и оказывается крайняя скудость. Мы видѣли уже, что Востоку и Греціи едва посвящено нѣсколько словъ. Затѣмъ, все развитіе наслѣдственнаго права у новыхъ народовъ, которое для Лассаля ограничивается однимъ германскимъ правомъ, излагается на 33 страницахъ, большею частью наполненныхъ общими разсужденіями, между тѣмъ какъ изслѣдованіе римскаго наслѣдства занимаетъ 570 страницъ книги. Уже это одно обстоятельство показываетъ, съ какою легкостью Лассаль думалъ обойти препятствія, чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли. Содержаніе изслѣдованія обнаруживаетъ это еще болѣе.

Существо германскаго наслѣдственнаго права въ чистой его формѣ состоитъ въ исключительномъ господствѣ наслѣдованія по закону. Тутъ нѣтъ продолженія воли послѣ смерти, нѣтъ завѣщанія; кореннымъ началомъ является собственное право семейства на имущество умершаго, право, имѣющее силу уже при жизни владѣльца, ибо наслѣдственное достояніе воспрещено отчуждать безъ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ. Отсюда и право выкупа [1]). Эти начала, которыя Лассаль считаетъ столь противоположными римскимъ понятіямъ, что между тѣми и другими нѣтъ ничего общаго, кромѣ повода къ передачѣ имущества [2]), выдаются имъ за спеціальное историческое выраженіе германскаго духа [3]), также какъ завѣщаніе было спеціальнымъ выраженіемъ римскаго духа. При этомъ забывается, что тѣже начала господствовали на Востокѣ, что къ нимъ склонялось и римское право въ своемъ развитіи, что наконецъ, эти начала самимъ авторомъ были признаны общечеловѣческими. Вслѣдствіе такого взгляда, все историческое развитіе человѣчества, которое Лассаль полагаетъ въ основаніе своей системы, теряетъ свой смыслъ. По теоріи Лассаля, предъидущее движеніе исторіи, начиная съ Востока, выражало собою постепенно освобожденіе субъективнаго духа отъ общей основы. Римское завѣщаніе служило ступенью,

---

[1]) Syst. d. erw. R., II, стр. 579—584.
[2]) Тамъ же, II, стр. 578.
[3]) Тамъ же, стр. 586, прим.

непосредственно предшествовавшею христіанству, въ которомъ идея личнаго безсмертія достигла высшаго своего развитія. Какимъ же образомъ, сдѣлавши этотъ шагъ, человѣчество внезапно оказывается на совершенно иной почвѣ, на первоначальной точкѣ отправленія? Почему въ историческомъ движеніи совершается такой странный поворотъ, какимъ образомъ на одной и той же ступени развитія могутъ господствовать два совершенно противоположныхъ начала,—въ религіи безсмертіе личности, въ наслѣдственномъ правѣ полное отрицаніе личной воли, все это остается непонятнымъ. Ясно одно: если дѣйствительно германское право представляетъ возвращеніе къ восточному началу, то есть, къ первоначальной точкѣ отправленія, то оно отнюдь не можетъ считаться выраженіемъ преходящей ступени духа, какъ утверждаетъ Лассаль; въ немъ очевидно проявляется общечеловѣческій элементъ. И точно, стоитъ расширить свой кругозоръ и сравнить наслѣдственное право всѣхъ временъ и народовъ, и вездѣ мы увидимъ однѣ и тѣже основы; вездѣ мы найдемъ наслѣдство, и вездѣ оно управляется двумя началами: семейнымъ, выражающимся въ наслѣдованіи по закону, и личнымъ, выражающимся въ наслѣдованіи по завѣщанію. Различіе народныхъ характеровъ и историческихъ эпохъ проявляется въ преобладаніи того или другаго, или въ способѣ сочетанія обоихъ; но коренныя черты остаются тѣже. Всего этого однако авторъ не хочетъ знать. Закрывши глаза на историческое развитіе и на сравнительное изученіе права, мы должны на слово вѣрить, что завѣщаніе есть спеціально римское учрежденіе, а семейное наслѣдованіе спеціально германское.

Что же становится при этомъ съ теоріею пріобрѣтенныхъ правъ? Если въ германскомъ правѣ нѣтъ римской фикціи продолженія воли послѣ смерти, если наслѣдникъ пріобрѣтаетъ право на имущество уже по самому своему рожденію, еще при жизни родича, котораго права ограничиваются правами наслѣдниковъ, то здѣсь, казалось бы, право пріобрѣтается въ силу естественнаго событія, а никакъ не собственною волею или дѣйствіемъ пріобрѣтателя. Между тѣмъ, Лассаль хочетъ доказать, что его теорія прилагается и тутъ; а такъ какъ на юридическую фикцію сослаться нельзя, то онъ ссылается на философское опредѣленіе семейства, сдѣланное Гегелемъ: „семейство есть нравственное тождество лицъ, связанныхъ единствомъ любви, которое въ непосредственной формѣ является тождествомъ крови“.

Отсюда Лассаль выводитъ, что если уже при формальномъ римскомъ единенiи воль, дѣйствiе отца считается дѣйствiемъ рожденнаго отъ него ребенка, то тѣмъ болѣе это прилагается къ единству нравственному. Въ силу господствующаго здѣсь начала любви, мы должны признать, что воля отца при рожденiи ребенка состоитъ въ передачѣ послѣднему всѣхъ правъ, которыя могутъ принадлежать ему по рожденiю, и эта воля должна считаться собственною волею ребенка! [1]) Такимъ образомъ, единенiе воль, которое объявлялось чистою фикцiею, уничтоженною дiалектическимъ развитiемъ римскаго права, вдругъ превращается въ общее философское опредѣленiе, приложимое къ совершенно иной системѣ. Когда нужно было разрушить всемiрно-историческое понятiе о наслѣдствѣ, Лассаль утверждалъ, что между римскимъ и германскимъ наслѣдственнымъ правомъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ повода къ передачѣ имущества; когда же дѣло идетъ о приложенiи теорiи прiобрѣтенныхъ правъ, между ними оказывается глубочайшее тождество. Однимъ словомъ, доводы берутся изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, смотря по тому, что требуется доказать; но о внутреннемъ ихъ согласiи нѣтъ и помину.

Этимъ однако затрудненiя не ограничиваются. Если спецiально германская форма наслѣдства есть наслѣдованiе по семейному праву, то какъ объяснить появленiе завѣщанiй еще въ эпоху варварскихъ законовъ? На это у Лассаля есть готовый отвѣтъ. Завѣщанiе было заимствовано Германцами у Римлянъ просто вслѣдствiе непониманiя дѣла. Они не догадывались, что оно совершенно противорѣчитъ ихъ взглядамъ на наслѣдство и необдуманно ввели въ свою систему то, что составляетъ прямое ея отрицанiе. Поэтому, говоритъ Лассаль, завѣщанiе у новыхъ народовъ должно быть признано за крупное недоразумѣнiе (ein grosses Missverständniss), за компактную теоретическую невозможность [2]). Въ одномъ мѣстѣ Лассаль увѣряетъ даже, что завѣщанiе обязано безсмысленнымъ своимъ сохраненiемъ въ новое время *ученому* недоразумѣнiю [3]); какъ будто нѣмецкiе ученые, несвѣдущiе въ римскомъ правѣ, побудили варваровъ ввести завѣщанiе въ свои законы! Между тѣмъ, самъ Лассаль признаетъ, что для завѣщанiя было мѣсто въ германскомъ правѣ, то есть,

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 579, 585.
[2]) Тамъ же, стр. 589, 593, 595.
[3]) Тамъ же, стр. 601.

уже въ варварскія времена оно оказалось нужнымъ. Дѣло въ томъ, что неприкосновеннымъ родовымъ имуществомъ считалась наслѣдственная недвижимая собственность; движимое же и благопріобрѣтенное имущество состояло въ полномъ распоряженіи владѣльца [1]). Руководясь простымъ человѣческимъ чувствомъ и естественнымъ смысломъ, варвары были убѣждены, что хозяинъ можетъ распорядиться имъ и на случай смерти. Имъ не приходило въ голову, что воля человѣка послѣ смерти перестаетъ существовать; что для продолженія ея нужна тонкая юридическая фикція, и что эта фикція была несогласна съ собственнымъ ихъ духомъ и воззрѣніемъ на наслѣдство. Еслибы Лассаль былъ знакомъ съ русскимъ правомъ, то онъ увидалъ бы, что и здѣсь, безъ всякаго усвоенія римскихъ понятій, съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно завѣщаніе. Въ договорѣ Олега съ Греками было постановлено, что имущество Русскаго, умершаго въ Греціи, отдается ближнимъ только въ случаѣ, если онъ „не урядилъ своего имѣнія“; если же онъ „створить обряженіе“, то возьметъ тотъ, кому онъ написалъ наслѣдовать имѣніе. Точно также въ Русской Правдѣ постановлено: „иже кто умирая раздѣлить домъ, на томъ же стояти; паки ли без ряду умреть, то все дѣтемъ“. Тоже повторяется и въ Судебникѣ. Къ вящему удивленію, мы узнаемъ, что духовныя завѣщанія и вообще наслѣдственное право вѣдались церковью, между тѣмъ какъ по увѣренію Лассаля, завѣщаніе противорѣчитъ христіанству, которое, въ противоположность римскимъ понятіямъ, признаетъ безсмертіе на небѣ, а не на землѣ [2]). Такимъ образомъ, не только необразованные народы, но и просвѣщенная церковь наперерывъ усвоивали себѣ начала, совершенно противорѣчившія ихъ духу и понятіямъ, просто вслѣдствіе плохаго знанія римскаго права.

Можно было ожидать, по крайней мѣрѣ, что это необдуманно усвоенное недоразумѣніе наконецъ выяснится, что чисто народное начало восторжествуетъ въ германскомъ правѣ; но выходитъ наоборотъ. Хотя Лассаль увѣряетъ, что извѣстное начало, искони лежащее въ народномъ духѣ, исчезаетъ только съ смертью самого народа [3]), но тутъ оказывается, что исчезаетъ именно то семейное право, на которомъ основывалось германское наслѣд-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 582, 589.
[2]) Тамъ же, стр. 606.
[3]) Тамъ же, II, стр. 545.

ство. Въ новѣйшихъ законодательствахъ, права наслѣдниковъ перестаютъ ограничивать свободное распоряженіе владѣльца. „Идея личной свободы, говоритъ Лассаль, на столько развилась въ противоположность германскому праву, что собственникъ сдѣлался единственнымъ и безусловнымъ собственникомъ“ [1]). Наслѣдники получаютъ лишь то, что остается при смерти владѣльца; только въ этотъ моментъ права ихъ ограничиваютъ волю завѣщателя. Что же выводитъ изъ этого Лассаль? То ли, что новѣйшія законодательства стараются сочетать свободное распоряженіе имуществомъ съ правами будущихъ поколѣній, что̀ и составляетъ истинный смыслъ закона? Ничуть не бывало. Право завѣщанія, по его мнѣнію, не существуетъ, ибо воля умирающаго ограничивается правами наслѣдниковъ. Собственное право наслѣдниковъ на семейное имущество тоже не существуетъ, ибо владѣлецъ при жизни можетъ распоряжаться имъ и отчуждать его, какъ ему угодно. Слѣдовательно, заключаетъ Лассаль, передача имущества совершается тутъ единственно по волѣ государства; семейство является здѣсь только, какъ государственное учрежденіе [2]).

Едва можно вѣрить своимъ глазамъ, читая подобные выводы въ серіозномъ сочиненіи. Все, что составляетъ существо наслѣдственнаго права отрицается; на мѣсто его является новое начало, падающее съ неба и не имѣющее никакого отношенія къ предъидущему. По мановенію автора, частное право превращается въ государственное; всемірное явленіе, вытекающее изъ глубочайшихъ основъ человѣческаго духа, замѣняется чистымъ произволомъ. И это дѣлается однимъ почеркомъ пера. Разбирать постепенное движеніе законодательствъ, побудительныя причины измѣненій, на что есть громадный фактическій матеріалъ, авторъ считаетъ совершенно излишнимъ. Выставленное въ началѣ требованіе, чтобы общее понятіе проводилось по всѣмъ явленіямъ, окончательно забыто. Двухъ, трехъ общихъ фразъ и ложныхъ умозаключеній достаточно, чтобы покончить съ наслѣдованіемъ по закону и объявить завѣщаніе новаго времени чистымъ недоразумѣніемъ. Мимоходомъ только разбираются нѣкоторыя постановленія французскаго Конвента, который Лассаль постоянно беретъ подъ свою защиту, и въ примѣчаніи одобрительно при-

[1]) Syst. d. erw. R., II, стр. 602.
[2]) Тамъ же, стр. 603—604.

водится мнѣніе Бриссô, который утверждалъ, что право завѣщанія ничто иное какъ общественный договоръ [1]), мнѣніе, послѣдовательно вытекающее изъ философіи XVIII-го вѣка, но вовсе не согласное, не только съ истинными началами права, но и съ собственною теоріею Лассаля.

Лассаль ссылается впрочемъ, хотя тоже въ немногихъ словахъ, и на противоположныя другъ другу мнѣнія двухъ великихъ нѣмецкихъ философовъ, именно, Гегеля и Лейбница [2]). Гегель защищалъ семейное право, какъ единственное согласное съ нравственными требованіями; Лейбницъ отстаивалъ завѣщаніе, какъ выраженіе личнаго безсмертія. Сообразно съ началами идеализма, слѣдовало бы сказать, что оба эти воззрѣнія односторонни, что высшая цѣль состоитъ въ единствѣ обоихъ, въ сочетаніи личнаго начала съ общимъ, свободнаго распоряженія имуществомъ съ правами будущихъ поколѣній. Это и составляетъ истинное требованіе философіи, равно какъ и цѣль законодательствъ. Но Лассаль относится къ дѣлу совершенно иначе. Воззрѣніе Гегеля, по его мнѣнію, ничто иное какъ сколокъ съ германской системы, то есть, принятіе преходящаго историческаго момента за необходимое логическое положеніе; взглядъ же Лейбница, приложимый съ римскому праву, противорѣчитъ христіанскому духу. Оба равно несостоятельны; слѣдовательно, оба должны быть отвергнуты. Въ результатѣ оказывается нуль.

И послѣ всего этого, Лассаль имѣетъ смѣлость выдавать свою критику за „абсолютный приговоръ науки, противъ котораго нѣтъ ни возраженія, ни апелляціи“! [3]) И онъ можетъ ссылаться на всѣ эти невѣроятно легкомысленныя умствованія, какъ на неопровержимое доказательство, что все наслѣдственное право имѣетъ только историческое значеніе. „И другъ и недругъ скажетъ вамъ, восклицаетъ онъ, что во всякой строкѣ, которую я пишу, я являюсь вооруженнымъ всѣмъ образованіемъ нашего столѣтія“ [4]). Дѣйствительно, тутъ есть и глубокій умъ, и сильный талантъ, и обширныя знанія; но все это легкомысленно попрано ногами для совершенно чуждыхъ наукѣ цѣлей.

И не съ однимъ наслѣдственнымъ правомъ Лассаль расправляется такъ легко. Таже участь постигаетъ и начало собствен-

---

[1]) Syst. d. erw. R. II, стр. 601, прим.
[2]) Тамъ же, стр. 585—588 примѣч.; также стр. 604—608.
[3]) Тамъ же, стр. 596.
[4]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 197 (см. ниже).

ности. Конечно, ни одному серіозному ученому, имѣющему въ виду однѣ научныя задачи, не могло бы придти въ голову доказывать въ нѣскольких строкахъ, что начало собственности не болѣе какъ историческая категорія. Но Лассаль дѣлаетъ это просто въ подстрочномъ примѣчаніи, на которое онъ въ послѣдствіи ссылается, какъ на доказательство своей мысли [1]). Въ этой выноскѣ, онъ утверждаетъ прежде всего, что общій ходъ исторіи состоитъ въ постепенномъ стѣсненіи собственности или въ большемъ и большемъ изъятіи тѣхъ или другихъ правъ изъ области частнаго владѣнія. Въ доказательство, онъ приводитъ уничтоженіе фидеикомиссовъ, которое, повидимому, представляетъ расширеніе собственности, ибо наслѣдникамъ дается право свободнаго распоряженія имуществомъ, но въ сущности означаетъ стѣсненіе права завѣщателя распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти. Тоже, по мнѣнію Лассаля, слѣдуетъ сказать и объ отмѣнѣ монополій; хотя въ своихъ послѣдствіяхъ эта мѣра расширяетъ свободу собственности, но въ основаніи своемъ она составляетъ уничтоженіе исключительнаго права собственности извѣстныхъ лицъ на извѣстныя занятія. Въ первобытныя времена, говоритъ Лассаль, человѣкъ все хочетъ подчинить своему личному произволу. Даже чужая личность становится предметомъ собственности. Но мало по малу, съ развитіемъ свободы, эта власть стѣсняется: рабство переходитъ въ крѣпостное состояніе; затѣмъ отмѣняется и послѣднее. Теперь остается право капиталистовъ обращать въ свою собственность плоды трудовъ рабочаго класса; отмѣна этого права предстоитъ въ будущемъ. Настоящее человѣчество борется еще съ завѣщанными средними вѣками понятіями. Германское воззрѣніе на собственность вело къ безконечному ея расширенію. Германецъ продавалъ себя въ рабство, что̀ Римлянину казалось невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, въ средніе вѣка, право собственности распространялось на все: на государственныя отношенія, на чужую личность, на частныя занятія. А такъ какъ все подчинялось частному произволу, то несвобода была полная. Съ французскою революціею, все это измѣняется; является новое начало, въ силу котораго то, что составляло предметъ собственности, впредь отъ нея изъемлется. Съ развитіемъ свободы, собственность все болѣе и болѣе стѣсняется. Государственныя отношенія большею частью уже ей не подлежатъ; крѣпостное право

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 165 прим.

отмѣнено; монополіи и привилегіи уничтожены. Теперь остается уничтожить право собственности нѣкоторыхъ семействъ на верховную власть и исключительное право капиталистовъ на трудъ рабочихъ [1]).

Такова теорія Лассаля. При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что она имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія; но достаточно вглядѣться въ нее нѣсколько пристальнѣе, чтобы увидѣть въ ней чистую софистику. Невозможно серіозно утверждать, что установившееся въ новое время право свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и выбирать свои занятія, въ основаніи своемъ, составляетъ стѣсненіе права собственности. По средневѣковому праву, исключительная собственность однихъ стѣсняла собственность другихъ. Отмѣна этого стѣсненія непремѣнно будетъ ограниченіемъ правъ первыхъ, но въ итогѣ, это— расширеніе, а не стѣсненіе права. Этимъ способомъ можно доказать, что отмѣна рабства составляетъ стѣсненіе свободы, ибо этимъ несомнѣнно ограничивается свобода рабовладѣльцевъ располагать личностью подвластныхъ. Поэтому, мы никакъ не можемъ признать историческое движеніе новѣйшихъ законодательствъ за постепенное стѣсненіе собственности. Совершенно справедливо, что въ средніе вѣка право собственности распространялось на такіе предметы, которые нынѣ отъ него изъяты; но это опять говоритъ противъ того всемірнаго историческаго закона, который хочетъ вывести Лассаль. Средніе вѣка — не начало исторіи; почему же въ эту эпоху право собственности шире, нежели въ Римѣ? и почему оно въ Римѣ шире, нежели на Востокѣ? Дѣло въ томъ, что исторія древняго міра идетъ къ постепенному расширенію, а не къ стѣсненію собственности. Это движеніе въ средніе вѣка достигаетъ крайнихъ своихъ предѣловъ; здѣсь право собственности распространяется на самыя государственныя отношенія. Но этимъ самымъ оно, въ силу діалектическаго процесса, приходитъ къ самоотрицанію. Безмѣрное расширеніе собственности однихъ ведетъ къ несоразмѣрному стѣсненію собственности другихъ. Гдѣ нѣтъ общаго, сдерживающаго начала, между собственниками возгарается борьба, въ которой сильный естественно побѣждаетъ слабаго и присвоиваетъ себѣ его достояніе. Право собственности превращается въ монополію и развивается въ систему безконечныхъ стѣсненій. Это — таже самая діалектика, ко-

[1]) Syst. d. erw. R. I, стр. 259 и слѣд. прим.

торой подвергается въ средніе вѣка и начало свободы. Безмѣрная свобода однихъ составляетъ отрицаніе свободы другихъ, изъ чего, между прочимъ, видно, что начала свободы и собственности вовсе не противоположны другъ другу, какъ утверждаетъ Лассаль, а напротивъ, слѣдуютъ общему закону развитія. Собственность сама ничто иное какъ выраженіе свободы. Но таже внутренняя діалектика, которая приводитъ эти начала къ самоотрицанію, ведетъ ихъ далѣе къ высшему примиренію. Въ новое время, лице, какъ и требуется его сущностью, изъемлется изъ частнаго владѣнія. Съ этимъ вмѣстѣ слабый получаетъ защиту; стѣсненія отмѣняются; свобода и собственность перестаютъ быть достояніемъ немногихъ, а становятся достояніемъ всѣхъ. Такимъ образомъ, стѣсненіе свободы и собственности въ новое время есть вмѣстѣ ихъ расширеніе. Въ сущности, все это движеніе представляетъ только возвращеніе къ римскимъ понятіямъ, но въ болѣе широкой формѣ, ибо въ Римѣ свобода и собственность присвоивались однимъ гражданамъ, а не распространялись на рабовъ; въ новыхъ же государствахъ, они присвоиваются всѣмъ.

Изъ этого можно видѣть, что различныя ступени, черезъ которыя проходитъ начало собственности въ своемъ историческомъ движеніи отнюдь не могутъ быть поняты, только какъ преходящія проявленія того или другаго народнаго духа. Онѣ представляютъ развитіе одного, общаго всѣмъ начала присвоенія внѣшней природы личности человѣка. Изученіе исторіи вовсе не убѣждаетъ насъ, что это начало подвергается большему и большему стѣсненію; напротивъ, стѣсненія вводятся только во имя большаго его расширенія. Что касается до тѣхъ задачъ, которыя, по мнѣнію Лассаля, предстоятъ современному человѣчеству, для того чтобы довершить ограниченіе собственности, то въ нихъ нельзя видѣть ничего, кромѣ смѣшенія понятій. Наслѣдственная монархія не есть присвоеніе верховной власти извѣстнымъ семействамъ въ видѣ частной собственности; это — государственное установленіе, существующее во имя общаго блага. Отношеніе же рабочихъ къ капиталистамъ опредѣляется не началомъ собственности, а свободнымъ договоромъ. Капиталистъ не имѣетъ никакого права на трудъ рабочаго, какъ онъ имѣлъ нѣкогда на трудъ раба или крѣпостнаго. Рабочій предлагаетъ свои руки и получаетъ за это плату по обоюдному соглашенію. Выгодны ли для него эти условія или нѣтъ, и возможно ли сдѣлать ихъ болѣе выгодными, это — вопросъ экономическій, который къ юри-

дическому понятію о собственности не относится. Давши свободу рабочему, замѣнивши принудительныя отношенія добровольными обоюдными обязательствами, однимъ словомъ, уравнявши въ правахъ рабочаго съ капиталистомъ, и оградивши свободу перваго, право сдѣлало все, что могло сдѣлать. Фактическое осуществленіе права выходитъ изъ предѣловъ его дѣйствія.

Вопросъ объ отношеніи рабочихъ къ капиталистамъ приводитъ насъ къ экономическимъ воззрѣніямъ Лассаля, которыя онъ развивалъ въ рядѣ брошюръ, служившихъ соціалистической пропагандѣ. Въ нихъ темныя стороны автора выступаютъ особенно наглядно. Если уже въ серіозныхъ и обширныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ Лассаль такъ легко относился къ важнѣйшимъ общественнымъ задачамъ, то тѣмъ болѣе можно этого ожидать въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выходилъ изъ своего кабинета, чтобы проповѣдывать свои убѣжденія народу. Изъ этихъ брошюръ, наиболѣе обще-философское значеніе имѣетъ лекція, читанная имъ передъ работниками въ 1863 году и изданная подъ заглавіемъ: *Программа рабочихъ* (das Arbeiterprogramm). Здѣсь онъ выставляетъ идею рабочаго класса, какъ господствующее начало современнаго періода всемірной исторіи. Эту мысль онъ доказываетъ исторически. Вся исторія новыхъ народовъ представляетъ, по его мнѣнію, поочередное преобладаніе различныхъ общественныхъ классовъ; средніе вѣка — дворянства и духовенства, новое время — мѣщанства, наконецъ, настоящая эпоха - рабочаго класса. Каждый изъ этихъ историческихъ фазисовъ вытекаетъ изъ извѣстнаго состоянія экономическаго быта и влечетъ за собою извѣстное общественное устройство. Въ средніе вѣка, главнымъ источникомъ дохода была поземельная собственность; она-то и наложила свою печать на весь общественный бытъ. Политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ поземельныхъ владѣльцевъ; на промышленный трудъ смотрѣли съ пренебреженіемъ. Въ силу естественнаго стремленія привилегированныхъ классовъ сваливать всѣ тяжести на остальныхъ, они были изъяты отъ податей. По принятому обычаю, на потребности государства церковь давала свои молитвы, дворянство свою кровь, народъ свое имущество [1]). Этотъ порядокъ продолжался, пока открытія новаго времени дали новый толчекъ промышленнымъ силамъ. Съ XVI вѣка капиталъ растетъ и мало по малу заслоняетъ собою поземельную собствен-

---

[1]) Das Arbeiterprogramm (Chicago 1872), стр. 4—6.

ность. Это движеніе завершается французскою революціею. Какъ и всѣ революціи, имѣющія историческое значеніе, она была только выраженіемъ уже совершившагося переворота. Мѣщанство, которое, по выраженію Сіэса, прежде было ничто, теперь сдѣлалось всѣмъ, ибо оно фактически занимало уже въ общественной жизни первенствующее мѣсто. Въ первую минуту, оно считало себя даже тождественнымъ со всею массою народа и въ своемъ торжествѣ видѣло дѣло всего человѣчества. Но скоро обозначился истинный характеръ этого движенія. Учредительное Собраніе 1789 года установило для политическихъ правъ имущественный цензъ, правда небольшой, но все же цензъ; оно исключило всѣхъ находящихся въ личномъ услуженіи, то есть, именно рабочій классъ. Эти начала, въ силу логической послѣдовательности, не замедлили расшириться. Съ помощью ценза, политическія права сдѣлались исключительнымъ достояніемъ мѣщанства, также какъ прежде они были достояніемъ дворянства. Посредствомъ косвенныхъ податей, большая часть общественныхъ тяжестей была свалена на рабочій классъ. Общественное положеніе стало пріобрѣтаться только деньгами. Наконецъ, посредствомъ залоговъ и штемпельной таксы, газеты, которыя въ настоящее время служатъ источниками образованія, сдѣлались собственностью имущихъ. Однимъ словомъ, и тутъ, также какъ въ средніе вѣка, господствующій классъ налагаетъ свою печать на все общественное устройство и все обращаетъ въ свою пользу [1].

Съ февральскою революціею наступаетъ заря новой жизни. Тутъ впервые вводится всеобщая подача голосовъ, а съ этимъ вмѣстѣ рабочій классъ выступаетъ на первый планъ. Но стремленія его совершенно иныя, нежели у другихъ. Демократія, выражающаяся во всеобщей подачѣ голосовъ, не составляетъ привилегированнаго класса; она обнимаетъ собою всѣхъ, ибо всѣ равно работники на общую пользу. Поэтому, начало, господствующее въ рабочемъ классѣ, есть всеобщее единеніе и любовь. Отсюда и высшее нравственное его содержаніе. У привилегированныхъ классовъ, собственныя ихъ выгоды противорѣчатъ требованіямъ общаго блага и цѣлямъ человѣческаго развитія. Вслѣдствіе этого, они всегда находятся въ противорѣчіи съ собою. Они должны или дѣйствовать наперекоръ голосу разума и совѣсти, или заглушать въ себѣ этотъ голосъ. Отсюда господствующій въ нихъ эгоизмъ;

---

[1]) Das Arbeiterprogramm, стр. 9—29.

отсюда презрѣніе ко всему высокому и святому, къ идеальнымъ цѣлямъ человѣчества. Въ рабочемъ классѣ нѣтъ этого противорѣчія. Его дѣло есть дѣло всего человѣчества; онъ можетъ предаваться ему со всею силою личной страсти, безъ всякаго ущерба для другихъ. Поэтому, его господство должно принести съ собою такое процвѣтаніе нравственности, просвѣщенія и науки, какого исторія еще никогда не видала. Наконецъ, съ этимъ связано и высшее нравственное пониманіе государства и его задачъ. Для мѣщанства, государство ничто иное, какъ ночной сторожъ, охраняющій порядокъ: оно должно только обезпечивать каждому свободное употребленіе силъ и устранять всякое нарушеніе права. Для рабочаго класса, напротивъ, государство представляетъ высшую солидарность всѣхъ его членовъ и общеніе всѣхъ интересовъ. Работникъ знаетъ, что одинокій человѣкъ безсиленъ, что только въ союзѣ съ другими онъ въ состояніи побороть природу. Этотъ союзъ и есть государство, котораго задача состоитъ слѣдовательно въ томъ, чтобы способствовать положительному развитію свободы и человѣчности. Нравственная его цѣль — воспитаніе человѣчества къ свободѣ. Эта цѣль до такой степени ему присуща, что оно всегда къ ней стремилось, хотя безсознательно, понуждаемое обстоятельствами. Только съ господствомъ рабочаго класса, эта высшая нравственная задача получаетъ настоящую свою почву и можетъ быть послѣдовательно проведена. Отсюда высокое всемірно-историческое призваніе этого класса. Онъ — камень, на которомъ должна быть построена церковь настоящаго [1]).

Лассаль объявляетъ слушающимъ его работникамъ, что въ своемъ историческомъ изложеніи онъ держится точки зрѣнія чистой науки [2]). Въ своей рѣчи передъ судомъ, куда онъ былъ призванъ для оправданія, онъ увѣряетъ даже, что въ этомъ историческомъ очеркѣ заключается „тѣмъ болѣе научной глубины, что не въ самомъ изложеніи, но *подъ* нимъ, на глубинѣ горъ, въ пурпурной темнотѣ, лежитъ масса положительнаго матеріала, котораго мысленный экстрактъ оно даетъ“... „И теперь вы видѣли, восклицаетъ онъ, что каждое мое слово окружено тройною бронею науки и истины“ [3]). Дѣйствительно, историческій мате-

---

[1]) Das Arbeiterprogramm, стр. 29—39.
[2]) Тамъ же, стр. 3.
[3]) Die indirecte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen (Chicago. 1872), стр. 90.

ріалъ остается тутъ на недосягаемой глубинѣ. Публика же ничего не видитъ, кромѣ легкомысленнаго скаканія по верхушкамъ, съ тенденціозною цѣлью. Изъ исторіи намѣренно выбирается то немногое, что нужно автору; остальное, и притомъ самое существенное, оставляется въ сторонѣ.

Справедливо, что въ средніе вѣка преобладала поземельная собственность; но не надобно забывать. что тутъ же возникаютъ и города, которые въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Италіи, получаютъ первенствующее значеніе: Не слѣдуетъ забывать и то, что сила духовенства основывалась не на поземельной собственности, а на совершенно иномъ началѣ. Вообще, экономическія отношенія играютъ тутъ второстепенную роль. Если средневѣковое дворянство помогало князю не деньгами, а кровью, то это не значитъ, что оно сваливало всѣ общественныя тяжести на другихъ. Несправедливость начинается только тамъ, гдѣ дворянство перестало платить службою, а сохранило изъятіе отъ податей, то есть, въ новое время. Но и эта привилегія имѣла свое значеніе: это была сдѣлка за потерю политической свободы, а вовсе не пользованіе властью для корыстныхъ цѣлей. Съ дворянъ не брали денегъ, потому что ихъ не призывали къ контролю надъ расходами. Въ Англіи же, то есть, именно тамъ, гдѣ дворянство сохранило власть, оно платило наравнѣ со всѣми; отсюда крѣпость англійской свободы. Но Англіи Лассаль не хочетъ знать, какъ будто бы она не существовала.

Далѣе, уничтоженіе средневѣковаго порядка было отнюдь не замѣною одного привилегированнаго сословія другимъ. Самъ Лассаль указываетъ на то начало, которое было исходною точкою всего развитія новаго времени, именно, на возникновеніе „государственной власти, какъ носительницы государственной идеи, независимой отъ отношеній частнаго владѣнія“ [1]; но это мимоходомъ брошенное замѣчаніе остается у него безъ всякихъ послѣдствій, между тѣмъ какъ оно заключаетъ въ себѣ весь смыслъ послѣдующаго историческаго движенія. Именно вслѣдствіе своего высокаго положенія, усиливающаяся королевская власть подаетъ руку низшимъ сословіямъ и въ особенности среднему, которое, по самому своему значенію, какъ посредствующее звено между противоположными крайностами, призвано было содѣйствовать общественному объединенію. Уже древніе мыслители замѣчали

[1]) Der Arbeiterprogr. стр. 8.

этотъ существенный характеръ средняго состоянія; отсюда и роль его въ новомъ конституціонномъ государствѣ. Но для Лассаля, различное политическое значеніе сословій, также какъ и различное политическое значеніе поземельной и движимой собственности, опять же не существуютъ. По его теоріи, сначала преобладала поземельная собственность и все обращала въ свою пользу; затѣмъ развилась движимая собственность и опять все стала обращать въ свою пользу. Кромѣ эгоистическихъ расчетовъ, нѣтъ ничего.

Извѣстно далѣе, что политическое развитіе новаго времени проходило черезъ различные фазисы. Сперва установляется чистый абсолютизмъ; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ странахъ распространяются демократическія идеи, которыя выражаются не только въ теоріяхъ, но и въ общественныхъ переворотахъ. Исходя изъ Англіи, это движеніе переходитъ въ Америку и наконецъ завершается французскою революціею. Казалось бы, ревностному демократу нельзя было не обратить особаго вниманія на это явленіе. Но оно не подходитъ подъ схему Лассаля, и онъ, не обинуясь, выдаетъ французскую революцію просто за торжество мѣщанства, за выраженіе преобладанія капитала надъ недвижимою собственностью. Только въ первую минуту мѣщанство признало себя тождественнымъ со всѣмъ народомъ, хотя изъ исторіи извѣстно, что подъ именемъ *третьяго сословія* во Франціи искони разумѣлся весь народъ, за исключеніемъ дворянства и духовенства, и на этомъ его значеніи основывалась вся сила доводовъ Сіэса, на котораго ссылается Лассаль. Умалчивается и о *Провозглашеніи правъ человѣка и гражданина*, въ которомъ, можно сказать, высказалась вся душа французской революціи. Существенно, по мнѣнію Лассаля, то, что Учредительное Собраніе установило нѣкоторыя ограниченія права голоса, въ виду обезпеченія независимости избирателей: этого достаточно, для того чтобы во всемъ этомъ движеніи видѣть одну мѣщанскую революцію. Отсюда Лассаль выводитъ и новую конституціонную монархію, хотя опять же извѣстно, что конституціонная монархія XIX-го вѣка вышла не изъ революціонныхъ началъ, а изъ реакціи противъ этихъ началъ, или, лучше сказать, изъ сдѣлки этихъ началъ съ началомъ законной монархіи. Но именно это, самое существенное явленіе новаго времени, это сочетаніе противоположностей, къ которому привела практическая жизнь, также какъ и теорія, безусловно отвергается Лассалемъ. „Изъ двухъ вещей одна; восклицаетъ онъ. Или чистый абсолютизмъ — или всеобщая подача

голосовъ! Объ этихъ двухъ вещахъ можно, при различіи воззрѣній, спорить; но то, что лежитъ между ними, во всякомъ случаѣ невозможно, не послѣдовательно и не логично“ [1]). Такимъ образомъ, вся исторія Англіи однимъ почеркомъ пера объявляется чистою невозможностью. На этомъ примѣрѣ можно видѣть, до какой нищеты пониманія нисходятъ даже сильные умы, когда они увлекаются односторонними и чуждыми наукѣ цѣлями. Можно быть демократомъ; можно предпочитать республику конституціонной монархіи; но кто объявляетъ конституціонную монархію чистою невозможностью, тотъ уже навѣрное ничего не понимаетъ ни въ исторіи, ни въ политикѣ.

Но, по крайней мѣрѣ, Америка могла бы привлечь къ себѣ вниманіе Лассаля. Тутъ чистая демократія утвердилась уже около столѣтія; тутъ онъ могъ провѣрить на фактѣ, дѣйствительно ли господство демократіи приноситъ съ собою такое процвѣтаніе нравственности, просвѣщенія и науки, какого исторія еще не видала. Къ удивленію, онъ и объ Америкѣ умалчиваетъ, также какъ и объ Англіи. Дѣло въ томъ, что утвержденіе демократіи въ XVIII вѣкѣ опять же не подходило подъ его схему. Этимъ прерывается историческая послѣдовательность преобладанія сословій. Поэтому, все демократическое движеніе XVIII-го вѣка просто опускается, и заря новой жизни загорается только 24-го февраля 1848 года.

Чѣмъ же однако былъ приготовленъ этотъ новый фазисъ развитія? Лассаль утверждаетъ, что всякая прочная революція является только выраженіемъ уже совершившагося общественнаго переворота. Но здѣсь мы не только не видимъ предшествующаго паденія капитала и развитія рабочаго класса, а замѣчаемъ совершенно обратное явленіе. Самъ Лассаль указываетъ на то, что изобрѣтеніе машинъ повело въ новѣйшее время къ громадному развитію фабричнаго производства, а вслѣдствіе того и крупныхъ капиталовъ, при чемъ положеніе рабочаго класса стало болѣе зависимымъ, нежели прежде. Въ силу чего же этотъ классъ внезапно дѣлается господствующимъ элементомъ настоящей эпохи? Между тѣмъ, какъ преобладаніе капитала готовилось въ теченіи трехъ столѣтій, здѣсь новая власть падаетъ съ неба, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, при чемъ оказывается, что она даже и не имѣетъ настоящей силы, а только стремится

---

[1]) Die indirecte Steuer etc., стр. 110.

къ ея пріобрѣтенію. По признанію Лассаля, рабочій классъ стоитъ пока на самой низкой ступени общественной лѣствицы, и всеобщее право голоса должно служить ему орудіемъ, чтобы взобраться на высоту.

Что же однако ручается намъ за то, что этотъ новый владыка, по примѣру прежнихъ, не обратитъ всѣхъ общественныхъ благъ въ исключительную свою пользу? Лассаль увѣряетъ, что такъ какъ демократія обнимаетъ собою всѣхъ, то тутъ уже исключительности быть не можетъ, а напротивъ, должно господствовать начало единенія и любви. На сколько онъ былъ искрененъ въ этихъ сентиментальныхъ заявленіяхъ, онъ самъ доказалъ, какъ скоро онъ съ созерцательной высоты перешелъ къ практической программѣ. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ, взывая къ рабочимъ, говорилъ имъ: неимущіе составляютъ 96$^{1}/_{2}$ процентовъ всего народонаселенія; слѣдовательно, государство есть *ваше* товарищество, товарищество неимущихъ, а потому, обладая всеобщимъ правомъ голоса, вы можете всѣ барыши, принадлежащіе нынѣ имущимъ классамъ, обратить въ свою пользу [1]). Ниже мы увидимъ это подробнѣе. Послѣ этого, едва ли можно сомнѣваться, что всѣ эти толки объ эгоизмѣ и безнравственности высшихъ классовъ и превознесеніе нравственности низшихъ въ устахъ Лассаля были только пустою декламаціею, недостойною ученаго, сколько нибудь себя уважающаго. Цѣль, которую онъ указывалъ рабочимъ, заключалась въ одномъ — въ присвоеніи себѣ матеріальныхъ благъ, принадлежащихъ нынѣ другимъ, и эту цѣль онъ убѣждалъ ихъ достигнуть, захвативши въ свои руки государственную власть путемъ всенароднаго выбора.

Отсюда то высшее значеніе идеи государства, которое, по теоріи Лассаля, должно составлять завершеніе программы рабочаго класса. Не трудно и тутъ замѣтить прежде всего искаженіе фактической постановки вопроса. Несправедливо, что мѣщанство видитъ въ государствѣ только оберегателя порядка и собственности. Либеральная теорія юридическаго государства составляетъ только одну изъ отраслей политической философіи. Если эта теорія гдѣ либо получила преобладаніе, такъ именно въ демократической Америкѣ. Французское мѣщанство постоянно и справедливо упрекали въ томъ, что оно слишкомъ многаго ожидаетъ отъ государства, не полагаясь на соб-

---

[1]) Offenes Antwortschreiben (3 Aufl. Chicago. 1872), стр. 25, 30.

ственныя силы. Въ Англіи, въ новѣйшее время, преобладаніе среднихъ классовъ повлекло за собою значительное усиленіе государственной дѣятельности. Въ Германіи, теорія государства, какъ высшаго нравственнаго организма, была выработана мыслителями, вышедшими изъ среды того же мѣщанства. Конечно, рабочій классъ, скорѣе, нежели другіе, можетъ развить эту идею до крайности. Не имѣя ничего, онъ, какъ говоритъ Лассаль, долженъ *всего* ожидать отъ государства, но въ этомъ-то и заключается опасность, ибо государство не можетъ всего дать. Безъ сомнѣнія, задача государства, какъ высшаго нравственнаго союза, состоитъ въ содѣйствіи всему человѣческому развитію; но оно не можетъ замѣнить собою дѣятельности частныхъ силъ и частныхъ товариществъ. Государство — высшій человѣческій союзъ, но не единственный. Одна изъ глубочайшихъ мыслей Гегеля въ его философіи права состоитъ въ различеніи государства и гражданскаго общества. Этимъ только ограждается независимость частной жизни, и дѣятельность государства вводится въ должныя границы. Но для Лассаля, гражданское общество, также какъ и всѣ другія юридическія категоріи, не болѣе какъ преходящій историческій моментъ [1]). Онъ упрекаетъ либеральное мѣщанство за то, что оно государство хочетъ распустить въ гражданскомъ обществѣ [2]); между тѣмъ, онъ не замѣчаетъ, что провозглашаемое имъ поглощеніе гражданскаго общества государствомъ составляетъ несравненно большее зло, ибо оно ведетъ къ уничтоженію самостоятельности человѣческой личности. Если либеральная теорія юридическаго государства должна быть признана одностороннею и недостаточною, то не менѣе односторонне преувеличенное понятіе о государствѣ. Между этими двумя крайностями лежитъ вся политическая наука.

Чего именно рабочій классъ можетъ требовать отъ государства, это Лассаль изложилъ въ своей практической программѣ. Въ 1863 году, въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ начиналось сильное движеніе. Въ конституціонной борьбѣ между прусскою палатою и министерствомъ, которая въ ту пору была въ полномъ разгарѣ, либералы старались привлечь рабочихъ на свою сторону. Въ тоже время, Шульце-Деличъ устроивалъ свои товарищества кредита и потребленія. Всѣ эти вопросы волновали низшіе

[1]) Syst. d. erw. R. I, стр. 70, прим.
[2]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, стр. 155.

классы. Въ Лейпцигѣ долженъ былъ собраться общій нѣмецкій рабочій конгрессъ. Центральный комитетъ, завѣдывавшій этимъ дѣломъ, обратился, между прочимъ, и къ Лассалю. Послѣдній, въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, обнародовалъ *Открытое отвѣтное письмо* [1]), въ которомъ онъ изложилъ свою программу дѣйствій. Это былъ сигналъ для повсемѣстной соціалистической агитаціи.

Что же заключала въ себѣ эта программа? Въ политическомъ отношеніи, Лассаль совѣтовалъ добиваться всеобщей подачи голосовъ, ибо только этимъ путемъ народъ можетъ получить власть въ свои руки. Но для этого рабочій классъ долженъ образовать особую партію, а никакъ не примыкать къ прусскимъ прогрессистамъ, которые имѣютъ въ виду только господство либеральнаго мѣщанства и всѣ свои надежды для Германіи возлагаютъ на отсталую Пруссію. Въ соціальномъ же отношеніи, Лассаль объявлялъ всѣ частныя товарищества совершенно недостаточными. По его мнѣнію, они могутъ улучшать судьбу отдѣльныхъ личностей, но никакъ не цѣлаго класса. Для достиженія послѣдней цѣли, нужны болѣе радикальныя мѣры. Рабочій классъ, говоритъ Лассаль, страдаетъ подъ гнетомъ желѣзнаго и жестокаго экономическаго закона, въ силу котораго, подъ вліяніемъ предложенія и требованія, средняя рабочая плата всегда ограничивается необходимыми, по существующему у даннаго народа обычаю, средствами пропитанія. Какъ скоро плата возвышается, такъ немедленно умножаются браки, народонаселеніе растетъ, а съ этимъ вмѣстѣ усиливается предложеніе рукъ, и плата понижается на прежній уровень. Если же заработная плата падаетъ ниже уровня, то проистекающія отсюда бѣдствія ведутъ къ уменьшенію числа рабочихъ, слѣдовательно предложенія рукъ, а потому плата опять возвышается на прежнюю высоту. Вслѣдствіе этого закона, признаннаго всѣми экономистами, изъ общей суммы производства сперва выдѣляется часть, потребная для скуднаго пропитанія рабочихъ, а затѣмъ остальное остается барышемъ предпринимателей. Черезъ это, рабочій классъ всегда находится на краю нищеты; онъ исключается изъ пользованія тѣми благами, которыя добываются собственнымъ его трудомъ. Всякій, говоритъ Лассаль, кто не признаетъ этого закона или не мо-

---

[1]) Offenes Antwortschreiben an das Central-Comité zur Berufung eines Allgemeinen Deutschen Arbeiter-Congresses zu Leipzig (3 Aufl. Chicago. 1872).

жетъ указать средства его устранить, ничто иное какъ пустой болтунъ. Онъ или хочетъ васъ обмануть или самъ ничего не понимаетъ [1]).

Но если это дѣйствительно желѣзный экономическій законъ, то какъ же его устранить? Казалось бы, на это есть только одно средство, а именно, поднятіемъ нравственнаго уровня рабочаго класса противодѣйствовать безразсудному заключенію браковъ и безпредѣльному размноженію нищихъ. Иначе всякія улучшенія быта останутся тщетными. Поставленное въ болѣе благопріятныя условія, народонаселеніе быстро размножится, и все опять придетъ въ прежнее положеніе. Но Лассаль весьма далекъ отъ подобнаго вывода. Онъ не довольствуется медленнымъ возвышеніемъ уровня; ему хочется полнаго экономическаго переворота, вслѣдствіе котораго низшіе классы разомъ пріобрѣли бы всѣ блага, принадлежащія нынѣ высшимъ. Какую цѣну, восклицаетъ онъ, можетъ имѣть для васъ мысль, что настоящее ваше положеніе лучше, нежели положеніе рабочихъ за 80, за 200 или за 300 лѣтъ, и какое это можетъ доставить вамъ удовлетвореніе? Положеніе всякаго человѣка измѣряется сравненіемъ его съ состояніемъ людей, живущихъ съ нимъ въ одно время. При всѣхъ измѣненіяхъ общественнаго быта, вы постоянно стоите на низшей ступени общественной лѣстницы, и изъ этого положенія никакія частныя товарищества не могутъ васъ вывести. Еслибы учрежденія Шульце-Делича распространились на весь рабочій классъ, то результатъ былъ бы одинъ: въ силу того же желѣзнаго закона, всеобщее увеличеніе благосостоянія повело бы опять къ умноженію рабочихъ, и снова они опустились бы на прежній уровень. Постоянное улучшеніе ихъ быта возможно только однимъ путемъ: надобно, чтобы рабочіе сами сдѣлались предпринимателями, черезъ что весь принадлежащій послѣднимъ барышъ обратится въ ихъ пользу [2]).

И такъ, требуется не постепенное улучшеніе быта рабочаго класса, а уравненіе его съ высшими. Удовлетвореніе состоитъ не въ томъ, что мнѣ лучше, нежели прежде, а въ томъ, что другимъ не лучше, нежели мнѣ. Во всей соціалистической литературѣ едва ли можно встрѣтить болѣе циническое воззваніе къ зависти.

Что же однако достигается этимъ уравненіемъ? На это от-

---

[1]) Off. Antwortschr. стр. 13—15.
[2]) Тамъ же, стр. 16—19.

вѣчаютъ цифры, которыя приводитъ самъ Лассаль. Желая доказать, что имущіе классы составляютъ совершенно ничтожное меньшинство передъ неимущими, онъ ссылается на статистическія данныя, собранныя Дитерици относительно подоходнаго налога въ Пруссіи. Изъ нихъ оказывается, что въ 1851 году на 17 милліоновъ жителей только 44,400 человѣкъ имѣли свыше 1000 талеровъ дохода. Средній доходъ всѣхъ этихъ лицъ составлялъ 2357 талеровъ [1]), слѣдовательно, общій доходъ равнялся 104,650,800 талеровъ. Раздѣливши эту сумму на 17 милліоновъ, мы получаемъ на каждаго по 6 талеровъ въ годъ, обогащеніе, какъ видно, весьма незначительное. А между тѣмъ „желѣзный экономическій законъ“ продолжаетъ дѣйствовать, браки и народонаселеніе умножаются, и скоро все возвращается къ прежнему уровню. Только теперь уже брать не у кого, ибо всѣ равно нищіе, и самыя средства къ постепенному улучшенію быта прекратились, ибо приращеніе народнаго капитала пресѣклось. Самъ Лассаль признаетъ, что именно зажиточные классы имѣютъ привычку ежегодно откладывать и накоплять часть своихъ доходовъ [2]). Въ этомъ состоитъ главный способъ приращенія народнаго капитала; приращеніе же капитала одно даетъ возможность умножиться народонаселенію, ибо безъ капитала нѣтъ и работы. Поэтому, какъ скоро приращеніе капитала не идетъ въ уровень съ умноженіемъ народонаселенія, такъ, въ силу того же „желѣзнаго экономическаго закона“, наступаетъ обратное явленіе: народонаселеніе непремѣнно должно уменьшаться путемъ бѣдствій и голодной смерти. Это и составляетъ единственный возможный результатъ всего предложеннаго Лассалемъ уравненія классовъ. Наука показываетъ, что иначе и быть не можетъ. Зажиточные классы играютъ роль общественнаго органа для приращенія капиталовъ, а отъ этого приращенія зависитъ все народное богатство. Благосостояніе народа поднимается единственно черезъ то, что капиталы умножаются быстрѣе, нежели народонаселеніе. Таковъ именно ходъ при нормальномъ экономическомъ развитіи, чему признакомъ служитъ постепенное уменьшеніе процента съ капиталовъ. Оно доказываетъ, что вслѣдствіе усилившагося предложенія капиталовъ, приходящаяся на

---

[1]) Die indirecte Steuer und die Lage des arbeitenden Klassen, стр. 51 (Chicago. 1872).

[2]) Тамъ же, стр. 53.

ихъ долю часть общаго барыша уменьшается, слѣдовательно, увеличивается часть, приходящаяся на долю труда. Это и есть единственный нормальный способъ поднять благосостояніе низшихъ классовъ. Капиталисты являются главными орудіями этого движенія.

Этотъ естественный, нормальный экономическій органъ Лассаль хочетъ замѣнить другимъ, искусственнымъ, именно, государствомъ. Онъ понималъ очень хорошо, что рабочіе классы, предоставленные собственнымъ средствамъ, не въ состояніи сдѣлаться предпринимателями, по крайней мѣрѣ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Чтобы убѣдить рабочихъ въ недостаточности частныхъ товариществъ безъ государственной помощи, онъ указываетъ на примѣръ такъ называемыхъ Рочдельскихъ піонеровъ, которые завели ткацкую фабрику на свой собственный счетъ. Фабрика употребляла 500 рабочихъ; капиталъ же ея состоялъ изъ 1600 акцій, которыя точно также были разобраны рабочими. Какой же былъ результатъ? Тотъ, что рабочіе-акціонеры стали утверждать, что весь дивидендъ, или барышъ отъ производства, принадлежитъ имъ, а собственно рабочіе должны довольствоваться одною заработною платою. Изъ этого Лассаль выводитъ, что обладаніе капиталомъ развращаетъ самихъ работниковъ, и что во всякомъ случаѣ, работающіе на извѣстной фабрикѣ не въ состояніи, посредствомъ складчины, составить капиталъ этой фабрики, ибо 500 рабочихъ нуждаются въ 1600 постороннихъ акціонеровъ. При организаціи, обнимающей весь рабочій классъ, постороннихъ акціонеровъ уже не будетъ; слѣдовательно, имъ не откуда будетъ взять средства, которыхъ нѣтъ въ собственномъ карманѣ [1]). Помочь этому недостатку можно только однимъ способомъ — кредитомъ государства: оно должно доставлять рабочимъ потребный для нихъ капиталъ. Задача государства состоитъ именно въ томъ, чтобы содѣйствовать народному развитію и облегчать успѣхи просвѣщенія. Оно и дѣлаетъ это всякій разъ, какъ является въ томъ потребность. Лучшимъ доказательствомъ служатъ гарантіи, которыя оно даетъ желѣзнымъ дорогамъ, гарантіи, при которыхъ весь убытокъ падаетъ на него, а весь барышъ достается предпринимателямъ. Если оно можетъ вмѣшиваться такимъ образомъ въ промышленную область, когда этого требуетъ интересъ капиталистовъ, то тѣмъ болѣе оно въ правѣ это дѣлать для улучшенія благосостоянія всего народа, въ интересѣ рабочаго класса, много-

---

[1]) Off. Antwortschr. стр. 26—29.

численнѣйшаго изъ всѣхъ. Въ Пруссіи, зажиточные классы, имѣющіе свыше 1000 талеровъ дохода, составляютъ только $1/2$ процента всего народонаселенія, а имѣющіе свыше 400 талеровъ $3 1/2$ процента; слѣдовательно, собственно рабочій классъ составляетъ $96 1/2$ процентовъ всѣхъ гражданъ. А такъ какъ государство есть соединеніе гражданъ, то ясно, что оно, въ сущности, ничто иное какъ товарищество рабочихъ. Почему же большое товарищество не придетъ на помощь мелкимъ, чтобы вывести своихъ членовъ изъ затруднительнаго положенія [1])?

При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: откуда же государство возьметъ средства, которыхъ нѣтъ у его членовъ? По опредѣленію Лассаля, оно является исключительно товариществомъ рабочихъ, а у послѣднихъ въ карманѣ нѣтъ достаточно денегъ для составленія капитала; имъ нужна посторонняя помощь. Ясно, что эта помощь можетъ быть дана имъ только изъ кармановъ имущихъ. Государство сначала исключаетъ зажиточные классы изъ своей среды, затѣмъ оно обираетъ ихъ посредствомъ налоговъ, а наконецъ, оно отнимаетъ у нихъ средства жить иначе какъ работою своихъ рукъ, ибо отобранное у нихъ имущество должно въ народномъ хозяйствѣ замѣнить ихъ собственные капиталы и предпріимчивость. Уравненіе происходитъ полное, но уравненіе путемъ грабежа. Лассаль, правда, прямо не дѣлаетъ этого вывода; онъ утверждаетъ, что посредствомъ кредитной операціи, можно доставить капиталы рабочему классу, не требуя для этого ни копейки ни отъ кого [2]). Но кредитъ не создаетъ капиталовъ; онъ только перемѣщаетъ существующіе, становясь посредникомъ между обладателемъ и предпринимателемъ. Когда это перемѣщеніе совершается добровольно, оно выгодно для обѣихъ сторонъ и доставляетъ барышъ посреднику. Здѣсь же оно происходитъ насильственно: государство не занимаетъ у однихъ, съ тѣмъ, чтобы давать въ займы другимъ; оно просто путемъ налоговъ и монополіею кредита, забираетъ всѣ капиталы въ свои руки и такимъ образомъ становится единственнымъ капиталистомъ.

Черезъ это государство, очевидно, само дѣлается производителемъ, ибо производство капиталовъ составляютъ одну изъ существенныхъ сторонъ промышленной дѣятельности. Отнынѣ приращеніе народнаго капитала должно зависѣть исключительно отъ него.

[1]) Offen. Antwortschr. стр. 20—25.
[2]) Arbeiterlesebuch (5-te Aufl. Leipzig), стр. 42—44, 46.

Но въ состояніи ли оно исполнить эту задачу? Если есть положеніе, на которомъ сходятся и теорія и практика, такъ это то, что государство неспособно быть промышленникомъ. Для полученія барыша нуженъ личный интересъ. Лассаль называетъ начало невмѣшательства государства въ промышленную дѣятельность „однимъ изъ самыхъ неразумныхъ, тупыхъ и враждебныхъ просвѣщенію предразсудковъ, которые онъ знаетъ „(eines der unintelligentesten, stupidesten und culturfeindlichsten Vorurtheile, die ich kenne) [1]; но брань не замѣняетъ доказательствъ, а часто служитъ признакомъ ихъ отсутствія. Доказательствъ же Лассаль не представилъ. Онъ ссылается только на гарантіи желѣзныхъ дорогъ, утверждая, что государство призывается на помощь всякій разъ, какъ этого требуютъ выгоды капиталистовъ. Но этотъ примѣръ говоритъ скорѣе противъ него. Желѣзныя дороги, по существу своему, принадлежатъ государству. Онѣ, какъ и всѣ дороги, составляютъ общее достояніе; для постройки ихъ нужно принудительное отчужденіе частной собственности; конкурренція тутъ невозможна. А между тѣмъ, государство все таки предпочитаетъ отдавать постройку и эксплуатацію ихъ въ частныя руки, даже на невыгодныхъ для себя условіяхъ, въ виду того, что собственная его дѣятельность въ этой области оказывается еще менѣе прибыльною. Ясно, что какъ скоро капиталы перейдутъ въ руки государства, приращеніе ихъ прекратится, а съ тѣмъ вмѣстѣ падутъ и промышленность и народное благосостояніе. Это — система всеобщаго разворенія. Возлагая на государство неподобающую ему дѣятельность, Лассаль насилуетъ природу вещей. Онъ хочетъ замѣнить частный интересъ общимъ въ такой сферѣ, гдѣ первый составляетъ и движущую пружину и цѣль дѣятельности. Если есть начало враждебное культурѣ и выражающее близорукій взглядъ на вещи, такъ именно это, ибо оно основано на полномъ непониманіи существа и цѣлей государства.

Съ такою-то программою Лассаль выступилъ передъ нѣмецкими рабочими. Эффектъ ея былъ громадный. Это была искра, упавшая на порохъ. Съ одной стороны, на автора посыпались нареканія, съ другой стороны началась страстная агитація. Публичныя рѣчи и полемическія брошюры слѣдовали другъ за другомъ. Тысячи рабочихъ стекались, чтобы слушать пламеннаго

[1]) Arbeiterlesebuch, стр. 37.

оратора, который сдѣлался основателемъ соціалистической партіи въ Германіи. Подъ его руководствомъ организовался *Союзъ нѣмецкихъ работниковъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принужденъ былъ неоднократно защищаться и передъ судомъ, и тутъ онъ съ новою силою развивалъ свою тему. Дѣятельность была непомѣрная; но нельзя сказать, чтобы она была привлекательною. Всѣ темныя стороны личности Лассаля выступили здѣсь наружу. Нельзя безъ грусти и даже безъ нѣкотораго омерзѣнія смотрѣть на это легкомысленное развращеніе народа призраками науки, на эту лесть передъ толпою, на это непомѣрное самопревознесеніе, на эту площадную руготню, не знающую никакихъ границъ приличія. Даже соціалисты не пощажены; Прудона Лассаль называетъ мелкимъ мѣщаниномъ (Kleinbürger) [1]). Конечно, о научной обработкѣ вопросовъ не могло быть рѣчи. Самъ Лассаль говоритъ, что онъ не разъ сокрушался о томъ, что ему не удалось построить теорію, прежде нежели онъ ринулся во всенародную проповѣдь. Издавая свою брошюру подъ заглавіемъ: *Г. Бастіа-Шульце фонъ Деличъ или Капиталъ и работа,* онъ утѣшаетъ себя только тѣмъ, что здѣсь въ полемической, а потому въ болѣе живой формѣ, высказаны главныя начала его экономическихъ воззрѣній [2]). Посмотримъ же, что заключаетъ въ себѣ эта брошюра.

Шульце-Деличъ, также какъ и всѣ экономисты, основывалъ промышленное производство на личной дѣятельности человѣка. Для удовлетворенія своихъ потребностей, говорилъ онъ рабочимъ, мы должны полагаться только на самихъ себя, на данныя намъ природою силы. Отсюда обязанность попеченія о себѣ; отсюда вмѣненіе и отвѣтственность за свои дѣйствія. На этомъ зиждется все человѣческое общежитіе, даже самый государственный союзъ. Противъ этого Лассаль возражаетъ, что эти начала пригодны только для жителей необитаемыхъ острововъ, или для такъ называемаго состоянія природы. Въ состояніи же общежитія, силы отдѣльнаго человѣка опредѣляются общественными отношеніями, и чѣмъ выше развитіе, тѣмъ больше эта зависимость. Если въ юридической области каждый отвѣтствуетъ за свои дѣйствія, то въ промышленной области, напротивъ, каждый отвѣчаетъ за то, чего онъ не дѣлалъ. Неурожай или промышлен-

---

[1]) Herr Bastiat Schulze v. Delitzsch, стр. 95, 137, прим.
[2]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitzsch, der ökonomische Julian, oder Capital und Arbeit (Chicago. 1872). Vorwort, стр. VII—VIII.

ный кризисъ въ Америкѣ лишаетъ англійскихъ работниковъ пропитанія. Причина этого различія заключается въ томъ, что юридическая область есть поприще личной свободы, тогда какъ въ экономической области, напротивъ, господствуетъ начало солидарности или общенія [1]). При раздѣленіи труда, при фабричномъ производствѣ для всемірнаго рынка, никто уже не работаетъ для себя, но каждый работаетъ на всѣхъ. Производство стало общимъ; а между тѣмъ, по странному противорѣчію, распредѣленіе произведеній слѣдуетъ личному началу: произведенное совокупною дѣятельностью всѣхъ становится личнымъ достояніемъ предпринимателя. Это противорѣчіе между общеніемъ производства и крайнимъ индивидуализмомъ распредѣленія и есть то глубокое зло, которымъ страдаетъ современное общество [2]). Вслѣдствіе этого, вся промышленность превращается въ азартную игру, гдѣ нѣтъ возможности разсчитывать шансы, и гдѣ, поэтому, люди то всплываютъ на верхъ, то опускаются внизъ, по прихоти слѣпаго случая. Устранить это зло можно не личною самодѣятельностью, а единственно широкими мѣрами, организующими солидарное производство. [3]).

Въ этомъ изображеніи современной промышленности Лассаль забываетъ одно, именно, что все это совокупное и солидарное производство возникаетъ и держится единственно свободнымъ движеніемъ частныхъ силъ. Поэтому и распредѣленіе богатства руководится тѣми же началами. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, а есть, напротивъ, глубокое тождество. Вся промышленность основана на личномъ началѣ; движущая ея пружина есть личный интересъ. Но самое развитіе этого начала ведетъ къ взаимности интересовъ. Въ силу экономическихъ законовъ, солидарность устанавливается сама собою, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, и это служитъ явнымъ признакомъ того, что эти законы суть естественные законы человѣческой дѣятельности. Стремясь къ личной своей выгодѣ, человѣкъ принужденъ работать на другихъ; онъ производитъ для людей, живущихъ за дальними морями. Трудъ раздѣляется самъ собою; свободныя частныя силы соединяются въ совокупную дѣятельность. Конечно, въ этомъ есть и рискъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ расширяетъ свое производство, тѣмъ болѣе онъ

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del., стр. 14—20.
[2]) Тамъ же, стр. 35.
[3]) Тамъ же, стр. 21—26, 28.

становится въ зависимость отъ отдаленныхъ вліяній. Нѣтъ промышленнаго устройства, которое бы ограждало производителей отъ неурожая или отъ невѣрныхъ расчетовъ. Но этимъ не уничтожаются ни самодѣятельность, ни отвѣтственность человѣка; онъ не становится страдательнымъ орудіемъ внѣшнихъ силъ. Напротивъ, такъ какъ рискъ здѣсь въ обѣ стороны, и въ итогѣ, выгоды значительно перевѣшиваютъ невыгоды, то самый этотъ рискъ служитъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дѣятельности. Ограничиваясь болѣе тѣсною сферою, производитель менѣе рискуетъ, но зато онъ менѣе выигрываетъ. Много силъ остается безъ употребленія, и въ промышленности является застой. Поэтому, всякая система, которая имѣетъ въ виду уничтоженіе этого риска и замѣну живаго взаимнодѣйствія частныхъ силъ общими органическими мѣрами, то есть, мертвымъ правительственнымъ схематизмомъ, не можетъ имѣть инаго результата, кромѣ упадка промышленности. Она уничтожаетъ внутреннюю, движущую ея пружину, то, что даетъ ей жизнь и развитіе; на мѣсто естественной взаимности, она ставитъ искусственную; однимъ словомъ, она хочетъ основать промышленность на совершенно несвойственныхъ ей началахъ. И тутъ, частное поглощается общимъ, между тѣмъ какъ именно въ этой сферѣ, частное, въ силу естественныхъ законовъ, составляетъ начало и конецъ всего движенія.

Но Лассаль увѣряетъ, что въ этой борьбѣ сильные покоряютъ себѣ слабыхъ; капиталисты обращаютъ въ свою пользу трудъ рабочихъ. Хотя рабство и крѣпостное состояніе исчезли, однако рабочій остается въ полной зависимости отъ капиталиста. Онъ не можетъ работать безъ капитала, а такъ какъ ему жить надобно, то онъ идетъ на всякія условія. Капиталистъ даетъ ему скудное пропитаніе, а весь барышъ, то есть, плодъ чужаго труда, онъ оставляетъ себѣ. Такимъ образомъ, работникъ подавляется плодами собственнаго своего прежняго труда, ибо капиталъ ничто иное какъ накопленный трудъ, и чѣмъ болѣе онъ работаетъ, тѣмъ положеніе его становится хуже [1]).

Очевидно однако, что если рабочій нуждается въ капиталѣ, то и капиталистъ нуждается въ рабочихъ, ибо безъ работы капиталъ остается мертвымъ достояніемъ. Оба фактора имѣютъ, слѣдовательно, право на извѣстную долю произведенныхъ цѣнностей. Рабочій получаетъ эту долю въ видѣ заработной пла-

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 76—79.

ты, капиталистъ въ видѣ барыша съ капитала. Каковъ размѣръ этихъ частей, это опредѣляется общимъ закономъ предложенія и требованія, какъ признаетъ и самъ Лассаль [1]). Если съ одной стороны, конкурренція рабочихъ ведетъ къ пониженію заработной платы, то съ другой стороны, конкурренція капиталистовъ ведетъ къ пониженію приходящагося на ихъ долю барыша. Слѣдовательно, выгода рабочихъ состоитъ въ томъ, чтобы капиталъ росъ какъ можно скорѣе. А потому, для нихъ всего желательнѣе такая система, которая всего болѣе способствуетъ этому росту. Такова именно система свободнаго соперничества, гдѣ само собою установляющееся раздѣленіе различныхъ отраслей и органовъ промышленности ведетъ къ образованію класса капиталистовъ, для которыхъ приращеніе капитала составляетъ спеціальное занятіе. И тутъ оказывается взаимность интересовъ, которая ведетъ къ соглашенію спорящихъ сторонъ. Если напряженіе борьбы производитъ иногда крайности богатства и бѣдности, если капиталистъ, въ погонѣ за барышемъ, старается извлечь изъ рабочаго все, что можетъ, то окончательно избытокъ капиталовъ непремѣнно отзывается возвышеніемъ заработной платы, ибо лишній капиталъ ищетъ рабочей силы, хотя бы и на менѣе выгодныхъ условіяхъ. Это доказывается, какъ мы уже замѣтили, пониженіемъ процентовъ въ богатыхъ странахъ.

Всѣ эти факты очевидны; но Лассаль смотритъ на нихъ совершенно съ другой точки зрѣнія. Для него, капиталъ вовсе не есть факторъ производства. Производителенъ одинъ трудъ; капиталъ же ничто иное какъ историческій наростъ, который долженъ исчезнуть при болѣе разумномъ общественномъ устройствѣ. Дѣлая этотъ выводъ, Лассаль ссылается на англійскихъ экономистовъ, въ особенности на Рикардо, который видѣлъ въ трудѣ единственный источникъ цѣнностей [2]). Но Рикардо не думалъ отвергать прибыли съ капитала; онъ только сводилъ ее на трудъ, потому что въ самомъ капиталѣ видѣлъ только накопленный трудъ. Поэтому, Лассалю приходится возставать и на Рикардо, также какъ онъ прежде возставалъ на Гегеля, то есть, искажая его начала подъ предлогомъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Независимо отъ того, теорія Рикардо, на которую ссылается Лассаль, сама подлежитъ суще-

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 150; Arbeiterleseb. стр. 53: «Alles nach dem Gesetz von Angebot und Nachfrage, nach welchem ich eben so gut wie meine Gegner entwickle».

[2]) Тамъ же, стр. 100—101, 119, 120.

ственнымъ возраженіямъ. Она грѣшитъ въ особенности тѣмъ, что она относится исключительно къ произведеніямъ, которыя могутъ произвольно умножаться, и которыхъ цѣна поэтому, въ силу конкурренціи, опредѣляется единственно издержками производства. Какъ же скоро является какая нибудь монополія, а она является вездѣ, гдѣ есть присвоеніе естественныхъ предметовъ, такъ цѣна произведенія перестаетъ опредѣляться однимъ положеннымъ въ него трудомъ. Собственное воззрѣніе Рикардо на поземельную ренту противорѣчитъ его началамъ, ибо владѣльцы лучшихъ земель получаютъ высшій доходъ не вслѣдствіе большаго труда, а вслѣдствіе выгоднѣйшаго положенія.

Недостатки англійской теоріи побудили французскихъ экономистовъ искать основанія цѣнности въ полезности вещей. Но и тутъ представляются неодолимыя затрудненія, ибо самые полезные предметы, если добываніе ихъ не стоитъ никакого труда, не имѣютъ цѣны. Поэтому, въ новѣйшее время Бастіа, которому слѣдовалъ и Шульце-Деличъ, предложилъ новое опредѣленіе. Онъ за основаніе цѣнности призналъ оказанную *услугу*. Къ сожалѣнію, Бастіа недостаточно выяснилъ свою мысль и самъ постоянно сбивался на понятія англійской школы, совершенно отвергая всякое отношеніе цѣнности къ полезности. Между тѣмъ, важность его опредѣленія заключается именно въ томъ, что оно соединяетъ въ себѣ оба начала. Услуга есть доставленіе полезности. Для пріобрѣтателя все равно какимъ способомъ добывается послѣдняя; для него важно то, что предметъ или дѣйствіе приноситъ ему пользу. Но онъ не дастъ за него болѣе того, что онъ могъ бы дать, пріобрѣтая цѣнность инымъ путемъ. Поэтому, крайній предѣлъ цѣны составляетъ для него стоимость того труда, который бы онъ самъ долженъ былъ приложить, еслибы онъ захотѣлъ личною дѣятельностью добывать полученную полезность. Съ своей стороны, оказывающій услугу не можетъ отдать цѣнность за меньшее, нежели она стоила ему самому. Для него, низшій предѣлъ цѣны составляютъ издержки производства. Между этими двумя крайностями колеблются цѣны предметовъ. Но конкурренція, какъ блистательно доказываетъ Бастіа, постоянно стремится привести ихъ къ низшему предѣлу, уравнивая ихъ съ дѣйствительными издержками производства. Поэтому, свободная конкурренція составляетъ первое условіе успѣшнаго развитія промышленности и народнаго благосостоянія.

Противъ этой теоріи Лассаль вооружается всѣми силами.

Онъ осыпаетъ бранью и Бастіà и послѣдователя его Шульце-Делича, утверждая, что новое ихъ начало ничто иное какъ сознательная ложь (Verlogenheit). Услуга, по его мнѣнію, вовсе даже не экономическая категорія, ибо есть множество услугъ даровыхъ. Какъ будто не существуетъ даровой работы! Затѣмъ, выхватывая отдѣльное выраженіе изъ аргументаціи Бастіà, Лассаль увѣряетъ, что считать мѣриломъ цѣны работу, сбереженную для потребителя, то есть, работу дѣйствительно не исполненную, значитъ выставлять мѣрило чисто отрицательное, дѣлать небытіе мѣриломъ бытія. Такая логика есть, по его выраженію, мерзость передъ Господомъ и не заслуживаетъ ничего, кромѣ громкаго смѣха [1]).

Что же онъ ставитъ на ея мѣсто? Единственнымъ мѣриломъ цѣнности голословно признается работа; но какая? Я работаю, и съ перваго взгляда кажется, говоритъ Лассаль, что моя работа — личная. Такова она дѣйствительно по субъекту, и таковою она была бы и по объекту, если бы я трудился для себя. Но при системѣ раздѣленія труда, я произвожу вещи полезныя для всѣхъ; слѣдовательно, въ дѣйствительности моя работа исполнила реальную, индивидуальную работу всѣхъ, то есть, общую или общественную работу. Слѣдовательно, и цѣна работы опредѣляется не личнымъ моимъ рабочимъ временемъ, употребленнымъ на данное произведеніе, а общественнымъ рабочимъ временемъ, потребнымъ для всей совокупности произведеній. Это послѣднее и выражается въ деньгахъ [2]).

Этимъ началомъ, по мнѣнію Лассаля, объясняются всѣ затрудненія относительно колебанія цѣнъ. Такъ напримѣръ, произведено пять милліоновъ аршинъ шелковой матеріи, а между тѣмъ, вслѣдствіе перемѣны вкуса, требуется только одинъ милліонъ. Личной работы тутъ очевидно потрачено очень много совершенно даромъ, но сумма общественной работы остается та, которая требуется для удовлетворенія потребности въ одинъ милліонъ; только теперь она распредѣляется на пять милліоновъ. Это и оказывается, когда эти пять милліоновъ противопоставляются собственной ихъ *совѣсти*, то есть, деньгамъ, въ которыхъ выражается сумма общественной работы. Теперь эти пять милліоновъ стоютъ тоже, что прежде стоилъ одинъ милліонъ [3]).

---

1) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 107—108, 111, 114—115.
2) Тамъ же, стр. 120, 121.
3) Тамъ же, стр. 122—123.

Читатель спрашиваетъ себя: что это шутка или серіозное мнѣніе? Бастіа объявлялся лживымъ и безсмысленнымъ хвастуномъ, за то что онъ неисполненную работу дѣлалъ мѣриломъ цѣнности, небытіе мѣриломъ бытія; а тутъ мѣриломъ становится не дѣйствительно исполненная работа, а работа потребная для удовлетворенія измѣнившейся моды; то есть, опять-таки небытіе является мѣриломъ бытія, но на этотъ разъ, это—такое небытіе, котораго никакъ уловить нельзя, ибо кто знаетъ, сколько нужно работы для удовлетворенія потребностей по всему земному шару? А меня еще увѣряли, что когда я работаю для всѣхъ, я исполняю не личную, а общественную работу! Къ моему крайнему прискорбію, оказывается, что личная работа и общественная—двѣ вещи совершенно разныя. Личная моя работа пропала даромъ, а общественная работа остается на невозмутимой и недосягаемой высотѣ, предлагая мнѣ пониженную цѣну за мое произведеніе, и тѣмъ лишая меня заработаннаго потомъ куска хлѣба. Очевидно, работникъ попался! Недаромъ Лассаль называетъ эту общественную работу „холодною античною судьбою гражданскаго міра“ [1]). Не видать только, что въ ней *реальнаго*. Въ сущности, это ничто иное какъ фикція, замѣняющая самый простой экономическій законъ, по которому уменьшеніе требованія влечетъ за собою уменьшеніе цѣны произведенія.

Мы еще возвратимся къ этой теоріи, которую Лассаль цѣликомъ заимствовалъ у Карла Маркса. Тутъ достаточно было показать, посредствомъ какого изумительнаго фокуса личная работа превращается въ общественную. Но этого мало: надобно еще доказать, что другой факторъ производства, капиталъ, ничто иное какъ преходящее историческое явленіе, которое существеннаго значенія не имѣетъ.

Для этого необходимо прежде всего измѣнить значеніе слова *капиталъ*. Если принять его въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно принимается наукою, то есть, какъ накопленный трудъ или какъ произведеніе, обращенное на новое производство, то капиталъ будетъ всегдашнимъ и необходимымъ элементомъ всякой промышленности. Во избѣжаніе подобнаго вывода, Лассаль не признаетъ капиталомъ орудіе производства, принадлежащее самому работнику. По его мнѣнію, орудіе становится капиталомъ, только когда оно ссужается другому для произво-

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 124.

дительной дѣятельности и черезъ это приноситъ барышъ. Дикаго Индѣйца, владѣющаго лукомъ, нельзя считать капиталистомъ, ибо Индѣецъ можетъ еще при случаѣ промѣнять свой лукъ на что нибудь другое, но въ ссуду его никто не возьметъ [1]).

Отчего же однако никто его не возьметъ? Если у Индѣйца отмѣнно хорошій лукъ, а между тѣмъ онъ, заболѣвши, не можетъ идти на охоту, почему же другой не выпроситъ у него это орудіе съ обязательствомъ возвратить его и въ добавокъ принести нѣсколько дичи за оказанную услугу? Мы имѣемъ тутъ всѣ признаки капитала, не только основные, но и производные, на самой первой ступени промышленнаго быта. Конечно, капиталъ находится здѣсь еще въ первобытной формѣ, но такова и вся промышленность.

Съ такою же основательностью Лассаль отвергаетъ существованіе капитала во всемъ древнемъ мірѣ. Здѣсь, говоритъ онъ, рабочій былъ собственностью капиталиста; слѣдовательно, не существовало раздѣленія между этими двумя классами, а потому не было и дѣленія барыша между ними. Ссужать же деньги постороннимъ людямъ капиталистъ не могъ, ибо каждый производилъ только для собственныхъ потребностей. Правда, исторія говоритъ намъ, что деньги отдавались въ займы, и притомъ за большіе проценты; объ этомъ громко гласятъ и законы Солона и бѣдствія римскихъ плебеевъ. Но всѣ эти ссуды, по увѣренію Лассаля, совершались не для производства, а для потребленія; деньги же, ссужаемыя для потребленія, не составляютъ еще капитала, хотя бы онѣ приносили проценты. Правда, исторія говоритъ намъ также, что въ древности была обширная торговля; слѣдовательно, можно было ссужать деньги для производства торговли. Но о торговлѣ Лассаль умалчиваетъ. Онъ признаетъ однако, что въ древности капиталъ существовалъ *въ зародышѣ* [2]).

Точно также и въ средніе вѣка для капитала, по увѣренію Лассаля, не было мѣста. И тутъ все производство ограничивалось собственными потребностями каждаго. Хотя въ городскихъ цехахъ было установлено раздѣленіе работъ, слѣдовательно необходимъ былъ обмѣнъ произведеній, но такъ какъ производство каждаго было ограничено законами, то и тутъ не для чего было занимать деньги. Лассаль признаетъ однако, что въ средніе вѣка

---

[1]) Herr. Bastiat-Schulze v. Del. стр. 131—132.
[2]) Тамъ же, стр. 132—136.

существовала обширная торговля съ Востокомъ и значительное ростовщичество. Поэтому, тутъ является уже поводъ къ образованію капитала. Если въ древности онъ существовалъ только въ зародышѣ, то здѣсь онъ становится уже *юношею*. Съ открытіемъ новыхъ путей для всемірной торговли, этотъ юноша крѣпнетъ и растетъ, пока наконецъ французская революція снимаетъ съ него всякія путы, и разнузданный великанъ начинаетъ гулять по всей землѣ [1]).

Настоящій періодъ, говоритъ Лассаль, періодъ преобладанія капитала, характеризуется раздѣленіемъ труда, производствомъ для всемірнаго рынка и безграничною конкурренціею, которая ведетъ къ побѣдѣ крупныхъ капиталовъ надъ мелкими. Работа же превращается въ товаръ, который продается на рынкѣ; а такъ какъ цѣна товара опредѣляется издержками производства, то и цѣна работы опредѣляется тѣмъ, что̀ потребно для поддержанія рабочаго, то есть, средствами пропитанія. Это рабочій и получаетъ въ видѣ заработной платы; все же остальное капиталистъ беретъ себѣ. Но этотъ излишекъ составляетъ точно также плодъ рабочаго труда, ибо инаго производителя нѣтъ. Слѣдовательно, присвоивая его себѣ, капиталистъ беретъ чужое. Собственность, при этомъ порядкѣ, становится чужимъ достояніемъ. Рабочій же, получая за проданную имъ сумму работы уменьшенную плату, не въ состояніи купить собственныхъ своихъ произведеній, такъ что чѣмъ производительнѣе его работа, тѣмъ онъ самъ становится бѣднѣе [2]).

Можно возразить, что и хозяинъ предпріятія долженъ получить вознагражденіе за свою работу. Но Лассаль утверждаетъ, что это вознагражденіе составляетъ совершенно ничтожную долю общаго барыша [3]). Между тѣмъ, самъ же онъ, въ своемъ проектѣ, предоставляетъ рабочимъ товариществамъ именно эту долю, а прибыль съ капитала, выражаемую обыкновенными процентомъ, оставляетъ за государствомъ [4]). Должно быть, вознагражденіе предпринимателей не такъ мало, если оно въ состояніи перевернуть всю судьбу рабочаго класса. Но увлекаясь своею темою, Лассаль увѣряетъ даже, что личныя качества предпринимателей совершенно ничего не значатъ для общаго производства. Если, го-

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 136—147.
[2]) Тамъ же, стр. 148—160.
[3]) Тамъ же, стр. 160.
[4]) Arbeiterleseb. стр. 42.

ворить онъ, общая сумма годоваго производства = A, средства пропитанія = Z, то будь всѣ предприниматели прилежны или лѣнивы, умны или глупы, они все таки въ итогѣ получатъ A—Z [1]). Можно думать, напротивъ, что если всѣ предприниматели глупы и лѣнивы, то сумма годоваго производства будетъ не A, а можетъ быть даже менѣе Z. Съ другой стороны, если дѣйствительно капиталъ, какъ утверждаетъ Лассаль, ничто иное какъ мертвое орудіе, которое не въ состояніи ничего произвести, если процентъ съ капитала есть похищеніе, совершаемое капиталистомъ у работника, то какимъ образомъ можно предоставить государству право брать проценты съ ссужаемаго имъ капитала? Сталобыть, и государство становится воромъ! Но разъяснять этихъ противорѣчій мы не беремся.

Съ такою же опрометчивостью Лассаль устраняетъ и другое возраженіе, что процентъ съ капитала составляетъ вознагражденіе за сбереженіе. Вопреки очевиднымъ фактамъ, онъ совершенно отвергаетъ возможность образованія капиталовъ изъ сбереженій. Вещи, предназначенныя для потребленія, говоритъ онъ, непремѣнно должны быть потреблены; иначе онѣ пропадутъ даромъ. Стоячій же капиталъ, состоящій изъ желѣза, брусьевъ, камней и т. п., и безъ того нельзя съѣсть; какая же заслуга въ томъ, что ихъ сберегаютъ [2])? Какъ будто однѣ и тѣже вещи нельзя употреблять производительно или непроизводительно, для работы или для удовольствія! Подобными аргументами можно только забавлять дѣтей. Всего любопытнѣе то, что отвергнувъ сбереженіе, какъ чисто отрицательное дѣйствіе, которое ничего произвести не можетъ, Лассаль признаетъ *накопленіе* труда источникомъ капитала, прибавляя только, что тѣ, которые трудятся, не въ состояніи накоплять, а тѣ, которые накопляютъ, пользуются чужимъ трудомъ [3]). Какъ будто накопленіе не есть другое слово для сбереженія!

Что же касается до постоянно повторяющагося довода, что рабочій, получая только скудное пропитаніе, не въ состояніи накоплять, то этому противорѣчатъ не только суммы, накопляемыя въ сберегательныхъ кассахъ, но и приведенный самимъ Лассалемъ примѣръ Рочдельскихъ піонеровъ. Требуемая имъ передача

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 163
[2]) Тамъ же, стр. 69—70.
[3]) Тамъ же, стр. 71, 79.

капиталовъ въ руки государства имѣетъ именно цѣлью предупредить эти сбереженія, помѣшать рабочимъ сдѣлаться капиталистами, что̀, по мнѣнію Лассаля, есть самое противное явленіе [1]). Правда, сбереженія рабочихъ, вообще, не велики; но кто въ этомъ виноватъ? гдѣ причина того, что доходъ ихъ ограничивается скуднымъ пропитаніемъ? На это опять отвѣчаетъ самъ Лассаль: возвышеніе заработной платы дѣйствуетъ, какъ возбудительное средство, на умноженіе народонаселенія, а умноженіе народонаселенія опять понижаетъ заработную плату до крайняго предѣла. Дайте рабочему пропитаніе, говоритъ Лассаль, а ужъ ребенка онъ самъ сдѣлаетъ [2]). Но чѣмъ же тутъ виноватъ капиталистъ? Слѣдуетъ ли его считать воромъ за то, что рабочій, при малѣйшемъ улучшеніи состоянія, производитъ такое количество дѣтей, которое онъ не въ состояніи прокормить? А къ этому, по признанію самого Лассаля, сводится весь вопросъ: съ умноженіемъ капитала заработная плата увеличивается, *если только* количество рабочихъ не увеличивается въ еще большей пропорціи [3]).

Въ результатѣ, Лассаль выводитъ, что капиталъ, по существу своему, ничто иное какъ мертвое орудіе, которое имѣетъ значеніе единственно въ рукахъ работника. Таковымъ онъ и былъ въ первобытныя времена, въ рукахъ дикаго Индѣйца. Но при системѣ раздѣленія труда и безграничной конкурренціи, онъ не только сдѣлался самостоятельнымъ, но и самого работника превратилъ въ свое орудіе. „Раздѣленіе труда, говоритъ Лассаль, составляетъ источникъ всякаго богатства.... Это — единственный экономическій законъ, который, по аналогіи, можетъ быть названъ закономъ естественнымъ. Это—не настоящій законъ природы, ибо онъ принадлежитъ не къ области природы, а къ области духа, но онъ облеченъ такою же необходимостью, какъ электричество, притяженіе, упругость пара и т. п. Это — естественный законъ общества. И вдругъ, горсть людей явилась среди народовъ, и наложила запретъ на этотъ естественный законъ общества, существующій только въ силу духовной природы всѣхъ; эти люди обратили его въ свою личную пользу, кидая удивленнымъ и голодающимъ народамъ изъ ихъ же постоянно возрастающаго про-

---

[1]) Offen. Antwortschr. стр. 28.
[2]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 153, 154.
[3]) Тамъ же, стр. 192—193.

изводства только тѣ объѣдки, которыя при благопріятныхъ условіяхъ можетъ получить и Индѣецъ прежде всякой культуры, именно, самое необходимое жизненное пропитаніе. Это все равно, что еслибы нѣсколько лицъ объявили притяженіе, упругость пара, теплоту солнца личною своею собственностью!" [1])

Дѣйствительно, все равно. Одно также возможно какъ другое. Лассаль точно съ такою же основательностью могъ бы утверждать, что какіе-то самозванцы присвоили себѣ всемірные законы пищеваренія. Но спрашивается: откуда же взялись эти самозванцы, и что дало имъ силу произвести такой неслыханный захватъ? Дѣло въ томъ, что капиталисты не упали съ неба; они явились въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, которые произвели и раздѣленіе труда. Даже изъ скуднаго и невѣрнаго изложенія Лассаля выходитъ, что капиталъ ростетъ вмѣстѣ съ самою промышленностью. Онъ находится въ зародышѣ, когда она сама еще въ зачаткѣ. Тутъ только капиталъ и трудъ состоятъ нераздѣльно въ однѣхъ рукахъ. Но чѣмъ болѣе промышленность развивается, тѣмъ болѣе раздѣляются различныя ея отрасли и органы. Съ раздѣленіемъ труда является и самостоятельность капитала. Высшаго своего предѣла это двоякое раздѣленіе достигаетъ тогда, когда самая промышленность достигаетъ высшихъ своихъ размѣровъ, когда она становится всемірною, и когда наконецъ, съ паденіемъ всѣхъ преградъ, дѣйствуютъ одни естественные законы общества. Не капиталисты налагаютъ руку на эти законы, а тѣ, которые взываютъ къ государству, съ тѣмъ чтобы естественное движеніе силъ замѣнить искусственною регламентаціею. И съ какою цѣлью? съ тѣмъ, чтобы „опять разжаловать капиталъ на степень мертваго, служебнаго орудія работы" [2]), то есть, съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ первоначальной точкѣ отправленія. Исторія не дѣлаетъ подобныхъ возвратовъ. Ни въ области природы, ни въ развитіи духа, раздѣльность органовъ не замѣняется ихъ слитностью. Противоположные элементы духовнаго міра, на высшей своей ступени, подчиняются конечному единству, но всегда сохраняя свою относительную самостоятельность.

Точно также должна сохраняться и самостоятельность отдѣльныхъ сферъ человѣческой жизни. Онѣ подчиняются высшему

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 165—167.
[2]) Тамъ же, стр. 173.

государственному единству, но не замѣняются имъ. Въ промышленной области является посредствующее звено между капиталомъ и рабочею силою, именно, кредитъ, но не государственный, а частный. Кредитъ есть точно такой же факторъ промышленнаго производства, какъ земля, капиталъ и трудъ, и слѣдуетъ тѣмъ же экономическимъ законамъ, вытекающимъ изъ взаимнаго отношенія частныхъ силъ. Все это составляетъ область гражданскаго общества. Государство же есть союзъ, представляющій народъ, какъ единое цѣлое. Оно воздвигается надъ этимъ міромъ частныхъ отношеній, подчиняя его себѣ и подъ часъ направляя его сообразно съ своими цѣлями, но не вмѣшиваясь въ его самостоятельныя отправленія. Государство можетъ, во имя общаго блага, требовать отъ промышленниковъ исполненія необходимыхъ условій безопасности и здоровья; оно можетъ ограждать малолѣтнихъ и слабосильныхъ, оказывать, во имя человѣколюбія, возможную помощь нуждающимся; оно можетъ далѣе, въ виду государственныхъ цѣлей, ограничивать иностранную конкурренцію; наконецъ, по самому существу дѣла, ему принадлежитъ завѣдываніе тѣми промышленными средствами, которыя находятся въ общемъ пользованіи всѣхъ, каковы пути сообщенія. Но самопроизводителемъ оно никогда быть не можетъ; это противорѣчитъ его природѣ и его назначенію. Поэтому, когда Лассаль утверждаетъ, что при раздѣленіи труда работа уже сама въ себѣ (an sich) имѣетъ характеръ общественный, и что нужно только установить въ дѣйствительности то, что заключается уже въ существѣ дѣла, замѣнивши личные авансы общественными [1]); то въ этомъ взглядѣ нельзя не видѣть полнаго извращенія понятій и смѣшенія всѣхъ сферъ практической дѣятельности. Какъ мы уже видѣли, при раздѣленіи труда, работа можетъ называться общественною лишь въ томъ смыслѣ, что она производится при свободномъ взаимнодѣйствіи частныхъ силъ. Тому же закону слѣдуютъ и должны слѣдовать авансы. Общество, какъ единое цѣлое, тутъ не при чемъ.

Въ своемъ проектѣ для улучшенія быта рабочаго класса, Лассаль ограничился пока требованіемъ государственнаго кредита для рабочихъ товариществъ; но это предложеніе онъ считаетъ только переходною мѣрою, практическимъ лозунгомъ для рабочей агитаціи [2]). Окончательное же разрѣшеніе соціальнаго вопроса

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 173.
[2]) Тамъ же, стр. 173, прим.

онъ видитъ въ обезличеніи всякой собственности [1]), то есть, въ передачѣ всѣхъ средствъ производства въ руки государства. Впрочемъ, самая переходная мѣра должна прилагаться въ весьма широкомъ объемѣ. Въ каждомъ состояніи общества, говоритъ Лассаль, все слѣдуетъ закону преобладающаго направленія. Поэтому, недостаточно образованіе случайныхъ товариществъ, исчезающихъ въ массѣ; необходимо, чтобы крупные батальоны соединенныхъ рабочихъ могли одолѣть личныхъ капиталистовъ. Въ такомъ обширномъ кредитѣ Лассаль не видитъ для государства никакого риска, ибо рискъ существуетъ только для отдѣльныхъ предпринимателей, а никакъ не для цѣлаго производства, которое все идетъ возрастая [2]). Лассаль забываетъ, что въ частномъ производствѣ убытки однихъ покрываются барышами другихъ; государство же будетъ нести убытки отъ невыгодныхъ предпріятій, ибо разорившіеся рабочіе не заплатятъ ему ни капитала, ни процентовъ, но барышей оно все таки имѣть не будетъ, ибо, при самыхъ выгодныхъ предпріятіяхъ, оно не получитъ ничего, кромѣ капитала и процентовъ. Этому не поможетъ устраненіе конкурренціи и сосредоточеніе каждой промышленной отрасли въ рукахъ одного товарищества, какъ предполагаетъ Лассаль. Въ своемъ проектѣ онъ прямо бьетъ на монополію, ибо „превратить группированныхъ въ мелкія товарищества рабочихъ въ конкуррирующихъ мѣщанъ, стоило ли бы это труда!“ [3]) Но монополія бываетъ выгодна только для немногихъ, при ограниченномъ количествѣ лицъ и при устраненіи всякаго внѣшняго соперничества. Остальнымъ она всегда въ ущербъ, а при свободномъ выборѣ занятій и на всемірномъ рынкѣ она совершенно немыслима. Не поможетъ и всеобщее страховое товарищество между рабочими [4]). Страхуютъ противъ внѣшнихъ несчастій, противъ дѣйствія силъ природы, но никогда противъ невыгодныхъ предпріятій. Такое страховое общество навѣрное бы разорилось. Если государство гарантируетъ извѣстный доходъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, то оно дѣлаетъ это на совершенно особенныхъ основаніяхъ: оно тутъ является собственникомъ и во имя общественныхъ потребностей вызываетъ предпринимателей, обѣщая имъ извѣстный, низшій предѣлъ барыша. Гарантировать же частныя

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del. стр. 171.
[2]) Тамъ же, стр. 176.
[3]) Тамъ же, стр. 178.
[4]) Тамъ же.

предпріятія, которыя каждый беретъ на свой рискъ, никому еще не приходило въ голову.

Одно можно навѣрное предвидѣть при этой системѣ: съ устраненіемъ внутренней конкурренціи, нѣтъ возможности выдержать внѣшнюю. Поэтому народъ, который произведетъ у себя такой экономическій переворотъ, не только не вытѣснитъ другихъ со всемірнаго рынка, какъ воображаетъ Лассаль [1]), а напротивъ, долженъ будетъ уступить имъ мѣсто. Но и внутри государства, недостатокъ конкурренціи и предпріимчиваго духа, который Лассаль называетъ духомъ спекуляціи и считаетъ исключительною принадлежностью мѣщанства [2]), должны повести къ значительному пониженію производства, ибо этимъ уничтожаются главныя пружины промышленнаго прогресса. Можно, сколько угодно, фантазировать о замѣнѣ личнаго интереса высшими побужденіями; человѣческая промышленность объ этомъ ничего не знаетъ. Если прибавить ко всему этому, что капиталъ въ рукахъ государства не будетъ рости, а народонаселеніе, видя передъ собою новый просторъ, съ разу возрастетъ до крайнихъ предѣловъ, то результатъ не можетъ быть сомнителенъ. Какъ мы уже выразились выше, это — система всеобщаго разоренія.

Таково содержаніе брошюры Лассаля. Читатель можетъ судить, на сколько онъ былъ правъ, когда въ концѣ своей полемики, обращаясь къ Шульце-Деличу, онъ восклицаетъ: „во всякой строкѣ, которую я пишу, я являюсь вооруженнымъ всею наукою своего вѣка“ [3])! Безспорно, и тутъ проявляются замѣчательныя свойства его ума, обширная начитанность и сильный полемическій талантъ, но матеріалъ недостаточно обдуманъ и связанъ. Въ политической экономіи, Лассаль былъ, въ сущности, дилеттантомъ. Многія изъ мыслей, которыми онъ щеголяетъ, принадлежатъ не ему, а собственныя его мысли не клеятся съ тѣми, которыя заимствованы у другихъ. Отсюда многочисленныя противорѣчія и несообразности въ его изложеніи. Еслибы Лассаль исполнилъ свою завѣтную мысль и написалъ цѣльную философію духа, мы имѣли бы по крайней мѣрѣ, хотя одностороннюю, но связную систему, а не плохо слаженные отрывки. Надобно сказать, что онъ одинъ и былъ способенъ къ такому предпріятію.

---

[1]) Herr Bastiat-Schulze v. Del., стр. 183.
[2]) Тамъ же, стр. 184.
[3]) Тамъ же, стр. 197.

Но общественная дѣятельность и ранняя смерть помѣшали осуществленію этого плана. Съ тѣхъ поръ какъ онъ ринулся въ агитацію, онъ собственно былъ уже потерянъ для науки.

Въ 1864 году Лассаль былъ убитъ на дуэли. Послѣдователи его до сихъ поръ свято чтутъ его память, какъ основателя соціалистической партіи въ Германіи, какъ человѣка, призвавшаго рабочіе классы къ самостоятельной дѣятельности. Но о продолженіи его научныхъ трудовъ у нихъ нѣтъ и помину. Зато выходящая изъ всякихъ приличій ругатня и взаимныя обвиненія въ мошенничествѣ достигли крайнихъ предѣловъ [1]). Немудрено, что партія его скоро распалась. Одни остались вѣрными начертанной имъ программѣ; другіе перешли къ болѣе радикальному направленію Международнаго Товарищества Рабочихъ.

[1]) См. брошюру: Herr I. B. von Schweitzer und die Organisation des Lassalle'schen Allg. deutschen Arbeitervereins, von Fritz Mende и другія.

СИСТЕМЫ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ
НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ [1]).

А. Д. ГРАДОВСКАГО,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Земскія учрежденія, крестьянское положеніе, городовое положеніе — все, что называется у насъ областью *самоуправленія*, давно уже сдѣлалось предметомъ *практической* критики, т. е. критики по дѣйствіямъ, по результатамъ, по непосредственному значенію разныхъ дѣятелей и ихъ „мѣропріятій" относительно разныхъ мѣстныхъ интересовъ. Нельзя сказать, чтобы эта практическая оцѣнка привела и могла привести къ общимъ и прочнымъ результатамъ. „Самоуправленіе" наше со стороны его практическихъ результатовъ остается еще вопросомъ, невѣдомою землею. Такое впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, прекрасно написанная книга г. Мордовцева „Десятилѣтіе русскаго земства".

---

[1]) Во избѣжаніе частыхъ ссылокъ, считаю нужнымъ указать здѣсь на главнѣйшія пособія и источники, коими я пользовался. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ Гнейста, Батби, Лаферьера, Леруа-Больё, Рённе, Шульца и друг., я имѣлъ въ виду изданія *О. Гана* «Kreisordnung» (1873) и Provinzialordnung (1875 г.) съ полными мотивами и объяснительными записками; *Сельера* «Commentaire de la loi du 10 Aout 1871» (о департаменскихъ совѣтахъ) съ комментаріями и мотивами; «Сборникъ французскихъ «административныхъ законовъ» *Вюатрена* и *Батби*; сборникъ конституцій *Лаферьера* и *Батби*; труды коммисіи для составленія проекта губернскихъ учрежденій; матерьялы относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи, изданные хозяйственнымъ департаментомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и т. д. Другія сочиненія указаны въ самой статьѣ.

Въ общемъ итогѣ дѣятельность земства, по мнѣнію почтеннаго автора, несомнѣнно улучшила условія нашего мѣстнаго быта.

„Земство, говоритъ онъ, беретъ подъ свою непосредственную защиту мужика и, въ подлежащихъ случаяхъ, выдерживаетъ изъ за его личности, изъ за его интересовъ, изъ за его кармана, изъ за его здоровья довольно тяжелую борьбу съ полиціею, въ то время, когда эта послѣдняя, слишкомъ спеціально и слишкомъ односторонне понимая свои права, относится къ крестьянскому населенію съ полицейскимъ увлеченіемъ, съ рвеніемъ не по закону и не по логикѣ."

Земство заботится о мѣстномъ хозяйствѣ, о народномъ образованіи, о части медицинской и санитарной, о мѣстномъ кредитѣ и заботится такъ, какъ никто до него не заботился объ этихъ предметахъ [1]).

„Но, продолжаетъ г. Мордовцевъ, въ нашемъ обозрѣніи не все будетъ земская идиллія. Мы увидимъ не въ однихъ захолустьяхъ, но и на бойкихъ мѣстахъ, какъ одна земская фракція силится эксплуатировать и держать въ черномъ тѣлѣ другую; какъ насчетъ мужиковъ проводятъ желѣзныя дороги и мужички-же должны гарантировать сомнительную доходность этихъ дорогъ; какъ дѣятели иныхъ фракцій рыцарски высказываются противъ народнаго образованія, другіе хотѣли-бы поворотить историческое колесо въ дореформенное пространство и вообще, дать машинѣ задній ходъ; какъ нѣкоторыя земства, по видимому махнули рукой на свои земскія задачи и спятъ глубокимъ послѣобѣденнымъ сномъ и т. д. [2])

Дѣйствительно, вся книга г. Мордовцева представляетъ множество фактовъ въ ту и въ другую сторону. Свѣтлаго больше, чѣмъ мрачнаго. Нельзя безъ особеннаго чувства читать заключительной главы этой книги, гдѣ талантливый публицистъ сильными чертами рисуетъ фигуры отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей, показываетъ какъ „изъ за строительнаго мусора выдаются цѣлыя фигуры, головы, руки, ноги, спины, а иногда слышатся живые, сильные голоса земскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ плачемъ и руганью". И такихъ фигуръ уже десятки. „Но, заключаетъ авторъ, при всемъ томъ ничего стройнаго, цѣльнаго и законченнаго не представляетъ собою картина земской работы. Это какіе-

---

[1]) «Десятилѣтіе русскаго земства». Спб. 1877 г. Стр. 15.
[2]) Стр. 19.

то обломки отъ стараго зданія съ мусоромъ и „пылью вѣковъ“, недодѣланные, необожженные кирпичи для новаго зданія, новые и отбитые старые карнизы, стѣны изъ разныхъ кирпичей, окна безъ рамъ, откуда виднѣются и молодыя, свѣжія лица веселыхъ работниковъ и скелеты мертвецовъ“.

Новое дѣло требуетъ новыхъ силъ и новаго общества, такова главная мысль, лучше сказать, таковъ результатъ книги г. Мордовцева. Дѣйствительно онъ мастерски сопоставляетъ „Новь“, нарождающуюся гдѣ нибудь въ Чердынскомъ уѣздѣ, съ собраніями допотопныхъ земцевъ въ иномъ городѣ Курской губерніи. „Но и вино новое не вливаютъ въ мѣхи старые“. Если мы всѣ нуждаемся въ наплывѣ новыхъ силъ, то силы эти въ правѣ желать для себя дѣйствительно новыхъ формъ общественной жизни.

Сошлемся на ту же книгу г. Мордовцева. Авторъ похваляетъ земскихъ дѣятелей за то, что они, когда это представляется нужнымъ, ведутъ борьбу съ полиціей. Такое рвеніе похвально, но нельзя не признать, что тамъ, гдѣ представляется необходимость такой борьбы, трудно говорить о дѣйствительно новыхъ формахъ управленія, о *самоуправленіи*, гдѣ полиція является частью общихъ правъ мѣстныхъ должностей, а не дѣломъ *особаго* организма, противуполагающаго себя *земству*.

Чтеніе какъ книги г. Мордовцева, такъ и всей довольно уже обширной земской литературы наводитъ на иную мысль. Нельзя ограничиваться одною оцѣнкою дѣятелей и ихъ дѣятельности. Наши мѣстныя установленія не переросли еще періода критики *принципіальной*, т. е. изслѣдованія началъ, на коихъ построены учрежденія. Земское и городское положеніе суть только начало новаго порядка вещей, и не въ силу „новости“ и молодости общества, въ нихъ дѣйствующаго, а въ смыслѣ появленія новыхъ принциповъ, выразившихся въ формѣ далеко несовершенной и поставленныхъ рядомъ съ началами, имѣющими съ ними мало общаго.

Новыя учрежденія нуждаются въ развитіи, не только въ томъ смыслѣ, что общественные дѣятели должны работать ревностно и добросовѣстно, губернаторы относиться къ нимъ бережно и доброжелательно, полиція дружественно и т. д., а въ томъ, что *начала* новаго управленія должны получить болѣе опредѣленную постановку и болѣе широкое примѣненіе на счетъ другихъ началъ, съ ними „сосуществующихъ“.

Выразимъ нашу мысль прямо. У насъ нѣтъ одной, цѣльной

системы мѣстнаго управленія, проникнутой однимъ началомъ, во всѣхъ ея подробностяхъ. Мы имѣемъ нѣсколько системъ и нѣсколько соотвѣтствующихъ имъ организмовъ. Въ провинціи имѣется рядъ правительственныхъ должностей, рядъ установленій сословныхъ (дворянскія, крестьянскія учрежденія), рядъ установленій всесословныхъ новѣйшей формаціи.

Земство старается развить свою дѣятельность, но отъ него не отстаютъ губернаторы, исправники, директоры народныхъ училищъ. Города стремятся воспользоваться положеніемъ 1870 года, но рядомъ съ ними имѣются-же соотвѣтствующія области для исправниковъ и полиціймейстеровъ. Земскія, всесословныя учрежденія плаваютъ еще на общественной поверхности, ибо начала ихъ не-могутъ, по множеству причинъ, проникнуть въ многомильонную массу крестьянскаго сословія, которая живетъ въ своихъ сословныхъ обществахъ и волостяхъ.

Въ виду такого положенія вещей, *наукѣ*, теоріи еще много дѣла. Намъ говорятъ, что тѣ или другіе недостатки въ нашемъ мѣстномъ управленіи объясняются недостаточною зрѣлостью общества, разными непохвальными привычками отдѣльныхъ администраторовъ, своекорыстіемъ или неспособностію отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей.

Что нравственныя умственныя качества общества чрезвычайно важное условіе для успѣха учрежденій, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. *Текущая* литература не имѣетъ лучшаго назначенія, какъ воспитывать общество путемъ гласнаго обсужденія всѣхъ дѣйствій его представителей и „излюбленныхъ людей". Нельзя не пожелать для нашей провинціальной печати самаго широкаго развитія и свободы. Нельзя не пожелать, чтобы „благое просвѣщеніе" проникло во всѣ сферы нашего общества и чтобы „молодыя, свѣжія лица веселыхъ работниковъ", о коихъ говоритъ г. Мордовцевъ, окончательно смѣнили „скелеты мертвецовъ", приводящіе въ смущеніе этого публициста, да и всѣхъ насъ.

Но внимательное и *научное* изученіе дѣла наводитъ на иную мысль. Предположимъ, что всѣ земскіе дѣятели проникнуты горячею любовью къ дѣлу, и умѣютъ его дѣлать; что всѣ представители мѣстной правительственной администраціи проникнуты похвальнѣйшими побужденіями и отличаются знаніемъ дѣла — и тогда, говоримъ мы, дѣло выиграетъ немного. Напротивъ, быть можетъ апатичное отношеніе къ предметамъ мѣстной администраціи, на которое жалуются и крупные публицисты и газет-

ные обозрѣватели, не даетъ высказаться противуположности и несостоятельности принциповъ учрежденій во всей ихъ силѣ. Апатія почитается даже добродѣтелью въ иныхъ органахъ администраціи. Апатичный, добродушный губернаторъ, ни во что невступающійся и ничему не препятствующій — развѣ это не идеалъ, о коемъ мечтаетъ мѣстное общество? Развѣ не удостоивается всякихъ похвалъ мѣстное общественное управленіе — земское или городское — если оно умѣетъ „ладить“ съ исправникомъ, полиціймейстеромъ или губернаторомъ и именно за то, что оно „ладитъ“, а не за что иное?

Но дѣятельность установленій не опредѣляется формулами „не вступаться“ или „ладить“. Они создаются для серьезнаго, послѣдовательнаго *дѣйствія*. Но если силы мѣстныхъ дѣятелей будутъ уходить на искусство „ладить“, то кто же будетъ дѣйствовать? Чьими руками создадутся условія экономическаго благосостоянія, нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, безопасности?

Приноровлены ли наши мѣстныя установленія для такого дѣйствія? Какова ихъ система? Эти вопросы чрезвычайно важны именно *практически*, хотя и не могутъ быть разрѣшены практикой. Напротивъ практика должна призвать себѣ на помощь теорію, теорію, построенную на историческихъ данныхъ, на принципахъ политической философіи, на сравнительномъ матерьялѣ. Безъ нея она не можетъ сдѣлать ни шагу. Между тѣмъ мы скудны именно теоретическою разработкою вопроса о мѣстномъ управленіи, такою разработкою, которая дала-бы *каждому* общественному дѣятелю ясное разумѣніе *идеи* мѣстнаго управленія.

Для доказательства этой мысли, достаточно сослаться на одинъ крупный фактъ, побудившій меня взяться за эту посильную работу. Земскія учрежденія дѣйствуютъ у насъ болѣе десяти лѣтъ. Городовое положеніе около семи. Между тѣмъ литература наша не рѣшила еще окончательно вопроса объ ихъ общемъ значеніи въ экономіи государственныхъ учрежденій. Коротко говоря, остается неразрѣшеннымъ вопросъ установлено ими или нѣтъ *самоуправленіе*? Доказательство на лицо.

Первый комментаторъ земскихъ учрежденій, г. Лохвицкій, въ своей книгѣ „Губернія“, заявилъ, что „страна наша вступаетъ на путь децентрализаціи“ и что хотя эта децентрализація и касается только вопросовъ хозяйственныхъ, но дѣло это

важное [1]). Я, въ моей книгѣ „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“ также отнесся къ установленію самоуправленія какъ къ совершившемуся факту. Князь Васильчиковъ, въ своемъ обширномъ трудѣ „О самоуправленіи“, пошелъ въ этомъ отношеніи довольно далеко. Приведемъ главныя мѣста изъ этого сочиненія, ибо они очень важны какъ для нашей цѣли, такъ и потому, что князь Васильчиковъ разсматриваетъ существо нашихъ земскихъ установленій съ высоты своего общаго опредѣленія самоуправленія.

„Самоуправленіемъ, говоритъ онъ, называется такой порядокъ внутренняго управленія, при коемъ мѣстныя дѣла и должности завѣдываются и замѣщаются мѣстными жителями—земскими обывателями (т. I, стр. 1).

На стр. 6 и слѣд. I тома онъ говоритъ: „принимая самоуправленіе въ томъ смыслѣ, какъ выше опредѣлено, надо признать, что оно въ Россіи, въ настоящее время, основано, что новѣйшія преобразованія, крестьянское, земское и судебное, ввели именно тотъ порядокъ управленія, который мы называемъ, по его существу, самоуправленіемъ.... Надо признать совершившійся фактъ, что мы, съ *смѣлостью безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра*, выступили на новое поприще общественной жизни. Примѣры другихъ странъ, сравненіе нашихъ учрежденій съ иноземными доказываютъ, что *ни одному* современному народу европейскаго континента не предоставлено такого *широкаго* участія во внутреннемъ управленіи, какъ русскому: все хозяйственное управленіе, съ неограниченнымъ (?) правомъ самообложенія; вся мировая юстиція и нѣкоторыя административныя обязанности поручены въ Россіи мѣстнымъ жителямъ; всѣ (?) должности внутренняго управленія, кромѣ полицейскихъ, замѣщаются по выбору мѣстныхъ жителей; всѣ сословія участвуютъ въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ по мѣстнымъ дѣламъ и всѣ имущества подлежатъ мѣстной раскладкѣ.“

Такимъ образомъ три сочиненія, вышедшія вскорѣ послѣ изданія земскаго положенія [2]), одинаково отнеслись къ этому закону. Въ этихъ мнѣніяхъ выразилась скорѣе надежда на будущее, привѣтъ полезному во всякомъ случаѣ начинанію, чѣмъ результатъ теоретической и практической провѣрки основной

---

[1]) Стр. 203.

[2]) Книга г. Лохвицкаго вышла въ 1864, моя въ 1868, князя Васильчикова въ 1869 (1-й томъ).

мысли реформы. Чрезъ нѣсколько времени послышались другіе голоса.

Починъ принадлежитъ извѣстному публицисту нашему А. А. Головачеву. Въ статьяхъ „Десять лѣтъ реформъ", печатавшихся предварительно въ „Вѣстникѣ Европы" и вышедшихъ потомъ отдѣльною книгою [1]), г. Головачовъ остановился какъ на земской, такъ и на городской реформѣ. Не касаясь общихъ теоретическихъ вопросовъ и разсматривая общія начала и нѣкоторыя подробности новыхъ законовъ, авторъ категорически выразилъ о нихъ свое мнѣніе.

„Мы не можемъ, говоритъ онъ [2]), признать за настоящими земскими учрежденіями того значенія, которое образованный міръ придаетъ понятію самоуправленія." Къ такому выводу авторъ приходитъ изъ разсмотрѣнія какъ предметовъ вѣдомства земства, такъ и его средствъ, личнаго состава и способовъ исполненія. Правда, авторъ мало останавливается на теоретическихъ вопросахъ и не обращается къ сравненію съ постановленіями иностранныхъ законодательствъ, но его выводы основаны на внимательномъ разборѣ законоположенія и практики земскихъ установленій.

Приведемъ одно изъ такихъ соображеній г. Головачева. Авторъ не можетъ признать земскихъ учрежденій органами самоуправленія, между прочимъ, потому, что они не имѣютъ никакой *исполнительной власти*. „Положимъ, говоритъ авторъ, земское собраніе опредѣлитъ извѣстный налогъ, но плательщики его не вносятъ... Что дѣлать въ такомъ случаѣ? взыскивать чрезъ полицію? А если полиція не исполнитъ требованія? Скажутъ можно жаловаться губернатору. Но вѣдь полиція не сознается, что она не хочетъ исполнять требованія управы, и представитъ множество обстоятельствъ, по которымъ ей не было времени заниматься взысканіемъ. Что дѣлать тогда?... Возьмемъ другой примѣръ: управамъ, для представленія смѣтъ и раскладки нужны различныя свѣдѣнія изъ волостныхъ правленій; но волостной старшина отъ управы не зависитъ и можетъ не исполнять требованія управы, въ особенности если мировой посредникъ съ нею не въ ладу [3]). Такимъ образомъ свѣдѣній нѣтъ, нѣтъ и смѣтъ, нѣтъ и раскла-

---

[1]) Въ 1872 году.
[2]) Стр. 186.
[3]) Книга А. А. Головачева появилась въ то время, когда еще существовали мировые посредники. Но существо высказанной имъ мысли не измѣнилось и послѣ того.

довъ. Собраніе открывается, и ему нечего утверждать и нечѣмъ исполнять обязательныхъ расходовъ. Это случаи не невозможные. На дняхъ мы слышали, что по взаимному страхованію въ одной управѣ нѣтъ денегъ на уплату за сгорѣвшія зданія, вслѣдствіе недоимокъ, взысканія которыхъ управа не можетъ добиться. Развѣ органы самоуправленія могутъ находиться въ подобныхъ положеніяхъ? [1]).

Затѣмъ *дуализмъ*, даже паралелизмъ въ нашихъ мѣстныхъ установленіяхъ и *негосударственный* характеръ нашихъ земскихъ учрежденій особенно полно выяснены въ статьѣ В. П. Безобразова „Земскія учрежденія и самоуправленіе“ [2]). Авторъ остановился преимущественно на теоретическихъ вопросахъ и на сравненіи нашего земскаго „положенія“ съ прусскимъ закономъ объ уѣздномъ устройствѣ 13 декабря 1872 года. Вотъ результатъ этого сравненія.

Въ Пруссіи органы самоуправленія не противуполагаются правительственнымъ установленіямъ, а входятъ въ составъ государственныхъ учрежденій, являются истинными властями со всѣми ихъ правами и обязанностями. Характеристическою чертою новаго прусскаго закона является вовсе не выборное начало и не самостоятельность „общественныхъ властей“. Напротивъ, прусскій законъ представляетъ комбинацію выборнаго начала съ началомъ правительственнаго назначенія. Далѣе выборныя учрежденія входятъ въ кругъ государственныхъ установленій и подчинены условіямъ государственной службы и дисциплины. Существо прусской системы выражается именно въ характерѣ власти, предоставленной мѣстнымъ установленіямъ, и въ условіяхъ ихъ дѣятельности. Власти эти имѣютъ строго государственный характеръ и рядомъ съ ними не поставлено иныхъ властей. Они дѣйствуютъ на твердыхъ основаніяхъ закона, сила котораго охраняется особыми административными судами. Слѣдуя Р. Гнейсту, авторъ говоритъ, что сущность самоуправленія есть ничто иное, какъ управленіе по законамъ и чрезъ законы, въ противуположность бюрократическому или приказному управленію, которое есть управленіе по предписанію (начальства) и чрезъ предписаніе (подчиненныхъ).

---

[1]) «Десять лѣтъ реформъ» стр. 199. Ср. также замѣчанія автора о городскомъ общественномъ управленіи, стр. 220 и слѣд.

[2]) Статья эта первоначально напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и затѣмъ вышла отдѣльною брошюрою (1874 г.).

„Нашимъ земскимъ учрежденіямъ, продолжаетъ авторъ, не только въ общемъ кругѣ государственнаго управленія, но даже въ границахъ ихъ компетенціи и занятій (т. е. по преимуществу хозяйства) не предоставлено никакой государственной власти, кромѣ права налога. Они почти не могутъ быть разсматриваемы какъ органы или делегаты государственной власти, не имѣя въ силу *государственнаго права* никакихъ отношеній ко всѣмъ мѣстнымъ административнымъ властямъ и ко всему мѣстному населенію. Они не имѣютъ никакихъ правительственныхъ правъ, а потому никакихъ правительственныхъ обязанностей въ іерархіи правительственныхъ властей... Земскія учрежденія не введены въ общую систему нашего государственнаго управленія, а поставлены *подлѣ* нея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, не имѣющія никакихъ органическихъ связей съ этою системою, а безъ этихъ связей они не могутъ продолжать развиваться здоровымъ образомъ. Въ государственномъ организмѣ, также точно какъ и въ физическомъ, всякое попавшее въ него постороннее органическое тѣло, не имѣющее съ нимъ живыхъ органическихъ связей или само обречено на гніеніе, или въ случаѣ сохраненія своей жизни, подвергаетъ такому же процессу разложенія весь общій организмъ..."

„У насъ устроены мѣстныя учрежденія, которымъ предоставлены въ распоряженіе всѣ важнѣйшія отрасли мѣстной администраціи: пути и способы сообщеній, народное здравіе и продовольствіе, общественное призрѣніе, дома заключенія, первоначальное народное образованіе и т. д., а между тѣмъ *подлѣ* этой новой организаціи мѣстной администраціи... осталась дѣйствовать и продолжаетъ развиваться вся *прежняя* организація той же администраціи, за все отвѣтственная, хотя и имѣющая въ своемъ распоряженіи только полицію" [1]).

Въ этомъ, по мнѣнію автора, заключается главный порокъ организаціи нашихъ земскихъ учрежденій. Но высказанныя здѣсь мысли могутъ быть распространены на всю систему нашего мѣстнаго управленія, въ томъ смыслѣ, что она не имѣетъ единства основанія и раздѣляетъ силы, дѣйствующія въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, вмѣсто того, чтобы ихъ соединять, что создавая „независимыя общественныя учрежденія" она не создаетъ само-

---

[1]) «Земскія учрежденія и самоуправленіе» стр. 28—40. Ср. также стр. 13—17, 45 и слѣд.

управленія, и не обезпечиваетъ начало законности въ отправленіяхъ администраціи.

Какъ сложился такой порядокъ вещей? Почему такая система не можетъ быть названа нормальною, не только съ точки зрѣнія *самоуправленія*, но съ точки зрѣнія *управленія* вообще? Постараемся дать на это отвѣтъ въ настоящихъ статьяхъ. Обращаясь къ нимъ, считаемъ полезнымъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ назначеніи.

Мы не намѣрены разсматривать вопросъ о мѣстномъ управленіи съ точки зрѣнія спеціальныхъ интересовъ земскихъ или городскихъ установленій. Признаемъ за ними значеніе перваго шага къ новому порядку вещей; будемъ надѣяться, что порядокъ этотъ въ результатѣ *будетъ* самоуправленіемъ. Но практическія нужды нашего времени требуютъ разсмотрѣнія вопроса не изъ одного угла—будь это земскія учрежденія или городская община, — а во всемъ его объемѣ и во всей широтѣ. Благо всей страны требуетъ, чтобы вся совокупность мѣстныхъ установленій была наконецъ сведена къ одинаковымъ и общимъ началамъ. Пора, наконецъ, опредѣлить по какой дорогѣ мы *шли* и по какой намъ *слѣдуетъ идти* отнынѣ. Мы ищемъ отвѣтъ на этотъ двойной вопросъ въ примѣрѣ западно-европейскихъ государствъ и въ нашей исторіи. Мы ищемъ этого отвѣта не съ одной точки зрѣнія наилучшаго удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, а съ точки зрѣнія нашего общаго государственнаго развитія.

Какія бы несовершенства ни представляли новые законы наши, какими бы недостатками ни отличались современные общественные дѣятели, но мы должны быть тверды въ убѣжденіи, что поворотъ назадъ невозможенъ, что дореформенные порядки отжили свой вѣкъ. Мы вступили на *новую* дорогу и вся наша задача состоитъ въ томъ, чтобы идти по ней хорошо и прямо къ цѣли. Это необходимо не только для того, чтобы наши мѣстныя дороги строились лучше, чтобы школы размножались, доходы приращались и болѣзни сокращались, но и для воспитанія нашего въ государственномъ смыслѣ. Или мы не хотимъ сдѣлаться истиннымъ народомъ, нравственною личностью предъ Богомъ и вселенной, достойной уваженія, крѣпкой убѣжденіемъ, трезво смотрящей на свои цѣли и умѣющей ихъ достигнуть?

I.

Между всѣми государственными установленіями каждой страны, система ея мѣстныхъ установленій представляетъ ту область управленія, на которой болѣе всего отражаются особенности ея историческаго развитія. Между тѣмъ какъ системы *политическихъ* установленій западно-европейскихъ государствъ все болѣе и болѣе приближаются къ единообразному типу, построенному на конституціонномъ началѣ, системы административныхъ и преимущественно мѣстныхъ учрежденій представляютъ чрезвычайное разнообразіе.

При первомъ взглядѣ на это разнообразіе можно придти къ заключенію, что система мѣстнаго управленія не находится въ причинной зависимости отъ системы учрежденій политическихъ. Начало народовластія превозглашено во Франціи декларацією 1789 года и съ тѣхъ поръ признается основаніемъ всего французскаго публичнаго права. Казалось-бы, что логическимъ послѣдствіемъ этого принципа должно быть широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія, какъ это доказываетъ примѣръ демократической Америки. Дѣйствительно первыя конституціи революціонной Франціи содержатъ въ себѣ постановленія, прямо направленныя къ развитію мѣстнаго самоуправленія. Но дальнѣйшее развитіе государственной жизни Франціи, особенно учрежденія, созданныя законодательствомъ временъ Наполеона I, привели къ установленію той административной диктатуры и централизаціи, отъ которыхъ эта страна не можетъ освободиться до настоящаго времени. На дѣлѣ оказывается, что сильная конституціонная монархія въ Пруссіи уживается съ бо̀льшею долею самоуправленія, чѣмъ народодержавная Франція.

Но эти внѣшніе признаки, свидѣтельствующіе о полной будто-бы независимости принциповъ мѣстнаго управленія отъ общихъ началъ политическаго устройства данной страны, оказываются обманчивыми при болѣе внимательномъ изученіи дѣла. Мы можемъ только *пожелать*, чтобы мѣстное самоуправленіе не зависѣло отъ политическихъ особенностей страны. На дѣлѣ-же мѣстныя установленія каждой страны являются результатомъ *всѣхъ* ея особенностей. Въ *Англіи* мѣстное самоуправленіе не могло-бы быть создано безъ наличности сильнаго землевладѣльческаго

класса, издавна привыкшаго отправлять разныя административныя обязанности въ видѣ государственной повинности и безвозмездно. Сами политическія учрежденія Англіи являются дальнѣйшимъ развитіемъ и завершеніемъ мѣстнаго самоуправленія. Въ *Америкѣ* развитіе мѣстнаго самоуправленія тѣсно связано съ процессомъ постепеннаго развитія колоній и постепеннаго образованія федераціи. Община, лучше волость [1]), издавна привыкла здѣсь къ самостоятельности, ревниво ею охраняемой. Права центральной власти штата являются здѣсь какъ-бы уступкою, сдѣланною ей со стороны автономной мѣстности, и размѣры этой уступки ограничиваются извѣстнымъ minimum'омъ интересовъ, требующихъ попеченія общей власти. Такой же характеръ уступки имѣютъ и права, предоставленныя конституціею союзной власти. Справедливы слова Токвилля, что въ Америкѣ мѣстное управленіе является общимъ правиломъ, центральное—исключеніемъ Во *Франціи* побѣда королевской власти надъ элементами феодальнаго общества совершилась въ такой формѣ, что мѣстное самоуправленіе надолго сдѣлалось здѣсь невозможнымъ. Королевская власть систематически устраняла прежніе правящіе классы отъ участія въ администраціи и замѣняла ихъ системою своихъ должностныхъ лицъ. Остатки мѣстнаго представительства, уцѣлѣвшіе въ такъ называемыхъ pays d'états, имѣли весьма мало значенія для цѣлей мѣстной администраціи. Попытка Людовика XVI создать новую систему мѣстныхъ установленій, кончилась ничѣмъ. Національное собраніе 1789 г. могло отнестись къ провинціямъ и ихъ установленіямъ, какъ къ отжившимъ остаткамъ старины. Прусское историческое дѣленіе на провинціи было замѣнено искусственно географическимъ на департаменты. Правда, эти департаменты должны были получить установленія, основанныя на выборномъ началѣ. Но одного желанія, даже самаго искренняго, въ этомъ случаѣ мало. Могло-ли развиться самоуправленіе въ странѣ, гдѣ высшіе классы издавна были обречены на бездѣйствіе, а нисшіе были низведены на степень податной и пассивной массы? Могли-ли новые департаменты сдѣлаться серьезными общественными единицами, при полномъ отсутствіи въ нихъ опредѣленныхъ общественныхъ элементовъ? Старыя преданія Франціи взяли верхъ надъ эфемерными стремленіями. Система централизаціи не измѣ-

[1]) Town вѣрнѣе можетъ быть передана словомъ волость, такъ какъ обыкновенно Town есть соединеніе нѣсколькихъ общинъ.

нилась отъ того, что королевскій абсолютизмъ былъ замѣненъ народнымъ самодержавіемъ. Напротивъ она получала болѣе широкое основаніе. Сильная централизація казалась логическимъ требованіемъ единства и всемогущества народной воли. Всѣ правительства одинаково пользовались этимъ орудіемъ. Только въ послѣднее время сдѣланы попытки расширить права мѣстнаго населенія.

Въ *Россіи* система мѣстныхъ установленій находится также въ извѣстной гармоніи съ ея политическими условіями. Послѣднія отражаются именно на *характеръ* ея мѣстныхъ установленій. Ниже мы остановимся на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе. Теперь достаточно будетъ ограничиться однимъ общимъ замѣчаніемъ. Останавливаясь на однихъ внѣшнихъ признакахъ организаціи нашихъ мѣстныхъ установленій, нельзя не замѣтить большаго ихъ сходства съ учрежденіями многихъ западно-европейскихъ государствъ. Признаніе извѣстныхъ правъ за общинами городскими и сельскими и другими единицами, наличность выборнаго начала, примѣненнаго въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ во многихъ странахъ, самостоятельность бюджета разныхъ самоуправляющихся единицъ и многое другое даетъ право заключить, что наши мѣстныя учрежденія построены на началахъ, признанныхъ теоріею и практикою иныхъ западно-европейскихъ государствъ. Но для уясненія глубокаго различія, существующаго между ними, достаточно указать на одинъ характеристическій признакъ. Наши мѣстныя установленія не представляютъ одной общей *системы мѣстныхъ властей*, въ которой элементы правительственный и земскій были-бы соединены для совокупнаго дѣйствія, какъ мы это видимъ напримѣръ въ *Пруссіи*. Напротивъ въ совокупности нашихъ мѣстныхъ учрежденій нельзя не замѣтить двухъ параллельно существующихъ и независимо другъ отъ друга развивающихся организмовъ: *правительственнаго*, съ одной, и *сословнаго* съ *земскимъ*, съ другой стороны. Организмъ правительственной полиціи развивается въ видѣ совершенно самостоятельнаго и независимаго элемента рядомъ съ уѣздными земствами, городскимъ и крестьянскимъ управленіемъ. Мировая юстиція поставлена особо отъ судовъ коронныхъ. Дѣятельность губернатора и губернскихъ правленій по части полиціи строительной, медицинской и т. д. поставлена особо отъ аналогической дѣятельности земскихъ и городскихъ установленій. При самомъ поверхностномъ наблюденіи легко замѣтить, что въ

данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не только съ *раздѣленіемъ властей* между разными установленіями, но даже *съ раздробленіемъ одной и той же функціи* между установленіями, различными по своему происхожденію и значенію. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ оцѣнку этой системы. Мы возвратимся къ этому вопросу ниже. Но всего сказаннаго достаточно для убѣжденія, что система мѣстныхъ установленій обыкновенно соотвѣтствуетъ общему политическому строю государства.

Конечно политическія учрежденія одной страны, по внѣшности своей, могутъ напоминать такія же учрежденія другихъ странъ; внѣшность мѣстныхъ учрежденій одного государства можетъ напоминать установленія другаго, имѣющаго совершенно иной политическій строй. Но истинный духъ, скрытые, такъ сказать, принципы каждаго государственнаго устройства непремѣнно отразятся на его мѣстныхъ установленіяхъ. Они полнѣе и лучше всего выражаютъ его стремленія и условія.

II.

Не смотря на разнообразіе системъ мѣстнаго управленія, нельзя однако не замѣтить, что теоретическія и практическія стремленія всѣхъ европейскихъ народовъ руководятся въ настоящее время извѣстными общими принципами и идеалами, къ которымъ рано или поздно придутъ и законодательныя постановленія. Подъ вліяніемъ этихъ принциповъ видоизмѣняются взгляды на *мѣстность*, на общую систему администраціи и на отношенія къ ней мѣстнаго общества. Здѣсь полезно остановиться на всѣхъ означенныхъ вопросахъ.

Децентрализація и *самоуправленіе*, таковы два лозунга нашего времени, вдохновляющіе главныхъ представителей науки о государствѣ и лучшихъ практическихъ дѣятелей. Оба эти термина выражаютъ различныя понятія, хотя эти понятія тѣсно связаны между собою.

Подъ именемъ *децентрализаціи* вообще разумѣется перемѣщеніе извѣстныхъ функцій управленія изъ рукъ центральныхъ органовъ власти въ руки мѣстныхъ ея представителей. Подобное перемѣщеніе вызывается различными практическими потребностями. *Во-первыхъ* каждое государство, рано или поздно, при-

ходитъ къ убѣжденію, что успѣхъ его административной дѣятельности зависитъ отъ возможно бо̀льшей близости органовъ управленія къ управляемымъ или, какъ говорилъ даже Наполеонъ III, что „направлять можно издали, а хорошо управлять можно только вблизи“. Ни одна изъ отраслей внутренней администраціи государства не будетъ идти успѣшно, если она не будетъ имѣть на мѣстѣ органовъ, дѣйствующихъ самостоятельно и подъ своею отвѣтственностію. Необходимость самостоятельности обусловливается разнообразіемъ мѣстныхъ условій, къ которымъ каждая администрація должна примѣняться ради лучшаго осуществленія общихъ цѣлей государственнаго управленія, указанныхъ закономъ. Общій законъ можетъ указать, какими правами мѣстная администрація пользуется для охраненія общественной безопасности, народнаго здравія, взысканія податей и т. п. и какія мѣры могутъ быть употреблены для достиженія этихъ различныхъ цѣлей. Но выборъ одной изъ этихъ мѣръ до такой степени зависитъ отъ совокупности мѣстныхъ условій, даже отъ обстановки каждаго даннаго случая, что этотъ выборъ долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію мѣстной власти. Только при такой свободѣ дѣйствій мѣстная власть можетъ нести на себѣ *отвѣтственность* за состояніе ввѣренной ей части. Отвѣтственность органа *пассивнаго*, обреченнаго на простое исполненіе чужихъ предписаній, врядъ-ли приведетъ къ практическому результату — и не будетъ имѣть твердаго юридическаго основанія. Самостоятельная и дѣйствующая подъ своею отвѣтственностію мѣстная власть всегда будетъ имѣть больше *иниціативы*, духа изобрѣтательности, такъ сказать, въ дѣлѣ управленія и улучшенія ввѣренной ей части. Сознаніе, что законъ видитъ въ ней хозяина своей части, даетъ ей свободу дѣйствій, ставитъ ее въ условія юридической и нравственной отвѣтственности, все это побудитъ ее искать способовъ къ лучшему обезпеченію интересовъ государства и мѣстнаго населенія.

Во-вторыхъ, необходимость децентрализаціи вызывается настоятельными нуждами мѣстнаго населенія. Удовлетвореніе важнѣйшихъ потребностей послѣдняго обусловливается близостію административныхъ и судебныхъ органовъ къ управляемымъ. Сколько гражданскихъ правъ останется безъ защиты, если истцы принуждены будутъ искать правосудія въ далекихъ судебныхъ мѣстахъ! Сколько уголовныхъ преступленій останется безъ преслѣдованія и наказанія, благодаря отсутствію судебнаго и слѣдствен-

наго персонала на мѣстѣ! Не говоря уже объ этихъ элементарныхъ условіяхъ общежитія, можно назвать много другихъ, обезпеченіе которыхъ немыслимо безъ самостоятельной мѣстной администраціи, находящейся на мѣстѣ, на лицо. Мѣстность останется безъ путей сообщенія, если проведеніе и даже исправленіе всякой дороги и всякаго моста будетъ зависѣть отъ отдаленной центральной власти съ ея медленною процедурою. Она останется равнымъ образомъ безъ больницъ, безъ школъ, безъ средствъ бороться съ различными бѣдствіями, — пожарами, голодомъ, заразительными болѣзнями и т. д. Эти соображенія могутъ считаться общепризнанными и настаивать на нихъ нѣтъ нужды.

Но вопросъ децентрализаціи не разрѣшаетъ еще вопроса *о самоуправленіи.*

Если извѣстная совокупность правительственныхъ функцій должна быть ввѣрена мѣстнымъ установленіямъ, то рождается вопросъ: какъ должны быть организованы эти установленія?

Если бы мѣстность была только *механическимъ* подраздѣленіемъ страны, созданнымъ исключительно въ виду правительственныхъ удобствъ—вопросъ разрѣшался бы просто. Мѣстныя должности были бы полномочными органами центральной власти, которая замѣщала бы ихъ по своему усмотрѣнію и даже изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу мѣстнаго населенія. Но мѣстность (область, провинція) не можетъ быть разсматриваема какъ искусственное и механическое подраздѣленіе государства. Правда, *происхожденіе* мѣстныхъ подраздѣленій во многихъ государствахъ Европы чуждо какихъ-либо *историческихъ* воспоминаній и соображенія съ естественными интересами мѣстнаго населенія. Было время что эти мѣстныя единицы были дѣйствительно плодомъ механическаго подраздѣленія страны. Таковы русскія губерніи и французскіе департаменты. Но происхожденіе единицы не вліяетъ неотразимо на весь характеръ ея развитія. Подъ вліяніемъ совмѣстнаго жительства и общаго управленія, въ мѣстномъ народонаселеніи мало-по-малу выработывается цѣлый рядъ общихъ интересовъ, соединяющихъ значительныя массы жителей. Французскій департаментъ и русская губернія сдѣлались уже общественными (органическими) единицами, съ своими интересами, требующими извѣстнаго обезпеченія. Затѣмъ далеко не всѣ единицы носятъ на себѣ слѣды искусственнаго подраздѣленія страны. „Механическіе" пріемы раздѣленія касаются главнымъ образомъ крупныхъ единицъ, каковы губерніи. Но нельзя сказать того же о единицахъ подчи-

ненныхъ. Въ каждой странѣ можно найти единицу основную, такъ сказать, установившуюся съ незапамятныхъ временъ. Таковъ нашъ *уѣздъ*, перешедшій къ намъ отъ временъ московскихъ. Еще естественнѣе единицы дробныя — *городскія* и *сельскія общины*. Здѣсь общіе интересы устанавливаются сами собою подъ вліяніемъ совмѣстнаго жительства на тѣсномъ пространствѣ земли, общихъ правъ и обязанностей. Такимъ образомъ мѣстность имѣетъ свое „строеніе“, является *организмомъ* съ своими живыми частями.

Государство не можетъ отрицать значенія этихъ организмовъ и присущихъ имъ интересовъ. Оно не можетъ взять на себя удовлетвореніе всѣхъ ихъ нуждъ и лишить ихъ возможности самостоятельнаго достиженія своихъ цѣлей. Но какъ опредѣлитъ государство мѣсто этихъ организмовъ и свое къ нимъ отношеніе? Какой смыслъ придастъ оно интересамъ мѣстности, какъ совокупности общественныхъ единицъ? Разрѣшить эти вопросы значитъ разрѣшить вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о смыслѣ и существѣ *самоуправленія*.

Отношеніе государства къ мѣстнымъ организмамъ опредѣляется повидимому чрезвычайно просто. Законодателю, на первый взглядъ, не трудно разграничить ихъ, если онъ будетъ имѣть въ виду различіе между *государствомъ* и *обществомъ*. Всѣ организмы, изъ коихъ слагается мѣстность, скажетъ онъ, суть единицы *общественныя*, имѣющія свои нужды. Государство должно предоставить этимъ организмамъ всѣ средства осуществленія ихъ интересовъ, оставивъ за собою право заботиться объ интересахъ государственныхъ при помощи своихъ органовъ. Съ этой точки зрѣнія самоуправленіе состояло-бы *въ правѣ самостоятельнаго завѣдыванія мѣстными организмами интересовъ, признанныхъ государствомъ за общественные*.

Но подобное разграниченіе интересовъ и такое понятіе о самоуправленіи скоро оказалось-бы призрачнымъ и повело-бы къ дурнымъ результатамъ.

Какіе интересы могутъ быть названы *общественными* въ противуположность государственнымъ? Этотъ вопросъ конечно не поддается удовлетворительному разрѣшенію [1]). Наше законода-

[1]) Напримѣръ *австрійскій* законъ о муниципальномъ устройствѣ (5 марта 1862 года) отличаетъ *самостоятельный* кругъ дѣйствій общинъ отъ *делегированныхъ* предметовъ вѣдомства. Но «самостоятельный» кругъ дѣйствій слагается изъ предметовъ вовсе не выведенныхъ теоретически изъ понятія общины. Сюда

тельство стремится придать этому слову довольно тѣсный смыслъ, если принять въ расчетъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Именно общественныя установленія призываются къ попеченію *о хозяйственныхъ* пользахъ и нуждахъ мѣстности. Но слово „хозяйственный", конечно, не способно разграничить область земскихъ установленій отъ области попеченій правительственныхъ. Земскія установленія призваны пещись въ „хозяйственномъ" отношеніи о медицинской части, о народномъ продовольствіи, объ общественномъ призрѣніи. Но какъ отдѣлить „хозяйственныя" попеченія о больницахъ, школахъ, богоугодныхъ заведеніяхъ и т. д. отъ попеченій „административныхъ", оставшихся на обязанности разныхъ правительственныхъ установленій? Не значитъ-ли это парализировать въ значительной степени дѣйствія какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ органовъ и создать обильный источникъ для столкновеній и пререканій? Мѣстное „хозяйство", если подъ нимъ разумѣть попеченіе объ источникахъ доходовъ, администрацію самообложенія и расходованія суммъ, не можетъ быть самостоятельною цѣлію „самоуправленія". Мѣстное хозяйство и право бюджета являются только средствами и основою для достиженія различныхъ цѣлей управленія. Взятыя сами по себѣ, они не установляютъ истиннаго самоуправленія.

На оборотъ, трудно сказать, какія именно функціи имѣютъ исключительно государственное значеніе, въ противуположность „мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ". Конечно, такія отрасли управленія, какъ внѣшнія сношенія государства, организація государственной обороны (армія и флотъ), опредѣляются общегосударственными цѣлями и не могутъ быть децентрализированы. Но въ области внутренняго управленія, въ тѣсномъ смыслѣ, даже управленія финансоваго, мѣстные интересы не могутъ быть отдѣлены отъ цѣлей государственныхъ по ихъ качеству и въ принципѣ. Справедливо, что попеченіе о народномъ образованіи есть дѣло государства и одна изъ прямыхъ его обязанностей. Но также

относятся: 1) завѣдываніе общиннымъ имуществомъ и хозяйствомъ; 2) безопасность лицъ и имуществъ; 3) благоустройство дорогъ и дорожная полиція; 4) полиція рынковъ, продовольствія, мѣръ и вѣсовъ; 5) часть санитарная; 6) дѣла по администраціи рабочихъ и прислуги; 7) полиція араповъ; 8) общественное призрѣніе; 9) полиція строительная и мѣры противъ пожаровъ; 10) попеченіе о народномъ образованіи, и т. д. Таковы важнѣйшіе предметы этой «самостоятельной» компетенціи. Простое перечисленіе ихъ показываетъ, что законъ не рѣшилъ здѣсь никакого теоретическаго вопроса. Онъ хотѣлъ только сказать, что въ этомъ кругу дѣлъ община дѣйствуетъ самостоятельно и собственными средствами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы предметы эти не имѣли и государственнаго значенія.

справедливо, что учрежденіе народныхъ училищъ есть одна изъ насущныхъ потребностей мѣстности. Забота о путяхъ сообщенія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія; но мѣстное населеніе также заинтересовано въ хорошемъ состояніи мѣстныхъ дорогъ и обыкновенно не удовлетворяется однимъ правительственнымъ попеченіемъ объ этомъ предметѣ. Можно было бы перебрать всѣ предметы внутренняго управленія и вездѣ найти не только „точки соприкосновенія" между государственными и мѣстными интересами, но и органическую между ними связь. Поэтому и различіе между предметами общегосударственнаго и мѣстнаго управленія есть различіе не качественное, а *количественное*. Извѣстная *доля* данной задачи остается въ рукахъ государства, другая доля можетъ и должна быть передана въ вѣдѣніе мѣстныхъ установленій. Администрація желѣзныхъ дорогъ, по важности этихъ путей сообщенія для всего государства, сосредоточивается въ вѣдѣніи центральнаго правительства. Попеченіе о мѣстныхъ дорогахъ должно быть предоставлено мѣстнымъ властямъ. Конечно, государство подчиняетъ всѣ отрасли мѣстной администраціи извѣстнымъ общимъ правиламъ; оно сохраняетъ право *надзора* за дѣятельностію всѣхъ органовъ администраціи, въ видахъ огражденія общегосударственныхъ интересовъ и правъ частныхъ лицъ. Но въ предѣлахъ этихъ условій можетъ и должно быть допущено самостоятельное дѣйствіе мѣстныхъ установленій.

Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе, что органы самоуправленія, понимаемаго даже въ тѣсномъ смыслѣ, должны быть облечены и дѣйствительно облекаются правами двоякаго рода: 1) совѣщанія и распоряженія и 2) приведеніе въ дѣйствіе принятыхъ распоряженій. Такимъ образомъ общественныя единицы должны имѣть свою *исполнительную власть*. Какъ будутъ относиться эти власти къ организму властей *правительственныхъ?* Легко замѣтить, что успѣхъ всѣхъ ихъ дѣйствій будетъ въ зависимости отъ *содѣйствія* послѣднихъ и что содѣйствіе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть гарантировано закономъ. Законъ предоставляетъ органамъ мѣстнаго самоуправленія право установленія разныхъ сборовъ и повинностей на мѣстныя нужды. Но будутъ-ли эти сборы имѣть значеніе дѣйствительнаго *налога*, безъ возможности *принудительнаго* его взысканія? Между тѣмъ законодательство, отдѣляя установленія *общественныя* отъ учрежденій правительственныхъ, оставляя въ вѣдѣніи послѣднихъ власть полицейскую,

открываетъ для учрежденій общественныхъ только одинъ способъ взыскивать принадлежащіе ему сборы—чрезъ *содѣйствіе* мѣстъ правительственныхъ. Но чѣмъ обезпечивается это содѣйствіе? При всегда возможныхъ пререканіяхъ между властями правительственными и общественными, содѣйствіе это не обезпечено даже настолько, насколько законъ обезпечиваетъ содѣйствіе правительственныхъ мѣстъ при взысканіи частнаго долга. Самое названіе общественныхъ установленій „властями“ не всегда соотвѣтствуетъ существу дѣла. Нѣтъ „власти“ безъ права самостоятельнаго и принудительнаго осуществленія принадлежащихъ ей правъ.

III.

Принципіальное различіе между общественными и правительственными установленіями коренится въ самомъ различіи между *государствомъ* и *обществомъ*. Это послѣднее различіе, установленное лучшими представителями европейской науки, каковы Р. ф. Моль, Аренсъ, Л. Штейнъ и друг., дѣйствительно важно и плодотворно. Наука указала на такія сферы человѣческой жизни, гдѣ *непримѣнимы* средства государственной администраціи съ ея внѣшними обязательными нормами и принудительными мѣрами. Такова область *религіозныхъ* цѣлей, движимыхъ самостоятельнымъ организмомъ — церковью Церковное *управленіе* должно принадлежать особому авторитету, дѣйствующему подъ общимъ *надзоромъ* государства. Но указанное различіе вовсе непримѣнимо къ вопросу о *самоуправленіи*. Цѣль самоуправленія состоитъ именно въ томъ, чтобы привлечь общественныя силы къ участію въ *государственной* администраціи, а этого нельзя сдѣлать иначе, какъ введя общественныя установленія въ кругъ *правительственныхъ* установленій. Конечно, въ кругъ вѣдомства органовъ самоуправленія войдетъ и попеченіе о чисто мѣстныхъ „пользахъ и нуждахъ“ каждой общественной единицы, каковы община, волость, уѣздъ, департаментъ, графство и т. д. Но въ общемъ кругѣ задачъ самоуправленія эти предметы составятъ довольно незамѣтную величину. Чисто мѣстныя „пользы и нужды“, т. е. интересы, присущіе каждой общественной единицѣ, какъ таковой, въ отличіе ея отъ *государства*, могутъ быть сведены едва ли не къ одному попеченію о мѣстномъ *хозяйствѣ*. Но какъ

только мы выступимъ за эти тѣсные предѣлы, мы неизбѣжно придемъ не только къ столкновенію, но и къ *сліянію* интересовъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ. Причину этого понять не трудно. Она заключается въ расширеніи задачъ *новаго* государства сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда оно зарождалось въ феодальномъ порядкѣ.

Во всей континентальной Европѣ огромное большинство цѣлей, составляющихъ теперь предметъ внутренняго государственнаго управленія, въ феодальную эпоху было предметомъ дѣятельности общественныхъ союзовъ и корпорацій – главнымъ образомъ церкви и городовъ. Дѣятельность государства была замкнута въ тѣсные предѣлы охраненія мира, посредствомъ защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ и отправленія правосудія. Попеченіе не только о религіозномъ, но и объ умственномъ развитіи общества, обо всей идеальной, такъ сказать, сторонѣ человѣческаго бытія, лежало на церкви. Важные вопросы полиціи благосостоянія и благоустройства впервые разрѣшились на почвѣ *муниципальной* администраціи. Съ развитіемъ государственнаго абсолютизма въ XVII и XVIII вѣкахъ дѣятельность этихъ корпорацій блекнетъ и замѣняется дѣятельностію государственною. Во времена всеобщаго крушенія старыхъ бытовыхъ единицъ, разлагавшихся подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ требованій, трудно было опредѣлить и удержать даже то, что составляетъ непосредственную, имманентную, такъ сказать, цѣль каждаго союза. Даже элементарныя задачи мѣстнаго хозяйства и благоустройства подверглись строгой опекѣ.

Крушеніе абсолютизма и развитіе конституціонныхъ установленій отразилось и на судьбѣ мѣстнаго управленія. Конечно *объемъ* государственной дѣятельности не только не сократился, но постоянно расширяется. Каждое поколѣніе даетъ государству новыя задачи. Государственная администрація, въ той или иной степени и формѣ, участвуетъ во всѣхъ отправленіяхъ общественной жизни. Она проявляется то въ формѣ *попеченія* объ успѣхахъ матерьяльнаго и умственнаго развитія народа, то въ установленіи мѣръ, предотвращающихъ различныя бѣдствія для государства,—для здоровья, имущества и другихъ интересовъ частныхъ лицъ. Область государственнаго *попеченія* и *полиціи* разростается съ каждымъ днемъ. Измѣнились только ихъ *форма* и *органы*.

Государство не ставитъ уже себя на мѣсто производительныхъ силъ страны; дѣятельность его органовъ не замѣняетъ

средствъ частной предпріимчивости и самодѣятельности разныхъ союзовъ. Оно ограничивается попеченіемъ объ *общихъ* условіяхъ благосостоянія, которыя являются какъ бы необходимымъ предположеніемъ для всякаго частнаго хозяйства и промышленности и общими полицейскими правилами предотвращаетъ нарушеніе частныхъ и общественныхъ интересовъ. Затѣмъ провозглашеніе извѣстныхъ правъ личности, обезпеченіе законности въ управленіи устранило, по возможности, произволъ въ правительственныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ. Органы государства не имѣютъ уже предъ собою безправной и пассивной массы подданныхъ, какъ прежде. Органы государства встрѣчаются съ извѣстными правами личной свободы и правами имущественными, обезпеченными за частными лицами. Дѣятельность этихъ органовъ направляется уже не отдѣльными и часто произвольными предписаніями высшей власти, а органическими *законами*, касающимися той или другой части управленія. Правомѣрное государство нуждается не только въ законахъ государственныхъ и гражданскихъ, но и въ *полицейскомъ* законодательствѣ, регулирующемъ всѣ отрасли внутренняго управленія. Конечно *распоряженіямъ* органовъ власти оставлено довольно мѣста. Но отъ распоряженія требуется законность, подъ страхомъ *отвѣтственности* должностнаго лица, издающаго распоряженія.

Но это перерожденіе *формъ дѣятельности* государства въ области внутренняго управленія было только однимъ изъ послѣдствій успѣховъ конституціонализма. Начала новыхъ политическихъ учрежденій должны были отразиться и на *организаціи* мѣстнаго управленія. Если верховныя государственныя установленія были преобразованы на началахъ народнаго представительства, если народные элементы были призваны къ участію въ высшемъ управленіи, то можно ли было сохранять начала отжившей системы въ управленіи мѣстномъ? Поэтому вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія явился не столько вопросомъ удобства и выгоды, сколько вопросомъ *политическимъ*. Такая постановка вопроса была неизбѣжна; мы встрѣчаемъ ее и въ новѣйшее время, при обсужденіи административныхъ реформъ въ Пруссіи [1]). Но нельзя сказать, чтобы она повсемѣстно способствовала правильному разрѣшенію вопроса. Связать въ одно цѣлое и во что бы то ни

---

[1]) См. докладъ Фриденталя въ прусской палатѣ депутатовъ объ уѣздной реформѣ, помѣщ. у *Гана* въ назв. изданіи.

стало систему управленія мѣстнаго съ системою общегосударственныхъ установленій значитъ подчинить чисто практическій и вовсе не политическій вопросъ о внутренней администраціи съ вопросомъ о *формахъ правленія,* что не всегда удобно. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ Франція. Съ 1789 г. она много разъ мѣняла формы правленія и всякій политическій переворотъ отражался такъ или иначе на установленіяхъ мѣстныхъ. Правда, политическія событія XIX столѣтія мало измѣнили общій строй внутренней администраціи, организованной Наполеономъ I на началахъ *централизаціи.* Но централизація держалась и держится главнымъ образомъ благодаря политическимъ соображеніямъ. Она является крайне удобнымъ орудіемъ для всякой партіи, въ данную минуту стоящей во главѣ государства. Интересы партіи или лица выигрывали; въ проигрышѣ оставалась страна, съ ея насущными и законными потребностями. Мало того — административная централизація служила иногда удобнымъ предлогомъ для оправданія политической диктатуры [1]). Между тѣмъ примѣры той страны, учрежденія которой явились для всей Европы образцомъ *политическихъ* реформъ, могли бы послужить хорошимъ наставленіемъ и въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Страна эта — Англія.

IV.

Образованіе мѣстнаго самоуправленія въ Англіи объясняется особымъ складомъ англійскаго общества и ходомъ его политической исторіи. Въ этой странѣ, королевская власть не была принуждена вести такой упорной борьбы противъ феодализма, какую вели монархи на континентѣ Европы. Въ то время, какъ во Франціи Капетинги съ трудомъ вели свою трудную работу «собиранія земли», *политическая* централизація въ Англіи была уже закончена. Но съ другой стороны, королевская власть въ Англіи

---

[1]) Въ своей прокламаціи 14 января 1852 года, Наполеонъ III говорилъ между прочимъ: «Я сказалъ себѣ: если Франція живетъ до сихъ поръ, въ теченіи 50 лѣтъ, только благодаря организаціи административной, военной, судебной, церковной и финансовой, созданной консульствомъ и имперіей, то почему не возьмемъ мы и политическихъ установленій этой эпохи? Созданные тою-же самою мыслью, они должны имѣть тотъ-же характеръ національности и практической пользы».

не вытѣснила поземельную аристократію изъ области внутренняго управленія, какъ это случилось во Франціи, гдѣ торжествующая монархія обрекла на бездѣйствіе высшіе классы и сдѣлала ихъ безполезнымъ бременемъ въ глазахъ народа. Напротивъ, военно-бюрократическая система, утвердившаяся въ Англіи послѣ норманскаго завоеванія, постепенно вымираетъ и замѣняется дѣйствіемъ крѣпкаго правящаго землевладѣльческаго класса, образовавшагося въ графствахъ (джентри). Но общество и государство не встрѣтились въ данномъ случаѣ, какъ два врага. Общество даже не провозглашало выборнаго начала, какъ результата побѣды надъ королевскимъ назначеніемъ лицъ на должности. Монархическій принципъ сохранился во всей его силѣ. Должности остались королевскимъ порученіемъ, но приняли форму повинностей, безвозмездно отбываемыхъ зажиточными обывателями мѣстности. Другими словами, должности, дѣйствующія *въ графствахъ* (мировые судьи, шерифъ, лордъ-лейтенантъ) суть созданіе совокупнаго дѣйствія королевской прерогативы и аристократическаго элемента.

Система мѣстнаго управленія въ графствахъ есть старинный и основной типъ англійскаго самоуправленія. Начала его особенно ярко выразились въ главнѣйшей изъ мѣстныхъ должностей — должности мировыхъ судей. Для уразумѣнія истиннаго смысла этого института, его не должно разсматривать какъ совокупность единичныхъ должностей, соединяющихся иногда и въ съѣзды, для разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ. Мировые судьи являются какъ бы особымъ и довольно многочисленнымъ сословіемъ. Отдѣльно и въ съѣздахъ они вѣдаютъ разнообразныя задачи мѣстнаго управленія, суда и хозяйства. По послѣднему исчисленію, на собственную Англію съ в. кн. Уэльскимъ приходилось свыше 8000 судей, находившихся на дѣйствительной службѣ. Такимъ образомъ на каждыя 2000 жителей приходилось по одному судьѣ. Четвертные съѣзды имѣютъ характеръ мѣстнаго представительства, не выборнаго правда, но такъ-сказать естественнаго. Напримѣръ въ Ворчестерѣ числилось 235 участковыхъ судей, въ Суссексѣ 252, въ Норфолькѣ 253 и т. д. Правда, не вездѣ это число одинаково велико, но оно вездѣ достаточно, чтобы видѣть въ немъ совокупность представителей правящаго класса, т. е. джентри.

Поэтому *выборное начало* не является характеристическою чертою англійскаго самоуправленія. Напротивъ, выборныя и невыборныя должности соединены въ этой системѣ. Такъ въ

системѣ должностей, дѣйствующихъ въ графствахъ, выборный *коронеръ* такой же органъ самоуправленія, какъ и мировой судья, назначенный королевою. При обстановкѣ, какую имѣютъ должности въ графствахъ, даже та должность, которая разсматривается какъ правительственная по преимуществу и нѣкогда была сильнымъ орудіемъ абсолютной власти — должность шерифа, ничѣмъ не напоминаетъ напримѣръ значенія префекта во Франціи [1]). Скажемъ больше: область преобразованныхъ англійскихъ *выборныхъ* должностей напр. (по управленію бѣдными) открываетъ больше простора для вмѣшательства центральной власти, чѣмъ система старыхъ должностей, дѣйствующихъ въ графствахъ на основаніи закона и подъ контролемъ *суда*.

Выборныя должности установились въ городахъ и въ преобразованной системѣ приходскаго управленія. Но ни тамъ, ни здѣсь онѣ не были результатомъ политической борьбы съ центральною властію. Въ городахъ выборное начало было примѣнено на болѣе широкихъ основаніяхъ закономъ 1835 года въ видѣ реакціи противъ отжившихъ привилегій разныхъ городскихъ корпорацій. Законъ 1835 года возвратился, въ сущности, къ старымъ началамъ городскаго управленія, искаженнымъ развитіемъ корпоративныхъ привилегій при Тюдорахъ и Стюартахъ [2]). Далѣе выборное начало примѣнено къ различнымъ отраслямъ приходскаго и союзнаго управленія. Но форма этихъ должностей, по справедливому замѣчанію *Гнейста*, находится въ тѣсной связи съ *экономическимъ*, главнымъ образомъ, характеромъ этихъ отраслей администраціи (управленіе бѣдными, школами и т. п.). Старое англійское самоуправленіе держалось на *личной* службѣ мѣстнаго джентри, причемъ мѣстные *налоги* являлись только нѣкоторымъ вспомогательнымъ средствомъ къ личной повинности. Напротивъ управленіе приходовъ и ихъ союзовъ имѣетъ дѣло съ громадными налогами, между которыми налогъ въ пользу бѣдныхъ занимаетъ первое мѣсто. Весьма естественно, что тамъ, гдѣ платежъ налога имѣетъ первенствующее значеніе, важный вопросъ о *контролѣ* плательщиковъ надъ лицами, коимъ поручено расходованіе налога, выдвигается на первый планъ. Поэтому система назначенія, примѣнимая къ повинностнымъ должностямъ

---

[1]) См. *Миттермайеръ*, «Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и С. Америкѣ», стр. 39 русск. пер.

[2]) Гнейстъ, Communalverfassung I, стр. 318—325, II, 847—915.

мировыхъ судей, шерифовъ и т. д., должна уступить мѣсто системѣ *выборной*, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ употребленіи большаго налога.

Затѣмъ личная служба не во вкусѣ промышленныхъ классовъ, составляющихъ огромное большинство плательщиковъ названныхъ налоговъ. Торговецъ или фабрикантъ, обремененные множествомъ дѣлъ, требующихъ личнаго ихъ присутствія, не можетъ нести личною государственной повинности, подобно землевладѣльцу, удобно исправляющему должность мироваго судьи среди населенія, окружающаго его помѣстье. Человѣкъ изъ промышленнаго класса, заплатившій свою долю налога и выбравшій администраторовъ, убѣжденъ, что его счеты съ государствомъ кончены. Если, кромѣ того, законъ обезпечиваетъ ему возможность контроля надъ употребленіемъ налога, онъ считаетъ обезпеченными и свои права.

Наконецъ старая система повинностей службы сдѣлалась положительно непримѣнимой къ разнымъ должностямъ, благодаря новымъ общественнымъ условіямъ. Такова система новыхъ полицейскихъ должностей—*констеблей*, удовлетворявшихъ прежнимъ потребностямъ, но рѣшительно неспособныхъ обезпечить безопасность въ большихъ и малыхъ городахъ. Требованіе многочисленной, хорошо организованной и *оплаченной* полиціи раздавалось въ Англіи издавна. Прежде всего полицейская реформа осуществилась въ Лондонѣ; впослѣдствіи она распространилась и на другія мѣстности.

Такимъ образомъ разныя системы должностей выработались подъ вліяніемъ разныхъ общественныхъ условій и удобствъ. Должности, замѣщаемыя по назначенію и по выбору, безвозмездныя и оплаченныя одинаково существуютъ въ общей системѣ англійскаго самоуправленія. Это разнообразіе отдѣльныхъ началъ не видоизмѣняетъ однако общаго взгляда на должности, какъ на *государственную* функцію. Тотъ же взглядъ отражается и на распредѣленіи задачъ между отдѣльными отраслями управленія. Англійское законодательство не задавалось безплоднымъ вопросомъ о строгомъ различіи между *правительственными* и *общественными* цѣлями. Задачи мѣстнаго управленія носятъ вполнѣ государственный отпечатокъ. Государство требуетъ отъ жителей графствъ и городовъ отправленія повинности присяжнаго, какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ; изъ мѣстныхъ жителей ставляется большое или обвинительное жюри, рѣшающее во о привлеченіи подозрѣваемыхъ къ отвѣтственности предъ су

въ лицѣ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ организована сильная должность съ обширными обязательствами по дѣламъ уголовнымъ, уголовно-полицейскимъ и административнымъ. На приходы и союзы приходовъ, подъ высшимъ контролемъ мировыхъ судей и центральнаго правительства, возложены разнообразныя заботы по обезпеченію внутренняго благосостоянія страны. Важнѣйшею изъ нихъ является конечно забота о вспомоществованіи бѣднымъ, требующая значительнаго служебнаго персонала и самаго значительнаго изъ мѣстныхъ налоговъ. Эта отрасль администраціи послужила поводомъ и образцомъ для устройства другихъ частей управленія: таковы обязанности приходовъ по части санитарной, дорожной и учебной. Не мало обязанностей возложено на графства и по части военной, что объясняется существующею въ Англіи системою милиціи. Разумѣется рядомъ съ этими повинностями, мѣстные союзы вѣдаютъ и собственныя свои дѣла. Такъ въ городахъ, которымъ между всѣми другими союзами принадлежатъ наибольшія *корпоративныя* права, управленіе городскимъ *хозяйствомъ* занимаетъ важное мѣсто. Но этотъ кругъ задачъ не разсматривается, какъ нѣчто *противуположное* правительственнымъ функціямъ мѣстной администраціи. Наоборотъ, правительственныя функціи не выдѣляются изъ задачъ „общественнаго“ управленія, какъ нѣчто особое и независимое отъ мѣстныхъ властей. Мѣстныя должности во всѣхъ отношеніяхъ являются *властями* съ точно опредѣленнымъ государственнымъ значеніемъ.

Понятно само собою, что условія, при которыхъ развилось и держится въ Англіи самоуправленіе, не могутъ быть воспроизведены въ другихъ странахъ. Воспроизведеніе ихъ даже не желательно. Можно отнестись съ уваженіемъ къ дѣятельности „правящаго класса“, отбывающаго въ графствахъ разныя безвозмездныя службы. Но нельзя забывать, что воспроизведеніе такого правящаго класса предполагаетъ особыя *аграрныя* условія, т. е. сосредоточеніе землевладѣнія въ немногихъ рукахъ и полную экономическую зависимость земледѣльцевъ. Не забудемъ также, что система самоуправленія, построенная на старыхъ элементахъ во всей ихъ чистотѣ, породила множество злоупотребленій, а во многихъ отношеніяхъ оказалась и недостаточною. Вопіющіе недостатки стараго управленія бѣдными, неотложныя нужды рабочаго класса, новыя полицейскія потребности городовъ вызвали рядъ реформъ, совершенныхъ въ два послѣднія царствованія, и

открыли значительный просторъ для дѣйствія центральной власти. Но это нисколько не свидѣтельствуетъ противъ вѣрности общихъ началъ, заключающихся въ англійской системѣ мѣстнаго управленія. Начала эти можно выразить въ слѣдующихъ словахъ:

1. Вопросъ о мѣстномъ управленіи есть, въ сущности, вопросъ о распредѣленіи общихъ *государственныхъ* задачъ между различными органами государства.

2. Самоуправленіе не есть только возможность, предоставленная *общественной* корпораціи вѣдать самостоятельно свои „собственныя" дѣла, напримѣръ завѣдывать *имуществомъ* общины. Право самостоятельнаго хозяйства есть только *предварительное* условіе, дающее общинѣ самостоятельное бытіе и одзволяющее ей нести тяжесть мѣстной администраціи, ввѣренной отъ государства *ея* органамъ. Самоуправленіе состоитъ именно въ положительномъ участіи общинъ и общественныхъ союзовъ въ государственной администраціи, иначе — въ осуществленіи государственныхъ цѣлей чрезъ органы мѣстнаго народонаселенія.

3. Поэтому органы самоуправленія должны быть *властями* въ государственномъ смыслѣ, т. е. входить въ составъ мѣстной администраціи въ качествѣ *органической* его части, а не въ видѣ *особыхъ* и параллельныхъ, такъ сказать, установленій, *конкурирующихъ* съ властями правительственными.

Такую постановку вопроса можно найти, въ сущности, во всѣхъ законодательствахъ западной Европы, не исключая, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, Франціи. Французское законодательство, въ свое время, *отрицало* начало самоуправленія; но оно никогда не искало способовъ установить самоуправленіе въ созданіи особаго организма общественныхъ „властей", дѣйствующихъ параллельно съ властями правительственными. По этому и новѣйшія реформы департаменскихъ совѣтовъ и муниципальныхъ учрежденій усиливаютъ именно государственное значеніе этихъ установленій.

V.

Французская революція 1789 года, въ ея отношеніяхъ къ мѣстному управленію, стремилась разрушить установленія стараго порядка въ двоякомъ отношеніи. Во первыхъ, ей предстояло устранить орудія абсолютной власти королей — интендантовъ и

субделегатовъ. Во вторыхъ, она поставила себѣ задачею отмѣнить различныя сословныя и корпоративныя привилегіи, сохранившіяся въ мѣстномъ управленіи отъ феодальной эпохи. Французское учредительное собраніе не только не искало точки опоры въ старинныхъ установленіяхъ, но отвергало ихъ, какъ противныя началамъ разума и естественной свободы. „Декларація правъ человѣка и гражданина“ указала какими началами должны руководствоваться представители французскаго народа. Суверенитетъ принадлежитъ исключительно народу—таково одно изъ этихъ началъ; люди рождаются и пребываютъ равными и свободными въ своихъ правахъ — таково другое. Эти принципы учредительное собраніе рѣшилось провести и въ *мѣстномъ управленіи*.

Первымъ изъ относящихся сюда законовъ явился декретъ 14 декабря 1789 года объ устройствѣ муниципалитетовъ. Основная мысль закона выражается въ первыхъ же трехъ его статьяхъ. Законъ уничтожаетъ всѣ прежніе муниципалитеты, какое бы названіе они ни носили, и права, принадлежавшія по управленію городами мѣстной аристократіи и представителей короны. Замѣщеніе должностныхъ лицъ и членовъ муниципалитета предоставлено *выбору* гражданъ и во главѣ муниципальныхъ управленій поставлены выборные *меры*. Независимо отъ членовъ муниципалитета, общинамъ предоставлено избирать *прокуроровъ*, для защиты ихъ интересовъ.

Эта новая организація распространилась на *всѣ* общины; законъ отмѣнилъ различіе, существующее въ другихъ странахъ, между городами и селами, оставивъ только различіе количественное, *въ числѣ членовъ муниципалитета*. Исключеніе сдѣлано для города Парижа. Какія. дѣла были предоставлены вѣдѣнію общинъ? По мысли новаго закона они явились основными единицами *управленія* вообще. Муниципалитетамъ предоставлено два рода дѣлъ: одни названы дѣлами непосредственно принадлежащими муниципальной власти (prorpes au pouvoir municipal): другія относятся къ общему государственному управленію и делегируются (поручаются) общинѣ по мѣрѣ надобности.

Къ первому роду дѣлъ относится попеченіе объ имуществахъ и доходахъ общины, расходованіе доходовъ на мѣстныя нужды, производство общественныхъ работъ, управленіе разными установленіями, принадлежащими общинѣ и, наконецъ, мѣстная *полиція*, какъ благоустройства, такъ и *безопасности*. Къ дѣламъ

порученнымъ относятся: раскладка, взысканіе и доставленіе податей, непосредственное завѣдываніе разными общественными работами и т. п. Муниципалитеты подчинены *надзору* департаментскихъ и окружныхъ администрацій по дѣламъ перваго рода и *зависятъ* отъ нихъ по дѣламъ втораго. Такимъ образомъ общины явились съ одной стороны самостоятельными союзами, а съ другой низшими единицами мѣстнаго управленія.

Преобразованіе мѣстной администраціи въ цѣломъ ея составѣ послѣдовало въ силу закона 22 декабря 1789 года. Этимъ закономъ уничтожено прежнее дѣленіе королевства на *провинціи*, съ ихъ историческими особенностями и различіемъ между pays d'états и pays d'élection. Ко всей странѣ было примѣнено однообразное дѣленіе на *департаменты*, округи (districts) и кантоны [1]). На такихъ же однообразныхъ основаніяхъ устроено и мѣстное управленіе. Въ департаментахъ учреждена департаментская, въ округахъ окружная „администраціи". Члены той и другой замѣщаются по выбору. Какъ въ округахъ, такъ и въ департаментахъ „администраціи" раздѣляются на двѣ части: одной, подъ названіемъ *совѣта* (conseil), присвоивается власть совѣщательная и распорядительная, другой, подъ именемъ директоріи (directoire), дается власть исполнительная. При администраціяхъ состоятъ выборные прокуроры-синдики.

Кругъ дѣлъ, предоставленный „администраціямъ", обширенъ. Имъ ввѣрены раскладка и взиманіе налоговъ и управленіе по части призрѣнія бѣдныхъ, благотворительныхъ учрежденій и тюремъ; попеченіе о народномъ образованіи, земледѣліи и промышленности, объ общественныхъ сооруженіяхъ, полиціи благоустройства и безопасности и извѣстная доля дѣлъ по управленію національною гвардіею. Въ этомъ кругѣ дѣлъ администраціи дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ контролемъ *верховнаго* правительства, т. е. короля и законодательнаго корпуса; между ними не допускается никакого посредника.

На такихъ началахъ предполагалось основать *самоуправле-*

---

[1]) Кантонъ сохранилъ свое значеніе и до настоящаго времени. Онъ обнимаетъ нѣсколько общинъ и есть подраздѣленіе округа (arrondissement). Большія общины сами раздѣляются на кантоны. Назначеніе его состоитъ въ слѣдующемъ: 1) кантонъ есть округъ для мировой юстиціи (juge de paix); 2) выборы въ члены департаментскихъ и окружныхъ совѣтовъ производятся по кантона[м]; 3) въ главной общинѣ кантона производится вынутіе жребія лицами, призы[ваемыми] къ отправленію воинской повинности. Здѣсь-же засѣдаетъ ревизіонны[й со]вѣтъ по дѣламъ этого рода.

ніе. Мѣстная администрація была отдана въ руки народу; выборное начало торжествовало повсюду. Между тѣмъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ изданія этихъ законовъ, первый консулъ установилъ во Франціи такую правительственную централизацію, какой не знала даже старая монархія. Какъ объяснить эту перемѣну? Отдавая всю справедливость благимъ намѣреніямъ учредительнаго собранія и его возвышеннымъ идеямъ, нельзя не сказать, что причина крушенія созданныхъ имъ установленій лежала въ его же законахъ.

Система выборныхъ должностей не могла, сама-по-себѣ, создать мѣстнаго самоуправленія. Должности имѣютъ силу и значеніе въ качествѣ представителей или органовъ общественныхъ союзовъ или классовъ мѣстнаго населенія. Онѣ должны имѣть опредѣленную опору въ *мѣстности*, какъ извѣстномъ общественномъ организмѣ. Должности, созданныя учредительнымъ собраніемъ, не имѣли такой точки опоры. Они были организованы ради осуществленія общаго и отвлеченнаго принципа народнаго верховенства и явились именно въ ту эпоху, когда прежніе мулиципалитеты, провинціи и т. д. прекратили свое существованіе и были замѣнены однообразнымъ и *механическимъ* дѣленіемъ страны на общины, кантоны, округи и департаменты. Наиболѣе органическое значеніе имѣли общины. Но и эти единицы испытали на себѣ всю силу нивеллирующихъ стремленій эпохи. Во-первыхъ законъ 14 декабря 1789 года смѣшалъ въ одну массу города и села, не смотря на все ихъ естественное и историческое различіе. Во-вторыхъ, онъ разсматриваетъ общины какъ подчиненную административную единицу, находящуюся въ концѣ установленной имъ іерархіи. Этотъ взглядъ отразился на судьбѣ общинъ.

Другія единицы не заключали въ себѣ никакихъ признаковъ общественнаго организма. Конституція 1791 года заботливо постановляетъ, что департаментскія и окружныя администраціи не имѣютъ характера представительства: „они суть агенты, выбранные на срокъ народомъ, чтобы отправлять, подъ надзоромъ короля, административныя обязанности“. Другими словами, мѣстные администраторы суть выборные чиновники. При такихъ условіяхъ новыя учрежденія не могли выдержать испытаній труднаго времени, пережитаго Франціею съ 1789 по 1799 годъ.

Они не удовлетворяли понятіямъ о самоуправленіи, потому что

новой администраціи не соотвѣтствовали общественныя силы вновь созданныхъ единицъ. Можно-ли было говорить о департаментскомъ обществѣ и его мѣстныхъ интересахъ, когда самый департаментъ былъ пока механическимъ подраздѣленіемъ страны, созданнымъ ради административныхъ удобствъ? Съ другой стороны, новая администрація мало удовлетворяла и интересамъ *центральной* власти. Департаментскія администраціи дѣйствовали подъ надзоромъ короля. Но прерогативы короля ограничивались правомъ отмѣны незаконныхъ актовъ администраціи и временнаго устраненія ея отъ должности. Коротко говоря, новыя учрежденія были недостаточно сильны. для истиннаго представительства мѣстныхъ интересовъ; центральная власть имѣла слишкомъ мало правъ для проведенія самыхъ законныхъ своихъ цѣлей.

Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ XVIII ст. всѣ неудобства, возникавшія изъ новаго порядка вещей, рѣшались прежде всего *фактическимъ* перевѣсомъ центральной политической власти надъ мѣстною администраціею. Коммиссары конвента пользовались своими диктаторскими полномочіями, не справляясь съ желаніями мѣстныхъ властей. Затѣмъ конституція 1795 года ясно показала, какъ мало было жизненныхъ силъ въ учрежденіяхъ 1789 года. Она измѣнила установленное въ 1789 году административное дѣленіе, именно исчезли округи (districts). Страна подраздѣлилась на департаменты, кантоны и общины. Еще больше перемѣнъ произошло въ административномъ устройствѣ. Конституція признаетъ только два рода администрацій: департаментскую, въ качествѣ центральной, и муниципальную, учреждаемую въ *кантонахъ.* И тамъ и здѣсь нѣтъ болѣе административныхъ *совѣтовъ;* департаментская администрація состоитъ изъ пяти членовъ, избираемыхъ на пять лѣтъ [1]). Муниципальная администрація построена на совершенно новыхъ основаніяхъ. По общему правилу, муниципалитеты суть установленія не общинныя, а кантональныя. Только общинамъ, имѣющимъ отъ 5 до 100 тысячъ жителей, дается свой муниципалитетъ, въ составѣ отъ 5 до 9 лицъ. Малыя общины имѣютъ муниципальнаго агента съ помощникомъ; изъ собранія этихъ агентовъ составляется кантональный муниципалитетъ. Не давая мелкимъ общинамъ самостоятельныхъ муниципалитетовъ, конституція относится недовѣрчиво и къ слишкомъ большимъ общинамъ, т. е.

---

[1]) Эта мѣра была объяснена тѣмъ, что совѣты «препятствовали» свободѣ дѣйствій директоріи.

съ населеніемъ свыше 100,000. Эти общины раздѣляются по-крайней-мѣрѣ на три округа (arrondissement) и каждый изъ нихъ имѣетъ свой муниципалитетъ. Для дѣлъ общихъ всѣмъ округамъ учреждается центральное „бюро“ изъ трехъ лицъ, назначенныхъ департаментской администраціей съ утвержденія высшей исполнительной власти. Наконецъ конституція 1789 года усиливаетъ и средства надзора за мѣстнымъ управленіемъ, въ лицѣ коммиссаровъ при департаментскихъ администраціяхъ, министрахъ и директоріи.

Всѣ эти постановленія показываютъ, какъ неустойчивы были мѣстные „организмы“ и какъ легко поддавались они всевозможнымъ комбинаціямъ. Въ конституціи 1795 года мы не видимъ уже никакихъ слѣдовъ мѣстнаго представительства; общины играютъ невидную роль въ управленіи; въ большихъ городахъ назначенные бюро вѣдаютъ главнѣйшіе предметы администраціи, въ томъ числѣ и мѣстную полицію. Составители конституціи думали упростить административную машину, созданную въ 1789 году. Вмѣсто того, они пришли къ смѣшенію административныхъ функцій и къ хаосу въ администраціи. Законодательство перваго консула внесло больше порядка въ мѣстное управленіе, но этотъ порядокъ былъ построенъ на иныхъ началахъ.

Не должно думать, чтобы реформа мѣстныхъ установленій, осуществленная въ 1799 году, была дѣломъ, независимымъ отъ политическихъ перемѣнъ, совершившихся во Франціи. Напротивъ, она органически связана съ новою французскою конституціею, проектированною *Сійесомъ* и предложенною въ измѣненномъ видѣ всенародному голосованію. Одна изъ основныхъ мыслей этой конституціи выражается въ слѣдующей формулѣ: „довѣріе должно идти снизу, а власть сверху“. На практикѣ эта формула означала, что народъ не можетъ избирать непосредственно ни своихъ представителей, ни администраторовъ. Онъ только указываетъ правительству тотъ кругъ лицъ, къ коимъ онъ питаетъ довѣріе [1]).

[1]) Довѣренные списки (listes de confiance) были трехъ степеней: *окружные* или общинные, куда вносилась 1/10 гражданъ каждаго округа, по выбору послѣднихъ; *департаментскіе*, куда помѣщалась 1/10 изъ лицъ, внесенныхъ въ окружные списки, по избранію этихъ лицъ; *національный*, составлявшійся изъ 1/10 лицъ, помѣщенныхъ въ департаментскіе списки, тѣмъ-же порядкомъ. Внесеніе лица въ одинъ изъ этихъ списковъ давало правительству право назначать его на должность соотвѣтствующую разряду списка. Правительству предстоялъ широкій выборъ. Въ окружныхъ спискахъ значилось не менѣе 600.000, департаментскихъ 60,000, въ національномъ 6,000.

Изъ этого круга правительство *назначаетъ* судей и администраторовъ. Такимъ образомъ принципъ назначенія получилъ конституціонное освященіе. Второй принципъ, опредѣлившій строй новой администраціи, выраженъ въ извѣстной формулѣ *Рӧдерера*, въ докладѣ трибунату объ административной реформѣ: „судить — дѣло многихъ; управлять — дѣло одного". Поэтому административное дѣйствіе ввѣрялось единоличнымъ властямъ, обставленнымъ только *совѣтами*, неимѣющими дѣйствительной власти.

Законъ 28 плювіоза VIII года (1799) провелъ эти начала весьма логично. Страна раздѣлена на департаменты и коммунальные округи (arrondissements). Въ департаментѣ администрація ввѣрена префекту, назначенному первымъ консуломъ. Затѣмъ, извѣстная доля участія въ мѣстной администраціи предоставлена двумъ совѣтамъ: совѣту префектуры (conseil de prefecture) и общему департаментскому совѣту (conseil général de département). Первому предоставлены дѣла по административной юстиціи, второму по раскладкѣ податей между округами, по установленію сборовъ на нужды департамента (centimes additionels), и контроль надъ употребленіемъ послѣднихъ. Ему предоставлено также право представлять свои мнѣнія (opinions) о состояніи департамента и его нуждахъ министру внутреннихъ дѣлъ. Члены совѣта префектуры назначаются первымъ консуломъ непосредственно, члены общаго совѣта изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ избирательнымъ собраніемъ департамента (collége électoral).

Эта однообразная система проведена по всѣмъ инстанціямъ. Окружная администрація ввѣрена подпрефекту, назначенному первымъ консуломъ; дѣло по раскладкѣ податей и департаментскихъ сборовъ окружному совѣту, составленному на подобіе совѣта департаментскаго. Въ общинахъ административная власть поручена мерамъ и ихъ помощникамъ, назначаемымъ первымъ консуломъ въ общинахъ съ населеніемъ свыше 5,000 ж., и префектамъ въ общинахъ съ меньшимъ населеніемъ. Законъ предписываетъ право назначать этихъ лицъ изъ числа членовъ муниципальнаго совѣта; но самъ муниципальный совѣтъ составленъ изъ лицъ, назначенныхъ префектомъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему собраніемъ кантона.

Таковы были главныя основанія этой системы, въ предѣлахъ которой вращается французская администрація до настоящаго времени. Реставрація (1815—1830 г.), воздвигшая гоненіе на все,

что было сдѣлано съ 1789 года, не тронула этого всесильнаго орудія центральной власти. Напротивъ, она усилила правительственное начало въ мѣстномъ управленіи, уничтоживъ то подобіе выборнаго начала въ мѣстныхъ совѣтахъ, какое сохранили законы перваго консула.

Іюльская монархія первая тронула этотъ насущный вопросъ. Сама конституція 1830 года обратила на него вниманіе законодательной власти, указавъ, что будущая реформа должна дать развитіе *выборному* началу [1]). Законодательная власть выполнила, въ извѣстной мѣрѣ, предписаніе конституціи. Результатомъ ея работъ были законы: 21 марта 1831 г. объ муниципальномъ устройствѣ, 18 іюля 1837 г. о муниципальномъ управленіи, 22 іюня 1833 г. объ устройствѣ департаментскихъ и окружныхъ совѣтовъ и 10 мая 1838 г. о предметахъ вѣдомства этихъ совѣтовъ. Эти законы заслуживаютъ названіе органическихъ и сохранили свое значеніе до настоящаго времени. Но нельзя сказать, что обѣщаніе, данное конституціею, осуществилось вполнѣ и что Франція вступила на путь самоуправленія. Во первыхъ, названные законы остались вѣрными началу консульскихъ законовъ: „управлять — дѣло одного". Префекты, подпрефекты и меры остались въ прежней силѣ и притомъ агентами, назначенными правительствомъ. Во вторыхъ, префекты и меры, сосредоточивая въ своихъ рукахъ административную власть, могли имѣть подлѣ себя только *совѣты*. Этотъ принципъ также сохраненъ новыми законами. Въ третьихъ, агенты, назначенные правительствомъ, за отсутствіемъ настоящаго мѣстнаго представительства, по самой необходимости играли двоякую роль: представителей правительства въ мѣстности и представителей мѣстности, какъ юридическаго лица (департаментъ, община) предъ правительствомъ и частными лицами.

Такимъ образомъ составители новыхъ законовъ начертали себѣ довольно тѣсную программу. Реформа, вмѣстѣ съ возвѣщеннымъ ею „выборнымъ началомъ" коснулась именно *совѣтовъ*. Департаментскіе и окружные совѣты составлены изъ выборныхъ въ числѣ, равномъ числу кантоновъ въ департаментѣ или округѣ. Муниципальные совѣты составились изъ совѣтниковъ, избранныхъ

---

[1]) Стр. 96, п. 7. «Il sera pourvu succesivement, par des lois sèparées et dans le plus court délai possible, aux objets qui suivent... 7-e des institutions départementales et municipales, *fondées sur un système électif*».

общиннымъ собраніемъ выборныхъ. Для оцѣнки этого выборнаго права должно помнить, что оно было крайне ограничено условіями высокаго ценза, какъ это было и въ области политическихъ выборовъ. Даже при наличности такого условія, законодательная власть не нашла возможнымъ сдѣлать выборною должность меровъ. Правда, законъ призналъ эту должность безвозмездною и постановилъ, что меръ назначается изъ членовъ муниципальнаго совѣта. Но это нисколько не измѣнило административнаго характера учрежденія. Затѣмъ новые законы расширили права совѣтовъ, если подъ именемъ права разумѣть предметы вѣдомства. Не смотря на это, мы можемъ утвердительно сказать, что общее положеніе совѣтовъ не измѣнилось, такъ какъ они по прежнему были устранены отъ дѣятельнаго участія въ управленіи. Даже въ предѣлахъ своихъ совѣщательныхъ занятій, совѣты были сильно ограничены. Засѣданія ихъ были негласны; строго воспрещалось генеральному совѣта однаго департамента входить въ сношенія съ совѣтомъ другаго; постановленія совѣтовъ нуждались въ утвержденіе короля, министра или префекта, смотря по важности предмета.

Если и видѣть въ названныхъ законахъ зачатки самоуправленія, то нельзя не признать, что зачатки эти весьма слабы, особенно въ виду шумнаго обѣщанія конституціи 1830 года. Серьезный шагъ впередъ, сдѣланный закономъ о департаментскихъ совѣтахъ, состоялъ въ томъ, что департаменты окончательно были признаны юридическими лицами, съ своимъ хозяйствомъ и бюджетомъ, хотя права активнаго хозяйствованія остались въ рукахъ префектовъ. Во всякомъ случаѣ департаменты перестали быть простымъ „административнымъ дѣленіемъ“ государства. За ними была признана личность. При лучшихъ условіяхъ законъ могъ призвать эту личность къ жизни; но ей суждено было долго лежать подъ спудомъ.

Революція 1848 года не имѣла практическихъ послѣдствій для мѣстнаго управленія. За то государственный переворотъ 1851 года и вторая имперія имѣли ихъ очень много и не въ хорошую сторону. Правда, новые законы расширили условіе избирательнаго права, примѣняясь къ установившейся системѣ всеобщей подачи голосовъ, оказавшей такія услуги Наполеону III. Но это нисколько не увеличило значенія „выборныхъ“ совѣтовъ. Новый глава государства въ самой конституціи выговорилъ себѣ право назначать меровъ изъ лицъ, не принадлежащихъ къ му-

ниципальному совѣту. Закономъ 7 іюля 1852 г. департаментскіе совѣты были лишены права избирать своихъ предсѣдателей и товарищей предсѣдателя и секретарей. Президенту республики (послѣ императору) предоставлено право назначать ихъ изъ числа членовъ совѣта. Тоже право предоставлено префекту относительно окружныхъ совѣтовъ. Отсюда понятно будетъ, какое значеніе имѣлъ знаменитый декретъ 25 марта 1852 года, изданный подъ громкимъ названіемъ декрета объ административной децентрализаціи. Онъ былъ дополненъ въ 1861 году. Означенная децентрализація состояла въ томъ, что *префектамъ* было предоставлено право своею властью разрѣшать множество вопросовъ, прежде представлявшихся на разрѣшеніе министровъ. Прочитывая длинный списокъ этихъ предметовъ, нужно только удивляться тому, какое количество неважныхъ дѣлъ восходило къ разсмотрѣнію центральныхъ установленій, но нельзя видѣть въ названномъ декретѣ попытки „оживить" департаменты, какъ это возвѣщалъ Наполеонъ [1]). Неудивительно, что декретъ былъ встрѣченъ недовѣріемъ и даже насмѣшками [2]).

Конецъ царствованія Наполеона III, когда диктаторъ долженъ былъ уступить предъ напоромъ демократической оппозиціи, ознаменовался нѣкоторымъ расширеніемъ мѣстныхъ вольностей. Таковъ прежде всего законъ 18 іюля 1866 г. о департаментскихъ совѣтахъ. Существенное улучшеніе, внесенное этимъ закономъ, состояло въ томъ, что совѣтамъ дано было право дѣлать *окончательныя* постановленія, по предметамъ, требовавшимъ прежде утвержденія высшихъ властей. Такія постановленія должны быть приводимы въ исполненіе, если въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня закрытія сессіи, они не будутъ кассиро-

---

[1]) Въ министерскомъ циркулярѣ, изданномъ по поводу декрета 1852 года, говорилось между прочимъ: «Г. префектъ, мысль, диктовавшая декретъ 25 марта, имѣла въ виду дать департаментамъ больше *личнаго существованія* и для этого дано *вамъ* больше свободы въ управленіи тѣми вопросами, которые до него касаются». Мысль оригинальная: хлопотать объ «личности департамента» и усиливать власть префекта...

[2]) Одинъ изъ французскихъ публицистовъ, *Фьеве*, такъ разсуждалъ объ этомъ декретѣ: «Децентрализація 1852 г. есть домашняя сдѣлка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и префектами. Онъ предоставляетъ послѣднимъ ничтожныя подробности, восходившія прежде въ Парижъ, и это называется «уничтоженіемъ стѣсненій», установленныхъ излишнею наклонностью къ централизаціи... Префектамъ, какъ странствующимъ прикащикамъ (commis-voyageurs) министра, предоставляло то, что надоѣло дѣлать его осѣдлымъ прикащикамъ (commis-fixes) и чего они часто не дѣлали. Дѣло пойдетъ скорѣе, говорятъ намъ; но пойдетъ-ли оно лучше и въ болѣе благопріятномъ смыслѣ для свободы?»

ваны за превышеніе власти или незаконность. Право отмѣны принадлежитъ императору и распоряженіе о томъ можетъ состояться только по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта. Затѣмъ въ 1870 году департаментскимъ совѣтомъ предоставлено право избирать своихъ предсѣдателей и право придавать нѣкоторую гласность своимъ преніямъ. Равнымъ образомъ возстановлено правило, по которому меры должны быть назначаемы изъ числа членовъ муниципальнаго совѣта.

Оба послѣдніе закона обнародованы 22 іюля 1870 года, т. е. въ грозную для Франціи минуту, когда страна, вовлеченная въ несчастную войну съ Германіею, готовилась искупить всѣ грѣхи постыдной правительственной системы. Въ сентябрѣ 1870 года имперія пала. Страна конвульсивно билась подъ рукой побѣдителя. Но „самый блестящій и самый опасный изъ народовъ Европы", какъ назвалъ его Токвиль, не умираетъ. Неоправившись еще отъ жестокаго пораженія и отъ страшной внутренней борьбы, онъ обращается къ внутреннимъ реформамъ и ищетъ своего спасенія въ переустройствѣ *мѣстнаго* управленія.

Для нашей цѣли важны не столько практическіе результаты реформъ, произведенныхъ съ 1870 года, сколько общее ихъ направленіе. Задумавъ переустройство мѣстнаго управленія, національное собраніе не поставило себѣ задачею „выдѣлять" извѣстный кругъ дѣлъ въ „самостоятельное" завѣдываніе извѣстныхъ „общественныхъ" установленій, въ противуположность установленіямъ правительственнымъ. Напротивъ, рѣчь шла именно о томъ, чтобы усилить значеніе мѣстнаго общества въ администраціи.

Первымъ закономъ, предназначеннымъ для достиженія этой цѣли, былъ законъ 14 апрѣля 1871 года о муниципальныхъ выборахъ. Извѣстно, что центральное правительство ревниво сохраняло въ своихъ рукахъ право назначенія меровъ и по очень понятной причинѣ. Меры являются не только главами общиннаго управленія; въ ихъ рукахъ сосредоточиваются разныя правительственныя и полицейскія функціи. Словомъ, меръ есть чрезвычайно важная мѣстная *власть*. Поэтому возвращеніе къ системѣ *выборныхъ* меровъ для правительства было шагомъ довольно труднымъ. Въ данную минуту французское законодательство остановилось на половинѣ дороги. Законъ 1871 г. предоставилъ общинамъ, съ населеніемъ менѣе 20,000 человѣкъ, право избранія меровъ. Въ общинахъ малолюдныхъ (т. е. съ населеніемъ

свыше 20,000) и въ административныхъ центрахъ департаментовъ и округовъ законъ *временно* (по настоянію Тьера) оставилъ систему правительственнаго назначенія, но съ тѣмъ, чтобы назначаемыя лица принадлежали къ составу муниципальныхъ совѣтовъ. Это временное правило было обращено въ общій законъ въ 1876 году. Президенту республики предоставлено право назначать меровъ въ административные центры, избирая этихъ лицъ изъ числа членовъ муниципальнаго совѣта, т. е. изъ числа 30 — 36 лицъ, муниципальныхъ совѣтниковъ, выбранныхъ общиною. Такимъ образомъ право назначенія является ограниченнымъ и, до извѣстной степени, согласованнымъ съ началомъ выборнымъ.

Второй преобразовательный законъ, именно законъ 10 августа 1871 года, касается департаменскихъ совѣтовъ. Онъ замѣчателенъ, повторяемъ, не столько объемомъ правъ, предоставленныхъ этимъ установленіямъ, сколько по цѣлямъ законодателя, ясно обнаруженныхъ въ мотивахъ къ-законопроекту.

Коммиссія, выработывавшая проектъ по порученію національнаго собранія, состояла изъ наиболѣе компетентныхъ членовъ, въ числѣ коихъ можно назвать Родо, Ваддингтона, Риве, Савари, Маньена, Бетмона, Тарже и друг. Докладъ, сдѣланный собранію Ваддингтономъ (послѣ министръ народнаго просвѣщенія), заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе мотивовъ къ законопроекту. Остановимся на основной его мысли.

При первоначальномъ дѣленіи страны на департаменты, они разсматривались какъ простыя территоріяльныя единицы. Только постепенно законъ призналъ за ними право юридической личности. Законы 1833 и 1838 гг. объ организаціи и предметахъ вѣдомства департаментскихъ совѣтовъ, законъ 1836 г. о мѣстныхъ путяхъ сообщенія (chemins vicinaux) расширилъ предметы ихъ вѣдомства. Но они оставались подъ строгой опекой, даже въ предѣлахъ мѣстнаго хозяйства и благоустройства. Всѣ почти ихъ постановленія нуждались въ правительственномъ утвержденіи. Законъ 1866 г. далъ имъ право дѣлать окончательныя постановленія по всѣмъ предметамъ мѣстнаго интереса, сохраняя за центральнымъ правительствомъ право отмѣнять постановленія незаконныя. „Однимъ словомъ, говоритъ докладъ, департаментскій совѣтъ пріобрѣлъ полное право веденія департаментскаго хозяйства; въ этомъ отношеніи онъ облеченъ полною автономіею; *но онъ не имѣетъ никакого прямаго дѣйствія на администра-*

цію; когда его постановленіе состоялось, онъ уже не можетъ вступаться въ дѣло и, въ промежуткахъ между сессіями, онъ не могъ ни контролировать дѣйствіе префекта, ни обратиться къ нему съ указаніемъ."

И такъ законодатель былъ озабоченъ тѣмъ, что совѣты не имѣютъ прямаго вліянія на мѣстную администрацію, ни средствъ контроля надъ ея дѣйствіями. Эти недостатки и имѣлъ въ виду устранить законъ 1871 года. Средства, предполагаемыя имъ, не отличаются особою оригинальностію: главныя нововведенія заимствованы изъ законодательства Бельгійскаго. Ихъ нельзя назвать радикальными: сами составители закона смотрѣли на него, какъ на первый шагъ по новому пути. Но путь этотъ указанъ ясно и откровенно: „il s'agit, говоритъ докладъ, de fonder à tous les degrés le gouvernement du pays par lui même."

Главнѣйшія нововведенія состоятъ въ слѣдующемъ. Во первыхъ, кругъ вѣдомства совѣтовъ расширенъ и права ихъ увеличены. Въ настоящее время, за немногими исключеніями всѣ постановленія совѣта получаютъ окончательную силу. Префекту дается право въ двадцати-дневный срокъ представлять объ ихъ незаконности или въ случаѣ превышенія власти. Если центральное правительство не отмѣнитъ постановленія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, оно вступаетъ въ законную силу. Исключеніе изъ этого правила составляютъ нѣкоторыя постановленія, касающіяся предметовъ, связанныхъ съ общегосударственными интересами. Но эти постановленія не нуждаются въ правительственномъ *утвержденіи*. Законъ гласитъ, что они приводятся въ исполненіе, если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня открытія сессіи, мотивированный декретъ президента республики не пріостановилъ приведеніе ихъ въ дѣйствіе.

Во вторыхъ, законъ 1871 года создаетъ совершенно новое учрежденіе, именно *департаментскую коммиссію*, избираемую совѣтомъ. Назначеніе ея, въ качествѣ уполномоченнаго совѣта, состоитъ въ контролированіи и руководствѣ префекта по дѣламъ мѣстной администраціи. Кромѣ того ея разрѣшенію предоставлены разные предметы, прежде подлежавшіе префекту или совѣту префектуры.

За тѣмъ новый законъ разрѣшаетъ департаментскому совѣту входить въ сношеніе съ совѣтами другихъ департаментовъ, по дѣламъ, имѣющимъ общій для нихъ интересъ.

Наконецъ совѣтомъ предоставлены извѣстныя права контроля

надъ общинами, права, прежде принадлежавшія префектамъ и совѣтамъ префектуры. Это нововведеніе весьма важно, такъ какъ оно является серьезнымъ шагомъ въ освобожденіи общинъ отъ правительственной опеки.

Такимъ образомъ классическая сторона „централизаціи“ готова вступить на иной путь. Нѣтъ сомнѣнія, что ей остается сдѣлать еще много улучшеній и усилій. Но то, что уже сдѣлано, показываетъ, что въ общественномъ мнѣніи страны произошелъ значительный переворотъ.

VI.

Если Франція вращается въ кругу идей, завѣщанныхъ ей великою *революціею*, и изъ нихъ черпаетъ начало какъ централизаціи, такъ и самоуправленія, то *Пруссія* усиливается въ настоящее время выйти изъ учрежденій *стараго порядка*, отошедшаго во Франціи въ область преданій. Во Франціи борьба идетъ между административною диктатурою, утвержденною правительствомъ перваго консула, и народными правами, возвѣщенными въ 1789 году. Въ Пруссіи мѣстныя учрежденія соотвѣтствовали началамъ абсолютной монархіи и сословно-феодальнаго порядка, одинаково несовмѣстными съ требованіями конституціоннаго государства, утвердившагося здѣсь съ 1848 года.

Развитіе королевской власти въ Пруссіи ознаменовалось паденіемъ стараго городскаго самоуправленія и сословной организаціи областнаго управленія. Королевская администрація постепенно конфисковала права прежнихъ общинныхъ и сословныхъ властей и подчинила своей опекѣ то, что осталось за ними. Но по скольку городскія общины и мѣстные чины сохранили свое значеніе, по стольку организація ихъ осталась вѣрна феодальнымъ началамъ. Остатки стараго порядка видны были и въ учрежденіи вотчинной полиціи и въ устройствѣ городскихъ властей и въ организаціи мѣстнаго представительства по уѣздамъ (Kreise). До реформы уѣзднаго управленія изъ общаго числа всѣхъ членовъ уѣзднаго представительства (Kreisstände)—11,954, до 10000 приходилось на владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, являвшихся на собранія по *собственному* праву; города имѣли 970, сельскія общины 975 представителей. Самый порядокъ избранія

депутатовъ былъ приноровленъ къ возрѣніямъ феодальнаго общества [1]).

Внутреннее управленіе Пруссіи покоилось, такимъ образомъ, съ одной стороны на началахъ централизаціи и административной опеки, съ другой на недостаточной дѣятельности сословій и корпорацій, сохранившихъ свой феодальный отпечатокъ. Абсолютизмъ достигъ въ Пруссіи своего высшаго предѣла въ концѣ XVIII столѣтія. Борьба Германіи съ Наполеономъ I поколебала значеніе Пруссіи, а разгромъ государства послѣ сраженія при Іенѣ заставилъ правительство подумать о серьезныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ. Геніальный Штейнъ смѣло взялся за возрожденіе государства. Руководящею мыслью его преобразованій было возрожденіе общественной самостоятельности въ мѣстныхъ корпораціяхъ [2]) Къ сожалѣнію ему удалось положить только начало великому дѣлу. Практически онъ остановился на преобразованіи *городскаго* самоуправленія. Притомъ и это преобразованіе подверглось значительнымъ перемѣнамъ впослѣдствіи. Время послѣ 1815 до 1848 года не было особенно производительно для внутреннихъ перемѣнъ. Правда, королевскіе указы 1823—1828 гг. организовали уѣздное провинціальное представительство, но центръ тяжести управленія по прежнему лежалъ въ правительственныхъ установленіяхъ.

Революціонное движеніе 1848 не отразилось непосредственно на системѣ мѣстнаго управленія. Но водвореніе конституціонныхъ началъ въ высшихъ сферахъ управленія повело за собою требованія коренной реформы въ сферахъ низшихъ. Требованіямъ этимъ суждено было осуществиться только въ наше время. Реакція, послѣдовавшая съ 1851 до 1858 года, остановила всѣ попытки преобразованій. Начало регенства нынѣшняго короля (1858—1861) ознаменовалось возбужденіемъ разныхъ внутреннихъ вопросовъ. Въ 1860 году министръ, графъ Шверинъ, представилъ ландтагу проектъ уѣздной реформы. Проектъ не имѣлъ успѣха. Затѣмъ наступилъ періодъ великихъ войнъ, періодъ перерожденія Германіи, когда всѣ внутренніе вопросы

---

[1]) Rönne, Das Staatrecht der Pr. M. т. I, отд. II, стр. 563, прим. 1-е.

[2]) Вотъ какъ онъ выражалъ тогда свою мысль: «навязчивое вмѣшательство государственныхъ установленій въ частныя и общинныя дѣла должно прекратиться; мѣсто его займетъ дѣятельность гражданина, который живетъ не въ формахъ и въ бумагѣ, но дѣйствуетъ крѣпко, потому что его отношенія зовутъ его въ дѣйствительную жизнь и заставляютъ его принимать участіе въ вихрѣ человѣческихъ дѣлъ.»

отступили на задній планъ. Только въ 1872 году былъ сдѣланъ первый, но очень серьезный шагъ къ переустройству внѣшняго управленія. Въ этомъ году король утвердилъ разсмотрѣнное ландтагомъ уѣздное положеніе (Kreisordnung) для провинцій Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи, Силезіи, Познани и Саксоніи.

Для уразумѣнія смысла этого закона, необходимо хотя въ немногихъ словахъ объяснить административное дѣленіе Пруссіи. Эта монархія раздѣляется, во первыхъ, на *провинціи* (Provinzen), коихъ въ настоящее время, послѣ присоединенія Ганновера, Шлезвигъ-Гольштейна, Гессена и Нассау, одиннадцать. Они находятся подъ управленіемъ оберъ-президентовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточенъ главный надзоръ подъ мѣстнымъ управленіемъ. Съ 1823 года провинціи имѣютъ свое представительство, которому отведена была довольно незначительная роль. Затѣмъ въ *правительственномъ* отношеніи провинціи раздѣляются на *округи* (Regierungsbezirke), въ коихъ сосредоточивается дѣятельность правительственныхъ установленій. Главное управленіе ввѣрено президенту. Подъ его главнымъ начальствомъ дѣйствовали разныя отдѣленія, состоявшія изъ старшихъ совѣтниковъ (Oberregierungsrath) и совѣтниковъ. Округи подраздѣляются на *уѣзды* (Kreise), въ коихъ правительственная власть принадлежитъ ландрату, назначавшемуся королемъ изъ числа кандидатовъ, предлагаемыхъ мѣстнымъ представительствомъ. Послѣднее въ извѣстной степени раздѣляло съ ландратомъ административныя заботы. Наконецъ уѣзды дѣлились на *общины* (Gemeinde). Эти единицы имѣли и имѣютъ различное значеніе, въ виду того, что прусское законодательство различаетъ 1-е общины *городскія* (Stadtgemeinden) отъ сельскихъ (Landgemeinden) и 2-е въ кругу послѣднихъ приводитъ различіе между общинами самостоятельными, не знающими вотчинной полиціи владѣльца и общинами, подчиненными такой власти.

Реформа мѣстнаго управленія началась съ *уѣздовъ*, такъ какъ эти единицы были признаны основными и имѣющими какъ правительственное, такъ и земское значеніе [1]). Но эта реформа

---

[1]) Въ мотивахъ къ уѣздному устройству мы находимъ слѣдующія соображенія по этому предмету. *Общины* казались слишкомъ мелкими и недостаточными союзами, чтобы играть роль основныхъ единицъ въ мѣстномъ управленіи. *Провинціи* были слишкомъ велики и превращеніе ихъ въ автономическія единицы несогласовалось съ требованіями политическаго единства страны. Выборъ оставалось сдѣлать между *округами* (Regierungsbezirke) и *уѣздами* (Kreise). Но округа были правительственнымъ подраздѣленіемъ страны въ точномъ смыслѣ.

имѣетъ и общее значеніе, такъ какъ проведенные въ ней начала должны лечь въ основаніе реформы другихъ мѣстныхъ единицъ. Это и доказалъ законъ въ провинціальномъ устройствѣ (Provincialordnung) 29 іюня 1875 года. Нѣтъ сомнѣнія, что мы встрѣтимся съ тѣми же началами и въ законѣ объ общинномъ управленіи, разсматриваемомъ теперь ландтагомъ. Притомъ уѣздная реформа, задуманная подъ вліяніемъ общегосударственныхъ воззрѣній, по необходимости вышла за предѣлы уѣзднаго устройства въ собственномъ смыслѣ и коснулась устройства общинныхъ властей, поскольку ихъ дѣятельность связана съ общими задачами мѣстнаго управленія. Въ виду этихъ условій, здѣсь полезно будетъ указать на существенныя черты новаго уѣзднаго устройства.

По заявленію коммиссіи палаты депутатовъ, предварительно разсматривавшей законопроектъ объ уѣздной (докладчикъ д-ръ Фриденталь), одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ закона заключается въ томъ, что онъ устраняетъ *дуализмъ* въ мѣстномъ управленіи, т. е. такой порядокъ, при которомъ установленія правительственныя и учрежденія общественныя дѣйствуютъ какъ особыя единицы. Новый законъ стремится возсоздать *единство власти* и призвать какъ правительственные, такъ и общественные элементы къ *совмѣстному* дѣйствію въ составѣ однихъ и тѣхъ же учрежденій. Поэтому всѣ должностныя лица, дѣйствующія въ уѣздномъ управленіи, являются одинаково *властями*, облеченными государственными полномочіями. При этомъ характеристическою чертою новаго закона является стремленіе организовать, на подобіе стараго англійскаго права, систему безвозмездныхъ должностей, отбываемыхъ въ качествѣ повинности. „Необходимо, говорилъ д-ръ Фриденталь отъ имени коммиссіи, организовать народную силу на службу государству".

Указавъ на исходную точку уѣздной реформы, обратимся къ главнѣйшимъ ея подробностямъ. Начнемъ съ низшихъ единицъ мѣстнаго управленія.

Новый законъ подраздѣляетъ уѣзды во первыхъ по волости (Amtsbezirke); волости составляются изъ нѣсколькихъ *общинъ*, между коими различаются свободныя сельскія общества и владѣль-

---

Окружная администрація была представительницею централизаціи и правительственной опеки. Напротивъ уѣзды были стариннымъ и *земскимъ* подраздѣленіемъ государства. Здѣсь сосредоточивалась дѣятельность земскихъ членовъ и самый ландратъ былъ первоначально ихъ органомъ. Реформа, задуманная въ духѣ самоуправленія, должна была искать точки опоры именно въ этой единицѣ.

ческіе округи (Gutsbezirke). Сельскою властью въ вольныхъ общинахъ является установленіе, носящее общее названіе сельской управы (Gemeinde-vorstand). Оно состоитъ изъ старосты (Gemeinde-vorsteher) и двухъ шеффеновъ. Первый и послѣдніе избираются общиною на шесть лѣтъ и утверждаются въ должности ландратомъ по выслушаніи мнѣнія волостнаго старшины. Ландратъ не можетъ однако отказать въ своемъ утвержденіи безъ согласія уѣзднаго комитета (Kreisausschuss). Староста есть общинное *начальство* (Obrigkeit), органъ волостнаго старшины по дѣламъ полицейскимъ.

Иначе организована мѣстная власть въ вотчинныхъ округахъ, гдѣ до послѣдняго времени существовало право вотчинной полиціи. Новый отмѣнилъ это право, но оставилъ за мѣстными владѣльцами нѣкоторыя привилегіи, согласовавъ ихъ съ требованіями государственнаго порядка. Именно владѣлецъ имѣетъ право принять на себя обязанности старосты лично или чрезъ уполномоченное отъ него лице. Установивъ такой общій принципъ законъ переходитъ къ ограниченію его во имя государственной пользы. Во первыхъ законъ указываетъ случаи, когда владѣлецъ *обязанъ* назначить вмѣсто себя уполномоченнаго. Во вторыхъ—и это самое важное—*утвержденіе* въ должности старосты, какъ самаго владѣльца, такъ и его уполномоченнаго, принадлежитъ ландрату, который съ согласія уѣзднаго комитета можетъ отказать ему въ этомъ утвержденіи и назначить другое лице.

Должности старостъ и шеффеновъ обязательны и безвозмезны.

Второю единицею преобразованнаго уѣзднаго управленія является волость (Amtsbezirk). Она составляется, какъ мы видѣли, изъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, съ тѣмъ изъятіемъ, что значительныя общины могутъ составить самостоятельныя волости. Волостными установленіями являются: старшина (Amtsvorsteher) и волостная управа (Amtsauschuss) — должности безвозмездныя и обязательныя. Въ этихъ установленіяхъ мы видимъ уже сочетаніе началъ назначенія и выборнаго.

Волостной старшина *назначается* оберъ-президентомъ провинціи, по представленію уѣзднаго собранія (Kreistag), указывающаго на лицъ, способныхъ къ отправленію этой должности изъ числа жителей волости. Если принять во вниманіе, что должность старшины безвозмездна, понятно будетъ, что назначеніе должно пасть на вліятельнѣйшихъ жителей мѣстности. Старшина есть мѣстная административная и полицейская власть въ обшир-

номъ смыслѣ. Ему принадлежитъ полиція безопасности, благочинія, нравовъ, здравія, сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полиція лѣсная, строительная ремесленная и т. д., поскольку онъ не принадлежитъ ландрату и другимъ лицамъ. За симъ онъ вѣдаетъ и другія дѣла мѣстнаго управленія.

Волостная управа состоитъ изъ представителей общинъ, входящихъ въ составъ волости. Число представителей различно и опредѣляется, пропорціонально числу жителей и платимыхъ ими податей, уѣзднымъ собраніемъ, по представленію комитета, обязаннаго выслушать и заявленіе мѣстныхъ жителей. Изъ дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію управы, важнѣйшія суть: 1) контроль надъ всѣми расходами по управленію волости и утвержденіе тѣхъ изъ нихъ, кои отнесены на счетъ послѣдней; 2) постановленіе заключеній относительно полицейскихъ правилъ, которыя старшина имѣетъ право постановлять при участіи управы; 3) заключеніе относительно другихъ дѣлъ, предлагаемыхъ управѣ старшиной. Предсѣдательство въ управѣ принадлежитъ старшинѣ.

Изъ совокупности общинъ и волостей составляется *уѣздъ*. Законъ, какъ и прежде, но съ большимъ правомъ, признаетъ его общиннымъ союзомъ (Kommunalverband), коему предоставляется самоуправленіе относящимися до него дѣлами съ правами корпораціи [1]). Съ другой стороны уѣздъ есть и правительственная единица. Но этотъ двойственный характеръ уѣзда не препятствуетъ единству внутренняго управленія. Оно покоится на дѣятельности мѣстнаго народонаселенія.

Уѣздными жителями (Kreisangehorige) признаются всѣ имѣющіе здѣсь мѣстожительства (Wohnsitz), за исключеніемъ военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ и не осѣдлыхъ въ уѣздѣ. Уѣздные жители могутъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, принимать участіе въ управленіи и представительствѣ уѣзда и пользоваться мѣстными установленіями и учрежденіями. Съ другой стороны, на нихъ лежатъ и извѣстныя обязанности. Между ними, не говоря уже объ обязанности участвовать въ платежѣ мѣстныхъ налоговъ, первое мѣсто занимаетъ обязанность принимать на себя безвозмездныя должности въ мѣстномъ управленіи и представительствѣ. Таковы являются должности сельскаго старшины, шеффеновъ, волостныхъ старшинъ, членовъ уѣзднаго собранія и комитета.

---

[1]) Города, съ населеніемъ свыше 25,000, могутъ выдѣляться изъ уѣзда и образовать самостоятельную единицу.

Установленіями уѣзда являются: ландратъ, уѣздное собраніе и уѣздный комитетъ.

Ландратъ назначается королемъ, но уѣздному собранію принадлежитъ право представлять королю, въ случаѣ ваканціи на мѣста ландрата, извѣстное число лицъ изъ круга мѣстныхъ землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ, способныхъ къ занятію этой должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздному собранію предоставляется право избирать двухъ депутатовъ для исправленія, въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, должности ландрата. Выборы утверждаются оберъ-президентомъ.

Должность ландрата, согласно ея историческому происхожденію, слагается изъ правъ и обязанностей, относящихся къ общегосударственному управленію и къ общественному управленію уѣзда. Онъ является одновременно и органомъ правительства и предсѣдателемъ какъ уѣзднаго собранія, такъ и комитета. Для нашей цѣли важно разсмотрѣть не всѣ разнообразныя его занятія, а способъ совмѣстнаго его дѣйствія съ уѣздными: собраніемъ и комитетомъ.

Уѣздное собраніе (Kreistag) составляется изъ представителей, избираемыхъ уѣзднымъ населеніемъ пропорціонально его числу. Порядокъ избранія депутатовъ совершенно почти сходенъ съ порядкомъ избранія гласныхъ въ наши земскія собранія. Именно избраніе представляется тремъ избирательнымъ съѣздамъ: съѣзду крупныхъ землевладѣльцевъ, съѣзду сельскихъ общинъ и съѣзду городскихъ обывателей. Каждый съѣздъ избираетъ опредѣленное число гласныхъ изъ общаго числа, приходящагося на уѣздъ. Депутаты избираются на 6 лѣтъ.

Собраніе есть совѣщательная и распорядительная власть въ уѣздѣ. Ему принадлежитъ право изданія мѣстныхъ статутовъ и распоряженій. Оно дѣлаетъ постановленія относительно раскладки государственныхъ повинностей, возложенныхъ на уѣздъ, опредѣляетъ размѣръ расходовъ по управленію уѣздомъ, распоряжается уѣзднымъ имуществомъ, облечено правомъ дѣлать займы, облагать сборами мѣстныхъ жителей, разсматривать и утверждать уѣздную роспись, разсматривать отчеты по употребленію ассигнованныхъ суммъ. Собраніе опредѣляетъ правила относительно управленія имуществомъ уѣзда и уѣздными установленіями; ему принадлежитъ право учрежденія уѣздныхъ должностей и назначенія имъ содержанія; оно избираетъ членовъ уѣзднаго комитета и коммиссій, предназначенныхъ для разныхъ отраслей управленія. Наконецъ со-

браніе имѣетъ право представлять заключеніе по предметамъ, предложеннымъ ему правительствомъ. Этими общими опредѣленіями закона 1872 года не исчерпывается компетенція собранія. Она можетъ быть расширена и уже расширенъ другими законами и королевскими распоряженіями.

Предсѣдательство въ собраніи принадлежитъ ландрату, который обязанъ созывать его по крайней мѣрѣ два раза въ годъ и чаще, по мѣрѣ надобности.

До сихъ поръ постановленія новаго закона представляютъ сходство съ прежними узаконеніями. Устранена, правда, сословная организація собранія, развиты отдѣльныя права, но мѣстное представительство не имѣло бы дѣйствительнаго значенія и вліянія въ уѣздномъ управленіи безъ *новаго* созданія закона 1872 года, именно безъ уѣзднаго комитета.

Уѣздный комитетъ (Kreisausschuss) имѣетъ извѣстную историческую связь съ уѣздными *коммиссіями* прежняго времени. Но его роль въ управленіи, юридическое его положеніе и связь съ общимъ управленіемъ страны суть созданія новаго законодательства, т. е. уѣзднаго положенія 1872 года и закона 3 іюня 1875 г. объ административныхъ судахъ.

Комитетъ состоитъ изъ ландрата и 6 членовъ, избираемыхъ уѣзднымъ собраніемъ на 6 лѣтъ [1]). Собраніе можетъ также назначать въ управу *синдика*, изъ лицъ, имѣющихъ право на высшія судебныя должности. Роль синдика будетъ понятна изъ разсмотрѣнія судебно-административныхъ обязанностей комитета.

Кругъ вѣдомства комитета слагается изъ обязанностей двоякаго рода.

Во первыхъ онъ является *органомъ уѣзднаго собранія* по хозяйственно-административнымъ дѣламъ уѣздной корпораціи. На этомъ основаніи, комитетъ изготовляетъ и приводитъ въ исполненіе постановленія собранія, завѣдуетъ дѣлами уѣздной корпораціи, на основаніи закона и постановленій собранія, назначаетъ должностныхъ лицъ уѣзда, наблюдаетъ за ихъ дѣятельностію и т. д.

Во вторыхъ комитетъ является главною *правительственною* коллегіею въ уѣздѣ. Въ этомъ отношеніи ей предоставляется двоякая роль. 1) комитетъ раздѣляетъ съ ландратомъ завѣдываніе нѣкоторыми дѣлами, предоставленными по закону послѣднему. Такъ

---

[1]) Онъ возобновляется по частямъ, каждые два года выбываетъ 1/3 членовъ. Они могутъ быть избраны вновь.

онъ даетъ свое согласіе на изданіе ландратомъ полицейскихъ правилъ въ уѣздѣ; ландратъ утверждаетъ или назначаетъ волостныхъ старшинъ съ согласія комитета и т. д. 2) Комитетъ является органомъ правительственнаго *надзора* и *административной юстиціи* въ уѣздѣ. Ему принадлежитъ надзоръ за веденіемъ общественнаго управленія въ волостяхъ, сельскихъ общинахъ и во владѣльческихъ округахъ. Обширный кругъ дѣлъ предоставляется рѣшенію комитета въ области полиціи благосостоянія и безопасности. Именно комитету предоставляется разсматривать жалобы, разрѣшать пререканія и дѣлать постановленія по дѣламъ управленія бѣдными, полиціи дорожной, ремесленной, строительной, полевой, здравія, по части училищной, по дѣламъ судебнаго управленія и т. д. Такъ какъ законъ 1872 г. предоставляетъ разрѣшенію комитета только отдѣльные вопросы по всѣмъ этимъ частямъ общаго управленія, то ему пришлось опредѣлить его компетенцію подробными постановленіями. Наконецъ закономъ 1875 г. комитеты введены въ кругъ нормальныхъ органовъ административной юстиціи.

Начала управленія, только что разсмотрѣнныя нами, получили уже новое примѣненіе въ преобразовательномъ устройствѣ *провинцій*. Положеніе о провинціальномъ устройствѣ 29 іюня 1875 г. было логическимъ послѣдствіемъ реформы уѣздной. До 1872 г. центръ тяжести мѣстной администраціи лежалъ, какъ мы видѣли, въ окружныхъ управленіяхъ (Bezirksregierungen), состоявшихъ изъ правительственныхъ должностныхъ лицъ. Реформа 1872 года перенесла центръ тяжести въ уѣздныя установленія, образованныя на началахъ самоуправленія. Поэтому законодательство должно было видоизмѣнить провинціальное устройство, приноровленное прежде къ идеямъ бюрократическаго государства. Законъ 1875 г. выполнилъ эту задачу относительно пяти провинцій [1]); онъ преобразовалъ ихъ устройство, коснувшись въ тоже время и *окружнаго* управленія. Слѣдуетъ, впрочемъ замѣтить, что въ новомъ провинціальномъ устройствѣ законъ въ подробностяхъ отступилъ отъ началъ управленія уѣзднаго, по скольку того требовали особенности провинціи.

Провинціальными установленіями являются оберъ-президентъ, ландтагъ, провинціальный комитетъ съ земскимъ правителемъ (landesdirektor) и провинціальный совѣтъ.

Первое различіе отъ уѣзднаго устройства, бросающееся въ глаза

---

[1]) Для всѣхъ восточныхъ провинцій, кромѣ Познани.

при простомъ перечисленіи провинціальныхъ установленій, состоитъ въ наличности *двухъ* исполнительныхъ учрежденій: комитета и совѣта. Чѣмъ объясняется это различіе?

Для объясненія его должно обратить вниманіе на общее отношеніе элементовъ правительственнаго и общественнаго въ провинціальныхъ учрежденіяхъ. Во главѣ провинціальнаго управленія поставленъ оберъ-президентъ, должность чрезвычайно важная не только въ административномъ, но и въ *политическомъ* отношеніи. Онъ является, вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, органомъ правительственнаго *надзора* надъ мѣстнымъ управленіемъ. Сблизить эту должность съ органами мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ это сдѣлано съ должностью ландрата, было трудно. Притомъ и провинціальный ландтагъ поставленъ нѣсколько иначе, чѣмъ уѣздное собраніе. Предсѣдательство въ ландтагѣ принадлежитъ не оберъ-президенту, но лицу, избранному ландтагомъ. Оберъ-президентъ, какъ королевскій коммисаръ, есть посредствующее лице между ландтагомъ и королемъ. Онъ сообщаетъ сейму (ландтагу) правительственныя предложенія и заключенія. Онъ созываетъ сеймъ отъ имени короля, открываетъ и закрываетъ сессію; ему дается право присутствовать при преніяхъ какъ въ сеймѣ, такъ и въ его коммисіяхъ, и объясненія его должны быть выслушаны всякій разъ, какъ онъ того потребуетъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ относится къ сейму какъ особый элементъ.

Такимъ образомъ полное единство правительственнаго и общественнаго элементовъ не могло состояться въ области совѣщательно-распорядительной. Могло-ли оно быть удержано въ области *исполненія?* Составители правительственнаго проекта полагали, что да. Правительственный проектъ предполагалъ ввѣрить провинціальному комитету функціи двоякаго рода. Одни, относящіяся къ вопросамъ общественнаго провинціальнаго управленія, другія къ управленію общегосударственному. Первыя дѣла комитетъ долженъ вѣдать подъ контролемъ и по указанію сейма и чрезъ посредство главной исполнительной должности — земскаго правителя (Landesdirektor, Landeshauptmann). Дѣло втораго рода предполагалось разсматривать въ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ оберъ-президента.

Это предложеніе прошло въ палатѣ депутатовъ. Но въ палатѣ господъ оно встрѣтило сильныя возраженія. Кромѣ соображеній объ особомъ отношеніи оберъ-президента къ сейму и къ комитету по дѣламъ общественнымъ, коммиссія палаты обратила вниманіе и на особенности самаго провинціальнаго комитета. Полное единство

власти, осуществленное въ *уѣздномъ* комитетѣ, не могло быть выдержано въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ. Уѣздный комитетъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ функціи трояваго рода: по общественному управленію уѣзда, по общимъ правительственнымъ дѣламъ и по административной юстиціи. Онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ ландратомъ, которому принадлежитъ предсѣдательство въ комитетѣ. Провинціальный комитетъ не имѣетъ обязанностей по дѣламъ административной юстиціи; второю инстанціею административнаго суда является судъ *окружной* (Bezirksverwaltungsgericht), а высшею берлинскій центральный судъ (Oberverwaltungsgericht). Затѣмъ „общія правительственныя дѣла" явились бы въ провинціальномъ комитетѣ какимъ-то несамостоятельнымъ придаткомъ къ общему кругу его вѣдомства и завѣдываніе ими представляло-бы большія неудобства. Оберъ-президентъ не связанъ органически съ комитетомъ подобно ландрату, постоянно предсѣдательствующему въ комитетѣ уѣздномъ. Провинціальный комитетъ имѣетъ особаго, выборнаго предсѣдателя. Оберъ-президенту пришлось-бы принимать на себя предсѣдательство по дѣламъ правительственнымъ каждый разъ особо, а предсѣдателю каждый разъ уступать ему свое мѣсто. Все это повело-бы къ важнымъ неудобствамъ и столкновеніямъ, нисколько не обезпечивая серьезнаго вліянія комитета на администрацію. Поэтому палата господъ предложила организовать особый правительственный совѣтъ (Regierungsrath). Поправка была принята палатой депутатовъ и вошла въ законъ 1875 г.

Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ оберъ-президента или заступающаго его мѣсто, изъ одного чиновника, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, и пяти членовъ, избранныхъ провинціальнымъ комитетомъ изъ своей среды. По образцу провинціальнаго совѣта, для завѣдыванія извѣстными правительственными дѣлами и впредь до изданія общаго закона о мѣстномъ управленіи, устроены *окружные* совѣты (Bezirksrath). Окружной совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ окружнаго президента, состоитъ изъ одного чиновника, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, и четырехъ лицъ, избранныхъ провинціальнымъ комитетомъ. Члены провинціальнаго совѣта не могутъ быть членами совѣта окружнаго.

Разсматривая характеръ этой важнѣйшей особенности провинціальнаго закона, нельзя не замѣтить, что она нисколько не идетъ противъ общей идеи закона объ уѣздахъ. Напротивъ, если-бы законодатель во что бы ни стало захотѣлъ воспроизвести *форму* уѣзднаго устройства въ учрежденіяхъ провинціальныхъ, онъ менѣе

обезпечилъ-бы развитіе его *идеи*, чѣмъ это сдѣлала поправка палаты господъ. Симметрія учрежденій не всегда доказываетъ единство ихъ идеи. Сохранить значеніе общаго принципа, видоизмѣняя гдѣ нужно форму учрежденій — въ этомъ состоитъ достоинство законодателя.

Если бы мы намѣревались представить здѣсь полную картину новыхъ прусскихъ учрежденій, намъ пришлось-бы подробно описать предметы ихъ вѣдомства, порядокъ дѣйствія и главное — порядокъ государственнаго надзора и способы охраненія права въ администраціи, т. е. установленіе административной юстиціи, организованной законами 3-го Іюля 1875 года (устройство судовъ и порядокъ дѣлопроизводства) и 26-го Іюля 1876 года (компетенція судовъ). Но мы желали остановить вниманіе читателей на принципѣ *организаціи* мѣстныхъ властей, имѣя въ виду показать, какъ разрѣшаетъ прусское законодательство вопросъ о самоуправленіи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно ясенъ. Организуя самоуправленіе, новое прусское законодательство желало призвать общество на *службу* государству, ввести „излюбленныхъ" людей въ кругъ государственныхъ установленій, облечь ихъ государственными полномочіями и подчинить ихъ государственнымъ обязанностямъ. Отъ такой постановки вопроса выиграетъ *сила* государства, учрежденія котораго обогатятся новыми элементами и освѣжатся соприкосновеніемъ съ живыми силами общества, и обезпечится серьезное *вліяніе* послѣдняго на ходъ администраціи.

VII.

Мы остановились на *новѣйшихъ* попыткахъ преобразованія мѣстнаго управленія. Они показали намъ: куда и какъ идутъ современныя общества Западной Европы. Но на какую бы страну Европы мы ни обратили вниманіе, вездѣ, т. е. тамъ, гдѣ можно говорить о *самоуправленіи*, мы найдемъ одинаковое разрѣшеніе вопроса. Венгерскіе комитаты, бельгійскія провинціи и города, всѣ одинаково свидѣтельствуютъ, что самоуправленіе состоитъ въ принятіи на себя мѣстными жителями государственныхъ обязанностей, для осуществленія которыхъ ихъ органы пользуются правами государственныхъ властей. Самоуправленіе нельзя основать путемъ выдѣленія въ пользу „общества" извѣстныхъ предметовъ админи-

страціи, путемъ образованія особыхъ „общественныхъ властей“, противуположныхъ властямъ государственнымъ. Такія власти не будутъ властями; ихъ управленіе не будетъ администраціею; вся ихъ дѣятельность не будетъ самоуправленіемъ. Права общества не увеличатся ни на одну йоту; интересы государства не выиграютъ ни въ чемъ.

Но, скажутъ намъ, къ чему эта ссылка на Западную Европу? Самоуправленіе, въ государственномъ смыслѣ, существуетъ тамъ — это правда. Но, за исключеніемъ Франціи (и то не совсѣмъ), оно проникнуто аристократическимъ характеромъ. Неужели-же другія страны обязаны воспроизводить у себя англійскую джентри, венгерское магнатство или прусское юнкерство? Нисколько. Самоуправленіе можетъ имѣть множество формъ, примѣнимыхъ къ самымъ разнообразнымъ *общественнымъ* условіямъ, начиная отъ самыхъ демократическихъ и кончая наиболѣе аристократическими. Демократическій сѣверъ Америки, т. е. сѣверные штаты, не воспроизвели у себя англійскаго графства — центра мѣстной аристократіи. Они нашли другую точку опоры — въ волости, подходящей къ демократическимъ требованіямъ. Если графство и существуютъ здѣсь, то скорѣе наминально, чѣмъ въ видѣ живой общественной единицы.

Затѣмъ въ примѣрѣ Западной Европы первенствующее значеніе имѣютъ не формы самоуправленія — весьма разнообразныя, — а общая его идея, свидѣтельствующая, что самоуправленіе тогда только живо и полезно, когда оно есть элементъ самого государства. Для того, чтобы страна развивалась, просвѣщалась и богатѣла, нужно дѣйствіе двухъ силъ — правительственной и общественной. Но для того, чтобы эти силы дѣйствовали плодотворно, имъ нужно идти вмѣстѣ, а не отдѣльно, въ качествѣ противуположныхъ и часто враждебныхъ организмовъ.

РЕФОРМА
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦІИ
ВЪ РОССІИ.

И. Е. АНДРЕЕВСКАГО,

ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Давно поднялись желанія подвергнуть реформѣ исполнительную полицію въ Россіи. Одинъ проектъ смѣнялся другимъ, но различныя предположенія все остаются до сихъ поръ въ области проектовъ. Нужна ли эта реформа, и если нужна, то на какихъ новыхъ основахъ желательно было бы ее увидѣть?

Реформа должна охватить всю организацію уѣздной полиціи, такъ какъ города, имѣющіе отдѣльную отъ уѣзда полицію (столицы, губернскіе города, 18 уѣздныхъ и 5 безъуѣздныхъ городовъ) стали получать, по примѣру Петербурга, новый строй своихъ органовъ исполнительной полиціи. Не касаясь здѣсь потому вопроса объ устройствѣ городской полиціи, хотя еще, по нашему мнѣнію, отстоящей далеко отъ совершенства, думаемъ посмотрѣть только на требованія, которыя могутъ быть предъявлены реформаторскимъ проектамъ относительно уѣздной полиціи.

Въ чемъ заключается существо ея нынѣшней организаціи, въ чемъ проявились тѣ ея недостатки, которые требуютъ реформы? Весьма многіе признаютъ уѣздную полицію недостаточною, неудовлетворяющею ея призванію, весьма многіе требуютъ ея

реформы, но очень немногіе могутъ разъяснить, въ чемъ именно заключаются ея недостатки, и что именно можетъ поправить реформа.

Организація нашей уѣздной полиціи, какъ извѣстно, идетъ еще отъ временъ Императрицы Екатерины II. Временныя правила 1862 г., много измѣнившія эту организацію въ частностяхъ, не коснулись ея существа. На исполнительной полиціи Россіи лежитъ потому печать XVIII ст.; она построилась на тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя дѣлаютъ полицію совершенно неспособною для отправленія ея функціи — быть *исполнительною*. При отсутствіи въ XVIII ст. самодѣятельности общины, при весьма слабомъ развитіи союзнаго строя, цѣлая масса распоряженій по дѣламъ полицейскимъ въ обширномъ смыслѣ, которыя могутъ быть только удѣломъ спеціальныхъ органовъ общины или союзовъ, возлагались, за неимѣніемъ таковыхъ, на органовъ исполнительной полиціи. Правительства XVIII ст., какъ правительства *государствъ полицейскихъ*, сознавшихъ необходимость для счастія гражданъ обезпечить цѣлую массу условій безопасности и благосостоянія, думали создать ихъ собственными средствами, собственными мѣропріятіями доставить счастіе народу, и единственные органы, которыми они располагали, были органы исполнительной полиціи. Не умѣя создать надлежащимъ образомъ суда, законодательства XVIII ст. возлагали главнѣйшія судебныя функціи на исполнительную полицію. На нее же возлагались и заботы о школахъ, о народномъ продовольствіи, о призрѣніи бѣдныхъ, о взысканіи податныхъ сборовъ и т. д. По мѣрѣ того, какъ стала просыпаться въ западной Европѣ забитая полицейскими правительствами самодѣятельность земства и общинъ, по мѣрѣ того, какъ сталъ выростать союзный строй, стали возникать общинныя и союзныя учрежденія спеціально для того или другаго дѣла безопасности и благосостоянія. Съ появленіемъ такихъ новыхъ органовъ, новыхъ общинныхъ и земскихъ учрежденій, отъ обязанностей исполнительной полиціи стали отсѣкаться искусственно на нее возложенныя и ей вовсе не свойственныя заботы и распоряженія относительно цѣлой массы вопросовъ безопасности и благосостоянія. Наше время приходитъ къ тому новому, исторически развившемуся положенію, что надобно идти все къ большему и большему улучшенію условій безопасности и благосостоянія, и сообразно съ такимъ улучшеніемъ освобождать органы исполнительной полиціи отъ стороннихъ порученій, все еще на полицію возлагае-

ныхъ [1]). По мѣрѣ освобожденія полиціи отъ такихъ сторонних для нея обязанностей, выясняется и для законодательства и для административной практики настоящая функція исполнительной полиціи.

При Императрицѣ Екатеринѣ II принялись за устройство уѣздной полиціи одновременно съ реформою городскаго строя и созданіемъ дворянской корпораціи. Не видя въ дѣятельности городскихъ общинъ никакихъ мѣропріятій для обезпеченія условій безопасности и благосостоянія, не имѣя помощи въ союзномъ (свободномъ, общественномъ) строѣ, законодательница, не желая отстать отъ современныхъ правительствъ западной Европы въ доставленіи народу счастія, открыла (по учрежденію губерній 7 ноября 1775 г.) Приказы общественнаго призрѣнія, на которые возложила цѣлую массу заботъ, вовсе неисполнимыхъ. Все же остальное поручено было устроенной по учрежденію о губерніяхъ уѣздной полиціи, существо и значеніе которой, одинаково съ городскою, было разъяснено затѣмъ въ уставѣ благочинія 8 апрѣля 1782 г. Не найдя возможнымъ, или, вѣрнѣе сказать, для того времени умѣстнымъ, совершенно отдѣлить судебныя дѣла отъ полицейскихъ, Императрица Екатерина II сдѣлала уѣздное полицейское управленіе, *Нижній земскій судъ*, въ то же время установленіемъ судебнымъ. Этому установленію, какъ коллегіи, составленной подъ предсѣдательствомъ исправника или капитана, избираемаго дворянствомъ чрезъ три года и изъ двухъ или трехъ засѣдателей, изъ коихъ одинъ или два избираются дворянствомъ на три года, а одинъ сельскій берется изъ засѣдателей нижней расправы, ввѣрены были, кромѣ дѣлъ судебныхъ, и всѣ дѣла исполнительной полиціи, подъ главнымъ начальствомъ губернскаго правленія. Подъ дѣлами исполнительной полиціи разумѣли: охраненіе благочинія, добронравія и порядка, наблюденіе за исполненіемъ предписаннаго въ законѣ и приведеніе въ исполненіе рѣшеній высшихъ присутственныхъ мѣстъ [2]). Устроивая уѣздную полицію на этихъ началахъ, законодательница очевидно вела разсчетъ: во первыхъ, на созданную ею корпорацію дворянства,

---

[1]) Ср. *И. Андреевскаго*, Полицейское право, т. I, изд. 2-е. С.-Пб. 1874, § 36, стр. 141 и сл.

[2]) Въ главахъ XVII и XVIII учрежденія о губерніяхъ, имѣющихъ значеніе инструкцій для земскаго суда и Исправника, подробно перечислены ихъ обязанности, къ которымъ позднѣйшее законодательство все дѣлало подбавки. Ср. подробнѣе обязанности полиціи на основаніи устава благочинія въ соч. И. Андреевскаго, Полиц. Право, I, § 23, стр. 94 и сл.

которое въ лицѣ избираемыхъ имъ капитанъ-исправника и засѣдателей нижняго земскаго суда и назначаемыхъ впослѣдствіи (съ 1837 г.) изъ его же среды становыхъ приставовъ, получало возможность взять въ свои руки все обширное дѣло исполнительной полиціи въ уѣздѣ; во вторыхъ, немeньшій разсчетъ законодательница возлагала на созданную ею губернскую администрацію въ лицѣ губернатора, предсѣдательствующаго въ губернскомъ правленіи и могущаго получать указанія и направленія отъ намѣстника губерніи, генералъ-губернатора. Но тотъ и другой разсчетъ оказались напрасными. Только что созданныя уѣздныя дворянскія корпораціи отнеслись довольно равнодушно къ дѣлу отданной въ ихъ руки исполнительной полиціи. Можетъ быть, нѣсколько неопредѣленное отношеніе, въ какое по учрежденію о губерніяхъ былъ поставленъ исправникъ къ губернатору, еще болѣе политическая неподготовленность дворянства къ выполненію той функціи, которая обезпечивается прежде всего уваженіемъ къ закону, чего не признавали для себя обязательнымъ наиболѣе образованные и вліятельные дворяне XVIII ст., проживавшіе въ губерніи, а еще болѣе цѣлый рядъ новыхъ выборныхъ должностей, болѣе почетныхъ, сравнительно съ должностію уѣзднаго исправника, были причинами того, что на полицейскія должности дворянство не избирало своихъ лучшихъ и вліятельныхъ членовъ. Напротивъ, должности и капитанъ-исправника и засѣдателей земскаго суда и особенно впослѣдствіи становыхъ приставовъ сдѣлались не только непригдядными и непочетными, но умаляли почетъ тѣхъ, которые соглашались попробовать въ этой области свои дворянскія силы. Точно также и поставленные, по учрежденію, губернаторы съ ихъ руководителями, генералъ губернаторами, не были въ состояніи направить вновь устроенную уѣздную полицію удовлетворительнымъ образомъ. Недолгая, правда, административная практика генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, поставленныхъ въ дѣлѣ полицейскаго строя самостоятельно, безъ внушеній со стороны центральнаго какого-либо вѣдомства (такъ какъ такого еще не было), а только подъ надзоромъ Сената, показала полнѣйшую неподготовленность этихъ администраторовъ: создался формализмъ, безплодная переписка и безцеремонное отношеніе къ правамъ невліятельныхъ, несильныхъ людей, т. е. большинства. Уже при Императорѣ Александрѣ I, вскорѣ послѣ возстановленія Екатерининскаго учрежденія губерній (отмѣненнаго при Павлѣ I) и

поставленнаго въ подчиненіе губернскому уѣзднаго полицейскаго управленія, начались толки о его несостоятельности и необходимости реформы. Открытое Императоромъ Александромъ I, между министерствами, министерство полиціи, недолго впрочемъ просуществовавшее (до 1819 г.), доказывало несостоятельность полицейской организаціи какъ въ городахъ, такъ и уѣздахъ, доказавъ впрочемъ вполнѣ, неудачею своихъ мѣропріятій, собственную неподготовленность и къ руководству въ административной полицейской практикѣ и къ составленію сколько нибудь удачныхъ плановъ реформы. Оно обратилось, между прочимъ, и къ пріему, который нѣсколько разъ послѣ того практиковался министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: потребовать циркулярно отъ губернаторовъ соображеній, какія недостатки замѣчаются въ организаціи полиціи, и на какихъ началахъ возможно провести ея реформу. Такихъ мнѣній, весьма любопытныхъ, свидѣтельствующихъ о степени политическаго образованія нашихъ губернскихъ администраторовъ, много было представляемо на запросы министерства внутреннихъ дѣлъ. Значительная часть ихъ отпечатана въ составленномъ министерствомъ сборникѣ, „Матеріалы, собранные для Высочайше учрежденной коммиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій — отдѣлъ полицейскій, Спб. 1870, 8 частей“.

Министерство полиціи, не отыскавъ возможности своими предписаніями, какъ установленія центральнаго, руководить управленіемъ губернскимъ вообще и полицейскимъ въ особенности, скоро стало помышлять о полной реформѣ губернскаго управленія.

Въ 1816 г. былъ составленъ проектъ о введеніи намѣстническаго управленія, не по учрежденію о губерніяхъ 1775 г., а по новому плану. Но этотъ проектъ, благодаря возраженіямъ гр. Гурьева, не прошелъ [1]). Онъ не прошелъ въ измѣненномъ видѣ и въ 1821 г., но тѣмъ не менѣе по особому Высочайшему повелѣнію бывшему министру полиціи генералъ-адъютанту Балашову разрѣшено было въ 1819 г. попробовать осуществить это намѣстническое учрежденіе въ Рязанской губерніи и затѣмъ въ четырехъ губерніяхъ, приписанныхъ къ Рязанскому генералъ-губернаторству. Хотя эта проба Рязанскаго генералъ-губернаторства, продолжавшаяся (систематически) съ начала 1823 г.

[1]) Помѣщ. въ матеріалахъ, отдѣлъ административ. ч. I, отд. I, Спб. 1870, стр. 1—66.

до кончины императора Александра I, была весьма кратковременна и не имѣла послѣдствій, такъ какъ все это повелѣно было прекратить, но генералъ-губернаторъ Балашовъ успѣлъ показать новые порядки и относительно полиціи. Именно, заведя новое учрежденіе подъ именемъ Губернскаго Совѣта, онъ ввѣрилъ начальство надъ всѣми полиціями въ губерніи, какъ городскими, такъ и уѣздными, *начальнику губернской полиціи*, который сдѣланъ и членомъ губернскаго совѣта. Этотъ новый органъ засѣдалъ и въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, которое было раздѣлено на двѣ экспедиціи: распорядительную и исполнительную или полицейскую. Послѣднею и управлялъ этотъ начальникъ губернской полиціи, на такомъ же основаніи, какъ въ столицахъ завѣдывалъ управою благочинія оберъ-полиціймейстеръ. Но начальнику губернской полиціи не было предоставлено давать полицейскимъ органамъ предписаній; ему поручалась только часть инспекторская, т. е. надзоръ и наблюденіе, исполняютъ ли всѣ полицейскія управленія надлежащимъ образомъ ихъ обязанности. Донося Императору объ осуществленіи своихъ плановъ, генералъ-адъютантъ Балашовъ представлялъ и свою исповѣдь о томъ, какъ онъ понимаетъ полицейскій строй и обязанности полиціи. Именно полагая, что для приведенія всѣхъ частей государственнаго управленія въ дѣйствіе нужны силы государственныя, для дѣйствованія внѣ государства — войско, и для дѣйствованія внутри — полиція, онъ думаетъ, что возлѣ монарха должны находиться, какъ орудія его власти, начальникъ главнаго штаба военнаго и начальникъ штаба полицейскаго, или генералъ-полиціймейстеръ; генералъ-губернаторы должны быть безпрерывными инспекторами всѣхъ частей управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ главными начальниками полиціи. Разсуждая объ организаціи самыхъ органовъ исполнительной полиціи, генералъ Балашовъ высказалъ слѣдующее: „Первое „обстоятельство, которое всякому замѣтно, которое привлекаетъ „вниманіе каждаго, которое обращаетъ на себя часто укоризну, „и нерѣдко самый ропотъ въ жителяхъ, есть худое состояніе „нашихъ полицій, или неправильное дѣйствіе полицейскихъ чи„новниковъ.... Устройство, напротивъ, доброй полиціи въ госу„дарствѣ нашемъ едва ли не первый предметъ правительства „составлять должно, доколѣ законы онаго не пришли еще въ „полную свою силу. Для приведенія въ надлежащій видъ чи„новниковъ, полицію составляющихъ, необходимо: трактаменты

„ихъ установить въ приличномъ избыткѣ; ибо должность сама „собою труда большаго требуетъ и притомъ и людей богатыхъ въ „оной мы не встрѣчаемъ; надлежитъ чиновникамъ симъ оказы„вать болѣе уваженія, нежели введено у насъ въ обыкновеніе, „дать имъ уставы и правила къ исполненію ихъ должностей; „надлежитъ поощрять ихъ наградами при успѣшномъ исполненіи „ими своихъ обязанностей, и тогда уже взыскивать безъ упу„щенія при ихъ неисправности; а при проступкахъ наказывать „съ соразмѣрною винѣ строгостію, — выговоромъ, арестомъ, уда„леніемъ отъ должности, отставкою, отрѣшеніемъ; отдавать же „къ суду единственно за преступленія, важность въ себѣ заклю„чающія, и за проступки унизительные, дабы ввести въ нихъ „духъ благородства и чести. Нынѣшнее раздѣленіе полиціи зем„ской оканчивается засѣдателемъ. Необходимо, кажется, придать „имъ нѣкоторую полицейскую команду, впрочемъ весьма не„большую, такъ, напримѣръ, въ каждомъ уѣздѣ учредить по „6 пѣшихъ жандармовъ и по 6 пѣшихъ рядовыхъ изъ бата„ліона при 1 унтеръ-офицерѣ. Жандармовъ опредѣлить по 1 „въ четыре участка, на которые раздѣлить уѣздъ, остальные „на перемѣну неисправныхъ или заболѣвшихъ, унтеръ-офицера „и 6 рядовыхъ на посылки и употребленіе къ содѣйствію от„правленія должности капитанъ-исправника. Капитанъ-исправ„ника, кажется, можно оставить по прежнему, а засѣдателямъ „выгоднѣе бы отправлять должность слѣдственныхъ приставовъ, „и быть земской полиціи, а не земскому суду.“ [1]) Когда эти предположенія удостоились Высочайшаго утвержденія [2]), то генералъ-адъютантомъ Балашовымъ предложены были основанія для примѣненія и ко всѣмъ другимъ губерніямъ устава губернскаго управленія, введеннаго въ дѣйствіе въ Рязани съ 9 декабря 1824 г. [3]) Затѣмъ имъ было предложено вотъ на какихъ основаніяхъ устроить земскую полицію. Во первыхъ, земскій судъ переименовать въ земскую полицію, которую должны составить: начальникъ земской полиціи, коммисары дворянскіе и сельскіе (по одному на 10 тысячъ душъ) и слѣдственные пристава (по одному на каждыя 20 тыс. душъ); при управленіи опредѣленное число конной и пѣшей жандармской команды, за тѣмъ сот-

---

[1]) Докладъ г. Балашова императору Александру I, пом. въ Матеріалахъ, ibid. стр. 117—145.
[2]) См. ibid., стр. 146—149.
[3]) Этотъ уставъ, ibid., 152—165.

скіе и десятскіе. „Такимъ образомъ“, уповалъ реформаторъ, „безпрерывная цѣпь полицейскаго управленія, начинаясь отъ хозяина послѣдняго крестьянскаго двора, достигаетъ даже чертоговъ Императорскихъ и до самаго кабинета государева (§ 32). [1]) При томъ были составлены и подробныя инструкціи начальнику полиціи, его помощнику, сотскимъ и десятскимъ и даже хозяину каждаго двора предложены были подробныя инструкціи и наставленія. [2]) На этихъ началахъ губернскія полиціи были открыты не только въ образцовой Рязанской губерніи, но съ 1825 г. и въ губерніяхъ Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской. Проба, начатая генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, была прекращена весьма скоро послѣ кончины императора Александра I. Вслѣдствіе разсмотрѣнія въ 1827 г. особымъ комитетомъ (6 дек. 1826 г.) при участіи гр. Сперанскаго, всѣхъ реформъ генералъ-адъютанта Балашова, состоялось Высочайшее повелѣніе (8 іюня 1827) объ уничтоженіи всѣхъ заведенныхъ имъ порядковъ. Этотъ комитетъ затѣмъ подвергалъ разсмотрѣнію различные проекты какъ устройства губернскаго управленія вообще, такъ и полицейскаго въ особенности, между прочимъ и проектъ графа Сперанскаго. [3]) Но всѣ проекты разбивались при встрѣчѣ съ двумя препятствіями, считавшимися тогда непреодолимыми: крѣпостнымъ правомъ и неумѣніемъ выдѣлить отъ полиціи функцій судебныхъ. Послѣдствіемъ такихъ долгихъ работъ явились составленные въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (гр. Блудова): Общій Наказъ гражданскимъ губернаторамъ, положенія о порядкѣ производства дѣлъ въ губернскомъ правленіи, *положеніе о земской полиціи* и *наказъ чинамъ* и *служителямъ земской полиціи*; всѣ эти положенія, по разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, были Высочайше утверждены въ 1837 г. 3-го іюня. Это новое положеніе о земской полиціи, дѣйствующее и до сихъ поръ, съ тѣми измѣненіями, которыя введены въ 1862 г., не заключало въ своемъ существѣ ничего новаго, сравнительно съ учрежденіемъ императрицы Екатерины II, но попортило это учрежденіе возложеніемъ на небольшой составъ земской полиціи громадной массы обязанностей, къ выполненію которыхъ у нихъ не было ни средствъ, ни

---

[1]) Ibid., 178—180.
[2]) Помѣщ. ibid., стр. 182—212.
[3]) Эти проекты см. тамъ же, §§ 2 и 3.

подготовки. Именно, положенiемъ 1837 г. управленiе всѣми дѣлами уѣздной полицiи, отъ которыхъ, какъ и прежде, не нашли возможнымъ отдѣлить множества трудныхъ судебныхъ функцiй, сохранено было за коллегiальнымъ установленiемъ, сохранившимъ и Екатерининское названiе *Земскаго Суда*. Подъ предсѣдательствомъ избираемаго дворянствомъ земскаго исправника, земскiй судъ составлялъ въ уѣздномъ городѣ постоянное присутствiе изъ старшаго засѣдателя, избираемаго дворянствомъ, и двухъ сельскихъ засѣдателей. Послѣднимъ предоставлялось впрочемъ право голоса только при сужденiи дѣлъ, касавшихся казенныхъ поселянъ. Кромѣ этихъ членовъ, постоянно участвовавшихъ въ присутствiи, остальные засѣдатели земскаго суда имѣли, каждый въ своемъ непосредственномъ вѣдѣнiи, одинъ изъ участковъ или становъ уѣзда, назывались *становыми приставами*, и сохраняли всѣ права членовъ земскаго суда, когда въ немъ присутствовали. Возможность дѣятельности земскихъ судовъ и становыхъ приставовъ надѣялись обезпечить поставленiемъ въ селенiяхъ десятскихъ и сотскихъ, а въ большихъ мѣстечкахъ пятисотскихъ и тысячскихъ. Заключая въ себѣ выгодную сторону, ту же, что и въ Екатерининскомъ учрежденiи, именно небольшой полицейскiй персоналъ, невызывавшiй большихъ расходовъ для государства, это положенiе 1837 г. заключало въ себѣ другую сторону, дѣлавшую осуществленiе плановъ законодателя невозможнымъ въ дѣйствительности. Именно, это масса тѣхъ невыполнимыхъ обязанностей, которыя были возложены на полицiю, старательно сгруппированы въ положенiи, и въ этомъ видѣ потомъ перенесены и въ сводъ законовъ (во 2 томѣ), гдѣ покоятся и до сихъ поръ не рискуя, да и не имѣя возможности, осуществиться въ дѣйствительности. [1]) Руковожденiе земской полицiи со стороны губернскаго правленiя и губернатора, ввѣренное имъ этимъ положенiемъ, мало принесло пользы, такъ какъ создавшаяся у нашихъ губернскихъ органовъ административная практика оказалась очень невыгодною: создала формализмъ и обилiе безплодной переписки.

Временныя правила 25 декабря 1862 г. провели слѣдующiя измѣненiя въ этомъ положенiи 1837, измѣненiя, болѣе или менѣе важныя, однако не коснувшiяся его существа. Во первыхъ, уничтожено вредившее успѣхамъ полицейской дѣятельности фор-

---

[1]) Ср. И. Андреевскаго Полиц. права; I, 195—196.

нальное разграниченіе предѣловъ вѣдомства городской и уѣздной полиціи: городская и земская полиція соединены въ одну *общую уѣздную полицію*, вѣдомству которой ввѣренъ весь уѣздъ съ уѣздными и безъуѣздными городами, посадами, мѣстечками и селеніями. [1]) Во вторыхъ, измѣненъ и составъ полицейскаго управленія: вмѣсто прежняго земскаго исправника и засѣдателя, избиравшихся отъ дворянства, назначенъ уѣздный исправникъ съ помощникомъ, опредѣляемые губернаторомъ; прежній земскій судъ замѣненъ *общимъ присутствіемъ уѣзднаго полицейскаго управленія*, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ исправника, изъ его помощника и засѣдателей отъ дворянъ и сельскихъ обывателей. Уѣздное полицейское управленіе дѣйствуетъ въ уѣздѣ чрезъ становыхъ приставовъ, по числу становъ уѣзда. Нижніе полицейскіе чины сохранены прежніе: сотскіе и десятскіе, въ губерніяхъ сѣверозападнаго края тысячскіе и пятисотскіе.

Эти правила 1862 г. были объявлены временными, имѣвшими поправить строй уѣздной полиціи до совершенія полной реформы полицейскаго управленія, планами которой занято теперь министерство внутреннихъ дѣлъ.

Но до разсмотрѣнія началъ, на которыхъ можетъ построиться такая реформа, замѣтимъ, что существенные элементы надлежащей реформы уже проведены, хотя и стороннимъ путемъ. Именно *во первыхъ*, изданное 8 іюня 1860 г. учрежденіе судебныхъ слѣдователей провело новый существеннѣйшій элементъ реформы для полиціи: полиція отстранена отъ производства уголовныхъ слѣдствій и ея функція ограничена производствомъ дознанія. Это положеніе подтвердилось и пополнилось судебными уставами 20 ноября 1864 г., которыми вполнѣ снята съ полиціи несвойственная ей судебная функція и ея роль ограничена оказаніемъ содѣйствія судебнымъ установленіямъ на точномъ основаніи судебныхъ уставовъ. Такимъ образомъ поправлена та существенная ошибка, которая лежала на учрежденіи полиціи

---

[1]) Изъ вѣдомства уѣздной полиціи исключены только губернскіе города и нѣкоторые значительные уѣздные города и мѣстечки, въ которыхъ образовано отдѣльное городское полицейское управленіе. Таковы: города, подвѣдомственные градоначальствамъ Одесскому, Таганрогскому и Керчьеникальскому, 18 уѣздныхъ городовъ — Балта, Бердичевъ, Бердянскъ, Болховъ, Бобруйскъ, Брестъ-Литовскъ, Вольскъ, Динабургъ, Елецъ, Кременчугъ, Козловъ, Моршанскъ, Мценскъ, Нѣжинъ, Ростовъ на Дону, Рыбинскъ, Сызрань, Ѳеодосія и 5 безъуѣздныхъ городовъ — Бахчисарай (Тавр. губ.), Дубовка (Сар.), Карасу-базаръ (Тавр.), Сергіевскій посадъ (Моск.) и Радзивиловъ (Вол.).

со времени императрицы Екатерины II, и не давала возможности полиціи войти въ ея надлежащія, существенныя функціи. Правда, что демаркаціонная линія, проведенная судебными уставами для ограниченія дѣятельности полиціи, можетъ быть, иногда неточно сознается, и точки прикосновенія этихъ двухъ органовъ, судебныхъ и полицейскихъ, увлекаютъ иногда послѣднихъ за предѣлы необходимаго, но это уже вопросъ практики судебной и полицейской, которая обязана направить дѣятельность своихъ органовъ совершенно согласно съ судебными уставами. Реформа существенная совершена: полиція освобождена отъ бремени, ее давившаго, — отправленія суда и производства уголовныхъ слѣдствій. *Во вторыхъ*, великая реформа нынѣшняго царствованія, освобожденіе крѣпостныхъ, заключаетъ въ себѣ опять и существенный элементъ реформы полиціи. Освобожденіе крѣпостныхъ, пробудивъ къ жизни сельскую общину, вызвавъ ея самодѣятельность, произвело могучій переворотъ въ нашемъ соціальномъ строѣ, непосредственно касающійся и полиціи. До этой реформы по необходимости возлагалась на полицію обязанность отправлять такія функціи, которыя съ успѣхомъ можетъ отправить только сама община. И дѣйствительно, съ устройствомъ на новыхъ началахъ волостей, положеніе 19 февраля 1861 г. возложило на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ цѣлую массу обязанностей, которыя до тѣхъ поръ лежали исключительно на одной земской полиціи. Правда, что всѣ эти обязанности они должны исполнять, вмѣсто земской полиціи, если ее въ тотъ моментъ въ мѣстности не случится, и подъ надзоромъ становаго пристава, но это не составляетъ существа дѣла: въ волостныхъ старшинахъ и сельскихъ старостахъ государство видитъ общинныхъ органовъ исполнительной полиціи, ничего государственному казначейству не стоющихъ, лучше всякихъ другихъ органовъ понимающихъ обычное право и при разумномъ къ нимъ отношеніи земской полиціи, долженствующихъ умѣрить любовь къ излишней и превышающей силы волостныхъ правленій перепискѣ, могущихъ создать свою самобытную и обезпечивающую успѣхъ порядка и тишины полицейскую практику. Недавно еще и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ земскаго полицейскаго строя дѣйствуютъ эти новые полицейскіе органы, волостные старшины и сельскіе старосты, но по нѣкоторымъ областямъ полицейскихъ вопросовъ, непосредственно ихъ касающимся, они превзошли всѣ ожиданія. Именно, въ дѣлѣ выполненія новой воинской повинности, отпра-

вленія конской повинности и собранія ополченія, — дѣлахъ, по преимуществу трудныхъ для исполнительныхъ органовъ; они повсюду отправили эти дѣла съ замѣчательнымъ искусствомъ. Если, можетъ быть, и слѣдуетъ признать нѣсколько преувеличеннымъ мнѣніе, что по всѣмъ этимъ дѣламъ исполнительныя операціи совершились гораздо успѣшнѣе въ уѣздахъ, чѣмъ въ городахъ, гдѣ сравнительно значительный персоналъ настоящихъ полицейскихъ органовъ выказалъ и болѣе суеты и менѣе порядка, чѣмъ въ уѣздахъ (наибольшій % неявившихся во время, не отъисканныхъ полиціею ратниковъ приходится на города), то нельзя не признать несомнѣннымъ, что при болѣе простыхъ и своевременныхъ распоряженіяхъ губернской администраціи и уѣздной полиціи волостные старшины и сельскіе старосты съ полнымъ успѣхомъ могутъ отправлять возложенныя на нихъ по закону важнѣйшія обязанности органовъ исполнительной полиціи. *Въ третьихъ*, введеніе земскихъ учрежденій внесло въ свою очередь важный элементъ реформы исполнительной полиціи. Та масса дѣлъ, важнѣйшихъ по обезпеченію условій безопасности и благосостоянія, которыя, до введенія земскихъ учрежденій, совершенно поэтически возлагались на уѣздную полицію, неимѣвшую не только средствъ для ихъ выполненія, но и возможности понять существо и значеніе этихъ важнѣйшихъ вопросовъ административнаго права, отправляется теперь множествомъ совершенно новыхъ силъ земскихъ дѣятелей. Правда, что и на обязанности уѣздной полиціи по прежнему какъ бы остаются эти дѣла, такъ какъ не сведено, отъ какихъ дѣлъ прямо полиція должна быть отстранена, но это — недосмотръ формальный, существо дѣла обезпечено. Нельзя конечно при этомъ не замѣтить, что дѣятели новыхъ, земскихъ учрежденій нелегко отказываются отъ старыхъ воззрѣній, съ которыми возрасли въ старыхъ порядкахъ. Встрѣчая затрудненія въ выполненіи тѣхъ или другихъ своихъ распоряженій, не умѣя провести точныхъ земскихъ мѣропріятій, многія земскія собранія, по старой, излюбленной привычкѣ, взываютъ къ исполнительной полиціи, представляя петиціи правительству о понужденіи полиціи исполнить предложенную мѣру. Явленіе неновое: если трудно или невозможно исполнить, то на кого же и возложить, кромѣ исполнительной полиціи [1]). Но такія явленія, всего чаще

[1]) При этомъ не должно однако терять изъ виду, что земскія учрежденія, лишенныя по закону всякой *принудительной* власти (т. е., всякой власти) и черезъ это поставленныя въ совершенно фальшивое положеніе въ нашемъ госу-

повторяющіяся относительно области взысканія земскихъ недоимокъ, объясняются недостаточно развившеюся административною практикою земства. Въ такихъ вопросахъ нужна новая самостоятельная работа, а не взываніе къ правительственной администраціи. Недоимки, какъ правительственныя, такъ и земскія, составляютъ обширный, мало тронутый вопросъ нашей неудачной финансовой системы. Въ этой трудной области всего менѣе удобно допускать распоряженія исполнительной полиціи. Если исполнительная полиція требуетъ еще существенной реформы, то именно по отношенію къ этой области: полицію необходимо совершенно освободить отъ распоряженій по взысканію недоимокъ; здѣсь требуется совершенно иная организація финансоваго дѣла. Нѣкоторыя земскія собранія и пришли уже къ такимъ заключеніямъ, и чѣмъ точнѣе земство обдумаетъ иныя собственныя для того средства, тѣмъ скорѣе можетъ наступить и послѣдняя существенная реформа для исполнительной полиціи: снятіе съ нея бремени неотносящихся до нея распоряженій по взысканію недоимокъ.

Такимъ образомъ, три существеннѣйшіе элемента давно желавшейся реформы уѣздной полиціи уже имѣются, пришли къ ней на помощь реформами другихъ областей государственной дѣятельности. Если такимъ же путемъ придетъ и реформа финансовой области и освободитъ полицію отъ борьбы съ недоимками [1]), то всѣ существенные элементы полицейской реформы будутъ на лицо.

Между тѣмъ, вслѣдъ за временными правилами 1862 г., поднимались проекты о новой и полнѣйшей реформѣ уѣзднаго

дарственномъ строѣ, вынуждены обращаться къ полиціи съ *просьбами* всякій разъ, когда нужно принудить къ исполненію земскихъ постановленій и распоряженію (напр. по взысканію земскихъ сборовъ). Въ этомъ не виноваты земскіе дѣятели, а виновато только положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, которое не ввело ихъ въ общій порядокъ государственныхъ властей, а поставило ихъ *подлѣ* (о-бокъ) этого порядка (т. е., подлѣ іерархіи бюрократическихъ или казенныхъ властей), подобно какимъ-то получастнымъ учрежденнымъ учрежденіямъ или обществамъ. (См. объ этомъ *В. Безобразова*, Самоуправленіе и земскія учрежденія). *Ред.*

[1]) Для этого необходимо, чтобъ земскимъ учрежденіямъ была дарована *власть*, которой они не имѣютъ ни по отношенію ко взысканію недоимокъ, ни къ чему другому. Необходимо, чтобы земскія учрежденія вошли въ общій составъ государственнаго управленія и черезъ это сдѣлались вполнѣ государственными учрежденіями, а не полугосударственными, полуобщественными (или получастными, каковы они теперь). Тогда вся мѣстная администрація сосредоточится въ земскихъ учрежденіяхъ и полиція, на сколько нужно для всякой администраціи, будетъ имъ подчинена (конечно въ предѣлахъ дѣятельности земства). Финансовая реформа тутъ не при чемъ. *Ред.*

полицейскаго строя. Главныя основанія, представлявшіяся губернаторами, собранныя въ томъ же сборникѣ матеріаловъ [1]), для реформы уѣздной полиціи, строились на доказательствахъ недостаточной силы становыхъ приставовъ. Потому предполагалось: 1) каждому становому приставу придать штатнаго помощника или письмоводителя съ правами государственной службы; 2) увеличить количество становъ въ уѣздѣ; 3) измѣнить положеніе сотскихъ и десятскихъ — не дѣлать ихъ выборными отъ народа, а назначаемыми отъ уѣздной полиціи съ жалованьемъ (сотскимъ отъ 60—100 р., десятскимъ отъ 30—60 р.); 4) устроить въ уѣздахъ коннополицейскую стражу, въ видѣ командъ полицейскихъ объѣздчиковъ. Въ составлявшихся на этихъ основаніяхъ проектахъ издержки по содержанію полиціи возрастали до громадной суммы — 7 милліоновъ рублей [2]).

Не говоря о финансовой сторонѣ такихъ проектовъ, можетъ быть и послужившей главною причиною того, что эти проекты не прошли въ законодательномъ порядкѣ, нельзя не замѣтить: во первыхъ, что въ нихъ является неточное обобщеніе самаго матеріала, собраннаго коммиссіею. Недостаточность силы уѣзднаго полицейскаго персонала проявилась только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ сказать по исключенію, а не составляетъ общаго явленія. Во вторыхъ, во всѣхъ мотивахъ, предложенныхъ реформаторами, не видно никакой оцѣнки тѣхъ новыхъ общественныхъ явленій, которыя уже пересоздали полицію: дѣятельность волостей и земскихъ собраній. Въ третьихъ, не видно, ни въ представленіяхъ губернаторовъ, ни въ оцѣнкѣ этихъ представленій коммиссіею, никакихъ стремленій къ разъясненію новаго отношенія, которое должно возникнуть со стороны губернаторовъ и уѣздной полиціи къ совершенно иному складу всей полицейской дѣятельности въ уѣздѣ вслѣдствіе создавшейся полицейской дѣятельности общинъ и земства. Отсюда можетъ открыться причина нестойкости и несистематичности въ проведеніи какой-либо реформы. И дѣйствительно, все направилось, какъ выше показано, къ освобожденію уѣздной полиціи отъ излишнихъ, случайно возлагавшихся на нее дѣлъ; между тѣмъ очень можно ожидать, въ виду такой несистематичности плановъ, что на нее вновь будутъ воз-

---

[1]) Матеріалы, собр. для Высоч. учр. коммиссіи о преобразов. губ. и уѣздныхъ учрежденій, Отдѣлъ Полицейскій, 8 ч. Спб. 1870.

[2]) Ib. ч. I, отд. 3 и 4, проектъ 1869, 340—357.

лагать стороннія, не вытекающія изъ ея существа функціи. Въ самомъ дѣлѣ въ 1874 г., при изданіи учрежденія объ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, уѣздный исправникъ сдѣланъ его членомъ, и на него возложена цѣлая масса новыхъ обязанностей, не смотря на высказавшіеся передъ тѣмъ мотивы, что онъ и съ прежними дѣлами справиться не въ состояніи.

Невѣрное такимъ образомъ обобщеніе матеріала привело реформаторовъ къ предложенію допустить многомилліонную издержку на усиленіе персонала уѣздной полиціи съ ея стражею. Между тѣмъ правильный выводъ былъ бы тотъ: для всѣхъ уѣздовъ и для всѣхъ волостей и селъ существующій персоналъ болѣе, чѣмъ достаточенъ; но есть села, которыя не будучи мѣстечками или городами, получаютъ вслѣдствіе различныхъ причинъ — большаго народонаселенія, скопленія фабрикъ, пристаней и т. д. особое значеніе и, по исключенію сравнительно съ другими селами, должны имѣть особыхъ полицейскихъ органовъ, напр. помощника становаго пристава съ прислугою, если уѣздною полиціею будетъ доказано и земскимъ собраніемъ того уѣзда это доказательство будетъ признано, что безъ поставленія особаго полицейскаго органа въ такомъ селѣ дѣло исполнительной полиціи не будетъ надлежащимъ образомъ выполняемо. Точно также нѣкоторыя мѣстности того или другаго уѣзда, вообще не требующія никакого особаго полицейскаго органа, могутъ нуждаться въ таковомъ и даже въ нѣсколькихъ, только въ опредѣленные моменты, напр. во время ярмарки, сходбища на моленья и т. п. Здѣсь очевидно является вопросъ объ организаціи командировокъ въ подобные моменты полицейскихъ органовъ въ эти мѣстечки: дѣло разумной полицейской администраціи, а не поставленіе постоянныхъ, вызывающихъ вредную и напрасную издержку, полицейскихъ органовъ.

Дѣлая выводъ изъ всего вышесказаннаго, мы полагаетъ, что реформа уѣзднаго полицейскаго строя требуется, но она должна заключаться въ слѣдующемъ:

1) Не вызывая никакой новой издержки для государственнаго казначейства, реформа должна систематически констатировать всѣ элементы уже проведенныхъ реформъ относительно полиціи.

2) Она должна провести начала для освобожденія уѣздной полиціи отъ сторонней и невытекающей изъ ея существа распо-

радительной функціи по финансовой администраціи въ дѣлѣ взысканія недоимокъ.

3) Не увеличивая персонала уѣздной полиціи вообще, она должна открыть возможность устроивать органы исполнительной полиціи въ тѣхъ мѣстностяхъ уѣзда, гдѣ необходимость этого доказана будетъ уѣздною полиціею вмѣстѣ съ земскимъ собраніемъ.

4) Самый важный элементъ, который должна провести реформа, это—открытіе возможности для созданія такой полицейской административной практики, при которой могла бы родиться гармонія полицейской дѣятельности общины (села и волости), земства и органовъ земской полиціи. Средства для этого заключаются не въ денежныхъ новыхъ затратахъ, не въ созданіи новыхъ полицейскихъ органовъ, но въ иномъ направленіи существующихъ. Губернаторы, бывшіе прежде мало опредѣлившимися начальниками губерній, дѣлаются теперь весьма опредѣленными правительственными прокурорами во всей обширной области административнаго права. Будучи исполнителемъ административныхъ распоряженій центральныхъ установленій, губернаторъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть правительственный стражъ и прокуроръ земскихъ собраній и вмѣстѣ съ тѣмъ главный и отвѣтственный правительственный органъ исполнительной полиціи въ цѣлой губерніи, могущій инспектировать, руководить и направлять прямо ему подчиненныхъ уѣздныхъ исправниковъ и становыхъ приставовъ. Очевидно, что центръ тяжести полицейской реформы лежитъ въ должности губернатора. Поставленіе для должности губернатора и занимающаго иногда его мѣсто вице губернатора опредѣленнаго ценса политическаго образованія и постепенное подниманіе этого ценса дадутъ возможность впослѣдствіи установить подобный цензъ и для должности уѣзднаго исправника и становаго пристава. Только въ этомъ и существенное средство реформы: безъ него она всегда будетъ только формальною, бумажною [1]).

---

[1]) Ни малѣйшимъ образомъ не оспаривая безспорной справедливости всѣхъ этихъ требованій относительно будущей полицейской реформы, необходимо только присовокупить, что она находится въ тѣсной связи съ развитіемъ земскихъ учрежденій. Чтобъ они были приведены въ гармонію съ полицейскою властью, необходимо прежде всего, чтобъ они были поставлены на подобающее имъ мѣсто въ кругу губернской и уѣздной администраціи, чтобъ они вошли какъ звѣно и *какъ существенное звѣно* въ организацію мѣстныхъ властей, а не стояли *подлѣ* нихъ, какъ постороннее тѣло какъ государство въ государствѣ. Такъ они стоятъ нынѣ. *Ред.*

ОЧЕРКЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФІИ
СТРАНЪ,
ЛЕЖАЩИХЪ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ИНДІЕЮ.

М. И. ВЕНЮКОВА.

Къ однимъ изъ самыхъ крупныхъ историческихъ явленій нашего времени принадлежитъ сознательное развитіе и примѣненіе начала народностей (principe des nationalités), въ силу котораго всѣ люди, говорящіе однимъ языкомъ или близко родственными нарѣчіями, исповѣдующіе одну религію и имѣющіе сходный общественный строй, открыто стремятся къ соединенію въ большія политическія группы или государства, въ которыхъ постепенно развивается полное однообразіе бытовыхъ формъ, политическихъ, экономическихъ, общественныхъ и умственныхъ интересовъ, единство литературы и пр. Италія и Германія представляютъ блистательнѣйшіе примѣры тому, насколько подобное стремленіе неотразимо и къ какимъ величавымъ результатамъ приводитъ оно, если въ естественномъ положеніи странъ и въ исторической ихъ подготовкѣ находится довольно условій для осуществленія общенаціональныхъ цѣлей. Къ фактамъ ихъ объединенія мы можемъ присоединить факты уступки Италіею Савойи въ пользу Франціи и Англіею Іоническихъ острововъ въ пользу Греціи. Съ другой стороны, во имя того же начала народностей нашъ вѣкъ сталъ вѣкомъ разрушенія значительныхъ политическихъ группъ, въ ко-

торыхъ насильственно связаны были національности разнородныя. Такъ Голландія и Бельгія раздѣлились, не смотря на то, что у обѣихъ было и есть много общихъ интересовъ политическихъ и экономическихъ; такъ Ломбардія и Венеція отпали отъ Австріи, чтобы присоединиться къ Италіи; Эльзасъ и Голштинія отняты нѣмцами у Франціи и Даніи, Румынія вышла изъ состава Турціи, и цѣлый рядъ мелкихъ народностей Балканскаго полуострова ждетъ-не-дождется возможности поступить по примѣру Румыніи.

Такимъ образомъ „начало народностей" сдѣлалось могущественнымъ двигателемъ событій въ области правъ государственнаго и международнаго. Въ Европѣ этотъ принципъ до такой степени вошелъ въ общее сознаніе не только передовыхъ сословій, но и народныхъ массъ, что на присоединеніе, напримѣръ, къ Италіи южнаго Тироля и Далмаціи или къ Греціи Ѳессаліи и Эпира всѣ смотрятъ лишь какъ на дѣло времени, давно порѣшивъ въ умѣ съ Австріею и Турціею, интересы которыхъ при этомъ не ставятся почти ни во что. Съ другой стороны, Германію упрекаютъ за то, что она захватила сѣверный Шлезвигъ, Лотарингію и Вогезы, гдѣ господствуютъ національности ненѣмецкія, а Англію за угнетеніе ирландцевъ, которымъ она отказываетъ въ home-rule. Общественное мнѣніе очевидно стремится къ тому, чтобы народъ, т. е. группа этнографическая, и государство — группа политическая — стали понятіями по возможности тождественными и чтобы ухищренія дипломатіи, которая накроила изъ картъ нашей части свѣта самыя разноплеменныя политическія группы, были наконецъ отнесены въ область прошедшаго, какъ недостойныя болѣе руководить судьбами людей.

Но этотъ могущественный принципъ національностей, столь легко примѣнимый, когда дѣло идетъ о сравнительно-небольшихъ и хорошо очерченныхъ природою странахъ, какъ, напр., Италія, гораздо труднѣе приложимъ къ существующимъ большимъ политическимъ группамъ, какъ Великобританія, Россія, Китай. Невозможно оспоривать, что три народа, русскій, китайскій и англійскій, своимъ господствомъ надъ множествомъ самыхъ разнородныхъ племенъ, принесли имъ и вообще человѣчеству самую большую пользу. Ими, можно сказать, вызваны къ мирной гражданской жизни такія племена, которыя въ независимомъ состояніи были свирѣпыми варварами и терзали другъ друга или сосѣднія государства. Освободить изъ подъ владычества китайцевъ населеніе Монголіи, или изъ подъ власти Россіи Кавказъ и

Туркестанъ значило бы обречь эти, лишенныя нынѣ политической независимости страны на возвращеніе къ временамъ совершенной дикости и непрерывныхъ междоусобій, со всѣми обычными имъ жестокостями. Очевидно, что подъ „принципомъ національностей“ нужно признать господство еще высшаго начала, именно „начало цивилизаціи“, общечеловѣческаго, космополитическаго развитія людей, и принципъ національностей примѣнять лишь къ тѣмъ случаямъ, когда дѣло идетъ о народахъ, стоящихъ на значительной степени образованія и гражданственности. Національными же стремленіями расъ нисшаго развитія по необходимости должно жертвовать интересамъ большинства образованнаго человѣчества и, съ этой точки зрѣнія, снисходительно относиться къ тѣмъ, опертымъ на силу, дипломатическимъ комбинаціямъ, которыя въ другихъ случаяхъ возбуждаютъ такое справедливое отвращеніе.

Но оправдывая этимъ путемъ завоеванія, которыя дѣлаютъ народы образованные среди варваровъ, мы не должны забывать, что для самихъ завоевателей далеко не всегда выгодно это подчиненіе дикарей. Конечно, если дѣло идетъ о покореніи, напр. обитателей богатой отъ природы Новой Зеландіи, то народъ-завоеватель ничего кромѣ выгоды въ результатѣ не получаетъ; но другое дѣло, если рѣчь идетъ о какой-нибудь Джунгаріи или Нубіи, владычество надъ которыми ничего, кромѣ заботъ и убытковъ, не приноситъ. Тутъ народъ-завоеватель долженъ много и много подумать прежде, чѣмъ внести оружіе въ среду варваровъ, и только совершенная необходимость и неизбѣжность завоеванія могутъ оправдать начало его. Всего же выгоднѣе для данной образованной націи свалить это бремя на одного изъ сосѣдей, если, разумѣется, географическія и политическія условія допускаютъ это. Такъ, напримѣръ, для Китая было бы выгоднѣе, если бы Монголія принадлежала Россіи, потому что тогда всѣ расходы и хлопоты по управленію этою бѣдною пустынною страною падали бы на послѣднюю, а не на Китай [1]). Но есть случаи, когда природа либо исторія сдѣлали завоеваніе въ варварской странѣ неизбѣжнымъ; тогда очевидно благоразумная, патріотическая политика требуетъ ограничиться лишь

---

[1]) Обстоятельство это сознается самими китайцами. Цзянь-узюню Ишаню, предъ заключеніемъ Айгунскаго договора, дано было полномочіе уступить Россіи всѣ застѣнныя земли, до Желтой рѣки. Въ этомъ признавались, по заключеніи договора, чиновники Ишанской свиты.

такими пріобрѣтеніями, которыя уже совершенно необходимы для выгодъ цивилизованнаго народа, для обезпеченія его мирнаго развитія, и затѣмъ отклонить отъ себя всякое движеніе впередъ по странамъ, необѣщающимъ ничего, кромѣ заботъ и убытковъ. Въ такомъ положеніи находятся Англія и Россія по отношенію къ верхней Азіи и сосѣднимъ имъ степнымъ мѣстностямъ по обѣ стороны Гиндукуша и сѣвернѣе Гималая.

Вопросъ о политическомъ состояніи этихъ странъ въ теченіе послѣднихъ 12—15 лѣтъ выдвинутъ ходомъ исторіи на одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Политическая географія Белуджистана, Афганистана, Хорасана, Кашмира и др. стала предметомъ серьезныхъ трудовъ не только въ Англіи, всегда предусмотрительной по отношенію къ своимъ интересамъ, но въ Россіи, въ Германіи и даже въ Америкѣ. Изъ сочиненій, относящихся къ этимъ странамъ и вышедшихъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, можно составить порядочную библіотеку, къ сожалѣнію по большей части не русскую [1]). Наше географическое общество, полагая настоятельную потребность публики имѣть на русскомъ языкѣ возможно обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ и о населеніи ихъ, не только издало, съ дополненіями и поправками гг. Григорьева и Ханыкова, два тома извѣстной Риттеровой Erdkunde von Asien, относящіяся до Кабулистана и Ирана, но и взяло на себя осуществить предложенія нижеподписавшагося относительно составленія свода извѣстій о народахъ, живущихъ между Россіею и Индіею (исключительно впрочемъ арійскихъ). Вслѣдствіе этого явилось и лице, пожелавшее заняться разработкой предложенной задачи, именно одинъ изъ преподавателей петербургскаго университета, г. Минаевъ, знакомый съ нѣкоторыми восточными языками. И какъ предложеніе сдѣлано еще въ началѣ 1876 года, то должно думать, что мы скоро увидимъ его осуществленнымъ въ строго-ученой формѣ; до того же времени позволимъ себѣ набросать

---

[1]) Назовемъ здѣсь авторовъ главныхъ сочиненій и путешественниковъ, въ алфавитномъ порядкѣ: Абрамовъ, Аминовъ, Бэкеръ, Беллью, Берзенчей, Биддольфъ, Блэндорфъ, Вамбери, Гайдеръ-шахъ, Гейвардъ, Гельвальдъ, Гольдсмидъ, Гребенкинъ, Григорьевъ, Гордонъ, Дрью, Костенко, Кунъ, Каульбарсъ, Лейтнеръ, Лерхъ, Маевъ, Маркхэмъ, Нэпиръ, Наинъ-Сингъ, Россъ, Раулинсонъ, Сенъ-Джонъ, Скайлеръ, Соболевъ, Сѣверцовъ, Мирза-Суджа, Терентьевъ, Троттеръ, Форсайдсъ, Федченко, Файзъ-Бахшъ, Хорошхинъ, Хюгсъ, Шау, Юанъ-Смитъ, Юль. Къ нимъ можно присоединить изъ прежнихъ: Бларамберга, Борнса, Валиханова, Вуда, Коноллп, Конингэма, Криста, Массона, Поттингера, Стрэки, Томсона, Фрэзера, Ферье, Ханыкова и др.

здѣсь краткій очеркъ именно „политической этнографіи“ верхней Азіи, какъ мы для краткости будемъ называть горную страну между низменностями арало-каспійскою и синдо-пенджабскою.

Народы, которые тутъ живутъ, имѣютъ самое разнообразное происхожденіе. Между ними есть и чистые арійцы, какъ персіяне, индусы и іеты, и туранцы, какъ узбеки и монголы, киргизы, и семиты, какъ афганы, евреи, и огромное число смѣшанныхъ расъ, которыхъ не только происхожденіе, но даже современный языкъ мало извѣстны, какъ, напр., кяфиръ-сягпуши. Весь этотъ этнографически-пестрый міръ живетъ въ очень разнообразныхъ физико-географическихъ условіяхъ, примѣнительно къ которымъ измѣняются и формы быта, то чисто кочеваго, то вполнѣ осѣдлаго, то составляющаго переходныя между ними ступени. Есть люди, которые, подобно белуджіямъ береговъ индѣйскаго океана, питаются почти исключительно рыбою; есть другіе, какъ памирскіе киргизы, которые живутъ произведеніями стадъ, мясомъ и молокомъ, и не ѣдятъ хлѣба, есть, напротивъ, такіе, которые, какъ индусы-брангалиты, кормятся только растительною пищею и не ѣдятъ ни мяса, ни молока. Одни ходятъ почти нагіе, какъ обитатели Синда, другіе носятъ шубы большую часть года, какъ хезарейцы, дарды, балтистанцы и пр. Нѣкоторыя отличаются воинственностью, какъ, напр., афганы, туркмены, канжутцы; другіе извѣстны своею трусливостью, какъ персіяне, евреи, таджики. Одни въ потѣ лица воздѣлываютъ землю, какъ мало-бухарцы, каширцы, таджики, другіе считаютъ земледѣліе, да и всякій другой трудъ унизительнымъ и живутъ разбоями, какъ афганы-вазири, часть белуджіевъ, брахуевъ и туркменъ. Есть люди изъ поколѣнія въ поколѣніе занимающіеся торговлею, какъ индусы, разсѣянные по городамъ иранскаго нагорья и части Турана, и есть племена, которыя презираютъ купцовъ за ихъ корыстолюбіе, двоедушіе и склонность къ обманамъ. У однихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ существуетъ довольно обширная литература; другіе вовсе не имѣютъ національной письменности и даже при обоюдныхъ сношеніяхъ употребляютъ азбуку и самый языкъ чужихъ племенъ, напр. персидскіе. Властители однихъ ведутъ свои родословныя отъ Ноя, какъ курдскіе ханы; правители другихъ считаютъ себя потомками Александра Македонскаго, какъ падшахъ читральскій, миры ваханскій, дарвазскій и пр. Есть остатки монгольскихъ завоевателей въ лицѣ мон-

головъ на верховьяхъ Мурхаба и потомки солдатъ Тамерлана въ лицѣ теймуровъ, сосѣднихъ Герату. Находятся переселенцы съ запада, какъ хорасанскіе курды, и пришельцы съ востока, какъ узбеки, китайцы. Словомъ, этнографическая рознь тутъ самая совершенная.

Въ одномъ только смыслѣ это разнородное населеніе представляетъ нѣкоторое единство — въ религіозномъ. За весьма немногими исключеніями, исламизмъ царитъ отъ Каспійскаго моря до Сетледжа и отъ Сыръ-дарьи до Индѣйскаго океана. Даже тѣ мѣстности, которыя еще въ началѣ нашего вѣка были извѣстны за немусульманскія, напр. Кафиристанъ, нынѣ исповѣдуютъ религію Магомета. Въ Каширѣ и Пенджабѣ преобладаетъ мусульманское населеніе, хотя первая изъ этихъ странъ и сосѣдніе ей Дардистанъ и Бантистанъ были нѣкогда средоточіемъ буддизма. Объ огнепоклонникахъ, когда-то столь многочисленныхъ въ восточной части Иранскаго нагорья и даже на верхнемъ Оксѣ, нынѣ почти нѣтъ и помину. Степень одушевленія ученіемъ Магомета у разныхъ народовъ, конечно, не одинакова: одни довольно равнодушны къ догматамъ вѣры, какъ, напр., киргизы, другіе изувѣры, какъ вахабиты долины Свата; но вообще исламизмъ господствуетъ надъ умами. И если магометане мѣстами раздѣлены на двѣ секты, суннитовъ и шіитовъ, ненавидящихъ другъ друга, какъ въ XVI вѣкѣ католики ненавидѣли протестантовъ, то все же, для тѣхъ и другихъ, прежде всего каждый немусульманинъ — кяфиръ, т. е. невѣрный, и даже гауръ, собака или вообще существо презрѣнное, которое не имѣетъ права ни на покровительство, ни на снисхожденіе правовѣрныхъ. Френги, инглизы и урусы, т. е. вообще христіане, столько же ненавистны имъ, какъ и идолопоклонники, браманиты или буддисты, на которыхъ такъ по-мусульмански смотрѣлъ Тамерланъ, когда, незадолго предъ смертію, говорилъ своимъ приближеннымъ: „пойдемъ избить китайскихъ язычниковъ".

Исламизмъ не разъ объединялъ и въ политическомъ смыслѣ народы передней Азіи. Не говоря уже про первыхъ арабскихъ завоевателей въ VII вѣкѣ и Тамерлана въ XIV, мы должны помнить, что исламизмомъ въ лицѣ Бабэри была основана имперія великихъ моголовъ со столицею въ Дели, имъ же руководились полчища Шахъ-Надира и, наконецъ, его же распространилъ въ наше время по Восточному Туркестану Якубъ-бекъ кашгарскій. И если созданія этихъ мусульманскихъ вождей по большей части

не долговѣчны, то конечно лишь потому, что слять въ одно прочное цѣлое такіе этнографическіе элементы, какъ указанные нами выше, есть дѣло нетолько трудное, но даже почти невозможное для такой односторонности, какъ та или другая теологическая теорія, особенно если она распостраняется не путемъ убѣжденія, а мечемъ и огнемъ. Собственно говоря одна наука, съ ея приложеніями, способна сближать народы столь прочно, что изъ нихъ мало-по малу образуются „соединенные штаты“, т. е. союзъ государствъ въ той или другой, болѣе или менѣе зрѣлой формѣ; коранъ же, веды, ганьчжуръ и т. п. не имѣютъ этой прочно-объединяющей силы. Ихъ роль — взволновать на время человѣчество, увлечь часть его, волею или неволею, въ психологическую односторонность, (хотя бы наилучшую для своего времени) и, въ концѣ концовъ, низойдти на степень миѳологіи, надъ которой смѣются сами жрецы... Впрочемъ, коранъ весьма еще далекъ отъ такой участи. Напротивъ, его ученіе принадлежитъ еще къ числу преуспѣвающихъ, и именно въ тѣхъ частяхъ Азіи, о которыхъ мы говоримъ. Во имя его тамъ славятся блаженные „Бухара и Мешхедъ“, который „если бы не имѣлъ лазурнаго купола надъ гробомъ имама Ризы, былъ бы помойною ямою всего міра“, какъ говоритъ восточное четверостишіе. Исламизмъ почти стеръ съ лица земли зендавесту, и его же послѣдователей боятся болѣе всего христіане-британцы, покорившіе силою и коварствомъ 200 милліоновъ индусовъ, но откупающіеся золотомъ отъ афганъ, белуджіевъ и даже отъ ничтожныхъ по числу „сватскихъ фанатиковъ“.

Россія мѣстами уже стоитъ въ соприкосновеніи съ мусульманскимъ міромъ верхней Азіи, мѣстами же готовится на сближеніе съ нимъ. Какимъ путемъ совершится это сближеніе, вполнѣ ли мирнымъ или при посредствѣ оружія, мы не станемъ гадать; но во всякомъ случаѣ ясно, что русскія средneазіятскія владѣнія, въ естественномъ и неизбѣжномъ развитіи ихъ предѣловъ къ юговостоку, не могутъ не достигнуть сѣверныхъ подножій Альбурса и Гиндукуша. Отрицать эту неизбѣжность могутъ только люди совершенно незнакомые съ природой степей, гдѣ нельзя провести ни какой прочной государственной границы, пока онѣ не пройдены всѣ насквозь, до какой либо опредѣленной естественной преграды, которая даетъ возможность основать рядъ поселеній и учредить хорошую сторожевую линію. Въ настоящемъ случаѣ такая прочная въ военно-политическомъ смыслѣ

граница указана природою какъ бы вдвойнѣ, потому что съ одной стороны она образуетъ рубежъ между степными равнинами и горами, а съ другой, въ большей части случаевъ, отдѣляетъ одинъ народъ отъ другихъ, именно туркменовъ отъ персіянъ, джемшидовъ, узбековъ, афганъ и пр. И что бы ни говорили диллетанты-политики, — особенно такіе, которые напр. не знаютъ, что Оксъ и Аму-дарья — одно и тоже, или что между Герцоговиною и Адріатическимъ моремъ лежитъ принадлежащая Австріи Далмація, — здѣсь нѣтъ для Россіи другой грани какъ линія, соединяющая юговосточный уголъ Каспія съ верховьями Окса вдоль по сѣверной подошвѣ Альбурса и Гиндукуша съ ихъ развѣтвленіями. И какъ *туркмены* и заселенныя ими степи уже достаточно извѣстны русскому обществу, то относительно ихъ мы и ограничимся лишь опредѣленіемъ южнаго предѣла распространенія ихъ кочевокъ. На крайнемъ западѣ, у Каспійскаго моря, этотъ предѣлъ совпадаетъ съ низовьями рѣки Карасу, куда доходятъ кочевья іомудовъ; потомъ граница идетъ по долинѣ Гюргени, гдѣ живутъ по большей части осѣдлые гоклены. Съ верховья Гюргени граница Туркменіи поворачиваетъ на сѣверовостокъ и постепенно огибаетъ съ сѣвера Дерагезскій округъ, населенный курдами. Атрекъ пересѣкается этою частью границы у Вишь-кала, крайняя же къ сѣверу точка ея лежитъ на меридіанѣ Абиверда, у сѣверной подошвы Кепетъ-дага. Здѣсь кочуютъ ахалъ-текинцы, распространяющіеся на западъ до Кизылъ-арвата, а на юговостокъ до кочевьевъ рода Солоръ. Среди послѣднихъ, по пути изъ Мешхеда въ Мервь и Бухару, находится укрѣпленіе Серахсъ, за которымъ оканчивается граница туркмено-персидская. Какія отношенія существуютъ между сосѣдями на этой границѣ, довольно извѣстно нашей читающей публикѣ если не изъ ученыхъ изысканій Борнса, Вларанберга и др., то хоть изъ романа „Хаджи Баба", гдѣ великолѣпно описанъ ужасъ персіянъ при одномъ извѣстіи о приближеніи туркменъ, постоянно ихъ грабящихъ и уводящихъ въ неволю. Далѣе за Сераксомъ, къ востоку, до меридіана Балха, тянется извилистая линія, которой положеніе съ точностію намъ неизвѣстно, но которая служитъ границею между кочевьями туркменъ Сарыкъ, Солоръ, Черныхъ и Алвели, съ сѣвера и землями чахаръ-аймакскихъ племенъ, а также Маймене, Андхоемъ и Балхомъ съ юга. Вся эта туркмено-афганская граница также открыта для хищническихъ туркменскихъ аламановъ (набѣговъ), и иногда даже сарыки,

солоры, текинцы и пр. вторгаются далеко въ глубь Афганистана, какъ было напр. въ 1874 году, когда одинъ изъ туркменскихъ хановъ, союзникъ Якубъ-хана гератскаго, проникъ до Гиришка, вблизи Кандахара. Общее протяженіе южнотуркменскаго рубежа отъ Каспійскаго моря до Балха можно опредѣлить въ 1200 верстъ, и какъ наилучшія части заоксуских степей лежатъ вдоль его, то и большая часть туркменъ сосредоточена тутъ. Исключеніе составляютъ разнородныя туркмены хивинскіе, эрсари, живущіе въ подданствѣ Бухары по долинѣ Аму-дарьи, и наконецъ мервскіе текинцы, столь прославившіеся въ послѣднее время тѣмъ, что англичане вооружали ихъ противу Россіи и старались склонить къ подданству то Персіи, то Афганистану, лишь бы они не попали подъ власть русскихъ. Ихъ то преимущественно имѣли въ виду англо-индійскіе журналы, когда проповѣдывали теорію, что „Индія дожна быть защищаема съ сѣверозапада помощью туркменскихъ шаекъ, руководимыхъ искусными офицерами.“ Къ нимъ стремились, но тщетно,—г. г. Вэкеръ, Непиръ, Макъ Грегоръ и другіе британскіе военные агенты 1872—76 годовъ.

Курды, о которыхъ мы выше упомянули, какъ о сосѣдяхъ ахалъ-текинскихъ туркменъ, суть переселенцы съ запада, переведенные на верховья Атрека Шарамъ-Аббасомъ-Великимъ съ спеціальною цѣлію защищать Персію съ сѣверо-востока. Это народъ храбрый, управляемый своими наслѣдственными вождями и почти совершенно осѣдлый. У нихъ есть даже города, какъ Ширванъ, Кабушанъ, Буджнурдъ и др. Но задачу свою по отношенію къ Персіи они невсегда исполняютъ исправно, потому что являются непріятелями нетолько туркменъ, но и самихъ персіянъ. Правительство шаха, въ обезпеченіе вѣрности курдскихъ хановъ, держитъ обыкновенно у себя, въ Мешхедѣ или даже въ Тегеранѣ, заложниками ихъ родственниковъ; но это невсегда помогаетъ дѣлу, и связь курдовъ съ персіянами очень слаба. Притомъ они считаютъ Персію, наравнѣ съ Афганистаномъ и Бухарою, государствомъ слабымъ. О Россіи же этотъ народъ самаго высокаго мнѣнія, о чемъ свидѣтельствуетъ даже англичанинъ Вэкеръ, человѣкъ враждебный Россіи. Такъ одинъ изъ курдскихъ хановъ, Алаяръ, говорилъ ему: „Русскіе вѣдь сильнѣе васъ, англичанъ, потому что царь можетъ на каждаго изъ вашихъ солдатъ выставить шестерыхъ своихъ.“ — Но какъ будто могущество государства измѣряется одною численностью солдатъ?

возразилъ Вэкеръ. За то у Англіи есть большой флотъ и много денегъ. — „Такъ чтожъ? отвѣчалъ ханъ; флотомъ нельзя защищать Индію: она вѣдь не островъ. А что до денегъ, такъ вы уже заплатили ими дань американцамъ“ (подразумѣвается алабамская контрибуція)... Такъ Вэкеру и не удалось убѣдить курда, что Англія сильнѣе Россіи. — Число харасанскихъ курдовъ Бларамбергъ полагалъ около 180.000 душъ.

Не касаясь *персіянъ*, составляющихъ массу населенія въ Харасанѣ, замѣтимъ, что, кромѣ ихъ и курдовъ, въ этой провинціи живутъ и другіе народы: *турки*, *аравитяне* и *теймуры*, изъ которыхъ послѣдніе перекочевываютъ въ гератскую область Афганистана и обратно. Аравитяне также держутся восточныхъ частей Харасана, а турки, напротивъ, западной, гдѣ имѣютъ селенія. Всѣ эти племена малочисленны.

Теймуры уже принадлежатъ къ числу чахаръ-аймакскихъ племенъ, которыя занимаютъ окрестности Герата и почти весь Гиндукушъ, до Кафиристана и Бадакшана. Племена эти суть сбродныя и нерѣдко составляютъ остатки полчищъ тѣхъ завоевателей, которые проходили по сосѣднимъ странамъ. Такъ именно теймуры получили свое имя отъ того, что предки ихъ были подарены Тимуромъ одному изъ его военачальниковъ, который и водворился около Герата, какъ помѣщикъ-вассалъ династіи тимуридовъ, имѣвшей въ лицѣ Шаха-Рока весьма извѣстнаго представителя. Такъ *монголы* на сѣверномъ склонѣ Паропамиза, въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Мурхаба, суть остатки монгольскихъ ордъ, точнѣе раненыхъ монгольскихъ ратниковъ, которые тутъ остались со временъ Чингизъ-хана и его преемниковъ. *Фирузхухи*, въ тѣхъ же горахъ по верховьямъ правыхъ притоковъ Мурхаба, суть переселенцы изъ Персіи, именно изъ Фирузау, въ Мазандеранѣ. *Кипчаки*, кочующіе по Кайсару и ниже по Мурхабу, къ сторонѣ мервскихъ текинцевъ, представляютъ соплеменниковъ нашихъ ферганскихъ кипчаковъ, которые были заброшены исторіею на югъ. Нѣкогда это племя было могущественно; оно составляло значительную часть полчищъ Батыя и Тамерлана; оно въ Фергахѣ считалось самымъ воинственнымъ, даже непобѣдимымъ, пока не познакомилось съ русскими пулями изъ винтовокъ Бердана. Примурхабскіе кипчаки, повидимому, не имѣютъ такой воинственной репутаціи и притомъ малочисленны. *Джемшиды*, ближайшіе сосѣди Герата съ сѣвера, около Кушка, составляютъ, напротивъ, народъ воинственный,

который имѣетъ вліяніе на судьбу самаго Герата, въ зависимости отъ котораго они находятся. Такъ еще въ 1874 году, когда афганскій эмиръ Ширъ-Али успѣлъ захватить своего мятежнаго сына, Якубъ-хана гератскаго, то жена послѣдняго, джемшидка родомъ, собрала старшинъ своего народа и взяла съ нихъ клятву, что они ее съ ея дѣтьми не выдадутъ въ Кабулъ, что и исполнялось до самаго выпуска Якубъ-хана изъ тюрьмы въ 1877. Джемшиды по своему происхожденію суть народъ совершенно особенный, который ведетъ свою родословную отъ временъ Авраама и въ этомъ смыслѣ какъ бы составляетъ переходъ къ афганамъ, которымъ приписывается семитическое же происхожденіе. Число ихъ простирается отъ 6 до 12 тысячъ семей, а главные центры населенія составляютъ Курухъ и Бана-Мурхабъ. Къ юговостоку отъ джемшидовъ, по обѣимъ сторонамъ Герируда, кочуютъ *таймены*, которыхъ главный центръ въ Гурѣ, а общее число достигаетъ, по Тейлору, до 12.000, а по Бларамбергу даже до 30.000 семействъ. Ихъ родословная и политическія отношенія къ Герату и Кабулу недовольно извѣстны.

Гораздо многочисленнѣе всѣхъ чахаръ-аймакскихъ племенъ другіе горцы Гиндукуша и Парапамиза, *хезарейцы* или хезаре́. Та часть этого народа, которая живетъ ближе къ Герату, на сѣверовостокъ отъ него, носитъ названіе Хезарè-Зенднатъ и состоитъ, по Ферье, изъ 28.000 кибитокъ. Эти хезарейцы кочуютъ лѣтомъ въ горахъ, а на зиму спускаются въ долины средняго теченія Мурхаба и его притоковъ. Они всѣ повинуются одному сердарю, который считается вассаломъ Герата; его мѣстопребываніе есть крѣпостца Кило-Нау. Хезарè-Зендлатъ говорятъ персидскимъ языкомъ, но по исповѣданію суть фанатическіе суниты и потому нерѣдко враждуютъ съ жителями другихъ окрестностей Герата, непризнающими сунны. Напротивъ, ихъ единоплеменники и сосѣди съ востока суть горячіе шіиты, и потому, будучи въ частомъ прикосновеніи къ сунитамъ-афганамъ, относятся къ нимъ очень непріязненно. Хотя они по большей части осѣдлые или полуосѣдлые земледѣльцы, но не допускаютъ въ свою среду афганъ, такъ что Эмиръ кабульскій всегда можетъ считать свои загиндукушскія владѣнія какъ бы отрѣзанными отъ остальнаго государства, ибо стоитъ лишь хезарейцамъ взбунтоваться, чтобы городъ Балхъ съ окрестностями былъ дѣйствительно отрѣзанъ отъ Кабула. Общественное устройство хезарейцевъ-шіитовъ почти то же, что ихъ сунитскихъ собратьевъ, т. е.

они имѣютъ своихъ сердарей и иногда даже ведутъ междуусобныя войны, къ большому удовольствію афганъ. Труднодоступность мѣстъ, занятыхъ, хезарейцами, сдѣлала то, что они не были покорены ни Шахомъ-Надиромъ, ни Сефевидами, ни даже Чингисъ-ханомъ и только Тамерланъ успѣлъ подчинить ихъ себѣ. Теперешняя ихъ зависимость отъ афганъ есть чисто номинальная. Вудъ и Борнсъ даютъ списки ихъ родовъ, но мы ихъ опустимъ здѣсь.

Ознакомясь съ горцами Гиндукуша, перейдемъ теперь къ населенію сѣверныхъ подножій этого хребта, гдѣ смѣшались коренные арійскіе обитатели тѣхъ мѣстъ, *таджики*, съ пришельцами изъ монгольскихъ степей, *узбеками*. Эти два племени хорошо знакомы намъ теперь, потому что составляютъ осѣдлое населеніе Туркестанскаго края. Взаимныя отношенія ихъ въ мелкихъ владѣніяхъ Маймене, Андхоѣ, Сирапулѣ и Шибарханѣ тѣ же самые, что въ Коканѣ, Бухарѣ и Хивѣ, то есть таджики составляютъ промышленную часть населенія, а узбеки правительственную; первые развиты умственно, вторые грубы. Еще недавно, именно въ 1850-хъ годахъ, мелкія земли, сейчасъ названныя, были въ вассальной зависимости отъ Бухары, и хотя Достъ-Магометъ афганскій стремился къ покоренію ихъ, но встрѣчалъ отпоръ, такъ что въ 1863 году жители Маймене хвалились передъ Вамбери, что имъ удалось отразить афганскія полчища. Въ 1873 году афганы стали тѣснить май-менцевъ и др., такъ что у послѣднихъ явилась было мысль обратиться за помощію къ Россіи; но въ это время наша дипломатія сдѣлала уступку англійской, отдавъ на жертву афганамъ всѣ вообще земли по сѣверному подножію Гиндукуша, въ томъ числѣ и Маймене. Однако лишь въ 1875 году эмиръ Ширъ-Али началъ покореніе Маймене и вполнѣ ли достигъ цѣли,—намъ неизвѣстно, потому что на новѣйшей картѣ передней Азіи Петермана, Маймене все еще показанъ независимымъ владѣніемъ, хотя Андхой, Шибарханъ и Сирипуль уже введены въ предѣлы Афганистана. Въ свое время, т. е. въ 1875 г., противу захвата Маймене афганами протестовалъ бухарскій эмиръ, считавшій себя сюзереномъ мѣстнаго мира.

Балхъ, матерь городовъ по верхнему Оксу, нѣкогда столица Бактріянской монархіи, основанной при распаденіи имперіи Александра, а потомъ долгое время однимъ изъ центровъ господства зердуштіевъ (огнепоклонниковъ), былъ прежде заселенъ чистыми

персіянами; но нынѣ онъ лежитъ въ развалинахъ, а на мѣстѣ его возникъ по близости афганскій городъ Тохтамуръ, гдѣ живетъ губернаторъ всего афганскаго Туркестана. Валхскіе персіяне были частію истреблены въ различныхъ войнахъ, частію подвинулись на востокъ и основали Бадакшанъ, въ долинѣ Кишки-дарьи, одного изъ притоковъ Окса. Здѣсь, въ главномъ городѣ Фейзабадѣ, еще въ 1871 — 74 годахъ держался съ перемѣннымъ успѣхомъ природный властитель страны, Жегандаръ шахъ; но поддерживаемые англійскимъ золотомъ афганцы успѣли выгнать этого злополучнаго шаха, сначала посадивъ на его мѣсто одного его родственника, а потомъ водворивъ въ Фейзабадѣ собственнаго военачальника, Гафазуллу, который и управляетъ этою областью, лучшею по природѣ во всей Средней Азіи: Бадакшанцы однако же ненавидятъ афганъ, и если бы къ нимъ явилась помощь со стороны, то они не замедлили бы взбунтоваться. Такъ-какъ обильное орошеніе почвы изъ рѣчекъ, стекающихъ съ Гиндукуша, позволяетъ имѣть много пашенъ, то населеніе Бадакшана довольно многочисленно: двѣсти, можетъ быть, триста тысячъ душъ, по большей части шіитовъ.

Лейтенантъ Вудъ былъ послѣ Марко Поло первый изъ европейцевъ, который посѣтилъ Бадакшанъ и описалъ эту страну; но его трудъ не былъ достаточно извѣстенъ до послѣднихъ годовъ, когда извѣстный географъ Юль, пользуясь новѣйшими англійскими розысканіями, издалъ его снова, съ дополненіями и разъясненіями. Послѣ него въ страну по верховьямъ Окса проникли съ востока англичане же Виддольфъ, Гордонъ и Троттеръ, и вотъ что мы находимъ въ книгѣ втораго, носящей названіе „Крыши міра“ (бами дуніа), которое даютъ туземцы Памиру, т. е. высокой странѣ по верхнимъ частямъ Аму-дарьи и Тарима. Ваханъ, который орошается двумя главными истоками Окса, Сарьхадомъ и Пянджемъ, имѣетъ населеніе всего въ 3000 душъ, управляемыхъ наслѣдственнымъ миромъ, который выводитъ свой родъ отъ Александра Македонскаго Эти горцы, земледѣльцы и охотники по образу жизни, суть люди смѣшаннаго происхожденія. имѣющіе свое нарѣчіе, но говорящіе и по персидски. Они имѣютъ среди себя много блондиновъ, съ хорошими голубыми глазами и русыми, а не черными волосами. Управляетъ ими болѣе или менѣе патріархально миръ, который въ послѣднее время былъ вынужденъ платить дань бадакшанскимъ афганамъ; и какъ у него и его народа нѣтъ денегъ, то дань платится

лошадьми и другимъ скотомъ. Миръ этотъ, во время возвышенія Якубъ-бека кашгарскаго, былъ его союзникомъ, тогда какъ, напротивъ, повелитель подобнаго же сосѣдняго владѣньица, Сириколя, Алифъ-бекъ, оказался непочтителенъ къ бадаулету и потому лишился своего мирства. Ваханцы, какъ и сирикольцы, не сомнѣваются, что ихъ предки были сбродомъ изъ разныхъ частей Верхней и Средней Азіи, и говорятъ только, что прежде они были многочисленнѣе, теперь же часть ихъ переселилась къ востоку, въ бассейнъ Яркентъ-дарьи, гдѣ и дѣйствительно ихъ видѣлъ Шау.

Къ сѣверу отъ Вахана, по Памирскому нагорью, живутъ съ одной стороны киргизы, а съ другой арійскіе обитатели Шигнана, Дарваза и Каратегина, которыхъ у насъ иногда называютъ горными таджиками или *гальчами*, соплеменниками горцевъ, населяющихъ долину верхняго Зерафшана. Сколько ихъ, мы не знаемъ; но судя по показаніямъ англійскихъ путешественниковъ и ихъ развѣдывателей изъ туземцевъ, должно думать, что ихъ немного. Абрамовъ полагалъ населеніе Каратегина въ 100,000 душъ. Предположимъ, что всѣхъ ихъ (въ томъ числѣ и въ бывшихъ независимыхъ бекствахъ Кштутѣ, Матчѣ, Фальгарѣ) до 200,000 (населенія арійскаго); все же это населеніе не составляетъ никакого государственнаго цѣлаго и, стало быть, политически ничтожно. Поэтому въ политико-этнографическомъ обзорѣ Верхней Азіи довольно о немъ упомянуть въ двухъ словахъ. При этомъ замѣтимъ, что изъ шести бывшихъ мирствъ, о которыхъ первыя свѣдѣнія привезъ Борнсъ, нынѣ остались независимыми только два: Дарвазъ и Шигнанъ; Вахалъ же, какъ мы видѣли, платитъ дань афганцамъ, Кулябъ покоренъ Бухарою, Сириколь-кашгарцами, а Каратегинъ находится уже подъ нашимъ вліяніемъ, хотя и въ номинальной зависимости отъ Бухары.

Дикокаменные *киргизы*, которые съ Тянь-шаня распространяются на Памиръ, занимаютъ и часть сѣверныхъ скатовъ того горнаго кряжа, который обыкновенно называется Куень-Лунемъ и ограничиваетъ бассейнъ Тарима съ юга. Нетолько на Тагдунъ-башѣ, въ сосѣдствѣ Сириколя, но и около Хотана еще встрѣчаются ихъ кочевки. За то къ востоку отъ послѣдняго города и Керьи, въ тѣхъ неизвѣданныхъ странахъ, которыя нынѣ долженъ посѣтить г. Пржевальскій, прекращается уже киргизское населеніе и встрѣчаются рѣдкіе и дикіе *дулане*, а потомъ *далды*, о которыхъ разсказываютъ, что они живутъ по пещерамъ. Когда эти

странные народцы будутъ нѣсколько узнаны, тогда, быть можетъ, передъ нами предстанетъ звено, связующее арійскія народы съ тибетцами и китайцами, изъ которыхъ послѣдніе и донынѣ сохраняютъ преданіе о своемъ происхожденіи съ запада, изъ нагорной Азіи. Замѣтимъ, что имя даидовъ очень напоминаетъ дардовъ изъ окрестностей Гилгита, на сѣверо-западѣ отъ Инда.

Даиды, впрочемъ, уже выходятъ изъ той этнографической сферы, которую мы предположили здѣсь очертить. Гораздо важнѣе, говоря о народахъ, обитающихъ между Россіею и Индіею, обратить вниманіе на *мало-бухарцевъ* и вообще на обитателей Восточнаго Туркестана, нынѣ составляющихъ довольно большое мусульманское государство. Въ арійскомъ происхожденіи мало-бухарцевъ нынѣ не сомнѣвается никто; но Форсайдсъ, Беллью и др. справедливо называютъ ихъ отатарившимися, т. е. принявшими языкъ и многіе обычаи монголо-тюркскихъ народовъ, какъ это и естественно, ибо они окружены подобными народами, да кромѣ того находились не разъ подъ властію монголовъ, джунгаровъ, уйгуровъ и Китая, изъ которыхъ послѣдній дѣлалъ систематическія перемѣщенія мало-бухарцевъ, калмыковъ и пр. однихъ на мѣсто другихъ. Киргизы и калмыки, наконецъ, окружаютъ страну съ сѣвера, запада и юга. Долгое время европейцы не имѣли правильнаго понятія о числѣ мало-бухарцевъ; иногда опредѣляли это число въ 5 и даже въ 30 милліоновъ душъ, при чемъ въ подтвержденіе этихъ цифръ приводили извѣстія о числѣ домовъ въ большихъ городахъ, Кашгарѣ, Яркентѣ, Аксу и др. Валиханову первому удалось уничтожить этотъ предразсудокъ, такъ-какъ онъ насчиталъ въ шести округахъ: Аксуйскомъ, Кашгарскомъ, Ушъ-Турпанскомъ, Хотанскомъ, Яркентскомъ и Янгиссарскомъ, всего 580,000 душъ. Эту же цифру признаетъ и Форсайдсъ, посѣтившій Восточный Туркестанъ въ 1873—74 годахъ и имѣвшій болѣе чѣмъ кто-либо изъ европейцевъ случаи узнать истину; ее потому помѣстилъ я въ моемъ „Опытѣ военнаго обозрѣнія русскихъ окраинъ въ Азіи". Итакъ, знаменитая „большая мусульманская держава" Якубъ-бека есть, въ сущности, провинція съ населеніемъ меньше любой изъ нашихъ среднерусскихъ губерній. Мало того; по свидѣтельству самихъ англичанъ, которые хотѣли бы изъ Джитышара сдѣлать пугало для Россіи, мало-бухарцы вовсе не воинственны; они, какъ утверждаетъ Гордонъ, не любятъ быть артиллеристами,

потому что боятся собственныхъ пушекъ, да и вообще не охотники до военной службы. Якубъ-бекъ по этому и принимаетъ съ охотою въ ряды своей арміи разныхъ инородцевъ: индусовъ, афганъ, китайцевъ, дунганъ, даже калмыковъ; они легче свыкаются съ требованіями военнаго быта, чѣмъ собственно малобухарскія его подданные. Да еще нужно замѣтить, что нѣтъ народа въ Азіи болѣе безпокойнаго въ политическомъ смыслѣ, какъ обитатели Джитышара; это свидѣтельствуютъ и китайскіе писатели, и сама исторія Восточнаго Туркестана. И нетолько во сто лѣтъ владычества китайцевъ въ Кашгарѣ было тамъ семь возмущеній; но даже теперь, когда страна управляется мусульманскимъ деспотомъ, мало-бухарское населеніе ропщетъ и иногда даже волнуется, какъ было напр. въ Яркентѣ по поводу уменьшенія цѣнности монеты. Поэтому въ нашемъ политико-этнографическомъ очеркѣ мы можемъ обращать на населеніе Восточнаго Туркестана не болѣе вниманія, чѣмъ на населеніе Хивы, хотя конечно, находясь подъ властію Якубъ-бека, возбуждаемаго противу Россіи изъ Калькуты и Стамбула, оно можетъ причинить намъ въ Туркестанѣ не мало хлопотъ своимъ вліяніемъ на мусульманъ, недавнихъ русскихъ подданныхъ, не совсѣмъ еще привыкшихъ къ ташкентскимъ порядкамъ, смѣнившимъ коканскіе.

Къ югу отъ Джиты-шара начинается горная страна Куень-Луня и Гималаи, сначала совершенно пустынная, потомъ населенная *тибетцами* (балти), *дардами*, *кашмирцами* и др. Всѣ эти народы вовсе не тяготѣютъ на сѣверъ, и если находятся подъ чьимъ вліяніемъ, то англо-индійскаго правительства, ищущаго водворить среди ихъ британскую торговлю, а за нею и политическую власть, да отчасти тибетской духовной іерархіи, которая начальствуетъ надъ ламами въ Балтистанѣ и Ладакѣ. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о населеніи этой западно-гималайской горной страны мы находимъ у Дрью, который составилъ даже этнографическую карту владѣній магораджи кашмирскаго, включивъ въ нихъ нетолько весь Ладакъ, но и часть Дардистана. Коннингэмъ, Лейтнеръ и Гейвардъ познакомили насъ съ народомъ, который живетъ въ мѣстѣ наибольшаго сближенія Инда съ Аму-дарьею. Виддольфъ пытался пройдти въ земли этого народа съ сѣвера, черезъ Даркитскій проходъ, но это ему не удалось, какъ и вообще кому-либо изъ европейцевъ. Изъ показаній Лейтнера, Гейварда и Дрью мы однако знаемъ, что *дарды* — племя арійское, женщины котораго отличаются такою бѣлизною

кожи, что каширцы (индусы) дѣлаютъ вторженія въ Дардистанъ, для похищенія себѣ жонъ. Съ другой стороны нѣкоторые изъ дардовъ, напр. ханзайцы и канжутцы, сами захватываютъ и продаютъ въ неволю людей. У Гордона мы встрѣчаемъ разсказъ одного каширца, который былъ проданъ канжутцами тогдунгбашскимъ киргизамъ, отъ которыхъ поступилъ въ обмѣнъ на верблюда, къ алайскимъ и т. д. Труднодоступность Дардистана дѣлаетъ такіе подвиги жестокости безнаказанными, и нѣкоторые слабые сосѣди канжутцевъ должны бываютъ входить въ сдѣлки съ разбойниками, чтобы избѣжать ихъ насилій. Такъ, миръ ваханскій избавилъ отъ нихъ свой малочисленный народъ тѣмъ, что отдалъ одну изъ своихъ дочерей за сына канжутскаго правителя. Сосѣди дардовъ съ запада суть *читральцы*, также арійское племя, которое находится въ близкомъ родствѣ съ такъназываемыми *сяфиръ-кятушами* той же долины Кунара, гдѣ находится и Четрамъ. Эти послѣдніе „невѣрные чернотулупники" составляютъ грозу афганъ, бадакшанцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, будучи сами внѣ опасности возмездія, потому что живутъ въ самыхъ труднодоступныхъ ущеліяхъ Гиндукуша. Они впрочемъ немногочисленны.

Къ югу отъ дардовъ и читральцевъ и къ сѣверу отъ Пейшавера держутся съ одной стороны афганы рода Юсуфзай, а съ другой, выходцы изъ Пенджаба и другихъ сосѣднихъ мусульманскихъ странъ, принявшіе ученіе вахабитовъ и называемые обыкновенно „сватскими фанатиками", потому что большинство ихъ живетъ по рѣкѣ Свату. Они управляются ахуномъ, т. е. духовнымъ лицомъ архіерейскаго сана, и внушаютъ большія опасенія англичанамъ, которые понимаютъ, что даже небольшая теократически мусульманская, независимая община у границъ Индіи составляетъ очагъ, отъ котораго легко можетъ вспыхнуть пожаръ во всемъ Индостанѣ. Англійскія войска не разъ ходили противу сватцевъ, но безуспѣшно. Въ 1874 году пенджабскій губернаторъ нашелъ полезнымъ соблазнить ихъ золотомъ; но въ слѣдующемъ году они предпочли не связывать себя мирными обѣщаніями, а посланное золото просто разграбили. Опасность отъ сватцевъ продолжаетъ существовать постоянно, ибо ахунъ ихъ высоко чтимъ всѣми мусульманами нетолько Пенджаба, но и Бенгаліи, гдѣ еще основатель остъ-индскаго вахабитума, Сеидъ-Ахмедъ, имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей. Вахабитизмъ, проповѣдуя строго-религіозную и добродѣтельную жизнь, вмѣстѣ

съ тѣмъ уничтожаетъ всякое различіе сословій и этимъ самымъ привлекаетъ въ свои нѣдра множество индусовъ-браманитовъ низшихъ кастъ, которымъ при родной вѣрѣ жизнь не улыбается. Разумѣется, что чѣмъ правовѣрнѣе ученіе вахабитовъ съ мусульманской точки зрѣнія, тѣмъ большую ненависть развиваетъ оно въ своихъ послѣдователяхъ къ гяурамъ, т. е. къ англичанамъ, повелѣвающимъ сорока милліонами остъ-индскихъ магометанъ. А до чего эта ненависть доходитъ, видно изъ того, что ножъ фанатика Ширъ-Али не затруднился поразить вице-короля Индіи, лорда Майо.

Къ опасности отъ пропаганды вахабитизма присоединяется для англичанъ на сѣверо-западѣ Индіи сосѣдство большаго независимаго мусульманскаго государства, Афганистана, котораго населеніе очень воинственно и уже дало себя цѣнить англійскимъ войскамъ въ кампанію 1839—40 года, когда англичане были въ Курдъ-Кабульскомъ ущельѣ истреблены поголовно. Непріязнь *афганъ* къ англійскому народу можно назвать фанатическою, потому что ни одинъ англичанинъ не смѣетъ перейдти границу Афганистана безъ опасенія быть непремѣнно убитымъ. Въ 1873 году эту участь испыталъ маіоръ Макдональдъ, попробовавшій охотиться въ горахъ, окружающихъ пейшаверскую долину; съ тѣхъ поръ подобные случаи повторялись не разъ, даже подъ стѣнами самаго Пейшавера. Особенною ненавистью отличаются афганскіе племена: мамунды въ Хайберскомъ ущельѣ, афридіи въ горахъ между Пейшаверомъ и Когатомъ и вазири, живущіе между Дера-Измаилъ-ханомъ и Газною, гдѣ они грабятъ караваны съ англійскими товарами. Тщетны были многолѣтнія усилія остъ-индскаго правительства водворить въ Кабулѣ, Кандахарѣ и пр. собственныхъ агентовъ изъ англичанъ: кабульскіе эмиры были непреклонны и, не смотря на субсидію въ 120,000 ф. ст., получаемую отъ Англіи, допускали только агента изъ мусульманъ, да и то лишь въ одномъ Кабулѣ, гдѣ эта личность рѣдко имѣла значеніе. Желая измѣнить такой невыгодный порядокъ вещей, нынѣшній вице-король Индіи, лордъ Литтонъ, пытался въ началѣ настоящаго 1877 года вступить въ переговоры съ эмиромъ Ширъ-Али о пересмотрѣ тѣхъ трактатовъ, которые связываютъ Афганистанъ съ Англіею; но переговоры эти, начавшіеся въ Пейшаверѣ, не привели ни къ чему. Даже хуже: они усилили обоюдное недовѣріе, и теперь (весною 1877) англо-индійское правительство сосредоточило значительную часть

своихъ войскъ между Пейшаверомъ и Раваль-Пинди, вблизи афганской границы. Съ своей стороны, и Ширъ-Али собралъ нѣсколько десятковъ тысячъ афганскихъ войскъ въ долинѣ Кабулъ-дарьи и у Кандахара, вызвавъ при этомъ даже нѣкоторыя части изъ-за Гиндукуша, т. е. изъ Туркестана, гдѣ солдаты нужны для поддержанія покорности въ недавно покоренныхъ туземцахъ. Кромѣ того онъ выпустилъ изъ тюрьмы своего сына, Якубъ-хана, извѣстнаго своимъ нерасположеніемъ къ Англіи, и назначилъ его начальникомъ войскъ въ Гератѣ, которому угрожаетъ англійское нашествіе изъ Кветты. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что афганскія войска въ наше время вооружены и обучены на англійскій манеръ и что у Эмира есть въ Кабулѣ оружейный заводъ, приготовляющій скорострѣльныя винтовки и нарѣзныя орудія. Афганы, какъ мы сказали, племя воинственное, быть можетъ даже самое воинственное въ Азіи, кромѣ японцевъ; а по численности своей, простирающейся до шести милліоновъ душъ, они способны дать сильный отпоръ англичанамъ въ случаѣ вторженія послѣднихъ въ ихъ гористую страну. Эмиръ Ширъ-Али, долго благоговѣвшій къ Англіи за субсидію, которая давала ему средства одолѣвать внутреннихъ враговъ, нынѣ, съ пріостановкой уплаты этой субсидіи, не можетъ не возненавидѣть англичанъ, тѣмъ болѣе, что до него, конечно, дошли слухи о частыхъ перемѣнахъ на стамбульскомъ престолѣ, въ которыхъ принимали такое дѣятельное участіе британскіе уполномоченные. О сердарахъ, т. е. о предводителяхъ отдѣльныхъ племенъ (гилдзаи, барекзаи, машунды и пр. и пр.) афганскаго народа, — который ведетъ то кочевую, то осѣдлую и полуосѣдлую жизнь, но имѣетъ вообще феодальный общественный строй, — нечего и говорить: они ненавидятъ англичанъ уже потому, что многолѣтняя поддержка послѣдними центральнаго правительства въ Кабулѣ лишала ихъ, сердарей, значительной доли самостоятельности. Многіе изъ англичанъ, напр. Бэкеръ, высказываютъ увѣренность, что не будетъ ничего легче, какъ покорить весь Афганистанъ въ одинъ походъ съ береговъ Инда; но если бы это и случилось на короткое время, то вѣроятно имѣло бы слѣдствіемъ нетолько повтореніе потомъ событій 1840 года, но и начало паденія англійской власти въ самой Индіи. Остъ-индскіе мусульмане, нынѣ дезорганизованные въ правительственномъ смыслѣ, ждутъ только случая сгруппироваться около одного мусульманскаго центра, а такимъ непремѣнно явится кабульское правительство, какъ

только ему удастся нанести англичанамъ серьезное пораженіе за Индомъ. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ въ Средней Азіи ничто бы не было такъ желательно, какъ попытка англичанъ завоевать Афганистанъ: это положило бы начало распаденію притязательной англо-индійской имперіи и развязало бы намъ руки отъ невыгодныхъ обязательствъ, принятыхъ въ 1873 году передъ Англіею по отношенію къ Бадакшану, Маймене и другимъ мѣстностямъ по сѣверной части Гиндукуша, безъ владѣнія которыми мы не можемъ спокойно управлять Туркестаномъ. О всемірныхъ политическихъ послѣдствіяхъ паденія англійской власти въ Индіи мы и не говоримъ: на одномъ Средиземномъ морѣ исчезли бы вопросы о Гибралтарѣ, Мальтѣ, Кандіи, объ англійскомъ протекторствѣ въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ, о сирійско-ефратской дорогѣ и пр. Пали бы и притязанія Англіи на господство надъ юго-западною Аравіею, надъ устьями Шатъ-эль-Араба, надъ боланскимъ проходомъ; окончились бы британскія интриги на персидско-турецкой и персидско-туркменской границахъ; перестали бы англійскіе агенты проникать въ Среднюю Азію для возбужденія ея туземцевъ противъ Россіи. Оправились бы Бирма, Нипалъ, Кашемиръ.... Вотъ почему афганскій народъ можетъ считаться имѣющимъ очень важное историческое призваніе, хотя вѣроятно роль его будетъ кратковременна. Вотъ почему мы должны желать развитія и поддержанія дружелюбныхъ отношеній къ Афганистану.

За афганами къ югу живутъ *белуджіи*, народъ, котораго происхожденіе и мѣсто на этнографической лѣстницѣ недовольно опредѣлены, но который имѣетъ немаловажное значеніе, благодаря тому, что обитаетъ въ странѣ, представляющей болѣе или менѣе открытыя ворота въ Индію. Наше общество въ послѣдніе годы хорошо ознакомилось съ вопросомъ о боланскомъ проходѣ; оно знаетъ также, что въ настоящемъ 1877 году состоялось занятіе англійскими войсками Келата и Кветты, двухъ важнѣйшихъ мѣстностей на пути отъ Герата къ Индіи; но далеко не всѣмъ извѣстно, что Белуджистанъ населенъ не однимъ народомъ, что кромѣ белуджіевъ и *іетовъ*, индо-германскаго корня, тутъ есть *брахуи*, которыхъ Хюгсъ и др. ученые сближаютъ съ остъ-индскими дравидасами или вообще съ туранскими племенами. Кромѣ того есть немало и другихъ инородцевъ: индусовъ, арабовъ, персіянъ, парсовъ и др. Масса населенія кочевая, но есть немало и городовъ, особенно въ оазисѣ Качъ-Гандава. Номады,

разумѣется, склонны къ хищничествамъ и междоусобіямъ, и потому съ одной стороны возбуждаютъ жалобы купцовъ, ведущихъ караванную торговлю, а съ другой мѣшаютъ образованію государства хотя бы даже такого устройства, какъ Афганистанъ. Келатскій ханъ, номинальный сюзеренъ белуджійскихъ сердарей, почти не имѣетъ на нихъ вліянія, такъ что англо-индійское правительство даетъ ему субсидію въ 10 т. ф. ст., чтобы поставить выше другихъ мѣстныхъ правителей и сдѣлать отвѣтственнымъ лицомъ за весь Белуджистанъ. О Россіи обитатели Белуджистана имѣютъ самыя слабыя понятія, составляемыя частію изъ разсказовъ караванъ-башей, приходящихъ изъ Герата и Персіи, частію изъ тенденціозныхъ слуховъ, пускаемыхъ англійскими агентами.

Вотъ мы и у конца того бѣглаго очерка, который предположили себѣ сдѣлать, чтобы представить читателямъ общую политико-этнографическую картину мѣстностей, лежащихъ между Россіею и Индіею. При разсмотрѣніи этой картины насъ, русскихъ, могутъ занимать два вопроса: во-первыхъ о томъ, какія племена будутъ жить вдоль той границы, которую указала намъ природа въ Туркестанѣ? и во-вторыхъ, какія отношенія могутъ установиться между Россіею и тѣми государствами и народами, которымъ естественнѣе всего оставаться внѣ прямой власти Россіи и Англіи? На первый вопросъ проще всего отвѣчать указаніемъ на орогидрографическую карту Турана и его окраинъ; она убѣдитъ насъ, что физическая географія, согласно съ этнографіею, прямо указываетъ, что Россія должна подчинить себѣ всѣхъ туркменъ, узбековъ и таджиковъ, живущихъ въ аралокаспійской низменности, и что затѣмъ сосѣдями ея могутъ быть персіяне, курды, джемшиды, фирузкухи, монголы, хуарейцы, афганы и читральцы, изъ которыхъ большинство суть мелкіе горные народцы, а два главные народа, персіяне и афганы, всегда могутъ и должны быть сдѣланы „младшими братьями“ Россіи, дружба съ которою прямо требуется ихъ собственными интересами и вліяніе которой естественно будетъ направлено къ поддержанію каждымъ изъ нихъ національной самостоятельности. На второй вопросъ, кажется, ничего болѣе нельзя сказать, что афгане, персіяне и белуджи останутся надолго промежуточными между русскими владѣніями въ Туранѣ и англійскими въ Индіи. Даже больше, ежели бы англо-индійская имперія, эфемерная въ своихъ основахъ,—ибо не могутъ же 70,000 англичанъ, да еще

перемѣннаго состава, вѣчно оставаться повелителями страны съ населеніемъ въ 240 милліоновъ, — наконецъ пала, то нѣтъ для Россіи никакого интереса нарушать цѣлость и независимость двухъ средней величины государствъ, которыя будутъ прилегать къ ней съ юга. Всякія завоеванія въ этомъ направленіи внесли бы новую этнографическую рознь въ населеніи, подвластномъ русскому скипетру, а чего стоитъ стираніе подобной розни, мы знаемъ по примѣру Кавказа и Туркестана. Этотъ же принципъ долженъ быть примѣненъ и на нашихъ рубежахъ съ Джитышаромъ, гдѣ впрочемъ для насъ всего лучше имѣть сосѣдями китайцевъ, которые могли бы удерживать въ покоѣ мѣстное мусульманское населеніе, не имѣя возможности стать слишкомъ могущественными и слѣдовательно опасными для Россіи.

Май, 1877.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

А. А. ГОЛОВАЧОВА.

ИСТОРІЯ ПОСТРОЙКИ ДОРОГЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1]).

Мы остановились въ изложеніи исторіи постройки желѣзныхъ дорогъ на концѣ 1867 года, такъ какъ съ 1868 года это дѣло вступаетъ въ новый фазисъ, вслѣдствіе того, что система постройки дорогъ въ теченіи этого года совершенно измѣняется. До сихъ поръ правительство искало благонадежныхъ строителей и ему приходилось соглашаться большею частію на весьма невыгодныя условія. Съ 1867 года успѣхъ эксплуатаціи Рязанской и Рязанско-Козловской дорогъ и громадныя выгоды, полученныя первыми строителями дорогъ, привлекаютъ къ этому дѣлу очень многихъ и правительству становится возможнымъ выбирать между конкурентами. Предложенія о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ являются съ разныхъ сторонъ и правительство принуждено отсрочивать утвержденіе проектовъ, чтобъ не наводнить рынковъ желѣзнодорожными бумагами, не уронить окончательно ихъ цѣну и тѣмъ не затруднить реализацію капитала для дорогъ уже разрѣшенныхъ. Въ теченіи 1867 года не только частныя лица и товарищества осаждаютъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ своими просьбами, но и многіе земскіе дѣятели, по примѣрамъ

---

[1]) Статья первая помѣщена въ IV т. Сборника Гос. Зн.

Воронежскаго и Орловскаго земствъ, агитируютъ вопросы о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ ихъ мѣстности и стараются всѣми возможными и невозможными способами обратить вниманіе правительственныхъ лицъ на важность и значеніе тѣхъ линій, постройки которыхъ они добиваются. Харьковское, Елецкое, Ефремовское, Тамбовское, Козловское, Кирсановское, Борисоглѣбское, Саратовское земскія собранія устраиваютъ комитеты и посылаютъ своихъ уполномоченныхъ хлопотать о разрѣшеніи постройки дорогъ. Записки объ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ мѣстностей посылались въ разныя министерства и конечно было бы весьма любопытно сдѣлать сводъ изъ подобныхъ описаній, если не въ видахъ изученія Россіи, то въ видахъ характеристики того общества, къ которому принадлежали соискатели. Если вѣрить показаніямъ авторовъ этихъ сочиненій, то въ распоряженіи ихъ была цѣлая масса вполнѣ достовѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній не только собранныхъ, но и правильно разработанныхъ. На основаніи этихъ свѣдѣній дѣлались такіе смѣлые выводы и предположенія, наивность которыхъ бросается въ глаза. Но болѣе всего поражаетъ въ этихъ выводахъ то, что они дѣлаются на основаніи тѣхъ условій, которыя предполагаются существующими. Если даже допустить безусловную вѣрность этихъ условій для данной минуты, то и тогда нельзя заключать о вѣрности сдѣланныхъ выводовъ для будущаго времени, такъ какъ подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ всѣ эти условія должны измѣниться: съ проведеніемъ ихъ, торговля получаетъ совершенно другой характеръ и идетъ совершенно другими путями; одни производства, представлявшіяся въ данной мѣстности совершенно необходимыми, со времени открытія новыхъ путей изчезаютъ, другія создаются вновь; образуются новые торговые и промышленные центры, о которыхъ прежде никто не могъ и думать, между тѣмъ какъ прежніе теряютъ свое значеніе. Примѣровъ подобнаго рода въ исторіи промышленнаго развитія Европы множество. Чтобы не ходить далеко, возьмемъ въ примѣръ нижегородскую ярмарку. Значеніе ея видимо падаетъ, не смотря на то, что развитіе общей промышленной дѣятельности въ Россіи должно бы вести къ увеличенію ея значенія. Такое явленіе есть слѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, которыя даютъ возможность получать товары во всякое время съ фабрикъ и заводовъ непосредственно, не ожидая прибытія ихъ на ярмарку. Мы замѣчаемъ это явленіе даже въ то время, когда сѣть желѣзныхъ дорогъ развилась только въ одну

сторону отъ Нижняго-Новгорода, что же будетъ тогда, когда она разовьется и въ другую сторону, въ заволжской части Россіи, и дойдетъ до Урала и далѣе? Мы твердо убѣждены, что тогда значеніе нижегородской ярмарки вовсе изчезнетъ и Нижній Новгородъ будетъ не болѣе какъ пристань при сліяніи такихъ рѣкъ, какъ Ока и Волга.

Вотъ почему мы считаемъ весьма наивнымъ воззрѣніе, что желѣзныя дороги должны строиться по направленію тѣхъ путей, которые пробиты существующимъ направленіемъ торговли. Напротивъ, мы убѣждены въ томъ, что при обсужденіи направленія линій слѣдуетъ избирать лишь конечные, наиболѣе отдаленные пункты, которые было бы желательно соединить между собою; затѣмъ прямая линія между этими пунктами укажетъ главныя точки, чрезъ которыя рельсовый путь долженъ проходить; что же касается дальнѣйшихъ подробностей направленія, то онѣ должны опредѣляться естественными условіями мѣстности, уклоняясь отъ прямолинейнаго направленія по возможности менѣе. Всѣ другіе интересы, которые могутъ быть затронуты проведеніемъ желѣзнаго пути, должны быть удовлетворяемы развѣтвленіемъ главнаго магистральнаго пути и ни въ какомъ случаѣ не должны нарушать главныхъ и общихъ интересовъ торговли, состоящихъ въ наибольшей дешевизнѣ перевозки между двумя крайними пунктами.

На основаніи этихъ соображеній весьма курьезнымъ представляются ходатайства различныхъ соискателей о томъ, чтобы желѣзная дорога коснулась того или другаго пункта, въ видахъ его мѣстнаго торговаго или промышленнаго значенія, а въ особенности курьезны въ этомъ отношеніи ходатайства представителей земскихъ учрежденій. Въ качествѣ офиціальныхъ представителей и защитниковъ мѣстныхъ интересовъ, они высказываются съ особенной увѣренностію въ непогрѣшимости представляемыхъ ими соображеній. Все это весьма понятно и конечно нельзя удивляться, что мѣстная интелигенція сочувственно относилась къ устройству рельсовыхъ путей, въ мѣстахъ ихъ жительства: значеніе желѣзныхъ дорогъ въ то время уже не подлежало сомнѣнію и убѣдить гласныхъ въ пользѣ подобныхъ предпріятій было не трудно. Но нельзя отвергать, что во всемъ этомъ было очень много преувеличеннаго, что во всѣхъ этихъ ходатайствахъ личный интересъ представителей игралъ гораздо болѣе важную роль, нежели интересъ той мѣстности, которую они собой представляли. Нельзя

отрицать и того, что позади официальныхъ ходатаевъ отъ имени земствъ стояли другія лица, которыя въ дѣйствительности были душой подобныхъ ходатайствъ и сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ нити задуманной интриги; официальные же ходатаи были только послушными орудіями въ ихъ рукахъ, говорившими только то, чего желали ихъ руководители.

Все это при тѣхъ барышахъ, которые сулила постройка желѣзной дороги, очень понятно, но не понятно то, что все это нисколько не замѣчалось въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и ходатайство земскихъ дѣятелей принималось за что-то серьезное, тѣсно связанное съ интересами мѣстнаго населенія. Казалось бы, что усердіе и настойчивость, съ которыми дѣйствовали на этомъ пути нѣкоторые земскіе дѣятели, выходя, такимъ образомъ изъ рамки болѣе чѣмъ скромныхъ предѣловъ своихъ обязанностей, — эта особенная заботливость объ интересахъ именно этого рода въ сравненіи съ другими, прямо опредѣленными въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, должна бы обратить вниманіе правительственныхъ органовъ на вопросъ: не скрываются ли подъ этой исключительной заботливостію мотивы особаго свойства? Повидимому, довольно было поставить этотъ вопросъ, чтобъ утвердительный отвѣтъ напрашивался самъ собою, такъ что нужно было особое, такъ сказать официальное отношеніе къ дѣлу, чтобъ не замѣтить тѣхъ живыхъ нитокъ, которыми бывала сшита вся интрига.

Какъ бы то ни было, но этихъ нитокъ въ то время никто не замѣчалъ. Земскіе дѣятели отъ имени собраній получали концессіи и представляли такимъ образомъ благонадежныя руки, которымъ на основаніи вердиктовъ общества поручалось составленіе акціонерныхъ компаній. Между тѣмъ тотчасъ по полученіи концессіи, послѣднія переходили въ руки аферистовъ, которые стояли сзади и направляли дѣятельность уполномоченныхъ. Такимъ образомъ всѣ оставались довольны и только впослѣдствіи, когда благосостояніе нѣкоторыхъ лицъ, прежде не имѣвшихъ ничего или очень мало, оказалось вполнѣ обезпеченнымъ, всѣ убѣдились, что забота о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ края не осталась безъ послѣдствій для этихъ лицъ.

При участіи земскихъ учрежденій выстроены всѣ наши юго-восточныя дороги, идущія отъ Козлова, Орла и Курска, но прежде нежели мы будемъ говорить объ нихъ, мы хотимъ разсмотрѣть условія постройки двухъ дорогъ — Московско-Ярославской и Рыбинско-Бологовской. Разрѣшеніе на постройку первой изъ нихъ

до Сергіевскаго посада относится еще къ 1859 году; но мы не говорили объ ней прежде на томъ основаніи, что будучи устроена въ видахъ только пассажирскаго движенія, она не могла имѣть большаго экономическаго значенія, пока не была продолжена до Ярославля. Мы выдѣляемъ эти двѣ дороги на томъ основаніи, что условія ихъ постройки существенно отличаются отъ другихъ. Обѣ они принадлежатъ дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ акціонернымъ обществамъ и притомъ послѣдняя выстроена исключительно на одинъ акціонерный капиталъ. Только впослѣдствіи часть акцій, по соглашенію съ владѣльцами, ихъ обращена въ облигаціи съ уменьшеніемъ номинальной ихъ стоимости на одну треть.

Постройка Ярославской дороги начата сооруженіемъ участка до Сергіевскаго посада; для этого еще въ 1859 году образовалось акціонерное общество, съ капиталомъ въ 4.050,000 руб. посредствомъ выпуска 27000 акцій по 150 рублей каждая, безъ всякой гарантіи и субсидіи отъ правительства. Уставъ общества утвержденъ 29 мая 1859 года. Дальнѣйшее продолженіе дороги до Ярославля предоставлено усмотрѣнію или общества или правительства. Если такого продолженія потребуетъ правительство, то оно даетъ обществу гарантію чистаго дохода въ $4 \frac{1}{2}\%$, считая въ томъ числѣ и погашеніе капитала, употребленнаго на всю линію, но не свыше 680.000 руб. въ годъ. Акціи были разобраны и по нимъ состоялись уже первые взносы, но затѣмъ вѣра въ успѣхъ предпріятія очень быстро изчезла, хотя поводовъ къ тому не было никакихъ и 5166 акцій не были вполнѣ оплачены. Владѣльцы этихъ акцій рѣшились лучше потерять первоначальные взносы въ размѣрѣ 183,690 руб., чѣмъ рисковать окончательной оплатой акцій. Обстоятельство это ясно указываетъ, какъ мало было развито наше общество въ промышленномъ отношеніи: оно отказывалось отъ весьма солиднаго предпріятія, во главѣ котораго находились люди вполнѣ добросовѣстные, и отдавало свои капиталы въ руки аферистовъ на предпріятія, не имѣвшія никакихъ шансовъ успѣха. Стоитъ только вспомнить акціонерную горячку этого времени, чтобы убѣдиться въ справедливости нашего замѣчанія. Какъ бы то ни было, но общество Московско-троицкой дороги не было въ состояніи помѣстить вновь не оплаченныхъ акцій и вслѣдствіе этого оказалось въ дефицитѣ. Необходимо было прибѣгнуть къ займу у правительства для окончанія дороги. Заемъ этотъ былъ совер-

шенъ въ 1861 году въ размѣрѣ 588,525 руб. Такимъ образомъ общество имѣло слѣдующія средства:

1) Акціонерный капиталъ	за 21834 акціи	3275100 руб.
2) Выгоды отъ уничтоженія неоплаченныхъ акціонерами	„ 5166 акцій	183690 руб.
3) Ссуда отъ правительства		588525 руб.
		Итого 4047315 р. [1]

На 66 верстъ протяженія дороги сумма эта составляетъ 61323 руб. кредитныхъ на версту. Хотя эту цѣну и нельзя назвать дешевой при отсутствіи расходовъ на реализацію капитала, но въ этомъ случаѣ необходимо принять во вниманіе, во первыхъ, что по новизнѣ дѣла она строилась довольно продолжительное время, а именно 2 года и три мѣсяца, вслѣдствіе чего необходимо увеличились издержки на администрацію и на уплату процентовъ акціонерамъ за время постройки; во вторыхъ, что стоимость постройки Московскаго дебаркадера, при незначительной длинѣ дороги возвышаетъ ея стоимость; въ третьихъ, что отчужденіе земель обошлось чрезвычайно дорого, а именно около 473 рублей за десятину, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ оно обходится не болѣе 100 руб.; въ четвертыхъ, что техническія условія сооруженія, при чрезвычайно волнистой мѣстности, были не легки, а именно кривыя не допускались менѣе 500 саж., а продольные склоны болѣе 0,008 с.; въ пятыхъ, наконецъ что пріемы сооруженія въ то время еще не были выработаны на столько, какъ это было впослѣдствіи. Всѣ эти обстоятельства должны были повліять на возвышеніе стоимости этой дороги.

Въ 1867 г. правленіе общества обращалось къ Министру Путей Сообщенія съ просьбою объ утвержденіи устава, примѣненнаго ко всему протяженію дороги отъ Москвы до Ярославля, при чемъ ходатайствовало о гарантіи Правительства въ 5% на акціонерный капиталъ общества въ 3.275,100 руб., въ 6% на сумму состоящаго за обществомъ долга Правительству въ размѣрѣ 687375 руб. и $5\frac{1}{12}$% на облигаціонный капиталъ въ размѣрѣ 11,200.000 руб. металическихъ, предназначенный для постройки участка отъ

[1]) Въ уставѣ общества 7 Іюня 1868 года стоимость сооруженія Троицкаго участка принята въ 4.307,881 руб.; но это произошло потому что къ тому времени возросъ долгъ общества правительству по неплатежу процентовъ за ссуду, такъ какъ отчисляемыя на этотъ предметъ суммы употреблены съ разрѣшенія правительства на расходы по улучшенію дороги, не вошедшіе въ первоначальную смѣту.

Троицко-Сергіевскаго посада до Ярославля съ вѣтвью къ рѣкѣ Волгѣ. По разсмотрѣніи этого устава въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ уполномоченнымъ общества объявлено Высочайше утвержденное положеніе Комитета, состоявшее въ томъ, что опредѣлить срокъ выпуска облигацій Московско-Ярославской дороги и предоставить имъ гарантіи, въ виду необезпеченія строительными капиталами другихъ линій и преимущественно Курско-Азовской дороги, невозможно; но, признавая дорогу эту, заслуживающею полнаго вниманія и поощренія, комитетъ нашелъ совершенно справедливымъ перечислить ее изъ числа второстепенныхъ линій въ категорію первостепенныхъ, въ чемъ уполномоченнымъ общества выдано удостовѣреніе г. г. Министровъ: Путей Сообщенія и Финансовъ.— За тѣмъ въ началѣ Марта 1868 года, когда сооруженіе Харьково-Азовской линіи было обезпечено, уполномоченные общества представили вновь на усмотрѣніе Министра Путей Сообщенія проекты устава и техническихъ условій сооруженія на окончаніе линіи до Ярославля. Въ этихъ условіяхъ линію предположено было вести не на Переяславль, какъ проведено шоссе, а на Александровъ и хотя линія такимъ образомъ удлинялась между конечными пунктами на 14 верстъ, но за то она проходитъ по болѣе населенной мѣстности и удешевляется какъ постройка, такъ и эксплуатація дороги. Не отвергая возможности такого удешевленія, мы все таки должны замѣтить, что эта дешевизна могла принести пользу обществу, при вредѣ интересамъ торговли и промышленности, такъ какъ она вызываетъ постоянное увеличеніе провозной платы. На этомъ основаніи намъ бы казалось, что такія изъятія могутъ быть допускаемы только при невозможности вести дорогу по кратчайшему направленію.

По разсмотрѣніи устава и техническихъ условій въ министерствѣ Путей Сообщенія сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія: такъ въ уставъ включено обязательство общества принять четвертую часть потребныхъ для новой дороги паровозовъ и рельсовъ, заказанныхъ Правительствомъ въ Россіи; количество подвижнаго состава увеличено 4 паровозами; выемки менѣе 0,5 сажени предположено, по возможности, уничтожить; одну изъ станцій, расположенную на скатѣ, предположено устроить на площадкѣ въ 350 саженъ и замѣнить нѣкоторыя чугунныя трубы каменными. 4 Мая 1868 г. означенный проектъ былъ препровожденъ къ Министру Финансовъ, который увѣдомилъ Министра Путей Сообщенія, что уполномоченные общества, не надѣясь на утвержденіе

гарантіи на акціонерный капиталъ и имѣя въ виду вышеозначенныя измѣненія техническихъ условій, просили опредѣлить сумму облигаціоннаго капитала не въ 11,200,000 руб., а въ 12 мил. рублей. Съ своей стороны Министръ Финансовъ, соглашаясь на такое увеличеніе облигаціоннаго капитала, находилъ, что гарантія можетъ быть дана только на облигаціонный капиталъ, такъ какъ акціонерный уже образованъ и осуществленіе предпріятія зависитъ лишь отъ реализаціи облигаціоннаго капитала.

При окончательной редакціи устава облигаціонный капиталъ общества опредѣленъ въ 12 мил. руб., длина дороги въ 196 верстъ главнаго пути и въ 4 версты вѣтвь къ Волгѣ; количество подвижнаго состава въ 43 паровоза и 812 вагоновъ, что составляетъ одинъ паровозъ на 4,6 верстъ и слишкомъ по 4 вагона на версту дороги. Такое количество подвижнаго состава значительно превышаетъ опредѣленное на многихъ другихъ дорогахъ. По разсмотрѣніи устава въ Комитетѣ Министровъ, онъ былъ Высочайше утвержденъ 7 Іюня 1868 года.

Такимъ образомъ номинальная стоимость сооруженія участка отъ Ярославля до Троицкаго посада опредѣлилась въ 60,000 руб. съ версты. Если же изъ общей суммы исключить расходы на реализацію капитала, которые по расцѣночной вѣдомости показаны въ 26%, то дѣйствительная стоимость будетъ 44,400 р. съ версты. Принимая же въ соображеніе, что разница въ стоимости сооруженія желѣзныхъ дорогъ можетъ только состоять въ расходахъ на земляныя работы и искуственныя сооруженія, и что эти расходы напримѣръ на Сергіевско-Ярославскомъ участкѣ по разцѣночной вѣдомости опредѣлены въ 15318 руб. на версту и допуская эту разницу даже въ 50%, мы никакъ не можемъ себѣ объяснить какъ въ виду этого опыта могли утверждаться цѣны въ 80 и болѣе тысячь рублей за версту при меньшемъ количествѣ подвижнаго состава.

Образцовый порядокъ эксплуатаціи этой дороги съ перваго года открытія по ней движенія указываетъ прямо, что люди, взявшіеся за управленіе этимъ дѣломъ, вели его не только честно, но и съ положительнымъ умѣньемъ. Даже въ первый годъ открытія движенія, когда дорога работала только съ небольшимъ четыре мѣсяца, она дала уже чистый доходъ, составлявшій 36% общаго валоваго сбора, въ слѣдующемъ же 1863-мъ году, когда дорога работала круглый годъ, онъ составлялъ 55% валоваго сбора, хотя послѣдній не превышалъ 5570 руб. на версту. Эта

экономія въ расходахъ эксплуатаціи, не смотря на незначительную длину линіи служитъ порукою, что при сооруженіи участка до Ярославля, интересы акціонеровъ общества были соблюдены и что дѣйствительная стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, при одинаковыхъ съ Ярославской дорогой условіяхъ, не можетъ обойтись менѣе 44 т. рублей съ версты. Но такъ какъ при всѣхъ послѣдующихъ сооруженіяхъ допускались гораздо болѣе легкія техническія условія сооруженія, то слѣдовало бы ожидать, что послѣ этого примѣра стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ должна у насъ значительно понизиться, а между тѣмъ мы видимъ совершенно противное: она не только не понижается, но иногда возрастаетъ въ значительной степени. Замѣчательно, что стоимость сооруженія достигала особенно высокихъ цѣнъ въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка отдавалась по особымъ распоряженіямъ, т. е. когда дорога не входила въ предположенную сѣть, вслѣдствіе чего правительственныхъ изысканій вовсе не имѣлось въ виду, основаніемъ же для рѣшенія вопроса служили частныя изысканія, интересъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ указать трудности сооруженія и тѣмъ возвысить цифру стоимости постройки.

Перейдемъ къ изложенію исторіи сооруженія Рыбинской желѣзной дороги. Первое предположеніе объ этомъ сооруженіи относится еще къ 1857 году. Уполномоченныя рыбинскаго купечества: почетный гражданинъ Журавлевъ, рыбинскій 2-й гильдіи купецъ Щербаковъ, коллежскій совѣтникъ Новосельскій и отставной флота капитанъ 1-го ранга Глазенапъ просили разрѣшенія сдѣлать изысканія отъ города Рыбинска до ст. Вологое на Николаевской желѣзной дорогѣ и представить проектъ устава на образованіе акціонернаго общества и смѣты для сооруженія дороги. Вслѣдствіе даннаго на эту просьбу 27 апрѣля 1854 года Высочайшаго разрѣшенія, изысканія произведены въ 1857 и 1858 годахъ и учредители представили проектъ договора съ Николаевской дорогой о перевозкѣ по этой дорогѣ груженыхъ вагоновъ Рыбинской дороги до С.-Петербурга. Главное Управленіе Путей Сообщенія, по разсмотрѣніи этихъ условій, не могло согласиться съ предложеніями учредителей и выработало по этому предмету свои предложенія, которыхъ однакожъ не могли принять учредители, вслѣдствіе чего предложеніе о сооруженіи дороги не осуществилось.

Намъ памятны однакожъ ходившіе въ то время слухи о раз-

концесіи между учредителями и Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія. Въ обществѣ говорили, что Главное Управленіе, опасаясь въ то время принять на себя обязательство перевозить безусловно все количество грузовъ, которое можетъ доставить Рыбинско-Вологовская дорога, соглашалось принимать не болѣе пяти поѣздовъ въ сутки, но съ тѣмъ, чтобы Рыбинская дорога приняла на себя обязательство уплаты за эти пять поѣздовъ въ сутки во всякомъ случаѣ, будетъ ли отъ нея доставленъ грузъ для этихъ поѣздовъ или нѣтъ. Мотивомъ такого требованія выставлялось, то обстоятельство, что для перевозки этого груза даже въ вагонахъ Рыбинской дороги, управленіе Николаевской дороги должно имѣть особое количество паровозовъ съ прислугою и заготовить для нихъ топливо, что вызоветъ непроизводительную затрату, если Рыбинская дорога не будетъ въ состояніи доставлять опредѣленное количество грузовъ. Принимая въ соображеніе возможность подобной случайности, учредители общества предлагали платить проценты съ того капитала, который будетъ такимъ образомъ излишне затраченъ правительствомъ на заготовленіе какъ подвижнаго состава, такъ и топлива, за все то время, въ которое не будетъ доставляться полное число вагоновъ, но это условіе не было принято, а учредители не рѣшались взять на себя обязательство платить за пять поѣздовъ ежедневно, такъ какъ въ то время не предполагалось возможности движенія грузовъ къ Петербургу въ теченіи цѣлаго года.

Недавно кажется, а вѣрится съ трудомъ! Въ то время по Николаевской дорогѣ въ оба направленія перевозилось не болѣе 35 мил. пудовъ груза и дорога опасалась принять на себя обязательство перевозить еще $36^1/_2$ мил. пудовъ, а нынѣ она перевозитъ 140 мил. пудовъ и не остановится въ пріемкѣ еще большаго количества грузовъ. Замѣтимъ, что Николаевская дорога въ два пути, а Рыбинская предполагалась въ одинъ путь. Тогда не рѣшались принять въ сутки болѣе пяти поѣздовъ по 20 вагоновъ каждый; теперь же по конвенціи между Рыбинской и Николаевской дорогой послѣдняя принимаетъ отъ первой 400 вагоновъ въ сутки, независимо тѣхъ грузовъ, которые передаются ей въ Москвѣ со всѣхъ остальныхъ дорогъ, которыхъ въ то время не было.

Опасались даже сдѣлать затрату на излишнее количество паровозовъ, которые могли остаться нѣкоторое время безъ дѣла, и тѣмъ лишали Николаевскую дорогу возможности перевозить

покрайней мѣрѣ 36 мил. пудовъ грузовъ въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ на разстояніи 300 верстъ. Если принять въ соображеніе даже теперешнюю плату по 6 коп. съ пуда, то это представляетъ ежегодный недочетъ валоваго дохода въ 2,160,000 рублей, при единовременной затратѣ въ 600,000 руб. на лишнее количество паровозовъ; если же принять тогдашнюю плату въ $7^{1}/_{2}$ коп. съ пуда, то ежегодный недоборъ будетъ въ 2,700,000 а въ 10 лѣтъ 27 мил. рублей. Мудрено ли, что Николаевская дорога такъ долго оставалась бездоходною?

Всѣ эти соображенія могутъ показаться весьма наивными и тѣмъ болѣе поразительными, что въ то время вопросъ о значеніи желѣзныхъ дорогъ уже началъ разъясняться и въ уставъ главнаго общества, который былъ утвержденъ, годомъ ранѣе вошло условіе, что дороги должны имѣть достаточное количество подвижнаго состава, удовлетворяющее потребностямъ движенія. Какимъ же образомъ возможно согласить это требованіе отъ частнаго общества, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительственная дорога, устроенная въ два пути, отказывалась удовлетворять вновь открывающейся потребности движенія? Позволимъ себѣ здѣсь только одно замѣчаніе. Мы удивляемся той недальновидности гг. учредителей, которую они при этомъ выказали. Намъ кажется, что имъ бы слѣдовало согласиться на всѣ предложенныя условія. Практика навѣрное указала бы главному управленію ту выгоду, которая возникала для Николаевской дороги вслѣдствіе увеличенія на ней движенія и такимъ образомъ заставила бы измѣнить первоначальныя условія. Еслибъ даже Рыбинская дорога и не могла доставлять ежедневно пяти поѣздовъ, то главное управленіе, хотя бы и имѣло *юридическое право* требовать уплаты за нихъ денегъ, какъ намъ кажется, никогда бы не могло возбудить подобнаго требованія, въ особенности въ томъ случаѣ, еслибъ оно стѣснило общество. Мы позволяемъ себѣ такъ думать на томъ основаніи, что для требованій Правительства кромѣ юридическихъ основаній нужно еще и нравственное убѣжденіе въ справедливости требованій.

Затѣмъ проходитъ 9 лѣтъ и вопросъ объ устройствѣ желѣзной дороги остается безъ движенія. Наконецъ въ мартѣ 1867 года генералъ-маіоръ Гейротъ, Генеральнаго Штаба капитанъ Петровъ и статскій совѣтникъ Штукенбергъ представили примѣрную разцѣнку и проектъ уступочнаго договора на построеніе дороги отъ Рыбинска до Петербурга и просили разрѣшить во-

просъ какому направленію будетъ отдано предпочтеніе: прямому соединенію Рыбинска съ Петербургомъ или же съ Бологовской станціей Николаевской дороги, какъ ходатайствовало Рыбинское купечество въ 1857 году. При сравненіи этихъ двухъ направленій оказалось, что по изысканіямъ 1857 года протяженіе дороги опредѣлено въ 278 верстъ, а количество потребнаго капитала изчислено 18 мил. рублей, т. е. по 65 т. съ версты. Направленіе же пути прямо на Петербургъ имѣетъ протяженіе 525 верстъ, а необходимый капиталъ для сооруженія составляетъ 39,375,000 руб., т. е. по 75 т. рублей за версту. Согласно Высочайшему повелѣнію 20 апрѣля 1867 года, ходатайство это внесено на разсмотрѣніе комитета желѣзныхъ дорогъ.

По разсмотрѣніи этого предложенія учредителей, комитетъ желѣзныхъ дорогъ призналъ, что соединеніе Рыбинска съ Петербургомъ желѣзной дорогой заслуживаетъ поощренія Правительства, что для осуществленія сего предпріятія можетъ быть дарована правительственная гарантія послѣ обезпеченія дорогъ первой категоріи, уже строющихся или разрѣшенныхъ и что изъ предложенныхъ направленій слѣдуетъ отдать предпочтеніе направленію на Бологовскую или другую ближайшую станцію Николаевской желѣзной дороги, такъ какъ здѣсь нужно построить всего 278 верстъ, тогда какъ по прямому направленію къ Петербургу 525 верстъ, а необходимый капиталъ по первому направленію не превышаетъ 20 милліоновъ, тогда какъ по второму требуется 39 милліоновъ, а между тѣмъ путь къ Петербургу сокращается только на 48 верстъ. На этомъ основаніи комитетъ положилъ объявить просителямъ, что если они желаютъ строить дорогу прямо къ Петербургу безъ гарантіи правительства, то имъ можетъ быть дозволено сдѣлать на ихъ собственный счетъ изысканія для опредѣленія на положительныхъ данныхъ стоимости сооруженія и потребнаго для сего капитала. Означенное постановленіе комитета было Высочайше утверждено 7 іюня 1867 года.

Вслѣдъ за симъ въ Министерство Путей Сообщенія поступило нѣсколько предложеній:

1) Генералъ-лейтенанта Озерскаго и К° для устройства дороги отъ Рыбинска до Твери на протяженіи 216 верстъ. Капиталъ исчисленъ былъ въ 15,142,205 руб. кредитныхъ, что составляетъ около 70 т. за версту; капиталъ этотъ предполагалось образовать выпускомъ $^1/_3$ акцій и $^2/_3$ облигацій. Для скорѣйшаго осуществленія предпріятія испрашивалась отъ Прави-

тельства ссуда въ 1 мил. руб. подъ залогъ гарантированныхъ Правительствомъ бумагъ и пріобрѣтеніе имъ акцій на сумму въ 5 мил. руб. съ платежемъ по 80% за 100, т. е. на 4 мил. руб. Подвижной составъ исчисленъ въ 43 паровоза 30 пассажирскихъ и 750 товарныхъ вагоновъ.

2) Почетнаго гражданина Городова, который взялъ на себя ходатайство отъ учредителей общества, состоявшагося еще въ 1857 году, контръ-адмирала Глазенапа и другихъ. Капиталъ общества на устройство дороги отъ Рыбинска до Балагое длиною въ 278 верстъ опредѣлялся въ 19,223,700 мет. рублей, считая по 69,150 руб. на версту. Капиталъ этотъ предполагалось образовать выпускомъ на 14,873,000 облигацій и на 4,350,700 акцій, при чемъ гарантія Правительства въ 5% и 1/12% погашенія испрашивалась на одинъ облигаціонный капиталъ. Окончить работы предположено было въ 3 года; количество же подвижнаго состава назначалось 45 паровозовъ, 100 вагоновъ пассажирскихъ и 900 товарныхъ. Впослѣдствіи (27 іюня) Городовъ изъявилъ готовность принять сооруженіе дороги безъ гарантіи Правительства, но съ тѣмъ, чтобы Правительство оставило за собою акцій на нарицательную сумму въ 6,250,000 руб. по 80% за 100, т. е. на 5,000,000 руб. При этомъ онъ соглашался вести дорогу и на станцію Осѣченку, если такому направленію будетъ дано предпочтеніе, по расчету 69,150 руб. за версту.

3) Генералъ-лейтенанта Гейрота 9 января 1868 года на устройство дороги отъ Петербурга къ мѣстечку Любецъ близь Череповца на разстояніи 415 верстъ. Нарицательный капиталъ общества опредѣлялся въ 34,757,500, т. е. по 83,705 руб. мет. за версту, но при этомъ количество подвижнаго состава опредѣлялось въ 70 паровозовъ 29 пассажирскихъ и 2,000 товарныхъ вагоновъ.

4) Полковника Кирѣева и К° отъ 20 апрѣля 1868 года на сооруженіе дороги отъ Рыбинска до Осѣченской станціи Николаевской желѣзной дороги, при длинѣ ея въ 240 верстъ. Капиталъ общества опредѣленъ въ 16,560,000 руб. или по 69,000 руб. за версту. Подвижной составъ предположено имѣть въ 42 паровоза 22 вагона пассажирскихъ и 1000 вагоновъ товарныхъ. Гарантія Правительства не требовалась, но вмѣсто нея испрашивалась ссуда Правительства подъ надлежащіе залоги въ 1,250,000 руб. и взятіе правительствомъ акцій на 5,000,000

руб. по 80% за сто. Время окончанія работъ опредѣлялось въ $2^1/_2$ года.

Изъ всѣхъ означенныхъ предложеній министръ Путей Сообщенія находилъ болѣе выгоднымъ предложеніе г. Кирѣева. Предложеніе г. Озерскаго не могло быть принято на томъ основаніи, что направленіе, имъ указанное, шло слишкомъ близко къ Ярославской дорогѣ, почти паралельно водяному пути отъ Твери къ Рыбинску и вмѣстѣ съ симъ удлинняляся путь къ Петербургу противъ Осѣченскаго на 75 верстъ. Ходатайство г. Гейрота не могло быть удовлетворено на томъ основаніи, что учредители испрашивали гарантію Правительства на капиталъ болѣе 34 мил. рублей и при протяженіи дороги въ 415 верстъ, она всетаки не доходила бы до Рыбинска, отъ котораго до мѣстечка Любецъ товары должны были бы идти водою на протяженіи 173 верстъ. Что же касается предложенія Городова, то оно найдено менѣе выгоднымъ на томъ основаніи, что капиталъ имъ исчисленный превышаетъ стоимость сооруженія предложенную г. Кирѣевымъ на 36 т. рублей и кромѣ того онъ требовалъ участія Правительства въ предпріятіи на мил. руб. болѣе чѣмъ г. Кирѣевъ. Ходатайство же послѣдняго о выдачѣ аванса подъ надлежащіе залоги, по мнѣнію министра Путей Сообщенія, не представляло такого риска для Правительства какъ взятіе акцій, которыя могутъ понизиться въ цѣнѣ. Соображенія эти были представлены 27 іюня 1868 года на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. 2 іюля Комитетъ Министровъ опредѣлилъ открыть состязаніе между полковникомъ Кирѣевымъ и почетнымъ гражданиномъ Городовымъ посредствомъ приглашенія ихъ представить окончательныя ихъ условія въ запечатанныхъ конвертахъ съ тѣмъ, чтобы поверстная стоимость была не болѣе 69,000 руб. и чтобы никакого аванса отъ Правительства не было назначаемо, а представлены были бы только соображенія на какую сумму правительство должно взять акцій. При вскрытіи 6 іюля въ присутствіи соискателей доставленныхъ ими конвертовъ, оказалось, что г. Городовъ просилъ участія Правительства въ акціяхъ на 3,000,000 руб. съ уплатою за нихъ по 80% за 100, уполномоченный же полковника Кирѣева заявлялъ, что довѣритель его находилъ возможнымъ принять сооруженіе дороги безъ всякаго содѣйствія Правительства. Вслѣдствіе сего 12 іюля 1867 года концессія Высочайше утверждена за полковникомъ Кирѣевымъ.

Изъ всего вышеизложеннаго хода означеннаго дѣла читатель

можетъ ясно видѣть, что главное вниманіе Правительства было обращено на то, чтобъ соединеніе Рыбинска съ Петербургомъ состоялось при наименѣе возможномъ пособіи со стороны Правительства. Такое заключеніе мы позволяемъ себѣ сдѣлать, во первыхъ, на томъ основаніи, что по постановленію комитета желѣзныхъ дорогъ 7 іюня 1867 года объявлено товариществу Гейротъ и К°, что дорога можетъ быть построена и прямо къ Петербургу, если учредители не будутъ требовать гарантій правительства; во вторыхъ, при самомъ разсмотрѣніи всѣхъ предложеній правильность оцѣнки стоимости сооруженія повидимому вовсе не была предметомъ обсужденія, такъ какъ данныхъ для этого, за отсутствіемъ мѣстныхъ правительственныхъ изысканій, не было никакихъ. Въ основаніе оцѣнки просто была принята низшая цѣна, предъявленная полковникомъ Кирѣевымъ, но на сколько эта цѣна соотвѣтствовала условіямъ мѣстности и существовавшимъ цѣнамъ на работы, матеріалы и принадлежности дороги, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Точно также не подвергался обсужденію вопросъ объ экономическомъ значеніи линіи, соединяющей такой важный торговый пунктъ какъ Рыбинскъ со столичнымъ и портовымъ городомъ Петербургомъ и о значеніи этой линіи въ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, подлежащихъ сооруженію въ Россіи. А между тѣмъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, какъ намъ кажется, было не только не лишнее, но положительно необходимо.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что для Правительства не можетъ быть безразлично какая сумма тратится на сооруженіе желѣзной дороги, такъ какъ эта трата дѣлается изъ общихъ оборотныхъ средствъ страны и если удовлетвореніе извѣстной общественной потребности можетъ обойтись дешевле, то въ странѣ остаются средства для удовлетворенія другихъ не менѣе важныхъ потребностей. На этомъ основаніи, хотя сооруженіе Рыбинской дороги и не вызывало прямыхъ и непосредственныхъ пожертвованій со стороны Правительства, но для русскаго общества далеко не можетъ быть безразлично дѣйствительно ли нуженъ на сооруженіе ея опредѣленный по концессіи капиталъ или часть его разошлась по карманамъ учредителей, банкировъ и строителей. Намъ могутъ возразить, что учредители и строители этой дороги оказались несостоятельными и что стало быть опредѣленный капиталъ былъ недостаточенъ; но мы на это замѣтимъ, что несостоятельность въ данномъ случаѣ могла зависѣть или отъ неправильной реализаціи

капитала, или отъ нерасчетливыхъ тратъ, которыя всѣ эти господа позволяли себѣ, какъ скоро получили право выпускать бумаги, а вовсе не отъ недостаточной цифры назначеннаго капитала. Что этого капитала напротивъ было слишкомъ достаточно, то мы можемъ доказать это цифрами.

Шуйско-Ивановская дорога не за долго передъ тѣмъ отдана была за поверстную стоимость 56,616 руб. и обществу Варшавско Вѣнской дороги поверстная стоимость дороги обошлась въ 36,626 руб. кредитныхъ; слѣдовательно капиталъ въ 69,000 р. металлическихъ, представляющій собою болѣе 80,000 руб. кредитныхъ, превышаетъ болѣе чѣмъ вдвое сумму стоимости Варшавско-Вѣнской дороги. Намъ могутъ возразить, что акціи Рыбинской дороги не гарантированы правительствомъ и потому реализація ихъ должна была повлечь за собою большія потери. Вотъ здѣсь то, какъ намъ кажется и сдѣлана была серьезная ошибка. Такой путь, какъ дорога между Рыбинскимъ и Петербургомъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставаться бездоходнымъ и, если гарантія правительства давалась такимъ дорогамъ, какъ Елецко-Грязская или Шуйско-Ивановская, то тѣмъ болѣе она могла быть дана Рыбинской дорогѣ на томъ простомъ основаніи что здѣсь она была бы только номинальной. Но дѣло въ томъ что гарантія въ этомъ случаѣ отнимала бы поводъ возвышать номинальную стоимость дороги и оправдывать это возвышеніе дороговизною реализаціи капитала. Кромѣ того, отсутствіе правительственной гарантіи предоставляло учредителю полную свободу въ выпускѣ бумагъ и освобождало его отъ всякаго правительственнаго контроля въ дѣйствительномъ сборѣ и правильномъ употребленіи капитала. Банкиры, снабдившіе учредителя общества средствами для сооруженія, могли взять и вѣроятно взяли эти акціи за половинную цѣну, такъ что опредѣленный капиталъ общества, по уставу представляется цифрой совершенно фиктивной. Эта фиктивность капитала прямо выразилась въ паденіи цѣны акцій, которая разомъ упала до 55 руб. кредитныхъ за 100 металлическихъ. Эта огромная разница номинальной и дѣйствительной цѣны акцій вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что дорога должна приносить доходъ, сдѣлали изъ этихъ акцій любимую игровую бумагу здѣшней биржи. Цѣны на нихъ колебались постоянно и унесли не мало состояній, погибшихъ въ этой игрѣ. Только въ послѣднее время доходность дороги установила на нихъ болѣе постоянную цѣну. Все это зло и возможность боль-

шей наживы впослѣдствіи явились только потому, что при выдачѣ концессіи не обращено было серьезнаго вниманія на дѣйствительную стоимость предпріятія, а также на экономическое значеніе дороги. Возможность сооруженія дороги безъ содѣйствія правительства увлекло высшія сферы до такой степени, что двойная сумма стоимости предпріятія вовсе не обратила на себя вниманія и такимъ образомъ былъ допущенъ безконтрольный выпускъ бумагъ. Кто не помнитъ тѣхъ безпорядковъ, которые произошли вслѣдствіе этого на первыхъ общихъ собраніяхъ акціонеровъ и тѣхъ обвиненій, которыя возникли противъ учредителей и строителей? Всѣмъ памятно также и то печальное положеніе общества, въ которомъ оно очутилось вслѣдствіе несостоятельности строителей: при громадной цифрѣ номинальнаго капитала оно не имѣло средствъ на снабженіе дороги опредѣленнымъ количествомъ подвижнаго состава и на расплату съ контрагентами, такъ, что имущество дороги было арестовано. Всѣ эти печальныя событія были слѣдствіемъ той свободы дѣйствій, которая предоставлена была учредителю по концессіи, въ которой не установленъ былъ вовсе порядокъ выпуска акцій, а существующія правила въ общемъ законодательствѣ признавались неудобными и стѣснительными для желѣзнодорожныхъ обществъ.

Обращаясь затѣмъ къ общему значенію этой линіи въ системѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мы видимъ также, что вопросъ этотъ не обратилъ на себя вниманія. Все значеніе этой дороги сводилось только къ передвиженію грузовъ изъ Рыбинска въ Петербургъ, а такъ какъ соединеніе перваго съ Николаевской дорогой вполнѣ достигало этой цѣли, то затѣмъ наиболѣе удобнымъ казалось направленіе, требующее меньшихъ затратъ. Въ этомъ взглядѣ выразился общій характеръ нашей административной практики, которая, увлекаясь подробностями отдѣльнаго вопроса, страдаетъ недостаткомъ обобщеній. Отношеніе Рыбинска къ Петербургу поглотило повидимому все вниманіе, какъ будто огромная полоса Россіи, лежащая къ сѣверу отъ Волги вовсе не существуетъ и никогда не будетъ нуждаться въ желѣзныхъ дорогахъ. Еслибъ вопросъ этотъ представился въ то время, то простой взглядъ на карту указалъ бы, что оставить этотъ обширный край безъ искусственныхъ путей сообщенія не возможно и что здѣсь со временемъ должна развиться цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, что линія, соединяющая Рыбинскъ и Петербургъ, должна войти въ составъ этой сѣти, и что направленіе ея не можетъ

быть обсуждаемо отдѣльно отъ другихъ дорогъ, предстоящихъ къ сооруженію въ этой полосѣ Россіи. Если бы вопросъ этотъ былъ поставленъ такимъ образомъ, тогда предложеніе г. Гейрота получило бы совершенно иной характеръ, такъ какъ кромѣ соединенія Петербурга съ Рыбинскомъ три четверти этой линіи могли бы служить началомъ большой сѣверной магистральной линіи, соединяющей Петербургъ съ Пермью и проходящей черезъ Череповецъ, Вологду и Вятку. Необходимость этой линіи внѣ всякаго сомнѣнія и оставлять нашъ сѣверъ безъ желѣзныхъ дорогъ, тогда, какъ внутренняя и южная части Россіи изрѣзаны ими, значитъ затруднять положеніе сѣвернаго плательщика налоговъ, для котораго конкуренція на общемъ русскомъ рынкѣ съ жителями другихъ мѣстностей, пользующихся удобствомъ сообщеній становится невозможной, а между тѣмъ онъ несетъ тѣ же повинности и интересы его заслуживаютъ, если не большаго, то конечно не меньшаго вниманія. Впрочемъ, ставить такъ широко какой бы то ни было вопросъ въ нашей административной практикѣ вовсе было не обычно и вслѣдствіе этого постройка Рыбинско-Осѣченской дороги была рѣшена.

Вскорѣ однакожь учредители убѣдились въ большемъ удобствѣ направленія линіи на станцію Вологое, и тѣмъ скорѣе, что количество верстъ протяженія дороги увеличивалось, а слѣдовательно увеличивались и барыши учредителей. Уставъ общества съ измѣненіемъ направленія линіи утвержденъ 29 января 1869 года и этимъ уставомъ капиталъ общества опредѣленъ въ 19.320,000 металлическихъ рублей, а количество подвижнаго состава назначено въ 50 паровозовъ 26 вагоновъ пассажирскихъ и 1167 товарныхъ; длина же линіи въ 280 верстъ.

Постройка дороги сдана была оптовымъ подрядчикамъ братьямъ Левестамъ, которые распорядились такъ, что громадной цифры складочнаго капитала оказалось недостаточно; строители вошли въ несостоятельность и не только не могли снабдить дорогу всѣмъ опредѣленнымъ по концессіи подвижнымъ составомъ, но даже не были въ состояніи расплатиться съ рабочими и поставщиками. По всей вѣроятности такія послѣдствія вызваны крайне низкой цѣной реализаціи акцій.

4 іюня 1870 года по освидѣтельствованіи дороги движеніе было открыто, но съ тѣмъ условіямъ, чтобы по временному Волжскому мосту передавались бы только товарные и пассажир-

скія вагоны, движеніе же самыхъ паровозовъ по этому мосту не дозволялось. Постоянный же мостъ черезъ Волгу открытъ для движенія только въ концѣ 1871 года.

Между тѣмъ вслѣдствіе недоставленнаго подрядчиками подвижнаго состава въ количествѣ 17 паровозовъ и 394 вагоновъ товарныхъ, а также вслѣдствіе оставленныхъ ими недодѣлокъ, капиталъ общества оказался недостаточнымъ и оно вошло съ ходатайствомъ къ Правительству о ссудѣ въ 3.000,000 руб. 26 іюня 1870 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе обществу выпустить 5% облигаціи, не гарантированныя правительствомъ, на сумму 3,000,000 металлическихъ рублей. Облигаціи эти были реализованы Обществомъ по курсу $78^3/_8$%, что доставило обществу 2.596,208 руб. 50 коп. На эти средства пріобрѣтено было 20 паровозовъ, 24 пассажирскихъ вагона и 833 товарныхъ, остатокъ же употребленъ на устройство полустанцій и пристани на Волгѣ.

Хотя такимъ образомъ общество имѣло уже подвижнаго состава болѣе, чѣмъ было опредѣлено по уставу 1869 года, но впослѣдствіи оказалось его недостаточно, по количеству возникшаго движенія грузовъ. Вслѣдствіе этого общество составило смѣту на пріобрѣтеніе новыхъ 24 паровозовъ, 1,200 вагоновъ и ходатайствовало передъ правительствомъ о ссудѣ 2.000,000 рублей подъ залогъ облигацій общества 2.500,000 металлическихъ рублей. 30 марта 1872 года такое ходатайство общества Высочайше разрѣшено было удовлетворить. Между тѣмъ до полученія разрѣшенія на эту ссуду въ обществѣ возникъ вопросъ о сокращеніи акціонернаго капитала путемъ выпуска облигацій общества для выкупа 68,200 акцій. Того же 30 марта 1872 года общее собраніе акціонеровъ положило ходатайствовать передъ Правительствомъ о разрѣшеніи выпуска 5% облигацій на сумму 7.500,000 руб. металлическихъ съ тѣмъ, чтобы по реализаціи этихъ облигацій по курсу 78% за сто, употребить эту сумму: a) на возвратъ правительству ссуды въ 2.000,000 рублей, о которой передъ тѣмъ ходатайствовало общество; b) на выкупъ 68,200 акцій съ уплатой владѣльцамъ ихъ заявившимъ на то согласіе по 66 руб. за акцію въ 100 р. и c) остатокъ употребить на образованіе оборотнаго капитала.

Въ счетъ ссуды, разрѣшенной 30 марта 1870 года, правленіе пріобрѣло 24 паровоза и 1300 вагоновъ товарныхъ, т. е. на 100 вагоновъ болѣе, чѣмъ предположено было смѣтою.

2 іюня 1872 года было Высочайше разрѣшено обществу на исчисленныя потребности выпустить на 7.500,000 руб. металлическихъ пяти процентныхъ облигацій, не гарантированныхъ правительствомъ.

Такимъ образомъ капиталъ общества состоитъ:

а) изъ 12.500,000 акціонернаго капитала, раздѣленнаго на 12,500 акцій, по 100 руб. каждая.

b) изъ облигацій перваго выпуска, разрѣшеннаго 26 іюня 1870 года на 3.000,000 руб. металлическихъ;

и c) изъ облигацій 2-го выпуска, разрѣшеннаго 2 іюня 1872 года — на 7.500,000 руб. мет., всего изъ 23.000,000 руб., что составитъ по 82,142 руб. металлическихъ на версту. — Хотя дорога и снабжена такимъ образомъ значительнымъ количествомъ подвижнаго состава, но все же поверстная стоимость дороги представляется баснословною и только этимъ обстоятельствомъ объясняется дешевизна биржеваго курса акцій, которыя до послѣдняго времени стояли ниже номинальной ихъ цѣны, не смотря на приносимый дивидентъ въ $8^1/_2\%$ на нарицательную цѣну акцій.

Всѣ перипетіи, постигшія общество Рыбинской желѣзной дороги, весьма типичны и какъ намъ кажется весьма характеризуютъ наши желѣзно-дорожные порядки. Повидимому дѣло происходило нижеслѣдующимъ порядкомъ: первоначальная разцѣнка была раздута до баснословныхъ цифръ; само собою разумѣется, что это возвышеніе стоимости постройки не было извѣстно въ правительственныхъ сферахъ, такъ какъ казенныхъ изысканій сдѣлано не было. Возможность выстроить дорогу за половинную цѣну и слѣдовательно выпустить акцій по дешовой цѣнѣ позволила учредителю отказаться отъ содѣйствія Правительства и заключить сдѣлку съ банкиромъ Ветлингомъ, снабдившимъ его средствами не только на первоначальные расходы, но и на производство работъ. Къ сожалѣнію предложенія учредителя сочтены были весьма выгодными, съ чѣмъ однакожъ нельзя согласиться. Гарантія на эту линію, въ виду массы грузовъ, предстоявшихъ къ перевозкѣ, не могла повлечь за собой никакихъ тратъ для государственнаго казначейства и была бы только номинальной. Самое предложеніе, строить дорогу безъ гарантіи Правительства, уже прямо указывало, что гарантія можетъ быть дана безъ всякаго риска. Еслибъ она была все-таки назначена и конкуренція предоставлена только стоимость соору-

женія, то всего вѣроятнѣе, что строительная цѣна была бы значительно понижена и дѣло было бы не въ рукахъ Бетлинга, а въ рукахъ рыбинскаго купечества, т. е. въ рукахъ болѣе состоятельныхъ. Впрочемъ расчетъ учредителей былъ бы не дуренъ, еслибъ у Бетлинга достало средствъ покрыть строительные расходы, по крайней мѣрѣ до дня открытія движенія на линіи. Для этого требовалось не болѣе 7—8 милліоновъ рублей, такъ какъ открытіе могло быть сдѣлано по временному мосту черезъ Волгу, безъ окончательной отдѣлки дороги и съ неполнымъ количествомъ подвижнаго состава, а по открытіи дороги акціи могли быть реализованы гораздо выгоднѣе. Но дѣло въ томъ, что биржевая игра г. Бетлинга подорвала его средства и онъ былъ не въ состояніи поддержать предпріятіе до начала движенія на линіи. При этомъ неумѣнье со стороны строителей и ихъ чрезвычайныя траты увеличили совершенно напрасно издержки сооруженія. Въ такихъ обстоятельствахъ пришлось продавать акціи преждевременно и онѣ упали до баснословно низкой цѣны. Большими партіями ихъ можно было покупать даже ниже чѣмъ за 50%. Такимъ образомъ этимъ паденіемъ акцій унесенъ былъ не только весь излишекъ первоначальной оцѣнки, но не хватило средствъ и на окончаніе дороги. Учредитель и строители впали въ несостоятельность. Вслѣдствіе всѣхъ вышеозначенныхъ обстоятельствъ, несмотря на первоначальную дорогую оцѣнку стоимости сооруженія, пришлось вновь увеличивать цифру капитала общества, который и дошелъ до 23 мил. рублей, между тѣмъ какъ дѣйствительная стоимость сооруженія этой дороги ни въ какомъ случаѣ не могла обойтись дороже 12 милліоновъ рублей.

Но этимъ не оканчивается зло, явившееся слѣдствіемъ нерасчетливой выдачи концессіи. Акціи этой дороги, при отсутствіи на нихъ гарантіи Правительства и при несомнѣнной будущности ихъ, попали прямо въ руки спекулянтовъ, которые сдѣлали изъ нихъ орудіе самой отчаянной биржевой игры. Люди эти искуственно вызывали значительныя колебанія въ ихъ цѣнѣ и тѣмъ положительно разоряли людей, пріобрѣтавшихъ ихъ и опасавшихся при ихъ пониженіи дальнѣйшаго ихъ паденія.

Ничего подобнаго не могло бы произойти, еслибъ дѣйствительная стоимость сооруженія была опредѣлена правительственными изысканіями и въ виду выгодности предпріятія дарована была бы гарантія: конкуренція понизила бы первоначальную оцѣнку, общество не платило бы теперь процентовъ

более, чѣмъ за 10 мил. рублей напрасно истраченнаго капитала и акціи имѣли бы постоянную и прочную цѣну, а поэтому биржевая игра ими въ тѣхъ размѣрахъ какъ она производилась была бы невозможна.

Теперь мы должны возвратиться нѣсколько назадъ къ самому началу 1868 года. Читатели вѣроятно припомнятъ, что главной заботой Правительства въ концѣ 1867 года было сооруженіе Курско-Азовской линіи, въ виду того обстоятельства, что составившееся для этой цѣли товарищество, не смотря на обѣщанную ему гарантію въ 5% дохода на капиталъ по дѣйствительной стоимости сооруженія, maximum котораго могъ доходить до 84 т. металлическихъ на версту, не могло осуществить предпріятія за всѣми данными ему отсрочками. Вслѣдствіе такой неудачи Правительство предположило строить участокъ отъ Курска до Харькова на средства государственнаго казначейства. Для сооруженія этой линіи сдѣланъ былъ вызовъ желающихъ и открыта между ними конкуренція, назначенная на 5 января 1868 года. Намъ ничего неизвѣстно о тѣхъ предложеніяхъ, которыя были при этомъ сдѣланы, а также и о результатахъ конкуренціи, такъ какъ обстоятельства этой конкуренціи нигдѣ не опубликованы. Хотя намъ и памятна возникшая въ то время полемика въ газетахъ по поводу правъ различныхъ конкурентовъ, но такъ какъ эта полемика не основана на безспорныхъ документахъ, то мы и не считаемъ возможнымъ говорить о ней. Знаемъ только, что 1 марта 1868 года Правительство заключило два договора съ г. Поляковымъ на сооруженіе какъ участка отъ Курска до Харькова, такъ и отъ Харькова до Таганрога съ вѣтвью къ Ростову. Кромѣ того изъ послѣдующаго судебнаго процесса, возникшаго между строителемъ дороги и харьковскимъ земствомъ, мы знаемъ, что послѣднее принимало участіе въ этомъ дѣлѣ и ходатайствовало передъ Правительствомъ о выдачѣ концессіи г. Полякову. Между земствомъ и г. Поляковымъ былъ даже заключенъ договоръ, по которому земство обязывалось не только ходатайствовать передъ правительствомъ, но и содѣйствовать строителю при сооруженіи дороги зависящими отъ земства средствами. Вслѣдствіе такого обязательства и въ дополненіе къ означенному договору строитель выдалъ росписку Харьковскому земству, что онъ обязывается въ случаѣ, если ему будетъ предоставлена постройка дороги,

представить въ распоряженіе земства капиталъ 300 т. руб. пяти процентными бумагами.

Мы не беремся сказать, въ силу какихъ именно соображеній постройка этой дороги предоставлена была г. Полякову: въ силу ли наименьшей цѣны, объявленной имъ на конкуренціи, или въ силу ходатайства харьковскаго земства, и хотя г. Блiохъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ Вѣстника Европы, прямо утверждаетъ, что концессія выдана на основаніи конкуренціи, но такъ какъ обстоятельство это нигдѣ офиціально не заявлено, то мы и не беремъ на себя сказать этого утвердительно. Договоры эти замѣчательны въ томъ отношеніи, что они представляются какъ будто предварительными условіями лишь на сооруженіе дороги и Правительство въ нихъ оставляетъ за собою право разрѣшить вопросъ о концессіи впослѣдствіи. Между тѣмъ въ договорѣ опредѣлены всѣ главныя условія концессіи, на случай, когда Правительство признаетъ возможнымъ даровать концессію; что же касается размѣра капитала этого общества, то таковой опредѣленъ въ поверстной стоимости по 68 т. металлическихъ съ версты подъ условіемъ гарантіи на этотъ капиталъ 5% дохода и $^1/_{12}$ погашенія.

На сооруженіе Курско-Харьковской дороги и на снабженіе ея подвижнымъ составомъ Правительство обязалось отпустить строителю въ ссуду девять милліоновъ рублей кредитными билетами или подъ залоги рубль за рубль или по мѣрѣ производства работъ по засвидѣтельствованіи правительственной инспекціи. Основаніемъ для оцѣнки работъ, поставокъ и другихъ расходовъ при выдачѣ инспекціею свидѣтельствъ должна служить расцѣночная вѣдомость, утвержденная Министерствомъ Путей Сообщенія, по соглашенію съ строителемъ; общій итогъ ея долженъ составить оптовую сумму девяти милліоновъ рублей. Сумма эта, въ случаѣ выдачи концессіи, должна быть возмѣщена Правительству немедленно по реализаціи бумагъ. Что же касается участка отъ Харькова до Таганрога и Ростова, то здѣсь г. Поляковъ обязался всѣ работы по устройству дороги начать одновременно съ открытіемъ работъ на первомъ участкѣ, но производить ихъ впредь до разрѣшенія вопроса о концессіи на свой собственный счетъ, за исключеніемъ поставокъ рельсовъ и подвижнаго состава, на каковыя должно быть испрошено особое разрѣшеніе Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ.

На основаніи этихъ условій, капиталъ будущаго общества

опредѣлился на первый участокъ, въ 230 верстъ, въ 15.640,000 руб. металлическихъ, а на второй, въ 533 версты, въ 36.244,000 руб. металлическихъ. Окончательный уставъ общества, на изложенныхъ основаніяхъ утвержденъ 1869 г. ноября 7 дня. Читатель конечно имѣетъ въ виду, что лишь за одинъ годъ передъ этимъ не могло образоваться общество, не смотря на то, что во главѣ его стояли люди извѣстные и высокопоставленные, а Правительство рѣшалось гарантировать доходъ на поверстную стоимость той же самой линіи въ 84 т. рублей металлическихъ. Само собою разумѣется, что въ виду подобнаго обстоятельства предложенія г. Полякова должны были показаться весьма выгодными. Въ самомъ дѣлѣ онъ понижалъ поверстную стоимость на 16,000 руб. металлическихъ съ версты, что составляетъ на всю линію въ 763 версты очень почтенную цифру 12.208,000 руб. металлическихъ. Тѣмъ не менѣе поверстная стоимость дороги предложенная г. Поляковымъ очень далека отъ дѣйствительной стоимости ея сооруженія. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать это замѣчаніе на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя нами изложены выше.

Позволительно думать, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, строитель до реализаціи бумагъ могъ производить работы и поставки только на тѣ средства, которыми снабжало его Правительство. Между тѣмъ онъ не только построилъ и снабдилъ подвижнымъ составомъ участокъ въ 230 верстъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ производилъ работы на всемъ протяженіи втораго участка въ 533 версты. Странно было бы предположить, что частное лицо въ Россіи, при всемъ своемъ богатствѣ, могло затратить милліонъ рублей на залоги въ исправности подряда, имѣть наличный капиталъ для прибавки къ стоимости сооруженія перваго участка и сверхъ того выстроить дорогу на 2 участкѣ въ 533 версты, безъ выпуска бумагъ, который могъ быть сдѣланъ только по утвержденіи устава, т. е. въ концѣ 1869 года.

Всего вѣроятнѣе, что участокъ отъ Курска до Харькова не могъ стоить даже и тѣхъ 9 милліоновъ, которые строитель выговорилъ себѣ въ видѣ ссуды для сооруженія этого участка, въ особенности, если принять въ соображеніе, что въ первоначальномъ договорѣ не опредѣлено даже количество подвижнаго состава, которымъ должна быть снабжена дорога. На этомъ основаніи мы считаемъ, что поверстная стоимость 1-го участка не превышаетъ 40 т. р. кредитныхъ; а такъ какъ условія мѣстности къ югу отъ Харькова нисколько не затруднительнѣе, за исключе-

ніемъ лишь условій водоснабженія, которыя составляютъ небольшую разницу, то и стоимость всей линіи должна подходить очень близко къ этой цифрѣ: мы убѣждаемся въ этомъ тѣмъ болѣе, что количество паровозовъ при открытіи дороги не превышало 76, т. е. 1 паровоза на 10 верстъ, а количество вагоновъ всѣхъ наименованій въ 1870 году не достигало 3-хъ на версту. *)

Теперь, обращаясь къ цифрѣ стоимости сооруженія, опредѣленной по концессіи, и принимая въ соображеніе, что акціонерный капиталъ составляетъ 1/4 часть, мы найдемъ, что облигаціонный капиталъ будетъ составлять 51,000 руб. металлическихъ на версту. Допуская потерю при реализаціи облигацій въ 25%, (при гарантіи Правительства въ 5 1/12%, нельзя предполагать ее въ большихъ размѣрахъ) оказывается, что по реализаціи бумагъ облигаціонный капиталъ составлялъ 38,250 р. металлическихъ, что равнялось по тогдашнему курсу 45,523 руб. кредитныхъ на версту, т. е. суммѣ вполнѣ достаточной для сооруженія дороги. Отсюда прямо слѣдуетъ, что акціи общества могли быть вовсе не реализованы учредителемъ и остаться для него чистымъ барышомъ. Эти акціи по обоимъ участкамъ представляютъ капиталъ 12.971,000 руб. металлическихъ, гарантированныхъ Правительствомъ, которое и обязано выплачивать съ него 648,050 руб. металлическихъ ежегоднаго дохода, кромѣ погашенія.

Конечно о подобныхъ пожертвованіяхъ со стороны государственнаго казначейства жалѣть было бы невозможно, еслибъ капитальная сумма пошла дѣйствительно на сооруженія линіи, но изъ приведеннаго разсчета оказывается, что этимъ доходомъ оплачиваются услуги учредителей и ихъ расходы, не входящіе въ разцѣночныя вѣдомости. Что такіе расходы встрѣчаются, о томъ мы имѣемъ удостовѣреніе правленія Кіево-Брестской желѣзной дороги въ докладѣ его общему собранію при представленіи отчета за 1871-й годъ. Но объ этомъ наша рѣчь еще впереди.

На всемъ своемъ протяженіи Курско-Харьковско-Азовская дорога открыта для движенія 23-го декабря 1869 года. Такимъ образомъ это изумительно быстрое сооруженіе линіи въ 763 версты въ 1 годъ и 10 мѣсяцевъ со дня утвержденія подряднаго договора вновь свидѣтельствуетъ, что строитель не встрѣчалъ затрудненій въ денежныхъ средствахъ. Обстоятельство это вновь заставляетъ насъ обратить вниманіе на тѣ соображенія, которыя

*) Сборникъ свѣд. о желѣз. дорогахъ изд. 1876 года.

руководили при выдачѣ прежнихъ несостоявшихся концессій. Если въ дѣйствительности возможно было построить дорогу такъ легко и съ такими выгодами, то на какомъ основаніи было возможно соглашаться на гарантію капитала въ 84 т. и 104 т. руб. металлическихъ съ версты? Намъ скажутъ, быть можетъ, что въ это время обстоятельства измѣнились, но въ одинъ годъ обстоятельства никакъ не могутъ измѣниться на столько, чтобъ исполнить за 45 т. руб. кредитныхъ то, что за годъ передъ тѣмъ нельзя было сдѣлать за 84 т. металлическихъ. Вѣрнѣе всего то, что ни въ правительственныхъ сферахъ, ни между людьми, бравшимися за дѣло, не было точныхъ свѣдѣній объ условіяхъ сооруженія этой линіи и трудности ея постройки были слишкомъ преувеличены. Вообще, въ этомъ дѣлѣ выразился общій недостатокъ нашей административной практики, вслѣдствіе котораго многія, повидимому, зрѣло обдуманныя мѣропріятія очень часто встрѣчаютъ весьма существенныя, но непредвидѣнныя затрудненія, между тѣмъ какъ другія весьма полезныя и удобоисполнимыя мѣропріятія отсрочиваются въ виду воображаемыхъ препятствій и опасеній. Намъ кажется, что кабинетное рѣшеніе жизненныхъ, практическихъ вопросовъ всегда должно встрѣтиться съ подобными неудачами и замедленіями.

Въ такомъ чисто практическомъ вопросѣ, какъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, никакъ нельзя руководиться одной извѣстной системой сооруженія во что бы то ни стало, а необходимо пользоваться случаемъ и обстоятельствами для удешевленія стоимости сооруженія. Къ сожалѣнію въ то время, о которомъ мы говоримъ, у насъ уже установилось окончательно мнѣніе, что не только казенная постройка не должна быть допускаема, но что и выстроенныя Правительствомъ дороги должны быть уступлены частнымъ обществамъ. Само собою разумѣется, что такое безповоротное рѣшеніе не могло содѣйствовать пониженію цѣнъ, тѣмъ болѣе, что число конкурентовъ во всякомъ случаѣ не могло быть значительно. Это число ограничивалось не только громадностію предпріятій, но и вопросомъ о степени благонадежности предпринимателей. При такихъ условіяхъ и, имѣя въ виду, что Правительство ни въ какомъ случаѣ не начнетъ работъ за свой собственный счетъ, постройка дорогъ должна была сдѣлаться до извѣстной степени монополіей нѣсколькихъ лицъ, которымъ не было никакой надобности понижать цѣны. Если-бъ наше отечество было также богато капиталами какъ Англія и Франція,

тогда бы конечно содѣйствіе частной инициативы могло бы принести пользу вслѣдствіе усиленной конкуренціи. Но у насъ представляются совершенно иныя условія. При нашей бѣдности въ капиталахъ средства сооруженія должны получаться съ заграничныхъ рынковъ, а это пріобрѣтеніе гораздо легче для Правительства, чѣмъ для частнаго лица или общества. Обстоятельство это не подлежитъ сомнѣнію и мы видимъ уже давно, что правительство принимаетъ на себя обязанность снабжать компанію необходимымъ капиталомъ на три четверти потребной суммы. Если же это такъ, то невольно возникаетъ вопросъ, за чѣмъ же тутъ нужно акціонерное общество, да притомъ еще фиктивное, при учрежденіи котораго принимаются мѣры къ освобожденію учредителя отъ всѣхъ стѣснительныхъ условій въ распоряженіи строительными средствами. Мы утверждаемъ это самымъ положительнымъ образомъ и даже въ настоящемъ договорѣ видимъ прямые слѣды подобныхъ стремленій. Г. Поляковъ получилъ не концессію, не право на образованіе общества, но съ нимъ заключенъ договоръ на сооруженіе линіи, въ который включены всѣ будущія условія концессіи. Уставъ же общества, на основаніи котораго оно образовалось и выпустило бумаги, утвержденъ только за полтора мѣсяца до открытія движенія по всей линіи, т. е. когда сооруженіе линіи было почти окончено. Въ силу этого договора, всѣ распоряженія учредителя по сооруженію дороги не могли подлежать контролю общества, даже если-бъ акціи и поступили въ руки постороннихъ лицъ вслѣдствіе ихъ реализаціи: дорога выстроена не по условію съ обществомъ, а по договору съ Правительствомъ и за опредѣленную оптовую сумму. Намъ только странно читать въ § 1 устава общества, что оно образуется для устройства дороги, тогда какъ этотъ уставъ утвержденъ почти наканунѣ открытія движенія по всей линіи. Ясно, что такой порядокъ освобождалъ строителя отъ обязанности представлять обществу отчетность по употребленію затраченныхъ на сооруженіе капиталовъ. Но если это сооруженіе представляетъ простой подрядный способъ, то за чѣмъ здѣсь понадобилось учрежденіе общества? Развѣ Правительство не могло выпустить бумагъ на употребленный капиталъ отъ своего имени и подъ тою же гарантіей? Смѣемъ думать, что реализація такихъ бумагъ была бы сдѣлана на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ это удалось сдѣлать г. Полякову? По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ Правительству не пришлось бы связывать свободу

своихъ распоряженій на будущее время тѣми обязательствами, въ которыхъ оно состоитъ къ такъ называемому обществу. Тотъ же характеръ договора съ Правительствомъ имѣетъ операція сооруженія Курско-Кіевской дороги, съ тою только разницею, что тамъ подрядный способъ сооруженія выразился гораздо опредѣленнѣе. Что же касается другихъ дорогъ, то всѣ онѣ, за исключеніемъ лишь Привислянской дороги, строились по оптовымъ контрактамъ за опредѣленную въ концессіи сумму. Контракты эти большею частію заключались учредителями обществъ, и при фиктивности послѣднихъ, распоряженія эти безпрекословно утверждались общими собраніями акціонеровъ. Изъ этого ясно, что подрядная система сооруженія предпочитается предпринимателями и допускается Правительствомъ. Спрашивается, для чего же необходимо здѣсь акціонерное общество? Не ужели же оно необходимо для эксплуатаціи дороги? Такого предположенія мы допустить не можемъ и вотъ на какомъ основаніи.

Образованіе акціонернаго общества для какого либо предпріятія предполагаетъ прежде всего необходимость такого капитала, который затруднительно или невозможно собрать частному лицу, за тѣмъ контроль со стороны общества за правильнымъ употребленіемъ этого капитала. Но если постройка желѣзной дороги произведена по подряду, то стало быть капиталъ для предпріятія не только былъ найденъ, но и употребленъ въ дѣло: остается лишь уплатить контрагенту слѣдующую ему сумму. Разрѣшеніе выпустить извѣстнаго рода бумаги и есть именно такая расплата и ничего болѣе. Для эксплуатаціи дороги необходимъ лишь относительно ничтожный оборотный капиталъ, который ежегодно возвращается вполнѣ и слѣдовательно не требуетъ постепеннаго погашенія въ продолженіи длиннаго періода времени. Подобныя предпріятія вполнѣ доступны не только мелкимъ акціонернымъ обществамъ, но даже отдѣльнымъ капиталистамъ, со стороны которыхъ нужно только представленіе залога въ обезпеченіе магазиннаго имущества и собираемыхъ доходовъ. Образованіе же капитала равносильнаго стоимости сооруженія дороги вовсе не требуется и слѣдовательно нѣтъ надобности учреждать акціонерное общество съ громаднымъ капиталомъ, получать отъ этого общества уплату стоимости сооруженія бумагами, имъ выпускаемыми, и входить съ нимъ въ обязательныя отношенія на 80 и болѣе лѣтъ, тогда какъ рискъ предпріятія вслѣдствіе гарантіи, дарованной бумагамъ, остается все-таки на Правительствѣ. Намъ ка-

жется, что эксплуатація дороги всегда можетъ быть сдаваема по простому контракту на непродолжительные сроки.

Мы не даромъ распространились о подрядномъ способѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Если этотъ способъ допускается въ видѣ оптоваго подряда, то нѣтъ никакого основанія отвергать его въ видѣ раздробительныхъ подрядовъ. Если одинъ человѣкъ можетъ исправно выполнить подрядъ по всѣмъ частямъ сооруженія, то нельзя утверждать, что лицо, занимающееся спеціально тѣмъ или другимъ родомъ работъ, изъ которыхъ слагается сооруженіе желѣзной дороги, не будетъ въ состояніи выполнить исправно подряда по своей спеціальности. А разъ подобные раздробительные контракты будутъ допущены, конкуренція сдѣлается доступной для соискателей въ размѣрахъ, о которыхъ при настоящемъ порядкѣ нельзя и думать и вслѣдствіе этого стоимость сооруженія должна понизиться не только въ сравненіи съ цѣнами, на которыя мы указывали, но даже въ сравненіи съ цѣнами послѣднихъ концессій.

Послѣ этого отступленія будемъ продолжать наше историческое изложеніе и займемся судьбою линій, постройка которыхъ начата на основаніи прежнихъ концессій и на дальнѣйшее продолженіе которыхъ выданы концессіи въ 1868 году.

Къ числу такихъ линій принадлежитъ Орловско-Грязская дорога. Читатели вѣроятно припомнятъ, что на участокъ этой дороги отъ Ельца къ Грязямъ выдана была концессія Елецкому земству еще въ 1867 году. Излагая обстоятельства выдачи этой концессіи, мы указывали, что главной побудительной причиной такого распоряженія были тѣ издержки и затраты, которыя сдѣлало уже Елецкое земство, внеся 10% съ акціонернаго капитала еще до утвержденія проекта концессіи. Мы указали также, что въ торговомъ отношеніи Елецъ не можетъ тяготѣть къ портамъ Азовскаго моря и что разрѣшеніе постройки этой линіи было по меньшей мѣрѣ преждевременно. Теперь, приступая къ изложенію обстоятельствъ, при которыхъ выдана концессія на дальнѣйшее продолженіе этой дороги до Орла, мы должны возвратиться нѣсколько назадъ и изложить происходившую прежде по этому дѣлу переписку. Еще въ 1865 году Министръ Путей Сообщенія обращалъ вниманіе Елецкаго городскаго общества на важность соединенія г. Ельца съ Орломъ желѣзною дорогою, которая съ окончаніемъ разрѣшенной линіи отъ Орла до Витебска открыла бы для края кратчайшій путь для сбыта за-

границу мѣстныхъ произведеній черезъ рижскій портъ. На это указаніе городское Елецкое общество отозвалось, что по мнѣнію его линія отъ Ельца должна быть направлена не на Орелъ, а на Мценскъ. Очевидно, что городское общество, обсуждая вопросъ безъ всякихъ постороннихъ соображеній, разрѣшало его только въ видахъ торговыхъ интересовъ, принимая въ соображеніе, что Москва представляетъ для Ельца болѣе важный рынокъ и что сокращеніе разстоянія до этого рынка есть жизненный вопросъ для елецкой торговли. Между тѣмъ г. Министръ Путей Сообщенія, имѣя въ виду предвзятое мнѣніе объ усиленіи нашего отпуска за границу, разъяснилъ, что необходимо сокращать проводимые пути къ Рижскому порту и что слѣдовательно необходимо предпочесть направленіе дороги на Орелъ. Противъ этого мнѣнія, конечно можно было возразить, что путь къ Ригѣ на 150 верстъ длиннѣе пути черезъ Москву къ Петербургу и что поэтому Елецъ никогда не будетъ тяготѣть въ торговомъ отношеніи къ Ригѣ, но къ сожалѣнію такого возраженія сдѣлать у насъ было некому и кабинетныя соображенія взяли верхъ надъ практическими.

Въ февралѣ 1866 года Ефремовское земство ходатайствовало о соединеніи Ельца съ Московско-Курской дорогой и о производствѣ изысканій для выбора линіи правительственными средствами съ тѣмъ, что если сооруженіе дороги останется за земствомъ, то оно возвратитъ Правительству расходы по изысканію. По Всеподданнѣйшему докладу г. Министра Путей Сообщенія 26 февраля 1866 года Высочайше разрѣшено произвесть эти изысканія средствами Правительства, а въ маѣ того же года Ефремовскому земству г. Министромъ Путей Сообщенія разрѣшено было при этихъ изысканіяхъ имѣть уполномоченныхъ лицъ. Изысканія производились съ 6 іюня по 30 октября и при этомъ оказалось, что соединеніе Ельца съ Московско-Курскою дорогою можетъ быть сдѣлано по 5 направленіямъ: 1) по кратчайшему направленію отъ Ельца къ точкѣ, находящейся въ 74 верстахъ южнѣе Тулы; 2) чрезъ Ефремовъ къ селенію Лопаткову въ 47 верстахъ южнѣе Тулы; 3) чрезъ Ефремовъ въ Мценсъ; 4) прямо на Орелъ и 5) чрезъ Ливны къ Хотетову въ 25 верстахъ южнѣе Орла. „Въ техническомъ отношеніи всѣ линіи, говоритъ сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 годъ, представляли одинаковыя трудности, такъ какъ всѣ онѣ должны были пересѣчь водораздѣлъ между Окою и Дономъ“, но мы думаемъ,

что направленіе чрезъ Ефремовъ къ селенію Лопаткову почти совпадаетъ съ направленіемъ этого водораздѣла и потому должно представлять гораздо менѣе затрудненій. Что касается длины, то это направленіе гораздо короче чѣмъ на Орелъ и, сближая Елецъ съ Москвою, удлиняетъ линію на Ригу. Впрочемъ такое удлиненіе имѣло мѣсто лишь до тѣхъ поръ, пока не была построена Ряжско-Вяземская дорога. Съ разрѣшенія же постройки этой дороги послѣднее основаніе, заставлявшее предпочесть направленіе дороги на Орелъ, падало само собою. Неужели же въ Министерствѣ Путей Сообщенія не только въ 1866 году, но даже въ 1868 году не предусматривалась возможность осуществленія этой дороги и слѣдовательно необходимость положительная вести дорогу по направленію сокращающему разстояніе до Москвы? Какъ бы то ни было, но разъ принятое рѣшеніе осталось во всей силѣ и вся послѣдующая переписка производилась по вопросу о соединеніи Ельца съ Орломъ.

Когда Елецкое земство просило объ утвержденіи уступочнаго договора на Елецко-Грязскую дорогу, то Министръ Путей Сообщенія предлагалъ ему одновременно съ этимъ предпріятіемъ взять на себя и постройку дороги къ Орлу, на что земство изъявило согласіе, прося только о разрѣшеніи начать сперва постройку Елецко-Грязской дороги. Въ декабрѣ 1866 года, войдя въ соглашеніе съ Ливенскимъ земствомъ, оно представило проектъ устройства дороги отъ Ельца черезъ Ливны къ ст. Змiевкѣ въ 40 верстахъ южнѣе Орла на Московско-Курской дорогѣ, съ опредѣленіемъ стоимости сооруженія въ 74,827 руб. металлическихъ съ версты, что по тогдашнему курсу составляло 88,500 руб. кредитныхъ. Длина линіи опредѣлялась въ 170 верстъ.

Въ томъ же декабрѣ 1866 года Ефремовское земство заявило, что оно кромѣ содержанія техника при правительственныхъ изысканіяхъ, изслѣдовало направленіе дороги отъ Ельца черезъ Новосиль на Орелъ, а потому просило о предоставленіи ему преимущественнаго права образовать общество для сооруженія дороги, такъ какъ оно прежде всѣхъ ходатайствовало объ этомъ; другихъ же соискателей оно просило допускать только въ такомъ случаѣ, когда предложенія ихъ будутъ выгоднѣе для правительства. Затѣмъ въ январѣ 1867 года Ефремовское земство представило и планъ направленія линіи отъ Ельца на Новосиль до Орла.

По разсмотрѣніи этихъ предложеній съ Высочайшаго раз-

рѣшенія въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ было постановлено: имѣть въ виду предпочтительно предполагаемое Ефремовскимъ земствомъ направленіе отъ Ельца на Орелъ, если техническія и финансовыя условія этого предпріятія не представятъ значительныхъ невыгодъ сравнительно съ линіями на Хотетово и Зміевку. Посему предоставить Министру Путей Сообщенія, не давая Ефремовскому земству преимущественнаго права на построеніе дороги, дозволить ему представить неотлагательно проектъ концессіи съ необходимыми планами, исчисленіями и разцѣнкою; равновременно истребовать отъ Елецкаго и Ливенскаго земствъ проекты направленія дороги на Ливны и Зміевку и, по обсужденіи совмѣстно съ Министромъ Финансовъ относительной выгодности условій, принять мѣры къ скорѣйшему обезпеченію соединенія Ельца съ Орломъ. Такое заключеніе Высочайше утверждено 13 февраля 1867 года.

Во исполненіе этого опредѣленія Ефремовское земство представило свои предположенія 9 марта 1867 года, а Елецкое и Ливенское земства 1-го апрѣля 1867 года, понизивъ цѣну до 71,700 руб. за версту при длинѣ дороги въ 167 верстъ. На этомъ основаніи уполномоченный отъ Ефремовскаго земства понизилъ также стоимость сооруженія до означенной цифры при длинѣ дороги въ $166^1/_2$ верстъ.

По разсмотрѣніи обоихъ ходатайствъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія найдено: что техническія затрудненія на обѣихъ линіяхъ почти одинаковы и что проектъ договора Ефремовскаго земства не представляетъ такихъ невыгодъ предъ проектомъ Елецкаго земства, которыя могли бы устранить предпочтительный, по заключенію комитета желѣзныхъ дорогъ, выборъ направленія прямо на Орелъ, что и было сообщено г. товарищемъ Министра Путей Сообщенія Министру Финансовъ 20 іюня 1867 года. На основаніи этихъ соображеній г. Министръ Финансовъ по соглашенію съ Министромъ Путей Сообщенія 20 октября 1867 года испросилъ Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „По невозможности допустить нынѣ выдачу концессіи или промессы съ правительственной гарантіей снабдить Ефремовское земство удостовѣреніемъ въ томъ, что земство сіе сохраняетъ за собою предпочтительное предъ другими предпринимателями право ходатайствовать о дарованіи оному, когда къ тому представится удобное время, концессіи на Елецко-Орловскую дорогу съ правительственной гарантіей, и что во всякомъ

случаѣ, если-бы явились желающіе взять постройку дороги безъ гарантіи Правительства, то о таковомъ предложеніи будетъ объявлено Ефремовскому земству." Такимъ образомъ два года переписки, цѣлая масса различныхъ изысканій и разсмотрѣніе проектовъ въ различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ не подвинули нисколько къ окончательному разрѣшенію вопроса, несмотря на заключеніе комитета желѣзныхъ дорогъ, который поручилъ Министру Путей Сообщенія истребовать отъ соискателей проекты уступочныхъ договоровъ и разцѣнки *безотлагательно*. Странно при этомъ то обстоятельство, что комитетъ желѣзныхъ дорогъ, разсматривая этотъ вопросъ въ февралѣ мѣсяцѣ, не имѣлъ въ виду невозможность выдачи концессіи съ гарантіею правительства на Елецко-Орловскую дорогу, тогда какъ эта невозможность сполна выяснилась въ октябрѣ и при томъ въ то время, какъ 1 марта 1867 года выдана концессія съ правительственной гарантіей на Елецко-Грязскую дорогу, которая по мнѣнію комитета была не болѣе какъ участкомъ линіи отъ Орла къ Грязямъ и разумѣется не могла имѣть ни малѣйшаго значенія не будучи продолжена до Орла. Тѣмъ не менѣе сооруженіе Елецко-Орловской линіи откладывалось *повидимому* на неопредѣленное время.

Мы говоримъ *по видимому* на томъ основаніи, что вопросъ этотъ вовсе не былъ отсроченъ, такъ какъ не только не прекращались по этому дѣлу ходатайства уполномоченныхъ земскихъ учрежденій, но эти ходатайства разсматривались въ Министерствахъ Путей Сообщенія и Финансовъ и между ними происходила переписка, которая окончилась новымъ Всеподданнѣйшимъ докладомъ 1 марта 1868 года.

Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія 20 октября 1867 года, объявленнаго Ефремовскому земству чрезъ Министра Финансовъ, а именно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года, въ Министерство Путей Сообщенія поступаетъ новое ходатайство отъ Елецкаго земства о сооруженіи дороги не прямо на Орелъ, а на Ливны и Змѣевку. Въ этомъ представленіи излагалось, что комитетъ желѣзныхъ дорогъ отдалъ преимущество прямому направленію отъ Ельца на Орелъ на томъ основаніи, что этотъ путь короче направленія на Ливны на 39 верстъ; по произведеннымъ же изысканіямъ Елецкимъ земствомъ оказалось, что путь этотъ имѣлъ не 168 верстъ, какъ принято въ проектѣ концессіи Ефремовскаго земства, а 197

верстъ и притомъ съ земляными работами по 7500 куб. саж. на версту; такимъ образомъ путь на Ливны и Зміевку будетъ только на 10 верстъ длиннѣе прямаго пути на Орелъ при количествѣ земляныхъ работъ по 5500 кубовъ на версту, слѣдовательно поверстная стоимость дороги будетъ менѣе. На этомъ основаніи Елецкое земство просило допустить его къ участію въ сооруженіи дороги на равныхъ съ другими предпринимателями правахъ.

Изъ представленныхъ же въ январѣ 1868 года Ефремовскимъ земствомъ подробныхъ изысканій, профили и плана направленія линіи оказалось, что протяженіе линіи отъ Ельца прямо на Орелъ составляетъ $172^1/_2$ версты, т. е. длиннѣе прежняго предположенія на $4^1/_2$ версты, а не на 29 верстъ, какъ утверждало Елецкое земство. При этомъ уполномоченный Ефремовскаго земства г. Вахтіаровъ просилъ Министра Путей Сообщенія, если не признается возможнымъ выдать на эту дорогу концессію — разрѣшить Ефремовскому земству въ качествѣ учредителя, безотлагательно приступить къ работамъ на средства, имѣющіяся у земства и тѣмъ доставить возможность заготовить въ зиму 1868 года всѣ нужные рабочіе способы, а весною начать на линіи и самыя работы, дабы ускорить окончаніе линіи и съ тѣмъ вмѣстѣ дать производительное употребленіе предназначеннымъ для этого дѣла капиталамъ.

Министръ Путей Сообщенія находилъ возможнымъ разрѣшить Ефремовскому земству приступить къ работамъ до разрѣшенія вопроса о гарантіи съ тѣмъ, чтобы работы производились по проектамъ, утвержденнымъ Министерствомъ. Въ случаѣ же, если бы правительство не нашло возможнымъ даровать гарантію на эту дорогу, то исполненныя земствомъ работы принять въ казну и произвести за нихъ уплату по разсчету разцѣночной вѣдомости, приложенной къ проекту концессіи по 71255 руб. за версту, что будетъ на 445 руб. ниже поверстной стоимости, предложенной Елецкимъ земствомъ. Эти соображенія сообщены были на усмотрѣніе Министра Финансовъ 14 февраля 1868 года.

Съ своей стороны Елецкое земство заявило 17 февраля 1868 года г. Министру Финансовъ о неудобствахъ какъ для эксплуатаціи, такъ и для постройки раздѣленія линіи отъ Грязей до Орла всего въ 280 верстъ между двумя обществами, выразило готовность облегчить на сколько возможно финансовыя условія относительно правительственной гарантіи и просило

назначить между нимъ и Ефремовскимъ земствомъ конкуренцію съ назначеніемъ срока, послѣ котораго никакихъ новыхъ условій и измѣненій ни отъ той, ни отъ другой стороны не было бы принимаемо.

Вслѣдствіе такого предложенія г. Министръ Финансовъ по соглашенію съ Министромъ Путей Сообщенія входилъ къ Государю Императору съ Всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивая разрѣшенія объявить депутатамъ того и другаго земства, чтобы они представили къ 9 марта 1868 года окончательныя свои предположенія отъ Ельца прямо на Орелъ съ тѣмъ, что правительство уже не приметъ ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ измѣненій. На это представленіе 1-го марта 1868 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Въ окончательныхъ своихъ предложеніяхъ конкуренты заявили слѣдующія условія концессіи: 1) Ефремовское земство предположило: образовать общество съ акціонернымъ капиталомъ въ 2,000,000 руб. и облигаціоннымъ въ 10,291,500 металлическихъ руб.; на первый оно просило гарантію погашенія капитала $^1/_{10}\%$, а на второй гарантію чистаго дохода 5% и $^1/_{10}\%$ погашенія, что составляло сумму гарантированнаго дохода 526,866 руб. 2) Елецкое земство предположило образовать общество съ акціонернымъ капиталомъ въ 3,009,000 и облигаціоннаго 9,027,000 металлическихъ руб.; на первый оно просило гарантію погашенія $^1/_{12}\%$, а на второй гарантію дохода 5% и погашенія $^1/_{12}\%$, что составитъ сумму гарантированнаго дохода 461,370 руб. Такимъ образомъ оказалось, что право на сооруженіе дороги получило Елецкое земство и хотя уполномоченный Ефремовскаго земства г. Бахтіаровъ, въ прошеніяхъ къ Министру Путей Сообщенія 16 и 29 марта 1868 года, ссылаясь на Высочайшее повелѣніе 20 октября 1867 года о преимуществѣ этого земства передъ другими конкурентами, заявлялъ, что Ефремовское земство принимаетъ на себя всѣ условія, предложенныя Елецкимъ земствомъ, и готово соединиться съ обществомъ Елецко-Грязской дороги если Правительство находитъ это необходимымъ, но такое ходатайство, въ виду точнаго смысла Высочайшаго повелѣнія 1-го марта 1868 года, Министръ Путей Сообщенія призналъ не подлежащимъ удовлетворенію и, одобривъ проектъ концессіи на Орловско-Грязскую дорогу, внесъ его въ Комитетъ Министровъ для представленія на Высочайшее утвержденіе.

Комитетъ Министровъ въ засѣданіи 16 апрѣля 1868 года призналъ прежде всего необходимымъ войти въ обсужденіе домогательствъ Ефремовскаго земства на право сооруженія этой линіи предпочтительно передъ другими конкурентами и, по выслушаніи словесныхъ заявленій Министра Финансовъ, пришелъ къ единогласному заключенію, что хотя по смыслу Высочайшаго повелѣнія 1-го марта 1868 года Елецкое земство имѣетъ несомнѣнное право на продолженіе дороги отъ Ельца до Орла, но что, съ другой стороны, нельзя отвергать и право Ефремовскаго земства требовать вознагражденія за денежныя траты на изысканія, произведенныя съ вѣдома Правительства. На этомъ основаніи комитетъ находилъ возможнымъ предоставить Елецкому земству испрашиваемую имъ концессію подъ условіемъ возмѣщенія Ефремовскому земству сдѣланныхъ имъ затратъ на изысканія въ размѣрѣ 123,000 рублей, на что, по заявленію Министра Финансовъ, уполномоченные отъ Елецкаго земства и общество Елецкой земской дороги изъявляли согласіе.

За тѣмъ комитетъ, сдѣлавши нѣкоторыя измѣненія въ проектѣ концессіи, положилъ представить ее на Высочайшее утвержденіе, что и послѣдовало въ 22-й день апрѣля 1868 года. — Постройка линіи сдана была Елецкимъ земствомъ г. Полякову и начата имъ въ сентябрѣ 1868 года, и 13 августа 1870 года открыта для движенія.

Мы нарочно изложили исторію сооруженія этой линіи подробно со всѣми перипетіями, которыя при этомъ встрѣчались, такъ какъ исторія этого дѣла довольно ясно характеризуетъ съ одной стороны значеніе того участія, которое принимали въ немъ земскіе дѣятели, съ другой шаткость тѣхъ основаній, которыя имѣлись въ виду при обсужденіи вопроса.

Прежде всего мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: въ чемъ именно долженъ заключаться интересъ земскихъ дѣятелей по вопросу о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ? Мы думаемъ, что все ихъ вниманіе должно быть обращено на то, чтобъ дорога прежде всего содѣйствовала развитію мѣстной промышленности, облегчая доставку мѣстныхъ произведеній къ ближайшимъ рынкамъ, т. е. чтобъ вопросъ о направленіи дороги былъ разрѣшенъ правильно, а за тѣмъ, чтобъ дорога была построена наиболѣе выгоднымъ образомъ, такъ, чтобъ процентъ на затрачиваемый капиталъ не ложился бы бременемъ на стоимость перевозки. Таковы должны быть стремленія представителя мѣст-

ныхъ интересовъ. Между тѣмъ, что же мы видимъ въ настоящемъ случаѣ? Главная забота земскихъ дѣятелей состоитъ въ томъ, чтобъ получить право на образованіе общества для устройства дороги; вопросъ же о направленіи ея вовсе не интересуетъ ихъ. Они готовы строить дорогу по направленію и къ Тулѣ, и къ Мценску, и къ Орлу, и даже къ Зміеву, лишь бы только попасть въ тонъ съ взглядами правительственныхъ лицъ и тѣмъ обезпечить за собою концессію. Земскимъ дѣятелямъ не могло не быть извѣстнымъ, что вся торговля Ельца и мѣстности между Ельцомъ и Ефремовымъ тяготѣетъ прямо къ Москвѣ, что разстояніе черезъ Тулу и Москву до Петербурга короче, чѣмъ до Риги и что слѣдовательно всѣ мѣстные интересы требовали сооруженіе дороги отъ Ельца черезъ Ефремовъ къ станціи Лазарево южнѣе Тулы. Такое направленіе по всей вѣроятности и обошлось бы гораздо дешевле, вслѣдствіе меньшаго количества земляныхъ работъ, такъ какъ это направленіе ближе другихъ подходитъ къ направленію водораздѣла между Окою и Дономъ. Между тѣмъ ни то, ни другое земство не говорятъ объ этомъ направленіи ни слова. Елецкое земство прежде всего хлопочетъ о соединеніи Ельца со станціею Грязи, тогда какъ въ торговомъ отношеніи тяготѣніе Ельца къ Воронежу ни въ какомъ случаѣ предположить было невозможно. Представитель же Ефремовскаго земства проситъ объ утвержденіи направленія отъ Ельца черезъ Новосиль прямо къ Орлу, тогда какъ это направленіе оставляетъ въ сторонѣ не только городъ Ефремовъ, но и весь Ефремовскій уѣздъ. Такимъ образомъ онъ дѣйствуетъ совершенно во вредъ всѣмъ интересамъ Ефремовскаго земства и, что всего удивительнѣе, предлагаетъ строить дорогу прежде выдачи концессіи и разрѣшенія вопроса о гарантіи, лишь бы только устранить конкуренцію Елецкаго земства. Онъ нисколько не опасается втянуть своихъ довѣрителей въ рискованное дѣло ради интересовъ имъ совершенно чуждыхъ, лишь бы удержать за собою право сооруженія линіи. Всѣ эти обстоятельства никого не шокируютъ и нисколько не вызываютъ сомнѣнія дѣйствительно ли гг. уполномоченные представляютъ интересы мѣстнаго населенія. Между тѣмъ они преслѣдовали одну цѣль: получить право на учрежденіе какого бы то ни было желѣзнодорожнаго общества и вслѣдствіе этого старались согласовать свои ходатайства съ желаніемъ Министерства Путей Сообщенія, которое стремилось къ осуществленію большой линіи, соединяющей

низовье Волги съ Рижскимъ портомъ. На сколько такое стремленіе было ошибочно, показали послѣдствія: Правительство ежегодно приплачиваетъ около милліона рублей гарантіи по одной Орловско-Грязской дорогѣ на разстояніи 280 верстъ, не считая другихъ дорогъ по этой линіи, остающихся бездоходными. Получивъ концессію, Елецкое земство передало все дѣло въ руки г. Полякова, и въ настоящее время трудно опредѣлить, въ чемъ состоялъ интересъ земства, при осуществленіи этого дѣла.

Точно также представляются непонятными мотивы различныхъ распоряженій по сооруженію этой линіи. При первоначальномъ ходатайствѣ Елецкаго земства о сооруженіи Елецко-Грязской дороги участокъ этотъ вовсе не могъ имѣть никакого экономическаго значенія и, какъ мы видѣли, комитетъ желѣзныхъ дорогъ и Министерство Путей Сообщенія выражали мнѣніе, что постройка дороги должна бы производиться одновременно до Орла; если же комитетъ соглашался на сооруженіе отдѣльнаго участка, то только на томъ основаніи, что Елецкое земство сдѣлало затраты на изысканія и внесло 10% акціонернаго капитала. Обстоятельство это показалось на столько серьезнымъ, что правительство рѣшилось даровать даже гарантію на весь номинальный капиталъ общества. Но вотъ возникаетъ вопросъ объ исполненіи выраженнаго мнѣнія и комитетомъ желѣзныхъ дорогъ и Министерствомъ Путей Сообщенія,—вопросъ о продолженіи пути соединяющаго низовья Волги съ Рижскимъ портомъ,— и тогда является затрудненіе въ назначеніи гарантіи, мало этого, является даже положительная невозможность гарантіи, хотя эта невозможность исчезаетъ не далѣе какъ черезъ четыре мѣсяца. Намъ могутъ возразить, что при окончательномъ разрѣшеніи вопроса гарантія дана не на весь капиталъ, а лишь на три его четверти, то есть на одинъ облигаціонный капиталъ. Но это нисколько не измѣняетъ вопроса и указываетъ еще болѣе на отсутствіе въ правительственныхъ сферахъ дѣйствительныхъ свѣдѣній о стоимости сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Если облигаціи, гарантированныя Правительствомъ, встрѣчали затрудненія въ реализаціи даже по курсу 75%, то возможно ли было предполагать, что акціи, вовсе не гарантированныя Правительствомъ, могли быть реализированы по какому бы то ни было курсу? Дѣйствительное состояніе денежнаго рынка необходимо должно было приводить къ заключенію, что акціонерный капиталъ просто приписанъ къ дѣйствительной стоимости сооруженія, которая вполнѣ

покрывается однимъ облигаціоннымъ капиталомъ. Цифра этаго капитала опредѣлена въ настоящей концессіи по 51,000 металлическихъ р. съ версты, что, въ виду тѣхъ данныхъ, которыя мы неоднократно выставляли, можно считать весьма достаточнымъ капиталомъ для сооруженія этой линіи: если здѣсь и встрѣчаются значительныя земляныя работы, то за то не имѣется вовсе значительныхъ мостовыхъ сооруженій. Мы не знаемъ, была ли сдѣлана во время правительственныхъ изысканій оцѣнка стоимости сооруженія этой линіи, но, еслибъ она имѣлась въ виду при разрѣшеніи вопроса, то конечно освѣтила бы многое. Съ другой стороны, если бы мѣстные интересы были правильно оцѣнены и приняты въ соображеніе, то была бы сооружена линія отъ Ельца черезъ Ефремовъ къ станціи Лазарево и назначенная гарантія въ размѣрѣ 460,373 рублей была бы достаточна для гарантіи не только облигаціоннаго, но и акціонернаго капитала, такъ какъ разстояніе здѣсь на 30 верстъ короче, а количество земляныхъ работъ гораздо менѣе. Обстоятельство это подтверждается сооруженіемъ Ряжско-Вяземской дороги, вѣтвь которой проходитъ на значительномъ протяженіи, именно по этому направленію: не смотря на значительныя техническія трудности сооруженія на участкѣ между Тулою и Калугой общая поверстная стоимость этой дороги составляетъ 44507 руб., а вышеозначенная сумма гарантій представляетъ капиталъ, который на сто пятьдесятъ верстъ дороги отъ Ельца до Лазарева составилъ бы поверстную стоимость слишкомъ въ 60,000 металлическихъ рублей.

Ко всему этому необходимо прибавить, что съ устройствомъ вѣтви къ Ельцу Ряжско-Вяземской дороги доходность Орловско-Грязской линіи должна значительно упасть, такъ какъ сближеніе съ Москвой отвлечетъ отъ нея много грузовъ и это будетъ еще болѣе яснымъ доказательствомъ ошибочности избраннаго прежде направленія. Кромѣ того разстояніе отъ Ельца до Воронежа по прямому направленію черезъ Задонскъ составляетъ 108 верстъ, а по желѣзной дорогѣ черезъ Грязи 211 верстъ, поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ необходимо должна устроиться желѣзная дорога по кратчайшему направленію и тогда значеніе Орловско-Грязской желѣзной дороги упадетъ окончательно. Соединеніе Воронежа съ Ельцомъ по прямому направленію вызывается еще тѣмъ, что оно сокращаетъ разстояніе отъ Воронежа до Москвы на 48 верстъ, при посредствѣ

Ряжско-Вяземской и Московско-Тульской дороги. Такой путь удешевить стоимость провоза на $8^1/_2$%.—Ясно, что дорога эта должна быть выстроена и конечно будетъ выстроена. Для подобнаго дѣла найдутся и частныя средства, если Правительство не рѣшится на сооруженіе этой линіи. Впрочемъ мы думаемъ, что сооруженіе этой линіи требуется въ интересахъ Правительства, такъ какъ изъ двухъ бездоходныхъ линій лучше поддержать ту, которая можетъ имѣть будущность, чѣмъ оставлять обѣ въ томъ положеніи, въ которомъ онѣ нынѣ находятся.

Теперь обратимся къ исторіи сооруженія давно задуманной, но до сихъ поръ не выстроенной дороги отъ Козлова до Саратова.

Послѣ неудачи общества Московско-Саратовской дороги, получивъ концессію на сооруженіе Рязанско-Козловской, строитель этой послѣдней статскій совѣтникъ фонъ-Дервизъ обратился 9 іюня 1865 года въ главное управленіе Путей Сообщенія съ прошеніемъ о разрѣшеніи дороги отъ Козлова до Саратова съ вѣтью къ г. Пензѣ. При этомъ онъ заявилъ, что не имѣетъ въ виду какихъ либо преимущественныхъ правъ предъ другими соискателями, а также не будетъ искать никакого вознагражденія за издержки по этимъ изысканіямъ. Разрѣшеніе это было ему выдано вслѣдствіе Всеподданнѣйшаго о томъ доклада Главноуправляющаго 17 іюня 1865 года.

Въ началѣ февраля 1867 года г. фонъ-Дервизъ представилъ проектъ желѣзной дороги отъ Козлова до Тамбова вмѣстѣ съ проектомъ уступочнаго договора, по которому капиталъ общества опредѣленъ въ 5,447,320 металлическихъ руб. или при длинѣ дороги въ 74 версты по 73,612 руб. на версту; на двѣ трети этого капитала испрашивалось 5% гарантіи Правительства.

Въ мартѣ того же 1867 года Тамбовское уѣздное земство вошло къ г. Министру Путей Сообщенія съ представленіемъ объ уступкѣ ему линіи отъ Козлова до Тамбова. Уступка дороги испрашивалась на 85 лѣтъ; капиталъ общества опредѣленъ въ 5,242,160 р. металлическихъ или 70,845 руб. на версту; на двѣ трети этого капитала испрашивалась гарантія чистаго дохода въ 5% и на погашеніе $^1/_{12}$%.

По разсмотрѣніи обоихъ предложеній послѣднее признано болѣе выгоднымъ для Правительства, но по сношенію съ Министерствомъ Финансовъ земству объявлено, что по случаю пріоставленія выдачи концессій съ правительственной гарантіей,

предложеніе его утверждено быть не можетъ, что однако препятствій къ его удовлетворенію не имѣется, если потребный капиталъ будетъ опредѣленъ на основаніи точныхъ изысканій и земство не потребуетъ гарантіи Правительства.

Сопоставляя такое распоряженіе съ другими, состоявшимися не только одновременно, но и послѣ него, невозможно объяснить себѣ тѣхъ причинъ, на которыхъ оно основано. Продолженіе юговосточной линіи въ глубь черноземной полосы отъ Козлова къ Тамбову конечно для всѣхъ экономическихъ интересовъ Россіи имѣло гораздо болѣе значенія и вызывало гораздо менѣе риска для Правительства, чѣмъ напримѣръ устройство Шуйско-Ивановской или Риго-Митавской дороги, а между тѣмъ мы видимъ, что въ то время, когда Тамбовскому земству отказывается въ гарантіи и этотъ отказъ мотивируется общей мѣрой пріостановки выдачи концессій съ правительственной гарантіей, приведеннымъ двумъ дорогамъ дается гарантія чистаго дохода не только на облигаціонный, но и на акціонерный капиталъ. Концессіи эти выданы первая 9 мая, а вторая 9 іюня 1867 года.

Мы говоримъ, что отказъ Тамбовскому земству послѣдовалъ въ тоже время на томъ основаніи, что въ іюнѣ уполномоченный отъ земства представилъ уже новое ходатайство о томъ, что земство готово приступить къ сооруженію дороги безъ правительственной гарантіи, если ему по примѣру другихъ дорогъ будетъ оказано пособіе въ видѣ ссуды въ $1^1/_2$ мил. рублей и будетъ предоставлено право ходатайствовать о гарантіи въ то время, когда оно исполнитъ всѣхъ работъ на половину стоимости сооруженія дороги. Но Министерство Финансовъ отказало въ ссудѣ, вслѣдствіе чего земство ограничилось лишь требованіемъ о сохраненіи права на гарантію въ будущемъ. Такое требованіе имѣло свой прецедентъ въ постановленіи комитета желѣзныхъ дорогъ 21 марта 1867 года по выдачѣ концессіи на Риго-Митавскую дорогу, на основаніи котораго учредителямъ было объявлено, что гарантія будетъ присвоена капиталу тогда, когда ими будетъ употреблено на сооруженіе не менѣе половины исчисленнаго капитала. Вѣроятно этимъ прецедентомъ и воспользовалось въ своемъ ходатайствѣ Тамбовское земство, но тоже безуспѣшно. Мы не одобряли сдѣланнаго распоряженія по Риго-Митавской дорогѣ, но думаемъ, что къ двумъ дорогамъ, одинаково признаннымъ второстепенными, слѣдовало относиться одинаково, тѣмъ болѣе, что эти переговоры происходили одновременно;

теперь же оказывается, что это не такъ, и что возможны различныя распоряженія по совершенно однороднымъ вопросамъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что ходатайство Тамбовскаго земства подлежало непремѣнному удовлетворенію; напротивъ, мы находимъ, что оцѣнка предпріятія съ его стороны была чрезмѣрно увеличена, точно также какъ и самое протяженіе дороги; но мы не понимаемъ тѣхъ мотивовъ, на основаніи которыхъ отказъ состоялся, такъ какъ эти мотивы вовсе не послужили препятствіемъ для выдачи концессіи на Риго-Митавскую и Шуйско-Иановоскую дороги.

Въ октябрѣ 1867 года къ ходатайству Тамбовскаго присоединилось и Козловское земство.

Между тѣмъ въ половинѣ ноября 1867 года Правленіе общества Земско-Елецкой дороги представило изысканіе по тремъ направленіямъ для соединенія Тамбова съ Казлово-Воронежской дорогой. Къ ст. Грязи 107 верстъ, къ ст. Кочетовкѣ 120 верстъ и къ ст. Муравьевкѣ 82 версты и просило о предоставленіи ему сооруженія этой линіи по тому направленію, которое будетъ признано наилучшимъ. Поверстную стоимость оно опредѣляло въ 58,000 руб. металлическихъ съ версты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Правленіе этого общества охотно приняло бы на тѣхъ же основаніяхъ сооруженіе дороги и къ Козлову, если бы такое условіе ему было предложено. Мы не имѣемъ въ виду (сборникъ свѣденій о желѣзныхъ дорогахъ объ этомъ не говоритъ) просило ли правленіе правительственной гарантіи; но, допуская горантію дохода въ 5% на весь капиталъ и принимая протяженіе дороги, какъ оно дѣйствительно оказалось, въ 67,5 верстъ, оказывается, что весь капиталъ, потребный на сооруженіе, составлялъ бы 3.915,000 руб. металлическихъ, а гарантія съ него 195,750 руб. металлическихъ — имѣя же въ виду, что дорога эта на третій годъ существованія, а именно въ 1872 году, дала почти 197 тыс. руб. чистаго дохода, который въ 1875 году превысилъ уже 300 тыс. рублей, можно утвердительно сказать, что гарантія эта была чисто номинальной и хотя потребовала бы приплатъ въ первые два года, но эти приплаты въ настоящее время были бы возвращены Правительству съ процентами. На этомъ основаніи мы положительно можемъ утверждать, что отказъ въ гарантіи по этой дорогѣ указываетъ только на то обстоятельство, что о дѣйствительномъ экономическомъ значенія предположенной линіи въ правитель-

ственныхъ сферахъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній, между тѣмъ какъ получить ихъ было очень возможно. Рязанско-Козловская дорога и возникавшее по ней движеніе ясно указывали значеніе Тамбовско-Козловской дороги.

Въ концѣ декабря 1867 года уполномоченные Тамбовскаго и Козловскаго земствъ представили новое предложеніе. Земства пріобрѣтали на свой счетъ нужныя подъ дорогу земли и передавали ихъ безвозмездно обществу, образовать которое они обязались. Капиталъ этого общества долженъ былъ состоять изъ 5.100,000 руб. металлическихъ. Изъ нихъ 2 милліона рублей предположено образовать выпускомъ облигацій, а 3.100,000 руб. по переводѣ ихъ въ кредитные рубли, что по тогдашнему курсу составляло 3.596,000 рублей выпускомъ акцій. Земства принимали на себя гарантію дохода на весь капиталъ въ 2%, что составляло 102,000 руб. металлическихъ, и эта сумма обезпечивала уплату 5% и 1/12% погашенія на сумму облигаціоннаго капитала въ 2.000,000 руб. При опредѣленіи протяженія дороги въ 74 версты поверстная стоимость сооруженія обходилась въ 68,919 руб. металлическихъ, а такъ какъ въ дѣйствительности дорога оказалась въ 67,5 версты, то поверстная стоимость ея доходитъ до 75,555 металлическихъ рублей, т. е. на 17,555 руб. дороже, чѣмъ предлагало Правленіе Елецкой дороги.

Несмотря на эту значительную разницу, предпочтеніе было отдано предложенію земствъ Тамбовскаго и Козловскаго и единственнымъ мотивомъ такого предпочтенія послужило отсутствіе правительственной гарантіи; хотя эта гарантія, какъ мы видѣли выше, была чисто номинальная. Кромѣ того мѣстность не представляетъ здѣсь ни малѣйшихъ затрудненій: дорога идетъ по гладкой и ровной степи, почти безъ всякихъ искусственныхъ сооруженій, за исключеніемъ одного моста въ тридцать сажень и двухъ другихъ меньшихъ размѣровъ. При такихъ условіяхъ цѣна въ 75,555 руб. металлическихъ съ версты можетъ вызывать только удивленіе. Какъ мало въ Министерствѣ было свѣдѣній объ условіяхъ сооруженія этой дороги видно изъ того, что даже протяженіе ея при рѣшеніи вопроса не было извѣстно съ точностью и считалось въ 74 версты, въ дѣйствительности же оно опредѣлилось въ 67,5 версты, несмотря на сдѣланный строителями для уменьшенія земляныхъ работъ изгибъ въ окрестностяхъ Козлова. Такимъ образомъ, не

считая этого удлиненія пути, ошибка, сдѣланная въ счетѣ верстъ при выдачѣ концессіи, составляетъ почти десять процентовъ.

Помимо однакожъ всѣхъ этихъ соображеній 5 апрѣля 1868 года проектъ концессіи на имя земствъ Тамбовскаго и Козловскаго внесенъ былъ на разсмотрѣніе Комитета гг. Министровъ. Комитетъ по разсмотрѣніи проекта положилъ представить его на Высочайшее благоусмотрѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ свое вниманіе на вопросъ: на сколько право распоряженія мѣстными средствами, предоставленное земству, можетъ служить обезпеченіемъ предпріятій, подобныхъ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и въ какой мѣрѣ должны быть ограждаемы въ подобныхъ случаяхъ частные интересы членовъ земства отъ возможныхъ увлеченій ихъ представителей.—Вопросъ этотъ поставленъ былъ Комитетомъ Министровъ на томъ основаніи, что въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ нѣтъ по этому предмету прямаго указанія. Вслѣдствіе этого Комитетъ Министровъ, во-первыхъ, предоставилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи вопроса вмѣстѣ съ Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, внести свое представленіе въ установленномъ порядкѣ, и, во-вторыхъ, положилъ впредь до разрѣшенія названнаго вопроса пріостановить выдачу концессій на желѣзныя дороги съ гарантіями отъ земствъ.

Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобъ не остановить на немъ вниманіе читателя, и мы позволяемъ себѣ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что онъ, повидимому, до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ въ порядкѣ законодательномъ, хотя на практикѣ уже давно не слышно о подобныхъ предпріятіяхъ земскихъ собраній. Къ сожалѣнію характеръ нашихъ земскихъ учрежденій не опредѣлился ни въ законодательствѣ, ни въ практикѣ [1]). Поэтому и затруднительны и смутны въ общественномъ сознаніи всѣ вопросы, соприкасающіеся съ этими учрежденіями. Послѣднія по своему существу должны быть органами мѣстнаго самоуправленія, но они далеко еще не поставлены какъ таковые въ общей системѣ нашего государственнаго управленія.

Если считать земскія учрежденія органами самоуправленія, то они не имѣли права принимать на себя обязательства, гарантіи дохода желѣзной дороги, и Комитетъ Министровъ имѣлъ

---

[1]) См. объ этомъ статью А. Д. Градовскаго въ настоящемъ томѣ Сборника Госуд. Знаній. *Ред.*

полное основаніе сомнѣваться въ этомъ правѣ, если не въ силу необходимости ограждать интересы отдѣльныхъ членовъ земства, то въ силу существующаго закона о предметахъ вѣдомства земскихъ учрежденій. Земское положеніе опредѣляетъ эти предметы вѣдомства довольно подробно и потому только такое распоряженіе земскаго собранія можетъ считаться правомѣрнымъ, которое не выходитъ изъ програмны, опредѣленной этимъ положеніемъ. Устройство желѣзныхъ дорогъ не входитъ въ эту програму, а потому новое земское собраніе, не имѣя въ виду прямаго указанія въ законѣ, имѣетъ полное право признать распоряженіе предшествовавшаго собранія по этому предмету незаконнымъ и отказаться отъ его выполненія. Въ случаѣ возникновенія по этому вопросу судебнаго дѣла, судъ, конечно, не найдетъ никакихъ юридическихъ основаній признать такое постановленіе прежняго собранія обязательнымъ для всѣхъ послѣдующихъ, а скорѣе можетъ признать постановленіе о гарантіи выходящимъ изъ предѣловъ власти земскихъ собраній и потому не имѣющимъ законнаго основанія. Такое постановленіе суда было бы тѣмъ болѣе справедливо, что избиратели гласныхъ, уполномочивая ихъ, имѣли въ виду только извѣстный родъ дѣятельности, точно опредѣленный закономъ, и конечно не имѣли въ виду ввѣрять своимъ выборнымъ всѣхъ возможныхъ мѣстныхъ интересовъ. Если бы законъ считалъ земскія собранія полными представителями всѣхъ возможныхъ интересовъ мѣстнаго населенія, то, во-первыхъ, онъ выразилъ бы это вполнѣ опредѣленно и не сталъ бы съ такою точностію исчислять предметы вѣдомства земскихъ собраній, какъ это сдѣлано въ положеніи; а во-вторыхъ, избиратели, имѣя это въ виду, могли бы прислать въ земскія собранія другихъ лицъ на это именно уполномоченныхъ и послѣдствія для земства могли бы быть совершенно другія.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ намъ кажется, что Комитетъ Министровъ имѣлъ полное основаніе усомниться въ правѣ земскихъ собраній вступать въ обязательства подобнаго рода. Къ сожалѣнію Комитетъ не нашелъ возможнымъ признать такія обязательства незаконными, а ограничился лишь постановкою вопроса и благимъ пожеланіемъ о разрѣшеніи его въ будущемъ.

Несмотря однако на изложенныя соображенія, концессія на сооруженіе Тамбовско-Козловской дороги была утверждена 14 апрѣля 1868 года и предоставлена уполномоченнымъ земствъ.

Вслѣдъ за симъ сооруженіе дороги передано товариществу Арманъ и Задлеръ по оптовому контракту за ту сумму, которая можетъ быть выручена по реализаціи бумагъ. Уставъ общества утвержденъ 8 октября, а движеніе открыто 22 декабря того же года.

Но наиболѣе серьезное участіе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ приняло Саратовское земство. Исторія сооруженія Тамбовско-Саратовской дороги замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь достойна удивленія не только цифра, до которой доведена стоимость сооруженія, но и та ловкость пріемовъ со стороны уполномоченныхъ, посредствомъ которыхъ они умѣли преодолѣть всѣ затрудненія,—умѣли не только заручиться согласіемъ земскаго собранія и утвержденіемъ правительства, но даже значительнымъ содѣйствіемъ послѣдняго въ денежномъ отношеніи, хотя въ правительственныхъ сферахъ во время переговоровъ дорога эта считалась линіею второстепенною, которой ни въ какомъ случаѣ не могла быть присвоена даже гарантія чистаго дохода. На этомъ основаніи мы войдемъ въ болѣе подробное изложеніе исторіи тѣхъ ходатайствъ, которыя были при этомъ употреблены.

Вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги отъ Саратова до Тамбова возникъ на первомъ же губернскомъ земскомъ собраніи, открытомъ въ концѣ 1866 года. Земство дѣйствительно сознавало пользу и необходимость сооруженія желѣзной дороги и потому избрало Комитетъ, состоявшій изъ губернскаго предводителя, какъ предсѣдателя земскаго собранія, предсѣдателя Губернской земской управы и предсѣдателя Саратовской уѣздной земской управы. Этому Комитету поручено было ходатайствовать передъ Правительствомъ о сооруженіи желѣзной дороги отъ Саратова до Козлова и буде возможно о выдачѣ концессіи Саратовскому земству. Но никакой мысли о какомъ либо серьезномъ пожертвованіи для этой цѣли, кромѣ расходовъ по командировкѣ, а тѣмъ болѣе о гарантіи дохода, среди земства въ то время не было. Въ мартѣ 1867 года уполномоченные отъ Саратовскаго губернскаго земства по соглашенію съ уполномоченнымъ отъ Кирсановскаго уѣзднаго земства просили о выдачѣ имъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что избранное ими направленіе будетъ одобрено, а самое предпріятіе можетъ осуществиться, дабы земство могло приступить къ подробнымъ изысканіямъ и предуготовительнымъ работамъ. 18 марта означеннымъ уполномоченнымъ выдано съ Высочайшаго разрѣшенія за подписомъ Министровъ Финансовъ

и Путей Сообщенія удостовѣреніе въ томъ: 1) что въ настоящее время всѣ средства Государственнаго Казначейства и государственнаго кредита употребляются на обезпеченіе линій желѣзныхъ дорогъ, вошедшихъ въ первую категорію, и что по этому Саратовской дорогѣ гарантія дарована быть не можетъ; 2) что Саратовская дорога, послѣ дорогъ первой категоріи, признается одною изъ самыхъ полезныхъ и посему въ свое время на нее будетъ обращено полное вниманіе правительства и 3) что Саратовскому и Кирсановскому земствамъ разрѣшается производить изысканія, дабы на основаніи положительныхъ данныхъ можно было постановить заключеніе о выгоднѣйшемъ направленіи и дѣйствительной стоимости ея устройства.

Между тѣмъ, вслѣдствіе ходатайства Борисоглѣбскаго земства о предоставленіи ему права на сооруженіе дороги отъ Тамбова къ Борисоглѣбску, которая можетъ быть продолжена на Царицынъ или Камышинъ, возникъ вопросъ: къ какой точкѣ Волжскаго низовья выгоднѣе направить дорогу отъ Козлова, — къ Саратову, Камышину или Царицыну. Въ виду означеннаго вопроса, уполномоченные Саратовскаго земства въ апрѣлѣ 1867 года объяснили г. Министру Путей Сообщенія, что производство изысканій требуетъ значительныхъ расходовъ, а между тѣмъ направленіе желѣзной дороги отъ Козлова на Тамбовъ, Кирсановъ и Аткарскъ къ Саратову не утверждено правительствомъ, вслѣдствіе чего просили о внесеніи вопроса о направленіи линіи на разсмотрѣніе комитета желѣзныхъ дорогъ. Г. Министръ Путей Сообщенія съ Высочайшаго разрѣшенія внесъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе комитета, который Высочайше утвержденнымъ 7 іюня 1867 года мнѣніемъ положилъ: 1) направленіе желѣзной дороги отъ Тамбова къ Саратову черезъ Кирсановъ и Аткарскъ утвердить въ общемъ видѣ; подробности же этого направленія должны быть опредѣлены мѣстными изысканіями. 2) Дозволить Саратовскому и Кирсановскому земствамъ производить на ихъ счетъ изысканія безъ права на гарантію или возвратъ изъ казны затраченныхъ суммъ. 3) Объявить земствамъ, что Саратовская дорога признается одною изъ самыхъ полезныхъ послѣ первоклассныхъ линій и что она будетъ включена въ число путей, стоящихъ на первой очереди послѣ реализаціи капитала для означенныхъ первоклассныхъ линій и наконецъ 4) уполномоченнымъ отъ Борисоглѣбскаго земства объявить, что направленіе дороги на Кирсановъ и Аткарскъ къ Саратову признано

болѣе выгоднымъ, чѣмъ на Борисоглѣбскъ къ Царицыну и Камышину.

На основаніи этого постановленія, уполномоченные земства произвели изысканія по линіи, а въ осеннемъ земскомъ собраніи 1867 года состоялось соглашеніе съ Кирсановскимъ Земствомъ и Саратовскимъ городскимъ обществомъ въ томъ, что всѣ они совокупно готовы гарантировать одинъ процентъ съ потребнаго на устройство дороги капитала и потому поручили своимъ уполномоченнымъ ходатайствовать у правительства лишь о 4-хъ-процентной гарантіи.

По окончаніи изысканій и по составленіи смѣтъ, уполномоченные отъ земствъ: гг. Лупандинъ, Михайловъ-Рославлевъ и Вологовской ходатайствовали о выдачѣ имъ концессіи. Въ докладной запискѣ Министру Путей Сообщенія, поданной 17 марта 1868 года, они изложили, что земства вмѣстѣ съ городомъ Саратовомъ согласились гарантировать 1% дохода на весь необходимый для сооруженія дороги капиталъ, что такая гарантія равняется 5% на часть этого капитала, достаточную для сооруженія перваго участка, поэтому они ходатайствовали объ учрежденіи акціонернаго общества съ капиталомъ, образуемымъ на 1/4 часть выпускамъ акцій, гарантированныхъ земствами и городомъ Саратовомъ и на 3/4 выпускомъ облигацій, гарантированныхъ правительствомъ. На выпущенныя такимъ образомъ акціи общество приступаетъ сейчасъ же къ работамъ по устройству перваго участка отъ Тамбова до Кирсанова на протяженіи 110 верстъ; облигаціи же выпускаются обществомъ не прежде, какъ по окончаніи устройства перваго участка. Такая комбинація была одобрена и г. Министромъ Финансовъ. Длина линіи опредѣлена въ 347 верстъ, а необходимый капиталъ на сооруженіе исчисленъ въ 27.734,236 металлическихъ рублей.

Между тѣмъ, окончательное разрѣшеніе этого вопроса встрѣчаетъ новое затрудненіе. Борисоглѣбское земство, получивъ вышеозначенный отвѣтъ, послѣдовавшій на основаніи положенія комитета желѣзныхъ дорогъ 7 іюня 1867 года, объ утвержденіи направленія дороги отъ Тамбова на Кирсановъ и Аткарскъ къ Саратову, обратилось съ ходатайствомъ о сооруженіи дороги отъ Грязей къ Борисоглѣбску и 21 марта 1868 года получаетъ концессію съ условіемъ построить эту дорогу на одинъ акціонерный капиталъ, въ которомъ правительство принимаетъ участіе и оставляетъ за собою акцій изъ 13.440,000 руб. металлическихъ

на 5.000,000 руб. по 80% за 100. Кромѣ того, обществу выдается для ускоренія работъ ссуда подъ особые залоги въ 1.000,000 руб., которая впослѣдствіи возмѣщается правительству также акціями общества. Эта концессія выдана безъ предварительныхъ изысканій и притомъ совершеннымъ экспромптомъ: никто изъ другихъ соискателей не представлялъ по устройству этой дороги никакихъ предложеній. Какъ внезапно возникъ вопросъ для этой дороги и какъ быстро онъ разрѣшенъ, видно изъ того, что не далѣе какъ въ половинѣ предыдущаго года, Борисоглѣбское земство вмѣстѣ съ вышеозначеннымъ отвѣтомъ о преимуществѣ саратовскаго направленія получило предложеніе представить изысканія по устройству вѣтви отъ Тамбова къ Борисоглѣбску, что и послужило вѣроятно поводомъ къ ходатайству о сооруженіи дороги отъ Грязей къ Борисоглѣбску. Очевидно, что разрѣшеніе ходатайства Борисоглѣбскаго земства не заставило себя ждать, такъ какъ 21 марта 1868 года была утверждена концессія на эту линію. Получивъ эту концессію, земство приступило немедленно къ работамъ посредствомъ оптоваго подрядчика, а между тѣмъ, встрѣтивъ затрудненіе въ реализаціи акцій, обратилось къ правительству съ новымъ ходатайствомъ о продолженіи дороги къ Камышину или Царицыну, при чемъ выставлялись выгоды ближайшаго соединенія низовьевъ Волги съ Ригою. Мысль эта была неоднократно выражаема Министерствомъ Путей Сообщенія, и разумѣется подобное ходатайство представляло возможность ея осуществленія. Такимъ образомъ съ одной стороны общество или лучше сказать оптовый подрядчикъ (такъ какъ здѣсь никакого дѣйствительнаго общества не существовало) былъ заинтересованъ не только увеличеніемъ почти втрое взятыхъ имъ работъ, но и необходимостію новой финансовой комбинаціи, по которой на дальнѣйшее сооруженіе линіи предполагалось выпустить облигаціи съ тѣмъ, что онѣ останутся за правительствомъ. Эти суммы, при тогдашней оцѣнкѣ поверстной стоимости, были достаточны для окончанія всей линіи и давали возможность вовсе не реализировать акцій; съ другой стороны Министерство Путей Сообщенія встрѣчало въ такомъ предпріятіи возможность привести въ исполненіе давно задуманную мысль, хотя бы и по частямъ. Весьма естественно, что мысль о сооруженіи дороги къ Царицыну могла задерживать разрѣшеніе вопроса о Саратовской дорогѣ, такъ какъ сооруженіе къ низовьямъ Волги двухъ дорогъ одновременно въ то

время казалось невозможнымъ. Но не одно это обстоятельство представляло затрудненіе къ достиженію цѣли уполномоченныхъ Саратовскаго и Кирсановскаго земствъ. Пензенское и Симбирское земство ходатайствовали о проведеніи желѣзной дороги отъ Моршанска къ Самарѣ, а Оренбургскій генералъ-губернаторъ представилъ основанный на изысканіяхъ проектъ желѣзной дороги отъ Оренбурга къ Самарѣ, мотивируя свое предложеніе необходимостію соединенія съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Намъ памятно это время, и мы имѣли случай убѣдиться, что въ высшихъ сферахъ было много защитниковъ мнѣнія о необходимости и большей выгодности сооруженія Моршанско-Самарской линіи. Вліятельныя лица, получившія большія недвижимыя имѣнія въ Самарской губерніи, всѣ были въ пользу этого мнѣнія и былъ одинъ моментъ, что дѣло уполномоченныхъ Саратовскаго земства могло считаться почти проиграннымъ.

Защитники каждаго изъ этихъ мнѣній, вполнѣ правильно предполагая невозможность осуществленія двухъ, а тѣмъ менѣе трехъ дорогъ въ одномъ и томъ же направленіи къ низовьямъ Волги, старались выставить преимущества предлагаемаго ими направленія и невыгоды остальныхъ. Само собою, разумѣется, что Министерство Путей Сообщенія высказалось за предложеніе Борисоглѣбскаго земства и съ этимъ мнѣніемъ согласился и Комитетъ Министровъ.

Такимъ образомъ явились два противуположныхъ мнѣнія двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Не далѣе какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1867 года Комитетъ желѣзныхъ дорогъ призналъ болѣе выгоднымъ направленіе дороги отъ Козлова на Тамбовъ, Кирсановъ и Аткарскъ къ Саратову и во исполненіе этого предположенія была выдана 14 апрѣля 1868 года концессія на устройство дороги отъ Козлова до Тамбова, а между тѣмъ въ томъ же апрѣлѣ 1868 года Комитетъ Министровъ признаетъ болѣе выгоднымъ направленіе дороги отъ Грязей черезъ Борисоглѣбскъ къ Камышину или Царицыну.

Въ виду подобныхъ затрудненій представители Саратовскаго и Кирсановскаго земствъ, безъ всякаго совѣщанія съ своими довѣрителями (разумѣется въ виду спѣшности и неотложности дѣла) рѣшаются на новое предложеніе; обойтись вовсе безъ всякой гарантіи Правительства и построить дорогу исключительно средствами земства, т. е. такъ, чтобъ на акціонерный капиталъ гаран-

тированный земствомъ, построить первый участокъ и подъ обезпеченіе этого участка выпустить облигаціи для сооруженія втораго, а за тѣмъ третьяго. Въ этомъ смыслѣ ими было подано Всеподданнѣйшее прошеніе, которое и было передано на разсмотрѣніе въ Комитетъ Министровъ. Послѣдній поручилъ Министру Путей Сообщенія: „истребовать отъ уполномоченныхъ земства подробныя свѣдѣнія по сему предмету и по соглашенію съ Министромъ Финансовъ войти въ подробное разсмотрѣніе земскаго проекта, какъ относительно дѣйствительности согласія земствъ и способовъ ихъ, такъ и относительно возможности осуществленія предпріятія на предположенныхъ основаніяхъ, а за тѣмъ внести свое представленіе въ Комитетъ Министровъ.“

Уполномоченные отъ земства объяснили, что они основываютъ право земства на выдачу гарантій на тѣхъ статьяхъ земскаго положенія, которыя возлагаютъ на земскія учрежденія попеченіе о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ, о развитіи промышленности и мѣстной торговли и разрѣшаютъ заключать отъ имени земства договоры и обязательства. Какъ на фактическое подтвержденіе этого права, они указывали на выданныя уже концессіи Козловскому, Тамбовскому и Борисоглѣбскому земствамъ, по которымъ допущена земская гарантія дохода. Такое заявленіе прямо указываетъ на общій недостатокъ нашей административной и законодательной практики, страдающей отсутствіемъ общихъ руководящихъ началъ; этотъ недостатокъ въ настоящемъ случаѣ имѣлъ весьма вредныя послѣдствія. Удовлетвореніе частныхъ ходатайствъ, безъ рѣшительнаго заключенія по общему вопросу о правѣ земскихъ учрежденій принимать участіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, создало извѣстный прецедентъ, противъ котораго невозможно было найти никакихъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было отказать Саратовскому земству въ правѣ гарантировать доходъ желѣзной дороги, если такое право признано было за другими земствами. Здѣсь можно было обсуждать только цифру гарантированнаго дохода, но въ этомъ вопросѣ наиболѣе компетентнымъ судьей было само земство, а отнюдь не Правительство. На этомъ основаніи прежде выданныя концессіи не могли не стѣснять до извѣстной степени свободу обсужденія общаго вопроса о земскихъ гарантіяхъ, возникшаго въ Комитетѣ Министровъ 25 іюня 1868 г. по поводу внесенія Министромъ Финансовъ записки о Тамбовско-Саратовской дорогѣ. Такое несвободное отношеніе къ дѣлу обусловли-

валось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ уполномоченными Саратовскаго земства были уже ведены переговоры, имъ было разрѣшено произвести изысканія и объявлено, что Саратовская линія признается подлежащею включенію въ число путей, стоящихъ на первой очереди послѣ первоклассныхъ дорогъ сѣти, утвержденной 23 апрѣля 1866 года. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго Комитетъ Министровъ въ означенномъ выше засѣданіи 25 іюня 1868 года, разсматривая сперва общій вопросъ о земской гарантіи, находилъ, что къ вѣдомству земскихъ учрежденій относится устройство лишь тѣхъ путей сообщенія, которые содержатся какъ повинность мѣстныхъ обывателей, тогда какъ устройство желѣзныхъ дорогъ есть предпріятіе коммерческое, сопряженное съ рискомъ, которому едва ли справедливо подвергать членовъ земства безъ ихъ на то согласія; впрочемъ окончательнаго рѣшенія по этому вопросу Комитетъ Министровъ не постановилъ, а лишь сослался на постановленіе свое 14 апрѣля 1868 года, которымъ впредь до окончательнаго рѣшенія этого вопроса положено пріостановить выдачу концессій съ гарантіями отъ земствъ. Что же касается въ частности обстоятельствъ сооруженія Саратовской дороги, то, въ виду происходившихъ съ уполномоченными переговоровъ, Комитетъ Министровъ призналъ ихъ исключительными и, имѣя въ виду представленную уполномоченнымъ Саратовскаго земства депешу предсѣдателя земскаго комитета по устройству Саратовской дороги, удостовѣряющую въ дѣйствительности согласія какъ земства, такъ и города Саратова на принятіе гарантіи и также мнѣніе Министра Финансовъ, признававшаго достаточнымъ это удостовѣреніе, несмотря на постановленіе свое 14 апрѣля 1868 года, положилъ поднести проектъ концессіи на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Такое нерѣшительное отношеніе Комитета Министровъ къ общему вопросу о земской гарантіи обращаетъ на себя вниманіе. Если Комитетъ находилъ, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ выходило изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій, то намъ бы казалось, что не слѣдовало вовсе допускать подобной гарантіи, несмотря на бывшіе примѣры; такъ какъ ошибочный образъ дѣйствія въ одномъ или двухъ случаяхъ не можетъ установить общее правило. Мы говоримъ „ошибочный“ на томъ основаніи, что Комитетъ Министровъ самъ призналъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ предпріятіемъ сопряженнымъ съ рискомъ, подвергать которому членовъ земства безъ ихъ согласія не спра-

ведливо. Между тѣмъ, такого согласія или несогласія отдѣльные члены земства выразить не могутъ. Члены земства или другими словами плательщики земскаго налога, при выборѣ своихъ гласныхъ, поручаютъ имъ завѣдываніе отнюдь не всѣми мѣстными интересами, а лишь интересами, строго опредѣленными въ законѣ, въ которомъ нѣтъ ни слова о желѣзныхъ дорогахъ; къ тому же на своихъ избирательныхъ съѣздахъ они не имѣютъ никакого права обсуждать какіе-либо вопросы и слѣдовательно изъявлять согласіе или несогласіе на такія исключительныя предпріятія, какъ устройство желѣзныхъ дорогъ. Въ числѣ мотивовъ, по которымъ Комитетъ призналъ возможнымъ допустить земскую гарантію по Саратовской дорогѣ, выставлены издержки земства на изысканія, но намъ кажется, что это вниманіе къ интересамъ земства могло только служить мотивомъ къ возврату земству этихъ издержекъ, а не къ признанію права его гарантировать доходъ желѣзной дороги. Но всего болѣе непонятно, что Комитетъ, признавая необходимымъ согласіе на гарантію со стороны отдѣльныхъ членовъ земства, не только не счелъ нужнымъ имѣть въ виду постановленіе земскаго собранія, но убѣдился въ этомъ согласіи только на томъ основаніи, что уполномоченный Саратовскаго земства, г. Лупандинъ, представилъ Министру Финансовъ депешу предсѣдателя земскаго комитета о сооруженіи Саратовской дороги, удостовѣряющую въ дѣйствительности этого согласія, такъ какъ Министръ Финансовъ призналъ такое удостовѣреніе достаточнымъ, хотя подобная депеша не представляла никакого юридическаго значенія и не могла считаться обязательною для земства. Обстоятельство это обратило на себя Высочайшее вниманіе. На журналѣ Комитета послѣдовала 6 іюля 1868 года собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція слѣдующаго содержанія: *„Нахожу полученное засвидѣтельствованіе отъ земскаго комитета недостаточнымъ и потому желаю, чтобы вопросъ о гарантіи былъ обсужденъ въ экстренномъ земскомъ собраніи Саратовской губерніи“*.

Между тѣмъ прежде, нежели послѣдовала означенная резолюція и даже прежде, чѣмъ дѣло было разсмотрѣно въ Комитетѣ Министровъ, а именно 21 іюня 1868 года земскій комитетъ по устройству Тамбовско-Саратовской дороги, состоявшій изъ губернскаго предводителя Давыдова, предсѣдателя губернской земской управы Михайлова-Рославлева и бывшаго предсѣдателя

Саратовской уѣздной управы г. Лупандина безъ участія представителя города Саратова заключилъ контрактъ съ братьями Гладиными, фонъ-Дезеномъ и Лукашевичемъ на сооруженіе желѣзной дороги за оптовую сумму, которая можетъ быть выручена по реализаціи бумагъ. Контрагенты эти къ іюлю мѣсяцу уже заподрядили рабочихъ, купили часть нужнаго для дороги лѣса и заказали шпалы, о чемъ представителемъ земства г. Лупандинымъ было представлено Министру Путей Сообщенія удостовѣреніе, въ видѣ писемъ означенныхъ контрагентовъ.

Само собою разумѣется, что на подобныя распоряженія, земскій комитетъ, на который возложено было только ходатайство о выдачѣ концессіи, не былъ вовсе уполномоченъ и прежде полученія концессіи не могъ быть уполномоченъ. Очевидно, что такія распоряженія со стороны комитета выходили изъ предѣловъ даннаго довѣрія и могли возбудить уголовное преслѣдованіе виновныхъ. Но къ сожалѣнію въ то время, о которомъ мы говоримъ, желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ сходило многое съ рукъ и комитетъ не только не скрывалъ подобныхъ распоряженій, но выставлялъ ихъ на видъ для того, чтобы ускорить окончательное разрѣшеніе вопроса, ни сколько не опасаясь, что это обстоятельство можетъ быть сообщено прокурорскому надзору, какъ мотивъ для уголовнаго преслѣдованія.

Во исполненіе приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ было созвано въ Саратовѣ экстренное губернское земское собраніе. Пишущему эти строки очень понятно это собраніе. Еще задолго до собранія весь Саратовъ уже говорилъ о томъ, что строители заключаютъ подряды на работы и поставки для желѣзной дороги и называлъ имена многихъ, принявшихъ участіе въ подрядахъ. Памятны намъ и Лукулловскіе обѣды, данные будущими строителями. Мы поднимаемъ только кончикъ завѣсы, покрывающей все это торжество, предоставляя другимъ впослѣдствіи описать эту эпопею. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ тѣ мотивы, которыми поддерживалъ г. Лупандинъ необходимость утвердить контрактъ, заключенный комитетомъ съ гг. Гладиными, фонъ-Дезеномъ и Лукашевичемъ, и отвергнуть нѣсколько предложеній гораздо болѣе выгодныхъ, сдѣланныхъ другими строителями. По его мнѣнію, высказанному публично въ собраніи, передать сооруженіе дороги другимъ лицамъ, на болѣе выгодныхъ условіяхъ, было бы нечестно со стороны Саратовскаго зем-

ства, такъ какъ весь успѣхъ ходатайства земства зависѣлъ вполнѣ отъ того участія, которое приняли въ этомъ дѣлѣ предложенные комитетомъ контрагенты. Всѣ наши старанія и хлопоты, говорилъ г. Лупандинъ, оставались безуспѣшными, пока мы не вошли въ соглашенія съ гг. Гладиными. Стало быть по его мнѣнію разрѣшеніе концессіи зависѣло не отъ того или другого взгляда правительственныхъ лицъ на пользу желѣзной дороги, а только отъ того обстоятельства, кто берется за ея сооруженіе. Такое мнѣніе по меньшей мѣрѣ смѣло.

Земское собраніе, не долго обдумывая вопросъ, а въ самый день открытія собранія, т. е. 5 августа 1868 года, большинствомъ 41 противъ 21 голоса постановило: ходатайствовать о возложеніи на Саратовское земство части гарантіи на строительный капиталъ въ 7.573,326 руб. металлическихъ, потребный для сооруженія 1-го участка дороги, согласно основаніямъ, изложеннымъ въ проектѣ концессіи, въ размѣрѣ 260,000 руб., причитающихся на Саратовское земство, за исключеніемъ долей гарантіи, принятыхъ Кирсановскимъ земствомъ въ размѣрѣ 50 тысячъ и Саратовскимъ городскимъ обществомъ въ размѣрѣ 75 тысячъ. Затѣмъ, если не ошибаемся, на слѣдующій день тѣмъ же большинствомъ голосовъ утвержденъ былъ и контрактъ на оптовую постройку дороги, заключенный земскимъ комитетомъ, и отвергнуты всѣ предложенія другихъ лицъ, не смотря на гораздо болѣе выгодныя для земства и города условія. Казалось бы, что при первомъ предложеніи объ утвержденіи заключеннаго комитетомъ договора, гг. гласнымъ прежде всего долженъ былъ представиться вопросъ: въ силу какихъ полномочій комитетъ позволилъ себѣ заключить контрактъ съ строителями и такимъ образомъ не только превысилъ свою власть, не только узурпировалъ права, которыя всецѣло могли принадлежать только земскому собранію, но присвоилъ ихъ себѣ даже прежде, нежели земство само получило право входить въ подобныя сдѣлки? Затѣмъ выступаетъ новый вопросъ: имѣло ли право само земство утверждать контрактъ на сооруженіе дороги, концессія на которую еще не была утверждена правительствомъ, и будетъ ли такое преждевременное утвержденіе юридически обязательно для слѣдующаго собранія? Очевидно, что относясь къ этимъ вопросамъ безпристрастно, слѣдовало предать законной отвѣтственности членовъ земскаго комитета, превысившихъ свои полномочія, и отказаться отъ разрѣшенія вопроса о контрактѣ съ строителями впредь до

утвержденія концессіи. Но такихъ вопросовъ въ собраніи не возникало и даже меньшинство только инстинктивно чувствовало всю невыгоду принимаемыхъ земствомъ обязательствъ, но не могло представить дѣйствительныхъ возраженій противъ принятія гарантіи. А такихъ возраженій можно было сдѣлать цѣлую массу и поставить въ совершенный тупикъ защитниковъ проекта.

Прежде всего представлялась спорною стоимость сооруженія дороги. Можно было доказать цифрами, что цѣна въ 27.731,236 р. за 347 верстъ, т. е. почти по 80,000 руб. металлическихъ на версту, преувеличена до-нельзя, но доказать этого конечно никто изъ гласныхъ не былъ въ состояніи. Затѣмъ гласнымъ говорили, что они гарантируютъ доходъ только съ 7.533,326 руб., тогда какъ въ сущности они гарантировали доходъ со всего капитала, нужнаго на сооруженіе дороги. Проценты съ облигаціоннаго капитала отчисляются изъ чистаго дохода, прежде чѣмъ опредѣляется доходъ по акціямъ, и слѣдовательно земство будетъ продолжать выплачивать гарантію до тѣхъ поръ, пока чистый доходъ не дойдетъ до цифры, достаточной на уплату процентовъ по облигаціямъ и акціямъ вмѣстѣ. Въ собраніи не нашлось ни одного человѣка, который вполнѣ оцѣнилъ бы значеніе принимаемаго земствомъ обязательства. Гласные, принадлежавшіе къ меньшинству, отстаивая интересы земства, не въ состояніи были даже понять, какое орудіе давали имъ въ руки ихъ противники тѣмъ условіемъ, что предложили гарантировать доходъ съ капитала на сооруженіе 1-го участка. На этомъ основаніи имъ бы слѣдовало ввести въ условіе, что гарантируя доходъ съ перваго участка земство требуетъ, чтобы отчетность по эксплуатаціи этого участка велась бы отдѣльно и чистый доходъ съ него уменьшалъ бы сумму слѣдующихъ съ земства приплатъ по гарантіи. Но этого условія въ концессіи нѣтъ, чистый доходъ со всѣхъ трехъ участковъ смѣшивается вмѣстѣ и поступаетъ прежде всего на уплату процентовъ по облигаціямъ и слѣдовательно земство гарантируетъ доходъ со всей цифры номинальнаго капитала, а не съ перваго только участка. Конечно, цифра земскихъ платежей не можетъ быть увеличена, она останется въ одномъ размѣрѣ, хотя бы дорога не принесла никакого дохода, но за то maximum платежа будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока изъ чистаго дохода не будетъ покрываться вся сумма процентовъ и погашенія по облигаціямъ, а также и долги, сдѣланные на уплату этихъ процентовъ по недостатку чистаго дохода. Уменьшеніе этой

цифры начнется только въ томъ случаѣ, когда изъ чистаго дохода будетъ приходиться часть въ дивидендъ по акціямъ. Ожидать такого положенія дѣлъ при той стоимости сооруженія, въ которую обошлась эта дорога, едва-ли возможно, въ особенности на томъ основаніи, что къ низовьямъ Волги проведено три дороги, тогда какъ всѣхъ грузовъ съ Волги, которые могутъ идти по желѣзнымъ дорогамъ, недостаточно и для одной. На этомъ основаніи Саратовскому земству долго еще придется платить полную цифру гарантированнаго обществу дохода.

Предчувствуя инстинктивно подобный исходъ, нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ Саратовской губерніи заявили свои протесты противъ постановленія губернскаго земскаго собранія, но повидимому эти протесты были формулированы не вполнѣ основательно и не убѣдили Комитета Министровъ, который въ постановленіи 10 октября 1863 г. призналъ ихъ не подлежащими принятію въ уваженіе, на томъ основаніи, что постановленія земскихъ собраній становятся обязательными по большинству голосовъ и допущеніе протестовъ отдѣльныхъ лицъ противъ подобныхъ постановленій подрывало бы коренныя начала положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Такое постановленіе комитета съ формальной стороны совершенно правильно; что же касается до вопроса по существу, то оно едва ли въ состояніи выдержать критику. Возраженія отдѣльныхъ лицъ противъ постановленій земскихъ собраній дѣйствительно не должны приниматься въ соображеніе только въ томъ случаѣ, когда эти постановленія касаются предметовъ вѣдомства, исчисленныхъ въ законѣ, на томъ основаніи, что гласные въ этомъ отношеніи вполнѣ уполномочены избирателями на такія рѣшенія, которыя они найдутъ нужнымъ принять по большинству голосовъ. Но какъ скоро вопросъ, о которомъ сдѣлано постановленіе земскаго собранія, выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства этого собранія, тогда подобная точка зрѣнія становится неприложимой, такъ какъ, допуская ее, можно дойти до того, что всякое постановленіе земскаго собранія, какъ бы незаконно оно ни было и съ какимъ бы нарушеніемъ правъ отдѣльныхъ лицъ ни было соединено, не можетъ подлежать отмѣнѣ. Ясно, что вопросъ о возраженіи противъ компетентности земскаго собранія и правильности принятыхъ имъ рѣшеній есть спорный вопросъ объ извѣстномъ правѣ между учрежденіемъ и частнымъ лицомъ и, какъ таковой, подлежитъ разсмотрѣнію и

рѣшенію не въ порядкѣ административномъ, а въ порядкѣ судебномъ. На этомъ основаніи намъ бы казалось, что, согласно съ общими началами государственнаго права, подобные протесты не могли быть оставлены безъ послѣдствій, а напротивъ протестантамъ слѣдовало объявить, что они пользуются общимъ правомъ судебной защиты, если считаютъ свои права нарушенными со стороны земскаго собранія, и слѣдовательно могутъ обратиться въ подлежащее судебное мѣсто. Къ сожалѣнію у насъ не въ обычаѣ ставить общіе вопросы и разрѣшать изъ съ точки зрѣнія главныхъ основаній государственнаго права. Нѣтъ также ничего удивительнаго и въ томъ, что между отдѣльными членами земства не нашлось людей, которые рѣшились бы обратиться въ этомъ вопросѣ къ судебной власти съ искомъ противъ гласныхъ.

Кромѣ того означенное постановленіе Комитета Министровъ не вполнѣ согласуется съ его постановленіями 14 апрѣля и 25 іюня, которыми онъ признялъ, что было бы несправедливо подвергать отдѣльныхъ членовъ земства риску, сопряженному съ гарантіею желѣзнодорожнаго дохода безъ ихъ на то согласія, а между тѣмъ въ постановленіи своемъ 10 октября не призналъ никакого значенія за протестами этихъ членовъ земства, тогда какъ послѣдніе не имѣли никакого другаго способа выразить свое несогласіе и представить его на усмотрѣніе Правительства до рѣшенія вопроса о гарантіи.

Затѣмъ 17 октября 1868 года концессія на Тамбовско-Саратовскую дорогу была утверждена на слѣдующихъ основаніяхъ: Земство Саратовской губерніи и Кирсановскаго уѣзда вмѣстѣ съ городскимъ обществомъ города Саратова принимаютъ на себя обязанность образовать акціонерное общество для устройства и эксплуатаціи Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги. Длина дороги опредѣлена въ 340 верстъ; капиталъ общества въ 27.734,236 руб. металлическихъ, изъ которыхъ 7.573,326 металлическихъ рублей образуется путемъ выпуска акцій, остальные же выпускомъ облигацій; по акціямъ гарантируется учредителями 5% интереса и 1/12% погашенія; на акціонерный капиталъ строится первый участокъ дороги; за тѣмъ на облигаціонный капиталъ строится остальная часть пути. Земляное полотно должно быть для двухъ путей, точно также и каменныя части мостовъ; верхнее же строеніе и желѣзныя части мостовъ въ одинъ путь. Радіусы кривыхъ должны быть не менѣе 300 саженъ,

уклоны продольной профили не болѣе 0,008; количество подвижнаго состава опредѣлено въ 55 паровозовъ, 122 пассажирскихъ вагона и 900 товарныхъ вагоновъ и платформъ.

Изъ приведенной цифры капитала общества мы видимъ, что поверстная стоимость дороги предположена въ 81.571 руб. металлическихъ, — цѣна громадная даже и для того времени, въ особенности, если мы припомнимъ стоимость сооруженія Курско-Харьковско-Азовской дороги, которая въ томъ же году сдана за 68.000 руб. металлическихъ, т. е. дешевле на 13.571 руб. при несравненно болѣе затруднительныхъ условіяхъ сооруженія, какъ по топографическимъ условіямъ мѣстности, такъ и по дороговизнѣ рабочихъ рукъ.

Но мы еще болѣе должны удивляться этой баснословной оцѣнкѣ сооруженія, когда познакомимся хотя сколько нибудь съ цифрами разцѣночной вѣдомости. [1]) Такъ напр. вышеприведенный подвижной составъ оцѣненъ въ 2,947.900 руб.; для повѣрки этой цифры возьмемъ высокія цѣны, за которыя въ то время конечно можно было пріобрѣсти подвижной составъ, а именно для паровозовъ 22,000 руб. металлическихъ, пассажирскіе вагоны въ 4.000 руб. и товарные крытые въ 1.200 руб. и открытые въ 900 руб. Кромѣ того предположимъ на $^1/_4$ часть вагоновъ по 300 руб. на тормозныя приспособленія. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что весь подвижной составъ могъ стоить 2,309.500 руб., слѣдовательно стоимость его возвышена ни болѣе ни менѣе какъ на 641.400 руб. металлическихъ, что составляетъ почти 28% дѣйствительной стоимости. Если намъ замѣтятъ, что на Саратовской дорогѣ дѣйствуютъ 10 паровозовъ системы Ферли, которые стоятъ до 28,000 руб., то мы на это скажемъ, что необходимость этихъ паровозовъ обусловлена отступленіемъ со стороны строителей отъ условій концессіи, а именно вслѣдствіе допущенныхъ ими уклоновъ въ 0,012 саж. Количество земляныхъ работъ также преувеличено въ ужасающихъ размѣрахъ. Оно исчислено въ 2,965.251 куб. саж., что̀ составляетъ по 8721 кубической сажени на версту. Мы ссылаемся на всѣхъ техниковъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и утверждаемъ, что такого количества земляныхъ работъ не можетъ существовать ни на одной изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, а тѣмъ болѣе ихъ не можетъ существовать на Саратовской до-

[1]) Сборникъ свѣд. о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ отд. II, стр. 53, изд. 1876 года.

рогѣ, которая на половинѣ своего протяженія отъ Кирсанова до Аткарска идетъ по совершенно гладкой и ровной мѣстности, почти безъ всякихъ земляныхъ работъ, такъ что баластъ разсыпанъ просто по грунту земли и только проведены боковыя канавы для отвода воды. На участкѣ отъ Тамбова до Кирсанова также незамѣтно значительныхъ земляныхъ работъ и только на участкѣ отъ Аткарска до Саратова замѣчаются болѣе значительныя работы, которыя однакожъ вовсе не такъ громадны, чтобъ ими можно было оправдать цифру показанныхъ работъ въ разцѣночной вѣдомости. Наиболѣе значительныя земляныя работы у насъ встрѣчаются на Орловско-Грязской дорогѣ, которая на всемъ своемъ протяженіи идетъ по мѣстности чрезвычайно пересѣченной, но и тамъ количество земляныхъ работъ не доходитъ до этой цифры и мы хотя не имѣемъ въ виду разцѣночной вѣдомости по этой дорогѣ, но положительно увѣрены въ этомъ. Мы смѣло утверждаемъ, что на Саратовской дорогѣ оно преувеличено покрайней мѣрѣ на $^1/_3$, не говоря уже о томъ, что стоимость земляныхъ работъ показана въ 2 р. 20 коп. металлическихъ, чего конечно не платилъ ни одинъ изъ желѣзнодорожныхъ строителей. Вотъ къ какимъ ошибочнымъ исчисленіямъ можетъ вести отсутствіе правительственныхъ изысканій при выдачѣ концессія. Но что для насъ менѣе понятно, такъ это ошибочное исчисленіе стоимости баластнаго слоя. Высота его опредѣляется техническими условіями, ширина пути также. На этомъ основаніи количество баласта преувеличено быть не можетъ и слѣдовательно неправильный расчетъ можетъ быть только по отношенію къ стоимости баласта. Извѣстно также, что на каждую версту пути нужно не болѣе 154 кубическихъ саженъ баласту, а на 340 верстъ 51.000 кубовъ. Между тѣмъ на Саратовской дорогѣ на этотъ предметъ назначено 1,463.700 руб. метал. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ объяснить эту цифру. 51.000 кубовъ песку, даже преувеличивая стоимость его до 10 руб., можетъ стоить 510.000 р.; за тѣмъ предполагая еще верхній баластъ, состоящій изъ щебня, въ 50 кубиковъ на версту и полагая его цѣну въ 20 р., его стоимость обойдется въ 340.000 р., вмѣстѣ это составитъ 850.000 руб., и эта цифра будетъ на 613.700 руб менѣе, чѣмъ показанная въ разцѣночной вѣдомости, т. е. послѣдняя оказывается преувеличенной противъ дѣйствительной стоимости на 72%. Изъ этихъ примѣровъ мы вправѣ заключить, что и остальныя цифры разцѣночной вѣдомости также

преувеличены, но такое возвышеніе стоимости сооруженія замѣчено не было.

Послѣ начала работъ вновь учрежденное общество встрѣтило затрудненіе въ реализаціи облигацій и принуждено было обратиться къ содѣйствію Правительства. На основаніи положенія Комитета Министровъ 4 іюля 1869 года Правительство пріобрѣло всѣ облигаціи общества по 66% за сто съ условіемъ доплаты впослѣдствіи, если облигаціи будутъ реализованы Правительствомъ по цѣнѣ болѣе высокой. Въ силу этого условія въ 1871 году Обществу было доплачено 1,135.282 р. 31 коп.— Подобная сдѣлка съ правительствомъ спасла и общество, и земство отъ окончательнаго разоренія. Въ силу подобной сдѣлки недостатокъ доходовъ общества на уплату процентовъ и погашенія по облигаціонному капиталу зачисляется долгомъ на общество впредь до тѣхъ поръ, пока доходы общества не возрастутъ.

При сооруженіи Саратовской желѣзной дороги были сдѣланы слѣдующія отступленія отъ концессіи. Длина главнаго пути увеличена до 354 верстъ и кромѣ того съ разрѣшенія Министра Путей Сообщенія допущены были продольные уклоны въ 0,010. При освидѣтельствованіи же 3-го участка дороги оказалось, что строителями допущены продольные уклоны, доходящіе до 0,012 саж. Вслѣдствіе этого открытіе движенія на этомъ участкѣ обусловлено пріобрѣтеніемъ паровозовъ системы Ферли, которые и были строителями заказаны. Всѣ эти отступленія отъ концессіи допущены были безъ согласія учрежденій, гарантировавшихъ доходъ по акціямъ, а между тѣмъ эти отступленія не могутъ не имѣть значительнаго вліянія на результаты эксплуатаціи. Увеличеніе длины дороги возвышаетъ стоимость провоза на 4%, что не можетъ не повліять на уменьшеніе количества валоваго сбора. Съ другой стороны, увеличеніе крутизны продольныхъ склоновъ необходимо увеличиваетъ расходъ на топливо и на ремонтъ пути и подвижнаго состава. Такимъ образомъ подобное отступленіе отъ условій концессіи необходимо будетъ имѣть вліяніе на размѣръ приплатъ по гарантіи и на продолжительность срока этихъ приплатъ, т. е. существенно нарушаетъ право учрежденій, гарантировавшихъ доходъ по акціямъ, а такъ какъ это измѣненіе въ условіяхъ сооруженія сдѣлано безъ вѣдома и согласія этихъ учрежденій, то обязанность ихъ отвѣтствовать по гарантіи, обѣщанной ими при извѣстныхъ только условіяхъ, не можетъ оставаться въ силѣ. Намъ кажется, что если отказъ въ уплатѣ гарантіи будетъ мотиви-

рованъ такимъ образомъ, то никакое судебное учрежденіе не будетъ имѣть основанія присудить учредителей общества къ платежу обѣщанной ими гарантіи. По этому мы думаемъ, что Министерство Путей Сообщенія, допустившее отступленіе отъ условія концессіи безъ согласія учредителей, сдѣлало значительную ошибку, которая можетъ отозваться очень невыгодно на интересахъ казны.

Въ порядкѣ принятаго нами способа изложенія, намъ слѣдуетъ говорить объ исторіи сооруженія Балтійской желѣзной дороги. Вопросъ объ этомъ сооруженіи возникъ еще въ 1863 году, когда довѣренный отъ нѣкоторыхъ дворянъ Эстляндской губерніи и жителей города Ревеля, эстляндскій дворянинъ Курсель обратился въ Главное Управленіе Путей Сообщенія съ просьбою о разрѣшеніи для этой цѣли образовать акціонерное общество съ капиталомъ въ 26,000.000 руб., т. е. по 73,240 р. съ версты. На этотъ капиталъ испрашивалась гарантія дохода въ 5%, т. е. 1.300,000 руб., считая въ томъ числѣ и погашеніе капитала. Вслѣдствіе такого ходатайства учредителямъ объявлено, что Балтійская дорога не входитъ въ число тѣхъ дорогъ, по которымъ признано возможнымъ назначать гарантію дохода, и кромѣ того самая разцѣнка признается слишкомъ высокой и не оправдывается проектомъ.

За тѣмъ въ іюнѣ 1865 года г. Курсель представилъ новое ходатайство и получилъ даже удостовѣреніе Министра Путей Сообщенія и Финансовъ въ томъ, что они будутъ ходатайствовать передъ Правительствомъ объ утвержденіи представленнаго учредителями положенія о Балтійской желѣзной дорогѣ, если послѣдніе, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня выдачи означеннаго документа, внесутъ опредѣленный залогъ и представятъ доказательства, что подписка на капиталъ обезпечена. Но въ декабрѣ того же года г. Курсель представилъ Министру Путей Сообщенія о невозможности образовать общество и просилъ дополнительныхъ льготъ, въ которыхъ ему было отказано.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до конца 1866 года: въ ноябрѣ этого года эстляндскій губернскій предводитель дворянства баронъ Паленъ обратился къ Министру Путей Сообщенія съ ходатайствомъ о дарованіи эстляндскому дворянству уступочнаго договора на сооруженіе Балтійской дороги на тѣхъ же основаніяхъ и по той же суммѣ стоимости, какое заявлено прежними учредителями; но впослѣдствіи, а именно въ мартѣ 1867 года, баронъ Паленъ, извѣстясь о Высочайшемъ повелѣ-

нія не заключать новыхъ уступочныхъ договоровъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, просилъ представленіе его оставить безъ послѣдствій. Въ ноябрѣ же 1867 г. баронъ Паленъ повторяетъ свое ходатайство и по Всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ было повелѣно: 1) объявить предводителю эстляндскаго дворянства, что въ настоящее время выдача концессій вообще остановлена, что затѣмъ необходимо прежде всего обезпечить линіи, признанныя первоклассными, и что на этомъ основаніи эстляндскому дворянству не могутъ быть выданы ни концессія на Балтійскую желѣзную дорогу, ни промессъ на оную; 2) завѣрить эстляндскаго предводителя дворянства, что когда, по устраненіи этихъ препятствій, Правительство признаетъ возможнымъ приступить къ сооруженію этой дороги, дворянство будетъ извѣщено и ему будетъ предоставлено сдѣлать предложенія на равныхъ съ другими соискателями правахъ.

Впрочемъ другихъ конкурентовъ на сооруженіе не явилось и по всей вѣроятности обстоятельства, мѣшавшія выдачѣ концессіи въ ноябрѣ 1867 года, измѣнились очень быстро, такъ какъ 10 августа 1868 года послѣдовало утвержденіе концессіи на сооруженіе дороги отъ Балтійскаго порта къ Петербургу, по которой баронъ Паленъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ эстляндскаго дворянства, обязался составить акціонерное общество для сооруженія дороги безъ гарантіи Правительства и притомъ на слѣдующихъ условіяхъ: длина линіи отъ Балтійскаго порта черезъ Ревель, Везенбергъ и Нарву до одной изъ станцій С.-Петербурго-Варшавской или С.-Петербурго-Ораніенбаумской дороги не должна превышать 377 верстъ, а капиталъ общества опредѣлялся въ 70,000 руб. металлическихъ на версту; земляное полотно дороги назначено въ одинъ путь и только каменныя части для двухъ большихъ мостовъ черезъ рѣки Нарову и Лугу въ два пути; количество подвижнаго состава опредѣлено въ 50 паровозовъ, 90 вагоновъ пассажирскихъ, 10 вагоновъ багажныхъ и 800 товарныхъ. Такимъ образомъ оказывается, что на одинъ паровозъ приходится болѣе 7 верстъ пути и менѣе $2^1/_2$ вагоновъ на версту, считая въ томъ числѣ даже багажные вагоны. Такого ограниченнаго количества подвижнаго состава мы не встрѣчали ни на одной дорогѣ. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что полотно дороги и мосты на ней, кромѣ двухъ большихъ, назначены въ одинъ путь, количество же запасныхъ и разъѣздныхъ путей опредѣлено вмѣсто $^1/_5$ въ $^1/_7$ всей

длины, чего мы также не встрѣчаемъ на другихъ линіяхъ. Что же касается до поверстной стоимости дороги, то 70,000 металлическихъ превышаютъ стоимость очень многихъ дорогъ, несмотря на болѣе выгодныя условія мѣстности и дешевизну лѣсныхъ матеріаловъ. Сравнивая эти условія сооруженія и исчисленную стоимость рѣшительно непонятно, чѣмъ руководствовались наши техническія учрежденія при ея опредѣленіи. Не говоря уже о томъ, что на линіи очень мало земляныхъ работъ и цѣна заработной платы въ Эстляндской губерніи не идетъ ни въ какое сравненіе съ цѣною ея на югѣ Россіи, здѣсь нѣтъ никакого расхода на провозъ рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей сухимъ путемъ. Прямо изъ кораблей они поступаютъ на линію. Но что всего удивительнѣе, такъ это ничтожное количество подвижнаго состава. Дорога, по количеству своего движенія, далеко не изъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ ея движеніе гораздо болѣе значительно, чѣмъ на Саратовской, а между тѣмъ количество подвижнаго состава на послѣдней опредѣлено по концессіи гораздо болѣе. Тамъ на 340 верстъ предположено 55 паровозовъ, а здѣсь на 377 только 50; тамъ число товарныхъ вагоновъ назначено 900 на меньшее количество верстъ, а здѣсь 800 на большее. Пусть намъ не говорятъ, что на Саратовской дорогѣ предполагалось болѣе сильное движеніе, чѣмъ на Балтійской, потому что подобное предположеніе было бы всего менѣе извинительно, такъ какъ Балтійская дорога составляетъ конечный путь къ порту, который и открывается гораздо ранѣе и закрывается гораздо позднѣе, чѣмъ Петербургскій. Кромѣ того, петербургскіе мосты и двойная перегрузка въ Петербургѣ на каботажныя суда и съ послѣднихъ на морскіе, уравновѣшиваетъ провозъ до Ревеля, въ особенности, если принять въ соображеніе плаваніе по Финскому заливу въ шкерахъ. Что строители разсчитывали на значительное количество грузовъ изъ внутреннихъ губерній,—это не подлежитъ сомнѣнію, потому что они избрали начальнымъ пунктомъ своей дороги станцію Тосну на Николаевской дорогѣ. Постройка дороги отъ Тосны до Гатчины могла предприниматься только въ виду значительнаго количества грузовъ, ожидаемыхъ съ Николаевской дороги, что вполнѣ оправдалось на практикѣ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній весьма странно поражаетъ то обстоятельство, что дорогѣ этой не придавалось большаго значенія и ей отказано сначала во всякомъ пособіи отъ казны, вслѣдствіе чего поверстная стоимость ея сооруженія возвысилась до громад-

ной цифры при условіяхъ постройки полотна въ одинъ путь и съ ничтожнымъ количествомъ подвижнаго состава. Тѣмъ не менѣе общество не въ состояніи было окончить дороги безъ содѣйствія Правительства и послѣднее должно было согласиться на гарантію чистаго дохода по крайней въ 3%, и эта гарантія дана была обществу 5 марта 1870 года. Само собою разумѣется, что гарантія въ этомъ размѣрѣ была гораздо выгоднѣе обществу, нежели это казалось: стоимость сооруженія въ этой мѣстности при вышеприведенныхъ условіяхъ не могла обойтись дороже 40,000 рублей съ версты, а слѣдовательно 3% съ номинальной цѣны составляютъ $5^1/_4$% на капиталъ, дѣйствительно затраченный. Такое предположеніе вполнѣ подтверждается биржевою цѣной акцій при первомъ ихъ появленіи на биржѣ: цѣна эта не превышала 60 руб.

Такимъ образомъ представленіемъ гарантіи трехъ-процентнаго дохода было обезпечено окончаніе дороги, которая въ октябрѣ 1870 года и открыта для движенія, хотя и оставались еще нѣкоторыя несущественныя недодѣлки.

Вслѣдъ за открытіемъ движенія въ обществѣ Балтійской желѣзной дороги возникаетъ вопросъ о неудобствѣ отсутствія конечнаго пункта въ Петербургѣ, съ которымъ означенная линія могла сноситься только при посредствѣ Варшавской дороги. Подобное положеніе дѣла представляло положительную невозможность отправлять грузы самостоятельно и прямо до Петербурга. Вслѣдствіе этого въ концѣ 1871 года правленіе общества Балтійской дороги представило въ Министерство Путей Сообщенія проектъ сліянія Балтійской и Петергофской желѣзныхъ дорогъ и соединительной вѣтви отъ станціи Петергофской дороги въ Красномъ селѣ до пересѣченія Балтійской дороги рѣкою Парицы. Въ августѣ 1872 года проектъ этотъ получилъ Высочайшее утвержденіе и разрѣшеніе на постройку Гатчинской пассажирской станціи на Кирасирскомъ полѣ, противъ Гатчинскаго дворца. Условіе соединенія этихъ двухъ дорогъ состояло въ слѣдующемъ: 1) общество Балтійской желѣзной дороги уплачивало за всѣ 30,400 акцій Петергофской дороги по 115 руб. за каждую, всего 3.496,000 руб., и сооружало соединительную вѣтвь отъ Краснаго села до Гатчины; 2) необходимыя для этого средства пріобрѣтались выпускомъ пятипроцентныхъ облигацій на номинальный капиталъ въ 4.500,000 руб. по курсу не ниже 78%; 3) изъ общихъ дохо-

довъ обѣихъ дорогъ общество обязывалось прежде всего уплачивать 5% и $^{1}/_{12}$% погашенія на облигаціонный капиталъ и остатокъ затѣмъ обращать на выдачу процентовъ по акціямъ. Если же этотъ остатокъ будетъ менѣе 3-хъ процентовъ гарантированнаго дохода, то Правительство дополняетъ недостающую сумму опредѣленной гарантіи. Такимъ образомъ облигаціи общества Балтійской желѣзной дороги не именуются гарантированными со стороны Правительства и въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ они показываются въ числѣ бумагъ, коимъ не присвоена гарантія, между тѣмъ въ сущности онѣ имѣютъ эту гарантію, такъ какъ акціонерамъ Балтійской дороги гарантированъ трехпроцентный доходъ за уплатою процентовъ и погашенія по облигаціямъ. Подобная сдѣлка для акціонеровъ Петергофской дороги была весьма выгодна, такъ какъ они получали гарантированныя Правительствомъ бумаги въ уплату за акціи вовсе не гарантированныя и далеко не приносившія имъ тогда дохода, который они могли получать въ видѣ процентовъ по облигаціямъ; точно также это выгодно было и для акціонеровъ общества Балтійской дороги, которыя пріобрѣтали возможность прямаго соединенія съ Петербургомъ, не рискуя для этого ничѣмъ: ихъ доходъ былъ гарантированъ за уплатою процентовъ и погашенія по облигаціямъ. Весь рискъ въ томъ случаѣ, еслибъ доходъ отъ Петергофскаго участка не покрылъ условленнаго платежа по облигаціямъ, упадалъ на Правительство, хотя, повидимому, послѣднее не принимало на себя никакихъ новыхъ обязательствъ. — Во всѣхъ договорахъ не было произнесено ни слова о дарованіи какой бы то ни было новой гарантіи, а между тѣмъ въ сущности обществу Балтійской желѣзной дороги было предоставлено выпустить на 4.500,000 рублей гарантированныхъ правительствомъ облигацій, которыя замѣнили собой 3.800,000 руб. акцій Петергофской дороги, не имѣвшихъ вовсе никакой гарантіи. Операція вполнѣ удачная, но только не для государственнаго казначейства.

Къ числу дорогъ, сооруженіе которыхъ разрѣшено въ теченіе 1868 года, относится также Харьково-Кременчугская дорога. Высочайше утвержденная въ 1866 году сѣть желѣзныхъ дорогъ заканчивается сооруженіемъ этой дороги только теперь, хотя, какъ мы видѣли выше, много другихъ дорогъ, не вошедшихъ въ предположенную сѣть, были разрѣшены гораздо прежде. Читатели вѣроятно припомнятъ, что еще въ 1864 году состоялось Высочайшее

повелѣніе строить дороги отъ Москвы черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и Кіевъ и отъ Одессы черезъ Валту, Кременчугъ до Харькова. Предположенія же о соединеніи Курска съ Харьковомъ отложены до послѣдующаго времени. Обстоятельства съ той поры совершенно измѣнились и Одесса оказалась уже соединенною съ Москвою черезъ Валту, Кіевъ и Курскъ и строились дороги отъ Курска до Харькова и отъ Валты до Кременчуга. Оставался невыполненнымъ только участокъ отъ Харькова до Кременчуга. При такихъ обстоятельствахъ польза сооруженія этого участка подвергалась сомнѣнію, вслѣдствіе чего г. Министръ Путей Сообщенія въ маѣ 1868 года вошелъ въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ съ представленіемъ о томъ, что въ постройкѣ Харьково-Кременчугскаго участка не представляется прежней необходимости и что полезнѣе было бы средства и кредитъ Государственнаго казначейства обратить на сооруженіе другой желѣзной дороги отъ Харькова до Севастополя. Вопросъ этотъ разсматривался въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ 31 мая 1868 года и возбудилъ разногласіе между членами. Министры Государственныхъ Имуществъ и Путей Сообщенія отдавали преимущество дороги на Севастополь, полагая, что линія эта, кромѣ военнаго и политическаго значенія, имѣетъ еще и коммерческое, представляя собою кратчайшее соединеніе богатыхъ и плодородныхъ губерній съ лучшимъ Черноморскимъ портомъ и притомъ обезпечена обратными грузами крымской соли, вина и фруктовъ (хотя количество двухъ послѣднихъ продуктовъ, доставляемое во внутреннія губерніи, могло быть отправлено на одномъ или двухъ поѣздахъ); линія же отъ Харькова до Кременчуга, по ихъ мнѣнію, не представлялась необходимою на томъ основаніи, что во первыхъ, соединеніе Одессы съ Москвою уже было достигнуто черезъ Кіевъ, во вторыхъ, что соединеніе Харькова съ Одессою не могло быть удовлетворительно безъ устройства моста черезъ Днѣпръ (а развѣ это было невозможно?), а въ третьихъ—Харьковъ и восточные уѣзды Харьковской губ. имѣютъ естественное тяготѣніе къ азовскимъ портамъ, къ которымъ они на 350 верстъ ближе, чѣмъ къ Одессѣ (возможность соединенія съ Николаевымъ упускалась вовсе изъ вида). Напротивъ, Новороссійскій генералъ-губернаторъ Коцебу признавалъ особенно важное значеніе за Харьковско-Кременчугскимъ участкомъ. По его мнѣнію „хотя дорога отъ Харькова до Таганрога дѣйствительно короче, чѣмъ до Одессы (и здѣсь также возможность соединенія съ Николаевымъ не предусмотрѣна), но за то Одесскій портъ имѣетъ огромныя преимущества передъ мелковод-

нымъ Таганрогскимъ, изъ котораго предстоитъ еще плаваніе по Азовскому морю и выходъ въ Черное черезъ Керченскій проливъ, сопряженные съ возвышеніемъ страховой преміи, перегрузкою и другими затрудненіями; имѣя это въ виду, а также то обстоятельство, что торговые обороты Харькова съ Одессою всегда превышали обороты Харькова съ Таганрогомъ (едва ли это когда нибудь было, а еслибъ даже и было, то не служитъ ни чему доказательствомъ, такъ какъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ могло измѣниться), генералъ-адъютантъ Коцебу полагалъ, что, при совмѣстномъ существованіи Харьково-Одесской и Харьково-Таганрогской линій, движеніе грузовъ будетъ распредѣляться по обоимъ направленіямъ, смотря по времени года, такъ какъ Азовское море зимою закрывается на 4 или 5 мѣсяцевъ, а Одесскій портъ среднимъ числомъ не болѣе 16 дней въ году. Сооруженіе моста черезъ Днѣпръ дѣйствительно необходимо и можетъ обойтись до 3 мил. руб., но подобному расходу, по его мнѣнію, не трудно окупиться тамъ, гдѣ ежедневно проходитъ отъ 2—3 тысячъ подводъ". Въ виду означенныхъ различныхъ мнѣній большинство членовъ комитета пришло къ заключенію, что Севастопольская и Кременчугская дороги не должны быть поставляемы въ состязаніе между собою, такъ какъ и та и другая необходимы, что Харьково-Одесская линія вошла въ сѣть, Высочайше утвержденную 23 апрѣля 1866 года, и значительная часть ея отъ Балты до рѣки Днѣпра уже выстроена и недостроенную часть ея представляетъ именно Харьково-Кременчугскій участокъ, который, проходя по населенному и плодородному краю, можетъ имѣть свое самостоятельное значеніе; что же касается до Севастопольской дороги, то она помимо военнаго и политическаго значенія имѣетъ и коммерческое. На этомъ основаніи большинство комитета заключило, что не слѣдуетъ откладывать постройки какъ той, такъ и другой дороги.

Пренія эти, по нашему мнѣнію, весьма характеристичны, такъ какъ въ нихъ выражены только самыя общія мѣста, дѣйствительной же оцѣнки экономическаго значенія предположенныхъ дорогъ мы въ нихъ не видимъ какъ со стороны защитниковъ того и другаго направленія, такъ и со стороны большинства членовъ комитета. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что линія отъ Балты до Харькова никогда не могла имѣть никакого экономическаго значенія, чему служитъ прямымъ доказательствомъ участокъ дороги отъ Балты до Елизаветграда, на которомъ происходитъ самое ничтожное движеніе; если же въ на-

стоящее время на участкѣ отъ Харькова до Знаменки происходитъ довольно значительное движеніе, то оно вызвано сооруженіемъ дороги отъ Знаменки къ Николаеву. Но объ этомъ не было и рѣчи во время преній. Затѣмъ мнѣніе, что желѣзныя дороги могутъ служить средствомъ доставки нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей на значительное разстояніе, было весьма ошибочно. Фрахты изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей до Марселя или Лондона на столько высоки и количество привозимыхъ къ этимъ портамъ заграничныхъ товаровъ такъ мало, что количество нашихъ земледѣльческихъ произведеній, нужное для отправки за границу, не можетъ превышать извѣстнаго предѣла, далѣе котораго оно не можетъ быть увеличено безъ значительнаго пониженія цѣнъ. При этомъ количество хлѣбныхъ грузовъ, возможное къ вывозу изъ нашихъ портовъ, приходитъ къ нимъ или водою по Днѣпру, Дону и Бугу, или подвозится изъ окрестныхъ мѣстностей на волахъ; только незначительная часть хлѣбныхъ грузовъ, отправляемыхъ заграницу, какъ показываетъ позднѣйшій опытъ, приходитъ по желѣзнымъ дорогамъ. Существующія въ нашихъ южныхъ портахъ цѣны въ обыкновенные годы, не превышающія 8 и 9 рублей за четверть пшеницы, не допускаютъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ на дальнія разстоянія, въ особенности, если къ этимъ расходамъ присоединить нагрузку и выгрузку, подвозку и отвозку къ станціи и со станціи желѣзной дороги. Совсѣмъ другое дѣло порты Балтійскаго моря. Здѣсь разница въ цѣнѣ на пшеницу въ сравненіи съ портами Азовскими и Черноморскими доходитъ до 4 руб. на четверть или 40 коп. на пудъ, и это даетъ возможность перевозки на 1,600 верстъ, считая даже по $1/40$ коп. съ пуда и версты. На этомъ основаніи стоило только сравнить цѣны, существующія въ портовыхъ городахъ на югѣ и на Балтійскомъ морѣ, чтобъ придти къ заключенію, что желѣзныя дороги никогда не будутъ значительнымъ средствомъ для перевозки нашихъ хлѣбныхъ грузовъ къ портовымъ городамъ Чернаго и Азовскаго морей, что количество доставляемаго хлѣба водою и собираемаго въ 150-верстномъ разстояніи отъ портовыхъ городовъ вполнѣ достаточно для удовлетворенія заграничнаго спроса и что на этомъ разстояніи желѣзная дорога, если къ ней нужна еще подвозка, не въ состояніи конкурировать съ чумакомъ. Другое дѣло, еслибъ нашъ югъ требовалъ значительное количество заграничныхъ товаровъ, которые приходили бы туда моремъ: тогда иностранные корабли являлись бы въ наши

южные порты не съ баластомъ, а съ грузомъ и фрахтъ конечно былъ бы дешевле. Но приходя съ баластомъ нарочно для полученія грузовъ пшеницы, заграничные корабли не могутъ брать дешевыхъ цѣнъ за перевозку нашихъ хлѣбныхъ грузовъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается одна изъ причинъ, вслѣдствіе которой наши грузы отправляются на Кенигсбергъ и Данцигъ, а не на Ригу; количество ввоза обусловливаетъ и количество вывоза.

Изъ этихъ соображеній можно вывести то заключеніе, что желѣзныя дороги къ южнымъ нашимъ портамъ не могутъ имѣть значительнаго вліянія на вывозъ изъ этихъ портовъ нашихъ хлѣбныхъ грузовъ и что мнѣніе о тяготѣніи такихъ мѣстностей какъ Харьковская и Полтавская губерніи къ Одессѣ не выдерживаетъ никакой критики. Такое положеніе дѣлъ продолжится до тѣхъ поръ, пока населеніе юга не возрастетъ и промышленное развитіе его не возрастетъ въ сильной степени, что положительно невозможно при существующей системѣ стѣсненія переселеній и нашемъ охранительномъ тарифѣ. Только система свободной торговли, доставляя странѣ дешевыя заграничныя произведенія, можетъ содѣйствовать накопленію сбереженій и, увеличивая ввозъ, можетъ понизить фрахтъ на перевозку грузовъ и такимъ образомъ содѣйствовать нашему отпуску изъ внутреннихъ губерній и придать нашимъ южнымъ желѣзнымъ дорогамъ характеръ артерій, по которымъ будутъ изливаться избытки нашихъ произведеній на заграничные рынки: только въ такомъ случаѣ мы будемъ въ состояніи конкурировать съ Америкой и Австраліей въ доставкѣ хлѣбныхъ грузовъ въ западную Европу.

На этомъ основаніи намъ нужна была на югѣ не усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, которымъ, какъ показала практика, и возить нечего было къ южнымъ портамъ, а быстрое заселеніе нашихъ южныхъ степей, возможное удешевленіе издержекъ жизни въ томъ краѣ и снабженіе его за умѣренный процентъ капиталами для развитія производства, всѣми элементами котораго онъ такъ богато одаренъ. Плодородная почва, богатыя залежи желѣзной руды и минеральнаго топлива даютъ полную возможность такого развитія, недостаетъ только рукъ и капиталовъ для разработки этихъ богатствъ. Къ сожалѣнію у насъ взглянули на возможность развитія этого края весьма односторонне и всего ожидали только отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, забывая, что желѣзныя дороги, составляя только одно изъ многихъ средствъ къ развитію

производства, поглощають громадные капиталы и если развитіе рельсовыхъ путей идетъ не паралельно съ развитіемъ производства, то они становятся орудіемъ застоя и экономической задолженности. Кромѣ того необходимо принять въ соображеніе, что нашъ югъ всего болѣе страдаетъ отъ господствующей у насъ протекціонной системы. Мы здѣсь на сѣверѣ далеко не ощущаемъ тѣхъ неудобствъ, которыя возникаютъ въ этомъ отношеніи на югѣ. Промышленность фабричная, благодаря климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, по необходимости должна была развиться въ сѣверныхъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что этому содѣйствовала и близость столицъ, притягивающая къ себѣ какъ денежные, такъ и умственные капиталы, не говоря уже о томъ, что покровительственный тарифъ самъ по себѣ имѣетъ централизующее вліяніе и вызываетъ устройство фабрикъ и заводовъ не тамъ, гдѣ условія производства выгодны, а тамъ, гдѣ является обиліе капиталовъ. Всѣ эти обстоятельства доставляютъ намъ, сѣвернымъ жителямъ, возможность удовлетворять нашимъ потребностямъ съ меньшими неудобствами, чѣмъ жителямъ юга, которые стѣснены въ этомъ отношеніи съ одной стороны высокими пошлинами на заграничныя произведенія, съ другой дальностію разстоянія отъ промышленныхъ центровъ Россіи и дороговизной предметовъ русскаго производства, которая возрастаетъ вслѣдствіе недостатка капиталовъ и предпріимчивости. Стѣсненное такимъ образомъ населеніе нашего юга въ своемъ потребленіи, оно вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсняется и въ своемъ отпускѣ, такъ какъ западная Европа, не имѣя постояннаго сбыта своихъ произведеній въ нашихъ южныхъ портахъ, заявляетъ свои требованія на наши хлѣбные грузы не постоянно въ извѣстныхъ размѣрахъ, а періодически при извѣстномъ повышеніи среднихъ цѣнъ, когда посылка въ наши порты кораблей съ баластомъ окупается дорогими фрахтами изъ нашихъ портовъ. При такихъ условіяхъ вся хлѣбная торговля на югѣ представляетъ положительно спекулятивную дѣятельность, при которой не можетъ существовать правильнаго и вѣрнаго сбыта произведеній нашей почвы. На этомъ основаніи въ силу указанныхъ условій не можетъ быть и рѣчи о накопленія сбереженій и возможности значительнаго промышленнаго развитія на югѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать стѣсненіе переселенія и покровительственный тарифъ.

Мы отвлеклись отъ нашего предмета въ область общихъ экономическихъ воззрѣній, желая представить читателю, какими со-

ображеніями слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, руководиться при разрѣшеніи вопросовъ о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Только ставя вопросъ на эту точку зрѣнія, можно правильно опредѣлить экономическое значеніе общей сѣти и каждой отдѣльной линіи. Громадныя траты средствъ государственнаго казначейства на удовлетвореніе этой потребности, средствъ, слагающихся изъ ничтожныхъ доходовъ нашего плательщика податей, имѣютъ полное право на болѣе осторожное и внимательное отношеніе къ этому вопросу, тѣмъ болѣе, что излишнія въ этомъ случаѣ траты могутъ быть не только не производительны, но, отвлекая средства и силы отъ другихъ производствъ, могутъ быть положительно гибельны для нашей промышленности.

Между тѣмъ подобное обобщеніе вопросовъ вовсе не обычно въ нашей административной практикѣ и изъ приведенныхъ выше преній Комитета желѣзныхъ дорогъ читатель можетъ видѣть ясно, въ какомъ тѣсномъ кругѣ соображеній черпаются у насъ мотивы для разрѣшенія вопроса о необходимости того или другаго пути. Всѣ эти мотивы сводятся къ плодородію почвы, къ населенности края, къ удобствамъ того или другаго порта, къ возможности имѣть обратные грузы изъ Крыма въ родѣ *виноградныхъ винъ и фруктовъ*. Но намъ кажется, что прежде, нежели думать объ обратныхъ грузахъ, слѣдовало бы разрѣшить вопросъ будутъ ли въ состояніи Харьковъ и Полтава посылать свои произведенія въ Севастополь и Одессу и будутъ ли имѣть надобность въ этихъ произведеніяхъ западныя государства? Къ сожалѣнію на этотъ вопросъ никто изъ членовъ Комитета не обратилъ вниманія: движеніе грузовъ изъ плодородныхъ мѣстностей къ нашимъ портамъ предполагалось несомнѣннымъ, какъ только будетъ устроена желѣзная дорога. Опытъ однакожъ не подтвердилъ этого ожиданія, и несмотря на устройство желѣзныхъ дорогъ, послѣднія принимаютъ мало участія въ доставкѣ хлѣбныхъ грузовъ къ южнымъ портамъ. Предвидѣть такія послѣдствія было нисколько не трудно; стоило только сравнить цѣны, существовавшія за нѣсколько лѣтъ въ нашихъ портахъ, съ цѣнами въ Марсели и Лондонѣ и принять въ соображеніе стоимость фрахта и портовыхъ расходовъ. Къ освѣщенію этого вопроса могло служить также движеніе хлѣбныхъ грузовъ на большія разстоянія къ балтійскимъ портамъ, что вполнѣ объяснялось болѣе высокою цѣной, существовавшей въ этихъ портахъ. Но въ такихъ данныхъ никто не встрѣтилъ никакой на-

добности, и Россія выстроила на многіе десятки милліоновъ новыхъ желѣзныхъ путей, не только неприносящихъ дохода, но требующихъ постояннаго пособія отъ казны.

Какъ бы то ни было, но постройка Харьково-Кременчугской дороги была рѣшена и 24 августа 1868 года концессія на ея сооруженіе была выдана гофмейстеру Абазѣ и барону Унгернъ-Штернбергу на слѣдующихъ условіяхъ: длина линіи отъ Харькова черезъ Полтаву до Кременчуга опредѣлена въ 247 верстъ; капиталъ общества исчисленъ въ 14.300,000 руб. металлическихъ, изъ которыхъ четвертая часть должна была образоваться выпускомъ негарантированныхъ акцій, а три четверти выпускомъ облигацій гарантированныхъ Правительствомъ въ 5% дохода и 1/10% погашенія. Земляное полотно и каменныя части мостовъ устраиваются для двухъ путей; верхнее же строеніе въ одинъ путь съ необходимымъ количествомъ разъѣздовъ, не менѣе одной пятой длины всей дороги; количество подвижнаго состава опредѣлено въ 50 паровозовъ, 78 пассажирскихъ, 4 багажныхъ и 650 товарныхъ вагоновъ и платформъ. Вся дорога длиною 248 верстъ открыта для движенія 15 іюня 1871 года. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что поверстная стоимость дороги обошлась значительно дешевле не только Саратовской, но и Балтійской, не смотря на то, что полотно дороги строилось въ два пути и она по своему протяженію снабжена гораздо большимъ количествомъ подвижнаго состава, а именно: она обошлась въ 56,378 руб. съ версты, т. е. на 13,622 рубля дешевле Балтійской. Если же принять въ соображеніе, что лѣсные матеріалы и доставка рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей на послѣдней должны были обходиться значительно дешевле, чѣмъ на Харьковской, то рѣшительно становится непонятнымъ, какимъ образомъ могла быть утверждена цѣна Балтійской дороги въ 70,000 рублей. Это тѣмъ менѣе понятно потому, что переговоры объ устройствѣ этихъ двухъ дорогъ были ведены въ одно время и концессія утверждены въ одномъ и томъ же августѣ мѣсяцѣ 1868 года. Такъ какъ значительная разница въ стоимости постройки желѣзныхъ дорогъ можетъ относиться только къ землянымъ работамъ и искусственнымъ сооруженіямъ и стоимость этихъ двухъ статей, показанная по разцѣночной вѣдомости Харьково-Кременчугской дороги, составляетъ на версту 9,586 руб., то невѣроятно, чтобъ этотъ расходъ на Балтійской дорогѣ, построенной въ одинъ путь, могъ превышать эту цифру

на 13.622 руб., всѣ же остальныя статьи расхода должны были обойтись на Балтійской дорогѣ гораздо дешевле.

Харьково-Кременчугская дорога нынѣ составляетъ участокъ Харьково-Николаевской, но такъ какъ концессія на участокъ отъ Знаменки до Николаева выдана позднѣе, то мы еще будемъ имѣть случай говорить объ этой дорогѣ, а теперь будемъ слѣдовать нашему хронологическому порядку.

Мы наконецъ дошли до того момента въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, когда несообразность цѣнъ въ различныхъ концессіяхъ стала обращать на себя вниманіе. Баснословныя состоянія, создававшіяся почти моментально изъ ничего, возмущали невольно совѣсть честныхъ людей, а погоня за концессіями и желаніе какими бы то ни было путями пристроиться къ желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ, стали чуть не всеобщими. Жажда наживы, и притомъ быстрой, охватила общество и окунуться въ это море золотой грязи не считалось постыднымъ ни для кого. Если вмѣстѣ съ этой грязью, всѣ эти желѣзно-дорожные дѣятели успѣвали выносить и золото, то успѣхъ оправдывалъ и вполнѣ обѣлялъ ихъ. Мы не очень винимъ капиталистовъ, прямо бравшихся за дѣло и наживавшихъ себѣ милліоны: для нихъ это были только выгодные подряды и ничего болѣе; имъ можно развѣ поставить въ вину тѣ средства, которыя они употребляли для того, чтобъ взять дѣло, но они имѣли за себя въ этомъ случаѣ и смягчающія обстоятельства. Вѣдь говорилъ же Струсбергъ на судѣ, что въ Россіи безъ подарковъ нельзя было сдѣлать никакого дѣла. Эти взгляды у насъ выработались исторически. Но есть другой родъ дѣятелей, которые никогда явно не вступали въ желѣзно-дорожное дѣло, но были ходатаями, посредниками и заступниками за дѣятелей явныхъ, пользовались своими связями и торговали своимъ положеніемъ. Этотъ разрядъ людей представляется намъ всего болѣе отвратительнымъ. Между этими людьми бывали даже такіе, которые старались только показать желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ, что они въ хорошихъ отношеніяхъ съ людьми власть имѣющими, входили къ нимъ въ кабинетъ въ пріемные дни и выходили оттуда съ папиросой во рту; имъ давали промесы, хотя они не смѣли никогда сказать слова въ пользу своихъ кліентовъ. Обѣщая свое содѣйствіе нѣсколькимъ конкурентамъ, они играли навѣрняка, потому что кто нибудь да получалъ концессію. Къ сожалѣнію въ среду желѣзно-дорожныхъ дѣятелей попадали и другаго сорта

люди, которые увлеклись по теченію, не сообразивъ, куда они идутъ, бросили свои прежнія занятія и потратили даромъ и время, и деньги. Такому порядку вещей нужно было положить конецъ, и чтобъ ограничить эту желѣзно-дорожную горячку, необходимо было понизить цѣну. Единственнымъ средствомъ для такого пониженія представлялась конкуренція, и потому 18-го октября 1868 года состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ утверждены новыя правила выдачи концессій, состоящія въ слѣдующемъ: 1) концессіи предварительно разсматриваются въ Комитетѣ Министровъ, который постановляетъ, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ вызвать соискателей на конкуренцію между собою; 2) Министръ Финансовъ испрашиваетъ всеподданнѣйшимъ докладомъ Высочайшее соизволеніе на приглашеніе къ конкуренціи лицъ, допущеніе которыхъ онъ признаетъ для дѣла полезнымъ; 3) предложенія присылаются къ Министру Финансовъ въ запечатанныхъ конвертахъ и открываются въ Совѣтѣ Министра, куда приглашаются соискатели; и 4) соискателямъ объявляется: a) что тотъ, за которымъ останется дѣло, долженъ будетъ возмѣстить расходы по изысканіямъ: казнѣ,—если оныя произведены Правительствомъ, частнымъ лицамъ,—если они произведены ими и въ послѣднемъ случаѣ по соглашенію, а если таковое не состоится, по назначенію Министра Путей Сообщенія и b) что Комитетъ Министровъ разсмотритъ представленныя предложенія и поднесетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе свое заключеніе о принятіи одного изъ предложеній или объ отклоненіи оныхъ.

Не трудно замѣтить, что приведенныя правила, хотя и допускали въ извѣстной степени начало конкуренціи, но въ сущности давали ей слишкомъ мало простора. Прежде всего необходимо сказать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовалось особое постановленіе комитета министровъ о вызовѣ соискателей на конкуренцію. Стало быть конкуренція допускалась не какъ общее правило, а только въ извѣстныхъ случаяхъ, зависящихъ единственно отъ усмотрѣнія Комитета Министровъ. Поэтому капиталисты, не имѣя въ виду, по какой линіи будетъ допущена конкуренція и по какой нѣтъ, не могли принимать заблаговременно мѣръ къ изученію вопроса о стоимости сооруженія линіи и соискателями могли явиться только тѣ изъ нихъ, которые случайно производили свои изысканія на той или другой линіи. Одно это обстоятельство уже должно было значительно стѣснить кругъ предложеній и возможность пониженія цѣнъ. Затѣмъ этого ограниченія оказалос

статочно и потому Министру Финансовъ предоставлено было право указанія тѣхъ лицъ, приглашеніе которыхъ онъ находилъ полезнымъ для дѣла. Если читатель внимательно слѣдилъ за нашей статьей, то онъ конечно могъ убѣдиться, насколько гарантированы были интересы Правительства и общества стремленіемъ поручать дѣло благонадежнымъ строителямъ и насколько выборъ этихъ лицъ со стороны правительственной власти былъ удаченъ. Казалось бы, что въ настоящемъ вопросѣ, какъ денежномъ по преимуществу, представленіе залога есть самое вѣрное ручательство за благонадежность предпринимателя и нѣтъ никакой надобности требовать отъ него какихъ-то нравственныхъ гарантій благонадежности, тѣмъ болѣе, что офиціальныя данныя для такихъ сужденій всегда оказываются недостаточными, а самыя заключенія весьма шаткими. Всѣ несостоявшіяся концессіи служатъ прямымъ подтвержденіемъ справедливости этой мысли. Повидимому желаніе ограничить въ этомъ случаѣ конкуренцію было большой ошибкой, потому именно, что громадность такого предпріятія, какъ сооруженіе желѣзной дороги, сама собою ограничиваетъ число соискателей и намъ кажется, что слѣдовало бы принимать мѣры не къ ограниченію, а къ возможно большему увеличенію числа конкурирующихъ лицъ, т. е. мѣры какъ разъ противуположныя тѣмъ, которыя у насъ были приняты. Если, такимъ образомъ, на конкуренцію могли явиться только лица, признанныя Министромъ Финансовъ вполнѣ благонадежными, то казалось бы, что въ дальнѣйшихъ мѣрахъ, зависящихъ отъ усмотрѣній, не предстояло никакой надобности; казалось бы, что всѣ, такимъ образомъ избранные конкуренты могутъ пользоваться на торгахъ равными правами и концессія должна быть утверждена за тѣмъ, кто объявитъ низшую цѣну. Но оказалось, что всѣ эти правила недостаточно гарантировали благонадежность концессіонеровъ и Комитету Министровъ предоставлялось право выбора одного изъ предложеній, а не простое утвержденіе низшихъ цѣнъ. Вслѣдствіе этого конкуренція сводилась къ незначительнымъ послѣдствіямъ: въ ней могли участвовать только лица, имѣвшія особыя связи и хорошо извѣстныя высшимъ правительственнымъ лицамъ, а не тѣ люди дѣла, которые умѣли и могли значительно понизить стоимость сооруженія.

Изъ всего сказаннаго читатель ясно можетъ убѣдиться, что конкуренція въ томъ видѣ, какъ она была допущена, не могла понизить цѣнъ до ихъ minimum'а, да врядъ ли и имѣлось въ виду это пониженіе въ правительственныхъ сферахъ. Къ сожалѣ-

нію вопросъ о стоимости сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ то время до такой степени былъ затемненъ и мало разработанъ, что дешевизна цѣнъ скорѣе могла возбуждать сомнѣніе въ солидности предпринимателя, чѣмъ обезпечивать ему успѣхъ на конкуренціи, не смотря на громадные барыши первыхъ строителей. Само собою разумѣется, что низшіе агенты власти старались поддержать мнѣніе о невозможности дешевой постройки и въ томъ находили свои выгоды. Если бы высшія правительственныя сферы находили возможнымъ понизить цѣны и стремились бы къ такому пониженію посредствомъ конкуренціи, то простой здравый смыслъ и обыкновенная практическая сметка должны были бы подсказать совершенно другой образъ дѣйствій, а именно необходимость предоставить конкуренціи полный просторъ и въ обезпеченіе интересовъ казны требовать однихъ матеріальныхъ обезпеченій въ видѣ залоговъ; при неуспѣхѣ же подобной системы примѣнить къ дѣлу простой подрядный способъ, раздѣливъ предпріятіе по родамъ работъ и поставокъ и оставивъ за Правительствомъ право сдать эксплуатацію дороги частному лицу или обществу, не принимая на себя тягостныхъ обязательствъ на вѣковые сроки. Подобный образъ дѣйствій требовался уже и потому, что въ 1868 году окончательно выяснилось, что реализировать необходимый капиталъ Правительству гораздо легче, чѣмъ частнымъ лицамъ и обществамъ. Но въ томъ-то и бѣда, что условія сооруженія желѣзныхъ дорогъ и ихъ дѣйствительная стоимость не были извѣстны въ правительственныхъ сферахъ и всѣ были увѣрены въ томъ, что пониженіе цѣнъ не только невозможно, но и не желательно, такъ какъ оно указываетъ на отсутствіе правильнаго расчета. Словомъ, вѣра въ безошибочность офиціальныхъ расчетовъ заставляла рѣшительно закрывать глаза на дѣйствительные факты.

1868 годъ въ нашей исторіи желѣзнодорожнаго дѣла заканчивается двумя концессіями, имѣющими далеко не одинаковое значеніе, а именно на Московско-Смоленскую и Новоторжскую дорогу. Мы разсмотримъ исторію сооруженія первой вмѣстѣ съ продолженіемъ ея до Бреста, а затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ и о послѣдней.

Мысль о соединеніи Москвы съ Варшавою желѣзнымъ путемъ ходила въ обществѣ еще задолго до возбужденія этого вопроса путемъ офиціальнымъ. Въ 1866 году, по ходатайству намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, состоялось Высочайшее повелѣніе о производствѣ изслѣдованія мѣстности по этому направленію. Между тѣмъ

въ февралѣ 1866 года Смоленское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ Правительствомъ о соединеніи желѣзной дорогой Москвы съ Смоленскомъ, войдя по этому предмету въ соглашеніе съ Московскимъ земствомъ.

Въ октябрѣ того же года Смоленская губернская земская управа представила черезъ Смоленскаго губернатора Министру Внутреннихъ Дѣлъ ходатайство, чтобы предположенное правительствомъ соединеніе рельсовымъ путемъ Москвы съ Варшавою сдѣлано было черезъ Смоленскъ. Мотивами такого ходатайства выставлялись: во первыхъ, важное военное значеніе Московско-Варшавскаго пути; во вторыхъ, экономическая необходимость соединенія центра мануфактурной промышленности въ Москвѣ съ сѣверо-западнымъ краемъ, лишеннымъ всякаго промышленнаго развитія; и въ третьихъ, невыгодность для интересовъ русской народности уединенія и отчужденія колонизированныхъ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерній отъ средоточія русскаго духа и русской жизни.

Эти предположенія нашли въ Москвѣ большое сочувствіе. Въ мартѣ 1867 года Московское и Смоленское земства вмѣстѣ съ Московскимъ дворянствомъ и Московскою думою ходатайствовали, чтобы концессія на Московско-Смоленскую дорогу выдана была земствамъ обѣихъ губерній. Но ходатайства эти не имѣли успѣха и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ 7 іюня 1867 года было постановлено, что концессія можетъ быть выдана только тогда, когда будетъ найдена возможность сооруженія всей дороги отъ Москвы до Бреста. Мы не имѣемъ въ виду дѣйствительныхъ мотивовъ, которые послужили основаніемъ такого рѣшенія, но не можемъ не замѣтить, что если имѣлось въ виду сооруженіе линіи отъ Москвы до Бреста, то Московско-Смоленская дорога могла только содѣйствовать осуществленію этой линіи, но никакъ не могла помѣшать ей, тѣмъ болѣе, что Смоленскъ находится на прямой линіи отъ Москвы къ Бресту. Конечно, въ то время еще не былъ рѣшенъ вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи линіи къ Бресту и существовало мнѣніе о необходимости направить ее на Бобруйскъ; но это предположеніе, какъ намъ кажется, не могло служить препятствіемъ, такъ какъ линія отъ Москвы къ Бобруйску довольно близко подходила къ Смоленску, и въ видахъ достиженія этой цѣли, можно было избрать направленіе нѣсколько южнѣе нынѣ существующаго и примкнуть линію къ одной изъ станцій Орловско-Смоленской дороги. Такимъ образомъ вопросъ о направленіи линіи къ Бресту на Бобруйскъ или Минскъ могъ бы

оставаться открытымъ, а линія отъ Москвы къ Смоленску могла бы строиться независимо отъ линіи Смоленско-Брестской. На этомъ основаніи мы имѣли полное право сказать, что дѣйствительныхъ мотивовъ отказа въ выдачѣ концессіи Московскому и Смоленскому земствамъ мы въ виду не имѣемъ.

Справедливость этого мнѣнія подтверждается еще и тѣмъ, что независимо отъ рѣшенія вопроса о концессіи на эту дорогу не далѣе какъ зимою 186$\frac{7}{8}$ года земству Смоленской губерніи отпущены были деньги для открытія работъ по сооруженію Московско-Смоленской губерніи съ цѣлію доставить заработки нуждающемуся населенію Смоленской губерніи, по случаю неурожая, бывшаго въ 1867 году, — неурожая, который конечно въ іюнѣ 1867 года могъ быть предусмотрѣнъ.

Вопросъ о направленіи дороги отъ Смоленска къ Бресту подвергался обсужденію не одинъ разъ. Въ 1866 году по распоряженію намѣстника Царства Польскаго графа Берга произведены были изысканія на Смоленско-Брестской линіи и на основаніи этихъ изысканій была составлена записка, въ которой графъ Бергъ ходатайствовалъ объ утвержденіи главной линіи отъ Смоленска до Бреста и вѣтви отъ мѣстечка Сельцы до Пинска. По мнѣнію графа Берга Смоленско-Брестская линія должна имѣть преимущественно стратегическое значеніе: соединяя двѣ главныя оборонительныя линіи, — Бугъ и Днѣпръ, — она могла бы составить операціонную линію для театра войны въ Литвѣ, гдѣ армія, дѣйствуя вдоль этой линіи, будетъ прикрыта съ лѣваго фланга болотами Полѣсья, а съ праваго можетъ поддерживаться войсками, подвигающимися по С.-Петербурго-Варшавской и Динабурго-Витебской дорогамъ, а также резервами изъ Москвы. Въ торгово-промышленномъ отношеніи Смоленско-Брестская дорога, по мнѣнію графа Берга, хотя и не обѣщаетъ большихъ барышей въ началѣ, но можетъ содѣйствовать подъему выдѣлки мѣстныхъ лѣсныхъ продуктовъ, въ особенности фабрикаціи смолы, терпентину и поташа, на которые существуетъ большой спросъ за границею; въ то же время она пособила бы развитію стекляннаго производства и выплавки желѣза изъ болотныхъ рудъ, а главнѣе всего могла бы служить для доставки въ среднюю Европу нашихъ и средне-азіятскихъ товаровъ и для привоза колоніальныхъ и мануфактурныхъ произведеній, назначаемыхъ для Москвы, Нижняго и [illegible] средней Россіи. Способствуя также наплыву въ западный [illegible]ъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, Смоленско-Б[illegible]

должна содѣйствовать скорѣйшему обрусенію этого края. Она возстановила бы торговое и политическое значеніе Смоленска, утраченное имъ вслѣдствіе проведенія въ сторонѣ отъ него шоссейныхъ путей отъ Москвы къ Варшавѣ и отъ Кіева къ Петербургу. Чтожъ касается вѣтви отъ Сельца къ Пинску — то она представляется полезнымъ соединеніемъ съ Смоленско-Варшавской линіей этого главнаго рынка западнаго края, для удобнѣйшаго снабженія страны хлѣбомъ, солью и другими предметами первой необходимости. Относительно стоимости сооруженія Смоленско-Брестской линіи графъ Бергъ полагалъ, что она обойдется до 38 мил. рублей вмѣстѣ съ вѣтвью къ Пинску, не считая стоимости реализаціи и процентовъ за время постройки. Если же принять въ соображеніе эти, двѣ статьи, прибавимъ мы отъ себя, то дѣйствительная стоимость этой дороги, по мнѣнію графа Берга, могла обойтись въ 50 мил. рублей.

Мы нарочно выписали соображенія уважаемаго нами сановника, чтобъ показать читателю на сколько вѣрны были вообще въ то время взгляды высшихъ сферъ на дѣйствительное значеніе желѣзныхъ дорогъ какъ въ военномъ, такъ и промышленномъ отношеніи. Что касается до насъ, то мы позволимъ себѣ несогласиться съ мнѣніемъ гр. Берга, и предложимъ вопросъ, дѣйствительно ли Смоленско-Брестская дорога можетъ служить операціонной линіей для войны въ Литвѣ? Мы просимъ читателей не удивляться тому, что мы беремъ на себя смѣлость поставить этотъ стратегическій вопросъ. Мы не позволили бы себѣ браться за разрѣшеніе подобнаго вопроса, еслибъ для этого нужны были какіе нибудь стратегическія соображенія; но намъ кажется, что вопросъ этотъ можно разрѣшить на основаніи соображеній чисто политическаго свойства, имѣя въ виду географію страны и припоминая нѣкоторыя историческія явленія. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ судить о вопросѣ, въ которомъ мы, повидимому, вовсе не компетентны.

Говоря о театрѣ военныхъ дѣйствій въ Литвѣ, необходимо бы прежде всего поставить вопросъ: съ какимъ государствомъ можетъ быть война, театромъ которой будетъ Литва. Очевидно, что только съ Пруссіей или съ цѣлой Германіей. Сколько мы не вдумывались въ этотъ вопросъ, но допустить такую случайность для насъ просто немыслимо. Начать съ того, что всѣ наши русскіе политическіе интересы или солидарны съ Германіей, или положительно индеферентны для нея. Вообще говоря, трудно предполо-

жить такую противоположность разумныхъ интересовъ той и другой націи, которая могла бы вызвать военное между ними столкновеніе. Намъ кажется, что хотя и можетъ существовать между русскими и нѣмцами извѣстное враждебное настроеніе, то никогда оно не выразится въ военномъ столкновеніи, а скорѣе всего нѣмцы будутъ вести противъ насъ культурную борьбу, которая имъ гораздо сподручнѣе, въ особенности если развитіе нашей гражданственности будетъ идти также медленно, какъ оно шло до сихъ поръ. Взгляните сколько выгодныхъ стратегическихъ пунктовъ для культурной борьбы уже и теперь находится въ рукахъ нѣмцовъ и число этихъ пунктовъ въ ихъ рукахъ постоянно возрастаетъ. За чѣмъ же нѣмцамъ вооружать противъ насъ свою армію, когда они забираютъ насъ въ руки даже безъ всякаго съ нашей стороны протеста. Мы не считаемъ нужнымъ представлять этому доказательства, такъ какъ читатель, конечно, убѣжденъ въ справедливости высказаннаго нами мнѣнія; мы не будемъ говорить также и о причинахъ подобнаго явленія, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы указываемъ только на фактъ, который вполнѣ устраняетъ всякій поводъ къ военному столкновенію. Нѣмцы будутъ скорѣе оберегать наши интересы, для того, чтобы вѣрнѣе насъ эксплуатировать. Но, допустимъ, что, несмотря на это, военное столкновеніе возникло. Что же тогда? Неужели можно предположить, что военные люди Германіи не примутъ въ соображеніе географическихъ условій нашей страны и рѣшатся идти въ глубь Литвы, оставляя открытыми свои фланги съ сѣвера и юга. Они вѣроятно помнятъ исторію 1812 года, не пойдутъ въ этомъ направленіи далѣе привислянскаго края и конечно, сдѣлаютъ театромъ войны Курляндію и Лифляндію, а никакъ не Литву.

Точно также мы позволимъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ графа Берга о значеніи этой линіи въ промышленномъ отношеніи. Устраивать дорогу стоимостію въ 50 мил. рублей, какъ онъ предполагалъ, въ тѣхъ видахъ, что она дастъ возможность создать не существующую еще промышленность въ Бѣлоруссіи,— едва ли основательно. Пути сообщенія составляютъ только косвенныя средства для развитія промышленности, а потому они могутъ быть полезны только тогда, когда есть кромѣ того прямыя и непосредственныя средства для ея развитія и притомъ въ размѣрахъ, далеко превышающихъ предполагаемыя на устройство путей. Между тѣмъ въ запискѣ графа Берга предполагается устройство путей сообщенія на сумму въ 50 мил. при полномъ отсутствіи вся-

кихъ непосредственныхъ средствъ развитія промышленности. Для развитія стекляннаго и желѣзнаго производствъ, которыя могли бы дать работу желѣзной дорогѣ, требуются громадные капиталы, знаніе и предпріимчивость, а въ Бѣлоруссіи не было ни того, ни другаго, ни третьяго. Не принято въ соображеніе также, что смола и поташъ цѣлой Бѣлоруссіи могутъ доставить работу только нѣсколькимъ поѣздамъ желѣзной дороги, а для доставки въ среднюю Европу продуктовъ средней Азіи нужно построить не одну тысячу верстъ такихъ желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ врядъ ли и дѣтямъ нашимъ придется думать. Что же касается до перевозки колоніяльныхъ товаровъ, то не говоря уже о томъ, что перевозка ихъ не можетъ питать желѣзную дорогу, всѣ они приходятъ моремъ къ нашимъ Балтійскимъ или Черноморскимъ портамъ и ихъ доставка во внутреннія губерніи идетъ по тѣмъ дорогамъ, которыя примыкаютъ къ этимъ портамъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти по Смоленско-Брестской дорогѣ.

Изъ сказаннаго видно, какъ шатки всѣ приведенныя основанія, а между тѣмъ они не только подвергались разсмотрѣнію въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, но послужили основаніемъ къ сооруженію дороги не имѣющей никакого значенія, ни въ экономическомъ, ни въ стратегическомъ отношеніи.

Мы позволяемъ себѣ такъ выразиться не только на основаніи тѣхъ соображеній, которыя мы высказали выше, но потому, что эта дорога не только не приноситъ никакого дохода, но поглощаетъ доходъ, доставляемый участкомъ отъ Москвы до Смоленска, а за тѣмъ, потому что при обсужденіи вопроса многіе военные авторитеты высказались противъ мнѣнія графа Берга о стратегическомъ ея значеніи.

Записка графа Берга съ Высочайшаго разрѣшенія была препровождена къ Министру Путей Сообщенія, который, внося 19 мая 1867 года въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ свое представленіе по поводу проектовъ графа Берга, высказалъ мнѣніе, что направленіе линіи на Бобруйскъ и Пинскъ имѣетъ преимущество, если только по мѣстнымъ изслѣдованіямъ окажется, что дорога можетъ быть устроена безъ чрезмѣрныхъ затратъ; между тѣмъ сдѣланныя до того времени изслѣдованія были недостаточны для рѣшенія этого вопроса. Комитетъ желѣзныхъ дорогъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Министра Путей Сообщенія о пользѣ проведенія Смоленско-Брестской дороги черезъ Бобруйскъ, какъ весьма важный пунктъ въ стратегическомъ отношеніи, 26 мая 1867 года заклю-

чилъ: предоставить Министру Путей Сообщенія сдѣлать распоряженіе о производствѣ изысканій по направленію на Бобруйскъ, что и было Высочайше утверждено 1867 года іюня 7 дня.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до 1868 года. 15 февраля этого года графъ Бергъ препроводилъ новую записку къ Министру Путей Сообщенія, въ которой доказывалъ, что Бобруйскъ вовсе не имѣетъ приписываемаго ему важнаго стратегическаго значенія, ни какъ пунктъ переправы черезъ Березину, ни какъ укрѣпленный лагерь на операціонной линіи, представляемой Московско-Варшавскимъ шоссе, ни какъ укрѣпленный складочный пунктъ для боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ. Въ экономическомъ отношеніи выборъ его былъ бы также ошибочнымъ: дорога прошла бы по безлюдной и безплодной странѣ, оставляя совершенно въ сторонѣ мѣстности, населенныя и болѣе плодородныя, снабжающія хлѣбными избытками нуждающіеся въ нихъ уѣзды Минской губерніи.

Не касаясь экономическихъ соображеній этой записки, о которыхъ мы говорили выше, нельзя не согласиться съ графомъ Бергомъ, что Бобруйскъ не можетъ имѣть никакого стратегическаго значенія, на томъ простомъ основаніи, что нельзя предположить движенія непріятельской арміи въ эту мѣстность, по причинамъ, уже высказаннымъ нами выше. Но намъ могутъ возразить, что Смоленско-Брестская линія обезпечиваетъ передвиженіе войскъ и военныхъ тяжестей съ востока къ западной нашей границѣ; но въ такомъ случаѣ ее слѣдовало бы направить на Гродно или Бѣлостокъ, такъ какъ оба эти пункта гораздо ближе къ возможному театру военныхъ дѣйствій. Также всякая линія, проходящая отъ сѣвера къ югу въ направленіи Петербурго-Кіевскаго шоссе, сокращая разстояніе между Петербургомъ и Кіевомъ, имѣла бы бóльшее значеніе, чѣмъ Смоленско-Брестская линія.

Между тѣмъ начальникъ главнаго штаба представилъ въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ свою записку, въ которой доказывалъ преимущество Бобруйскаго направленія. Соображенія его основывались на военномъ значеніи Бобруйской крѣпости, могущей служить пунктомъ для укрѣпленнаго лагеря и складомъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, а также на важномъ торговомъ значеніи города Пинска.

Вопросъ о направленіи Смоленско-Брестской лині[illegible]віе такихъ различныхъ мнѣній подвергнутъ былъ вновь [illegible] въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, съ участіемъ графа

еннаго министра, и при обсужденіи его 1 марта 1868 года мнѣнія членовъ комитета раздѣлились.

Большинство, состоявшее изъ восьми членовъ, къ которымъ присоединился и Министръ Путей Сообщенія, отдавало преимущество Бобруйскому направленію. Кромѣ военнаго значенія Бобруйска, эти члены имѣли въ виду воспользоваться готовымъ полотномъ и многими станціонными зданіями Бобруйскаго шоссе, что, по заявленію Министра Путей Сообщенія, могло доставить экономія отъ 9 до 10 мил. рублей. Меньшинство же, къ которому присоединились графъ Бергъ и Военный Министръ, совершенно отрицало стратегическое значеніе направленія черезъ Бобруйскъ и Пинскъ, доказывая, что театромъ войны въ западномъ краѣ можетъ быть только мѣстность между полѣсьемъ и верховьями Нѣмана и Западной Двины. Отдавая преимущество минскому направленію въ стратегическомъ отношеніи, меньшинство считало его болѣе выгоднымъ и въ торговомъ отношеніи, такъ какъ линія проходила по мѣстности болѣе населенной, болѣе плодородной и съ болѣе развитою промышленностію.

Сравнивая эти два мнѣнія нельзя не замѣтить, что предполагать какое бы то ни было торговое значеніе за этой линіей, какъ въ томъ, такъ и другомъ направленіи, было положительно невозможно, вслѣдствіе отсутствія всякаго промышленнаго развитія въ этой мѣстности: позднѣйшій опытъ вполнѣ подтвердилъ эту истину самымъ нагляднымъ образомъ. Стало быть весь вопросъ сосредоточивался только на стратегическомъ значенія дороги. Но мы видѣли выше на сколько основательно мнѣніе о возможности театра военныхъ дѣйствій въ Литвѣ и слѣдовательно дорога эта могла имѣть значеніе только, какъ путь передвиженія войскъ и тяжестей къ Бресту. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ большинства, такъ какъ въ случаѣ осады этой крѣпости путь къ ней, идущій черезъ полѣсье, огражденъ болотистой мѣстностію и слѣдовательно не можетъ подвергаться нападенію непріятеля, тогда какъ пути отъ Кіева и Минска могутъ быть прерваны. На этомъ основаніи весьма важно сохранить сообщеніе съ крѣпостью, до взятія которой движеніе внутрь страны немыслимо. Кромѣ того возможность экономія въ 10 мил. руб. при сооруженіи линіи въ 600 верстъ имѣла громадное значеніе для русскихъ финансовъ того времени. Мнѣніе меньшинства получило однако утвержденіе.

Между тѣмъ вопросъ о концессіи на Московско-Смоленскую

дорогу подвигался своимъ порядкомъ, хотя сооруженіе ея и было начато въ видахъ доставленія заработка нуждающемуся населенію Смоленской губерніи. Согласно новыхъ правилъ вызваны были соискатели, желавшіе взять на себя сооруженіе этой линіи и изъ числа ихъ концессія была утверждена 15 декабря 1868 года за объявившимъ низшую цѣну тавариществомъ потомственнаго почетнаго гражданина Шепелера и банкирскаго дома Зульцбахъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

На основаніи этой концессіи учреждалось общество, которое обязывалось возвратить Правительству отпущенныя заимообразно земству Смоленской губерніи суммы для начала работъ, принять отъ земства произведенныя имъ работы и окончить дорогу въ теченіи трехъ лѣтъ. Длина дороги опредѣлялась въ 390 верстъ, не считая вѣтви къ Московскому вокзалу Николаевской дороги длиною въ 6 верстъ. Капиталъ общества опредѣленъ въ 21.156,130 руб. металическихъ, что на 396 верстъ составитъ 53,424 руб. на версту, не смотря на сильно перерѣзанную мѣстность между Москвою и Смоленскомъ. Четвертая часть этого капитала должна была образоваться выпускомъ негарантированныхъ акцій и три четверти выпускомъ облигацій съ гарантіею Правительства въ 5% интереса и $^1/_{10}$% погашенія. Сравнивая эту цифру со всѣми предыдущими, оказывается, что она значительно ниже другихъ дорогъ, хотя количество земляныхъ работъ на ней гораздо болѣе, такъ какъ по разцѣночной вѣдомости, утвержденной Министромъ Путей Сообщенія, ихъ полагалось болѣе 4000 куб. саж. на версту. Изъ этихъ данныхъ мы имѣемъ вполнѣ право заключить, что какъ ни стѣсненъ былъ кругъ конкуренціи, она все таки принесла пользу и значительно понизила поверстную цѣну, не смотря на болѣе значительное количество работъ. Въ виду подобныхъ фактовъ, мы можемъ смѣло утверждать, что полная свободная конкуренція съ раздѣленіемъ желѣзнодорожныхъ работъ и поставокъ по отдѣльнымъ ихъ видамъ довела бы цѣны да minimum'а и сохранила бы Россіи сотни милліоновъ, которые могли бы оказаться вовсе не лишними въ настоящее затруднительное время.

Окончаніе Московско-Брестской линіи, не смотря на приведенное опредѣленіе Комитета желѣзныхъ дорогъ, было отсрочено по финансовымъ соображеніямъ, такъ какъ въ теченіи 1869 года предстояло реализировать на европейскихъ рынкахъ до 80 мил. рублей на работы по устройству начатыхъ и разрѣшенныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего всякое дальнѣйшее требованіе капиталовъ растро·

ило бы финансовыя операціи по довершенію сѣти первостепенныхъ линій. На этихъ основаніяхъ концессія на Смоленско-Брестскую дорогу выдана только 4 марта 1870 года обществу Московско-Смоленской дороги безъ всякой конкуренціи въ виду тѣхъ выгодъ, которыя могли представляться отъ соединенія эксплуатаціи дороги въ рукахъ одного общества.

Во всякомъ случаѣ, возможность конкуренціи заставила общество Московско-Смоленской дороги заявить довольно выгодныя цѣны. Длина дороги опредѣлена въ 620 верстъ, а капиталъ общества увеличенъ на 27.040,000 руб., изъ котораго четвертая часть образуется выпускомъ негарантированныхъ акцій и три четверти выпускомъ облигацій съ гарантіею правительства въ 5°/o дохода и $^1/_{10}$°/o погашенія. Правительство оставляло за собою облигаціи общества съ уплатой за нихъ по 75°/o за сто. Такимъ образомъ поверстная стоимость дороги составляла 42,000 руб. Такая цѣна достигнута отнюдь не дѣйствительнымъ пониженіемъ стоимости сооруженія, а уменьшеніемъ количества подвижнаго состава. На всѣхъ другихъ дорогахъ, цифра подвижнаго состава составляла приблизительно по 1 паровозу на каждыя 6 верстъ и около 3-хъ вагоновъ на версту. По этому расчету слѣдовало бы назначить на 620 верстъ 103 паровоза и 1,860 вагоновъ, между тѣмъ какъ по концессіи опредѣлено 73 паровоза и 868 вагоновъ, что понижало цифру необходимаго капитала по крайней мѣрѣ на 2 мил. руб.

Послѣдняя дорога, разрѣшенная въ 1868 году, была Новоторжская, концессія на которую выдана 20 декабря. Князь Трубецкой въ августѣ 1868 года обратился въ Министерство Путей Сообщенія о выдачѣ ему концессіи безъ правительственной гарантіи на линію отъ Осташевской станціи Николаевской дороги до г. Торжка на слѣдующихъ условіяхъ. Длина дороги опредѣлена въ 30 верстъ; капиталъ общества предполагалось образовать выпускомъ акцій на сумму въ 45,000 руб. металлическихъ на версту, согласно дѣйствительному протяженію дороги. Во все время производства работъ испрашивалось право выписывать всѣ принадлежности дороги изъ заграницы безпошлинно; полотно дороги предположено въ одинъ путь; учредитель обязывался снабдить дорогу 5 паровозами, 12 вагонами пассажирскими, тремя багажными и 72 товарными. По разсмотрѣнію проекта въ Комитетѣ Министровъ онъ подвергся слѣдующему измѣненію: учредитель обязанъ внести залогъ въ 67,000 руб., за тѣмъ по образованіи общества 20°/o

всего нарицательнаго капитала, въ доказательство реализаціи акцій. Общество владѣетъ дорогою 81 годъ. Кромѣ того общество обязывается $^{1}/_{3}$ всего количества рельсовъ, паровозовъ и вагоновъ принять отъ Правительства по опредѣленной цѣнѣ, остальное же, потребное количество, должно заказать въ Россіи.

Вслѣдствіе такого постановленія, учредитель подалъ записку, въ которой, соглашаясь представить залогъ 67,000 руб. и 20% съ нарицательнаго капитала, а также сократить срокъ владѣнія дорогой, въ виду остальныхъ обременительныхъ условій отказывался отъ постройки дороги. Разсматривая это постановленіе комитета невольно приходишь въ недоумѣніе. Какія преслѣдуются цѣли при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ: имѣлось ли въ виду развить сѣть желѣзныхъ дорогъ, или покровительствовать развитію желѣзодѣлательнаго и машиннаго производства на счетъ желѣзныхъ дорогъ? Казалось бы, что если имѣется въ виду оказать содѣйствіе развитію промышленности вообще устройствомъ путей сообщенія, то слѣдовало бы по возможности облегчать условія сооруженія желѣзныхъ дорогъ и не предписывать обществамъ обременительныхъ условій. Если же имѣлось въ виду покровительствовать желѣзодѣлательному и машиностроительному производству, то необходимо принимать такія мѣры, которыя не стѣсняли бы по крайней мѣрѣ устройство желѣзныхъ дорогъ, какъ средство развитія всей вообще промышленности. Простая логика повидимому требуетъ, чтобы мѣры, принимаемыя въ виду болѣе обширныхъ цѣлей, не парализировались мѣропріятіями для достиженія частныхъ цѣлей. У насъ же дѣлается наоборотъ: стремленіе развить производство рельсовъ и подвижнаго состава беретъ верхъ надъ стремленіемъ содѣйствовать развитію всей вообще промышленности устройствомъ дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣднія были принесены въ жертву. У насъ не только всѣ желѣзнодорожныя принадлежности обложены значительнымъ таможеннымъ налогомъ, но Правительство даетъ на нихъ заказы русскимъ заводчикамъ и впослѣдствіи обязываетъ общества принимать ихъ по высокимъ цѣнамъ, не смотря на ихъ достоинство. Вслѣдствіе этого не только возвышается стоимость желѣзныхъ дорогъ и Правительство уплачиваетъ излишнюю гарантію, но желѣзнодорожныя общества, получая предметы далеко не того достоинства, какъ заграничные, не въ состояніи поддерживать эксплуатацію въ томъ порядкѣ, въ какомъ бы слѣдовало. Печальнѣе всего то, что жертвы эти никому не приносятъ пользы и напрасно бы намъ стали

указывать на нѣсколько фабрикъ и заводовъ, возникшихъ въ послѣднее время. Всѣ они представляютъ собою совершенно могубленный капиталъ и могутъ существовать только при казенныхъ заказахъ, преміяхъ и пошлинахъ. Одинъ таможенный налогъ не спасъ бы ихъ отъ банкротства, потому что каждое желѣзнодорожное общество скорѣе заплатитъ значительный налогъ, но предпочтетъ имѣть и рельсы и подвижной составъ заграничныхъ заводовъ. Наши заводы существуютъ только обязательными заказами. На сколько отъ этого страдаетъ вся вообще промышленность, опредѣлить конечно трудно, но что она страдаетъ, это безспорно. Къ сожалѣнію, у насъ не привыкли смотрѣть на оборотную сторону медали и оцѣнивать косвенныя послѣдствія принимаемыхъ мѣръ. Мы имѣемъ полное право это сказать, на томъ основаніи, что комитетъ Министровъ, соглашаясь на нѣкоторыя льготы въ пользу Новоторжской желѣзной дороги, мотивировалъ это согласіе отнюдь не тѣми соображеніями общаго интереса, на которыя мы указывали, а допустилъ ихъ только какъ исключеніе въ этомъ случаѣ и то лишь потому, что учредитель при первоначальныхъ своихъ распоряженіяхъ не имѣлъ въ виду этихъ условій сооруженія, и также въ видахъ поощренія перваго примѣра дешевой постройки дороги безъ правительственной гарантіи. Вслѣдствіе этихъ соображеній обществу Новоторжской дороги разрѣшено привозить изъ-за границы безпошлинно необходимое для первоначальнаго устройства количество рельсовъ и подвижнаго состава, а такъ какъ всѣ остальныя потребности дороги, привозимыя изъ заграницы, должны подлежать дѣйствію вновь утвержденнаго тарифа, то на покрытіе этого дополнительнаго расхода комитетъ полагалъ возможнымъ увеличить поверстную стоимость дороги на 1,000 руб. металлическихъ съ версты.

Противъ такихъ соображеній, конечно, можно возразить многое. Во первыхъ, если обязательность заказа принадлежностей дороги въ Россіи полезна, то учредитель долженъ ей подчиняться наравнѣ съ другими и первоначальныя распоряженія не давали ему права на льготу, такъ какъ до выдачи концессіи не могли быть сопряжены съ расходами. Затѣмъ, если льготы допущены, то онѣ не могли служить поощреніемъ для устройства дорогъ безъ правительственной гарантіи, такъ какъ онѣ ограничивались исключительно однимъ этимъ случаемъ: это была премія въ пользу одного только общества, а отнюдь не поощреніе другихъ къ подобнымъ предпріятіямъ.

Измѣненный на этихъ основаніяхъ проектъ концессіи былъ утвержденъ 20 октября 1868 года. Въ началѣ февраля слѣдующаго года образовалось общество и ему было разрѣшено перевести капиталъ съ металлической на кредитную валюту. Въ сентябрѣ былъ утвержденъ Министромъ Путей Сообщенія планъ направленія дороги, по которому длина линіи опредѣлилась въ 32 версты 100 саженъ и затѣмъ капиталъ общества опредѣленъ въ 1.760,000 руб. кредитныхъ, что составляетъ 54,658 руб. съ версты, а эта цѣна при допущенной льготѣ и при устройствѣ земляного полотна на одинъ путь вовсе не представляется цѣной дешевой. Но особенно замѣчательно, что дорога эта, какъ показываетъ опытъ, не имѣетъ никакого экономическаго значенія даже при продолженіи ея до Ржева и вслѣдствіе этого льготы, допущенныя при ея сооруженіи, и ссуда, выданная на это продолженіе, рѣшительно непонятны.

Къ концу 1868 года была разрѣшена къ постройкѣ не только вся сѣть дорогъ, предположенныхъ 23 апрѣля 1866 года, но еще много такихъ дорогъ, которыя вовсе не входили въ первоначальныя предположенія, а такъ какъ эти послѣднія разрѣшались не въ видахъ исполненія общаго плана и вызывались случайными ходатайствами, то вмѣстѣ съ утвержденіемъ 18 октября 1868 года новыхъ правилъ о порядкѣ выдачи концессій на основаніи конкурренціи, было Высочайше повелѣно Министрамъ Путей Сообщенія и Финансовъ представить свои соображенія о тѣхъ важнѣйшихъ линіяхъ, на которыя возможно даровать концессіи съ содѣйствіемъ Правительства и постановленіе по этому предмету комитета желѣзныхъ дорогъ представить на Высочайшее утвержденіе черезъ Комитетъ Министровъ.

Разсмотрѣніе и утвержденіе цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ было тѣмъ болѣе необходимо, что случайное утвержденіе нѣкоторыхъ линій не могло не оставить извѣстныхъ пробѣловъ въ общей сѣти, пополненіе которыхъ было необходимо для упроченія экономическаго положенія страны вообще и желѣзныхъ дорогъ, на которыя государство сдѣлало большія затраты, въ особенности.

Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, 6 ноября 1868 года, Министромъ Путей Сообщенія представлена была въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ записка, въ которой онъ указалъ эти пробѣлы. Такъ, по мнѣнію Министра, Севастополь не соединенъ съ производительными мѣстностями черноземной полосы и Крымъ съ его богатствами остается отдѣленнымъ отъ внутренней Россіи.

Не соединены съ внутренней Россіей ни Оренбургскій край, черезъ который идетъ средне-азіатская торговля, ни Каспійское море, служащее для торговли съ Персіей и для сообщенія съ Кавказомъ. На сѣверѣ нѣтъ рельсоваго пути ни къ Уралу съ его горнозаводскими промыслами и минеральными богатствами, ни въ Бѣломорскій край, нуждающійся въ продовольствіи. На западѣ остаются не связанными съ желѣзнодорожной сѣтью лучшіе Балтійскіе порты Либава и Виндава, тогда какъ Пруссія при помощи желѣзныхъ путей и улучшенныхъ водяныхъ сообщеній успѣла привлечь къ своимъ портамъ значительную часть произведеній Волыни и Литвы въ ущербъ либавской и виндавской торговлѣ. Желѣзныя дороги Царства Польскаго не соединены съ Москвою и Кіевомъ, тогда какъ подобное соединеніе важно въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Для пополненія всѣхъ этихъ пробѣловъ, по мнѣнію Министра Путей Сообщенія, было необходимо отъ 5 до 6 тысячъ верстъ новыхъ дорогъ; но какъ подобное сооруженіе, производимое при пособіи Правительства, невозможно выполнить одновременно, то онъ раздѣлилъ пути, признаваемые имъ необходимыми, на двѣ категоріи.

Въ первую категорію вошли слѣдующія дороги:

1) Отъ станціи Лозовой Курско-Харьковской дороги до Севастополя 525 верстъ; 2) отъ Моршанска до Пензы 258 верстъ; 3) отъ Пензы до Самары 325 верстъ; 4) отъ Борисоглѣбска до Царицына 350 вер.; 5) отъ Самары до Оренбурга 380 верстъ; 6) отъ Ковно до Либавы 385 верстъ; 7) отъ Бердичева до Бреста черезъ Житомиръ и Пинскъ или черезъ Ковель 470 вер. Всего 2,593 версты.

При этомъ въ запискѣ сдѣланы двѣ оговорки, на которыя мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе. По поводу Борисоглѣбско-Царицынской линіи сказано, что хотя направленіе къ Камышину короче Царицынскаго на 73 версты и проходитъ по болѣе населенной и плодородной мѣстности; но при проведеніи Царицынской линіи, сходящейся съ Волго-Донскою дорогой, достигается соединеніе центральной Россіи съ Каспійскимъ и Азовскимъ морями и является возможность обезпеченія дороги антрацитомъ. На это мы можетъ замѣтить, что съ подобными предположеніями согласиться невозможно. Соединеніе центральной Россіи съ Каспійскимъ моремъ достигалось одинаково, при томъ и другомъ направленіи, но при камышинскомъ являлась экономія въ расходахъ въ 25%, чѣмъ пренебрегать было нельзя, и сверхъ того нельзя было не принять въ соображеніе, что мѣстность этого на-

правленія и населеннѣе и плодороднѣе по признанію самаго Министра и слѣдовательно дорога по этому направленію была бы гораздо доходнѣе. Что же касается до соединенія центральной Россіи съ Азовскимъ моремъ, посредствомъ Царицынской и Волго-Донской дороги, то такое предположеніе при одномъ взглядѣ на карту не выдерживаетъ критики, въ особенности, если принять въ соображеніе перегрузку на Дону и дальнѣйшее продолженіе пути по этой рѣкѣ. Наконецъ послѣднее предположеніе о возможности обезпеченія дороги антрацитомъ при посредствѣ Волго-Донской дороги также не выдерживаетъ критики, такъ какъ подвозка угля къ Дону, нагрузка въ суда, подъемъ его вверхъ по рѣкѣ и перегрузка на желѣзную дорогу вмѣстѣ съ развозкою по линіи возвысили бы его цѣну на столько, что онъ обходился бы дороже дровъ, сплавляемыхъ по Волгѣ. Практика подтверждаетъ это мнѣніе, такъ какъ въ настоящее время антрацитъ на Царицынскую дорогу выгоднѣе доставлять изъ Донецкаго бассейна по Воронежско-Ростовской дорогѣ черезъ Грязи, чѣмъ по Дону и Волго-Донской дорогѣ.

Другое замѣчаніе, сдѣланное въ запискѣ, относится къ линіи отъ Бердичева къ Бресту. „Дорога эта, говорится въ запискѣ, необходимая въ военномъ отношеніи, обѣщала бы и экономическія выгоды въ случаѣ проведенія ея на Пинскъ и соединенія Пинска съ Вильной, такъ какъ при этомъ произведенія Волыни и Литвы получили бы возможность прямаго сбыта вмѣсто прусскихъ портовъ въ Либаву". Намъ кажется, что здѣсь упущено изъ вида, что прусскіе порты гораздо ближе къ Бресту, чѣмъ Либава и что первые гораздо глубже, чѣмъ Либавскій портъ, а эти два обстоятельства не допускаютъ никакой возможности Либавѣ конкурировать съ прусскими портами, по отношенію къ сбыту произведеній нашего юго-западнаго края.

Къ дорогамъ второй категоріи, по мнѣнію Министра Путей Сообщенія, относились: 1) линія отъ Воронежа до Грушевки 503 версты; 2) отъ Бахмута до Марьюполя въ 240 верстъ; 3) отъ Камышина до Елтона 140 верстъ; 4) отъ Кишенева до Яссъ 74 версты; 5) отъ Вильно черезъ Пинскъ до Бресто-Бердичевской дороги 300 верстъ; 6) отъ Нѣжина до Витебска 485 верстъ; 7) отъ Сарапула, Осы или Перми черезъ Екатеринбургъ до Тюмени, Ялутурска или другаго пункта свободнаго судоходства по Сибирскимъ рѣкамъ 680 верстъ; 8) отъ Смоленска до Бреста 656 верстъ; 9) отъ Риги до Виндавы 170 верстъ. Всего 3,248 верстъ.

По заключенію Министра Путей Сообщенія дороги первой категоріи должны быть разрѣшаемы послѣ обезпеченія средствами всѣхъ уже разрѣшенныхъ прежде дорогъ и притомъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, т. е. такъ, что разрѣшеніе на каждую дорогу дается не прежде, какъ по обезпеченіи средствъ сооруженія предыдущей дороги; всѣ линіи первой категоріи должны быть исполнены въ періодъ времени отъ 2 — 4 лѣтъ. При чемъ къ нимъ возможно было бы присоединить небольшія питательныя вѣтви. Дороги же, не входящія ни въ первую, ни во вторую категорію, могли бы быть разрѣшаемы не иначе, какъ безъ правительственныхъ гарантій и пособій и притомъ, если онѣ будутъ признаны не вредными для существующихъ или строящихся дорогъ.

Мнѣніе Министра Финансовъ расходилось съ мнѣніемъ Министра Путей Сообщенія только по двумъ пунктамъ: 1) Министръ Финансовъ находилъ невозможнымъ установлять вторую категорію на томъ основаніи, что объявленіе разомъ болѣе 6000 верстъ дорогъ, для построенія которыхъ Правительство готово содѣйствовать гарантіею и другими пожертвованіями, могло бы повредить Государственному кредиту. Эти опасенія, по заявленію Министра, уже возникли вслѣдствіе одного слуха о выдачѣ огромнаго числа концессій; 2) Воронежско-Грушевскую дорогу Министръ Финансовъ признавалъ безотлагательно необходимою: во первыхъ, для облегченія правительственной гарантіи по Козлово-Воронежской дорогѣ, а во вторыхъ, для соединенія каменноугольнаго бассейна съ безлѣснымъ Воронежскимъ краемъ и этого послѣдняго съ Азовскимъ моремъ. Вмѣсто Воронежско-Грушевской дороги Министръ Финансовъ полагалъ возможнымъ исключить изъ числа самонужнѣйшихъ дорогъ: Пензенско-Самарскую, Ковно-Либавскую и Бердичево-Житомирскую.

Практика не подтвердила также и этого мнѣнія: Воронежско-Грушевскій участокъ до сихъ поръ остается однимъ изъ самыхъ непроизводительныхъ и его эксплуатація поглощаетъ только доходность сѣвернаго и южнаго участковъ Козлово-Воронежско-Ростовской дороги. Что же касается до опасеній, что объявленіе о необходимости сооруженія 6000 верстъ желѣзныхъ дорогъ можетъ повредить государственному кредиту, то оно, какъ намъ кажется, было напрасно, такъ какъ увеличеніе спроса на капиталъ является слѣдствіемъ выданныхъ концессій, а отнюдь не вслѣдствіе утвержденія извѣстнаго плана дѣйствій, предполагаемаго къ исполненію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Напротивъ, намъ кажется, что если такой планъ составленъ раціонально и мотивированъ основательно, то онъ, сдѣлавшись извѣстенъ капиталистамъ, можетъ поселить въ нихъ увѣренность, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ ведется не случайно, а обдуманно, и на этомъ основаніи можетъ усилить на рынкѣ предложеніе капиталовъ.

Съ своей стороны, Военный Министръ внесъ въ комитетъ и свои соображенія о необходимыхъ дорогахъ въ стратегическомъ отношеніи. Онъ относилъ къ таковымъ: 1) Севастопольскую; 2) Смоленско-Брестскую черезъ Могилевъ и Минскъ; 3) отъ одного изъ пунктовъ Кіево-Балтской дороги черезъ Житомиръ и Ровно до Бреста съ вѣтвью къ Бродамъ; 4) отъ Кіева или Нѣжина черезъ Могилевъ до Витебска или черезъ Минскъ до Вильно, и 5) отъ Бреста или Кобрина до Гродна на соединеніе съ С.-Петербурго-Варшавскою дорогой.

Причины чисто политическаго характера позволяютъ намъ замѣтить, что Севастопольская дорога едва ли имѣетъ какое-нибудь стратегическое значеніе до тѣхъ поръ, пока мы не имѣемъ значительнаго флота на Черномъ морѣ. Для непріятеля при настоящемъ порядкѣ вещей не можетъ представлять никакого интереса нападеніе на Крымъ и нынѣшняя война доказала справедливость этой мысли. Стало быть Севастопольская линія можетъ сдѣлаться стратегической только въ будущемъ, если обстоятельства позволятъ намъ имѣть значительныя морскія силы на Черномъ морѣ. Тогда, но только тогда, Севастопольская дорога можетъ получить значеніе, какъ средство снабженія всѣмъ необходимымъ главнаго порта на Черномъ морѣ.

Комитетъ желѣзныхъ дорогъ, при обсужденіи всѣхъ возникшихъ, такимъ образомъ, предположеній, призналъ необходимымъ ограничить число желѣзныхъ дорогъ только настоятельно нужными, вовсе не присовокупляя къ нимъ дорогъ второй категоріи. Отсюда слѣдуетъ, что комитетъ не нашелъ нужнымъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ руководиться однимъ общимъ планомъ дѣйствія, а предпочелъ разрѣшить этотъ вопросъ по частямъ. Соглашая военныя и экономическія требованія по линіямъ, предложеннымъ военнымъ Министромъ, онъ призналъ настоятельными только три окаймляющія болотныя пространства полѣсья: 1) линію, проходящую по мѣстности, расположенной между Нѣжинымъ и Могилевымъ и представляющей базу военныхъ операцій, прикрытую Днѣпромъ; 2) линію

отъ Могилева черезъ Минскъ до Бреста, и 3) линію отъ Кіево-Балтской дороги черезъ Житоміръ, Ровно и Ковель къ Бресту. Первая могла бы имѣть значеніе, какъ торговый путь къ Ригѣ; часть второй отъ Могилева до Минска могла бы имѣть торговое значеніе при соединеніи Минска съ Вильною, какъ путь изъ Малороссіи къ Либавскому порту; линія же отъ Житоміра къ Бресту могла бы служить для сбыта произведеній Волыни въ Царство Польское. Чтожъ касается участковъ отъ Смоленска до Могилева и отъ Могилева до Витебска, то комитетъ призналъ возможнымъ ихъ сооруженіе только безъ правительственной гарантіи; дорогу же Бресто-Гродненскую онъ нашелъ нужнымъ отложить.

Обращаясь къ разсмотрѣнію несогласныхъ мнѣній Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ относительно дорогъ Ковно-Либавской, Воронежско-Ростовской и Пензенско-Самарской, комитетъ желѣзныхъ дорогъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Линія Ковно-Либавская имѣетъ особенную важность (опытъ, однакожъ, доказалъ, что она не имѣетъ никакого значенія вслѣдствіе мелководія порта и бо̀льшаго разстоянія Либавы отъ хлѣбородныхъ мѣстностей, въ сравненіи съ Рижскимъ, Кенигсбергскимъ и Данцигскимъ портами); Ковно-Либавская дорога, пользуясь содѣйствіемъ Нѣманскаго судоходства, откроетъ путь къ Балтійскому морю изъ Литвы, Малороссіи и внутреннихъ губерній. Въ виду соединенія Либавы съ средоточіемъ хлѣбныхъ избытковъ, въ Либавѣ уже произведены большія портовыя работы, стоимостію въ 2 милліона рублей, и портъ, приведенный въ удобное состояніе, ожидаетъ только рельсоваго пути, чтобы вступить въ состязаніе съ портами Пруссіи (въ дѣйствительности оказалось, что большія портовыя работы въ Либавѣ не повели ни къ чему и портъ не можетъ соперничать ни съ однимъ портомъ Пруссіи). Воронежско-Грушевская линія, кромѣ возможности снабженія Воронежской и окрестныхъ губерній антрацитомъ, представляетъ кратчайшее сообщеніе съ Кавказомъ, почему имѣетъ государственную важность. Независимо отъ возвышенія стоимости земель въ той мѣстности, черезъ которую она пройдетъ, Воронежско-Ростовская дорога можетъ поправить финансовое положеніе Донскаго Войска, затратившаго войсковыя суммы на Грушевско-Аксайскую линію, приносящую ничтожный доходъ. Что же касается Моршанско-Сызранской линіи, то комитетъ, въ виду разрѣшенія Саратовской линіи, призналъ преждевременнымъ включеніе ея въ число самонужнѣйшихъ. Относительно же Самаро-Оренбургской линіи комитетъ

счелъ необходимымъ ограничить ее однимъ Самаро-Бузулукскимъ участкомъ. Наконецъ, по вопросу о направленіи дороги отъ Борисоглѣбска на Камышинъ или Царицынъ,— комитетъ высказался въ пользу направленія пути на Царицынъ, какъ въ виду желанія Грязе-Борисоглѣбскаго общества, такъ и потому, что Царицынская линія составитъ кратчайшее сообщеніе средоточія Россіи съ Астраханью, Каспійскимъ моремъ и обширнымъ райономъ хлѣбопашества, солепромышленности и скотоводства. Кромѣ того, соединеніе съ Волго-Донскою линіею въ Царицынѣ обѣщало увеличеніе доходовъ послѣдней черезъ усиленіе провоза Донецкаго антрацита."

Севастопольская линія, какъ предположенная всѣми тремя министрами, причислена къ самонужнѣйшимъ безъ преній.

Мы нарочно выписали всѣ мотивы, приведенные въ положеніи Комитета желѣзныхъ дорогъ, чтобъ показать, какъ ошибочны были всѣ расчеты того времени и какъ мало были извѣстны въ нашихъ правительственныхъ сферахъ нужды промышленности и условія движенія грузовъ. Всѣ блестящія надежды того времени оказались полнѣйшими иллюзіями и напрасно стали бы насъ увѣрять, что предусмотрѣть тѣ послѣдствія, которыя оказались, — было невозможно. Мы убѣждены въ томъ, что человѣку, знакомому съ нуждами Россіи, а также съ практикою торговаго и промышленнаго дѣла, не трудно было предсказать несбыточность подобныхъ ожиданій.

Мы уже говорили о томъ, что путь до Либавскаго порта изъ хлѣбородныхъ губерній былъ гораздо длиннѣе, чѣмъ до Риги или прусскихъ портовъ, говорили также и о мелководіи Либавскаго порта. Значеніе этого порта и будущей желѣзной дороги преувеличили тогда нѣкоторые литературные органы, не имѣя понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Точно также нельзя было ожидать значительнаго движенія и по Воронежско-Грушевской линіи. Предполагать, что желѣзная дорога можетъ вызвать движеніе минеральнаго топлива не только въ Воронежскую, но и въ окрестныя губерніи, это значило совершенно не имѣть въ виду условій перевозки этого матеріала и снабженія имъ потребителей. Провозъ по желѣзной дорогѣ вмѣстѣ съ нагрузкой и выгрузкой, а также доставка его съ желѣзной дороги настолько увеличиваютъ стоимость этого продукта, что возможность его потребленія ограничивается очень узкимъ райономъ вдоль протяженія желѣзной дороги. Кромѣ того заводчикъ или фабрикантъ, чтобъ перейти къ употребленію минеральнаго топлива, долженъ быть вполнѣ обезпеченъ, что онъ без-

препятственно получить все нужное ему количество. Дешевизна топлива для него дѣло второстепенное, а главное условіе состоитъ въ томъ, чтобы его фабрика не встрѣтила недостатка въ немъ. Между тѣмъ всякое сколько нибудь значительное производство представляетъ само по себѣ довольно сложное дѣло, чтобъ хозяинъ его могъ покупать топливо въ шахтахъ, и хлопотать о доставкѣ его къ желѣзной дорогѣ и на заводъ, тѣмъ болѣе, что эта доставка не можетъ производиться во всякое время, а должна въ видахъ удешевленія перевозки выбирать такіе моменты, когда желѣзная дорога не имѣетъ другихъ болѣе цѣнныхъ грузовъ. Не можетъ также входить въ прямыя и непосредственныя сношенія съ потребителями угля и владѣлецъ шахты, такъ какъ подобныя операціи представляются для него слишкомъ дробными и, кромѣ того, потребовали бы отъ него особыхъ значительныхъ затратъ, средствъ на которыя онъ не имѣетъ. Если бы даже указанныя затрудненія и были устранены и заводчики могли бы войти въ прямыя сношенія съ шахтерами, то все-таки остается недостатокъ гарантіи, что операція поставки будетъ произведена исправно. Изъ этого слѣдуетъ, что для развитія потребленія минеральнаго топлива недостаточно устроить шахты и желѣзныя дороги, недостаточно также и желанія заводчиковъ замѣнить древесное топливо минеральнымъ, а необходимы вѣрныя гарантіи, что въ топливѣ недостатка не будетъ. Такія гарантіи могутъ представлять только капиталы, спеціально затраченные на добычу минеральнаго топлива и торговлю имъ; нужны значительные запасы топлива какъ въ мѣстахъ заготовленія, такъ и въ мѣстахъ потребленія, для того, чтобы заводчикъ имѣлъ въ виду наглядное доказательство, что онъ не встрѣтитъ никакого затрудненія въ снабженіи своего завода и что всѣ случайныя остановки въ подвозѣ могутъ повліять лишь на количество запасовъ, а отнюдь не на возможность снабженія. Но такой порядокъ вещей требуетъ не только громадныхъ капиталовъ, но и цѣлую массу людей, понимающихъ всѣ условія подобной торговли; у насъ же къ сожалѣнію нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. Положить основаніе подобной торговли конечно возможно, но для этого нужны капиталы, время и предпріимчивость, а объ этомъ у насъ никто еще и не думалъ. Поселить довѣріе въ средѣ фабрикантовъ и заводчиковъ къ безостановочной доставкѣ матеріаловъ отопленія на первый разъ очень трудно и въ первое время отъ подобныхъ операцій можно ожидать только однихъ убытковъ. Слѣдовательно, такое предпріятіе немыслимо пока для отдѣльныхъ лицъ и воз-

можно только для акціонерныхъ обществъ при значительномъ капиталѣ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что даже дешевизна перевозки минеральнаго топлива нисколько не способствуетъ его распространенію, такъ какъ она при короткихъ разстояніяхъ мало вліяетъ на цѣнность продукта, а между тѣмъ заставляетъ желѣзныя дороги работать въ убытокъ вслѣдствіе чего послѣднія не только не заботятся объ увеличеніи движенія этого груза, но положительно парализуютъ его, будучи болѣе заинтересованы движеніемъ болѣе цѣнныхъ грузовъ. На этомъ основаніи возникновеніе торговли минеральнымъ топливомъ затрудняется. Устранить это затрудненіе можетъ только диференціальный тарифъ по различію разстояній.

Все это указываетъ, что расчитывать на одну постройку желѣзной дороги для снабженія минеральнымъ топливомъ цѣлаго края можно только при полномъ незнакомствѣ съ практикою торговой и промышленной дѣятельности.

Точно также нельзя не удивляться заключенію о сооруженіи отдѣльныхъ участковъ отъ Могилева до Вреста и отъ Нѣжина до Могилева безъ соединенія этого послѣдняго съ какимъ либо центральнымъ пунктомъ желѣзнодорожной сѣти. Подобное положеніе желѣзныхъ дорогъ отнимаетъ у нихъ всякое экономическое значеніе и дѣлаетъ ихъ положительно бездоходными. Это до такой степени очевидно, что мы не считаемъ нужнымъ даже приводить доказательствъ. Въ этомъ отношеніи еще менѣе было понятно сооруженіе дороги отъ Самары до Бузулука, такъ какъ эта дорога не соприкасалась бы нигдѣ съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Даже при настоящемъ своемъ положеніи, Самаро-Оренбургская линія не обѣщаетъ быть доходною, но въ изолированномъ положеніи она конечно не могла бы покрывать и половины издержекъ эксплуатаціи. Предпочтеніе, оказанное Царицынскому направленію передъ Камышинскимъ, также трудно объяснить, если не принять въ соображеніе желанія общества Грязе-Борисоглѣбской дороги, а оно менѣе всего должно было обращать на себя вниманія, такъ какъ строитель былъ заинтересованъ только сооруженіемъ дороги, которая чѣмъ длиннѣе, тѣмъ болѣе обѣщала барышей. Мы думаемъ, что дороги этой вовсе не слѣдовало строить, но ежели рѣшено было продолженіе Грязе-Борисоглѣбской дороги, то ее слѣдовало вести на Камышинъ, какъ на ближайшій пунктъ и при томъ дававшій возможность провести дорогу по мѣстности болѣе населенной и болѣе плодородной.

Указанныя соображенія приводятъ къ заключенію, что при разсмотрѣніи предположеній трехъ Министерствъ имѣлось въ виду согласить ихъ мнѣнія путемъ урѣзыванія каждаго изъ нихъ. Такъ, комитетъ, согласно съ заключеніемъ Министра Финансовъ отвергнувъ предположеніе Министра Путей Сообщенія о второй категоріи желѣзныхъ дорогъ, нашелъ безполезнымъ утвержденіе цѣлаго общаго плана дѣйствій, и ограничился полумѣрой, т. е. утвержденіемъ только отдѣльныхъ дорогъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не имѣли даже связи съ общей сѣтью; точно также согласно съ мнѣніемъ Министра Финансовъ комитетъ призналъ огромную важность Воронежско-Грушевской дороги и причислилъ ее къ дорогамъ первоклассннмъ, хотя она до сихъ поръ не окупаетъ процентовъ на затраченный капиталъ. Впрочемъ, мнѣніе Министра Финансовъ принято не во всѣхъ его частяхъ. По отношенію къ Ковно-Либавской дорогѣ было принято мнѣніе Министра Путей Сообщенія вопреки мнѣнію Министра Финансовъ, который предлагалъ сооруженіе этой дороги отложить. Выборъ этотъ на опытѣ оказался неудачнымъ, такъ какъ доходы этой дороги не покрываютъ издержекъ эксплуатаціи. Мнѣніе Военнаго Министра принято также не вполнѣ, такъ какъ изъ числа предложенныхъ имъ линій были исключены участки отъ Смоленска до Могилева, отъ Могилева до Витебска и отъ Бреста до Гродно.

Такимъ образомъ 25 ноября 1868 года комитетомъ желѣзныхъ дорогъ утверждена была слѣдующая сѣть желѣзныхъ дорогъ:

1) Лозово-Севастопольская, 588 верстъ; 2) отъ Либавы черезъ Шавли до Ковно, 275 верстъ; 3) отъ Нѣжина черезъ Черниговъ до Могилева, 340 верстъ; 4) отъ Могилева черезъ Минскъ до Бреста, 535 верстъ; 5) отъ Борисоглѣбска до Царицына, 350 верстъ; 6) отъ Воронежа до Грушевки, 503 версты; 7) отъ Самары до Бузулука, 150 верстъ; 8) отъ одного изъ пунктовъ Кіево-Балтской дороги до Бреста, 500 верстъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ постановилъ „концессіи выдавать въ такой постепенности, чтобы всѣ дороги были исполнены въ теченіи трехъ, четырехъ лѣтъ; не выдавать концессіи ни на одну новую дорогу прежде, чѣмъ будутъ обезпечены денежныя средства предшествующей линіи, не отвлекать денежныхъ средствъ и кредита государства на другія, менѣе необходимыя дороги, за исключеніемъ небольшихъ питательныхъ вѣтвей, преимущественно могущихъ быть исполненными безъ правительственной гарантіи“. Заключеніе Комитета желѣзныхъ дорогъ было Высочайше утверждено по

журналу Комитета Министровъ 27 декабря 1868 года съ тѣмъ, чтобы во избѣжаніе неудобствъ предрѣшенія направленія нѣкоторыхъ не вполнѣ изслѣдованныхъ линій,— это направленіе было означено только въ общихъ чертахъ.

Въ виду многихъ неудобствъ этой сѣти, такое постановленіе Комитета желѣзныхъ дорогъ было выполнено далеко не вполнѣ или лучше сказать оно вовсе не было исполнено. Отступленія начались не далѣе какъ въ слѣдующемъ же году. Установленная постепенность вовсе не была соблюдена и первыя концессіи были выданы не на первыя дороги. Кромѣ того изъ числа утвержденныхъ дорогъ, въ теченіи 1869 года выданы концессіи только на три дороги: Ковно-Либавскую, Борисоглѣбско-Царицынскую и Воронежско-Грушевскую. О сооруженіи остальныхъ пяти дорогъ въ теченіи этого года не возникало и вопроса, но вмѣсто этихъ дорогъ вопреки означенному постановленію выданы концессіи на линіи Константиновскую, Бресто-Граевскую, Скопинскую и Иваново-Кинешемскую.

Кромѣ того, не далѣе какъ черезъ годъ послѣ утвержденія главной сѣти, а именно 2 января 1870 года, вслѣдствіе представленія намѣстника Кавказскаго, состоялось Высочайшее повелѣніе о включеніи въ сѣть утвержденныхъ дорогъ Ростово-Владикавказской линіи. Такимъ образомъ, значеніе утвержденной 27 декабря 1868 году сѣти совершенно измѣнилось и потому на Министра Путей Сообщенія тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ возложено было представить въ Комитетъ желѣзныхъ дорогъ проектъ новой сѣти, въ которую должны были войти, кромѣ 2,800 верстъ еще не разрѣшенныхъ дорогъ, изъ состава сѣти 1868 года, отъ 3 до 4,000 верстъ новыхъ дорогъ, полезныхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи.

Мы указываемъ на это послѣднее распоряженіе съ тою цѣлію, чтобъ показать читателю какъ измѣнчивы и шатки были всѣ предположенія того времени объ относительномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ. Но прежде нежели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію новыхъ предположеній Министерства Путей Сообщенія, мы должны познакомить читателя съ условіями и порядкомъ выдачи концессій, утвержденныхъ въ 1869 году.

Не далѣе какъ черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ утвержденія новой сѣти дорогъ и послѣдовавшаго 27 декабря 1868 г. постановленія Комитета Министровъ, которымъ онъ согласился съ предположеніемъ Комитета желѣзныхъ дорогъ о томъ, чтобъ не

отвлекать денежныхъ средствъ и кредита государства на устройство дорогъ, не входившихъ въ утвержденную сѣть, не далѣе, какъ черезъ 2 мѣсяца послѣ этого, а именно 15 марта 1869 года, Министръ Путей Сообщенія внесъ въ Комитетъ Министровъ записку объ учрежденіи великобританскимъ подданнымъ Джономъ Юзомъ общества желѣзной дороги длиною въ 85 верстъ отъ одного изъ пунктовъ Курско-Азовской дороги къ югу до Стилы или Новотроицкаго, т. е. такой дороги, которая не только не вошла въ утвержденную сѣть желѣзныхъ дорогъ, но не могла имѣть никакого государственнаго или общественнаго значенія, а требовалась въ интересахъ частнаго лица для соединенія предположеннаго этимъ лицемъ устройства каменно-угольныхъ копей, желѣзодѣлательнаго и рельсоваго завода съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Разрѣшеніе постройки этой дороги, названной въ послѣдствіи Константиновской, конечно не могло бы возбуждать никакихъ возраженій, еслибъ она предпринималась на частныя средства, безъ всякой правительственной поддержки; но къ сожалѣнію это было не такъ: поверстная номинальная стоимость этой дороги опредѣлялась въ 63,000 руб. металлическихъ, въ число которыхъ правительство выдало ссуду подъ залогъ ³/₄ всего количества акцій, т. е. реализировало капиталъ въ 47,250 руб. металлическихъ на версту, по 75% за рубль; другими словами, правительство отпускало всю необходимую на сооруженіе дороги сумму и предоставляло учредителю право выпустить еще четвертую часть акцій, по которымъ изъ доходовъ общества проценты должны были уплачиваться прежде, чѣмъ по акціямъ, находящимся въ рукахъ правительства. Мы можемъ смѣло утверждать, что по акціямъ, оставшимся въ рукахъ учредителя, не требовалось вовсе взноса капитала, такъ какъ предположенной ссуды было вполнѣ достаточно для сооруженія дороги. Если мы сравнимъ стоимость сооруженія этой дороги съ Новоторжской, только что утвержденной, то увидимъ, что поверстная стоимость послѣдней, опредѣленная въ 46,000 руб. металлическихъ, была на 1,250 р. метал. съ версты менѣе суммы акцій, долженствовавшихъ быть заложенными правительству, при одинаковомъ количествѣ подвижнаго состава на версту дороги. Но кромѣ того мы имѣемъ и цифровыя данныя отдѣльныхъ работъ и поставокъ для того, чтобъ доказать преувеличенную стоимость Константиновской дороги. Такъ, земляныя работы оцѣнены на ней въ 865,819 руб. Между тѣмъ предполагая ихъ стоимость даже въ 2 руб. метал. съ кубической саж., при-

ходится въ среднемъ выводѣ болѣе 5,000 кубовъ на версту, чего невозможно предположить человѣку, знакомому съ мѣстностію; устройство баластнаго слоя оцѣнено въ 206,448 руб., между тѣмъ при толщинѣ его въ $^1/_5$ саж. и ширинѣ въ $1\,^1/_2$ саж. приходится по 150 кубовъ песку на версту, что не можетъ обойтись дороже 10 руб. за кубикъ или 1,500 на версту, а на всю линію съ одной пятой запасныхъ и разъѣздныхъ путей 153,000 руб.; укладка рельсоваго пути оцѣнена въ 25,000 руб.; между тѣмъ какъ стоимость этой работы обходится не дороже 100 руб. съ версты; а 102 версты съ запасными и разъѣздными путями могутъ обойтись не болѣе 10,200 руб.; стоимость шпалъ положена въ 1 р. 10 коп. металлическихъ, тогда какъ въ означенной мѣстности она не могла превышать 70 коп. кредитныхъ и т. д. Въ виду такого увеличенія указанныхъ цѣнъ, мы полагаемъ, что и остальныя не могутъ считаться низкими.

Не смотря однакожъ на эту высокую оцѣнку сооруженія дороги, осуществленіе этой линіи не только считалось возможнымъ, но и неотложнымъ. Для достиженія этой цѣли, предположено сдѣлать значительное пожертвованіе со стороны Государственнаго Казначейства, такъ какъ платежа обществомъ процентовъ и погашенія по ссудѣ ожидать было положительно невозможно. Дорога не примыкала ни къ какому промышленному центру, а оканчивалась въ степи, а при такомъ условіи она не могла быть доходною на столько, чтобъ покрывать расходы эксплуатаціи; поэтому ссуду необходимо было считать затратой безвозвратной. Это обстоятельство имѣло тѣмъ большее значеніе, что подобное представленіе было сдѣлано въ то время, когда не была разрѣшена еще ни одна дорога изъ вновь проектированной сѣти. На этомъ основаніи мы должны предположить серьезные мотивы, которые заставили принять такое рѣшеніе, не смотря на постановленіе двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій о томъ, чтобъ не отвлекать средства Государственнаго Казначейства на сооруженіе линій, не вошедшихъ въ сѣть. Въ чемъ же состояли эти мотивы?

Оказывается, что единственнымъ мотивомъ такого сооруженія было желаніе г. Джона Юза устроить рельсовый заводъ въ избранной имъ мѣстности. Въ нашихъ правительственныхъ сферахъ до того было сильно желаніе развить рельсовое производство въ Россіи, что всѣ пожертвованія для достиженія этой цѣли казались возможными. Кромѣ того оказывается, что сооруженіе желѣзной дороги еще не исчерпываетъ тѣхъ пожертвованій, которыя сдѣла-

ны для достиженія этой цѣли. Независимо отъ того, что по новому тарифу всѣ желѣзнодорожныя общества были обязаны платить ввозную за рельсы пошлину, въ пользу г. Юза Правительство обязалось выплачивать 50 коп. преміи за пудъ выдѣланныхъ имъ рельсовъ. Но достигнута ли такими пожертвованіями имѣвшаяся въ виду цѣль? Къ сожалѣнію нѣтъ. Мы знаемъ, что рельсовое производство г. Юза развивается очень слабо и всѣ желѣзнодорожныя общества, несмотря даже на слабость нашего курса, несмотря на 35 коп. съ пуда пошлинъ, уплачиваемыхъ золотомъ, находятъ болѣе выгоднымъ выписывать рельсы изъ-за границы.

Проектъ договора съ г. Юзомъ о постройкѣ дороги послѣ нѣкоторыхъ измѣненій его, согласно замѣчаніямъ Комитета Министровъ, былъ утвержденъ 18 апрѣля 1869 года, а 23 апрѣля 1870 г. былъ утвержденъ и уставъ Константиновской желѣзной дороги, по которому Правительство, подъ залогъ трехъ четвертей всего числа акцій на сумму 4.016,200 металлическихъ рублей, выдало ссуду въ 3.012,150 руб. металлическихъ. Долгъ этотъ возросъ въ теченіи четырехъ лѣтъ до суммы 3.432,337 руб. металлическихъ и 196,063 руб. кредитныхъ по 1-е января 1874 года, въ настоящее же время, конечно, далеко превышаетъ эту сумму, такъ какъ общество не только не въ состояніи уплачивать процентовъ за ссуду, но не выручаетъ и расходовъ эксплуатаціи, такъ что за послѣднія пять лѣтъ имѣло постоянный дефицитъ, который въ средней сложности составлялъ болѣе 53,000 руб. въ годъ и покрывался ссудами изъ казны.

Намъ могутъ замѣтить, что линія эта составляетъ первый участокъ развѣтвленія Харьково-Азовской дороги къ Марьюпольскому порту и она можетъ имѣть значеніе, когда будетъ окончена. Но въ такомъ случаѣ, мы позволимъ себѣ предложить вопросъ, почему же она не окончена до сихъ поръ и почему при утвержденіи сѣти 27 декабря 1868 года объ ней не было рѣчи? Ясно, что главнымъ мотивомъ сооруженія этой дороги было не путь къ Маріюполю, а устройство завода г. Юза. Но спрашивается: неужели въ Россіи нѣтъ другихъ мѣстностей для устройства желѣзныхъ заводовъ за исключеніемъ той, которая избрана г. Юзомъ. Если бы это было такъ, тогда не стоило бы заботиться о развитіи желѣзной промышленности, если же это не такъ, то не слѣдовало строить Константиновскую дорогу, а предложить г. Юзу избрать мѣстность, находящуюся на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ строющихся или предположенныхъ. На Харьково-Азовской дорогѣ въ самомъ

близкомъ отъ нея разстояніи есть много каменноугольныхъ копей, и желѣзныхъ мѣсторожденій, при которыхъ могли бы устроиться заводы безъ подобныхъ издержекъ. Не говоря уже о преміяхъ, выплачиваемыхъ г. Юзу, одинъ капиталъ, употребленный для сооруженія желѣзной дороги, если бы онъ былъ предложенъ въ ссуду желающимъ, былъ бы достаточенъ на устройство не одного, а нѣсколькихъ заводовъ.

Мы видѣли, что на первую очередь при исполненіи сѣти желѣзныхъ дорогъ поставлена была Лозово-Севастопольская дорога и за тѣмъ разрѣшеніе на постройку дорогъ должно было идти въ опредѣленной постепенности. Между тѣмъ, появлявшіяся въ то время газетныя статьи постоянно твердили о чрезвычайной выгодности Либавской дороги, о возможности для Либавскаго порта конкурировать съ прусскими ближайшими портами по отпускной торговлѣ, и успѣли убѣдить въ этомъ большинство нашего общества. Министерство Путей Сообщенія буквально осаждалось множествомъ предпринимателей, ходатайствовавшихъ о выдачѣ имъ концессіи на сооруженіе этой линіи. Заявленія съ предложеніемъ различныхъ условій были представлены отъ 11 товариществъ. Кромѣ того, 9 лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ общественнымъ сферамъ или къ числу извѣстныхъ строителей, не представляя никакихъ условій, заявили желаніе участвовать въ конкуренціи, если таковая будетъ назначена. Подобнаго числа конкурентовъ на одну и ту же линію ни до тѣхъ поръ, ни послѣ этого никогда не бывало.

Въ виду такого значительнаго числа предложеній и согласно съ новыми правилами, Высочайше утвержденными 18 октября 1868 г., опредѣлено было открыть состязаніе на сооруженіе Либавской дороги прежде, чѣмъ на сооруженіе Севастопольской линіи, хотя первая и поставлена въ исполнительномъ планѣ на второмъ мѣстѣ. Условія нормальной концессіи состояли въ слѣдующемъ: капиталъ общества составляется изъ $1/3$ акціонернаго и $2/3$ облигаціоннаго капитала. Правительство оставляло за собою всѣ облигаціи и выдавало за нихъ обществу по 75% по мѣрѣ выполненія работъ въ размѣрѣ $2/3$ ихъ стоимости, исчисленной по разцѣночной вѣдомости. Общество обязывалось уплачивать Правительству 5% дохода и $1/10$% погашенія на всю нарицательную сумму облигаціоннаго капитала. Длина дороги опредѣлена въ 294 версты. 30 мая 1869 г. были приглашены на конкуренцію слѣдующія лица: 1) повѣренный Либавскаго купечества, 2) Варгунинъ,

3) Варшавскій, 4) Гинцбургъ, 5) братья Гладины, 6) Горбовъ, 7) Дашкевичъ, 8) графъ Зубовъ, 9) братья Струве, 10) баронъ Фитингофъ и Шиповъ, 11) баронъ Френкель и Потемкинъ, и 12) Морозовъ.

Изъ числа заявившихъ желаніе строить эту линію не были приглашены къ участью въ состязаніи: 1) коллежскій совѣтникъ Башмаковъ, 2) генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, 3) Берлинское торговое общество и почетный гражданинъ Мейнгартъ, 4) Г. Верманъ и К°, 5) Лондонскій, банкиръ Вакстафъ, 6) г. Лепенау и князь Голицынъ, 7) Виленскій купецъ Милисъ, 8) генералъ маіоръ Аверькіевъ, 9) штабсъ-ротмистръ Кирѣевъ, 10) помѣщикъ Шидловскій, 11) графъ Василій Владиміровичъ Адлербергъ и 12) отставной корнетъ Бутковичъ.

Мы выписываемъ всѣ эти имена для того, чтобы показать на сколько сильна была конкуренція на эту линію и какъ велика была увѣренность въ ея выгодности. На конкуренціи баронъ Фитингофъ и г. Шиповъ объявили низшую цѣну въ 12.789,000 р. за 294 версты, что составитъ съ версты 43,500 рублей металлическихъ. Цѣна эта не можетъ быть названа высокою при томъ условіи, что количество подвижнаго состава, въ виду преувеличенныхъ надеждъ на огромное движеніе по линіи, было значительно увеличено въ сравненіи съ другими дорогами. Такъ, число паровозовъ было назначено 59, и число всѣхъ вагоновъ 1,370, что составитъ по 1 паровозу на каждыя 4,8 версты и по 4,6 вагона на версту. При назначеніе же количества подвижнаго состава по обыкновенной нормѣ, принимавшейся въ большинствѣ случаевъ, дорога должна бы имѣть 49 паровозовъ и 882 вагона. На этомъ основаніи мы можемъ положительно утверждать, что начало конкуренціи принесло громадную пользу, понизивъ поверстную стоимость съ разу чуть не на цѣлую треть, не смотря на увеличеніе количества подвижнаго состава.

Подписка на акціи Либавской дороги была блестящая: мы помнимъ то увлеченіе, съ какимъ публика рвалась въ конторы, чтобъ заручиться правомъ на полученіе акцій. Требованіе очень скоро превысило предложеніе и на временныя свидѣтельства тотчасъ по разверсткѣ образовалась премія, которая очень скоро достигла до 50 руб. на акцію. Само собою разумѣется, что спекуляція воспользовалась такимъ настроеніемъ публики и гнала въ гору эти акціи съ небывалымъ азартомъ. Довѣрчивые люди спѣшили покупать ихъ и зарвались. Само собою разумѣется, что увлеченіе

публики, не имѣвшее серьезныхъ основаній, не могло долго поддерживаться, и спекуляція, при появленіи новыхъ бумагъ на рынкѣ, не имѣла разсчета сохранять прежнія достигшія значительной высоты. Поэтому паденіе либавскихъ акцій началось, какъ только спекуляція стала сбывать ихъ съ рукъ. Тогда между акціонерами явилась паника. Не далѣе какъ черезъ полтора года правленіе уже замѣтило, что оплата акцій послѣднимъ 20 руб. взносомъ едва ли будетъ имѣть успѣхъ и потому 23 января 1871 года оно обратилось къ правительству съ ходатайствомъ о сокращеніи подвижнаго состава на 25 паровозовъ и 430 товарныхъ вагоновъ и платформъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просило объ отсрочкѣ послѣдняго взноса по акціямъ. Замѣчательны по своей наивности мотивы, на которыхъ правленіе основывало свое ходатайство. Конечно никто не будетъ отрицать, что излишній подвижной составъ для дороги съ ничтожнымъ движеніемъ представляетъ совершенно напрасную трату капитальной суммы и излишній ежегодной расходъ на храненіе и поддержку его въ исправности, но утверждать, какъ это дѣлало правленіе, что сокращенное въ вышеприведенномъ размѣрѣ количество подвижнаго состава вполнѣ достаточно для такого движенія, которое обезпечивало бы не только уплату $5^1/_{10}$% за облигаціонный капиталъ, но и значительный дивидендъ акціонерамъ, — это значило или не понимать дѣла эксплуатаціи, или желать представить вопросъ въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ. Практика уже и въ то время достаточно показала, что при такомъ количествѣ подвижнаго состава дорога не можетъ приносить никакого дохода и едва-едва покрываетъ издержки эксплуатаціи. Подобное ходатайство приводило только къ заключенію, что надежды на сильное движеніе по дорогѣ были несбыточны и что вслѣдствіе этого необходимо было ограничивать капитальныя затраты по возможности. Такъ бы и слѣдовало говорить, а не утверждать, что общество будетъ въ состояніи исполнять свои обязательства передъ правительствомъ и давать дивидентъ акціонерамъ.

Какъ бы то ни было, но правительству необходимо было согласиться на такую мѣру и желаніе общества было удовлетворено Министромъ Путей Сообщенія по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, но при этомъ поставлено условіемъ, чтобъ недостающій по концессіи подвижной составъ былъ готовъ непремѣнно ко времени открытія уже разрѣшенной въ то время Ландваро-Роменской дороги; чтобы требованіе это было исполнено въ теченіи ше-

сти мѣсяцевъ со дня полученія правленіемъ общества предписанія о томъ Министерства; чтобы вышеупомянутый подвижной составъ былъ пріобрѣтенъ у правительства изъ числа сдѣланныхъ имъ заказовъ на русскихъ заводахъ, а та часть, которая не можетъ быть сдана правительствомъ, была бы изготовлена въ Россіи распоряженіемъ общества. На этихъ условіяхъ отсрочка взноса по 20 р. на акцію была разрѣшена, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности взносъ этотъ былъ сдѣланъ акціонерами въ теченіе двухъ мѣсяцовъ со дня публикаціи правленія, а публикація должна явиться въ теченіи двухъ недѣль со дня полученія правленіемъ требованія Министра Путей Сообщенія.

Въ теченіи лѣта 1871 года дорога эта окончена и движеніе открыто 4 сентября 1871 года. Съ того времени она не только не выручала процентовъ на облигаціонный капиталъ, но доходы ея не покрывали даже расходовъ эксплуатаціи. Вслѣдствіе этого акціи этой дороги упали болѣе чѣмъ на половину сдѣланныхъ уже по нимъ взносовъ, а при несостоятельности общества само собою разумѣется, что къ нему не могло быть предъявлено требованіе ни о дополнительномъ взносѣ по 20 руб. на акцію, ни объ исполненіи условій, на основаніи которыхъ была разрѣшена отсрочка.

Но этимъ еще не оканчиваются стремленія передвинуть нашу отпускную торговлю въ Либаву. Для достиженія этой цѣли впослѣдствіи была построена особая вѣтвь Либавской дороги отъ ст. Радзивилишки до ст. Калкунъ С.-Петербурго-Варшавской дороги въ видахъ соединенія Либавскаго порта съ Динабурго-Орловской линіей. Но такъ какъ разрѣшеніе на сооруженіе этой вѣтви относится уже къ 1872 году, а нами принятъ порядокъ разсмотрѣнія всѣхъ распоряженій въ связи съ даннымъ положеніемъ дѣла въ извѣстное время, то мы не будемъ забѣгать впередъ и возвратимся къ этому вопросу впослѣдствіи, теперь же обратимся къ условіямъ сооруженія Борисоглѣбско-Царицынской линіи.

Въ § 32 концессіи на Грязе-Борисоглѣбскую дорогу, о выдачѣ которой мы говорили при изложеніи исторіи сооруженія Саратовской линіи, включено было условіе, что по истеченіи 18 мѣсяцевъ со дня утвержденія концессіи обществу будетъ объявлено признаетъ ли правительство нужнымъ продолженіе дороги далѣе къ низовьямъ Волги и въ случаѣ рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ обществу будетъ предоставлено преимущественное право на сооруженіе линіи посредствомъ выпуска бумагъ, гарантированныхъ правительствомъ.

Мы рѣшительно не понимаемъ цѣли подобнаго условія, введеннаго въ концессію. Само собою разумѣется, что ни одно общество не откажется отъ сооруженія новой дороги, доходъ съ которой будетъ гарантированъ правительствомъ, въ особенности, когда сооруженіе этой линіи дастъ возможность расчитывать на увеличеніе движенія на линіи ему принадлежащей. Поэтому такое условіе вовсе не требовалось въ интересахъ правительства, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи условія относительно стоимости сооруженія, оно ни въ чемъ его не гарантировало и, если не налагало на него прямаго юридическаго обязательства, то нравственно до извѣстной степени связывало его свободу дѣйствій и создавало предлогъ для общества обращаться къ правительству съ ходатайствами объ ускореніи рѣшенія вопроса, въ виду тѣхъ или другихъ соображеній. Во всякомъ случаѣ, это условіе до извѣстной степени предрѣшало вопросъ и предрѣшало его въ пользу общества, такъ какъ ему было дано обѣщаніе гарантіи и преимущественнаго права на сооруженіе. Концессія эта была выдана 21 марта 1868 года и вскорѣ послѣ начала работъ общество уже обращается съ ходатайствомъ къ правительству о разрѣшеніи ему до истеченія 18-мѣсячнаго срока произвести изысканія на продолженіе линіи къ Волгѣ, въ виду тѣхъ выгодъ, которыя такое продолженіе представляло, а также въ виду успѣшности работъ на строющейся уже линіи. 24 мая 1868 года разрѣшеніе это по положенію Комитета Министровъ было дано обществу, но съ тѣмъ, что общество не имѣетъ права требовать возврата употребленныхъ на изысканія издержекъ. Возлагая такимъ образомъ на общество издержки по изысканіямъ, правительство принимало на себя вторично нравственное обязательство предоставить ему концессію. Кто знакомъ съ практикою комитета Министровъ въ подобныхъ случаяхъ, тотъ конечно не будетъ отрицать подобнаго обязательства.

Общество произвело изысканія по двумъ указаннымъ Министромъ Путей Сообщенія направленіямъ — на Камышинъ и Царицынъ, при чемъ оказалось, что проведеніе дороги на Царицынъ выгоднѣе чѣмъ на Камышинъ, потому что глубокіе овраги, встрѣчаемые въ направленіи на Камышинъ, мельчаютъ въ направленіи на Царицынъ и, хотя послѣднее длиннѣе на 70 верстъ, но постройка дороги будетъ стоить тоже самое; во вторыхъ сокращаетъ на 200 верстъ путь къ желѣзной дорогѣ для товаровъ, идущихъ съ Каспійскаго моря; въ третьихъ, соединяясь съ Донецкой

дорогой, можетъ доставить восточнымъ дорогамъ громадный источникъ топлива — донецкій антрацитъ.

Всѣ эти доводы въ пользу бóльшей выгодности Царицынской дороги не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и представляются фразами, употребленными только для того, чтобъ прикрыть желаніе строить дорогу на бóльшемъ протяженіи. Къ сожалѣнію, правительственныхъ изысканій по этимъ направленіямъ сдѣлано не было и вопросъ разрѣшался на основаніи изысканій, сдѣланныхъ обществомъ. Въ виду же представленныхъ выводовъ, мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ ихъ точности и вѣрности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что разница въ стоимости сооруженія дороги можетъ относиться лишь къ землянымъ работамъ и искусственнымъ сооруженіямъ, а эти издержки по большей части представляютъ собою не болѣе 20% стоимости всей дороги. А такъ какъ разница въ длинѣ дороги представляется въ 70 верстъ, что при протяженіи дороги, оказавшейся при ея сооруженіи въ 367 верстъ, составляетъ также около 20%, то необходимо предположить, что количество тѣхъ и другихъ работъ на Камышинскомъ направленіи было вдвое болѣе, чѣмъ на Царицынскомъ. Допустить такое предположеніе положительно невозможно. Но мы идемъ еще далѣе. Направленіе на Камышинъ идетъ почти перпендикулярно къ Волгѣ, тогда какъ направленіе на Царицынъ идетъ къ ней подъ весьма острымъ угломъ. Такія топографическія условія заставляютъ предполагать, что въ направленіи къ Царицыну всѣ овраги и рѣчки приходилось перерѣзывать и слѣдовательно строить искусственныя сооруженія, тогда какъ въ направленіи къ Камышину дорога могла идти во многихъ мѣстахъ по водораздѣламъ и долинамъ. На этомъ основаніи мы должны предположить, что количество земляныхъ работъ и искусственныхъ сооруженій по направленію къ Камышину было значительно менѣе, чѣмъ по направленію къ Царицыну. Но допустимъ, что это не такъ; во всякомъ случаѣ провозъ грузовъ по желѣзной дорогѣ былъ на 70 верстъ короче, что при среднемъ тарифѣ по $^1/_{35}$ коп. представляло бы разницу въ 2 коп. съ пуда; что же касается разницы провоза по Волгѣ на разстояніи 200 верстъ, то это на водяномъ пути не имѣетъ почти никакого значенія. Разъ товаръ нагруженъ и долженъ идти водою на четыреста верстъ, то при болѣе дальнемъ пути въ 200 верстъ, стоимость провоза можетъ возвыситься на какія нибудь $^1/_4$ копѣйки. Во всякомъ случаѣ дорога на Камышинъ доставила бы

нашей торговлѣ экономію съ каждаго пуда не менѣе 1$^1/_2$ коп., что по отношенію напр. къ такому продукту, какъ соль, имѣетъ громадное значеніе. Наконецъ третій доводъ, что при соединеніи съ Волго-Донской дорогой представится возможность перевозить по Царицынской дорогѣ антрацитъ для восточныхъ дорогъ, до того натянутъ, что не заслуживаетъ никакого вниманія, такъ какъ сама Царицынская дорога получаетъ антрацитъ черезъ Воронежско-Ростовскую дорогу, а вовсе не черезъ Волго-Донскую, для чего нужно было бы подвозить антрацитъ къ Дону и поднимать его вверхъ по рѣкѣ до Калача, что возвысило бы его цѣну дороже дровъ.

Стоимость сооруженія дороги общество опредѣляло въ 70,000 съ версты, предполагая длину линіи (съ вѣтвью къ станціи Крутой) Волго-Донской дороги въ 390 верстъ. Впослѣдствіи оно понизило эту стоимость, въ виду цѣнъ, представленныхъ другими конкуррентами, до 60,000 руб. за версту.

Кромѣ общества Грязе-Борисоглѣбской дороги были и другія лица, заявившія желаніе взять на себя сооруженіе этой линіи. По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Путей Сообщенія 23 сентября 1868 года было разрѣшено сдѣлать изысканія дѣйствительному статскому совѣтнику Колемину. Колеминъ, произведя изысканія, передалъ ихъ коллежскому совѣтнику Апраксину, который представилъ проектъ дороги 14 марта 1869 года съ просьбою о выдачѣ ему концессіи на слѣдующихъ условіяхъ: длина дороги безъ вѣтви къ Волго-Донской линіи опредѣлялась въ 379 верстъ; поверстная стоимость сооруженія исчислена въ 58,000 руб. металлическихъ, что составляло капиталъ въ 21.996,640 руб., для реализаціи котораго предполагалось выпустить $^1/_4$ часть акцій и $^3/_4$ облигацій; на послѣднія испрашивалась гарантія въ 5% дохода и $^1/_{12}$% погашенія.

16 мая 1869 г. поступило заявленіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Путилова и статскаго совѣтника Дѣйникина о желаніи ихъ участвовать въ конкуренціи. При этомъ они заявили, что, если концессія имъ будетъ выдана безъ торговъ, то они обязывались устроить на линіи при Качалинской на Дону пристани заводъ для перекатки ежегодно 2.000,000 пудовъ старыхъ рельсовъ и заготовить въ Россіи не менѣе половины всего нужнаго имъ количества рельсовъ и подвижнаго состава. Въ этомъ послѣднемъ предложеніи прямо высказывается то зло, которое наносится странѣ покровительственной политикой. Чтобъ заручиться монополіей на сооруженіе желѣзной дороги, предприниматели стремятся

эксплуатировать желаніе Правительства создать рельсовое производство. Денежный расчетъ ихъ былъ не дуренъ. Безъ торговъ они легко могли возвысить стоимость сооруженія дороги на 10 тысячъ руб. съ версты, что давало бы имъ около 4 мил. руб. барыша, а прокатный для рельсовъ заводъ могъ стоить ни какъ не болѣе милліона рублей. Они оставались въ барышахъ, еслибъ даже затраченныя ими на заводъ деньги были вовсе потеряны. Хотя подобные проекты шиты и бѣлыми нитками, но предприниматели, въ виду заключеннаго контракта съ г. Юзомъ, имѣли полное право расчитывать на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Правительство въ видахъ устройства рельсоваго завода рѣшилось построить бездоходную дорогу, отпустило на сооруженіе ея болѣе трехъ милліоновъ рублей и сверхъ того обязалось выплачивать 50 коп. преміи за каждый пудъ выработанныхъ рельсовъ, то почему же не надѣяться, что оно не постоитъ за цѣной дороги, хотя бы эта цѣна и была высока, если при этомъ является возможность устроить новый рельсовый заводъ. Думать такъ было тѣмъ болѣе позволительно, что поверстная стоимость дорогъ, какъ показывала практика, бывала весьма различна и оправдать сдѣланную надбавку было бы весьма легко, въ особенности въ глазахъ тѣхъ, кто смотритъ на дѣло сквозь призму покровительственной политики. Если этого не случилось, то быть можетъ потому, что Комитетъ Министровъ, при рѣшеніи вопроса о выдачѣ концессіи на Царицынско-Борисоглѣбскую линію, былъ связанъ прежде выданною концессіей Грязе-Борисоглѣбскому обществу.

Въ засѣданіи комитета 3, 10 и 17 іюня вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ и сооруженіе дороги предоставлено обществу Грязе-Борисоглѣбской желѣзной дороги на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній, которыя мы выписываемъ дословно.

„По § 32 Высочайше утвержденной 21 марта 1868 года концессіи на Грязе-Борисоглѣбскую дорогу обществу этой дороги при равныхъ условіяхъ съ другими дорогами предоставлено преимущественное право на продолженіе этой линіи къ низовьямъ Волги и посему едва-ли было бы справедливо подчинять названное общество правиламъ, вышедшимъ въ позднѣйшее время, именно 18 октября 1868 года, по которымъ вопросъ о выдачѣ концессій долженъ рѣшаться посредствомъ подачи заявленій въ запечатанныхъ конвертахъ; далѣе нѣкоторое превышеніе объявленной обществомъ цѣны противъ другихъ соискателей вознаграждается значительными, связанными съ уступкой названной линіи обществу Грязе-Борисоглѣб-

ской дороги преимуществами: обладая уже почти выстроенной Грязе-Борисоглѣбской дорогой и свободными строительными силами, общество это будетъ имѣть полную возможность въ наискорѣйшемъ времени приступить къ устройству линіи, а впослѣдствіи удешевить эксплуатацію обѣихъ дорогъ; при томъ общество принимало на себя невыговоренное въ концессіи Грязе-Борисоглѣбской желѣзной дороги обязательство уложить на свой счетъ вторую колею, когда чистый доходъ дороги превыситъ 9,000 руб. съ версты. Кромѣ этого предоставленіе сему обществу новаго участка съ одной стороны устраняетъ для Борисоглѣбскаго земства опасность вынужденной приплаты въ случаѣ недостиженія чистаго дохода по первому участку въ размѣрѣ гарантированнаго земствомъ $2^1/_2\%$, а по состоявшемуся съ земствомъ соглашенію гарантія эта была дана въ виду условій, изложенныхъ въ § 32 концессіи на Грязе-Борисоглѣбскую дорогу; раздѣляясь же на всю линію, по незначительности своей гарантія сдѣлается почти номинальной; съ другой стороны, — совпадаетъ съ интересами Государственнаго казначейства, которое состоитъ акціонеромъ на 3.000,000 рублей кредитныхъ, ибо съ соединеніемъ въ одномъ управленіи обѣихъ линій доходность перваго участка, а съ тѣмъ и прочность самыхъ акцій будетъ вполнѣ обезпечена. Что же касается до поверстной стоимости, то при уменьшеніи до 60,000 руб., какъ впослѣдствіи заявило общество, цѣну эту нельзя не признать умѣренною, вслѣдствіе дороговизны строительныхъ матеріаловъ, рабочихъ рукъ въ той мѣстности, а также по дальности провоза необходимыхъ для нея принадлежностей".

Означенная мотивировка принятаго рѣшенія вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе, что Комитетъ Министровъ не признавалъ за Правительствомъ полной свободы дѣйствій въ виду § 32 концессіи на Грязе-Борисоглѣбскую дорогу. На этомъ основаніи мы думаемъ, что это условіе, не смотря на необязательность его для Правительства, введено было предпринимателемъ въ расчетѣ на обыкновенную нашу административную практику, вслѣдствіе которой при коллизіи интересовъ казны съ интересами частныхъ лицъ и обществъ допускается большею частію значительное снисхожденіе въ пользу послѣднихъ. Насъ удивляетъ только то обстоятельство, что при разсмотрѣніи концессіи, въ виду подобной практики, не были предусмотрѣны послѣдствія подобнаго условія и оно не было исключено. По всей вѣроятности оно прошло незамѣченнымъ.

По поводу этого заключенія, нельзя не замѣтить, что прави-

тельство въ своихъ опасеніяхъ нарушить частный интересъ, повидимому переступило границу необходимой осторожности. Мы думаемъ, что преимущественное право Грязе-Борисоглѣбскаго общества вовсе не исключало начала конкуренціи; напротивъ оно было именно обусловлено конкуренціей, такъ какъ это право предоставлено только при равныхъ условіяхъ съ другими, если же условія общества были менѣе выгодны для Правительства, то предоставленное право уничтожалось и объ немъ не могло быть и рѣчи. Правилами 18 октября 1868 года установленъ только порядокъ конкуренціи и порядокъ этотъ не могъ ни въ какомъ случаѣ нарушать права общества, такъ какъ онъ вовсе въ концессіи не опредѣленъ и при подчиненіи ему эти права могли быть приняты во вниманіе и сооруженіе дороги могло быть предоставлено обществу, если бы условія имъ предложенныя оказались одинаковыми съ другими или незначительно ихъ превышающими. Препложеніе, что поверстная стоимость дороги, пониженная впослѣдствіи обществомъ до 60.000 руб. мет. за версту, составляетъ только незначительное превышеніе противъ другихъ соискателей, намъ кажется не основаннымъ на положительныхъ данныхъ, такъ какъ при отсутствіи правительственныхъ изысканій, эта стоимость могла быть опредѣлена только конкуренціей по правиламъ 18 октября, а она-то и не была допущена. Для опредѣленія поверстной стоимости дороги мы имѣемъ въ виду только одно заявленіе коллежскаго совѣтника Апраксина, который опредѣлялъ ее въ 58,000 мет. рублей. Но на это заявленіе можно смотрѣть также какъ на первоначальное заявленіе общества Грязе-Борисоглѣбской дороги, въ которомъ поверстная стоимость опредѣлена въ 70.000 мет. рублей. Если общество могло понизить цифру, первоначально имъ заявленную, на 10.000 съ версты, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что другіе соискатели также не понизили бы ее. Напротивъ, мы убѣждены, что въ виду совершенно ровной степной мѣстности и при отсутствіи сколько нибудь значительныхъ рѣкъ условія сооруженія здѣсь очень выгодны и въ силу этого поверстная стоимость дороги ни въ какомъ случаѣ не могла быть названа умѣренной, въ особенности въ виду цѣнъ на Московско-Смоленскую дорогу, которая проходитъ по мѣстности гораздо болѣе изрѣзанной. Соображеніе, что общество, оканчивая постройку одной дороги, имѣетъ свободныя строительныя силы, могло служить основаніемъ для пониженія поверстной стоимости, такъ какъ при такихъ условіяхъ всѣ работы могли обойтись обществу гораздо

дешевле, чѣмъ другому предприниматедю; но мы не можемъ понять, какъ подобное обстоятельство могло служить оправданіемъ нѣкотораго возвышенія этой стоимости въ сравненіи съ другими соискателями. Точно также мы не можемъ понять, какую выгоду могло представлять обязательство общества уложить вторую колею рельсовъ на свой счетъ въ случаѣ, если дорога будетъ приносить 9.000 руб. чистаго дохода съ версты. Подобнаго дохода не можетъ приносить ни одна дорога въ одинъ путь и укладка втораго пути всегда потребуется ранѣе. Такой чистый доходъ можетъ быть выручаемъ только при валовомъ доходѣ въ 17 или 18 тысячъ руб. на версту; практика же доказываетъ, что компаніи стараются уложить второй путь даже при значительно меньшихъ сборахъ, если только предполагаютъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе движенія. Московско-Курская дорога не имѣетъ еще 9.000 рублей чистаго дохода, а она давно уже имѣетъ двѣ колеи на большей части своего протяженія. Точно также Рязанско-Козловская дорога приступила къ укладкѣ втораго пути гораздо ранѣе, чѣмъ имѣла сбора 18.000 руб. съ версты. Такимъ образомъ всѣ мотивы, которыми обусловлено предоставленіе сооруженія дороги обществу Грязе-Борисоглѣбской дороги безъ конкуренціи, не выдерживаютъ критики.

Что же касается до того обстоятельства, что эксплуатація всей линіи въ рукахъ одного общества можетъ быть выгоднѣе, то оно съ дѣломъ постройки не имѣетъ ничего общаго: дорога эта могла быть построена другими лицами и передана для эксплуатаціи обществу Грязе-Борисоглѣбской дороги или на оборотъ. Намъ сдается, что это было бы дѣйствительно на оборотъ, такъ какъ общество Грязе-Борисоглѣбской дороги оказалось бы несостоятельнымъ, если бы оно не получило концессіи на продолженіе линіи къ Царицыну. Только суммы, опредѣленныя на эту послѣднюю линію, дали ему возможность выстроить дорогу на счетъ облигаціоннаго капитала и не прибѣгать къ реализаціи акцій, оставшихся въ рукахъ общества.

Вслѣдствіе вышеозначеннаго опредѣленія Комитета Министровъ концессія на сооруженіе и эксплуатацію Борисоглѣбско-Царицынской линіи выдана 20 іюня 1869 года. Весь строительный капиталъ этой линіи исчисленъ въ 23.400,000 руб. металлическихъ, изъ числа которыхъ третья часть или 7.800,000 руб. составляли акціонерный капиталъ, а двѣ трети или 15.600.000 руб. облигаціонный.

Выше мы говорили о концессіи на первый участокъ дороги,

по которой Правительство приняло акцій общества на 5 мил. руб. серебромъ и сверхъ того выдало ссуду обществу въ 1 мил. руб., которые возмѣщены были Правительству также акціями общества. Всѣ эти акціи Правительство приняло по 80% за сто. Кромѣ того въ 1871 году Правительство приняло отъ общества еще акцій на сумму 3.117,500 руб. и, какъ указываетъ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ (изд. 1875 года), Правительство имѣетъ всѣхъ акцій общества на сумму 9.285,000, за которыя общество получило по 80% всего 7.428,000 руб. мет.; облигаціоннаго же капитала, реализованнаго по 75%, общество получило 11.600,000 руб. металлическихъ, что составляло по 32,920 руб. мет. на версту дороги, не считая той суммы акціонернаго капитала обоихъ участковъ дороги, которая осталась на рукахъ акціонеровъ, а именно 11.955,000 руб. металлическихъ. Переводя сумму, выданную Правительствомъ на сооруженіе этой дороги, изъ металлическихъ руб. въ кредитные по 85%, согласно тогдашнему курсу, получимъ 38,730 р. на версту. Сравнивая эту цифру съ поверстной стоимостію Варшавско-Вѣнской дороги, которая обошлась въ 36,626 руб. кредитныхъ, мы смѣло можемъ сказать, что строители не нуждались въ реализаціи остальныхъ акцій для сооруженія дороги, тѣмъ болѣе, что Варшавско-Вѣнская дорога снабжена гораздо большимъ количествомъ подвижнаго состава, а именно 1 паровозъ на 4,8 версты и по 5 вагоновъ на версту, тогда какъ Грязе-Царицынская дорога имѣла 1 паровозъ на 7,2 версты и съ небольшимъ по 3 вагона на версту. Чтобъ оцѣнить эту разницу въ стоимости сооруженія дороги, мы замѣтимъ, что для снабженія Царицынской дороги одинаковымъ количествомъ подвижнаго состава потребовалось бы 40 лишнихъ паровозовъ и 1,005 вагоновъ на сумму не менѣе 1.300,000 рублей,—а это увеличило бы ея поверстную стоимость до 41,000 рублей. При этомъ расчетѣ мы все-таки не вводимъ въ него акцій, оставшихся въ рукахъ учредителей на сумму въ 11.955,000 руб., которые при реализаціи одинаковой съ реализаціей правительственныхъ акцій по 80% составятъ 9.564,000 рублей. Эта надбавка къ суммамъ, полученнымъ отъ Правительства и вполнѣ достаточнымъ на сооруженіе дороги, конечно, не безвыгодна для предпринимателей.

Но этимъ еще не оканчиваются пожертвованія казны въ пользу Грязе-Царицынской линіи. Въ концессіи, выданной 20 іюня 1869 года, раздѣлъ чистаго дохода съ обоихъ участковъ установленъ такъ, что проценты по акціямъ уплачиваются прежде

чѣмъ проценты по облигаціямъ, т. е. предприниматели получаютъ доходъ прежде чѣмъ оплачиваются проценты и погашеніе долговыхъ обязательствъ общества, оставшихся за Правительствомъ. Намъ могутъ возразить въ этомъ случаѣ, что Правительство, состоя акціонеромъ общества въ суммѣ на 9.285,000 руб., участвуетъ въ этой выгодѣ акціонеровъ; но мы на это замѣтимъ, что Правительству было выгоднѣе получить проценты сперва какъ кредитору общества и затѣмъ уже получать дивидентъ какъ предпринимателю. Такой порядокъ вещей былъ бы гораздо согласнѣе и съ справедливостью.

Не смотря однакожь на всѣ эти жертвы Правительства, общество все-таки оказалось въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не имѣло своего оборотнаго капитала для эксплуатаціи дороги и задолжало какъ банкамъ, такъ и учредителямъ. На покрытіе этихъ долговъ и на составленіе оборотнаго капитала обществу отпущены особыя ссуды, которыхъ къ 1-му января 1874 года, какъ указано въ Журналѣ Министерства Путей Сообщенія (1874 года книжка 2-я), состояло 1.923,651 руб., не считая недоимокъ процентовъ по облигаціонному капиталу, которыхъ накопилось къ тому времени тоже на сумму 1.792.793 руб. металлическихъ. Какъ велика сумма долговъ общества въ настоящее время, за отсутствіемъ офиціальныхъ данныхъ, мы не знаемъ, но полагаемъ, что сумма эта возросла значительно.

Въ принятомъ нами хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ теперь сооруженіе Воронежско-Ростовской дороги. Начало сооруженія этой линіи относится еще къ 1861 году постройкой Грушевско-Донской желѣзной дороги для соединенія Грушевскихъ антрацитовыхъ копей съ рѣкою Дономъ. По мѣстнымъ условіямъ конечнымъ пунктомъ этой дороги избрана мѣстность на рѣкѣ Донѣ при устьѣ рѣки Аксая, въ разстояніи отъ Грушевскихъ копей въ 60 верстахъ, съ вѣтвью къ Атюктѣ въ 5,3 версты и въ разстояніи отъ города Ростова всего въ 12 верстахъ. 6 апрѣля 1861 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на постройку этой линіи средствами Войска Донскаго. Дорога эта построена полковникомъ Панаевымъ 2-мъ, обошлась въ 2.922,571 руб. и открыта для движенія 29 декабря 1863 года. Если мы не говорили объ этой дорогѣ прежде, то это потому, что она въ этомъ видѣ не могла имѣть почти никакого экономическаго значенія, не только общаго, но даже и мѣстнаго. Въ самомъ дѣлѣ главнымъ мѣ-

стомъ сбыта антрацита могъ быть только городъ Ростовъ, а между тѣмъ дорога останавливалась отъ него въ разстояніи 12 верстъ. Фактъ этотъ весьма рельефно характеризуетъ тогдашніе взгляды на значеніе перевозки такого продукта, какъ топливо, а также на ту роль, которую могутъ играть въ этой перевозкѣ водяные и рельсовые пути. Рѣшились выстроить 66 верстъ желѣзной дороги для соединенія копей съ рѣкою и не рѣшились продолжить рельсоваго пути на 12 верстъ, чтобъ довести его до главнаго мѣста сбыта, конечно, въ томъ предположеніи, что этотъ недостающій путь будетъ замѣненъ воднымъ путемъ по рѣкѣ Дону. Распорядителями этого дѣла не принято было во вниманіе, что въ дѣлѣ перевозки минеральнаго топлива всякая лишняя перегрузка уничтожаетъ возможность перевозки и что одна перегрузка въ суда стоила бы дороже, чѣмъ провозъ угля до Ростова на разстояніи 12 верстъ, считая даже по $^1/_{40}$ съ пуда и версты; не принято также въ соображеніе, что зимою рѣка Донъ замерзаетъ, что движеніе за это время на желѣзной дорогѣ должно по необходимости останавливаться и что принятіе такой полумѣры, какъ постройка Грушевско-Аксайской дороги, будетъ совершенно непроизводительной тратой до тѣхъ поръ, пока дорога не будетъ доведена до окончательнаго мѣста сбыта, т. е. до г. Ростова. Чтобъ убѣдиться въ этой простой и очевидной истинѣ, Войсковому управленію нуженъ былъ практическій опытъ трехъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ эксплуатація дороги приносила одинъ убытокъ. Только послѣ этого опыта начались переговоры о продолженіи дороги и притомъ переговоры о сооруженіи линіи отъ Воронежа до Ростова, въ составъ которой должна была войти Грушевско-Донская дорога. Разрѣшеніе этого вопроса замедлилось, а между тѣмъ 1867 годъ принесъ убытокъ не смотря на возвышеніе тарифа въ концѣ 1865 года. Результаты эксплуатаціи этой дороги за четыре года представляются въ такомъ видѣ: если прибавить къ чистому убытку (за всѣ четыре года), 8,842 р., 5% на затраченный капиталъ въ 2.922,571 руб., что составитъ по 146,128 руб. 55 коп. въ годъ, то цифра убытка представляетъ сумму въ 593,356 р., которая далеко могла бы покрыть стоимость излишняго сооруженія въ 12 верстъ. Но тогда думали иначе.

Только въ іюнѣ 1867 года наказный атаманъ Войска Донскаго вошелъ съ ходатайствомъ о продолженіи Грушевской дороги къ городу Ростову, не ожидая разрѣшенія общаго вопроса о соору-

женія дороги отъ Воронежа до Ростова. По сношеніи о томъ Военнаго Министра съ Министрами Финансовъ и Путей Сообщенія, они заявили, что не встрѣчаютъ съ своей стороны препятствія къ устройству этого участка дороги, если средства для сооруженія его будутъ найдены, не прибѣгая къ выпуску бумагъ и разрѣшеніе этихъ работъ не будетъ обязывать Правительство ни къ продолженію дороги до Воронежа, ни къ дарованію гарантіи дохода на Грушевско-Ростовскій участокъ.

По докладу о семъ Военнаго Министра, а равно и объ условіи Войска Донскаго съ рязанскимъ 1-й гильдіи купцомъ Поляковымъ, по которому послѣдній пріобрѣталъ за 3.021,203 руб. Грушевско-Аксайскую дорогу и обязался устроить участокъ отъ Аксая до Ростова, 30 іюля 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе приступить къ постройкѣ этого участка, съ передачею Грушевско-Аксайской дороги въ распоряженіе строителя Полякова, на основаніяхъ, изложенныхъ въ заключенномъ имъ съ Войскомъ Донскимъ договорѣ.

Весь участокъ отъ Грушевки до Ростова открытъ для движенія 1 февраля 1868 года и результаты его эксплуатаціи оказались иные въ томъ же 1868 году. Вотъ цифры валоваго сбора за шесть лѣтъ:

1864.	1865.	1866.	1867.	1868.	1869.
61,736 р.	106,504 р.	117,173 р.	107,249 р.	211,876 р.	333,103 р.

Въ первый же годъ продолженія дороги валовой сборъ удвоился, а въ слѣдующій утроился. Эти цифры указываютъ ясно въ чемъ состоялъ ошибочный расчетъ и гдѣ причина убытковъ, понесенныхъ Войсковой казной.

Выше мы сказали, что въ началѣ 1867 года были начаты переговоры о сооруженіи дороги отъ Воронежа до Ростова. Эти переговоры велись Войсковымъ Правленіемъ и Воронежскимъ Земствомъ съ строителемъ, г. Поляковымъ, и въ началѣ 1867 года Воронежское Земство вошло съ ходатайствомъ черезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а Войсковое Правленіе чрезъ Военнаго Министра. Первое просило о заключеніи съ нимъ уступочнаго договора на сооруженіе дороги отъ Воронежа до границы Земли Войска Донскаго, на протяженіи 265 верстъ, исчисляя поверстную стоимость сооруженія въ 69,970 руб. мет. съ версты, Войсковое же Правленіе ходатайствовало о сооруженіи дороги отъ г. Ростова до соединенія ея съ Воронежско-земскою дорогою на границѣ земель Воронежской губерніи и Войска Донскаго, на про-

тяженіи 310 верстъ, исчисляя стоимость сооруженія въ 68,950 руб. мет. съ версты, со включеніемъ въ эту линію участка Грушевско-Донской дороги. Какъ земство Воронежской губерніи, такъ и Войсковое Правленіе испрашивали отъ Правительства гарантію чистаго дохода съ дороги въ 5% съ нарицательнаго капитала, но при семъ принимали на себя участіе въ этомъ расходѣ, въ размѣрѣ 1/5 приплачиваемыхъ суммъ. Какъ земство, такъ и правленіе желали, чтобъ постройка дороги была передана г. Полякову, о чемъ и заключили съ нимъ предварительныя условія. Оба эти ходатайства съ Высочайшаго разрѣшенія внесены были на разсмотрѣніе въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ, который, въ виду затрудненій представлявшихся для реализаціи капитала уже разрѣшенныхъ дорогъ, предположилъ постройку новой дороги временно отложить, а между тѣмъ, постановилъ объявить земству и войску, что Комитетъ признаетъ предлагаемую ими дорогу полезною и желательною, а потому считаетъ нужнымъ предоставить имъ, не теряя удобнаго времени, произвести на мѣстѣ изысканія и составленіе подробныхъ плановъ, профилей и проектовъ съ смѣтными исчисленіями для того, чтобъ можно было сдѣлать правильное заключеніе о выгоднѣйшемъ направленіи желѣзной дороги и о дѣйствительной потребности капитала на это предпріятіе. 21 марта 1867 года это заключеніе Комитета получило Высочайшее утвержденіе.

Въ концѣ 1868 года дорога эта внесена была въ утвержденную сѣть желѣзныхъ дорогъ, а въ 1869 году Правительство нашло возможнымъ начать постройку этой линіи. Вслѣдствіе этого, кромѣ заявленія уполномоченнаго Воронежскимъ земствомъ и Войскомъ Донскимъ, г. Полякова, поступили заявленія и другихъ лицъ о желаніи взять на себя сооруженіе этой линіи, при чемъ нѣкоторые (братья Гладины, Струве) представили подробно всѣ условія, другіе же (гг. Шидловскій, князь Мещерскій, Губонинъ и Утинъ) заявили только желаніе участвовать въ конкуренціи.

Въ засѣданіи своемъ 1 іюля 1869 года Комитетъ Министровъ, сообразивъ точный смыслъ Высочайшихъ повелѣній—одного состоявшагося по журналу комитета желѣзныхъ дорогъ 21 марта 1867 года объ отсрочкѣ постройки Воронежско-Грушевской линіи, другого по докладу Военнаго Министра 20 іюля того же года о предоставленіи г. Полякову участка дороги отъ Грушевки до Ростова, призналъ, что при обсужденіи предложеній по выдачѣ концессіи на сооруженіе собственно Воронежско-Грушевской линіи,

Правительство совершенно свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ ни первое, ни второе изъ приведенныхъ Высочайшихъ повелѣній не заключали въ себѣ обѣщаній оставить концессію непремѣнно за Воронежскимъ земствомъ и Войскомъ Донскимъ. При важномъ же значеніи въ промышленномъ и торговомъ отношеніи Воронежско-Ростовской дороги, по мнѣнію Комитета, желательно было бы сдать построеніе ея на болѣе выгодныхъ условіяхъ, что, какъ опытъ доказалъ, достигается примѣненіемъ Высочайше утвержденныхъ 18 октября 1868 года правилъ о выдачѣ концессіи при посредствѣ состязаній. Вслѣдствіе сего Комитетъ положилъ: а) предоставить Министру Финансовъ согласно Высочайше утвержденнымъ 18 октября 1868 г. правиламъ вызвать соискателей на сооруженіе Воронежско-Грушевской желѣзной дороги; б) въ случаѣ, если бы по состязанію означенная линія осталась за земствомъ и войскомъ — предоставить имъ концессію на всю линію отъ Воронежа до Ростова съ обязательствомъ продолжить Грушевско-Ростовскую дорогу до Ростовской станціи Таганрогской желѣзной дороги и включить тогда въ нормальную концессію особыя дополнительныя условія; в) въ случаѣ же, если Воронежско-Грушевскій участокъ останется за кѣмъ либо другимъ, то — предоставить Министрамъ Финансовъ и Путей Сообщенія относительно соединенія въ одно предпріятіе и другихъ участковъ войти въ соображеніе и соглашеніе какъ съ Войскомъ Донскимъ, такъ и съ г. Поляковымъ, принявшимъ на себя, въ силу Высочайшаго разрѣшенія отъ 20 іюля 1867 года, управленіе Грушевско-Ростовскимъ участкомъ, и сдѣлать по этому предмету представленіе. 8 іюля 1869 года это рѣшеніе Комитета Министровъ Высочайше утверждено. Вслѣдствіе этого состязаніе назначено на 17 іюля 1869 года и къ нему вызваны: братья Гладины, гг. Струве, Поляковъ и Губонинъ.

Цѣны, объявленныя конкурентами на сооруженіе линіи въ 537 верстъ, были слѣдующія:

Гладинымъ	на всю линію	28.350,000	р. м.	на вер. дор.	52.793	р. м.
Струве	„ „	29.700,000	„ „	„ „	55,307	„ „
Поляковымъ	„ „	31.479,000	„ „	„ „	58,620	„ „
Губонинымъ	„ „	33.500,000	„ „	„ „	62,380	„ „

Казалось бы, что на основаніи точнаго смысла Высочайше утвержденныхъ правилъ 18 октября 1868 года, а также въ виду мнѣнія Комитета Министровъ, Высочайше утвержденнаго 8 іюля

1869 года, которымъ назначена была конкуренція съ цѣлію наиболѣе выгоднаго сооруженія этой дороги, концессію слѣдовало бы утвердить за объявившимъ низшія цѣны г. Гладинымъ. Повидимому слѣдовало бы такъ сдѣлать для поддержанія довѣрія къ установленному Правительствомъ принципу конкуренціи. Казалось бы, что разъ конкуренты, на основаніи предоставленнаго г. Министру Финансовъ права, признаны имъ благонадежными и приглашены къ торгамъ,—не могло быть никакого сомнѣнія въ ихъ знаніи и умѣньѣ оцѣнить стоимость работъ и поставокъ и не было никакой надобности входить въ обсужденіе правильности ихъ расчетовъ по отдѣльнымъ статьямъ расхода, такъ какъ они принимали на себя сооруженіе линіи за оптовую цѣну и во всемъ согласно съ нормальной концессіей и техническими условіями и сверхъ того обязывались строить линію подъ надзоромъ правительственной инспекціи.

Но па дѣлѣ вышло не такъ. Въ засѣданіи Комитета Министровъ 29 іюля 1869 года по поводу рѣшенія вопроса — кому изъ трехъ лицъ, — произошло разногласіе.

Дѣло въ томъ, что гг. Гладинъ, Струве и Поляковъ представили особыя исчисленія стоимости поверстнаго сооруженія и разногласіе произошло именно на почвѣ этого исчисленія. Три члена Комитета Министровъ находили, что предложеніямъ г. Полякова должно быть отдано преимущество, какъ строителя болѣе опытнаго и надежнаго, а также въ виду того, что при утвержденіи концессіи за г. Поляковымъ соединяется эксплуатація по предполагаемой къ постройкѣ линіи съ эксплуатаціей по находящемуся уже въ распоряженіи г. Полякова Грушевско-Ростовскому участку; кромѣ того г. Поляковъ обязывался безъ всякой субсидіи и гарантіи построить три версты соединительной вѣтви между станціями въ Ростовѣ Воронежской и Таганрогской дороги и принималъ на свою отвѣтственность безъ правительственной гарантіи владѣніе 80-ти верстнымъ участкомъ отъ Грушевки до Ростова, чѣмъ освобождалъ Правительство отъ данной имъ гарантіи на эту линію (такой гарантіи впрочемъ никогда не было выдаваемо). Предложеніе братьевъ Гладиныхъ, по мнѣнію трехъ членовъ, не можетъ быть принято: во первыхъ потому, что цѣны на подвижной составъ выставлены такія, при которыхъ снабженіе дороги доброкачественными паровозами и вагонами положительно не возможно; во вторыхъ, показано земляныхъ работъ, а равно каменныхъ и чугунныхъ трубъ менѣе, чѣмъ въ разсмотрѣнномъ въ Министерствѣ Путей

Сообщенія проектѣ, а показаніе это основано на изысканіяхъ, предпринятыхъ самими Гладиными и еще не разсмотрѣнныхъ Министерствомъ; точно также цѣны на другіе матеріалы такъ низки, что не представляется увѣренности въ надлежащемъ исполненіи предпріятія. Что же касается предложенія братьевъ Струве, то оно подлежитъ устраненію, такъ какъ уменьшеніе цѣны сопряжено съ значительнымъ сокращеніемъ мостовыхъ сооруженій и рельсовъ, что въ виду необходимой прочности дороги не желательно было бы допустить.

Такое мнѣніе, какъ намъ кажется, можетъ быть оспорено въ каждомъ изъ своихъ положеній. Что касается опытности и благонадежности призванныхъ на конкуренцію лицъ, то вопросъ этотъ на основаніи правилъ 18 октября 1868 года подлежалъ исключительному рѣшенію одного Министра Финансовъ; точно также не подлежалъ обсужденію и вопросъ о соединеніи участковъ Воронежско-Грушевскаго и Грушевско-Ростовскаго, такъ какъ Комитетъ Министровъ мнѣніемъ своимъ Высочайше утвержденнымъ 8 іюля предусмотрѣлъ это обстоятельство и опредѣлилъ, какъ поступить въ томъ случаѣ, если сооруженіе дороги отъ Воронежа до Грушевки не останется за Поляковымъ. Утвержденіе, что г. Поляковъ принимаетъ безъ всякой гарантіи и субсидіи построить соединительную вѣтвь между Ростовскими станціями Грушевской и Таганрогской дорогъ не вполнѣ точно, такъ какъ на основаніи примѣчанія къ II § дополнительныхъ условій къ нормальной концессіи Воронежско-Грушевской дороги (см. Сборникъ свѣд. о желѣзн. дорогахъ за 1868 и 1869 годы, стр. 298) стоимость этой вѣтви вошла въ общую оцѣнку втораго участка и слѣдовательно постройку ея г. Поляковъ обязанъ былъ произвести на счетъ того акціонернаго капитала, который опредѣленъ для втораго участка дороги. Къ тому же сооруженіе этой вѣтви было настоятельно необходимо и для Курско-Азовской дороги, строителемъ которой былъ также г. Поляковъ, такъ какъ дорога эта нуждалась въ антрацитѣ и въ возможности подавать свои вагоны для выгрузки и нагрузки на Донской пристани. Обращаясь затѣмъ къ разцѣночной вѣдомости, представленной г. Поляковымъ на конкуренцію, можно найти въ ней ошибочные счеты, гораздо болѣе серьезные, нежели тѣ, которые найдены были въ разцѣнкѣ гг. Струве и Гладина. Мнѣніе объ ошибочности расчетовъ гг. Струве и Гладина не только можно оспаривать, но и доказать, что они гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ расчеты г. Полякова; что же касается разцѣнки послѣдняго, то здѣсь встрѣчаются такія грубыя ошиб-

ки, которыя уничтожають всякое значеніе представленныхъ имъ цифръ. По условіямъ нормальной концессіи $^{2}/_{3}$ общаго нарицательнаго капитала образуется выпускомъ гарантированныхъ Правительствомъ облигацій, которыя Правительство оставляетъ за собою, выдавая строителю по 75% за сто. Остальной капиталъ долженъ образоваться выпускомъ акцій безъ гарантіи Правительства. Нельзя предполагать, чтобъ бумаги, не имѣющія гарантіи Правительства и принимающія на себя весь рискъ предпріятія, могли быть реализованы по той же цѣнѣ, какъ и облигаціи. Но положимъ, что онѣ дали даже 70%. Спрашивается, во что могла обойтись реализація строительнаго капитала? Г. Поляковъ объявилъ номинальную стоимость сооруженія дороги въ 31.479,000 р. металлическихъ; $^{2}/_{3}$ этого капитала или 20.986,000 руб. представляютъ облигаціонный капиталъ, реализація котораго по условіямъ нормальной концессіи должна обойтись въ 5.246,500 руб. Кромѣ того реализація акціонернаго капитала въ 10.493,000 р. должна обойтись при условіи, предположенномъ выше, въ 3.147,900 руб. Итого, реализація строительнаго капитала при наиболѣе удачныхъ условіяхъ должна была обойтись по меньшей мѣрѣ въ 8.394,400 руб. Въ представленной же г. Поляковымъ разцѣночной вѣдомости реализація капитала оцѣнена всего въ 6,839 руб. на версту, что составитъ на 537 верстъ всего 3.672,543 руб. или менѣе противъ дѣйствительной стоимости реализаціи по меньшей мѣрѣ на 4.721,857 руб. Это уже не предполагаемая, а дѣйствительная ошибка, которая совершенно отнимаетъ всякое значеніе разцѣнки, представленной г. Поляковымъ. Ясно, что для исправленія этой ошибки необходимо уменьшить другія цифры и что эти цифры вовсе не составляютъ результата правильнаго вычисленія. Что же касается до цифръ, представленныхъ г. Гладинымъ, то намъ кажется, что онѣ отнюдь не на столько низки, чтобъ можно было сомнѣваться въ возможности исполненія предпріятія. Для повѣрки этихъ цифръ возьмемъ разцѣночную вѣдомость Привислянской дороги, утвержденную Министромъ Путей Сообщенія 6 декабря 1873 года, т. е. до пониженія въ ней цѣны на рельсы, сдѣланнаго впослѣдствіи. Мы нарочно выбираемъ эту вѣдомость для того, чтобъ каждый читатель припомнилъ ту борьбу, которая происходила при подпискѣ на акціи, и тѣ траты, которыя дѣлали конкуренты для того, чтобъ заручиться сооруженіемъ этой линіи. Слѣдовательно постройка этой дороги даже и послѣ пониженія стоимости на рельсы представляла еще

возможность значительныхъ выгодъ. Мы не думаемъ, чтобы условія мѣстности и времени могли сдѣлать большую разницу въ цѣнѣ, что же касается подвижнаго состава, на который три члена Комитета особенно указывали, то въ 1873 году онъ сильно возвысился въ цѣнѣ и потому цѣны на поставку его въ 1869 году могли быть опредѣлены гораздо ниже. Нижеслѣдующія цифры представляютъ поверстную стоимость сооруженія по расчету г. Гладина и по разцѣночной вѣдомости Привислянской дороги.

	Стоимость на версту дороги по разцѣнкѣ Гладина.	Стоимость на версту дороги по разцѣночной вѣдомости Привислянск. дороги.
Сооруженіе земляного полотна . . .	6,192 р.	4,373 р.
Искуственныя сооруженія	3,649 „	2,609 „
Верхнее строеніе, т. е. песокъ, щебень, шпалы, рельсы и скрѣпленіе . .	11,778 „	11,166 „
Сторожевые дома, казармы, переѣзды .	680 „	636 „
Станціонныя постройки	2,423 „	2,310 „
Подвижной составъ	7,127 „	6,784 „

Мы выписали наиболѣе важные расходы и при томъ всѣ тѣ, на которые указано въ упомянутомъ мнѣніи членовъ комитета, и видимъ, что эти цифры на Привислянской дорогѣ, значительно ниже, чѣмъ тѣ, которыя были объявлены Гладинымъ, и онѣ не только никого не испугали, но показались предпринимателямъ на столько выгодными, что они вступили въ сильную борьбу и подписка обѣимъ сторонамъ стоила значительныхъ издержекъ, которыя должны покрыться, конечно, изъ той же цифры строительнаго капитала.

Большинство членовъ комитета находило необходимымъ утвердить концессію за Гладинымъ, такъ какъ залогъ въ 750,000 р., имъ представленный, вполнѣ обезпечивалъ Правительство, что дорога будетъ выстроена во всемъ согласно съ техническими условіями, а также въ тѣхъ видахъ, чтобы не подрывать довѣрія къ правительственнымъ распоряженіямъ и не ослабить благопріятныхъ послѣдствій принятаго Правительствомъ начала состязаній.

Въ 16-й день августа 1869 года было повелѣно: исполнить журналъ Комитета „по мнѣнію трехъ членовъ“. Такимъ образомъ сооруженіе этой дороги передано было г. Полякову. Мы не имѣемъ въ виду тѣхъ мотивовъ, которые послужили основаніемъ для такого рѣшенія, помимо изложенныхъ членами Комитета Министровъ

и помѣщенныхъ въ сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ; но по всей вѣроятности были и другія соображенія болѣе вѣскія, которыя заставили обратиться къ подобному рѣшенію вопроса, вопреки мнѣнію большинства Комитета Министровъ. Однимъ изъ такихъ соображеній можно предположить сомнѣніе въ благонадежности Гладиныхъ, которые вскорѣ по окончаніи постройки Саратовской дороги, не смотря на высокую ея оцѣнку, сдѣлались несостоятельными; но въ такомъ случаѣ представляется вопросъ, почему гг. Гладины были допущены на конкуренцію и почему не признано возможнымъ утвердить концессію за другимъ конкурентомъ г. Струве, который испрашивалъ также меньшую цѣну въ сравненіи съ г. Поляковымъ?

По концессіи, Воронежско-Ростовская линія составила одно предпріятіе и раздѣлялась на два отдѣла: первый отъ Воронежа до станціи Максимовки на Грушевской дорогѣ, второй отъ Максимовки до Ростова съ вѣтвями къ Грушевскимъ копямъ къ Атюктѣ и къ станціи Харьково-Азовской дороги. Капиталъ общества опредѣлялся въ 36.168,600 руб. металлическихъ: для перваго отдѣленія 31.479.000 руб. металлическихъ съ подраздѣленіемъ его на акціонерный, составлявшій $^1/_3$ или 10.493,000 м. руб. и облигаціонный, составлявшій $^2/_3$ или 20.986,000 м. руб.; для втораго же отдѣленія капиталъ въ 4.684,600 руб. мет. долженъ былъ образоваться выпускомъ негарантированныхъ акцій. Этой суммой должна была покрываться уплата 3.021,203 р. 73 коп. кредитныхъ Войсковому управленію за Грушевско-Донецкую дорогу и стоимость сооруженія дороги отъ Аксая до Ростова съ вѣтвью къ Ростовской станціи Курско-Харьковско-Азовской дороги.

Но такое отношеніе количества облигаціоннаго капитала къ акціонерному оставалось не долго и подверглось двукратному измѣненію. Въ первый разъ, въ виду затрудненій, встрѣченныхъ учредителемъ при реализаціи акціонернаго капитала, ему разрѣшено было, согласно постановленію Комитета Министровъ 23 апрѣля 1871 года, уменьшить количество акціонернаго капитала для перваго участка до 7.862,750 руб. съ таковымъ же увеличеніемъ облигаціоннаго капитала, а затѣмъ при сліяніи обществъ Козлово-Воронежской и Воронежско-Ростовской дорогъ не гарантированный акціонерный капиталъ этой послѣдней дороги, состоявшій изъ 7.869,750 руб. перваго отдѣленія и 4.689,600 руб. втораго отдѣленія, уменьшенъ до суммы 5.241,909 руб. съ увеличеніемъ цифры облигаціоннаго капитала до 35.089,899 руб. металличе-

скихъ, гарантированныхъ Правительствомъ. Изъ этой послѣдней суммы удержано облигацій на 2.417,000 р. для уплаты войску Донскому суммы въ 3.021,203 руб. кредитныхъ за Грушевскую дорогу. Такимъ образомъ общество Козлово-Воронежско-Ростовской дороги за устройство линіи длиною въ 691 версту получило одного облигаціоннаго капитала 32.672,899 руб. метал., что составляетъ 47,282 руб. на версту, т. е. сумму съ избыткомъ достаточную для сооруженія линіи; что же касается до суммы акціонернаго капитала, которая состоитъ изъ 6.454,424 руб. мет. гарантированнаго капитала общества Козлово-Воронежской дороги и 5.241,909 руб. не гарантированнаго капитала общества Воронежско-Ростовской дороги, то эти двѣ суммы составляютъ чистый барышъ предпринимателя.

Подтвержденіемъ этой послѣдней мысли можетъ служить сооруженіе Иваново-Кинешемской линіи. Мысль о постройкѣ этой дороги является совершенно неожиданно въ половинѣ 1869 года. Мы говоримъ *неожиданно* на томъ основаніи, что дорога эта при обсужденіи общей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ концѣ 1868 года вовсе не выставлялась, какъ подлежащая сооруженію, ни однимъ правительственнымъ органомъ и, хотя могла быть отнесена къ разряду предусмотрѣнныхъ питательныхъ линій, но въ такомъ случаѣ должна была строиться на частныя средства и не могла считаться въ числѣ государственныхъ дорогъ, для сооруженія которыхъ могло быть оказано содѣйствіе Правительства гарантіей дохода или ссудою денежныхъ средствъ. Между тѣмъ постройка этой дороги была разрѣшена на условіяхъ совершенно одинаковыхъ съ другими самонужнѣйшими линіями, не смотря на то постановленіе Комитета Министровъ 27 декабря 1868 года, на которое мы не одинъ разъ указывали и которымъ вовсе не предполагалось поддерживать средствами государственнаго казначейства линіи, не вошедшія въ утвержденную сѣть.

Въ іюнѣ 1869 года, поступило нѣсколько заявленій о желаніи просителей принять на себя сооруженіе этой линіи, въ томъ числѣ со стороны строителей Шуйско-Ивановской дороги гг. Бусурина и Горбова, исчислившихъ поверстную стоимость дороги въ 71,500 р. кредитныхъ съ версты при полотнѣ дороги въ одинъ путь. Другіе соискатели вовсе не обозначали поверстной стоимости. Не входя въ обсужденіе вопроса о дѣйствительной необходимости сооруженія этой линіи, Министерство Путей Сообщенія въ видахъ пониженія строительнаго капитала предположило назначить согласно правиламъ

18 октября 1868 года конкуренцію. Вслѣдствіе этого, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ былъ составленъ проектъ нормальной концессіи, на основаніи котораго предположено составить общество, основной капиталъ котораго долженъ былъ образоваться выпускомъ на $^1/_3$ акцій и на $^2/_3$ облигацій; послѣднимъ присвоивалась гарантія дохода въ 5% и погашенія $^1/_{10}$%. Реализацію облигацій Правительство оставляло за собою, выдавая обществу 75% за 100 нарицательной ихъ стоимости. Количество подвижнаго состава предположено было въ 20 паровозовъ и 338 вагоновъ при длинѣ линіи въ 86 верстъ; земляное полотно и каменныя части мостовъ предположены для двухъ путей; верхнее же строеніе въ одинъ путь.

Предложенія были представлены четырьмя соискателями, изъ которыхъ наиболѣе выгодными оказались предложенія г. Вишневскаго по 43,353 руб. 60 коп. мет., г. Горскина и К° въ 43,400 руб. мет., и гг. Горбова и Вусурина, какъ довѣренныхъ общества Шуйско-Ивановской дороги, въ 44,400 руб. мет. съ версты. Такимъ образомъ, переводя заявленную гг. Горбовымъ и Вусуринымъ прежде цѣну 71,500 кредитныхъ въ металлическую валюту по тогдашнему курсу 84%, получимъ 60,060 руб. Изъ этого оказывается, что конкуренція даже въ тѣхъ незначительныхъ размѣрахъ, какъ она допускалась существующими правилами, заставила соискателей, предложившихъ высшую противъ другихъ цѣну, понизить ее на 15,660 руб. метал. Въ виду этого факта, мы еще разъ должны указать на полезные результаты конкуренціи и на вредныя послѣдствія ея ограниченія.

Комитетъ гг. Министровъ, по разсмотрѣніи предложеній соискателей въ засѣданіи 22 іюля 1869 года, имѣя въ виду съ одной стороны выгоду отъ соединенія двухъ линій въ распоряженіи одного общества, а съ другой то обстоятельство, что другіе конкуренты не имѣли случая пріобрѣсти извѣстность вполнѣ опытныхъ строителей, согласно заключенію Министра Финансовъ и руководствуясь правилами 18 октября 1868 года о порядкѣ выдачи концессій, коими не обусловлено утвержденіе низшихъ цѣнъ, положилъ предоставить сооруженіе Иваново-Кинешемской линіи гг. Горбову и Вусурину за объявленную ими цѣну 3.840,600 руб. мет., что и было утверждено въ 26-й день іюля 1869 года.

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ одинъ мѣсяцъ мысль о сооруженіи Иваново-Кинешемской дороги получила полное осуществленіе. На этомъ основаніи мы имѣли право сказать, что дорога

эта возникла *неожиданно*. Переходя затѣмъ къ мотивамъ, по которымъ Комитетъ Министровъ утвердилъ постройку дороги за обществомъ Шуйско-Ивановской дороги, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ соображеніемъ, что другіе конкуренты не имѣли еще случая пріобрѣсти извѣстность вполнѣ опытныхъ строителей. Если г. Министръ Финансовъ пригласилъ ихъ на конкуренцію, то стало быть они были вполнѣ благонадежныя лица и, на основаніи точнаго смысла правилъ 18 октября, вопросъ этотъ вовсе не составлялъ предметъ обсужденія для Комитета Министровъ. Кромѣ того, если руководиться подобными соображеніями постоянно, то тѣсный кругъ строителей никогда не расширится и такимъ образомъ *въ пользу нѣкоторыхъ строителей будетъ создана монополія*, между тѣмъ какъ правила 18 октября 1868 года имѣли въ виду отнюдь не создавать новыхъ монополій, а напротивъ уничтожить ту, которая образовалась случайно. Обстоятельство это подтверждаетъ ту истину, что иногда можно дѣйствовать вполнѣ согласно съ буквою закона, но вопреки его духу и тѣмъ цѣлямъ, которыхъ онъ желалъ достигнуть.

Намъ слѣдовало бы говорить теперь о концессіи на Скопинскую дорогу; но такъ какъ эта дорога составляетъ незначительный участокъ Ряжско-Вяземской линіи, концессія на которую выдана гораздо позднѣе, то мы упомянемъ о ней при изложеніи исторіи сооруженія Ряжско-Вяземской линіи, а теперь перейдемъ къ послѣдней дорогѣ, разрѣшенной въ 1869 году, а именно къ Бресто-Граевской.

Дорога эта также не входила въ утвержденную 27 декабря 1868 года сѣть, но объ ней нельзя сказать, что она возникла неожиданно. Переговоры Главнаго Управленія Путей Сообщенія съ обществомъ Восточно-Прусской желѣзной дороги о продолженіи Кенигсберго-Лыковской линіи по нашимъ владѣніямъ начались еще въ 1861 году, т. е. прежде чѣмъ была разрѣшена Кенигсберго-Лыковская дорога. Означенное общество предполагало вести это продолженіе сперва до Гродно и затѣмъ далѣе до Пинска. Переговоры эти продолжались постоянно, но Правительство наше отклоняло предложенія общества частію въ виду неопредѣленности экономическаго положенія Варшавской дороги, изъ опасенія, что эта послѣдняя линія встрѣтитъ въ Кенигсберго-Гродненской дорогѣ соперничествующую линію, которая вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отвлекать грузы отъ нашего Либавскаго порта къ Кенигсбергу. Но въ 1867-мъ году намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ

предложилъ обществу Кенигсберго-Лыковской дороги вести продолженіе не на Гродно, а на Бѣлостокъ и Брестъ и притомъ безъ всякой гарантіи Правительства, въ тѣхъ видахъ, что при такомъ направленіи эта линія можетъ быть полезна для Россіи въ стратегическомъ отношеніи. На это предложеніе представители общества изъявили согласіе, и графъ Бергъ ходатайствовалъ объ утвержденіи этого соглашенія. По журналу комитета желѣзныхъ дорогъ 10 ноября 1867 года положено было объявить представителямъ общества, чтобъ они внесли полный проектъ концессіи на желѣзную дорогу отъ Лыка чрезъ Бѣлостокъ до Брестъ-Литовска съ тѣмъ, что участокъ отъ Бѣлостока до Брестъ-Литовска долженъ строиться одновременно съ участкомъ отъ Лыка до Бѣлостока и притомъ безъ правительственной гарантіи; сооруженіе же и эксплуатація должны подчиняться всѣмъ правиламъ, которымъ подчиняются другія частныя дороги въ Россіи.

11 Января 1868 года разрѣшено было обществу произвести изысканія на свой счетъ, а въ февралѣ 1869 года, представитель общества графъ Ландорфъ представилъ проектъ концессіи, планы и чертежи предполагаемой постройки.

По исправленіи проекта по указаніямъ Департамента желѣзныхъ дорогъ, въ техническомъ отношеніи, онъ былъ разсмотрѣнъ въ Комитетѣ Министровъ, которымъ постановлено: общество обязано составить въ Россіи на основаніи русскихъ законовъ отдѣльное общество для устройства этой дороги, что же касается основнаго капитала, опредѣленнаго въ размѣрѣ 12,396,280 мет. руб. при длинѣ дороги въ 198,5 верстъ, что составляетъ 62,000 мет. руб. на версту, то Комитетъ Министровъ, сравнивая эту сумму съ капиталами Либавской и Московско-Смоленской дороги, нашелъ ее преувеличенной.

Вслѣдствіе этого, съ Высочайшаго разрѣшенія было назначено особое присутствіе, въ которомъ приняли участіе Министры подлежащихъ вѣдомствъ. Этому присутствію поручено было разсмотрѣть поверстную стоимость и опредѣлить ту цѣну, свыше которой не можетъ быть выдана испрашиваемая концессія. Присутствіе по внимательномъ и подробномъ разсмотрѣніи какъ разцѣночной вѣдомости, такъ и расчетовъ по реализаціи капитала, нашло опредѣленную выше поверстную стоимость очень высокою и пришло къ заключенію, что можно допустить предѣломъ поверстной цѣны 57,500 руб. металлическихъ. Такимъ образомъ капиталъ общества

могъ быть опредѣленъ въ 11.500,000 метал. рублей или 13.353,300 кредитныхъ.

На эти условія общество изъявило согласіе и концессія была Высочайше утверждена 26 декабря 1869 года. Капиталъ общества образовывался выпускомъ 133,533 акцій, по 100 руб. кред. каждая. Ни въ образованіи капитала, ни въ гарантіи дохода Правительство не принимало участія. Количество подвижнаго состава опредѣлено въ 44 паровоза и 762 вагона.

Замѣчательно, что при утвержденіи этой линіи проектъ былъ подвергнутъ особенно внимательному разсмотрѣнію, котораго мы никогда не замѣчали при утвержденіи другихъ дорогъ. Такъ напримѣръ никогда мы не замѣчали, чтобы при обсужденіи цифры потребнаго капитала сравнивалась стоимость сооруженія другихъ линій съ стоимостію проектированной. Точно также мы не встрѣчали до сихъ поръ въ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, чтобы для опредѣленія этой стоимости назначалось особое присутствіе, которое подробно бы изучало разцѣночную вѣдомость. Обыкновенный же порядокъ былъ таковъ, что сумма потребнаго капитала опредѣлялась на основаніи общихъ соображеній и только въ послѣднемъ году на основаніи конкуренціи.

Такому внимательному разсмотрѣнію, конечно, нельзя не сочувствовать и остается только пожалѣть, что порядокъ этотъ не примѣнялся къ разсмотрѣнію тѣхъ дорогъ, въ которыхъ, если не весь капиталъ, то большая его часть принадлежитъ Правительству и гдѣ слѣдовательно подобное внимательное отношеніе къ дѣлу принесло бы еще болѣе пользы.

Учредители общества передали устройство Бресто-Граевской дороги оптомъ за полную концессіонную сумму извѣстному доктору Струсбергу, который принялъ также на себя ручательство въ образованіи капитала, потребнаго на сооруженіе дороги. При подпискѣ всѣ акціи были разобраны и акціонерами внесено по 20 руб. за каждую акцію. Но общество очень скоро встрѣтило затрудненіе въ денежныхъ средствахъ и, несмотря на нѣсколько разъ дѣлавшіяся отсрочки, къ 1 сентября 1871 года 69,990 акцій остались неоплаченными вторымъ взносомъ.—Вслѣдствіе сего общество ходатайствовало о выпускѣ взамѣнъ неоплаченныхъ акцій облигацій, негарантированныхъ Правительствомъ. 17 октября 1871 года это ходатайство общества было удовлетворено.

Но и затѣмъ дѣла общества были не въ блестящемъ положеніи: акціи его понижались постоянно, а сооруженіе дороги

шло очень медленно. Наконецъ по журналу техническаго комитета 28 іюля 1873 года движеніе открыто при далеко не полномъ количествѣ подвижнаго состава, и къ 1-му января 1874 года общество задолжало Правительству 1.500,000 руб.

Вслѣдствіе ревизіи отчетовъ, произведенной правительственной коммисіей въ 1874 году, въ балансѣ общества оказался значительный дефицитъ, на покрытіе котораго обществу разрѣшено выпустить облигацій на 3.500,000 руб., которыя Правительство оставило за собой. Мы имѣемъ основаніе думать, что этотъ дефицитъ образовался вслѣдствіе выдачи правленіемъ такой же суммы доктору Струсбергу за уступку имъ своихъ учредительскихъ правъ настоящему обществу, хотя эта выдача и не мотивирована ни чѣмъ въ постановленіи правленія.

Къ разсмотрѣнному въ настоящей статьи періоду времени относится разрѣшеніе вопроса о передачѣ въ частныя руки всѣхъ правительственныхъ дорогъ, а также и передача Николаевской желѣзной дороги Главному Обществу. Но такъ какъ вопросъ о передачѣ правительственныхъ дорогъ частнымъ обществамъ имѣетъ очень важное значеніе, а наша статья по обилію матеріаловъ и безъ того уже вышла изъ предѣловъ, предположенныхъ для нея въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній, то мы по необходимости должны отложить продолженіе нашего труда до слѣдующихъ томовъ.

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и святыхъ отецъ съ толкованіями. Вып. 1. Изданіе Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія. М. 1876. Стр. 12—175.

Озаглавленная книга есть отдѣльное изданіе начала въ высшей степени важнаго для церкви труда, въ 1874 году Московскимъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія предпринятаго, съ начала 1875 года до настоящаго времени безпрерывно продолжаемаго и печатаемаго въ періодическомъ изданіи „Чтеніяхъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія“. Редакція „Сборника государственныхъ знаній“, поставивъ для себя задачею — „содѣйствовать, по возможности, усиленію способовъ изученія предметовъ публичнаго права“, должна съ радостію привѣтствовать появленіе перваго выпуска такого труда, который, надѣемся, имѣетъ получить великое значеніе въ исторіи распространенія, возвышенія и развитія юридико-каноническихъ знаній въ средѣ нашего православнаго духовенства, въ усиленіи и оживленіи церковнаго правосознанія въ нашемъ обществѣ, въ разработкѣ науки церковнаго права, въ облегченіи и расширеніи знакомства нашихъ юристовъ съ исторіею толкованій правилъ законодательства вселенской церкви по каноническимъ вопросамъ, имѣющимъ связь съ вопросами разныхъ отраслей юриспруденціи, и въ содѣйствіи успѣшному разрѣшенію многихъ вопросовъ относительно церкви, занимающихъ и имѣющихъ занимать впредь русское законодательство, общественную мысль и практическую дѣятельность церковной власти. Въ виду важности означеннаго изданія, мы считаемъ долгомъ обратить на него особенное вниманіе читателей „Сборника“.

„Правила св. апостоловъ, соборовъ и отецъ“ — историческая и каноническая основа законодательства всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей вообще, и русской въ особенности. Изданіе ихъ въ русскомъ переводѣ — не новость въ нашей печати: существуютъ синодальныя изданія „Книга правилъ“ 1838, 1862 и 1874 гг. и русскій переводъ „Правилъ“ въ „Опытѣ курса церковнаго законодательства“ архим.

Іоанна (Спб., 1851 г., 2 тома). Но въ русской печати еще не бывало всѣхъ „*толкованій*“, съ которыми издаются Московскимъ обществомъ означенныя „Правила.“ „Толкованія“, издаваемыя обществомъ въ *русскомъ* переводѣ, который совершается совокупными силами и при участіи нѣсколькихъ извѣстныхъ въ русской литературѣ и церкви лицъ, подъ главною редакціею профессора Московской духовной академіи А. О. Лаврова, принадлежатъ знаменитымъ въ исторіи церковнаго права греческимъ канонистамъ XII вѣка—Аристину, Іоанну Зонарѣ и Вальсамону. Толкованія ихъ, служа выраженіемъ церковнаго правосознанія греческой церкви въ XII вѣкѣ, во все послѣдующее время исторіи церквей восточныхъ (константинопольской, антіохійской и др.) и русской имѣли значеніе руководства для точнаго и правильнаго пониманія законодательства церкви вселенской. Потребность имѣть эти толкованія въ Россіи на отечественномъ языкѣ всегда совпадала съ пробужденіемъ интересовъ въ нашемъ отечествѣ къ разрѣшенію важныхъ вопросовъ церковнаго права и къ *изученію* главныхъ моментовъ въ историческомъ развитіи церковнаго правосознанія. Такъ, въ XIII вѣкѣ, соборомъ 1274 г. нѣкоторыя изъ нихъ были приняты въ Россіи по поводу разстройства въ церкви вслѣдствіе нашествія монголовъ; въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ необходимость въ нихъ выражалась по поводу споровъ о монастырскихъ земляхъ и пр.; во второй половинѣ XVII в., по поводу возникновенія раскола въ русской церкви и въ виду необходимости разныхъ церковныхъ реформъ, толкованія всѣхъ упомянутыхъ канонистовъ были переведены на русскій языкъ въ Москвѣ монахомъ Епифаніемъ Словеницкимъ и пересмотрѣны іеромонахомъ Евѳиміемъ; рукопись перевода сохраняется и теперь въ Московской синодальной, бывшей патріаршей, библіотекѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка, по распоряженію св. Синода, переводилась книга Беверегія „Пандекты“, въ которой изданы подъ „правилами“ толкованія тѣхъ же греческихъ канонистовъ. Современная потребность русскаго общества—имѣть на русскомъ языкѣ толкованія греческихъ канонистовъ XII вѣка „съ особенною ясностью, по словамъ „Предисловія“ къ разсматриваемому изданію Московскаго общества, высказалась въ спорахъ о судебной власти епархіальнаго архіерея, веденныхъ въ 1871—73 годахъ.“ Такимъ образомъ московское изданіе „Правилъ“ „*съ толкованіями*“ есть характеристическое явленіе въ современномъ русскомъ церковномъ обществѣ, свидѣтельствующее объ особенномъ движеніи въ его средѣ церковнаго правосознанія.

Характерныя черты этого движенія отчасти можно наблюдать въ *составѣ* разсматриваемаго изданія Московскаго общества, въ разъясненіяхъ „*побужденія и цѣли*“ изданія въ настоящее время и въ происшедшихъ въ литературѣ объясненіяхъ по поводу этого изданія.

Общій видъ изданія, по предварительной программѣ общества, слѣдующій: въ основу его положены „правила“, имѣющія значеніе законодательства вселенской церкви; эти правила печатаются, паралельно на греческомъ и славяно-русскомъ языкахъ, съ синодальнаго изданія „Книги правилъ“; подъ каждымъ правиломъ помѣщаются толкованія Зонары, Аристина и Вальсамона; за ними слѣдуетъ текстъ, соотвѣтствую-

щій правиламъ, положеннымъ въ основу изданія, „правилъ и толкованій славянской кормчей“ *Іосифовскаго* изданія; наконецъ, присоединяются „толкованія и примѣчанія“, помѣщенныя подъ нѣкоторыми правилами синодальныхъ изданій „Книги правилъ.“ *Первый выпускъ* содержитъ въ себѣ „правила святыхъ апостолъ съ толкованіями“, изложенныя согласно програмиѣ всего изданія. Тексту изданія предпослано общее „предисловіе“, объясняющее побужденіе и цѣль изданія, составъ его и способъ исполненія предпріятія (стр. 1—12) и краткое объясненіе происхожденія апостольскихъ правилъ (5—12).

Поводъ и цѣль изданія „толкованій“ переводчики и издатели ихъ объясняютъ, между прочимъ, тѣмъ, что необходимость имѣть греческія толкованія канонистовъ XII съ особенною ясностію открылась въ спорахъ о судебной власти епархіальнаго архіерея, веденныхъ въ 1871—1873 годахъ. Тогда появились, говорится въ „предисловіи“ изданія, такія умствованія, которыя грозили, въ случаѣ практическаго ихъ осуществленія, совершеннымъ извращеніемъ всего строя (!) православной церковной жизни, и которыя при этомъ были подкрѣпляемы ссылками на правила. Расчетъ при этомъ былъ, очевидно, тотъ, что, при недостаточной ясности нѣкоторыхъ церковныхъ правилъ и при неизвѣстности нашему обществу толкованій на правила, будетъ достигнуто убѣжденіе читателей въ вѣрности предложенныхъ умствованій. Не оправдался этотъ разсчетъ, единственно отъ того, что выставлены были вмѣстѣ съ правилами и толкованія на нихъ, изъ которыхъ съ непобѣдимою ясностью открылось противурѣчіе выставленныхъ умствованій церковнымъ правиламъ.“ Переводчики и издатели „толкованій“ XII вѣка, съ особеннымъ удареніемъ, указываютъ, что эти толкованія въ православной церкви, греческой и русской, *всегда* пользовались *авторитетомъ*, не только ради ихъ внутренняго достоинства, но и вслѣдствіе *одобренія* ихъ высшею церковною властію“ (стр. 8). Объясненія эти, вмѣстѣ съ внесеніемъ въ изданіе *Іосифовской* кормчей, подали поводъ къ мнѣнію, выраженному и печатно, что переводчики и издатели не чужды полемическихъ и своего рода публицистическихъ намѣреній. Эти намѣренія въ частности не понравились редакціи московскаго журнала „Православнаго Обозрѣнія“, который, вѣроятно, по какимъ-нибудь недоразумѣніямъ, много разъ заявлялъ себя приверженцемъ извѣстнаго бюрократическаго „проекта духовно-судебной реформы“, и который, подозрѣвая въ предпріятіи Московскаго общества духовнаго просвѣщенія своего рода протестъ противъ „проэкта“, выразилъ однажды свое воззрѣніе на безполезность и неумѣстность въ настоящее время изданія „толкованій“ XII вѣка. Иначе отнесся къ предпріятію Московскаго общества профессоръ А. С. Павловъ, извѣстный изслѣдователь и знатокъ исторіи памятниковъ церковнаго законодательства, перешедшихъ въ Россію изъ Греціи. Онъ, „сознавая великую важность предпріятія“ и исполненный „живѣйшаго сочувствія“ къ исполненію его, вскорѣ послѣ объявленія въ „Чтеніяхъ общества“ програмы предпріятія, написалъ въ «Запискахъ новороссійскаго университета» и прислалъ въ редакцію изданія свои «Замѣчанія на програму изданія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіями». Этими замѣчаніями г. Павловъ рекомендовалъ „Обществу“ придать своему изданію

строго и исключительно научный характеръ и исполнить его по всѣмъ требованіямъ, заявляемымъ современною наукою. Въ своихъ „Замѣчаніяхъ“ ученый профессоръ доказываетъ радакціи изданія, что принятый ею порядокъ расположенія толкователей не оправдывается ни *точною* хронологіею, ни внутреннимъ *отношеніемъ* между толкованіями трехъ канонистовъ, при чемъ г. Павловъ драгоцѣнными указаніями дополняетъ и старается исправить извѣстныя доселѣ византологамъ біографическія свѣдѣнія о греческихъ канонистахъ XII в.; за тѣмъ онъ предлагаетъ между прочимъ: 1) отдѣлить въ изданіи въ особую часть „славянскую кормчую“ и напечатать ее вмѣстѣ съ ея греческимъ оригиналомъ — Синопсисомъ и толкованіями Аристина, 2) присоединить къ толкованіямъ Зонары и Вальсамона на нѣкоторыя правила толкованія Θеодора Студита и Никона Черногорца, которые имѣли весьма сильное вліяніе на церковное правосознаніе Россіи въ XIII — XVI вв., а также толкованія св. Синода, которые по мысли г. Павлова, нужно выбрать изъ синодальныхъ протоколовъ.

Эти два предложенія г. Павлова, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, глубокаго уваженія и, съ научной стороны, должны быть признаны справедливыми. Но практическимъ исполненіемъ этихъ предложеній, которое, конечно, высоко подняло бы и научныя достоинства и церковно-практическое значеніе изданія, замедлилось бы осуществленіе и окончаніе прекраснаго предпріятія московскаго Общества, по меньшей мѣрѣ, на неопредѣленныя времена. Вѣроятно, не желая откладывать исполненіе своего предпріятія на будущее время, общество приступило къ изданію своего труда въ „Чтеніяхъ“, въ видѣ прибавленій, по выработанной имъ програмѣ, не воспользовавшись предложеніями г. Павлова. Изъ „прибавленій“, печатавшихся въ „Чтеніяхъ Общества“ въ 1875 и 1876 гг., изданныхъ теперь отдѣльно, и образовался первый выпускъ „Правилъ“. По выходѣ въ свѣтъ этого выпуска, г. Павловъ нашелъ нужнымъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1876 г. подъ заглавіемъ „О новомъ переводѣ толкованій на церковныя правила“, повторить свои „Замѣчанія“, подкрѣпивъ и дополнивъ ихъ новыми примѣчаніями въ прежнемъ смыслѣ, и указалъ на нѣкоторыя неясности, неправильности и неточности въ переводѣ „Толкованій“ на апостольскія правила. Въ отвѣтъ на „Замѣчанія“ и статью г. Павлова въ „Чтеніяхъ Общества“ духовнаго просвѣщенія, въ августовской книжкѣ за 1876 годъ явилось обширное „печатное письмо къ А. С. Павлову“ (стр. 158—194) главнаго редактора перевода и изданія „Правилъ“ А. Θ. Лаврова. Почтенный редакторъ, съ достойнымъ уваженія тактомъ, ученымъ образомъ оправдываетъ и отстаиваетъ принятую имъ хронологію толкователей, посвятивъ ученой защитѣ ся большую часть своего письма (стр. 159 — 180), не соглашается раздѣлить изданіе на двѣ части (180 — 191), при чемъ, къ нашему изумленію, силится объяснить, что „особаго *Никоновскаго* изданія кормчей не было“, хотя здѣсь же показываетъ разности между Іосифовскою и Никоновскою кормчею, находитъ нѣкоторыя замѣчанія г. Павлова справедливыми и отстраняетъ наиболѣе серьезныя предложенія его тѣмъ, что изданіе Общества, по намѣреніямъ Общества, есть „изданіе популярное, практическое“ и что нежелательно замедлять появленіе его въ свѣтъ. Мы разсказали печатныя объясненія, происшедшія между гг. Пав-

ловымъ и Лавровымъ по поводу изданія „правилъ“, съ тою цѣлію, чтобы представить примѣръ—какъ это изданіе можетъ подѣйствовать на оживленіе науки церковнаго права въ Россіи. — Изданіе это, если оно будетъ закончено и въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершается, будетъ настольною книгою для всякаго занимающагося, научно или практически, церковнымъ правомъ; оно будетъ служить учебникомъ церковнаго законовѣдѣнія для священнослужителей и мірянъ и справочною книгою какъ для юристовъ, желающихъ ознакомиться съ каноническими воззрѣніями на предметы, соприкасающіеся съ разными отраслями юриспруденціи, такъ и для церковныхъ администраторовъ, судей и законодателей. Успѣшное и возможно-скорое окончаніе предпріятія желательно въ высшей степени. Полная оцѣнка труда должна наступить уже по совершенномъ его окончаніи. Во всякомъ случаѣ изданіе дѣлаетъ честь московскому Обществу любителей духовнаго просвѣщенія и непосредственнымъ труженникамъ въ переводѣ и изданіи „толкованій“: они исполняютъ такой трудъ, который до сихъ поръ никому не былъ по силамъ, не смотря на сознаніе необходимости его для русской церкви, въ сферѣ высшей церковной власти выражавшееся въ теченіе столѣтій!

Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи. Изданіе С.-Петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Спб. Выпускъ I-й 1869 г., вып. II-й 1871 г., вып. III-й 1873 г., вып. IV-й 1875 г., вып. V-й 1876 г.

Первые четыре выпуска состоятъ изъ трехъ отдѣловъ; пятый — изъ двухъ. Первый отдѣлъ выпусковъ, согласно плану комитета, посвященъ „исторіи православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней с.-петербургской епархіи“. Въ первыхъ трехъ выпускахъ этотъ отдѣлъ замѣщенъ обширною и замѣчательною по богатству собранныхъ изъ архивовъ матеріаловъ статьею о. *М. Ѳ. Архангельскаго.* Статья его въ отдѣльномъ оттискѣ была бы объемистою книгою болѣе чѣмъ въ 400 страницъ. Авторъ сначала говоритъ въ ней о распространеніи и судьбѣ православной вѣры и церкви въ предѣлахъ нынѣшней с.-петербургской епархіи до основанія С.-Петербурга (вып. 1, стр. 1—39); затѣмъ изображаетъ состояніе церкви въ краѣ съ основанія С.-Петербурга до учрежденія св. Синода въ 1721 г. (стр. 40—96) и потомъ весьма подробно, на основаніи неизданныхъ, извлеченныхъ въ громадномъ количествѣ изъ архивовъ, матеріаловъ излагаетъ исторію церкви въ петербургскомъ краѣ съ учрежденія св. Синода до 1745 года (вып. 1, стр. 96 — 160; вып. II, стр. 161 — 298; вып. III, стр. 1 — 90). Въ нашей литературѣ нѣтъ сочиненія, въ которомъ была бы собрана и издана такая масса новыхъ фактическихъ свѣдѣній о с.-петербургскомъ краѣ за первую половину XVIII вѣка, какъ въ статьѣ о. Архангельскаго. Фактическія свѣдѣнія касаются не только церкви, но и другихъ различныхъ сторонъ жизни обитателей края; многія изъ нихъ имѣютъ значеніе не только для пониманія и разъединенія мѣстной исторіи края, но нѣкоторыхъ событій политической и цер-

ковной исторіи всей Россіи. Вообще трудъ г. Архангельскаго заслуживаетъ благодарности и уваженія со стороны всякаго, кто дорожитъ разработкою отечественной исторіи. Желательно бы, чтобы его трудъ вышелъ отдѣльною книгою. Въ четвертомъ выпускѣ первый отдѣлъ занятъ, „историко-статистическимъ очеркомъ православной церкви въ Финляндіи“ (стр. 3 — 271), который составленъ о. *Л. Петровымъ* на основаніи печатныхъ сочиненій о Финляндіи и церковныхъ документовъ. Въ пятомъ выпускѣ продолжается „исторія с.-петербургской епархіи“ о. *С. Онатовича*, который представилъ состояніе ея за время 1742—1750 гг. Во второмъ отдѣлѣ всѣхъ пяти выпусковъ помѣщены подробныя историко-статистическія описанія 27-ми с.-петербургскихъ соборовъ и приходскихъ церквей и краткія — 26-ти православныхъ церквей въ Финляндіи. Въ третьемъ отдѣлѣ выпусковъ описаны 6-ть монастырей с.-петербургской епархіи. Одно перечисленіе, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержанія пяти объемистыхъ выпусковъ „историко-статистическихъ свѣдѣній о с.-п.-бургской епархіи“ показываетъ богатство ихъ содержанія и степень значенія ихъ для знакомства съ епархіею.

Руководство къ русской церковной исторіи. Составилъ *П. Знаменскій*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Казань, 1876 г. стр. VI + 482.

Первое изданіе „Руководства“ вышло въ 1870-мъ году. „Руководство“ г. Знаменскаго отличается правильностію и чистотою языка, живостію, занимательностію и художественностію изложенія, яркостію и наглядностію очертаній главныхъ моментовъ развитія жизни отечественной церкви, послѣдовательностію развитія основныхъ воззрѣній, сжатостію, приличною учебникамъ полнотою и отчетливостію разсказовъ о частныхъ событіяхъ, въ которыхъ пластически обрисовываются главные черты описываемыхъ періодовъ. Книга г. Знаменскаго стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Она — сочный экстрактъ изъ современной научной разработки исторіи русской церкви. Было бы желательно, чтобы авторъ указывалъ въ руководствѣ источники и литературу предметовъ, вошедшихъ въ его книгу: въ такомъ видѣ книга о. Знаменскаго была бы руководствомъ не только къ *изученію*, но и къ научной *разработкѣ* исторіи русской церкви. Главное дополненіе, сдѣланное авторомъ „руководства“ во второмъ изданіи, состоитъ въ изображеніи „Состоянія церкви при Екатеринѣ II и Павлѣ I“ (стр. 401—482). Представленный имъ вновь очеркъ „состоянія“ составленъ мастерски и читается, не какъ сухой трактатъ учебника, а какъ художественное описаніе картины, изображающей церковную жизнь Россіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, столь знаменитой въ судьбахъ нашего отечества. Изъ немногихъ измѣненій, сдѣланныхъ во второмъ изданіи сравнительно съ первымъ, мы замѣтили: нѣкоторыя опущены мѣста (напр. стр. 44-ю и 83-ю 1-го изданія соs. 42-ю и 78-ю 2-го изд.), поправки (напр. на стр. 124-й новаго изданія), соединеніе въ одну главу (VI-ю) двухъ главъ (VI и VII-й) перваго изданія и т. п.

Статистическія свѣдѣнія по общественному призрѣнію С.-Петербурга, собранныя для Коммиссіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Разработаны *П. П. Семеновымъ* и *И. Е. Андреевскимъ*. Ч. I. **Приходскія благотворительныя общества**. Спб. 1875. Стр. XV+182.

При Совѣтѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества учреждена Коммиссія для изслѣдованія условій, въ которыхъ находится общественное призрѣніе бѣдныхъ въ Россіи. Коммиссія, замѣтивъ „здоровый ростъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ“ въ С.-Петербургѣ, которыя стали учреждаться съ 1862 года, обратилась къ нимъ за свѣдѣніями объ основаніяхъ, формахъ и объемѣ ихъ дѣятельности, предложивъ имъ доставить ей эти свѣдѣнія по 11-ти вопроснымъ пунктамъ. Изъ доставленныхъ на эти пункты отвѣтовъ получились, сгрупированы и приведены въ порядокъ изложенныя въ озаглавленной брошюрѣ свѣдѣнія: 1) о количествѣ существующихъ нынѣ въ столицѣ приходскихъ попечительствъ и братствъ при православныхъ церквахъ и о времени учрежденія перваго изъ нихъ, (стр. 1 — 5), 2) о доходахъ и имуществахъ ихъ (6 — 17), о формахъ благотворительности и расходахъ ихъ (18—43), о способахъ и пріемахъ благотворенія (44—50) и о воззрѣніяхъ самихъ попечительствъ на цѣль и значеніе ихъ благотворительной дѣятельности (51—65). Къ свѣдѣніямъ о православныхъ приходскихъ обществахъ присоединены подобныя же свѣдѣнія и объ евангелическо-лютеранскихъ обществахъ при трехъ столичныхъ приходахъ (стр. 66—77). Въ концѣ брошюры помѣщены, въ видѣ приложенія, подлинные отзывы каждаго общества на предложенные имъ пункты. Полученныя коммиссіею свѣдѣнія привели ее къ убѣжденію, что „приходскія благотворительныя общества составляютъ единственную, прочную основу всего дѣла призрѣнія бѣдныхъ“, — какъ это объяснено въ „Предисловіи“ брошюры, помѣщенномъ на III — XV страницѣ. Брошюра, составленная гг. Семеновымъ и Андреевскимъ есть прекрасное дополненіе къ „историко-статистическимъ свѣдѣніямъ о с.-петербургской епархіи“, о которыхъ мы дали выше понятіе. Она свидѣтельствуетъ о томъ, что церковно-общественная благотворительность должна возвратиться къ тѣмъ формамъ приходской организаціи, которой с.-петербургская церковь держалась въ первой половинѣ XVIII вѣка и которая, по распоряженіямъ правительства при Екатеринѣ II, была вытѣснена и замѣнена „градскими богадѣльнями“, собранными въ одну мѣстность и въ одно зданіе отъ всѣхъ приходовъ столицы.

Историческій очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства въ Россіи, *Н. Невзорова*. Спб. 1875, стр. VI+101.

Авторъ книжки въ пяти главахъ изображаетъ „духовенство военнаго вѣдомства въ Россіи въ XVII и XVIII вв.“ (стр. 1 — 12), управленія этимъ духовенствомъ въ XIX в. (14—46), „внутренній характеръ уп

ленія" (49 — 71), „отношенія духовенства военнаго вѣдомства къ воинскимъ начальникамъ и наоборотъ" (72—85) и къ епархіальному вѣдомству (87—90); въ приложеніи сообщается списокъ бывшихъ и наличныхъ „оберъ-священниковъ". Главнымъ матеріаломъ для составленія труда послужили „документы, хранящіеся въ архивахъ канцелярій главныхъ священниковъ". Эта книжка г. Невзорова заслуживаетъ вниманія потому, что она, подобно „Памятной книжкѣ о правахъ и обязанностяхъ армейскаго духовенства", о. *Львова* (Гельсингфорсъ, 1870 г.), служитъ признакомъ существующей въ нашемъ обществѣ потребности привести къ сознанію юридическое положеніе духовенства военнаго вѣдомства въ Россіи. „Духовенство военнаго вѣдомства" въ Россіи составляетъ особый, своеобразный, классъ служебныхъ лицъ въ русской православной *церкви* и русскомъ *государствѣ*, отличный отъ другихъ служилыхъ классовъ государства по его юридическому положенію и въ отношеніяхъ служебномъ, административномъ — военномъ, церковномъ и общественномъ. Особенности „военнаго духовенства" въ нашей литературѣ вовсе не выяснены. Между тѣмъ это духовенство имѣетъ уже свою исторію, свое значеніе въ войскѣ и церкви и свою будущность. Нѣтъ сомнѣнія, что съ полнымъ образованіемъ военнаго устройства на началахъ всеобщей воинской повинности, особенно въ военное время, откроется необходимость въ дополненіяхъ и измѣненіяхъ современнаго строя и управленія „духовенства военнаго вѣдомства". Поэтому научное разъясненіе особенностей этого духовенства, съ исторической и юридической стороны, является предметомъ, нелишеннымъ важности.

Книжка г. *Невзорова*, какъ *первый* и единственный опытъ историческаго очерка управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства, любопытна и полезна. Въ ней впервые сообщено въ печати и сгруппировано нѣсколько однородныхъ фактовъ относительно военнаго духовенства и высказаны мысли автора о нѣкоторыхъ сторонахъ положенія этого духовенства. Къ сожалѣнію, очеркъ автора—крайне кратокъ, во многихъ отношеніяхъ и при своей краткости — неисправенъ и заставляетъ желать, чтобы молодой и способный къ занятіямъ въ архивахъ и къ живому изложенію матеріаловъ, добытыхъ въ архивахъ, авторъ *продолжилъ* свои труды въ научной разработкѣ своего предмета, которымъ онъ первый занялся и съ которымъ въ значительной степени ознакомился. Можемъ увѣрить автора, что его трудъ можетъ получить значеніе въ наукѣ и практикѣ и встрѣтить сочувствіе съ различныхъ сторонъ, если онъ оставитъ мысль, что матеріалы по его предмету „физически недоступны" для него, обратится за этими матеріалами не туда, гдѣ ихъ нѣтъ, но туда, гдѣ онъ найдетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Недостаточностью матеріаловъ и незнаніе автора—гдѣ можно отыскать ихъ, объясняютъ поверхностность, скудость и малосодержательность нѣкоторыхъ частей книжки. Такъ, авторъ посвящаетъ изображенію духовенства военнаго вѣдомства въ Россіи въ 18-мъ вѣкѣ не болѣе 2-хъ страничекъ, заявляя, что „до 1800 года военное духовенство находилось подъ вѣдѣніемъ тѣхъ архипастырей, въ епархіи котораго расположены были полки, и самые источники за это время, разбросанные по архивамъ разныхъ духовныхъ консисторій, [illegible] онъ (въ предисловіи), были для насъ физически недоступны". Но авторъ невѣрно ду-

маетъ, будто главные матеріалы для его предмета за 18-й вѣкъ хранятся въ архивахъ консисторій. Если и можно отыскать въ консисторскихъ архивахъ матеріалы для его предмета, то: а) немного, б) изъ вторыхъ рукъ, в) второстепенные и г) не во всякой епархіи. „Духовенство военнаго вѣдомства“ въ XVIII вѣкѣ управлялось по преимуществу непосредственно св. Синодомъ; въ архивѣ св. Синода и заключаются многочисленные и самые вѣрные матеріалы. Совѣтуемъ автору, если онъ еще не потерялъ расположенія и любви къ своему предмету, заняться пересмотромъ протоколовъ св. Синода XVIII вѣка и, по содержанію протоколовъ, касающихся его предмета, отыскать дѣла, соприкосновенныя съ протоколами. Если бы г. Невзоровъ оказалъ вниманіе къ нашему совѣту, то онъ нашелъ бы въ указанныхъ источникахъ такіе матеріалы, которые бы совершенно измѣнили объемъ, составъ, конструкцію, многія воззрѣнія и частныя мысли его книги. Чтобъ показать, въ какой степени наше указаніе справедливо, позволимъ себѣ остановиться на пятомъ отдѣлѣ книжки, въ которомъ авторъ думалъ охарактеризовать „взаимныя отношенія духовенства епархіальнаго и военныхъ вѣдомствъ“. Эта сторона, въ положеніи военнаго духовенства весьма важная и въ исторіи обильная фактами, вызывала не разъ усиленную дѣятельность законодательства и административныхъ властей; подавала поводъ къ безчисленнымъ столкновеніямъ и въ настоящее время крайне неопредѣленна и не регулирована ни канонически, ни на общихъ началахъ справедливости. Между тѣмъ авторъ книжки на *трехъ* страничкахъ, посвященныхъ этому предмету, старается показать, что „духовенство военнаго вѣдомства не пользовалось особенною *симпатіею* и репутаціею со стороны епархіальнаго начальства“ и набрасываетъ мысль, что недостатокъ симпатіи не имѣлъ основаній. Если бы г. Невзоровъ обратился къ исторіи этой стороны положенія „военнаго духовенства“ по документамъ архива св. Синода, то онъ нашелъ бы здѣсь, что эта сторона поставлена была св. Синодомъ еще въ 1733 году (см. протоколъ 15 янв.) на твердыя каноническія начала, на которыхъ она и развивалась во все послѣдующее время и которыя, однако, и до сихъ поръ не выдерживаются, не вслѣдствіе недостатка „симпатій“, но по обстоятельствамъ крайне дурно обезпеченнаго отъ *казны* положенія военнаго духовенства. Дѣло въ томъ, что *казенное* содержаніе военныхъ церквей и священниковъ вообще крайне скудно и не можетъ покрывать даже насущныхъ ихъ потребностей. Священники военнаго вѣдомства, вслѣдствіе сего, вынуждаются житейскою, иногда жестокою необходимостью отыскивать дополнительныя средства къ своему содержанію. Средства эти отыскиваются ими обыкновенно въ исполненіи требъ въ *приходахъ* епархіальныхъ церквей. Но такое исполненіе есть противуканоническое вторженіе ихъ въ *чужой* приходъ; вторженіе это почти всегда сопровождается ослабленіемъ правилъ и законовъ, обязательныхъ при совершеніи нѣкоторыхъ священнодѣйствій и иногда довольно строгихъ (напр. относительно брака). Вторженіе военныхъ священниковъ въ чужіе приходы и ослабленіе въ нихъ церковной дисциплины и значенія гражданскихъ узаконеній (напр. о бракѣ) нерѣдко возбуждали и иногда продолжаютъ возбуждать и теперь споры, пререканія и неудовольствія между военнымъ и епархіальнымъ духовенствомъ. Причины споровъ лежатъ здѣсь не въ недостаткѣ «симпатій», а въ существѣ непра-

вильныхъ отношеній военнаго духовенства, вынуждаемаго къ этимъ отношеніямъ *недостаточностію казеннаго* ихъ содержанія. Духовенство „военнаго вѣдомства“, тѣмъ съ бо́льшею смѣлостію дозволяетъ себѣ входить въ указанныя отношенія, что оно находится въ зависимости отъ такой церковной власти, которая поставлена внѣ строя епархіи и которая, по общему практическому принципу администраціи государственнаго строя, расчлененнаго на „вѣдомства“, *своего не выдаетъ*. Между тѣмъ епархіальная власть нерѣдко, иногда помимо всякаго своего желанія, но по обыкновенному теченію дѣлъ въ подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ, находитъ нужнымъ входить въ переписку по поводу тѣхъ или другихъ дѣйствій полковыхъ или военныхъ священниковъ. Кажется, ясно — откуда проистекаетъ недостаточность „симпатіи“, о которой говоритъ г. Невзоровъ. Если же высказанное нами не довольно ясно обрисовываетъ сущность того, что „духовенство военнаго вѣдомства не пользовалось особенною симпатіею и репутаціею со стороны епархіальнаго начальства“; то мы позволимъ себѣ указать на характеристическій примѣръ современныхъ отношеній военнаго духовенства къ епархіальному въ С.-Петербургѣ. Извѣстно, что на епархіальныхъ приходскихъ церквахъ и священно и церковно-служителяхъ русской православной церкви въ настоящее время лежитъ такая неизчислимая (въ буквальномъ смыслѣ) масса налоговъ и повинностей, какой нигдѣ и никогда во всемъ свѣтѣ не бывало по отношенію къ приходамъ и духовенству какихъ бы то ни было вѣроисповѣданій. Офиціальное положеніе приходскихъ православныхъ священниковъ даже въ С.-Петербургѣ иногда невыносимо тяжело. Но военныя церкви и священно и церковно-служители въ С.-Петербургѣ, безпрепятственно пользуясь — фактически или исторически (но не канонически) всѣми матеріальными выгодами епархіальныхъ *приходскихъ* церквей и духовенства, не только не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ повинностяхъ и налогахъ, тяготѣющихъ надъ церквами и духовенствомъ епархіи, но, лишая это духовенство рессурсовъ къ уплатѣ налоговъ, усиливаютъ еще тягость его положенія, съ явнымъ нарушеніемъ справедливости. Такъ, напр., въ прошломъ году епархіальное духовенство принуждено было высшею властію (Хозяйственнымъ управленіемъ при св. Синодѣ) взять на средства епархіи значительную часть издержекъ по воспитанію дѣтей военнаго духовенства въ духовномъ училищѣ; не говоря уже о томъ, что отъ „военнаго духовенства“ не поступаетъ на содержаніе училища ни „личныхъ“, ни „процентныхъ отъ церквей“ взносовъ и что священники военные вовсе не участвуютъ въ съѣздахъ епархіальнаго духовенства и стоятъ совершенно отъ него особнякомъ, не вслѣдствіе личныхъ симпатій, но вслѣдствіе неправильной офиціальной постановки военнаго духовенства, которая объясняется по преимуществу недостаточною обезпеченностію его отъ *казны*.—Въ заключеніе позволяемъ себѣ выразить надежду, что второе изданіе книжки г. Невзорова выйдетъ въ дополненномъ и переработанномъ видѣ и не въ формѣ „краткаго очерка“, но въ качествѣ изслѣдованія исторіи и юридическаго положенія военнаго духовенства въ Россіи. Авторъ книжки болѣе, чѣмъ кто либо, можетъ принять на себя и съ успѣхомъ выполнить эту задачу.

Исторія старой Казанской духовной академіи 1797 — 1818 гг. *А. Благовѣщенскій.* Казань, 1876, стр. 207.

Книга эта — отдѣльный оттискъ изъ казанскаго духовнаго журнала,— „Православнаго Собесѣдника" за 1875—76 гг. Въ ней изложенъ обстоятельный, отчетливый и правильнымъ языкомъ написанный очеркъ состоянія Казанской духовной академіи съ 1797 года, когда Казанская семинарія возведена была за плодотворную въ казанскомъ краѣ дѣятельность на степень академіи, до 1818 года, когда она преобразована согласно Уставу 1810 года, составленному знаменитою коммиссіею духовныхъ училищъ. Послѣ краткаго очерка духовнаго просвѣщенія въ казанскомъ краѣ со второй половины (съ 1657 года) XVII до конца XVIII вѣка, и послѣ указанія общихъ отличительныхъ особенностей пяти періодовъ полуторовѣковаго (1723 — 1873 годъ) существованія казанской духовной семинаріи (стр. 1 — 14), авторъ излагаетъ исторію третьяго ея періода (1797 — 1818 г.), въ который она носила названіе академіи. Изложеніе свое онъ представляетъ въ двухъ главныхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ въ первомъ (стр. 15—79) изображаетъ хозяйственную (средства и способы содержанія) и административную части; во второмъ (80—200) очерчиваются учебная и ученая части, дѣятельность личнаго состава академіи и судьба ея учениковъ. Матеріалами для автора книги послужили исключительно „дѣла академическаго архива", уцѣлѣвшія до нашего времени отъ пожаровъ и другихъ превратностей, которымъ подвержены наши архивы. Книга г. Благовѣщенскаго полезна и необходима для такихъ лицъ, которыя имѣютъ интересъ и надобность изучать исторію духовнаго просвѣщенія въ Россіи вообще и въ казанскомъ краѣ въ особенности, исторію духовно-учебныхъ заведеній, образованія духовенства, его быта и епархіальнаго управленія.

Исторія Владимірской духовной семинаріи (1750—1840 гг.). Соч. *К. Надеждина.* Владиміръ на Клязьмѣ, 1875, стр. 185.

Сочиненіе г. Надеждина, подобно предшествующей книгѣ, составляетъ весьма почтенный вкладъ въ литературу исторіи духовно-учебныхъ заведеній, духовнаго просвѣщенія, духовенства, какъ сословія, и епархіальнаго управленія. Сравнительно съ книгою г. Благовѣщенскаго, сочиненіе г. Надеждина обнимаетъ значительно бóльшій періодъ исторіи Владимірской семинаріи, полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ первое, изображаетъ состояніе *воспитательной* части семинаріи, живо и поэтично описываетъ бытовую и нравственную стороны жизни ея воспитанниковъ и указываетъ историческія условія, подъ вліяніемъ которыхъ протекало непривлекательное воспитаніе и образованіе семинаристовъ, изъ которыхъ вышли такіе общественные дѣятели на различныхъ поприщахъ жизни, какъ М. М. Сперанскій и многіе другіе. Книга г. Надеждина, благодаря качествамъ своего изложенія и разнообразію содержанія, въ чтеніи гораздо занимательнѣе, чѣмъ трудъ г. Благовѣщенскаго.

Исторія русской церкви. *Макарія*, архіепископа литовскаго и виленскаго. Т. VIII. Спб. 1877. 414 стр.

Во II-мъ томѣ нашего сборника мы дали отчетъ о VII-мъ томѣ „Исторіи церкви", вышедшемъ въ 1874 году. Нынѣ мы имѣемъ удовольствіе сообщить нашимъ читателямъ свои замѣчанія о VIII-мъ томѣ „Исторіи" нашего знаменитаго іерарха и ученаго преосвящ. Макарія. Новый томъ неутомимаго въ ученыхъ работахъ автора составляетъ третью книгу исторіи московской митрополіи русской церкви за періодъ 1448 — 1589 (отъ митрополита Іоны до учрежденія патріаршества). И этотъ томъ, подобно всѣмъ предшествующимъ сочиненіямъ и томамъ многочтимаго автора, составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ церковно-исторической литературѣ. Въ немъ представлено изображеніе состоянія въ указанный періодъ богослуженія (гл. VI), церковнаго права (гл. VII), вѣры и нравственности (гл. VIII) и отношеній восточно-русской церкви къ православнымъ церквамъ востока и югославянскимъ, къ церкви римской и протестантскимъ обществамъ. Содержаніе всякой главы представляетъ обширный научный интересъ по обилію матеріаловъ, авторомъ собранныхъ изъ печатныхъ сборниковъ историческихъ актовъ и документовъ и изъ рукописей, по группировкѣ историческихъ фактовъ и по указаніямъ на источники и литературу. Но, въ виду цѣлей нашего сборника, заслуживаетъ особеннаго вниманія VII глава новаго тома.

Означенная глава, подъ заглавіемъ „Церковное право", раздѣлена на четыре отдѣла, которые обозначены такъ: 1) „Законы, которыми руководствовалась церковь русская въ изслѣдуемый авторомъ періодъ"; 2) „Церковное управленіе и судъ"; 3) „Церковныя владѣнія: недвижимыя имущества и крестьяне" и 4) „Содержаніе духовенства". Изъ общаго заглавія отдѣловъ главы уже видно богатство содержанія главы по количеству предметовъ, которые изображаются, изслѣдуются или затрогиваются въ ней. Правда, читатель (изъ юристовъ и канонистовъ) по заглавіямъ можетъ ожидать большаго, чѣмъ найдетъ у автора. Конечно, было бы въ высшей степени желательно видѣть въ этой главѣ изслѣдованіе относительно законодательной власти русской церкви въ этотъ періодъ, о принципахъ, на которыхъ основывалась дѣятельность этой власти, о видахъ законодательныхъ актовъ, о формахъ законодательной дѣятельности, объ отношеніяхъ ея къ обычаямъ и т. п. Но авторъ вовсе не коснулся въ первомъ отдѣлѣ этой главы разъясненія самостоятельнаго законодательства русской церкви, которая въ этомъ періодѣ проявила себя, между прочимъ, чрезъ такіе законодательные органы, какъ знаменитый Стоглавый соборъ и др. За то онъ посвятилъ почти весь этотъ отдѣлъ разъясненію состава кормчихъ книгъ, употреблявшихся въ теченіи этого періода. Этотъ предметъ, дѣйствительно, заслуживаетъ того вниманія, какое обращено на него авторомъ, и изложенъ имъ съ такою полнотою и обстоятельностію, какой нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ сочиненіи и представляетъ много новаго, цѣннаго и любопытнаго.

Извѣстно, что въ послѣдніе десять лѣтъ многіе важные вопросы относительно древнѣйшей исторіи и происхожденія нѣкоторыхъ статей нашей

кормчей книги получили значительное разъясненіе, благодаря трудамъ архимандрита Амфилохія, описавшаго греческую кормчую IX вѣка (Археологическій вѣстникъ, 1867 г.), профессора А. С. Павлова (первоначальный славянско-русскій номоканонъ, Каз. 1869) и академика И. И. Срезневскаго (Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, Спб. 1876 г., стр. 65 — 104 и 147 — 176), а также ученымъ изысканіямъ западныхъ византологовъ (Геймбаха, Питры, Цахаріэ и др.) въ исторіи источниковъ византійскаго права. Преосвященный Макарій, пользуясь результатами, добытыми вслѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій исторіи и состава древнѣйшихъ кормчихъ книгъ, представилъ въ новой своей книгѣ очеркъ различныхъ видовъ кормчихъ, употреблявшихся въ восточно-русской церкви въ изслѣдуемый имъ періодъ. Въ этомъ очеркѣ не только заключается сводъ всего, что извѣстно было до появленія его книги о кормчихъ XV и XVI вв.; но авторъ подтвердилъ и отчасти дополнилъ прежде его извѣстное провѣркою того, что сдѣлано было его предшественниками, указаніями на нѣсколько списковъ кормчихъ, имъ просмотрѣнныхъ и обслѣдованныхъ въ софійской и петербургской публичной библіотекахъ, и сличеніемъ состава этихъ списковъ со списками, описанными прежде его гг. Розенкампфомъ, Востоковымъ, Ундольскимъ, Павловымъ и Срезневскимъ. Сказанное преосвященнымъ Макаріемъ о кормчихъ книгахъ въ этомъ томѣ исторіи можно смѣло рекомендовать, какъ руководящія указанія къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ о составѣ и исторіи русскихъ кормчихъ. Замѣтимъ лишь, что употребляемая преосвященнымъ терминологія „кормчія *по* номоканону Схоластикову“, „*по* номоканону Фотьеву“, едва ли можетъ быть названа точною; вѣрнѣе было бы сказать „кормчія *съ* номоканономъ“ Схоластика или Фотія. — Любопытно, что многочтимый авторъ, изъ уваженія къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ о кормчей и къ научной правдѣ, старался въ описываемой главѣ осторожнымъ образомъ поправить, замѣнить и прояснить сказанное имъ о кормчихъ въ прежнихъ томахъ его исторіи.—Съ значительнымъ вниманіемъ, какъ и слѣдовало ожидать, остановился авторъ на кормчей Вассіана-Патрикѣева, извѣстнаго противника монастырскихъ имѣній, явившейся въ разсматриваемый имъ періодъ: подробнымъ изложеніемъ состава этой кормчей, наблюденіями надъ нею и замѣчаніями о ней данъ новый матеріалъ наукѣ и предложено нѣсколько новыхъ соображеній. Почти одновременно съ Вассіановскою кормчею явилось въ XVI в. и такъ называемая сводная кормчая; преосвященный, повидимому, не имѣлъ подъ руками ея экземпляра и удовольствовался сужденіями о ней на основаніи описанія ея у Розенкампфа. Упоминаетъ преосвященный въ XII-й главѣ и о другихъ, кромѣ кормчихъ, каноническихъ сборникахъ, которые составляли источникъ церковнаго права, дѣйствовавшаго въ Россіи въ XV—XVI вѣкахъ; вниманіе къ нимъ автора потому заслуживаетъ уваженія, что церковно-историческая литература впервые намекаетъ здѣсь на необходимость научнаго обслѣдованія этихъ сборниковъ, которые имѣли большое значеніе въ исторіи религіозной жизни русскаго народа.

Отличительною особенностію VIII-го тома „Исторіи“ митроп. Макарія служитъ то, что въ немъ излагается „порядокъ *судопроизводства*“ церковнаго по Стоглаву. О церковномъ процессѣ не было рѣчи ни въ одномъ

изъ прежнихъ томовъ „исторіи“. Между тѣмъ русскій церковный процессъ имѣетъ свою исторію; съ этою исторіею соединены многія стороны и явленія церковной жизни; исторія эта содержитъ въ себѣ много матеріала, которымъ объясняется церковный процессъ нашего времени и въ которомъ можно отыскать указанія опыта при законодательныхъ работахъ о церковномъ судопроизводствѣ. Примѣру автора въ изслѣдованіи исторіи церковнаго процесса не замедлятъ послѣдовать, вѣроятно, и другіе изслѣдователи русской церковной исторіи.

Въ изображеніи состоянія церковнаго управленія и въ изслѣдованіи церковныхъ имуществъ и содержанія духовенства авторъ пользовался какъ первоначальными источниками, такъ и литературою. Встрѣчаются историческія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сторонахъ церковнаго устройства и управленія и въ другихъ главахъ VIII тома исторіи, изъ которыхъ читатель можетъ извлечь матеріалъ и указанія на источники и литературу.

Заключая въ себѣ богатство историческаго матеріала, сгруппированнаго по содержанію предметовъ, VIII томъ „исторіи“ и самъ по себѣ составляетъ такую цѣнность, съ которою не можетъ сравниться ни одно произведеніе духовной русской литературы въ текущемъ году; но цѣнность этого тома увеличивается еще оттого, что онъ дополняетъ многотомный трудъ автора, составляющій украшеніе русской церковно-исторической литературы, и даетъ читателю надежду на продолженіе „Исторіи русской церкви“, которая по богатству своего содержанія никогда не потеряетъ своего значенія въ нашей литературѣ и наукѣ.

Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней калужской губерніи и калужской іерархіи, Іером. *Леонида.* Калуга. 1876. стр. 316.

Въ книгѣ собрано весьма много историческаго матеріала относительно мѣстнаго края. Особенную цѣнность придаетъ ей то, что положеніе многихъ географическихъ мѣстностей края, упоминаемыхъ въ древнихъ грамотахъ, объясняется указаніями на современную намъ топографію и то, что нѣкоторые обычаи и нравы древнихъ вятичей, о которыхъ говорится въ лѣтописцѣ, объясняются свѣдѣніями о сохраняющихся въ калужской губерніи до настоящаго времени остаткахъ ихъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книга эта существенно не отличается отъ прежде изданныхъ «исторій» епархій (рязанской — Воздвиженскаго, вологодской — Розанова, минской, смоленской и др.).

Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. *П. Лашкарева.* Кіевъ, 1876. стр. 148.

Это небольшое, но прекрасно составленное сочиненіе, въ которомъ дается весьма живое, ясное, отчетливое понятіе о предметѣ. Книжка читается весьма легко, благодаря изяществу изложенія, ясности мыслей, пра-

вильности и благородству понятій автора. Брошюра составлена знатокомъ литературы римской и святоотеческой. Она, согласно существу и содержанію предмета, раздѣляется на небольшія главы. Въ первой главѣ (стр. 1 — 21) ярко разъяснены общія начала древне-римскаго религіозно-государственнаго права, которыми опредѣлялось „отношеніе римскаго правительства къ христіанству въ первые три вѣка христіанства“, изображенное авторомъ во 2-й главѣ. Затѣмъ (въ гл. 3-й) разъяснены побужденія, руководившія Константиномъ въ принятіи христіанства; опредѣлены сущность и значеніе привилегій, предоставленныхъ имъ христіанству, какъ религіи государственной (гл. 4-я), и обрисованы отношенія Константина къ христіанской церкви, къ язычеству, іудейству, ересямъ и расколамъ (гл. 5-я). Въ заключительной главѣ (6-й) авторъ показалъ реформы Константина Великаго относительно религіи въ римской имперіи и при его преемникахъ.

М. Горчаковъ.

Профессоръ Имп. С.-Петербургскаго Университета.

ФИЛОСОФІЯ ПРАВА.

Спиноза и его ученіе о правѣ, *К. Н. Яроша*. Харьковъ. 1877. 152 стр.

Сочиненіе г. Яроша: „Спиноза и его ученіе о правѣ“ есть произведеніе начинающаго ученаго, диссертація pro venia legendi по кафедрѣ исторіи философіи права. Нельзя не выразить сочувствія молодому писателю, когда онъ беретъ предметомъ перваго опыта вопросъ, предварительное ознакомленіе съ которымъ, уже само по себѣ, составляетъ большой трудъ. Для того, чтобы представить удовлетворительное изложеніе ученія Спинозы о правѣ, неизбѣжно усвоить себѣ всю систему его философіи, а это не легко: изученіе его сочиненій требуетъ большой усидчивости, нераздѣльнаго вниманія и нерѣдко нелегкой борьбы съ неясностями, изъ которой не во всѣхъ случаяхъ можно выйдти побѣдителемъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, присущи самымъ твореніямъ великаго философа. Вообще, вступая въ міръ понятій Спинозы, мы вступаемъ въ міръ, чуждый во многихъ отношеніяхъ умственнымъ привычкамъ и стремленіямъ нашего вѣка. Пониманію обширной философской системы вообще значительно пособляетъ непосредственное участіе въ жизни и умственной работѣ того вѣка, въ который она родилась, знаніе той почвы, на которой она выросла. Спиноза же отдѣленъ отъ насъ двумя вѣками богатой умственной жизни; при всѣхъ усиліяхъ, мы все таки не въ состояніи воспроизвести во всей полнотѣ тотъ міръ идей, среди которыхъ жилъ этотъ умъ, бравшій свою пищу и изъ еврейства, и изъ христіанства, и, въ то же время, не принадлежавшій ни къ тому, ни къ другому. Чтобы усвоить себѣ „Этику“

Спинозы, необходимо много разъ ее перечитать, много надъ нею подумать; движеніе впередъ совершается медленно, возвращенія назадъ повторяются часто. „Не смотря на свои недостатки, говоритъ новѣйшій комментаторъ Спинозы, Кирхманъ (Spinoza's Ethik, S. 185), этика Спинозы есть одно изъ возвышеннѣйшихъ произведеній человѣческаго духа; къ ней, и въ отдаленномъ будущемъ, будутъ подходить съ глубокимъ благоговѣніемъ. Ее можно сравнить съ тѣми темными картинами старыхъ мастеровъ, которыя тогда только изобличаютъ предъ нами свою ясность и богатство, тогда только приковываютъ своею грандіозностью, когда берешь ихъ къ себѣ на домъ и разсматриваешь ежедневно". Латинское изложеніе Спинозы, хотя вообще и ясно, но чрезвычайно сжато; строгость его математическаго метода мѣшаетъ иногда простотѣ объясненія; безчисленные комментаріи къ Спинозѣ тогда вполнѣ понятны, когда они, собственно говоря, уже ненужны, т. е. когда изучишь его сочиненія. Все сказанное показываетъ, что, взявши тэму изъ системы спинозовой философіи, г. Ярошъ смѣло обрекъ себя на нелегкую работу, ради трудностей которой ему могутъ быть отпущены погрѣшности въ исполненіи.

Послѣ краткаго введенія (стр. 1—8), въ которомъ г. Ярошъ, слѣдуя К. Фишеру, признаетъ Спинозу „довершившимся Декартомъ" и „философомъ реформаціонной эры", слѣдуетъ первая часть сочиненія (9—19), посвященная характеристикѣ Спинозы, какъ человѣка. Біографическій очеркъ, на основаніи труда Ауэрбаха, сдѣланъ довольно складно и, со стороны фактовъ, довольно полно, что, впрочемъ, было и не трудно, такъ какъ все дѣло ограничилось извлеченіемъ изъ превосходной работы Ауэрбаха. По прочтеніи этого очерка въ книгѣ г. Яроша, у читателя, однако же, невольно является вопросъ: почему авторъ, занимающійся одною, и притомъ самою незначительною, стороною философіи Спинозы, счелъ нужнымъ представить біографическій очеркъ философа? Въ научныхъ сочиненіяхъ принято описывать жизнь философовъ, когда излагается полная система ихъ философіи. Но даже и въ такихъ, рутиною узаконенныхъ, случаяхъ, біографія должна находиться *въ раціональной связи* съ изслѣдованіемъ ученія, философской системы мыслителя, жизнь котораго анализируется. *На біографію философа, когда она не служитъ сама себѣ цѣлью, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на матеріалъ, для объясненія содержанія или же, по крайней мѣрѣ, возникновенія главнѣйшихъ идей его.* Г. Ярошъ, повидимому, не имѣетъ представленія о такомъ значеніи біографіи философа, жизнь котораго онъ очертилъ. Намъ кажется, что авторъ написалъ біографію Спинозы просто потому, что она вообще очень интересна; кромѣ того, онъ имѣлъ и побочную цѣль, какъ это видно изъ одного мѣста его книги (стр. 18): „Sein Leben und seine Lehre sind eins" (его ученіе и жизнь составляютъ одно) говоритъ о Спинозѣ Ауэрбахъ. Это придаетъ особенный интересъ его ученію, такъ какъ служитъ важнымъ ручательствомъ въ отсутствіи въ немъ какой бы то ни было *неискренности, фальши.* Мы можемъ на это только замѣтить, что въ философіи играетъ роль логика; сила же логики въ убѣдительности объективной, а не въ искренности того, отъ кого она исходитъ. Свидѣтельское показаніе, сила котораго зависитъ

ситъ отъ убѣжденія нашего въ правдивости свидѣтеля, можетъ быть сравнена со стрѣлою: полетъ ея обусловливается силою руки, натянувшей тетиву. Но логическій аргументъ есть пуля, пущенная изъ ружья; сила ея не зависитъ отъ руки, спустившей курокъ (рука можетъ быть и дѣтская), а отъ механизма оружія. Логически правильный аргументъ остается правильнымъ, кѣмъ бы ни былъ онъ данъ — безсовѣстнѣйшимъ лжецомъ, или правдивѣйшимъ человѣкомъ. Вотъ почему намъ кажется страннымъ, что г. Ярошъ представилъ жизнь Спинозы съ цѣлью доказать, что онъ былъ честный человѣкъ, къ ученію котораго можно отнестись съ довѣріемъ. „Мы можемъ, говоритъ нашъ авторъ (стр. 18), *довѣрчиво* отнестись къ ученію Спинозы, потому что это ученіе принадлежитъ человѣку, который никакъ не можетъ быть причисленъ къ категоріи людей, которые, по слабости нравственнаго элемента въ характерѣ, являются, въ области искусства, дымящимъ факеломъ Мессалины, иногда Катилины, въ сферѣ науки — не библіей прогресса, а фальшивою концепціею, отъ которой отдаетъ пародіей". Мы можемъ только напомнить г. Ярошу, что, въ наукѣ, довѣріе примѣняется въ тѣхъ только случаяхъ, когда ученый является свидѣтелемъ факта (что̀ чаще всего бываетъ въ естествовѣдѣніи). Нельзя не пожалѣть, что г. Ярошъ не воспользовался жизнью Спинозы такъ, какъ ею можно было воспользоваться для объясненія многихъ сторонъ его ученія. Біографія великаго философа интересна именно потому, что она служитъ превосходною иллюстраціею къ его ученію; съ другой стороны, его сочиненія даютъ богатый матеріялъ для пониманія его жизни: въ нихъ легко найти слѣды тѣхъ страданій, которыя вынесъ въ своей жизни Спиноза, этотъ мученикъ за свободу мысли и совѣсти, этотъ homo liber (свободный человѣкъ) по преимуществу. И Спиноза долго боролся со своими страстями, пока дошелъ до того философскаго спокойствія, когда могъ сказать о человѣческихъ страстяхъ: „De affectuum itaque natura et viribus, ac mentis in eosdem potentia eadem methodo agam, qua in praecedentibus de Deo et mente egi, et humanas actiones atque appetitus considerabo perinde, ac si quaestio de lineis, planis aut de corporibus esset" [1]). Такое философское спокойствіе далось ему, какъ результатъ неравной борьбы съ преслѣдователями, и этика Спинозы проповѣдуетъ уже любовь къ врагамъ, въ ней уже нѣтъ и слѣдовъ того раздраженія, котораго взрывы еще встрѣчаются въ его богословско-политическомъ трактатѣ. Спиноза побѣдилъ свои страсти, простилъ людямъ все великое зло, ему причиненное, и уединился, но не какъ озлобленный самолюбецъ, проклинающій міръ, а какъ святой, молящійся за него. Если есть въ исторіи человѣкъ, наиболѣе приближающійся къ идеалу, данному Спасителемъ, то это, конечно, Спиноза. Пройдутъ вѣка; его философское ученіе, въ большей своей части, быть можетъ, предано будетъ забвенію; но его жизнь навсегда останется лучезарною страницею

---

[1]) «Я буду разсуждать о природѣ и проявленіи страстей и о силѣ разума (силѣ ума) по отношенію къ нимъ такъ же, какъ выше разсуждалъ о Богѣ и духѣ и буду разсматривать человѣческія дѣйствія и побужденія, какъ если бы изслѣдовалъ линіи, плоскости и тѣла.»

въ исторіи. Мыслители никогда не перестанутъ описывать жизнь Спинозы, ибо она служитъ отраднымъ доказательствомъ, что евангельское отношеніе къ врагамъ есть идея, осуществленіе которой возможно на землѣ. Г. Ярошъ обладаетъ чуткостью, и онъ отчасти подмѣтилъ, въ характерѣ Спинозы, ту черту, которая его дѣлаетъ великимъ: „прочитавши, говоритъ онъ (стр. 48), всѣ пять частей спинозовой этики, мы не нашли (почти) ни одной сатирической выходки, ни одного панегирика, ни одного гимна, ни одного проклятія". Заключительное наше слово о біографическомъ очеркѣ Спинозы, сдѣланномъ г. Ярошемъ, заключается въ томъ, что она представляетъ сколокъ со статьи Ауэрбаха, написанный довольно бойко, но не имѣющій научнаго значенія и показывающій, что нашъ молодой авторъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ понялъ, въ чемъ заключается, для современнаго человѣчества, весь интересъ жизни Спинозы.

Слѣдующая часть сочиненія г. Яроша (стр. 20 — 79) посвящена очерку „этики" Спинозы, изложенному подъ преимущественнымъ вліяніемъ К. Фишера. Намъ, въ сущности, не совсѣмъ понятно, зачѣмъ понадобился нашему автору подобный очеркъ, такъ какъ онъ вовсе не дѣлаетъ изъ него выводовъ для ученія Спинозы о правѣ. Ясно, что первою задачею г. Яроша должно было быть изслѣдованіе *критерія права* у Спинозы. Чтобы найти спинозовъ критерій права, г. Ярошу нужно было предварительно рѣшить вопросъ о томъ: въ чемъ по Спинозѣ заключается *summum bonum*, высшее благо, которое, не составляя уже средства, служитъ послѣднею цѣлью человѣческой жизни? Такимъ путемъ, г. Ярошъ узналъ бы, что̀ составляетъ у Спинозы критерій добра и зла, а отсюда получился бы и его критерій права. Вмѣсто этого, авторъ излагаетъ содержаніе этики Спинозы, дѣлаетъ очеркъ его метода, не давая все таки точнаго опредѣленія весьма важнаго въ философіи Спинозы понятія *adaequata cognitio* [1]), онъ въ другомъ мѣстѣ (61 — 79), какъ бы случайно наталкивается на тѣ вопросы, которые ему нужно было прежде всего обслѣдовать; слегка и неумѣло шевелитъ ихъ и затѣмъ оставляетъ безъ надлежащаго рѣшенія. Изложеніе его здѣсь до того безпомощно, неотчетливо и даже безцѣльно, что мы ясно видимъ, что авторъ идетъ ощупью, руководясь скорѣе какимъ то смутнымъ сознаніемъ необходимости произвести изслѣдованіе о спинозовомъ summum bonum, чѣмъ точно формулированною идеею. Чтобы дать примѣръ этого неопредѣленнаго изложенія, мы выпишемъ нѣсколько мѣстъ: „Въ заключеніе, говоритъ г. Ярошъ (стр. 61), мы попробуемъ сдѣлать краткій очеркъ *практической* стороны изложенной системы". Здѣсь возникаетъ вопросъ: что разумѣетъ г. Ярошъ подъ практическою стороною ученія Спинозы? Стараясь слѣдовать правилу толковать неясности въ пользу автора, мы сдѣлаемъ предположеніе, что подъ *практическою*

[1]) Сущность этого понятія Спинозы выражается лучше всего въ Propos. XVI Eth. p. II. Adaequata cognitio — достаточное познаніе объекта. Это познаніе предполагаетъ такое опредѣленіе объекта, которое содержитъ въ себѣ причину всѣхъ свойствъ послѣдняго. Напр. опредѣленіе: кругъ есть плоская фигура, описанная прямою линіею, одинъ конецъ которой неподвиженъ, а другой подвиженъ (см. письма Спинозы, № 64).

стороною ученія Спинозы, онъ разумѣетъ ученіе о морали, объ основаніяхъ ея, о summum bonum. Затѣмъ онъ приводитъ мѣсто изъ второй части этики, которое могло бы его натолкнуть на ученіе о summum bonum у Спинозы; но вмѣсто этого авторъ переходитъ къ какой то совсѣмъ неотчетливой, даже фельетонной критикѣ Спинозы, задаваясь слѣдующимъ вопросомъ: „Но въ душѣ современнаго человѣка возникаетъ вопросъ: если все, не исключая нашихъ поступковъ и жизни, подобно въ сущности равенству угловъ треугольника двумъ прямымъ, то гдѣ же то, что мы понимаемъ надъ *самостоятельною* и *нравственною* человѣческою личностью? (стр. 63)". Г. Ярошу, повидимому, кажется, что на эти вопросы система Спинозы не даетъ отвѣта. Это совершенно невѣрное предположеніе, странное въ устахъ того, кто прочелъ со вниманіемъ этику Спинозы. На вопросъ о *нравственной* личности, философія Спинозы даетъ отвѣтъ Eth. p. IV, prop. XXIV: „Ex virtute absolute agere nihil aliud in nobis est, quam ex ductu rationis agere, vivere, suum esse conservare (haec tria idem significant) ex fundamento proprium utile quaerendi" [2]). На вопросъ о *самостоятельности* личности, Спиноза, въ Eth. p. IV, praefatio: „Humanam impotentiam in moderandis et coërcendis affectibus servitutem voco. Homo enim affectibus obnoxius *sui juris non est, sed fortunae*, in cujus potestate ita est, ut saepe coactus sit, quamquam meliora sibi videat, deteriora tamen sequi" [3]). Такимъ образомъ, Спиноза даетъ отвѣтъ на вопросъ о *нравственной* и *самостоятельной* личности, если только г. Ярошъ понимаетъ подъ этими словами то, что обыкновенно ими обозначается. Вмѣсто вышепоставленнаго вопроса, г. Ярошу нужно было изслѣдовать вопросъ о summum bonum у Спинозы, и это вывело бы его на прямую дорогу. Впрочемъ, г. Ярошъ и не могъ себѣ поставить вопросъ о summum bonum, такъ какъ онъ полагаетъ, что и система Спинозы не даетъ человѣческой жизни никакихъ предписаній" (стр. 60); это совершенно уже невѣрно, такъ какъ Спиноза не ограничивается описаніемъ страстей, но и опредѣленіемъ, какія изъ нихъ по разуму дурны и какія хороши для человѣка. Самъ г. Ярошъ это признаетъ, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста его книги (стр. 45): „Спиноза подвергаетъ затѣмъ человѣческія страсти критикѣ съ точки зрѣнія разума. Мы передадимъ эту критику, сдѣлавши въ немногихъ чертахъ портретъ человѣка, живущаго подъ руководствомъ разума, человѣка, котораго Спиноза называетъ мудрецомъ". Что Спиноза даетъ опредѣленный идеалъ человѣка, это извѣстно; 4-я часть этики заканчивается добавленіемъ, озаглавленнымъ такъ: „Quae in hac parte de recta vivendi ratione tradidi, non sunt ita disposita.... Eadem igitur hic recolligere et ad summa

---

[2]) «Безусловно нравственно дѣйствовать для насъ ничто иное, какъ дѣйствовать и жить по указаніямъ разума, сохранять свою внутреннюю природу (три эти правила тождественны) на основаніи стремленія къ собственной пользѣ.»

[3]) «Человѣческую немощь въ управленіи и сдерживаніи страстей называю я рабствомъ. Ибо человѣкъ, подчиненный своимъ страстямъ, не свободенъ, но зависитъ отъ случая, на столько, что часто принужденъ, хотя и видитъ для себя лучшее, все таки выбрать худшее.»

capita redigere proposui" [4]). Если бы г. Ярошъ, слѣдуя научному плану, поставилъ бы себѣ вопросъ о высшемъ благѣ у Спинозы, онъ дошелъ бы до опредѣленныхъ результатовъ и облегчилъ бы себѣ рѣшеніе вопроса о томъ, что такое право въ системѣ Спинозы. Посмотримъ, изъ какихъ мѣстъ этики можно составить себѣ опредѣленное мнѣніе о томъ, что разумѣетъ Спиноза подъ высшимъ благомъ.

Въ 4 части Этики, въ предисловіи, Спиноза говоритъ:

„Bonum et malum quod attinet, nihil etiam positivum in rebus, in se scilicet consideratis, indicant, nec aliud sunt praeter cogitandi modos seu notiones, quas formamus ex eo, quod res ad invicem comparamus. Nam una eademque res potest eodem tempore bona et mala, et etiam indifferens esse. Ex. gr. musica bona est melancholico, mala lugenti; surdo autem neque bona neque mala. Verum quamvis se res ita habeat, nobis tamen haec vocabula retinenda sunt. Nam quia ideam hominis, tanquam naturae humanae exemplar, quod intueamur, formare cupimus, nobis ex usu erit, haec eadem vocabula eo, quo dixi, sensu retinere. Per *bonum* itaque in seqq. intelligam id, quod certo scimus *medium* esse, ut ad exemplar humanae naturae, quod nobis proponimus, magis magisque accedamus; per *malum* aut id quod certo scimus impedire, quominus idem exemplar referamus. Deinde homines *perfectiores* aut *imperfectiores* dicemus, quatenus ad hoc idem exemplar magis aut minus accedunt. Nam apprime notandum est, quum dico, aliquem a minore ad majorem perfectionem transire, et contra, me non intelligere, quod ex una essentia seu forma in aliam mutatur; sed quod ejus agendi potentiam, quatenus haec per ipsius naturam intelligitur, augeri vel minui concipimus" [5]). Такимъ образомъ, по Спинозѣ, добро и зло — понятія относительныя. Добро — все то, что насъ приближаетъ къ идеалу человѣка; зло—

---

[4]) «Что я сказалъ въ этомъ отдѣлѣ о правильномъ образѣ жизни не такъ приведено въ систему... Почему я и рѣшилъ здѣсь возобновить тоже самое и привести къ главнымъ основаніямъ.»

[5]) «Что касается познаній «добра» и «зла», то они не означаютъ положительнаго сужденія о вещахъ, если ихъ разсматривать *внѣ связи съ нашими о нихъ представленіями*, они ничто иное, какъ формы мышленія или понятія, которыя мы образуемъ, сравнивая вещи между собою. Одно и то же можетъ быть и хорошо и дурно и безразлично. Музыка напр. хороша для меланхолика и дурна для человѣка печальнаго, для глухаго же ни хороша, ни дурна. Но мы все таки должны сохранить эти наименованія. Такъ какъ мы хотимъ создать идею человѣка, какъ бы образца человѣческой природы, чтобы его *созерцать*, то намъ полезно сохранить именно эти слова въ указанномъ смыслѣ. Подъ «добромъ» потому я буду подразумѣвать въ нижеслѣдующемъ то, о чемъ мы навѣрно знаемъ, что оно служитъ средствомъ болѣе и болѣе приблизиться къ идеалу человѣческой природы, какъ мы его себѣ представляемъ, подъ «зломъ» же то, о чемъ навѣрно знаемъ, что оно препятствуетъ намъ къ достиженію этого идеала. Затѣмъ мы будемъ называть людей болѣе или менѣе совершенными, смотря потому, насколько они болѣе или менѣе подходятъ къ этому идеалу. Надо поэтому замѣтить, что когда я говорю, что кто либо переходитъ отъ меньшаго къ большему совершенству и наоборотъ, я не полагаю, чтобы онъ измѣнился изъ одного существа или формы въ другія, но, что мы замѣчаемъ увеличеніе или уменьшеніе его способности дѣйствовать, насколько она подразумѣвается въ его природѣ.»

все то, что насъ отъ него отдаляетъ. Но какъ выработанъ Спинозою идеалъ человѣка? Идеаломъ человѣка долженъ быть почитаемъ тотъ, кто обладаетъ высшимъ благомъ. Но что такое summum bonum? На это Спиноза даетъ отвѣтъ въ 4 ч. Этики (propos. XXVIII):

„Summum mentis bonum est Dei cognitio, et summa mentis virtus Deum cognoscere“ [6]). Если высшее благо есть познаніе Бога, безъ котораго ничто не можетъ быть познано, безъ котораго, слѣдовательно, человѣкъ не можетъ дѣйствовать (p. II, prop. 1 и 3), то совершенно понятнымъ дѣлается положеніе, выставленное въ Prop. 27 (p. IV): „Nihil certo scimus bonum aut malum esse, nisi id quod ad intelligendum revera conducit, vel quod impedire potest quominus intelligamus“ [7]). Понятно, что, при такомъ пониманіи summum bonum, у Спинозы является слѣдующее положеніе, имѣющее утилитарный характеръ (Eth. p. IV, XXII): „Conatus sese conservandi primum et unicum virtutis est fundamentum“ [8]), ибо „Nulla virtus potest prior hac (nempe conatug sese conservandi) cnocipi“ [9]) (p. IV, p. XXII) и „Nemo potest cupere *beatum* esse, bene agere et bene vivere, qui simul non cupiat esse, agere et vivere, hoc est, actu existere“ [10]). Таково ученіе Спинозы о summum bonum; утилитаристомъ онъ является настолько, насколько это необходимо для достиженія summum bonum. Между тѣмъ, какъ въ утилитаризмѣ, въ концѣ концовъ, мы останавливаемся, въ недоумѣніи, предъ вопросомъ: для чего же именно нужно счастіе всѣхъ людей или всего чувствующаго міра (по Милю), у Спинозы на это дается прямой отвѣтъ: для достиженія познанія Бога. На вопросъ: зачѣмъ же это познаніе нужно, мы получаемъ отвѣтъ: подъ *совершенствомъ* разумѣется *реальность*, т. е. essentia, quatenus certo modo existit et operatur [11]). И мы послѣдовательно доходимъ до положенія, выставленнаго въ p. IV, def. VIII. „Per virtutem et potentiam idem intelligo; hoc est (per prop. 7, p. III), virtus, quatenus ad hominem refertur, est ipsa hominis essentia seu natura, quatenus potestatem habet, quaedum efficiendi, quae per solos ipsius naturae lees possunt intelligi“ [12]).

Изъ сказаннаго видно, что, на основаніи системы Спинозы, можно опредѣлить его ученіе о summum bonum, показывающее, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ школѣ утилитаристовъ.

---

[6]) «Величайшее добро для ума — познаніе Бога и величайшая добродѣтель духа — познавать Бога.»

[7]) «Мы не можемъ ни о чемъ знать достовѣрно, что оно хорошо или дурно, кромѣ того, что дѣйствительно способствуетъ познанію или что препятствуетъ нашему познанію.»

[8]) «Стремленіе къ самосохраненію—первое и единственное основаніе добродѣтели.»

[9]) «Нельзя вообразить никакой добродѣтели выше этой — (стремленія къ самосохраненію въ переводѣ Trieb)»

[10]) «Никто не можетъ стремиться быть счастливымъ поступать и жить хорошо, не желая въ тоже время дѣйствовать и жить, т. е. существовать въ дѣйствительности.»

[11]) «Сущность, насколько она существуетъ и дѣйствуетъ.»

[12]) «Я понимаю одно и то же подъ добродѣтелью и могуществомъ; т. е. добродѣтель, насколько она относится къ людямъ, является истиннымъ существомъ человѣка, его природою, насколько она имѣетъ силу совершать извѣстныя дѣянія, которыя могутъ быть поняты только по законамъ природы.»

Изслѣдованіе summum bonum у Спинозы дѣло не легкое, дорога къ этому понятію извилиста; вотъ почему мы думаемъ, что г. Ярошу можетъ быть прощено то, что онъ этого изслѣдованія не сдѣлалъ. Съ другой стороны, мы не можемъ не замѣтить, что еслибы авторъ работалъ по строго-научному методу, онъ не могъ бы не попасть на путь, который привелъ бы его, тою или другою дорогою, къ упомянутому кардинальному понятію въ философіи Спинозы.

Въ третьей части своего сочиненія: „Право" (стр. 80—114), авторъ переходитъ къ главному предмету своего труда — къ изложенію ученія Спинозы о правѣ. Сначала онъ опредѣляетъ характеръ спинозовой политики: „съ своей стороны, говоритъ онъ (стр. 82), Спиноза заявляетъ, что онъ не предполагаетъ въ своемъ сочиненіи угостить человѣчество какою нибудь новинкою. „Едва ли возможно, говоритъ онъ (§ 3 Tract. polit.), выдумать на пользу общественнаго союза что нибудь такое, что не имѣло уже случая быть предложеннымъ и испробованнымъ". Такимъ образомъ, Спиноза и здѣсь является вѣрнымъ математическому складу своего ума: какъ въ этикѣ, такъ и въ политикѣ, онъ только изучаетъ". Читатель, прочитавши это мѣсто у г. Яроша, можетъ подумать, что Спиноза, въ своемъ Tractatus politicus, является настоящимъ объективистомъ, изучая, какъ естествоиспытатель, различныя формы государственной жизни, группируетъ ихъ, не переходя при этомъ въ область искусства, т. е. не предлагая никакихъ проектовъ, плановъ улучшеній. Но это совершенно невѣрно. Tractatus politicus Спинозы относится къ искусству, онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для устройства государственнаго. Это даже видно изъ заглавія его сочиненія, гласящаго: „Tractatus politicus, in quo demonstratur, *quomodo* societas ubi imperium monarchicum locum habet, sicut et ea, ubi optimi imperant, *debet constitui*, ne in tyrannidem labatur et ut pax libertasque civium inviolata maneat" [13]). Характеръ спинозовой политики опредѣляется тѣмъ, что онъ беретъ человѣка такимъ, какимъ онъ представляется въ дѣйствительности, т. е. со всѣми его страстями. Что же касается до мѣръ, предлагаемыхъ Спинозою, то онъ опредѣляетъ ихъ характера въ слѣдующемъ положеніи (§ 7 Tract. Polit.): „Denique quia omnes homines, sive barbari sive culti sint, consuetudines ubique jungunt et statum aliquem civilem formant, ideo imperii causas et fundamenta naturalia non ex rationis documentis petenda, sed ex hominum communi natura seu conditione deducenda sunt, quod in sequente capite facere constitui" [14]). Въ статьѣ, подъ названіемъ: „естественное право и общественный договоръ, г. Ярошъ переходитъ къ опредѣленію понятія права у Спинозы. Онъ опредѣляетъ сначала понятіе естественнаго права, которое у Спинозы такъ опредѣлено: „Per

---

[13]) «Политическое разсужденіе о томъ, какъ должно быть устроено общество при монархическомъ образѣ правленія или при аристократическомъ, чтобы оно не выродилось въ тиранію и чтобы сохранить миръ и свободу гражданъ.»

[14]) «Наконецъ, такъ какъ всѣ люди, цивилизованные или нѣтъ, завязываютъ повсюду сношенія и образуютъ извѣстное государственное состояніе, то причины и естественныя основанія управленія нельзя выводить изъ основаній разума, но изъ общей природы или положенія человѣка, что я предполагаю сдѣлать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.»

jus... naturae intelligo ipsas naturae leges seu regulas, secundum quas omnia fiunt, hoc est, ipsam naturae potentiam. Atque adeo totius naturae, et consequenter unius cujusque individui naturale jus eousque se extendit, quo ejus potentia; et consequenter quicquid unus quisque homo ex legibus suae naturae agit, id summo naturae jure agit, tantumque in naturam habet juris, quantum potentia valet“ [15]). Это понятіе jus naturae г. Ярошъ приводитъ, но не подвергаетъ анализу. Когда возникаетъ государство, то, по Спинозѣ, ему принадлежитъ jus naturae, его дѣятельность будетъ проявленіемъ его potentiae. Спрашивается: связана ли эта potentia какими нибудь законами или, лучше, можетъ ли грѣшить государство противъ себя? Этотъ вопросъ, бросающій свѣтъ на спинозово jus naturae, былъ поставленъ имъ себѣ и разрѣшенъ такъ (Tr. p. Cop. IV, § 4): „Sed quaeri solet, an summa potestas legibus adstricta sit, et consequenter an peccare possit? Verum quoniam legis et peccati nomina non tantum civitatis jura, sed etiam omnium rerum naturalium et apprime rationis communes regulas respicere solent, non possumus absolute dicere, civitatem nullis adstrictam esse legibus seu peccare non posse... *Est enim civitas tum maxime sui juris quum ex dictamine rationis agit....*“ [16]) Такимъ образомъ, jus naturae Спинозы имѣетъ естественную границу въ dictamine rationis; но г. Ярошъ, отрѣзавшій понятіе права у Спинозы отъ высшаго этическаго принципа, о которомъ мы уже говорили, не вошелъ и здѣсь въ глубину вопроса и, къ сожалѣнію, остался на поверхности. Далѣе, г. Ярошъ вовсе не дѣлаетъ попытки опредѣленія, по Спинозѣ, границы между правомъ и моралью, что, однако, должно и можетъ быть сдѣлано, хотя бы на основаніи слѣдующаго мѣста въ Tractatus theologico-politicus, cap. XX, § 24: [17]) „Qui omnia legibus determinare vult, vitia irritabit potius, quam corriget. Quae prohiberi nequeunt, necessario concedenda sunt, tametsi inde saepe damnum sequatur. Quot enim mala ex luxu, invidia, avaritia, ebrietate et aliis similibus oriuntur? Feruntur tamen haec, quia imperio legum prohiberi nequeunt, quamvis revera vitia sint“. Въ сущности, эта цитата проводитъ строгую

---

15) ‹Подъ естественнымъ правомъ я понимаю тѣ самые естественные законы и правила, по которымъ все совершается, т. е. самую естественную силу. Естественное право всей природы, слѣдовательно и каждаго индивида простирается лишь настолько, насколько простирается его могущество, такъ что все, что лицо совершаетъ по законамъ своего естества, то совершаетъ онъ съ полнымъ естественнымъ правомъ, и онъ имѣетъ на столько право надъ природою, на сколько простирается его сила.›

16) ‹Но обыкновенно спрашиваютъ: связана ли высшая власть закономъ и потому можетъ ли она погрѣшать. Однако, какъ понятія закона и нарушенія его не относятся обыкновенно только къ правамъ государства, но и къ общимъ правиламъ всѣхъ естественныхъ вещей и въ особенности разума, то мы и не можемъ безусловно утверждать, что государство не связано никакими законами или не можетъ грѣшить (противъ нихъ). Но государство тогда наиболѣе независимо, когда оно дѣйствуетъ по предписаніямъ разума.›

17) ‹Кто хочетъ все опредѣлить закономъ, тотъ скорѣе возбудитъ порокъ, нежели исправитъ. Что не можетъ быть запрещено, по необходимости должно быть допущено, хотя часто отсюда проистекаетъ вредъ. Сколько золъ происходитъ отъ изнѣженности, зависти, корыстолюбія, пьянства и т. п.? Однако, это терпится, такъ какъ не можетъ быть запрещено, хотя составляетъ дѣйствительный порокъ.›

границу между моралью и правомъ, смотря потому, возможно ли осуществить запрещеніе, налагаемое закономъ или нѣтъ? Это разграниченіе, по характеру своему, похоже на разграниченіе, впослѣдствіи сдѣланное Бентамомъ.— Опредѣливши понятіе права, г. Ярошъ (95—107) характеризуетъ, по Спинозѣ, отношенія народа къ верховной власти. Этотъ очеркъ сдѣланъ хорошо. Жаль, что, приводя аргументы Спинозы въ пользу свободы мысли и слова, авторъ не сравниваетъ ихъ съ доказательствами, представленными Милемъ въ его знаменитой книгѣ „On liberty“. Сдѣлавши сжатый очеркъ идей Спинозы о взаимныхъ отношеніяхъ государствъ (109 — 114), г. Ярошъ, въ послѣдней части своего сочиненія (114 — 149), излагаетъ политику Спинозы, обозрѣвая его ученіе о монархіи, аристократіи и демократіи. Здѣсь авторъ ограничивается изложеніемъ содержанія соотвѣтствующихъ §§ Tractatus politicus, не вдаваясь въ изслѣдованіе вопроса, что въ современной Спинозѣ государственной жизни его отечества или другихъ народовъ давало ему поводъ къ тѣмъ или другимъ политическимъ соображеніямъ? Было бы, впрочемъ, слишкомъ притязательно требовать отъ автора такого изслѣдованія: оно не столько по плечу юристу, сколько историку.

Мы обозрѣли книгу г. Яроша и нашли въ ней много недостатковъ. Авторъ мало самостоятеленъ; онъ еще не владѣетъ строгимъ научнымъ методомъ; очутившись въ сложной системѣ философіи, онъ иногда теряется, идетъ ощупью. Словомъ, какъ ученый, г. Ярошъ еще не sui juris. Наконецъ, мы не можемъ не замѣтить, что онъ слишкомъ часто увлекается фразами, щедро разбрасывая ихъ на своемъ пути и старательно подбирая чужія, если только онѣ хорошо звучатъ. Вотъ почему книга его переполнена трескучими тирадами, придающими живому его изложенію какой то банальный характеръ. Но, съ другой стороны, книга г. Яроша положительно утѣшительное явленіе. Мы привѣтствуемъ въ авторѣ выступающее дарованіе, подающее, по нашему глубокому убѣжденію, большія надежды. Г. Ярошъ —мыслящій человѣкъ („ein denkender Kopf“), и у него въ рукахъ бойкое перо. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто прочтетъ его симпатичную книжку. Но точно также каждый читатель, имѣющій понятіе о дѣлѣ, посовѣтуетъ г. Ярошу провести свое дарованіе чрезъ строгую школу старательнаго изученія источниковъ, отчетливой мысли и чистаго, прозрачнаго изложенія, т. е. изложенія, освобожденнаго отъ ненужныхъ фразъ.

Л. Владиміровъ.

Профессоръ Имп. Харьковскаго Университета.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

О Мазовецкомъ правѣ. *Карла Дунина.* Магистерская диссертація. Часть I (введеніе, государственное, гражданское и уголовное право). Варшава. 1876.

Немного появляется книгъ по исторіи славянскаго права вообще, и еще менѣе выходитъ ихъ въ Россіи. Уже по одному этому слѣдуетъ обратить вниманіе на сочиненіе г. Дунина. Но интересъ усиливается еще тѣмъ, что книга его посвящена одному изъ провинціальныхъ польскихъ правъ. То, что мы знаемъ нынѣ подъ именемъ польскаго права, есть результатъ смѣшенія и взаимодѣйствія многихъ мѣстныхъ элементовъ, которые потомъ слились въ немъ, утративъ всякіе слѣды въ позднѣйшей формѣ общаго польскаго права. Чтобы уразумѣть это послѣднее, къ этому единственный вѣрный путь есть частное изученіе мѣстныхъ правъ, изъ которыхъ оно составилось. Мазовія особенно долго сохраняла свои мѣстные отличія и потому ея право представляетъ преимущественныя выгоды для начала такого изученія польскаго права. Если прибавить сюда наконецъ то обстоятельство, что мазовецкое право было прежде предметомъ только одной легковѣсной монографіи Чацкаго, то мы имѣемъ на лице всѣ побудительныя причины обратить особенное вниманіе на трудъ г. Дунина, независимо отъ внутреннихъ достоинствъ его книги.

Но чтобы оцѣнить эти достоинства, необходимо познакомиться съ тѣмъ, какъ выполнилъ авторъ свою задачу.

Первая часть труда, о которой мы теперь говоримъ, обнимаетъ только половину дѣла. По плану г. Дунина, въ слѣдующей второй части онъ долженъ изложить главу о судопроизводствѣ, а потомъ сравнить „главныя основанія мазовецкаго права съ другими законодательствами, особенно же съ польскимъ и бросить общій взглядъ на общественный и юридическій бытъ Мазовіи“ (стр. 37).

Съ особеннымъ интересомъ ждемъ этой второй части, преимущественно же сравненія мазовецкаго права съ другими законодательствами. Но не можемъ и теперь не замѣтить, что такая система, при которой сравнительное изложеніе отдѣляется отъ систематическаго и даже откладывается на не опредѣленное будущее, не можетъ быть признана удачною и достойною подражанія въ наукѣ. Сравнительный методъ не есть одинъ изъ научныхъ орнаментовъ; это—орудіе, при помощи котораго производится самое изслѣдованіе. Если мы дождемся обѣщанной второй части изслѣдованія, то по всей вѣроятности, найдемъ тамъ повтореніе всего, изложеннаго въ первой, ибо какъ же иначе сравнивать? Такимъ образомъ первая явится излишнею. Если же мы не дождемся исполненія обѣщанія, то книга, которая теперь у насъ въ рукахъ, не принесетъ тѣхъ выгодъ, которыя мы предположили отъ частныхъ изслѣдованій Польскаго права: мы такъ не узнаемъ, что внесла въ польское право Мазовія, и въ чемъ заключаются собственно мазовецкія черты права.

Правда, у насъ останется сводъ матеріала, но матеріалъ незначителенъ; онъ почти весь сведенъ уже въ тѣ времена, о которыхъ пишетъ нашъ историкъ, — именно еще въ изданіи Віетора 1541 г. (см. у г. Дунина, стр. 9—10) и потомъ перепечатанъ у Бантке въ „Jus polonicum", а въ древне-польскомъ переводѣ—Мацѣевскимъ въ Hist. prawod. sław. Т. VI. Г. Дунинъ пересматривалъ и рукописи такихъ сводовъ въ коронной метрикѣ, но этотъ пересмотръ не далъ ему новаго матеріала (см. у него стр. 10, 11 и 22). Изъ сборниковъ актовъ онъ преимущественно пользуется только Kod. dyplom. Ksiesztwa Mazowieck. (Варш. 1863 г.). Нельзя не замѣтить, что авторъ самъ себя лишилъ важнаго подспорья, почти отказавшись отъ пользованія историками, особенно Длугошемъ; тогда отдѣлъ его книги о государственномъ правѣ Мазовіи не былъ бы столь незначителенъ, а по мѣстамъ ошибоченъ.

Не можемъ здѣсь же не остановиться на одномъ новомъ выводѣ, который дѣлаетъ г. Дунинъ въ области источниковъ исторіи мазовецкаго права. Въ упомянутыхъ сводахъ заключаются статуты прежнихъ князей и сводъ мазовецкихъ обычаевъ. Этотъ послѣдній былъ составляемъ два раза—въ 1531 и въ 1536—1540 г.; первый въ намѣстничество Пражмовскаго, второй—Горынскаго. Въ редакціяхъ, дошедшихъ до насъ повидимому ясно различается то, что̀ сдѣлано было въ 1531 г. и что̀ въ 1540. Слѣдуетъ думать, что на вторичномъ сеймѣ (при Горынскомъ) добавлена была вторая бо̀льшая половина къ первому своду. Мы не намѣрены защищать этого предположенія, а высказываемъ его для того, чтобы уяснить то, что̀ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи г. Дунинъ. Высказанное нами предположеніе подтверждается самымъ расположеніемъ достовѣрнѣйшей редакціи (Віетора). Сначала идетъ изложеніе свода Пражмовскаго (въ Jus polonicum до стр. 372), затѣмъ стоитъ особое заглавіе, прямо указывающее, что далѣе слѣдуютъ артикулы и обычаи, сведенные при Горынскомъ въ 1536 (и утвержденные въ 1540 г.). Между тѣмъ въ польской литературѣ составилось убѣжденіе, что сводъ Пражмовскаго не былъ утвержденъ королемъ (Сигизмундомъ I), по навѣтамъ королевы Боны; это предположеніе основано на одной сомнительной надписи на одномъ изъ рукописныхъ экземпляровъ Свода. Отсюда начались исканія подлиннаго текста Свода Пражмовскаго. Мацѣевскій видѣлъ его въ своемъ древне-польскомъ текстѣ, который онъ напечаталъ въ VI томѣ Ист. Законод. Г. Дунинъ нашелъ, что это просто переводъ Свода, напечатаннаго Віеторомъ, только съ измѣненіемъ порядка статей. Но за то самъ не счелъ нужнымъ отстать отъ такого же не историческаго пріема и продолжаетъ искать самъ свода Пражмовскаго. Онъ думаетъ, что нашелъ его въ текстѣ, напечатанномъ Ковнацкимъ (въ Pamistn. Warszaw. г. 1820, t. XVIII) и въ рукописи Коронной метрики. Однако оказывается, что въ этихъ редакціяхъ есть королевское утвержденіе Свода Пражмовскаго, а текстъ почти ничѣмъ не отличается отъ сводовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Горынскаго. Такимъ образомъ оказывается, что въ 1731 г. утвержденъ Сводъ Мазовецкихъ обычаевъ; затѣмъ онъ же опять составленъ къ 1540 г. почти безъ всякихъ прибавокъ и измѣненій и опять утвержденъ. Зачѣмъ нужно было это повтореніе той же работы; г. Дунинъ рѣшить отказывается, однако дѣлаетъ предположеніе, что Бона выхлопотала это порученіе своему любимцу Го-

рынскому (т. е. безплодное повтореніе сдѣланнаго), съ цѣлію возвысить его заслуги!

Приводимъ это обстоятельство въ образецъ того, какъ не слѣдуетъ обращаться съ источниками исторіи права.

Итакъ новаго матеріала для исторіи мазовецкаго права и новой разработки стараго матеріала мы не находимъ въ книгѣ г. Дунина.

Остается за нею одно достоинство — подведеніе этого матеріала подъ научныя рубрики для удобнѣйшаго пользованія. Г. Дунинъ расположилъ матеріалъ по учебнымъ общепринятымъ рубрикамъ: въ государственномъ правѣ излагается госуд. устройство (ученіе о территоріи, власти, народѣ и законѣ) и госуд. управленіе (органы и предметы); въ гражданскомъ — личное право, семейное, наслѣдственное, вещное, обязательственное; въ уголовномъ — ученіе о преступленіи и наказаніи. И всѣ подраздѣленія этихъ рубрикъ точно слѣдуютъ нынѣшнимъ учебнымъ схемамъ.

Мы знаемъ, что въ послѣднее время такой методъ историко-юридическихъ изслѣдованій принятъ не однимъ г. Дунинымъ, и что не легко замѣнить его другимъ, равнымъ по достоинству и удобству.

Однако пользоваться имъ слѣдуетъ съ большою осторожностью, которая весьма нерѣдко измѣняетъ историкамъ-юристамъ; въ виду значительной распространенности этого недуга приводимъ изъ книги г. Дунина примѣры вредныхъ послѣдствій неосмотрительнаго пользованія указаннымъ методомъ.

Во первыхъ, благодаря усвоенію учебныхъ рубрикъ, нерѣдко слѣдуетъ подложеніе современныхъ намъ понятій подъ явленія древности, и слѣдовательно полное искаженіе историческаго факта. Такъ г. Дунинъ, перенося въ отдаленную древность нынѣшнія понятія о государствѣ, такъ опредѣляетъ отношеніе Мазовіи къ Польшѣ и взаимныя отношенія мазовецкихъ князей: „Мазовія, какъ извѣстно, составляла первоначально часть *Польскаго государства*, и только съ 1207 г. стала составлять отдѣльное *политическое цѣлое*“ (стр. 39). Что же случилось въ 1207 г.? „Въ 1207 г. кор. Лешекъ Бѣлый отдалъ брату своему, Конраду, Мазовію“ (стр. 6). Отождествляя такимъ образомъ понятіе государства съ древними княжествами, авторъ тутъ же испытываетъ на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія этого смѣшенія разнородныхъ понятій: „Что касается взаимныхъ отношеній мазовецкихъ князей между собою, то... они считались вполнѣ *независимыми* другъ отъ друга; тѣмъ не менѣе... они обладали отдѣльными частями *общаго цѣлаго*“ (стр. 47). Такъ понятіе государства опять ускользаетъ изъ рукъ.

Другое (кромѣ государства) основное понятіе нынѣшняго правовѣдѣнія есть гражданское *лице*, — понятіе лишь постепенно развившееся въ исторіи. Г. Дунинъ его и цѣликомъ примѣняетъ къ древнѣйшему времени: „Характеръ субъекта гражданскаго права признавался прежде всего за каждою *физическою личностью*: нигдѣ въ источникахъ нельзя отыскать и слѣда лицъ, которыя не имѣли бы права обладать своею личностью и имуществомъ“ (стр. 103). Между тѣмъ онъ же говоритъ: „все зависѣло отъ воли князя: права, обязанности, значеніе основывались на его привилегіи;... ни одна перемѣна въ личномъ и имущественномъ положеніи гражданъ не могла совершиться безъ участія княжеской воли“ (стр. 46). Эти два противорѣчивыхъ положенія могутъ быть примирены, если раздѣлить ихъ временемъ: послѣднее

отнести къ древнѣйшей, а первое къ позднѣйшей эпохѣ мазовецкаго права; но не одна княжеская власть препятствовала образованію полнаго понятія о лицѣ; г. Дунинъ отмѣчаетъ, что „жена не могла распоряжаться *своимъ* имуществомъ безъ согласія мужа“ (стр. 117), что дѣти имѣли „право на родительское достояніе еще при жизни ихъ“ (т. е. родителей; стр. 134), что „ограниченіе права собственности еще основано на родственныхъ отношеніяхъ“ (стр. 162). Во всемъ этомъ едва пробиваются признаки полной власти физическаго лица въ сферѣ имущественныхъ отношеній и наше нынѣшнее понятіе о лицѣ неприменимо къ той эпохѣ, о которой пишетъ г. Дунинъ.

Отсюда ясно второе невыгодное послѣдствіе неосторожнаго пользованія учебнымъ методомъ,—именно обезличеніе эпохи; съ нея стираются характерныя особенности: въ исторіи каждой эпохи историкъ отмѣчаетъ все тѣ же черты государственнаго, семейнаго, гражданскаго права и изрѣдка наталкивается только на бьющія въ глаза особенности въ уголовномъ правѣ.

Съ этимъ соединяется и третья опасность: лишить право историческаго движенія. Такъ у г. Дунина государство, сословія, право собственности являются на свѣтъ Божій готовыми, вполнѣ сложившимися.

Наконецъ учебный планъ, какъ бы ни былъ онъ строенъ, можетъ въ примѣненіи къ историческимъ фактамъ водворить путаницу; такъ у г. Дунина исторія поземельной собственности разсказывается въ отдѣлѣ о территоріи государства (стр. 40—41), судоустройство отнесено къ *предметамъ* управленія (стр. 93—99).

Таковы недостатки, которыми г. Дунинъ обязанъ, наравнѣ со многими другими историками-юристами, неосторожному пользованію теоретическимъ методомъ.

На частныхъ ошибкахъ въ книгѣ г. Дунина мы не будемъ останавливаться въ этой короткой замѣткѣ; такъ, онъ отрицаетъ существованіе рабства въ Мазовіи и даже для древнѣйшаго времени смѣшиваетъ рабовъ съ прикрѣпленными (см. стр. 103 и 49); между тѣмъ тутъ же въ приводимыхъ имъ источникахъ стоитъ; „*homines vel servos* dicti militis“. Сеймъ, по его мнѣнію, состоитъ «изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ» (т. е. должностныхъ лицъ), а въ источникахъ, имъ же приводимыхъ, „*et nuntiorum terrestrium*“.

Пусть позволено намъ будетъ въ этомъ же указать и достоинство его книги: именно подъ своимъ текстомъ г. Дунинъ вездѣ приводитъ подлинный текстъ источниковъ и такимъ образомъ даетъ возможность провѣрить тотчасъ же самаго себя.

Это указываетъ на то, что авторъ старался вездѣ быть точнымъ и вѣрнымъ своимъ источникамъ; во многомъ и достигалъ этого; ошибки, о которыхъ мы говорили, явились помимо его доброй воли. Книга его, безъ сомнѣнія, должна быть признана трудомъ добросовѣстнымъ и, какъ первый опытъ частнаго изученія составныхъ—мѣстныхъ частей польскаго права, должна обратить на себя вниманіе людей, дорожащихъ успѣхами славянскаго правовѣдѣнія.

М. Владимірскій-Будановъ.

Профессоръ Имп. университета Св. Владиміра.

ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Прикладная Тактика, составилъ генералъ-маіоръ *Леерь*, заслуженный профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1877 г. (Издано при содѣйствіи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба).

Конечная цѣль всѣхъ военныхъ операцій—бой! Результаты боя опредѣляютъ размѣръ успѣха, пріобрѣтеннаго каждою изъ воюющихъ сторонъ. Понятно, что всѣ данныя, на основаніи которыхъ организуется вооруженная сила, опредѣляются прежде всего *боевыми требованіями*. Такимъ образомъ *условія современнаго боя* въ зависимости отъ современнаго вооруженія войскъ и на основаніи неизмѣнныхъ принциповъ военнаго дѣла, служатъ руководящими указаніями при рѣшеніи всѣхъ военно-организаціонныхъ вопросовъ, принадлежащихъ къ области военно-административныхъ соображеній и, безспорно, входящихъ въ кругъ государственныхъ знаній.

Бой и всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ его успѣхъ, составляютъ предметъ изслѣдованія тактики. Съ этой точки зрѣнія, тактика, и тѣмъ болѣе прикладная, — не можетъ быть не включена въ число наукъ, составляющихъ принадлежность государственныхъ знаній, особенно та ея часть, въ которой разсматриваются принципы, долженствующіе служить основою всѣхъ военно-организаціонныхъ вопросовъ.

Разсматриваемый нами трудъ въ послѣднемъ отношеніи имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что исполненъ по строго научному методу, вслѣдствіе чего въ немъ нѣтъ мѣста тѣмъ мелочамъ, которыя составляютъ случайный баластъ большинства учебныхъ руководствъ по тактикѣ.

Вотъ какъ самъ авторъ опредѣляетъ задачу, которую онъ стремился разрѣшить въ своемъ трудѣ:

„При всѣхъ неотъемлемыхъ достоинствахъ прежнихъ руководствъ, — къ которымъ я первый готовъ отнестись съ глубокимъ уваженіемъ, — по нимъ же я учился тактикѣ, они служили фундаментомъ, на которомъ я продолжалъ и продолжаю понынѣ строить, они представляли довольно существенный недостатокъ, выражавшійся главнымъ образомъ въ преобладаніи *описательнаго* метода изложенія, т. е. описывалось большею частію принятое въ извѣстное время рѣшеніе того или другаго вопроса и затѣмъ теорія призывалась на помощь для оправданія его и нерѣдко для восхваленія".

„Такая постановка дѣла едва ли можетъ быть признана правильною, потому что принятое, въ извѣстную минуту, рѣшеніе того или другаго вопроса, при полномъ соотвѣтствіи допустимъ даже, какъ почвѣ (исторіи), на которой оно построено, такъ и обстановкѣ (въ настоящемъ), подъ вліяніемъ которой его приходится принимать, — есть все-таки же дитя своего времени (т. е. извѣстное лишь частное рѣшеніе вопроса, а никакъ не общее) и дѣло рукъ человѣческихъ, отличительнымъ признакомъ котораго является несовершенство, это общій законъ".

„Ограничиваясь описательнымъ методомъ и научнымъ лишь въ выше-

приведенномъ смыслѣ дѣло обрекалось бы на неподвижность, чего быть не должно".

„Ясно, что необходима критика (не закрывать глаза на недостатки существующаго), но, само собою разумѣется, *не критика ради критики*, порождающая вредный *критицизмъ*, служащій не на пользу общаго дѣла, а лишь только личнымъ интересамъ, — а критика въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова, критика, имѣющая въ виду лишь интересъ дѣла, основанная на глубокомъ его изученіи, на продолжительномъ анализѣ, критика спокойная и осторожная, короче: вполнѣ *объективная и научная*".

„Критика же безъ *критерія* немыслима. Не руководствоваться же въ такомъ важномъ дѣлѣ капризомъ личнаго взгляда и вкуса"?

„Критерій этотъ прежде всего даетъ наука, въ тѣхъ основныхъ, неизмѣнныхъ условіяхъ, принципахъ, которые ложатся въ основу рѣшенія того или другаго вопроса; но одного этого строгаго соотвѣтствованія извѣстнаго рѣшенія *научнымъ принципамъ* еще недостаточно для того, чтобы признать его вполнѣ правильнымъ. Для этого необходимо еще, сверхъ того и въ то же время, строгое соотвѣтствіе его другой чрезвычайно важной данной, *обстановкѣ*, подъ вліяніемъ которой рѣшеніе того или другаго вопроса, примѣненіе того или другаго принципа должно принимать безконечно разнообразныя формы".

„И такъ для оцѣнки правильнаго или неправильнаго рѣшенія того или другаго вопроса, необходимо *ясное пониманіе принциповъ* съ одной стороны и глубокое изученіе, самый *точный анализъ обстановки* съ другой. Для того же, чтобы самому достигнуть извѣстнаго мастерства въ рѣшеніи тѣхъ же вопросовъ, сверхъ усвоенія принциповъ дѣла, необходимо еще возможно тщательное изученіе рѣшеній одного и того же вопроса, принятыхъ при самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ, не только относящихся къ современной намъ эпохѣ (*сравнительный методъ* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ), но и ко временамъ минувшимъ (*историческій методъ*), т. е. необходимъ *сравнительный методъ* изслѣдованія въ самомъ широкомъ смыслѣ".

„И такъ, *критическій методъ* изслѣдованіе того или другаго вопроса, какъ мы его понимаемъ, слагается изъ *научнаго* (на сколько извѣстное его рѣшеніе отвѣчаетъ принципіальной сторонѣ дѣла), уясняющаго значенія *принциповъ*, и изъ сравнительнаго (насколько оно отвѣчаетъ требованіямъ обстановки), уясняющаго вліяніе обстановки на рѣшеніе того или другаго вопроса".

„Вотъ сюда, по нашему мнѣнію, и слѣдуетъ перенести, если такъ можно выразиться, центръ тяжести изслѣдованія тактическихъ вопросовъ изъ *описательнаго метода*, допуская послѣдній лишь въ видѣ *дополненія* къ первому. Такой путь долженъ оказаться болѣе вѣрнымъ, хотя и несравненно болѣе труднымъ".

Хотя авторъ говоритъ, что: „Попытка примѣненія *научнаго метода* въ изслѣдованіи тактическихъ вопросовъ, само собою разумѣется лишь въ видѣ *опыта*, въ видѣ *стремленія, выйти лишь на этотъ путь, дальнѣйшими цѣлями я не могъ задаваться*, представляетъ уже весьма существенную трудность, тѣмъ болѣе, что она предпринимается мною въ минуту, очеркнутаго выше (періода *броженія въ тактикѣ*", но такая ого-

ворка весьма понятная со стороны человѣка) глубоко уважающаго науку и всецѣло преданнаго своей спеціальности, не болѣе какъ *оговорка*, съ которою, основательно познакомившись съ содержаніемъ „Прикладной тактики", невозможно согласиться. Во первыхъ, разсмотрѣнный трудъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ *не опытъ*, *а заключаетъ въ себѣ два вполнѣ законченныхъ ученыхъ трактата*: 1) о тактическихъ организмахъ высшаго порядка, 2) о боѣ. Во вторыхъ — опасеніе автора, что броженіе, существующее въ настоящее время относительно даже тактическихъ вопросовъ, на которое указывается какъ на одно изъ затрудненій при исполненіи постановленной задачи, едва ли основательно, такъ какъ оно послужило въ пользу самой строгой научной постановки всего труда. Дѣло въ томъ, что *установившіеся* взгляды всегда вредятъ критическому методу, ослабляя или усиливая анализъ до крайностей; состояніе же *броженія* представляетъ само по себѣ сортирующую силу, которую автору оставалось только усилить приложеніемъ къ дѣлу *своей способности строго логическихъ обобщеній.*

Части „Прикладной тактики" уже ранѣе были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ, но въ цѣльномъ связномъ изложеніи нѣсколько тяжелая отвлеченность отдѣльныхъ отрывковъ сглаживается на столько, что трудъ въ общемъ, кромѣ своего научнаго значенія, представляется талантливымъ военно-литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ каждая фраза обдумана и очищена. Самое изложеніе вслѣдствіе большой простоты дышетъ жизнію и свѣжестью.

Хотя трудъ Г. Г. А. Леера имѣетъ назначеніе — служить руководствомъ для офицеровъ, обучающихся въ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, но по своему достоинству, онъ безспорно займетъ самое почетное мѣсто въ военной литературѣ всѣхъ европейскихъ государствъ также какъ это было съ курсомъ стратегіи того же автора. Къ первому выпуску „Прикладной Тактики" приложены планы и чертежи, исполненные весьма тщательно и изданные отдѣльными приложеніями весьма роскошно.

Труды Г. Г. А. Леера обогатили нашу военно-ученую литературу на столько, что для успѣха военнаго дѣла въ Россіи надо пожелать только, чтобы намѣреніе автора придать труду „возможно практическій, аппликаціонный характеръ (путемъ разбора наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ помѣщенныхъ въ приложеніяхъ) и рѣшенія возможно большаго числа задачъ" привело бы къ примиренію теоріи съ практикой. „Къ этому-то *примиренію* изученіе каждой науки и должно окончательно приводить. Тотъ же (а многіе и находятся именно въ этомъ положеніи), кто противупоставляетъ теорію практикѣ (или обратно), что конечно односторонне, а слѣдовательно и ложно, тотъ до этой примиряющей силы, которая заключается въ основательномъ усвоеніи той или другой, не доросъ. Для него *идеалы* науки становятся въ разрѣзъ съ *фактами* обыденной жизни. Для того же, кто въ этихъ *идеалахъ* видитъ *руководящіе принципы для практики, направляющіе послѣднюю на путь здравыхъ рѣшеній того или другаго вопроса, и безъ этой регулирующей силы не можетъ себѣ представить никакой раціональной практической дѣятельности — для того подобнаго противорѣчія не существуетъ и теорія и практика не становятся на дыбы другъ на друга и не претендуютъ,*

каждая сама по себѣ, на независимое самостоятельное другъ отъ друга существованіе а понимаютъ очень хорошо, что обѣ онѣ *составляютъ лишь нераздѣльныя части извѣстнаго цѣлаго*, отъ дружнаго содѣйствія, отъ гармоническаго сочетанія между которыми ближе всего и зависитъ судьба этого цѣлаго".

Въ настоящую минуту, когда практика войны разыгрывается на поляхъ Болгаріи, обагренной потоками христіанской крови, въ виду желаемыхъ и ожидаемыхъ успѣховъ, приведенныя слова почтеннаго автора имѣютъ особенно глубокое значеніе.

Я. Гребенщиковъ.

ИСТОРІЯ.

Исторія Русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе *Ивана Забѣлина*. Москва. 1876 г.

Этотъ трудъ г. Забѣлина заслуживаетъ полнаго вниманія русской публики, какъ по несомнѣнному таланту автора, такъ еще болѣе по важности вопросовъ, которые затрогиваются въ этомъ трудѣ.

Г. Забѣлинъ вводитъ насъ въ источникъ русской жизни и подвергаетъ вопросу всѣ сложившіяся у насъ историческія понятія о первоначальной эпохѣ русской исторіи, а тѣмъ болѣе о времени, которое предствовало началу русскаго государства.

Понятія эти по большей части выработаны иноземными учеными не безъ примѣси національнаго самолюбія.

Исторія именно такого рода наука, которая наиболѣе доступна вліянію національнаго самолюбія и избѣжать такого вліянія весьма трудно по очень простой причинѣ, что исторія есть наука жизни, есть такъ сказать сама жизнь. Изъ этихъ словъ однако совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы исторія не могла достигнуть объективности, доступнаго человѣку безпристрастія. Нѣтъ, она можетъ достигнуть до нѣкоторой степени объективности; но только подъ однимъ условіемъ разсмотрѣнія предмета съ разныхъ сторонъ. Только при разностороннемъ разсмотрѣніи предмета возможна та объективность, о которой по большей части пока только мечтаютъ.

До какой степени на вопросы историческіе имѣетъ вліяніе національность, лучше всего показываетъ вопросъ о старобытности славянъ въ Европѣ. Г. Забѣлинъ замѣчаетъ, что французскіе ученые благосклоннѣе относятся къ славянамъ, чѣмъ ученые нѣмецкіе и это потому, что французамъ никогда въ старое время не приходилось имѣть политическихъ счетовъ съ славянами.

Академикъ Кругъ, по словамъ г. Забѣлина, не могъ простить покойному нашему историку М. П. Погодину изданія сочиненій Венелина, доказывавшаго старобытность славянъ въ Европѣ.

„Нѣмецкая историческая и географическая наука, говоритъ г. Забѣлинъ, вообще небольшая охотница до славянъ, вообще неохотница приписывать имъ какое-либо значенiе историческое, бытовое, политическое, отдѣлила нашъ южный край отъ Карпатъ до Кавказа для германскаго племени, которое будто бы здѣсь господствовало съ глубокой древности и потомъ уже перешло далѣе на западъ".

Великiй географъ Риттеръ говоритъ, что германское племя выступило на свѣтъ въ эпоху митридатовыхъ войнъ съ римлянами, а заселенiе Восточной Европы славянами началось не ранѣе V-го вѣка до Р. Х. Геренъ находитъ у Геродота предковъ нѣмцевъ, финновъ и даже калмыковъ (!), но о славянахъ ни слова! (См. И. Р. Ж. Забѣлина, стр. 207 и 208).

Шафарикъ въ первомъ томѣ своего знаменитаго сочиненiя „Славянскiя Древности" приводитъ мнѣнiе вѣнскаго ученаго Шюца, который доказывалъ, что Славяне и Венды народы монгольскаго племени; почти тоже доказывалъ дерптскiй ученый Парротъ, говорившiй, что славяне народъ восточный, прибывшiй въ Европу не ранѣе V-го вѣка. Тотъ же Шафарикъ приводитъ слова одного нѣмецкаго публициста тридцатыхъ годовъ, который кажется совсѣмъ бы желалъ, если не сокрушить, то ослабить участiе славянъ въ европейской исторiи.

„Не славянскими, а германскими племенами населена Европа: славяне только пришлецы на ея восточныхъ границахъ", говоритъ означенный публицистъ.

Я не позволю себѣ употреблять выраженiя — нѣмецкая или французская историческая наука, точно также, какъ и выраженiя славянская наука. Историческая наука одна, но уголъ зрѣнiя на многiя ея частности у различныхъ народовъ различенъ и потому проще и лучше говорить: воззрѣнiя славянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ ученыхъ.

Русскiй историкъ не можетъ, даже болѣе, не долженъ терять изъ виду ни на единую минуту разницы нацiональнаго угла зрѣнiя, когда дѣло касается, прямымъ или косвеннымъ путемъ, вопросовъ исторiи его отечества; онъ не долженъ забывать, что отъ безусловнаго подчиненiя чужимъ авторитетамъ въ области исторической науки одинъ шагъ къ подчиненiю въ воззрѣнiяхъ международно-политическихъ. Думаю, что доказательствъ отъ меня не потребуютъ, ихъ легко могутъ десятками находить въ нашей зарождающейся политической литературѣ, въ ея перiодическихъ изданiяхъ. Надѣюсь изъ этого краткаго предисловiя читатель можетъ ясно видѣть, какой важности трудъ г. Забѣлина и какого вниманiя онъ заслуживаетъ.

Г. Забѣлинъ не первый изъ славянскихъ и русскихъ ученыхъ старается освободить наши взгляды на русскую старину отъ иноземныхъ авторитетовъ; но къ сожалѣнiю труды славянскихъ ученыхъ до сихъ поръ не подвергнуты безпристрастной критикѣ, результаты ихъ изслѣдованiй не выяснены, взаимныя противорѣчiя не указаны и не устранены. Шафарикъ, Венелинъ, Иловайскiй и самъ Забѣлинъ хотя слегка упоминаютъ о своихъ предшественникахъ, но свода результатовъ ихъ изслѣдованiй не даютъ. Такъ Шафарикъ и г. Забѣлинъ, оба приводятъ мнѣнiе польскаго ученаго Лелевеля о старобытности славянъ, его пре-

красныя слова, звучащія сами по себѣ вѣскою доказательностію, что такой великій и многочисленный народъ, какъ славяне, не приходитъ, но только на мѣстѣ вырастаетъ; но ни тотъ, ни другой не взяли на себя труда поближе познакомить читателя съ выводами Лелевеля, разобрать ихъ критически. Безъ свода изслѣдованій славянскихъ ученыхъ дѣло всегда будетъ подвигаться медленно, всегда будутъ встрѣчаться повторенія, всегда для публики давно доказанное будетъ являться необычайной новизной. Недостатокъ такого труда разрываетъ всякую связь между различными изслѣдованіями славянскихъ ученыхъ и даетъ возможность затеряться, пропасть самой свѣтлой и плодотворной мысли. Такъ Шафарикъ въ первомъ томѣ своихъ Древностей найдя твердую опору въ показаніяхъ Прокопія и Іорнанда о многочисленности славянъ въ VI в. по Р. Х., въ ихъ молчаніи о якобы недавнемъ приходѣ славянъ въ Европу, замѣчаетъ: что *воспрещаетъ намъ, опираясь на такое твердое и широкое основаніе, пуститься далѣе въ глубь?* Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ, опираясь на Прокопія и Іорнанда, идти въ глубь черезъ Приска, Птоломея и Тацита до Геродота? Самъ Шафарикъ едва коснулся этой вѣрной тропы, а другіе изслѣдователи какъ бы и не подозрѣвали ея существованія. Малое вниманіе къ трудамъ предшественниковъ отозвалось невыгодно и на трудѣ г. Забѣлина. Въ замѣчательной во многихъ отношеніяхъ, III главѣ, онъ потратилъ много остроумія, чтобы доказать, что народъ Будины или Вудины, упоминаемый у Геродота, были Мордва или Вотяки, жившіе въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Рязанской. У Геродота упоминается въ землѣ Будиновъ или Вудиновъ озеро, въ которомъ они ловили бобровъ, г. Забѣлинъ пріурочиваетъ это озеро къ мещерской сторонѣ около Рязани. Вмѣстѣ съ Будинами у Геродота упоминаются Гелоны, полугреки, поселившіеся среди Будиновъ и у нихъ городъ Гелонъ, который г. Забѣлинъ помѣщаетъ около Саратова. Замѣтимъ, что этотъ городъ Гелонъ былъ покоренъ Даріемъ Гистаспомъ во время знаменитаго его скифскаго похода. Походъ Дарія въ Скифію былъ около 508 года до Р. Х. по однимъ, около 513 г. по другимъ хронологическимъ вычисленіямъ; но много-ли времени онъ продолжался? Извѣстенъ разсказъ, что Дарій велѣлъ себя ждать 60 дней, но шестьдесятъ дней прошло, а царь не возвращался.... Но сколько же продолжался походъ? Г. Забѣлинъ знаетъ что походъ въ Скифію не могъ продолжаться долѣе одного лѣта. Мало этого, онъ знаетъ, что походъ продолжался не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Могъ ли Дарій дойдти до предѣловъ нынѣшняго Саратова? Могъ ли онъ идти съ малочисленнымъ войскомъ? Г. Забѣлинъ думаетъ, что до Гелона доходили только легкіе отряды; но могъ ли Дарій рискнуть послать легкіе отряды въ такую даль, даль неизвѣстную? Вѣдь походъ отъ устьевъ Дуная до нынѣшняго Саратова и для нынѣшняго войска не шутка какая-либо. Между тѣмъ у Шафарика изслѣдованіе о Будинахъ представляетъ одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ его замѣчательной книги. Шафарикъ опредѣляетъ мѣсто-жительство Будиновъ, соображая показанія Геродота съ показаніемъ Птоломея, Помпонія Мелы, Плинія, Амміана Марцелина и др. писателей. По его соображеніямъ ясно выходитъ, что Будины занимали нынѣш-

нюю Волынь и Бѣлоруссію. Онъ находитъ показаніе Геродота о жилищахъ Будиновъ на восточномъ берегу Дона ошибочнымъ. Точно также преувеличеннымъ онъ находитъ и разсказъ его о походахъ Дарія въ центръ земли Будиновъ за Донъ. „Невозможно, говоритъ Шафарикъ, чтобы Дарій въ теченіи двухъ мѣсяцевъ совершилъ свой походъ черезъ весь Сѣверъ, начиная отъ Дуная за Донъ къ Волгѣ, оттуда назадъ верхними краями до самыхъ истоковъ Волги и Днѣпра, далѣе черезъ земли, лежащія на Березинѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ". Но, если предположить, что Даріевъ походъ продолжался не два, а четыре, пять мѣсяцевъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы Дарій могъ обойдти такое огромное пространство, не только съ препятствіями всякаго рода, но даже и безъ нихъ.

Если бы Дарій такъ далеко побывалъ въ Скифіи, какъ думаетъ г. Забѣлинъ, то безъ сомнѣнія свѣдѣнія самого Геродота объ этой странѣ были бы полнѣе, потому что нѣтъ сомнѣнія греки не только стерегли мостъ Дарія на Дунаѣ, но и имѣли своихъ представителей въ походѣ при Даріи. — Неужели собранныя ими свѣдѣнія исчезли бы въ самое короткое время безслѣдно?

По этому гораздо основательнѣе предполагаетъ Шафарикъ, что Дарій могъ пробраться не далѣе истоковъ Буга. Точно также вѣроятнѣе мнѣніе Шафарика, что безмѣрныя пинскія топи и болота среди обширныхъ лѣсовъ остатки бывшаго тутъ большаго озера. По слѣдамъ польскаго ученаго Оссолинскаго, который, по свидѣтельству Шафарика, первый назвалъ Геродотовыхъ Будиновъ предками славянъ и Шафарикъ признаетъ Будиновъ народомъ тожественнымъ съ Вендами. Мы знаемъ, говоритъ онъ, что Будины никуда не выходили изъ своей страны, потому что тамъ же ихъ помѣщаютъ Плиній и Птоломей, точно также и Венды или Венеды, о которыхъ на этихъ мѣстахъ говорятъ позднѣйшіе писатели, ни откуда не приходили туда. Описаніе деревяннаго города Будиновъ, обнесеннаго деревянною стѣною, занимавшаго огромное пространство вслѣдствіе того, что домъ каждаго семейства окружался пахатными полями и садами, до такой степени напоминаетъ славянскій городъ, что, по свидѣтельству Шафарика, одинъ нѣмецкій ученый думалъ видѣть въ изображеніи города Будиновъ подобіе позднѣйшаго великаго Новгорода. Самое имя Будины, по другому произношенію Вудины, Шафарикъ находитъ славянскимъ. У славянъ большая часть народныхъ именъ, и своихъ и чужихъ, оканчивается на инъ, напр. Сербинъ, Русинъ, Мордвинъ, Литвинъ. По гречески Βουδινοί Будины, въ единственственномъ числѣ Будинъ. На Руси тамъ, гдѣ жили Будины, осталось много мѣстечекъ, напоминающихъ это имя, такъ въ Могилевской губерніи находится рѣка Буда, другая рѣчка Будка близь Полтавы и множество именъ Буда, Буды, Будаева, Будищи, Будки, Будкова, Будники, Будково, Будовка и пр. Кромѣ того въ Царствѣ Польскомъ насчитываютъ до восьмидесяти мѣстъ съ корнемъ Буда, въ Галиціи до пятидесяти. Считаю не лишнимъ прибавить отъ себя немаловажное доказательство бытовое, переданное мнѣ священникомъ Опатовичемъ, уроженцемъ волынскимъ. Онъ говоритъ, что въ сѣверной части Волынской губерніи полѣсовщики до сихъ поръ называются *будинами*.

Доказательства Шафарика кажутся англичанину Гроту, автору знаменитой исторіи Греціи и одному изъ величайшихъ знатоковъ древняго міра, до такой степени основательными, что онъ не колеблясь принимаетъ сторону Шафарика противъ нѣмецкаго ученаго Манерта, признававшаго въ Будинахъ предковъ нѣмцевъ. Гротъ, принимая доказательства Шафарика, признаетъ будиновъ славянами.

Г. Забѣлинъ остроумно сближаетъ переселеніе Невровъ къ Будинамъ, или какъ онъ пишетъ Вудинамъ, съ лѣтописнымъ преданіемъ о поселеніи Радимичей и Вятичей, пришедшихъ изъ земли ляховъ на Сожу и Оку. Но какимъ образомъ Невры, которыхъ и г. Забѣлинъ признаетъ славянами, могли мирно переселиться въ землю инородцевъ? Это было бы вторженіе, а не переселеніе. Шафарикъ же переселеніе Невровъ въ землю Будиновъ считаетъ однимъ изъ доказательствъ, что послѣдніе жили на Волыни и въ Бѣлоруссіи, куда удобно было перейдти Неврамъ съ западнаго Буга. При этомъ позволимъ себѣ сдѣлать два замѣчанія. Первое: различіе въ опредѣленіи жилищъ Будиновъ кажется возможно согласить такимъ образомъ: и Шафарикъ и Забѣлинъ, опредѣляя мѣсто жительства Будиновъ, не теряли изъ виду, что они были автохтоны; но не обратили вниманія, что въ то же время это былъ народъ не вполнѣ осѣдлый, номады, εόντες αυτόχθονες, νομάδες. Существованіе у Будиновъ города этому не противорѣчитъ, татары были номады и въ то же время имѣли городъ Сарай. Номады или полуномады были Будины,—лѣтнія ихъ кочевья легко могли достигать Дона. При этомъ, главнымъ мѣстожительствомъ ихъ все-таки оставались бы Бѣлоруссія и Волынь. Такъ татары, покоривъ Русь, кочевали отъ Урала и Волги до Кавказа, при чемъ главнымъ пунктомъ ихъ все-таки оставалась нижняя Волга. Второе замѣчаніе: г. Забѣлинъ сблизилъ преданіе лѣтописное о Радимичахъ и Вятичахъ съ переселеніемъ Невровъ къ Будинамъ; но еще большее сближеніе можно сдѣлать между отзывомъ Геродота о Будинахъ и отзывомъ лѣтописи нашей о Древлянахъ.

О Будинахъ Геродотъ говоритъ, что они были φθειροτραγεουσι *) что буквально почти значитъ были нечистоядущіе; тоже лѣтопись говоритъ о древлянахъ: *ядуще все нечисто.* Замѣчательно то, что древляне жили именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Шафарикъ помѣщаетъ Будиновъ. Присоедините къ этому замѣчанію вышеприведенное сообщеніе отца Опатовича и тогда это послѣднее замѣчаніе можетъ оказаться далеко не лишнимъ.

Точно также и доказательства славянскаго происхожденія Невровъ у Шафарика убѣдительнѣе, чѣмъ у г. Забѣлина. Прежде всего у него обращено вниманіе на происхожденіе самаго имени Невровъ. Тамъ, говоритъ Шафарикъ, гдѣ у грековъ и нѣмцевъ стоитъ слогъ εο у латинянъ и славянъ *у*. Такъ греки писали Λεύχουλλος—Lucullus, нѣмцы пишутъ Preusse, славяне—Прусъ и т. д. По этому греческое имя народа Νευροι славянинъ долженъ былъ говорить Нуры, την Νευριδα γην славяне называли и называютъ Нурской землей. Нуръ—*а*, старинное слово значитъ земля, оттуда

*) Слово φτειροτραγεουσι переводили различно и насѣкомоѣды и шишкоѣды (!). Настоящимъ объясненіемъ слова φτειροτραγεουσι я обязанъ одному изъ нашихъ эллинистовъ.

слово понурить — склонить голову къ землѣ. Что же касается до опредѣленія мѣстожительства Невровъ, то оно довольно сбивчиво и у того и у другаго; иначе и быть не можетъ, если въ опредѣленіи этнографическихъ границъ такого отдаленнаго времени будутъ добиваться точности, часто неуловимой и въ наше время. Границы земли Нуровъ, нурской земли почти одинаково обозначаются у Шафарика и у Забѣлина; но у перваго эти границы, обнимающія почти всю область Западнаго Буга, не противорѣчатъ его выводамъ, потому что Невровъ и Будиновъ онъ признаетъ самыми близкими родичами и не мудрено, что границы ихъ спутывались; напротивъ Забѣлинъ, опредѣляя мѣстожительство Будиновъ за Дономъ, не объясняетъ какимъ же образомъ Невры очутились въ ихъ землѣ и въ тоже время занимали всю Бѣлоруссію, Волынь и пр.? У Шафарика, точно также, какъ у Забѣлина, приводится названіе нурской земли, даваемое этому краю славянами, преимущественно поляками; но у Шафарика оно занимаетъ важное мѣсто въ его доказательствахъ о древности славянскаго поселенія въ этомъ краѣ и поэтому поводу у него сведены свидѣтельства множества источниковъ.

Вообще должно замѣтить, что г. Забѣлинъ опускаетъ часто самыя вѣскія доказательства Шафарика.

Но, если у г. Забѣлина довольно слабы или ослаблены доказательства этнографическія, если нѣсколько сбивчиво опредѣленіе этнографическихъ предѣловъ того или другаго народа, за то собственно географическія соображенія его, равно какъ и бытовыя доказательства, представляютъ цѣнный вкладъ въ научную сокровищницу. Таково, напр., описаніе теченія Ипаниса — южнаго Буга и священнаго пути Эсксампея. При этомъ нельзя не замѣтить точности описанія Геродотомъ тѣхъ мѣстъ, которыя онъ посѣтилъ самъ.

Геродотъ самъ плавалъ по Бугу-Ипанису и говоритъ, что на четыре дня пути отъ моря въ рѣку впадаетъ горькій источникъ и вода становится горькою. Дѣйствительно, говоритъ Забѣлинъ, горькій источникъ и доселѣ носитъ соотвѣтствующее имя — Мёртвыя Воды. Рѣчка эта и теперь протекаетъ по мѣстности, наполненной ключами минеральной горькой и солёной воды, до того горькой, что она даже не годится для водопоя. Свѣдѣнія Геродота объ истокахъ Буга-Ипаниса тоже отличаются вѣрностію. Геродотъ говоритъ, что онъ вытекаетъ изъ озера, мы же знаемъ, что Южный Бугъ вытекаетъ изъ болотъ южной части Волынской губерніи. Забѣлинъ справедливо замѣчаетъ, что эти болота во времена Геродота безъ сомнѣнія составляли большое озеро.

Неменѣе важны бытовыя замѣчанія г. Забѣлина о скифахъ. Шафарикъ говоритъ, что въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій о скифахъ писано такъ много, что одинъ краткій перечень сочиненій объ этомъ предметѣ приводитъ въ ужасъ отъ мысли, чтобы не пришлось, при всемъ обиліи пищи, терпѣть нужды, и неуйдти съ пиршества съ тощимъ желудкомъ. И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ ученый чехъ, мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ до того разнообразны, что, рѣшительно, нѣтъ двухъ сочиненій, согласныхъ въ своихъ выводахъ. Эта разноголасица главнымъ образомъ отъ того и происходила, что новые изслѣдователи мало касались или совсѣмъ не касались предмета этого съ бытовой стороны; гре-

ческіе же и римскіе писатели не отличались точностью въ употребленіи этнографическихъ терминовъ. Такъ, они скифами называли то всѣ народы, обитавшіе въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи, то только нѣкоторые; то слово скифъ означало собирательную и разнородную географическую единицу, то однородную, этнографическую. Но, что часть народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ скифовъ, именно скифы-пахари, принадлежала къ славянскому племени, въ этомъ не сомнѣвался даже и Шафарикъ, весьма боязливо относившійся къ родству славянъ съ народами, бывшими въ немилости у греческихъ или римскихъ писателей и состоящихъ въ немилости у новыхъ европейскихъ народовъ [1]). Изъ французскихъ ученыхъ знаменитый географъ Мальте-Брёнъ безусловно признавалъ скифовъ предками нынѣшнихъ славянъ. Изъ этого читатель видитъ, что вопросъ о скифахъ весьма близко касается русской исторіи. Г. Забѣлинъ удивительно хорошо сгруппировалъ обычаи скифовъ и мѣстами сопоставилъ эти обычаи съ старо-русскими. Возьмемъ нѣкоторыя сопоставленія:

„Головы убитыхъ враговъ скифы относили къ царю по той простой причинѣ, что принесшій голову врага получалъ право участвовать въ добычѣ. Кожа съ головы почиталась знатнымъ украшеніемъ храбраго человѣка. Ее искусно снимали съ черепа, очищали отъ мяса, мяли въ рукахъ и употребляли вмѣсто платка и украшенія, привѣшивая на уздѣ къ коню. Замѣчательно, говоритъ въ примѣчаніи г. Забѣлинъ, что въ старинномъ русскомъ богатомъ конскомъ уборѣ существовалъ наузъ, очень большая шелковая кисть, у которой ворворка — закрѣпка или узелъ покрывалась серебряною вызолоченною полусферическою чашкою. Авторъ ни слова къ этому не прибавляетъ вѣроятно по той причинѣ, что дѣло ясно и само по себѣ, что сферическая чаша служила забытымъ символомъ черепа. Геродотъ сообщаетъ, что когда скиѳы поссорятся съ своими единоземцами, то по суду цареву виновный отдавался въ полную власть своего противника, который его убивалъ, а изъ черепа дѣлалъ чашу. Г. Забѣлинъ замѣчаетъ: вотъ что означало уже въ древнѣйшее время въ нашемъ мѣстничествѣ символическое дѣйствіе — выдача головою.

Жаль что г. Забѣлинъ, такой знатокъ бытовыхъ подробностей, остановился на этихъ двухъ сопоставленіяхъ; тѣмъ болѣе жаль, что сгруппированные имъ похоронные обычаи такъ сказать сами напрашиваются на сближенія. Такъ, всѣ присутствовавшіе при погребеніи участвовали въ засыпаніи могилы землею, поминки совершались черезъ годъ, погребальные объѣзды длились сорокъ дней и затѣмъ происходило погребеніе. Извѣстно, что христіанская церковь и на Востокѣ и на Западѣ, чтобы отъучить вновь обращенныхъ язычниковъ отъ языческихъ празднествъ, благоразумно замѣняла эти празднества христіанскими въ дни, соотвѣтствовавшіе языческимъ празднествамъ. Поминовеніе усопшихъ въ духѣ христіанства; но сроки поминовенія устанавливались сообразно мѣстнымъ обычаямъ, которые потомъ закрѣплялись уже христіанскими легендами. Бытовыя доказательства, конечно, имѣютъ важное значеніе

[1]) См. Славянскія Древности въ переводѣ Бодянскаго, т. 1, книга 2-я.

особенно при доказательствахъ другаго рода. Такими подтвердительными доказательствами въ данномъ случаѣ представляются названія рѣкъ.

Шафарикъ древнее имя рѣки Днѣпра — Бористенъ, Берестина, Берестена считаетъ чисто славянскимъ. Какъ не странно предположеніе Гацука, что имя Бористенъ означаетъ Бори-стѣну, то есть здѣсь означаетъ рѣку, пробивающую пороги, но едва ли этимъ производствомъ слѣдуетъ пренебрегать изъ опасенія напомнить якобы словопроизводство Третьяковскаго. Кстати, г. Забѣлинъ приводитъ мнѣніе Венелина, что Третьяковскій, объяснявшій имена всѣхъ странъ изъ славянскаго языка, Hispania отъ Выспанія, Saxonia — Сажонія, Италія — Выдалія, писалъ только веселую пародію на Байеровы словопроизводства, который все выводилъ изъ языка скандинавскаго. Можетъ быть правъ и г. Забѣлинъ, выводящій названіе Борисѳена отъ Березины, которую по его мнѣнію греки считали главною рѣкою; но во всякомъ случаѣ Бористѣнъ или Бористенъ, Берестина, Берестена все таки имя это звучитъ по славянски. Оно и не могло быть иначе, когда рѣка протекала по землямъ славянскимъ. Имена рѣкъ, урочищъ разныхъ могутъ остаться въ наслѣдство и отъ другихъ народовъ, какъ въ Средней Россіи отъ финновъ; но имя Борисфена — Бористена звучало по славянски, когда по его притокамъ и берегамъ жили Будины и Нуры и послѣ нихъ жили ихъ потомки подъ именемъ Полянъ, Древлянъ, Кривичей. Нельзя же предположить, что до Будиновъ и Нуровъ жили Славяне, а потомъ по исчезновеніи Будиновъ и Нуровъ опять явились Славяне. Такимъ образомъ филологическія и бытовыя доказательства имѣютъ значеніе только въ ихъ совокупности. Всякое же доказательство взятое отдѣльно можно повернуть въ какую угодно сторону. Такъ басня, приводимая Геродотомъ о Нурахъ, что они одинъ разъ въ году превращались въ волковъ, позволила одному нѣмецкому ученому Крузе счесть Будиновъ племенемъ германскимъ, отъ которыхъ будто бы это суевѣріе перешло и къ Нурамъ или Неврамъ [1]). Такимъ образомъ, такъ какъ суевѣріе о превращеніи въ волковъ у Германцевъ распространено было повсюду, у Славянъ тоже — ученые могли бы доказывать, что имъ угодно. Изъ этого примѣра ясно, что одно бытовое доказательство, взятое само по себѣ, равняется нулю и получаетъ значеніе только при единицѣ, точно также и филологическое доказательство одно само по себѣ не всегда имѣетъ значеніе.

Геродотъ описывалъ или видѣнное имъ самимъ или слышанное отъ другихъ; но и тутъ не всѣ слухи, собранные имъ, были одинаковаго достоинства: иное онъ могъ слышать отъ людей видѣвшихъ то, о чемъ передавали отцу исторіи, объ иномъ онъ слыхалъ изъ вторыхъ и третьихъ устъ и т. д. Русскіе и вообще славянскіе изслѣдователи очень хорошо, разумѣется, это понимаютъ и понимали, но увлекаясь дѣломъ своимъ часто это обстоятельство какъ бы забываютъ. „Къ сожалѣнію, говоритъ

---

[1]) Эта сказка о превращеніи Нуровъ въ волковъ могла быть и отголоскомъ извѣстнаго суевѣрія объ оборотняхъ или имѣть какое-нибудь миѳическое значеніе, но могла родиться у жителей южныхъ странъ грековъ и отъ обычая сѣверныхъ народовъ носить зимою звѣриныя шкуры.

г. Забѣлинъ, Геродотъ вовсе не зналъ нашего далекаго Сѣвера. Онъ разсказываетъ только о южныхъ краяхъ Русской Земли; а между тѣмъ смѣло пріурочиваетъ Іирковъ къ Веси и Югрѣ, а слѣды имени Иссидоновъ находитъ въ названіи рѣки Исети. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ именами Геродотовыхъ народовъ кроются предки нынѣшнихъ остатковъ финскихъ народовъ; но отчасти вслѣдствіе оттѣсненія этихъ племенъ на Востокъ Русью и еще болѣе вслѣдствіе того, что объ этихъ странахъ до Геродота доходили самые темные слухи — такое пріурочиваніе дѣло не легкое." Хотя должно сказать, что и тутъ у г. Забѣлина встрѣчается множество остроумныхъ и вѣроятныхъ догадокъ.

Занимаясь исключительно Геродотовой Скифіей, г. Забѣлинъ мимоходомъ упоминаетъ объ Агатирсахъ, жившихъ отъ истоковъ Тиссы на Востокъ; но Агатирсы жили въ предѣлахъ славянскаго мира, а ихъ обычай имѣть общихъ женъ, о которомъ говоритъ Геродотъ, не то ли же значитъ, что и отзывы лѣтописи о Древлянахъ, Радимичахъ и Сѣверянахъ — *браченья въ нихъ не быша* или *и срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами, и бъраци не бываху, но игрища межу селы*?

Въ разборѣ дальнѣйшихъ судебъ народовъ, населявшихъ нынѣшнюю Русь, особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе все то, что г. Забѣлинъ говоритъ о Гуннахъ. Прекрасно выясняетъ онъ причины, почему Гунны у европейскихъ писателей явились въ такомъ безобразномъ видѣ. Онъ видитъ въ составѣ ихъ и справедливо, преобладающій славянскій элементъ и прообразъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ; но послѣднее замѣчаніе у него недостаточно рельефно. Между тѣмъ, какъ Хомяковъ эту мысль выразилъ гораздо рельефнѣе. „Была эпоха (эпоха Гунновъ) особенной славы для восточнаго казачества словянъ, говоритъ Хомяковъ, и имя его безспорно происходящее отъ корня юнъ и соотвѣтствующее южно-славянскому корню юнакъ сдѣлалось общимъ пменемъ многихъ восточно-иранскихъ семей, слившихся въ одинъ союзъ". (Т. IV Записки о Всемірной Исторіи, стр. 490). Даже, позволяю себѣ замѣтить, самая басня о происхожденіи Гунновъ отъ вѣдьмъ-колдуній и злыхъ духовъ свидѣтельствуетъ объ ихъ туземномъ происхожденіи..... Она указываетъ, что это были какіе-то выкидки изъ общества, изъ которыхъ образовалось это древнѣйшее козачество. И такъ козакамъ предшествовали Гунны-Юнаки и потомъ Бродники. Какъ въ послѣдующемъ козачествѣ, такъ и среди Гунновъ-Юнаковъ и Бродниковъ славянскій элементъ былъ преобладающимъ, но въ немъ растворялись и другіе элементы. Г. Забѣлинъ чрезвычайно мѣтко опредѣляетъ отношенія скиѳа Аеція къ гуннамъ, Аттилы къ Гензериху; но преувеличиваетъ дѣло, говоря, что можно съ достовѣрностію сказать, что еслибы не было Аеція, никогда бы не случилось и нашествія Гунновъ на Западную Европу. Аецій дѣйствительно былъ замѣчательный человѣкъ и про этого уроженца Доростоля, безъ сомнѣнія славянина, справедливо говорили, что его нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни испугать; но какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, одной личности его нельзя приписывать міровыхъ событій, въ числѣ коихъ является борьба Гунновъ съ германо-римскимъ міромъ. О значеніи этой борьбы высказали много прекрасныхъ замѣчаній Гильфердингъ и Хомяковъ. „Побѣды Аттилы,

говоритъ Хомяковъ, утвердили навсегда самобытность освобожденныхъ (гуннами) народовъ (т. е. славянскихъ). Ихъ великимъ подвигомъ утверждена возможность Руси, Польши и всѣхъ историческихъ царствъ славянскихъ. Обширная земля славянская была очищена отъ утѣснителей".

Шафарикъ, какъ всѣ западные славяне, щепетильный въ своемъ европеизмѣ, боявшійся, что бы онъ ни говорилъ, породниться съ Гуннами, инстинктивно однако чувствовалъ, что исторія славянства (да и Руси въ частности) начинается въ пучинѣ великаго переселенія народовъ. Но кто опредѣлитъ — гдѣ начало, гдѣ исходный пунктъ этой пучины?

Подробный разборъ книги г. Забѣлина со всѣхъ сторонъ завлекъ бы насъ далеко за предѣлы настоящей рецензіи; но если у автора есть увлеченія, можетъ быть неразрывныя съ талантомъ его, за то еще больше остроумныхъ сближеній, мѣткихъ сравненій и замѣчаній. Приводимъ еще нѣкоторыя изъ его замѣтокъ:

Защищая происхожденіе призванныхъ въ 862 году Варяговъ отъ Балтійскихъ славянъ, онъ говоритъ между прочимъ: „Чудеса! Говорятъ, что это скандинавское племя ославянилось. Положимъ, что такъ случилось въ славянскихъ городахъ. Отчего же оно ославянилось у Мери, у Веси, у Муромы? Тамъ оно должно было бы превратиться въ Мордву, если въ славянскихъ городахъ ославянилось. Очевидная и яркая несообразность, никакъ необъяснимая норманствомъ Руси, и безъ всякаго труда и вполнѣ объясняемая ея славянствомъ". У насъ часто несправедливо относятся къ тому или другому историческому или политическому сочиненію, потому что находятъ его построеніе или парадоксальнымъ или несогласнымъ съ общепринятыми мнѣніями. Такимъ критическимъ аршиномъ мѣрили всѣ произведенія славянофиловъ и потому изъ за ихъ парадоксовъ и увлеченій не разглядѣли множества геніальныхъ историко-политическихъ замѣчаній, какъ напр. выше приведенное замѣчаніе Хомякова о значеніи походовъ Аттилы для исторіи славянскаго міра. Но еще страннѣе, что иные изслѣдователи усвоивали себѣ нѣкоторые изъ византійско-филистерскихъ взглядовъ славянофиловъ и упускали изъ виду все, что было жизненнаго въ ихъ историческихъ замѣткахъ. Такъ напр. увлекались ученіемъ славянофиловъ о кротости русскаго человѣка, о его миролюбіи, безотвѣтности, увлекались исчисленіемъ качествъ все отрицательныхъ и ничего не хотѣли слышать о славянскомъ призваніи Россіи. Кротость вещь, конечно, хорошая; но только при этомъ не нужно забывать фактовъ историческихъ или насиловать ихъ, а еще болѣе должно помнить, что посредствомъ раскаленнаго желѣза даже льва—царя пустыни дѣлаютъ кроткимъ. А по русской исторіи отъ Татаръ только до Бироновщины много прошло полосъ раскаленнаго желѣза.

Аркадскіе пастухи имперій не создаютъ, и изъ идиллической жизни историческіе народы не выростаютъ.

Это ученіе рисуетъ русское славянство тихимъ и смирнымъ, говоритъ г. Забѣлинъ, что въ сущности есть самое полное отрицаніе въ народѣ его историчности. Остановимся еще на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ г. Забѣлина. Возьмемъ напр. слѣдующее мѣсто изъ его книги:

„Геродотъ говоритъ, что отъ старшаго брата скифскихъ родоначальниковъ произошли скифы, называемые *авхатами*, что по гречески значитъ славные. Греки, по мнѣнію нашего достойнаго переводчика Геродота Мартынова, любили переводить названія народа на свой языкъ, а потому Авхаты не есть ли переведенное имя славянъ быть можетъ!“ Дѣйствительно по гречески есть глаголъ αὐχέω: означаетъ онъ только славиться, въ смыслѣ гордиться, поднимать носъ. Можно по поводу такихъ заключеній улыбаться, остроумничать; но если у Грековъ былъ обычай переводить собственныя имена, то нѣтъ ничего страннаго, что изслѣдователь дѣлаетъ подобное сближеніе; но тутъ слѣдуетъ замѣтить, что самое происхожденіе слова славянинъ отъ слава весьма и весьма проблематическое, вѣроятнѣе имя племени нашего происходитъ отъ слова, почему и слѣдуетъ писать словяне. Такъ и слово Deutscher производятъ отъ deuten — пояснять. — Слово deuten естественный корень названія племенъ, отрасли которыхъ ничѣмъ инымъ какъ словомъ, взаимнымъ яснымъ пониманіемъ, сознать свое родство не могутъ. Говоря о томъ, что общее имя Скифовъ — Сколоты, авторъ И. Р. Ж. замѣчаетъ, что оно напоминало Слоуты, Словяне. Во первыхъ, слово Сколоты само по себѣ звучитъ по славянски, въ немъ слышится корень кол, колоть и нѣтъ нужды прибѣгать къ перестановкѣ буквъ. Возможно, какъ доказываютъ оріенталисты, что слово славянинъ у арабовъ по духу ихъ языка превратилось въ Саклабъ; — но превращеніе Словянинъ, Слоутъ въ Сколотъ у Грековъ вещь весьма сомнительная. Во вторыхъ, всякое кажущееся вѣроятнымъ предположеніе получаетъ дѣйствительную долю вѣроятія при совокупности доказательствъ. Вообще же съ перестановкою буквъ при историческихъ изслѣдованіяхъ слѣдуетъ обходиться осторожно. При этомъ однако должно замѣтить, что напрасно обвиняютъ въ излишней склонности переставлять буквы славянскихъ ученыхъ, которые осмѣливаются взглянуть безъ чужой указки на первоначальную свою исторію. На поприщѣ изученія русской исторіи, первые стали злоупотреблять такой перестановкой и обращать ее въ какой то филологическій фокусъ, академики-нѣмцы прошлаго вѣка для доказательства норманства Варяговъ, и Ломоносовъ упрекаетъ въ этомъ основателя норманской школы Байера. „Ежели Байеровы перевертки признать можно за доказательства, говоритъ Ломоносовъ, то и сіе подобнымъ образомъ заключить можно, что имя Байеръ происходитъ отъ русскаго бурлакъ.“ Это замѣчаніе Ломоносова даетъ поводъ думать, что Венелинъ былъ правъ, считая словопроизводство Третьяковскаго — сатирою.

Въ заключеніе этой библіографической замѣтки, считаю нелишнимъ обратить вниманіе читателя на тѣ страницы книги г. Забѣлина, которыя посвящены борьбѣ русскихъ академиковъ съ нѣмецкими, по поводу происхожденія Варяговъ. Нѣмецкая ученость, говоритъ г. Забѣлинъ, искони вѣковъ почитала славянъ племенемъ исторически молодымъ, дикимъ, ничтожнымъ и во всемъ зависимымъ отъ нѣмцевъ. Еще большими варварами казались ей русскіе. И такъ какъ исторія есть дѣло столько же науки, сколько и жизни, то понятно, продолжаетъ онъ, что вопросъ о происхожденіи Руси, о происхожденіи династіи, объ основаніи государства, о началѣ политической жизни народа, въ свое время при-

мо уносилъ всѣ умы въ область политики и заставлялъ ихъ рѣшать ихъ по тому плану, какой бывалъ начертанъ прежде всего въ политическомъ сознаніи изыскателя. Отрицаетъ ли г. Забѣлинъ въ нѣмецкихъ ученыхъ прошлаго вѣка, да и нынѣшняго, чистое стремленіе къ истинѣ? Нѣтъ, онъ этого стремленія не отрицаетъ даже въ Шлецерѣ, но только не пытается согласить увлеченія чисто національнаго съ научнымъ стремленіемъ къ истинѣ. Мнѣ кажется, что это дѣло объяснимое съ точки зрѣнія, высказанной г. Забѣлинымъ. Исходная точка зрѣнія Шлёцера гнѣздилась не въ умѣ, а въ чувствѣ. Онъ говорилъ, что назначеніе германцевъ состояло въ томъ, чтобы посѣять сѣмена просвѣщенія на сѣверозападѣ, что они и выполнили, по его собственному выраженію, съ помощію франкской сѣкиры и Евангелія. Оставался сѣверовостокъ и туда явились Норманы только безъ евангелія. Объединеніе, хотя и временное, германо-романскаго племени Карломъ Великимъ, событіе безспорно великое, показывающее великую организаторскую силу нѣмецкаго племени. Вотъ это событіе и сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ нѣмецкой философіи исторіи! Если бы Шлецеръ встрѣтилъ положительное доказательство или свидѣтельство о призваніи Варяговъ изъ Балтійскаго поморья, онъ конечно бы не сталъ его скрывать; но національное чувство было такъ сильно, что не давало возможности и силы собирать доказательства по крупицѣ, группировать ихъ и всякое отдѣльное доказательство разбивалось объ это чувство, приводило къ явной несправедливости. Такъ онъ назвалъ мысль Шторха о томъ, что въ предѣлахъ нынѣшней Россіи шла торговля еще въ VIII вѣкѣ, ненаучною, уродливою. Между тѣмъ найденныя и находимыя до нынѣ въ предѣлахъ Россіи арабскія монеты доказали справедливость мнѣнія Шторха. Шлецеръ былъ человѣкъ большаго ума, огромной эрудиціи, и его слово, высказанное съ жаромъ глубокаго убѣжденія, что все несогласное съ норманскою теоріею ненаучно, нелѣпо, имѣло огромное вліяніе. Робкіе умы (а ихъ болѣе, чѣмъ смѣлыхъ) не смѣли протоворѣчить великому критику... Пріемъ извѣстный. Часть русскихъ ученыхъ подчинилась этому авторитету изъ боязни прослыть неучами, а нѣкоторые умы, даже смѣлые и сильные, какъ Каченовскій, суть норманской теоріи принимали тоже по увлеченію чувства, только проявлявшагося въ иномъ видѣ. Каченовскій шелъ далѣе Шлецера, онъ доказывалъ, что на Руси нѣтъ и не было ничего своего, все было заимствовано и на основаніи этого отвергалъ самую лѣтопись русскую. У Каченовскаго эта мысль принимаетъ какой-то ожесточенный характеръ; поэтому ясно, что и у него корень скептицизма таился не въ ученыхъ доказательствахъ, а въ чувствѣ недовольства тогдашнимъ настоящимъ. Вѣдь онъ началъ свое ученое поприще въ вѣкъ аракчеевщины... и оскорбленное чувство твердило ему: можетъ ли быть что нибудь свое хорошее въ странѣ, гдѣ возможно такое явленіе, какъ аракчеевщина. „Подобныя идеи, говоритъ г. Забѣлинъ, не выростаютъ на почвѣ науки; онѣ приносятся въ ученыя разсужденія изъ области общественныхъ воззрѣній и созерцаній, отъ которыхъ историческая наука никогда не бываетъ свободна. Оттого, обыкновенно, построенныя на такихъ идеяхъ ученыя соображенія не выдерживаютъ и малѣйшей критики, а изслѣдованія при всѣхъ своихъ достоинствахъ на-

поняются вопіющими противорѣчіями." Несмотря однако на вопіющія противорѣчія онѣ держатся, пока не измѣнится область общественныхъ созерцаній и воззрѣній. Одинъ упрекъ, дѣлаемый г. Забѣлинымъ Шлецеру, именно въ излишнемъ вниманіи къ государственности въ ущербъ другимъ элементамъ народной жизни, заслуживалъ бы по своей важности чтобы мы на немъ остановились; но съ этимъ пунктомъ придется еще встрѣтиться въ слѣдующихъ томахъ сочиненія г. Забѣлина, появленія которыхъ будутъ ожидать всѣ, интересующіеся русской исторіей, т. е. развитіемъ національнаго самосознанія. Конечно г. Забѣлинъ и въ слѣдующихъ томахъ своего сочиненія будетъ слѣдовать золотому правилу Гроберга, который говоритъ, что „въ Исторіи, равно какъ и въ Географіи, чувствуя себя сколько нибудь способнымъ судить здраво, смѣло должно полагаться болѣе всего на свои собственныя свѣдѣнія, чѣмъ на чужія." Но это золотое правило не мѣшаетъ принимать во вниманіе чужія, ясныя и убѣдительныя доказательства.

Евгеній Бѣловъ.

Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства, за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Томъ I. Спб. 1877, стр. 759, in 4°.

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу".—

Такъ окончилъ словами поэта свою воодушевленную статью объ архивахъ [1]) нашъ уважаемый юристъ-историкъ Н. В. Калачевъ. Послѣднимъ основнымъ требованіемъ правильной организаціи архивнаго дѣла, которая одна можетъ обезпечить разработку нашей исторіи и дать точныя данныя для уясненія разныхъ степеней нашего историческаго роста, выставляетъ Н. В. Калачовъ необходимость составленія описаній и указателей хранящимся въ архивахъ рукописямъ.

Касаясь различныхъ существующихъ системъ описанія, уважаемый изслѣдователь останавливается на двухъ системахъ, наименѣе допускающихъ произволъ со стороны составителей описаній и наиболѣе удовлетворяющихъ лицъ, желающихъ ознакомиться съ заключающимися въ архивѣ документами. При первой изъ этихъ системъ ограничиваются краткимъ реестровымъ описаніемъ всего находящагося въ архивѣ; эту систему признаетъ онъ необходимою для описей, хранящихся въ самыхъ архивахъ; при второй, раздѣляютъ всѣ описываемые матеріалы по группамъ и даютъ о содержаніи каждой группы подробный отчетъ, выписывая иногда наиболѣе интересныя мѣста; эта послѣдняя система особенно важна при издаваемыхъ въ свѣтъ описаніяхъ.

Вышедшее въ послѣднее время „Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Ми-

---

[1]) Сборникъ Государственныхъ Знаній Т. IV, стр. 181 — 220. Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, Н. В. Калачова.

нистерства“ является прекраснымъ осуществленіемъ мысли Н. В. Калачова по вопросу описанія архивовъ. Морское Министерство, обладающее замѣчательнымъ по обилію историческихъ документовъ архивомъ, достойно оцѣнило его значеніе; благодаря просвѣщенной дѣятельности завѣдывающаго архивомъ В. Г. Чубинскаго, архивъ этотъ, при довольно бѣдной внѣшности помѣщенія, обставленъ прекрасно по отношенію къ господствующему порядку реестровыхъ описей и легкости добыванія справокъ, въ чемъ мы имѣли случай лично убѣдиться на практикѣ во время нашихъ довольно продолжительныхъ занятій въ немъ. Архивъ этотъ замѣчателенъ по особенно богатому матеріалу для характеристики одного изъ самыхъ важныхъ періодовъ нашей исторіи—царствованія Петра Великаго. Устройство этого архива должно быть поставлено главнымъ образомъ въ заслугу В. Г. Чубинскаго, который издалъ даже въ 1869 г. по этому поводу замѣчательный историческій трудъ „Историческое обозрѣніе устройства управленія Морскимъ вѣдомствомъ въ Россіи“, являющійся результатомъ его многолѣтней дѣятельности по приведенію архива въ опредѣленную систему.

Въ виду исторической важности этого архива была учреждена въ 1873 г. коммиссія „для разбора и описанія дѣлъ архива до 1805 г. и для изданія составленныхъ ею описаній“, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго историка морскаго дѣла въ Россіи Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Первый вышедшій нынѣ томъ трудовъ этой коммиссіи представляетъ описаніе документовъ, относящихся главнымъ образомъ къ царствованію Петра В. Описаніе сдѣлано способомъ, въ значительной степени подходящимъ къ третьей системѣ, указанной въ статьѣ Н. В. Калачова и признанной имъ наиболѣе удовлетворительной. Описаніе производится по группамъ и распадается по отношенію къ каждой вязкѣ на общее (гдѣ показаны: нумеръ вязки по порядку расположенія описаній и нумеръ, подъ которымъ она значится въ архивѣ, годы документовъ и общее содержаніе заключающихся въ ней документовъ) и на частное, въ которомъ болѣе подробно излагается содержаніе отдѣльныхъ бумагъ. При этомъ, по возможности, сохраненъ самый характеръ описываемыхъ бумагъ, такъ что, напримѣръ, гдѣ старинный заголовокъ вязки соотвѣтствовалъ ея содержанію—онъ печатался безъ измѣненій, точно также въ описаніи отдѣльныхъ документовъ сохранялись характеристичныя выраженія и правописаніе подлинника.

Общее расположеніе описанія по отдѣламъ сдѣлано на основаніи раздѣленія самаго архива, при чемъ однако въ первый томъ вошли только дѣла допетровскія или петровскія; въ предѣлахъ же этого внѣшняго дѣленія коммиссія расположила описанія по собственной системѣ, придерживаясь хронологическаго порядка. Въ изданномъ описаніи поставлены на первомъ мѣстѣ дѣла, хранящіяся въ Адмиралтействъ-Совѣтѣ, что составляетъ какъ бы первое отдѣленіе архива, куда были сложены наиболѣе важные документы, напр. значительная часть собственноручныхъ указовъ и писемъ Петра I.

Въ этомъ отдѣлѣ весьма интересны письма Петра В. и Екатерины Алексѣевны къ находящемуся за границею „Савѣ Владиславичу Рагузинскому“, гдѣ между прочимъ находятся любопытныя подробности о сношеніяхъ съ Италіей и въ особенности, какъ называетъ Петръ, „рѣчью пос-

политой Венецкой» (республикою Венеціанскою) (№ 10). Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено письмо Екатерины, которая благодаритъ за присланныя вещи и поручаетъ Рагузинскому прислать „что выйдетъ новой моды, какіе дамскіе уборы... также и въ платьѣ гдѣ явится перемѣна". Далѣе чрезвычайно важны письма и распоряженія Петра по устройству нашего флота и о борьбѣ со шведами (№ 2, № 6, первая часть № 10, № 11, № 13, № 16, № 19, №№ 20 — 26, №№ 29 — 32); уже одно это перечисленіе указываетъ на богатство содержанія, причемъ почти всѣ письма Петра приведены въ сжатомъ видѣ послѣ описанія ихъ содержанія. Кромѣ того въ этомъ отдѣлѣ находятся письма царевича Алексѣя Петровича (№ 15), нѣсколько собственноручныхъ резолюцій Петра на поданные пункты (№ 14), предписаніе „подполковнику отъ гвардіи князю Долгорукому и господину генералу фельтъмаршалу графу Шереметеву" о начатіи военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ 1711 г. (№ 17). Вообще этотъ отдѣлъ безспорно самый интересный въ описаніи, по важности указанныхъ документовъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе дѣлъ Приказа Большой Казны, Азовской Приказной Палаты и Царскаго Шатра на Воронежѣ, Приказа Воинскаго Морскаго Флота, Адмиралтейской Канцеляріи и дѣлъ графа Апраксина.

Въ упомянутой выше статьѣ, Н. В. Калачевъ требуетъ, чтобы къ описаніямъ были прилагаемы алфавитные указатели: 1 именъ личныхъ, 2 географическихъ названій, и 3 предметовъ. Въ разбираемомъ описаніи находятся указатель предметовъ, названій географическихъ и именъ судовъ и указатель именъ личныхъ, составленные весьма тщательно и дающіе часто, кромѣ удобства справки, довольно подробный обзоръ всего, что говорится о данномъ предметѣ въ описаніи. Кромѣ того для удобнаго пріисканія дѣлъ въ архивѣ приложенъ указатель годовъ по вязкамъ, въ которомъ можно найти въ какой вязкѣ слѣдуетъ искать извѣстный документъ, относящійся до такого-то года, подобнаго рода справки облегчены притомъ указаніями въ самомъ текстѣ описанія. Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что при замѣчательной тщательности и полнотѣ разработки описаніе отличается чрезвычайною роскошью изданія, что особенно важно для подобнаго рода трудовъ: различные виды текста отпечатаны отдѣльными шрифтами, указатели сдѣланы особенно отчетливо и наконецъ къ самому изданію приложены 9 листовъ прекрасно исполненныхъ facsimile почерковъ рукописей, вошедшихъ въ описаніе.

С. Вѣдровъ.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Общая часть. *А. Θ. Кистяковскаго.* Кіевъ. 1875 г.

Русская юридическая литература получила важное приращеніе съ изданіемъ этого учебника общаго уголовнаго права, который является однимъ изъ весьма немногихъ у насъ оригинальныхъ сочиненій, посвѣ-

щенныхъ систематической обработкѣ теоріи права. Трудъ г. Кистяковскаго отличается самостоятельнымъ направленіемъ, отрѣшающимся нерѣдко отъ общеустановившихся воззрѣній. Ему должно придать несомнѣнное значеніе, хотя со многими проводимыми въ немъ взглядами и можно расходиться. Заслуга автора состоитъ между прочимъ и въ томъ, что онъ знакомитъ подробно съ содержаніемъ европейскихъ уголовныхъ уложеній.

Введеніе даетъ не совсѣмъ точное понятіе объ общемъ уголовномъ правѣ, какъ совокупности законовъ, относящихся до преступленій и наказаній, такъ какъ его матеріалъ не исчерпывается одними законами. Правда, устраненіе теоретическаго элемента объясняется предисловіемъ къ сочиненію, гдѣ сказано, что при изложеніи многихъ вопросовъ дѣлались ссылки на европейскіе кодексы предпочтительно предъ писателями, на томъ основаніи, что кодексы имѣютъ болѣе реальное бытіе и заключаютъ въ себѣ результаты самой науки. Этимъ однако не исправляется неточность.

Общая часть начинается съ историческаго и философскаго основанія уголовнаго права и закона. Въ историческомъ развитіи уголовнаго права различаются три уклада. Первый *укладъ* — частной мести, руководимой субъективнымъ чувствомъ оскорбленія. Второй *укладъ* — общественнаго устрашенія въ государствахъ, которыхъ характеръ состоитъ въ преобладаніи и привилегіяхъ меньшинства, а съ другой стороны, въ порабощеніи большинства, отражающемся и на уголовномъ правѣ. Хотя общественною властію въ этой формаціи права, какъ властію нейтральною, было внесено болѣе спокойствія и мѣры въ оцѣнку преступныхъ дѣйствій и сдѣлана первая несовершенная попытка опредѣленія величины преступленія по важности нарушенныхъ правъ, по степени вреда и нравственной вины, но государство, основанное на привилегіяхъ и порабощеніи и находившееся въ борьбѣ съ отдѣльными элементами, изъ которыхъ сложилось, было проникнуто духомъ систематизированной мести, высказывавшейся въ тяжкихъ и жестокихъ наказаніяхъ (§ 31). Третій укладъ представляетъ уголовное право государства, окрѣпшаго и притомъ построеннаго на равноправіи гражданъ предъ закономъ. Возникнувъ въ XVIII столѣтіи, это государство въ настоящее время еще не достигло своего полнаго развитія. Поэтому и въ современномъ уголовномъ правѣ замѣтно лишь начало новаго *уклада* и существуютъ еще всѣ отличительныя черты предшествовавшей формаціи, подлежащія только постепенному исчезновенію. Послѣдній *укладъ* характеризуется новою системою наказаній, изъ которой изгнаны всякія мученія и истязанія, порожденныя нѣкогда чувствомъ раздраженія и мести, развитіемъ въ подробностяхъ началъ вмѣненія, дѣятельнымъ стремленіемъ къ исправленію преступниковъ при наказаніяхъ въ видахъ общественной пользы. Такъ по историческому обзору месть въ большей или меньшей степени проведена чрезъ всю исторію права. Но по общепринятому мнѣнію месть и устрашеніе, какъ цѣль и послѣдствіе наказанія, исходящаго отъ государства и назначаемаго по извѣстному масштабу, имѣютъ мало общаго между собою (22—39).

Изслѣдованіе философскаго основанія уголовнаго права заключается

въ критическомъ обзорѣ различныхъ теорій его, безусловныхъ, относительныхъ, смѣшанныхъ и теорій, отвергающихъ наказаніе. Въ разборѣ безусловныхъ теорій встрѣчаются нѣсколько натянутыя положенія. Такъ теорія божескаго воздаянія, по словамъ автора, была идеализаціею частной мести и средневѣковой системы устрашенія, — теоріи Канта и Гегеля, будучи произведеніями метафизики, этого секуляризованнаго богословія нашего времени, суть теоріи кабинетныхъ идеологовъ, теоріи литературныя, а не научныя. Въ частности недостатокъ теоріи Канта полагается въ томъ, что она основываетъ наказаніе на категорическомъ императивѣ ума, какъ бы жаждущемъ наказанія, императивѣ, который требуетъ объясненія и въ сущности есть не что иное, какъ слѣпая потребность мести, названной только идеализированнымъ именемъ. Извѣстно, что такое категорическій императивъ. Это — безусловное требованіе ума, истекающее изъ идеи нравственнаго воздаянія, присущей общечеловѣческому сознанію, хотя на такомъ сознаніи дѣйствительно не можетъ утверждаться наказаніе. Это воздаяніе и по своей мѣрѣ, т. е. степени нравственной вины не имѣетъ никакого подобія мести. Напрасно приписывается Канту и программа уголовной юстиціи, оправдывающая смертную казнь во что бы то ни стало. За нимъ напротивъ та заслуга, что онъ ограничивалъ примѣненіе этой казни немногими случаями. Слабая сторона философіи Гегеля та, что его всеобщая воля есть метафизическое построеніе, что понятіе преступленія, какъ чего-то несуществующаго, ничтожнаго, есть плодъ фантазіи, а названіе преступленія отрицаніемъ этой воли, наказанія-же — отрицаніемъ преступленія — одна игра словъ. Преступленіе по Гегелю есть дѣйствіе не то что несуществующее, а ничтожное, неимѣющее притязанія на дальнѣйшее бытіе, а наказаніе — отрицаніе такого дѣйствія принужденіемъ, обращаемымъ на виновную волю. Съ безусловными теоріями отвергаются относительныя и смѣшанныя по той причинѣ, что онѣ съ забвеніемъ дѣйствительности полагали свою силу въ томъ или другомъ взятомъ a priori положеніи и старались натянуть на него жизнь. Вмѣсто построенія абстрактныхъ системъ наукѣ назначается болѣе скромная роль. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы, если то возможно, подмѣтить истинную, жизненную причину наказанія, уловить общія основанія, побужденія и цѣли, которыми человѣкъ неизмѣнно руководствуется при осуществленіи наказанія. За указанною задачею слѣдуетъ и опытъ ея разрѣшенія. Три побужденія вызвали наказаніе еще при первыхъ зачаткахъ общественной жизни и поддерживаютъ его постоянно до настоящаго времени: стремленіе отмстить или воздать зломъ за зло нарушителю правъ, желаніе оградить себя на будущее время отъ преступленій и возвратить потерянное благо или получить соразмѣрное вознагражденіе. *Разность* состоитъ въ томъ, что съ возникновеніемъ государства наказаніе является реакціею, исходящею отъ общественной власти, мѣрою огражденія общей безопасности и общаго благосостоянія, а равно и въ томъ, что государства въ извѣстное время, по степени цивилизаціи давали одному побужденію болѣе вѣса, чѣмъ другому. Такъ чувство мести и желаніе возвратить потерянное были побужденіями, преобладавшими у человѣка въ безгосударственномъ состояніи. Затѣмъ

изъ побужденія охранить себя на будущее время отъ вреда, проникнутаго вмѣстѣ и чувствомъ мести, родилась теорія устрашенія, остатки которой существуютъ и понынѣ; месть, какъ элементъ устрашенія, поддерживается даже, какъ думаетъ авторъ, нѣкоторыми современными криминалистами, какъ Бернеромъ, хотя послѣдній, принимая за основаніе наказанія воздаяніе, какъ актъ правосудія, далекъ отъ навязываемой ему мысли (40—61). Но предназначенная для науки роль въ вопросѣ объ основаніи наказанія заставляетъ ее вращаться въ слишкомъ тѣсномъ кругу, потому что устраняетъ вовсе отъ участія въ развитіи идеи наказанія. Невозможно осудить ее на неподвижность и лишить свободнаго движенія, ежели дѣйствительная жизнь не представляетъ законченности въ томъ развитіи и не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на задачу. Наука должна быть во главѣ дальнѣйшаго поступленія впередъ. Ея дѣло освѣщать этотъ путь и указывать на нераскрытыя еще стороны идеи.

Преступленіе по учебнику есть нарушеніе закона, установленнаго для огражденія безопасности и благосостоянія гражданъ, нарушеніе юридически вмѣняемое, совершаемое посредствомъ внѣшняго, положительнаго или отрицательнаго дѣйствія, по характеру своему состоящее изъ насилія или обмана или небрежности. Опредѣленіе преступленія, какъ нарушенія закона, ограждающаго безопасность и благосостояніе, не представляетъ достаточной точности, такъ какъ идетъ и къ полицейскимъ проступкамъ, которые должны быть отдѣляемы отъ преступленія. Оно не вполнѣ удовлетворительно и въ другомъ отношеніи. Въ понятіи преступленія должна быть проведена черта, отличающая его отъ правонарушенія гражданскаго. Авторъ находитъ невозможнымъ точное теоретическое разграниченіе между обоими видами *несправедливости*, выраженное общимъ понятіемъ, и не видитъ даже въ немъ крайней необходимости, по той причинѣ, что по отношенію ко многимъ преступленіямъ и не можетъ быть рѣчи о различіи между уголовною и гражданскою неправдою, непримѣнимомъ къ нимъ, и оно имѣетъ значеніе только въ примѣненіи къ преступленіямъ имущественнымъ, схожимъ съ нѣкоторыми видами гражданскихъ нарушеній, хотя, должно сказать, въ такомъ *отдѣленіи* настоитъ и тутъ одинакая необходимость. Вмѣсто строгаго теоретическаго разграниченія предлагается другое, установляемое по отдѣльнымъ преступленіямъ или конкретнымъ случаямъ, по наличности или отсутствію въ нихъ элементовъ, характеризующихъ уголовное преступленіе. Эти элементы суть насиліе, обманъ и небрежность. Указаніе этихъ признаковъ впрочемъ далеко отъ притязанія на точность, а должно лишь служить путеводною нитью. Но, въ такомъ случаѣ, эти признаки, среди разнообразія формъ, въ которыя облекается преступленіе, теряютъ много значенія. Кромѣ того обманъ трудно принять за такую нить потому, что можетъ быть на половину онъ имѣетъ мѣсто въ правонарушеніяхъ гражданскихъ, а между тѣмъ обобщается въ опредѣленіи преступленія и выставляется какъ отличительный его признакъ. Что касается до небрежности, то ее не слѣдовало бы относить къ указаніямъ на уголовный элементъ, такъ какъ неосторожность есть степень вины въ преступленіи, раскрывающаяся уже при изслѣдованіи обстоятельствъ

послѣдняго, которыя позволяютъ отнести дѣйствіе на счетъ неосмотрительности. Остается только насиліе. Предлагаемый способъ отдѣленія преступленія и гражданской неправды по родамъ преступленія кажется поэтому менѣе удовлетворительнымъ въ сравненіи съ тѣми опытами, которые дѣлаются обыкновенно нѣмецкими криминалистами (106—114).

Къ преступленіямъ прилагается трехчленное раздѣленіе противузаконныхъ дѣяній на собственно преступленія, проступки и полицейскія нарушенія. Основаніемъ этого дѣленія принимается внутренняя важность преступленія, т. е. важность нарушенныхъ правъ, преступное настроеніе воли виновнаго, величина причиненнаго вреда, и какъ результаты всего— величина наказанія (119). Такимъ образомъ всѣ противузаконныя дѣянія соединяются въ понятіи преступленія, какъ правонарушенія. Поэтому отвергается двухчленное раздѣленіе незаконныхъ дѣяній на преступленія, какъ правонарушенія и полицейскіе проступки въ смыслѣ безразличныхъ самихъ по себѣ, но опасныхъ и по тому запрещенныхъ дѣйствій, являющихся только нарушеніемъ закона, на томъ основаніи, что каждое правило получаетъ смыслъ только по прямому отношенію его къ охраняемому праву; иначе оно будетъ казаться произволомъ законодателя. Каждый законъ, говорится въ дальнѣйшемъ объясненіи, запрещающій извѣстное дѣйствіе подъ страхомъ наказанія, имѣетъ въ виду установить правило, охраняющее право, и съ другой стороны каждый, одинъ въ большей, другой въ меньшей степени ограждаютъ права, ненарушимое пользованіе которыми создаетъ безопасность и благосостояніе. При этомъ приводятся въ примѣръ два убійства, одно отъ намѣреннаго выстрѣла, другое неосторожное отъ выстрѣла въ запрещенномъ мѣстѣ. Выстрѣлъ вообще есть дѣйствіе незапрещенное, но по причинѣ возможности убійства онъ запрещается: а) въ *видѣ* выстрѣла прямо съ цѣлію убійства и b) выстрѣла, хотя безъ намѣренія убить, но такого, который можетъ убить и дѣйствительно производитъ большее или меньшее число убійствъ. Оба выстрѣла запрещаются по одному мотиву. Разность между ними состоитъ только въ различномъ отношеніи воли, и въ результатѣ, такъ какъ выстрѣлъ послѣдняго рода даетъ несравненно меньшее число убійствъ и менѣе опасенъ. Такъ приравниваются къ преступленіямъ проступки. Правда, въ приведенномъ примѣрѣ нарушеніе запрещенія, внушеннаго одною возможностію преступленія, сопровождается дѣйствительно преступленіемъ, неосторожнымъ. Но изъ того не слѣдуетъ, что проступки можно относить къ преступленію. Сами по себѣ проступки останавливаются на одной возможности преступленія. Такого рода нарушенія не могутъ сливаться съ преступленіями по отсутствію въ нихъ правонарушенія! Поэтому теорія и законодательства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, устанавливаютъ строгое различіе между ними. Если постановленія о проступкахъ и не состоятъ въ прямомъ отношенія къ охраняемому праву,— это не измѣняетъ сущности дѣла. Нѣтъ и причины считать такія правила произвольными въ виду мотива запрещенія, т. е. устраненія возможности ;правонарушеній. Трудно допустить и указанную выше разность въ результатѣ, которою неосторожное дѣяніе отличается отъ намѣренно-преступнаго, — ту, что отъ неосторожности происходитъ менѣе преступленій, чѣмъ отъ умысла (121).

Послѣ раздѣленія преступленія опредѣляются его общіе признаки: a) субъектъ преступленія, b) объектъ, c) отношеніе воли къ преступленію, d) дѣйствіе и его послѣдствіе. Относительно объекта преступленія авторъ того образа мыслей, что изъ круга преступныхъ дѣяній должны быть выдѣлены посягательства, обращенныя на религію, на томъ основаніи, что они не содержатъ въ себѣ правонарушенія. Неоспоримо то, что правонарушеніе составляетъ характерный признакъ преступленія, но только вообще помимо нѣкоторыхъ изъятій изъ правила. Они должны быть допущены въ пользу нравственности и религіи, въ которыхъ заинтересовано само государство, находя въ нихъ опору гражданскаго порядка. Этотъ общественный интересъ даже придаетъ нравственности и религіи въ извѣстной долѣ, по мѣрѣ охраненія ихъ государствомъ, типъ права. Эту истину признаютъ криминалисты и законодательства (143). Въ ученіи объ объектахъ преступленія затрогивается и вопросъ о вліяніи согласія на нарушеніе со стороны лица, обладающаго тѣми или другими правами. По отношенію къ имущественнымъ правамъ онъ рѣшается такъ, что согласіе вполнѣ уничтожаетъ преступность нарушенія. Такое согласіе не всегда однако же можетъ быть позволительнымъ, смотря по тому, идетъ ли дѣло объ отказѣ отъ собственности въ субстанціи, какъ существенномъ аттрибутѣ личности, или объ отдѣльныхъ проявленіяхъ этого права; въ первомъ случаѣ онъ недѣйствителенъ, въ послѣднемъ же возможенъ (153).

Воля, условливающая преступленіе, не опредѣляется. Мѣсто опредѣленія заступаетъ описаніе нормальныхъ состояній воли. Такъ подъ волею разумѣется воля нормальнаго человѣка, достигшаго извѣстнаго физическаго и нравственнаго развитія и не страдающаго какимъ нибудь разстройствомъ умственныхъ способностей. Далѣе воля должна быть своею волею субъекта, совершающаго преступное дѣяніе, а не навязанною ему принужденіемъ со стороны другаго или давленіемъ внѣшнихъ, неотвратимыхъ обстоятельствъ (160—161). Послѣдне-приведенное условіе нормальной дѣятельности воли заставляетъ коснуться ближе ея существа. Отъ признанія у человѣка этой способности находятся въ самой тѣсной зависимости и мораль и право, на ней утверждается вина и отвѣтственность. Что же должно понимать подъ волею? Безспорно то, что воля и свобода суть понятія тождественныя. Свобода можетъ состоять только въ полной власти человѣка отрѣшаться отъ дѣйствующихъ на него побужденій, какъ бы ни были они сильны, и ставить себя выше ихъ. Отрицать у него силу борьбы и возможность подавленія этихъ побужденій, значило бы отрицать свободу и вмѣстѣ волю и подчинить его закону необходимости. Если человѣкъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ принужденія со стороны другаго или подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, все же онъ дѣйствуетъ по своей собственной волѣ. Такимъ образомъ принужденной воли быть не можетъ, и потому нельзя требовать условія, чтобы воля въ ея нормальномъ состояніи оставалась свободною отъ всякаго принужденія.

Участіе воли является въ видѣ умысла и неосторожности. Неосторожными называются тѣ преступленія, которыя являются послѣдствіями дѣйствій, хотя предпринятыхъ не съ умысломъ именно произвести тѣ

послѣдствія, однако же такихъ, которыя съ большею или меньшею вѣроятностію могли вообще ихъ произвесть. Вѣроятность эта бываетъ просмотрѣна дѣйствующимъ субъектомъ (177). Подъ такое понятіе неосторожности не подходитъ другой ея видъ, такъ называемая сознательная неосторожность, гдѣ есть предвидѣніе послѣдствія (187). При опредѣленіи умысла отказывается во всякомъ значеніи установляемому новѣйшими нѣмецкими криминалистами различію между намѣреніемъ и умысломъ съ цѣлію болѣе тонкаго анализа понятія, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что такое различіе не только не способствуетъ болѣе глубокому уразумѣнію умысла, а вводитъ только путаницу въ понятіе и заставляетъ искать чего-то особеннаго тамъ, гдѣ его нѣтъ. Между тѣмъ это различіе оправдывается существомъ дѣла. Словами „намѣреніе и умыслъ“ современная наука хочетъ обозначать конкретную форму, въ которой является мысль и воля въ дѣяніи (191). Извѣстно, что преходящее заблужденіе не уничтожаетъ существующаго умысла. Положеніе это признается и въ учебникѣ, но рядомъ съ нимъ въ этомъ отношеніи поставляются случаи, когда преступное дѣяніе, намѣренно направленное субъектомъ на одинъ предметъ, поражаетъ по стеченію независимыхъ отъ субъекта обстоятельствъ другое лице или другую вещь. Это aberratio ictus (отклоненіе исхода), разсматриваемое поэтому какъ случайность. Но о случайномъ, какъ событіи, не имѣющемъ никакой связи съ волею и умысломъ, нечего и говорить. Если объ отклоненіи и можетъ быть здѣсь рѣчь, то также въ качествѣ фактическаго заблужденія, котораго дѣйствующему можно было избѣжать, при чемъ оно перестаетъ уже быть случайнымъ. Тогда иначе долженъ быть и рѣшенъ вопросъ о свойствѣ отвѣтственности за умышленныя преступленія, совершенныя при такомъ отклоненіи. Но и свойство отвѣтственности, опредѣленное за умышленныя преступленія, гдѣ замѣшивается заблужденіе, наводитъ на возраженія. Если въ преступленіи, задуманномъ противъ объекта, особыя качества котораго придаютъ ему болѣе тяжкій видъ, и выполненномъ надъ объектомъ, неимѣющимъ такихъ свойствъ, задуманное при aberratio ictus является только покушеніемъ и должно вліять на наказательность, то непонятно, почему при заблужденіи или ошибкѣ въ выборѣ объекта не принимается такое же покушеніе, которое слѣдовало бы поставить на счетъ дѣйствующаго. Затѣмъ, когда преступленіе, задумано надъ объектомъ, не имѣющимъ спеціальныхъ свойствъ, которыя бы увеличивали тяжесть преступленія, а совершено надъ другимъ, спеціальныя отношенія котораго къ субъекту установляютъ болѣе тяжкую наказуемость, оставлено безъ разъясненія, какое вліяніе имѣетъ здѣсь ошибка.

Послѣ умысла и неосторожности дѣлается переходъ къ состояніямъ невмѣняемости. Сначала разбираются причины невмѣняемости, лежащія внѣ человѣка. Сюда относится, во первыхъ, состояніе крайней необходимости на томъ основаніи, что находящійся въ подобномъ положеніи человѣкъ лишенъ самоопредѣленія и потому не подлежитъ наказанію за нарушенія, дѣлаемыя для спасенія своихъ правъ. Такія нарушенія извиняются. Но если, согласно съ установленною выше авторомъ точкою зрѣнія на волю, при дѣйствіяхъ человѣка въ крайнемъ положеніи нѣтъ

вмѣняемости и не существуетъ преступленія, то неизвѣстно, почему такія дѣйствія считаются извинительными. Сомнѣніе усиливается высказываемымъ далѣе положеніемъ, что нарушенія, порождаемыя крайнею необходимостію, признаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только извинительными, но и дозволенными, такъ, что существуетъ право нужды (Nothrecht), обращающее ихъ въ дѣянія, справедливыя или законныя (201, 203). Состояніе крайней необходимости выходитъ по учебнику далеко за предѣлы, полагаемые для него многими криминалистами, распространяется и на столкновеніе равныхъ правъ. Правда на его сторонѣ законодательства, но ближе къ истинѣ тотъ теоретическій взглядъ, который ограничиваетъ это состояніе коллизіею правъ неравныхъ и угрожающею притомъ опасностію жизни и здоровью, а не всѣмъ вообще правамъ (204). Физическое принужденіе и угроза отстоятъ такъ далеко отъ крайней необходимости, что не могутъ считаться ея разновидностію (202, 209). Конечно, всѣ эти состоянія похожи одно на другое тѣмъ, что въ нихъ есть извѣстное принужденіе, но между ними есть существенная разность. При физическомъ принужденіи и угрозѣ нѣтъ столкновенія правъ, которое составляетъ характерную черту крайняго положенія. При томъ принужденіе физическое исключаетъ всякую волю и есть одинъ изъ видовъ случая. Къ внѣшнимъ причинамъ невмѣняемости причисляется и необходимая оборона. Основаніе ея полагается въ естественномъ, неотъемлемо принадлежащемъ человѣку общемъ правѣ самозащиты отъ всякой угрожающей его законному благосостоянію опасности, и между прочимъ отъ преступныхъ нападеній. По этому и зло, дѣлаемое другому для отвращенія нападенія, не можетъ быть вмѣняемо въ вину. Оборона не можетъ быть однакожъ названа состояніемъ невмѣняемымъ потому, что при ней нѣтъ никакого принужденія, заставляющаго дѣйствовать не своею волею. Далѣе—изъ приведеннаго основанія, т. е. прирожденности права, не слѣдуетъ одна извинительность обороны. Дѣлаемыя при самозащищеніи нарушенія, судя по дальнѣйшимъ объясненіямъ, представляются даже болѣе, чѣмъ извинительными. Если государственная власть, оказывающая защиту всѣмъ, не отнимаетъ у отдѣльнаго лица права самозащиты, когда сама не можетъ подать помощи, то въ такомъ случаѣ послѣдствія обороны становятся прямо справедливыми и законными (214). Положеніе, что для обороны излишне требовать условія невозможности получить помощь отъ государственной власти, такъ какъ право вообще независимо отъ авторитета власти, и защита его составляетъ неотъемлемую принадлежность обладателя помимо дозволенія власти, — не соотвѣтствуетъ тому, что сказано объ этой власти выше. Что касается до аргумента — независимости права отъ авторитета власти, то можно замѣтить, что, живя въ государственномъ союзѣ, человѣкъ состоитъ подъ управленіемъ положительнаго закона, какъ дѣйствительнаго права. Указаніе на обще-германское уложеніе, не упоминающее объ этомъ условіи и ,очевидно будто бы составленное подъ вліяніемъ новѣйшей теоріи, которая не считаетъ цѣлесообразнымъ ограничивать такъ оборону, указаніе это не убѣждаетъ, потому что условіе подразумѣвается само собою и даже прямо выводится изъ текста закона комментаторами уложенія (221). Подъ понятіе необходимой обо-

роны ни въ какомъ случаѣ, хотя бы въ видѣ исключенія, не можетъ быть подведена защита отъ животныхъ по отсутствію отношеній, предполагаемыхъ обороною (212). Къ состояніямъ невмѣняемости, происходящимъ отъ причинъ, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ, относятся и аффекты, т. е. сильныя движенія чувства, разстроивающія болѣе или менѣе равновѣсіе душевной дѣятельности, когда достигая высшей степени силы они затемняютъ разсудокъ и уничтожаютъ самоопредѣленіе. Эту невмѣняемость не должно однако допускать безусловно. Всякому извѣстно по опыту, что душевныя волненія, возрастая, могутъ иногда довести до опасныхъ послѣдствій, и на каждомъ лежитъ обязанность сдерживать ихъ силою воли. Кто находясь въ состояніи аффекта не удержалъ себя вô-время, тотъ, кромѣ случая, когда аффектъ возникаетъ внезапно, долженъ и нести отвѣтственность за неосторожность. (260).

Въ ученіи о покушеніи на преступленіе по примѣру большинства криминалистовъ отъ покушенія отдѣляются дѣйствія приготовительныя, но съ признаніемъ ненаказуемости ихъ, авторъ дѣлаетъ противныя справедливости исключенія въ пользу особенно опасныхъ дѣйствій и оставляетъ правило только для преступленій, относительно менѣе важныхъ. Къ наказуемымъ приготовительнымъ дѣйствіямъ впрочемъ не могутъ быть отнесены угрозы (285—287). За тѣмъ онъ, дѣлая безъ достаточныхъ основаній изъ оконченнаго покушенія особую форму преступности, называетъ покушеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ одно неоконченное покушеніе и дѣлаетъ несовсѣмъ точное опредѣленіе, разумѣя подъ нимъ начало выполненія преступленія, т. е. совершеніе такихъ дѣйствій, которыя входятъ въ составъ самого преступленія. Выполненіе преступленія происходитъ посредствомъ болѣе или менѣе длиннаго ряда дѣйствій, изъ которыхъ каждое въ соединеніи съ другими осуществляетъ намѣреніе; однако не всякое изъ нихъ принадлежитъ къ составу преступленія. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ неоконченнаго покушенія считается и очевидная связь между совершеннымъ дѣйствіемъ и тѣмъ послѣдствіемъ, которое хотѣлъ произвесть дѣйствующій. Но существованіе такой связи сомнительно, потому что одной, абстрактной возможности ея недостаточно, а о конкретной связи не можетъ быть рѣчи до совершенія преступленія. Не менѣе сомнителенъ и другой признакъ, именно частичное осуществленіе умысла. Положеніе, что въ покушеніи должна обнаруживаться часть признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, требуетъ доказательства (288). Видъ неоконченнаго покушенія составляетъ покушеніе, добровольно оставленное. Понятіе его съ одной стороны расширяется далѣе тѣхъ предѣловъ, которые обыкновенно устанавливаются наукою и законодательствами, съ другой же для него требуется слишкомъ мало условій. Для такого покушенія признается достаточнымъ, чтобы начатая дѣятельность была прервана субъектомъ безъ внѣшнихъ признаковъ принужденія. Такъ и при остановкѣ преступнаго дѣянія отъ невозможности совершать преступленіе, покушеніе должно считать оставленнымъ добровольно, какъ будто на то есть добрая воля дѣйствующаго. Для безнаказанности недостаточно одного добровольнаго отступленія отъ предпринятой дѣятельности. Съ нимъ непремѣнно должно соединяться и уничтоженіе всѣхъ слѣдовъ такой дѣятельности

для того, чтобы она безъ вѣдома и противъ воли субъекта не могла произвесть задуманное преступленіе въ соединеніи съ другими, могущими случайно присоединиться къ ней силами (291). Что касается до покушенія оконченнаго, то въ понятіи его тотъ недостатокъ, что объективный и субъективный взгляды на то, что сдѣлано все необходимое для произведенія преступнаго послѣдствія, соединены вмѣстѣ, тогда какъ они несовмѣстимы (293). Противъ приводимаго основанія меньшей наказуемости покушенія сравнительно съ совершившимся преступленіемъ, именно меньшей степени матеріальнаго вреда, даже полнаго отсутствія его (292, 295), должно замѣтить, что не всѣ преступленія соединяются съ матеріальнымъ вредомъ. Видомъ оконченнаго покушенія считается и преступленіе, неудавшееся по негодности объекта и употребленныхъ средствъ. Такое приравненіе невѣрно, такъ какъ между обоими понятіями нѣтъ соотвѣтственности, и негодное покушеніе можетъ быть оконченнымъ (296). Безнаказанность покушенія надъ негоднымъ предметомъ мотивирована слабо. Дѣлающій такое покушеніе имѣетъ столь же серьезное намѣреніе, какъ и другой. Если отъ подобнаго дѣйствія не происходитъ объективной опасности, то остается равносильная съ нею по свойству намѣренія опасность субъективная. Относительно покушенія съ абсолютно негодными средствами изъ общаго правила о безнаказанности ихъ дѣлается опять нераціональное исключеніе для тяжкихъ преступленій (299).

Въ ученіи объ участіи въ преступленіи, которое можетъ быть сведено къ двумъ кореннымъ формамъ — виновничеству и пособничеству, являющихся въ различныхъ видахъ и сочетаніяхъ, наука съ давняго времени занимается основнымъ вопросомъ о понятіи виновничества. Относительно этого предмета, какъ извѣстно, существуютъ два противуположныя воззрѣнія, — объективное, по которому понятія виновника и пособника опредѣляются по роду ихъ внѣшняго дѣйствія и субъективное, по которому при разграниченіи этихъ понятій берется во вниманіе не то, что дѣлаетъ тотъ или другой участникъ, а свойство ихъ намѣренія. Благодаря новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ, которыя стремились къ тому, чтобы по возможности сблизить эти взгляды, понятія виновничества и пособничества достаточно выяснились. Виновничествомъ по учебнику называется видъ участія въ преступленіи, который состоитъ въ непосредственномъ или посредственномъ, умышленномъ воспроизведеніи дѣйствій, входящихъ въ составъ преступленія, а пособничествомъ такое участіе, которое проявляется только въ содѣйствіи преступленію совершеніемъ дѣйствій, невходящихъ въ его матеріальный составъ (305, 322). Эти понятія дополняются тѣмъ, что виновникъ и въ субъективномъ отношеніи воспроизводитъ составъ преступленія, тогда какъ пособникъ не замышляетъ самъ преступленія, а своими совѣтами лишь укрѣпляетъ сложившуюся рѣшимость виновника или играетъ роль разъяснителя и укрѣпителя преступнаго намѣренія (323). Подобная роль выходитъ однако изъ предѣловъ субъективности и является такою же объективною дѣятельностію, какъ и другое содѣйствіе. Обстоятельство же, что одинъ изъ участниковъ самъ задумываетъ преступленіе, а другой — нѣтъ, имѣя въ виду одну помощь, само по себѣ не имѣетъ зна-

ченія. Такимъ образомъ вопросъ о виновничествѣ и пособничествѣ рѣшается съ объективной, уже оставленной точки зрѣнія. Ко всему сказанному слѣдуетъ присовокупить и то, что подъ понятіе виновничества, какъ посредственнаго или непосредственнаго воспроизведенія дѣйствій, входящихъ въ составъ преступленія, не можетъ быть подведено виновничество интеллектуальное, потому что подстрекатель устраняетъ себя вовсе отъ всякаго матеріальнаго участія въ преступленіи, а если возбуждаетъ въ другомъ рѣшимость, то она бываетъ дѣломъ самого исполнителя; подстрекатель не пользуется физическимъ виновникомъ, какъ простымъ орудіемъ, иначе послѣдній оставался бы безотвѣтственнымъ. За тѣмъ это понятіе виновничества, которое должно быть общимъ, непримѣнимо къ виновничеству неосторожному. Наконецъ опредѣленіе виновника, какъ совершающаго главный актъ преступленія, не удовлетворяетъ и по той причинѣ, что виновники нерѣдко не совершаютъ главнаго дѣйствія, какъ это можетъ быть при участіи въ преступленіи безъ предварительнаго соглашенія. При разборѣ различной классификаціи отдѣльныхъ видовъ участія, дѣлаемой новѣйшими кодексами, вкралась и та ошибка, что по нашему законодательству въ участіи по предварительному соглашенію различаются главные виновники и участники, а въ участіи безъ такого соглашенія зачинщики, сообщники и подстрекатели съ пропускомъ пособниковъ (304). Для интеллектуальнаго виновничества безспорно необходима свободная рѣшимость подстрекнутаго на преступленіе, и если ея нѣтъ, то подстрекатель обращается въ обыкновеннаго физическаго виновника. Но это непримѣнимо къ тому случаю, когда преступленіе бываетъ сдѣлано вслѣдствіе приказанія, даннаго по службѣ, и совершившій его обязанъ повиновеніемъ. Разумѣется, что послѣдній при обязанности слѣпаго повиновенія освобождается отъ отвѣтственности, но у него невозможно отвергать самоопредѣленія, и нѣтъ основанія признавать приказавшаго физическимъ виновникомъ (310). Подстрекательство, взятое само въ себѣ, въ учебникѣ разсматривается различно, смотря по тому, бываетъ ли оно удавшимся или нѣтъ. Подстрекательство, вызвавшее преступную рѣшимость, есть приготовленіе къ преступленію, состоящее въ пріобрѣтеніи нужнаго орудія и ненаказуемое кромѣ особенно важныхъ случаевъ, а оставшееся безъ послѣдствій является покушеніемъ на приготовленіе. Надобно много насиловать мысль, чтобы приравнять поддавшагося чужому вліянію къ обыкновенному, слѣпому орудію, которымъ запасается умыслившій преступленіе. Столь же неудачно и приложеніе къ приготовленію понятія покушенія. Что касается до подстрекательства, добровольно оставленнаго, то въ случаѣ принятія подстрекателемъ рѣшительныхъ и вѣрныхъ мѣръ къ воспрепятствованію совершенія преступленія нѣтъ причины вмѣнять ему оное въ неосторожную вину, если бы взятыя имъ мѣры не привели къ цѣли.

Понятіе матеріальнаго стеченія преступленій опредѣлено не вполнѣ вѣрно въ томъ отношеніи, что стекающіяся и произведенныя отдѣльными, самостоятельными дѣйствіями преступленія, могутъ быть совершены и одновременно, тогда какъ они совершаются только въ послѣдовательномъ порядкѣ, именно по отдѣльности тѣхъ дѣйствій (307).

Кромѣ того подъ стеченіе не подходитъ продолженіе преступленія. Если, не смотря на болѣе или менѣе длинный рядъ преступныхъ актовъ, всѣ они, при единствѣ рѣшимости, составляютъ одно цѣлое или одно преступленіе, то оно естественно должно быть выдѣлено изъ стеченія. Изъ того, что о продолжающемся преступленіи не упоминается въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ кодексахъ, опять не слѣдуетъ заключать, что оно чуждо имъ.

Обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину, по учебнику покоятся на общихъ основаніяхъ вмѣненія, въ сущности суть только дополненіе къ ученію о вмѣненіи и безъ всякаго дополненія могутъ быть отнесены къ продолженію анализа преступленія (347). Однакоже въ наукѣ ученіе это обыкновенно занимаетъ особое мѣсто въ ряду правилъ о примѣненіи уголовнаго закона къ преступленію, именно объ измѣреніи величины преступленія и наказанія. Причина та, что понятіе вмѣненія ограничивается болѣе тѣсными предѣлами, сравнительно съ тѣми, которые придаются ему здѣсь. Въ понятіи дѣянія, какъ движенія воли во внѣшнемъ мірѣ, содержится и понятіе вмѣненія, т. е. отнесеніе результата дѣянія на счетъ воли или признаніе связи между послѣдствіемъ и волею. Вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣненіе не должно выходить за предѣлы самаго понятія дѣянія съ его существенными элементами. Другими словами вмѣненіе или сужденіе объ извѣстномъ дѣяніи должно ограничиваться признаніемъ связи между послѣдствіемъ и волею, или признаніемъ вины. Конечно, вмѣненіе въ вину содержитъ и приговоръ о степеняхъ ея, но только по тѣмъ общимъ постепенностямъ дѣянія, которыя представляются съ субъективной и объективной стороны, или по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ могутъ состоять тотъ и другой элементъ дѣянія. Что касается до обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, которыя выдѣляются изъ понятія вмѣненія, то они признаются только видоизмѣненіями вины по степени силы преступной воли. Въ изложеніи предмета замѣтенъ еще важный пробѣлъ. Задавшись исключительно перечисленіемъ обстоятельствъ, вліяющихъ на вину, по современнымъ уложеніямъ, авторъ упустилъ изъ вида установить руководящее правило, что вообще должно служить основаніемъ къ увеличенію и уменьшенію наказанія,—начало, по которому можно было бы провѣрить, оцѣнить по достоинству постановленія законодательствъ. Равнымъ образомъ онъ не опредѣлилъ, въ чемъ состоитъ разность по существу между обстоятельствами уменьшающими и смягчающими вину и что нужно относить къ послѣднимъ.

Въ концѣ общаго ученія о преступленіи излагаются основанія, погашающія наказуемость, къ которымъ принадлежитъ и давность. Относительно времени, съ котораго должно считать давность, установляется правило, что въ преступленіяхъ простыхъ оно начинается съ послѣдняго дѣйствія, отъ котораго произошло преступное послѣдствіе, хотя лучше было бы принимать за начало ея наступленіе послѣдствія, которымъ завершается преступное дѣяніе. Нельзя обойти и другое положеніе, по которому, ежели при продолжающихся преступленіяхъ изъ цѣлаго ряда однородныхъ преступленій одни погашаются давностію, а другія или хотя бы одни нѣтъ, то погашенныя, даже всѣ, за исключе-

ніемъ одного, должны быть изъяты отъ разсмотрѣнія и что такимъ образомъ давность можетъ превратить продолжающееся преступленіе въ простое. Напротивъ, ежели всѣ отдѣльные преступные акты, связанные между собою однимъ намѣреніемъ, не составляютъ отдѣльныхъ преступленій, а являются частями одного цѣлаго, т. е. продолжающагося преступленія, то они и не могутъ погашаться давностію каждое особо (373). Большинство криминалистовъ и законодательствъ требуютъ, чтобы давность проходила, не прерываясь въ своемъ теченіи слѣдственными и судебными дѣйствіями, предпринятыми для преслѣдованія виновнаго. Въ учебникѣ отвергается такое условіе по той причинѣ, что предпріятіе слѣдственныхъ дѣйствій въ теченіи давностнаго срока нисколько не исключаетъ ни вѣроятности исчезновенія доказательствъ, ни полнаго забвенія преступленія со стороны общества, ни полнаго отсутствія общественнаго интереса въ наказаніи забытаго преступленія, ни неизбѣжности перемѣнъ въ самомъ виновномъ. Словомъ — слѣдственныя дѣйствія, предпринимаемыя отъ времени до времени къ раскрытію преступленія нисколько не уничтожаютъ тѣхъ реальныхъ основаній, на которыхъ покоятся давность вообще, слѣдовательно они не могутъ служить поводомъ къ перерыву давности. Такого рода соображенія впрочемъ не настолько сильны, чтобы поколебать установившійся взглядъ. Открытіе слѣдственныхъ дѣйствій разрушаетъ все, что умѣло сдѣлать время въ пользу виновнаго. Оно оживляетъ воспоминаніе о преступленіи и пробуждаетъ общественные интересы, видимые въ наказаніи его, и потому колеблетъ весь фундаментъ давности, который слагается не изъ каждаго изъ указанныхъ основаній въ отдѣльности, а изъ всѣхъ въ совокупности (369). Потерю можетъ исправить только истеченіе новаго срока давности. Тоже надобно сказать и о совершеніи виновнымъ въ давностный срокъ другаго преступленія, которое свидѣтельствуетъ о прежнемъ настроеніи его.

Учебникъ заключается изслѣдованіями, касающимися основанія наказанія и отдѣльныхъ видовъ его. При опредѣленіи основанія наказанія, нѣсколько подробнѣе развиваются главныя положенія, высказанныя въ началѣ сочиненія. Согласно съ мыслію о томъ, что этого основанія должно искать не въ отвлеченномъ мышленіи, а въ дѣйствительной жизни, въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководились народы въ теченіи различныхъ періодовъ исторіи, основаніе или конечная цѣль наказанія была и есть одна и таже, — самосохраненіе, хотя способы достиженія этой цѣли или иначе ближайшія цѣли наказанія мѣнялись по временамъ. Такъ, въ уголовномъ правѣ первой формаціи ближайшею цѣлію наказанія была месть, а за нею выкупъ. Затѣмъ съ образованіемъ государствъ и укрѣпленіемъ общественной власти, которая присвоила себѣ исключительно право наказанія, ближайшею цѣлію его было устрашеніе, причемъ брались въ соображеніе и другія ближайшія и отдаленныя цѣли. Но періодъ господства устрашенія, длившійся до конца XVIII столѣтія, былъ продолженіемъ той же звѣрской мести, которою платилъ первобытный, догосударственный человѣкъ, только систематизированной и утонченной. Съ конца XVIII стол. принципъ устрашенія значительно ослабѣваетъ, и къ наказанію примыкаетъ мысль объ исправленіи пре-

ступника. Къ сожалѣнію на этотъ новый періодъ уголовнаго права пролито мало свѣта. Если ближайшія цѣли наказанія получаютъ истинное практическое значеніе потому, что служатъ способомъ достиженія конечной цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ мѣру наказанія, слѣдовало бы выяснить, какими опредѣленными цѣлями задаются современныя законодательства, въ какомъ отношеніи между собою состоятъ эти цѣли и какъ вліяютъ на наказаніе. Такой недостатокъ лишаетъ проводимую теорію надлежащей полноты и законченности. Съ этою, какъ и всякою другою относительною теоріею не гармонируетъ приданное наказанію свойство, что оно есть прямое послѣдствіе преступленія, такъ какъ по ея основному принципу причина наказанія должна лежать не въ прошедшемъ, а въ будущемъ времени.

А. Палюмбецкій.

(Профессоръ Имп. Университета Св. Владиміра).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Zum dreihundertjährigen Jubiläum der evangelisch-lutherischen St. Michaelis-Gemeinde zusammengestellt von *A. W. Fechner* (Лѣтопись евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ, соч. *Фехнера*). X и 517, IV и 750 стр. въ Москвѣ у Дейбнера, 1876.

Исторія протестантовъ въ Россіи уже не разъ служила предметомъ историческихъ изысканій. Такъ, напр. бывшій преподаватель латинскаго языка при Петропавловской гимназіи А. Леммерихъ составилъ въ 1862-мъ году въ двухъ томахъ „Исторію евангелическо-лютеранскаго прихода Св. Петра въ Петербургѣ"; въ томъ же году пасторомъ Г. Дальтономъ была написана „Исторія реформатской церкви въ Россіи" (Гота 1862) и пр.—Нынѣ изданная пасторомъ Фехнеромъ въ Москвѣ „Лѣтопись евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ" заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ не только для исторіи протестантовъ, но и для исторіи иностранцевъ въ Россіи вообще. Авторъ съ изумительнымъ прилежаніемъ собралъ изъ разныхъ источниковъ множество данныхъ, относящихся къ этому предмету, и сгруппировалъ всѣ эти данныя въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ заглавіе труда „Лѣтопись и пр." вполнѣ соотвѣтствуетъ формѣ книги.

Нельзя отрицать, что такой способъ изложенія весьма богатаго матеріала заключалъ въ себѣ для автора то значительное удобство, что разработка собранныхъ данныхъ въ такомъ видѣ не представляла особенныхъ затрудненій. Авторъ ограничился сопровожденіемъ своихъ выписокъ разными критическими замѣчаніями подъ страницами. Самые эксцерпты же сообщаются въ сыромъ видѣ. Отъ настоящей разработки матеріала авторъ, какъ видно изъ предисловія, отказывается, замѣчая, что для превращенія всего матеріала въ связный разсказъ, ему недоставало времени.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Фехнеръ избралъ именно эту форму для составленія своей книги, въ настоящемъ видѣ не заслуживающей названія книги. Какъ видно изъ критическихъ, иногда весьма обширныхъ и подробныхъ, замѣтокъ автора по поводу разныхъ спорныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ текстѣ, онъ былъ бы вполнѣ въ со-

стоянии заняться разработкою предмета, создать настоящій историческі трудъ, написать монографію. Чрезъ это выигралъ бы трудъ г-на Фехнера и тѣмъ, что вмѣсто двухъ большихъ томовъ весь матеріалъ въ разработанномъ видѣ безъ сомнѣнія помѣстился бы въ одномъ томѣ меньшаго объема.

Главная заслуга изданія заключается въ полнотѣ собраннаго матеріала. Начитанность автора замѣчательна. Онъ принимаетъ въ соображеніе самые разнообразные источники, ему извѣстны всевозможныя брошюры, отчасти составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость; множество статей, напечатанныхъ въ разныхъ издававшихся когда-то русскихъ журналахъ, не ускользнуло отъ его вниманія. Въ рѣдкихъ случаяхъ, писатели не-спеціалисты, собирая историческій матеріалъ, отличаются такою добросовѣстностью, такимъ знаніемъ дѣла, такою полнотою свѣдѣній.

Къ тому же авторъ сдѣлалъ болѣе тѣмъ обѣщано читателю заглавіемъ труда. Въ сочиненіи г-на Фехнера мы не только находимъ данныя для исторіи протестантскихъ церквей: тутъ собрана огромная масса данныхъ объ иностранцахъ всѣхъ исповѣданій, находившихся въ Московскомъ государствѣ начиная съ XVI-го вѣка. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе именно для эпохи преобразованія имѣетъ находившаяся у самыхъ стѣнъ Москвы такъ называемая нѣмецкая слобода. Первый томъ труда г-на Фехнера заключаетъ въ себѣ обильный матеріалъ для исторіи этой нѣмецкой слободы. Ищущіе свѣдѣній о разныхъ иностранцахъ, находившихся въ Россіи, объ аптекаряхъ и врачахъ, объ офицерахъ и инженерахъ, о ремесленникахъ, художникахъ и купцахъ, въ весьма многихъ случаяхъ, найдутъ разныя данныя въ сочиненіи г-на Фехнера. Чрезвычайно нагляднымъ пособіемъ при изученіи топографіи Москвы XVII-го вѣка служитъ приложенный къ первому тому небольшой планъ древней столицы, при помощи котораго можно сравнить Москву XVII-го вѣка съ нынѣшнею.

Настоящей „лѣтописи“ предпосылается на двадцати страницахъ краткое „введеніе“, въ которомъ излагается исторія Россіи до XVI-го вѣка. И изъ этого введенія, какъ изъ изслѣдованія разныхъ спорныхъ вопросовъ въ замѣчаніяхъ, видно, что авторъ могъ бы быть не только собирателемъ данныхъ, но и настоящимъ историческимъ писателемъ. Весьма дѣльны напр. замѣчанія автора по поводу вопроса, была ли построена по иниціативѣ шведскаго принца Густава протестантская церковь или нѣтъ (I, 126 и слѣд.) или по поводу вопроса о существованіи въ Кремлѣ протестантской церкви въ 1606-мъ году (I, 165 и сл.). Весьма важны, какъ матеріалы для исторіи культуры въ Россіи, такія приложенія, какова напр. статья объ аптекахъ при Петрѣ Великомъ (II, 227 и слѣд.). Богатство таковыхъ данныхъ, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи г-на Фехнера, можно сравнить съ прекраснымъ матеріаломъ, сообщеннымъ Рихтеромъ въ его капитальномъ трудѣ „Исторія медицины въ Россіи“.

Впрочемъ два тома изданія г-на Фехнера намъ кажутся разнокалиберными. Они характеромъ и содержаніемъ отличаются другъ отъ друга. Первый томъ, обнимающій исторію протестантскихъ общинъ до 1761-го

года, имѣетъ гораздо болѣе общій историческій интересъ, нежели второй, имѣющій большее значеніе лишь для болѣе тѣсныхъ круговъ протестантовъ въ Москвѣ. Развѣ только еще нѣкоторыя данныя, относящіяся къ исторіи 1812-го года, во второмъ томѣ достойны вниманія занимающихся исторіею Россіи вообще. Подробности исторіи протестантскихъ церквей въ XIX-мъ столѣтіи въ томъ видѣ, въ какомъ они сообщаются во второмъ томѣ, едва ли особенно часто будутъ служить источникомъ для изслѣдователей. Первый томъ, въ особенности въ той части, которая относится къ эпохѣ до 1700-го года, долженъ считаться важнымъ пособіемъ при разработкѣ культурной исторіи Россіи, въ которой именно въ то время играли весьма важную роль представители западной Европы. Не даромъ семнадцатый вѣкъ особенно изобилуетъ записками иностранцевъ о Россіи. При богатствѣ таковаго матеріала у г-на Фехнера „лѣтопись“ XVII-го вѣка занимаетъ болѣе мѣста нежели XVIII-й вѣкъ. Весьма любопытны напр. въ исторіи до 1700-го года разныя замѣтки объ англичанахъ, находившихся въ Россіи, хотя онѣ, собственно говоря, не относятся къ темѣ книги; далѣе, разныя данныя объ отношеніяхъ московскихъ лютеранъ въ герцогу Эрнсту Кобургскому, сообщеніе разныхъ отзывовъ иностранцевъ о Россіи (I, 324), характеристическихъ фактовъ, обнаруживающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно низкую степень нравственности въ кружкахъ иностранцевъ, находившихся въ Россіи, разныя данныя о взятыхъ въ плѣнъ при Петрѣ Великомъ шведахъ и пр.

Уже въ первомъ томѣ, выписки изъ источниковъ, сообщеніе нѣкоторыхъ документовъ *in extenso*, мы думаемъ, оказывается лишнимъ. Многое можно было сообщить въ сокращенномъ видѣ, въ извлеченіи. Всѣ мелочи разныхъ раздоровъ среди лютеранскихъ общинъ едва ли заслуживаютъ того вниманія, котораго онѣ удостоены въ сочиненіи г-на Фехнера. Гораздо подробнѣе еще разсказываются всѣ подобные факты исторіи нѣмецкихъ церквей въ XIX-мъ столѣтіи. Тутъ встрѣчается множество данныхъ о разныхъ частныхъ лицахъ, не имѣвшихъ какого либо историческаго значенія, протоколы собраній разныхъ комитетовъ о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, какъ-то о неважныхъ починкахъ церквей и другихъ зданій, переписка пасторовъ и церковныхъ общинъ съ консисторіею и пр. Тутъ слѣдовало бы сдѣлать выборъ и ограничиться сообщеніемъ лишь болѣе важнаго.

Во второмъ томѣ напечатаны нѣкоторыя приложенія, которыя также заключаютъ въ себѣ, какъ намъ кажется, отчасти неважный архивный матеріалъ. Сюда напр. относятся разные счеты, списки старшинъ и служащихъ при церквахъ. Однако все это безъ сомнѣнія не лишено интереса для тѣхъ лицъ, которыя нынѣ еще принадлежатъ къ этимъ общинамъ.

Алфавитные указатели въ концѣ втораго тома придаютъ всему изданію особенно важное значеніе, при чемъ однако нельзя не выразить сожалѣнія, что эти два указателя, относящіеся къ отдѣльнымъ томамъ, не были слиты въ *одинъ* указатель. Благодаря указателямъ, книга г-на Фехнера можетъ служить отличною справочною книгою. Вся эта лѣтопись вообще гораздо лучше можетъ служить для справокъ, чѣмъ для

чтенія. При строгомъ хронологическомъ порядкѣ связь разсказа какого либо событія прерывается весьма часто. Эту связь можно возстановить въ каждомъ данномъ случаѣ, хотя и не безъ труда, при помощи алфавитнаго указателя. Такъ напр. весьма любопытный эпизодъ пребыванія въ Россіи датскаго принца Вольдемара въ послѣднее время царствованія Михаила Θеодоровича заключается множествомъ отрывковъ и безсвязныхъ выписокъ на стр. 224 — 256 перваго тома; исторія довольно важнаго спора между пасторами Фокеродтомъ и Грегоріемъ [1]) разбросана на ста страницахъ и постоянно прерывается множествомъ другихъ данныхъ.

Не смотря на существенный недостатокъ труда г-на Фехнера, заключающійся въ формѣ его изданія, нельзя не признать, что онъ своимъ сочиненіемъ оказалъ довольно важную услугу наукѣ русской исторіи; нельзя не пожелать, чтобы на этотъ трудъ обращали вниманіе изслѣдователи быта иностранцевъ въ Россіи.

А. Брикнеръ.

(Профессоръ Имп. Дерптскаго Университета.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО (ТЕОРІЯ).

Gumplowicz, philosophisches Staatsrecht. Wien. 1877. (Гумпловичъ, философское государственное право. Вѣна. 1877 г.).

Авторъ означеннаго сочиненія, приватъ-доцентъ университета въ Грацѣ, принадлежитъ къ тѣмъ немногочисленнымъ молодымъ ученымъ, которые пытаются дать государственнымъ наукамъ болѣе прочныя и точныя основы, пытаются идти въ своихъ изслѣдованіяхъ соціально-политическихъ явленій чисто индуктивнымъ путемъ, путемъ наблюденія и строгаго анализа. Авторъ держится въ своемъ изслѣдованіи реалистическаго направленія, которое допускаетъ широкое примѣненіе индукціи, мало по малу пріобрѣтаетъ себѣ послѣдователей, получаетъ все большее и большее значеніе и имѣетъ несомнѣнно свѣтлую будущность. Реализмъ въ области государствовѣдѣнія представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними научными направленіями. Теологическое міросозерцаніе въ своихъ объясненіяхъ права и государства оказалось совершенно несостоятельнымъ передъ строгими требованіями науки. Тоже самое случилось и съ раціонализмомъ, съ его теоріями договора и юридическаго построенія государства; пренебрегая или не имѣя достаточнаго знакомства съ природою человѣка и человѣческаго

---

[1]) Этотъ пасторъ Грегорій тотъ самый Іоганъ Готфридъ, который въ послѣднее время царствованія Алексѣя Михайловича трудился надъ придворнымъ театромъ.

общества, раціонализмъ въ своихъ предначертаніяхъ могъ установить лишь одни идеалы и приписать этимъ идеаламъ реальную силу не только для настоящаго и всего будущаго, но и для прошедшаго.

Въ противуположность раціонализму, оказала большія услуги наукѣ историческая школа, которая, отбросивъ всѣ построенія идеаловъ, занялась изученіемъ реальныхъ явленій общественной жизни въ исторіи. Она привела къ сознанію слѣдующія главныя положенія: настоящее время со всѣми его состояніями вполнѣ зависитъ отъ прошедшаго; народъ—не сумма индивидовъ, но самостоятельное цѣлое и субъектъ своеобразнаго самобытнаго развитія; право находится въ полной зависимости отъ различныхъ элементовъ національной жизни—нравовъ, нравственности, хозяйства и политики, составляетъ продуктъ народнаго духа и подлежитъ развитію, опредѣляемому закономъ необходимости; зависимости отдѣльныхъ сторонъ народной жизни соотвѣтствуетъ зависимость этой жизни въ ея цѣломъ отъ данныхъ внѣшнихъ жизненныхъ условій, каковы почва, климатъ, географическое положеніе и пр.; государство есть лишь видимая, тѣлесная форма духовнаго единства и общенія народа. Историческая школа подвинула науку права значительно впередъ, указавъ ей для изслѣдованій поле дѣйствительности, реальную почву, народную жизнь въ ея прошедшемъ и настоящемъ; но не смотря на свои свѣтлыя стороны, она въ то же время заключала въ себѣ многіе пробѣлы и недостатки, которые наука должна была восполнить и исправить. Явилось на подмогу новое направленіе — натуралистическое, которое желало видѣть въ государствѣ ничто иное, какъ физическій организмъ, которое создало новую науку—„физику государства", которое подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ не признавало никакого различія между жизнію природы и соціальнаго организма. Перенося безъ всякаго разбора жизненныя формы органической природы въ область общественной жизни, втискивая насильно историческія, государственныя явленія въ эти совершенно чуждыя имъ формы, натуралистическая школа, понятно, не могла держаться на высотѣ требованій науки, и ея главныя основанія должны были рушиться.

Кромѣ всѣхъ этихъ направленій, выступали нерѣдко на сцену смѣшанныя теоріи, желавшія соединить идеальныя требованія съ сферою наблюдаемыхъ явленій, но какъ всякое подобное соединеніе несоединимыхъ элементовъ не можетъ принести никакой пользы, то всѣ эти теоріи лишь задерживали обработку государственныхъ наукъ.

Реализмъ, котораго держится Гумпловичъ, даетъ возможность избѣгнуть многихъ предшествующихъ ошибокъ. Реализмъ заставляетъ наблюдать и принимать вещи такъ, какъ онѣ дѣйствительно существуютъ, заставляетъ признавать за каждою вещью ея собственную природу, а не приписывать ей свойствъ и качествъ инаго, совершенно ей чуждаго тѣла или организма; реализмъ предостерегаетъ отъ произвольной подтасовки явленій и фактовъ, отъ совершенно излишняго и ничего не объясняющаго примѣненія, такъ называемыхъ реальныхъ аналогій. Реализмъ занимаетъ середину между идеализмомъ и матеріализмомъ. Матеріализмъ отрицаетъ духовныя силы, отвергаетъ отдѣльное бытіе идеальной стороны міра, считаетъ духовныя явленія продуктомъ матеріи, мозга, нервовъ, беретъ во вниманіе только внѣшнюю связь, чисто вещественную сторону явленій; между тѣмъ реализмъ при-

знаетъ всѣ явленія и силы духовнаго міра, признаетъ ихъ своеобразное и отдѣльное бытіе, объясняетъ ихъ съ помощью индукціи, но отвергаетъ прирожденныя идеи, понятія, прирожденное творчество, выводитъ содержаніе мышленія не изъ него самаго, но изъ воздѣйствій элементовъ внѣшняго и внутренняго міра; въ этомъ реализмъ расходится съ идеализмомъ.

Реализмъ въ области государствовѣдѣнія даетъ возможность изслѣдовать природу государства безъ идеалистическихъ примѣсей, безъ метафоръ и аналогій, заимствованныхъ изъ естествовѣдѣнія. Реалистическое ученіе должно брать и изслѣдовать каждое государственное отношеніе какъ оно есть или было въ дѣйствительности, наблюдать и слѣдить за его возникновеніемъ и развитіемъ въ исторіи, пользоваться вспомогательными данными до-исторической эпохи, антропологическими и этнографическими изслѣдованіями. На основаніи такихъ данныхъ и изслѣдованій, сравнивая, сближая и соединяя однородныя явленія, легче изыскать общія причины существованія и развитія политическихъ институтовъ, изыскать общіе законы государственной жизни, законы возникновенія, развитія, паденія государствъ и пр. Если же научный матеріалъ недостаточенъ для установленія законовъ, то возможно установить по крайней мѣрѣ научныя гипотезы, болѣе или менѣе приближающіяся къ истинѣ.

Къ сожалѣнію, реалистическое направленіе въ чистомъ его видѣ не выдержано Гумпловичемъ. Къ реализму примѣшивается у него монизмъ, который представляетъ собою лишь возрожденіе матеріализма въ новой формѣ. Такъ авторъ разбираемаго нами сочиненія говоритъ: „соціальный міръ, міръ соціальныхъ явленій, не что другое какъ *часть* матеріальнаго міра, природы; онъ плоть отъ ея плоти и кровь отъ ея крови. Матеріальный міръ продолжается въ соціальномъ, точно также и матеріальныя силы. Въ этомъ продолженіи выступаютъ тѣ же самыя силы, но проявляются инымъ образомъ; онѣ *одухотворяются*. Нужно поэтому познавать ихъ въ этомъ одухотвореніи, т. е. нужно во первыхъ распознать въ нихъ тѣ же самыя матеріальныя силы, которыя дѣйствуютъ въ физической природѣ, во вторыхъ, распознать ихъ, въ ихъ *новой* формѣ, въ ихъ одухотворенномъ проявленіи". Такая монистическая подкладка можетъ подорвать всякое довѣріе къ выводамъ соціальныхъ наукъ. Нужно прежде всего доказать, что соціальный міръ есть продолженіе физическаго, что духовныя силы соціальнаго міра — матеріальныя силы, что матеріальныя силы способны къ такому превращенію — одухотворенію, способны проявляться въ этой новой формѣ. Едва ли возможно будетъ монистической философіи доказать эти положенія, переходящія предѣлы нашего познанія философіи и права; тѣмъ болѣе нѣтъ надобности брать эти недоказанныя положенія, что они не только не помогаютъ, но скорѣе запутываютъ объясненіе реальныхъ явленій общественной жизни. Самъ авторъ твердо убѣжденъ, что истинно научное зданіе философскаго ученія о правѣ и государствѣ лишь тогда воздвигнется, когда будутъ брать вещи для изслѣдованія такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности, безъ всякаго вымысла и примѣси, не присоединяя къ нимъ *больше* того, что даютъ исторія, этнографія и доисторическая антропологія.

Въ своей книгѣ, авторъ касается разнообразныхъ вопросовъ науки о государствѣ и старается рѣшить ихъ на основаніи точныхъ данныхъ.

Интересъ къ книгѣ поддерживается какъ новизною мыслей, такъ и превосходнымъ развитіемъ ихъ. Задачею науки о государствѣ авторъ ставитъ наблюденіе и изслѣдованіе естественныхъ явленій въ сферѣ государственной и юридической жизни. Вся трудность для науки о государствѣ лежитъ не въ громадномъ количествѣ матеріала, а въ лживости и обманчивости его, ибо нигдѣ такъ часто человѣческія дѣйствія не облекались въ тайну, нигдѣ такъ часто не скрывали истины, какъ въ государственныхъ дѣлахъ. Отдѣлить истинное отъ ложнаго, мнимое, призрачное отъ дѣйствительнаго, представляетъ одно изъ наибольшихъ затрудненій.

Существованіе права авторъ связываетъ съ существованіемъ государства. Право мыслимо только въ государствѣ, съ нимъ возникаетъ и прекращается. Право въ естественномъ состояніи, въ догосударственномъ — философскій миѳъ. Соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что право можетъ быть только положительнымъ, нельзя согласиться, чтобы извѣстное человѣческое общество (племя) до возникновенія государства (авторъ допускаетъ и признаетъ догосударственное состояніе) не имѣло права, жило безъ всякаго права. Наблюденіе говоритъ противное.

При опредѣленіи понятія государства, авторъ принимаетъ во вниманіе одинъ только неизмѣнный признакъ всякаго государства: власть и подчиненіе, но въ тоже время въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія признаетъ и другой непремѣнный признакъ: занятіе земли, осѣдлость; вслѣдствіе этого понятіе государства становится у него неполнымъ.

Возникновеніе государства, по мнѣнію Гумпловича, должно непремѣнно лежать въ актѣ насилія одного племени надъ другимъ, въ завоеваніи и подчиненіи слабаго, большею частію туземнаго населенія пришлымъ болѣе сильнымъ племенемъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи: „Race und Staat, 1875 г.“ авторъ подкрѣпляетъ это свое положеніе исторіею всѣхъ бывшихъ и нынѣ существующихъ государствъ, но часто даетъ неправильное толкованіе событій.

Соціальное содержаніе государства составляютъ племена, состоянія, классы. Не можетъ быть государства безъ различія племенъ, отдѣльное племя само по себѣ не можетъ составить государства; до столкновенія съ другими оно находится въ догосударственномъ состояніи.

Народомъ авторъ называетъ цѣлое, образующееся въ государствѣ изъ племенныхъ элементовъ, все соціальное содержаніе государства. Цахаріэ, по мнѣнію автора, вѣрнѣе всѣхъ другихъ опредѣляетъ понятіе народа: «единство, существующее между людьми въ той мѣрѣ, въ какой они именно имѣютъ одну волю вслѣдствіе подчиненія ихъ одной и той же внѣшней власти. Государство и народъ относятся другъ къ другу какъ основаніе и слѣдствіе.“ Нація же есть нравственное единство народа; политическое единство образуетъ постепенное единое національное сознаніе. Государство такимъ образомъ изъ конгломерата племенъ образуетъ сначала народъ, а изъ народа въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи націю. Племя означаетъ естественное явленіе, народъ — политическое цѣлое, нація — плодъ историческаго развитія, дѣло культуры. Нація или національность обозначаетъ совокупность всѣхъ общихъ особенностей, усвоенныхъ и пріобрѣтенныхъ народомъ, совокупностью племенъ, въ теченіе исторіи и развитія государства. Къ этимъ особенностямъ принадлежитъ тогда и общій

языкъ. Общее же происхожденіе ошибочно считается признакомъ національности, такъ какъ самый народъ возникаетъ изъ различныхъ племенъ.

Заслуживаютъ не меньшаго вниманія слѣдующія главы книги: о развитіи государства, о фазахъ и законахъ этого развитія, о дѣятельности государства, выясняемой съ точки зрѣнія историко-культурныхъ данныхъ, о самоуправленіи. Самоуправленіе авторъ понимаетъ какъ восполненіе необходимой дѣятельности государства и подтверждаетъ это положеніе примѣрами изъ общей исторіи государствъ.

Второй отдѣлъ книги посвященъ развитію вопросовъ о правѣ и нравственности и различныхъ отраслей права; третій отдѣлъ — систематикѣ государственныхъ наукъ и новѣйшей исторіи государствовѣдѣнія.

Въ заключеніе, нельзя не пожелать автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ разработкѣ государственнаго права. Гумпловичъ, на сколько можно замѣтить изъ его книги, находился подъ вліяніемъ Беджгота, Дж. Ст. Милля и другихъ англійскихъ мыслителей, стремящихся сообщить философіи права и государства значеніе точной науки. Нельзя сомнѣваться, что нѣмецкіе ученые, усвоивъ себѣ реалистическое направленіе, при обиліи ученыхъ силъ, подвинутъ быстро впередъ государственныя науки. До сихъ поръ пока одинъ Максъ Зейдель сдѣлалъ попытку обработать въ этомъ направленіи государственное право, хотя попытка эта довольно слабая (Seydel, Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. 1873). Другіе реалисты обращали главнымъ образомъ вниманіе на психологію какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народовъ, на ученіе о познаніи, что весьма важно для философіи права. Коль скоро реалистическое ученіе о познаніи, а также и психологія будутъ разработаны удовлетворительно, тогда и философія права будетъ стоять на своихъ твердыхъ ногахъ.

П. Л. Карасевичъ.

(Профессоръ императорскаго московскаго университета).

ПОЛИТИКА.

Bluntschli. Politik als Wissenschaft. 1876. (*Блунчли.* Политика какъ наука).

Новая книга такого автора, какъ Блунчли и о такомъ предметѣ, какъ политика, должна возбудить живѣйшій интересъ не только въ тѣсномъ кругу ученыхъ и спеціалистовъ, но и въ массахъ людей, практически работающихъ на пользу государства. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно отъ Блюнчли можно и должно было ожидать книги подобной той, которая теперь насъ занимаетъ. Во всѣхъ многочисленныхъ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, по всѣмъ отраслямъ государствовѣдѣнія, онъ всегда съ любовію останавливался на политическомъ элементѣ, ему отводилъ первое мѣсто и обнаруживалъ при этомъ глубокое

и тонкое пониманіе политическихъ нуждъ современнаго общества. Статьи по отдѣльнымъ вопросамъ политики, въ видѣ монографій, напечатаны имъ въ извѣстномъ, изданномъ подъ его редакціею „Словарѣ государственныхъ наукъ“ [1]). Поэтому не удивительно, что онъ пожелалъ, и по части политики, свести результаты своего богатаго знанія и опыта въ одно цѣлое и такимъ образомъ завершить кругъ тѣхъ сочиненій, которыя онъ написалъ въ разное время по всѣмъ главнымъ наукамъ о государствѣ. Онъ рѣшился на это лишь недавно (его „Политика“ вышла осенью 1876 г.) и то съ нѣкоторыми оговорками, какъ видно изъ его собственныхъ словъ: „Не безъ колебанія издаю я эту книгу въ свѣтъ. Я смотрю на нее, какъ на самое зрѣлое произведеніе моей долгой жизни, посвященной политической наукѣ и практикѣ“.

Полный разборъ „Политики“ потребовалъ бы много мѣста. Мы хотимъ только, въ немногихъ словахъ, обратить вниманіе на нее русскихъ читателей, такъ какъ не встрѣчали еще отзыва о ней въ нашей періодической литературѣ. При этомъ укажемъ сперва на отношеніе ея къ прежнимъ трудамъ Блунчли, съ которыми она наиболѣе имѣетъ внутренней связи, а потомъ упомянемъ о тѣхъ отдѣлахъ ея, которые наиболѣе разработаны и интересны.

Мы сказали выше, что „Политика“—новая книга. Это вѣрно въ цѣломъ, но не безъ оговорокъ. Мы находимъ въ ней воспроизведеніе многихъ статей, написанныхъ прежде Блунчли въ выше названномъ Словарѣ государственныхъ наукъ. Однѣ изъ нихъ перепечатаны почти безъ измѣненій [2]), другія значительно расширены или даже вновь переработаны [3]). Но все это сведено въ стройную систему и, въ связи съ новымъ матеріаломъ (который составляетъ не менѣе ²/₃ книги), по замѣчанію самого автора, „представляется теперь въ новомъ свѣтѣ.“ Послѣдняя книга „о политическихъ партіяхъ“ издана Блунчли особою монографіею еще въ 1869 г. [4]) и теперь, хотя мѣстами исправлена, мѣстами сокращена, но „въ цѣломъ“, опять по его же собственному отзыву, „оставлена безъ измѣненій.“ Но самая тѣсная связь существуетъ между „Политикой“ и другимъ, быть можетъ, наиболѣе извѣстнымъ и лучшимъ сочиненіемъ Блунчли: „Общимъ государственнымъ правомъ“. Послѣднее вышло впервые въ 1852 г. въ одномъ томѣ. Съ тѣхъ поръ оно выдержало нѣсколько изданій и достигло двухъ томовъ [5]). Въ 1875 г. вышло послѣднее *пятое* изданіе, просмотрѣнное и дополненное авторомъ. Оно отличается отъ всѣхъ предъидущихъ въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ: во 1-хъ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ отдѣловъ (напр. ученія о цѣли государства въ 1-мъ т.) и во 2-хъ болѣе

---

[1]) Deutsches Staatswörterbuch von Bluntschli und Brater. 1857—70 г. 11 том.

[2]) Ср. напр. статьи Civilisation, Politik und politische Moral, Zeitgeist, Revolution und Reform, Aristokratische und demokratische Ideen съ соотвѣтствующими главами Политики.

[3]) Напр. Rasse und Individuum, Religion, Republik und republikanische Ideen.

[4]) Подъ заглавіемъ: Charakter und Geist der politischen Parteien.

[5]) По-русски явился переводъ только перваго тома этого сочиненія — Лапицевскаго подъ редакціею проф. Дмитріева въ 1865—66 г. Нельзя не пожалѣть, что дѣло на этомъ стало.

стройною и полною системою. Все сочиненіе получило другое названіе: „Ученія о современномъ государствѣ“ и раздѣлено на три тома (части). Первый озаглавленъ: „*Общее ученіе о государствѣ*“, второй: „*Общее государственное право*“ и къ нимъ присоединена „*Политика*“ или „ученіе о государственномъ искусствѣ“, какъ третья часть. Такимъ образомъ Блунчли удалось первому, за исключеніемъ небольшаго опыта Моля въ его „Энциклопедіи государственныхъ наукъ“ [1]) вполнѣ осуществить тотъ планъ изложенія государственныхъ наукъ, который требуется большинствомъ германскихъ публицистовъ. *Государственное право* у него отдѣляется отъ *политики* и обѣ эти самостоятельныя вѣтви государствовѣдѣнія объединяются третьею частію или *общимъ ученіемъ о государствѣ*.

Можно, конечно, возражать противъ распредѣленія отдѣльныхъ частей въ этомъ сочиненіи, требовать еще болѣе строгой системы, но въ цѣломъ нельзя не одобрить всего плана. Государственное право должно быть, какъ въ интересахъ науки, такъ и съ практическою цѣлію, отдѣляемо отъ политики [2]). Блунчли весьма вѣрно указываетъ на истинное значеніе такой системы: „Право, говоритъ онъ, выиграло въ ясности, опредѣленности и силѣ съ тѣхъ поръ, какъ его начали рѣзче отграничивать отъ политики, а богатое содержаніе политики раскрывается съ полною свободою лишь тогда, когда ее изучаешь во всѣхъ ея особенностяхъ. Конечно, это раздѣленіе не абсолютно. Дѣйствительное государство живетъ, т. е. является соединеніемъ права и политики.“ (Т. I, стр. 2 и 3). Однако, допуская, или даже требуя, въ принципѣ отдѣленія государственнаго права отъ политики, можемъ ли мы назвать попытку, дѣлаемую Блюнчли, удачною? Не повторяется ли съ нимъ то, что сдѣлалось съ Молемъ, по замѣчанію г. Сергѣевича? „Изложеніе обѣихъ этихъ наукъ у Моля, говоритъ онъ, такъ сходится и по предметамъ и по точкамъ зрѣнія, что нѣтъ возможности провести между ними какую либо разграничительную черту.“ (Назв. соч. стр. 18). Намъ кажется, что и Блунчли не вездѣ строго проводитъ эту черту. Далѣе мы укажемъ, разбирая „Политику“, на нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыя мы желали бы видѣть въ этомъ отношеніи. Но и въ настоящей формѣ „Политика“ достаточно самостоятельна, какъ по содержанію, такъ и по научнымъ пріемамъ относительно двухъ остальныхъ томовъ его „ученія о государствѣ“. Самъ Блунчли говоритъ, что она „въ цѣломъ болѣе проникнута его собственнымъ существомъ и его личными мыслями и поэтому болѣе оригинальна, чѣмъ остальные два, уже давно изданные томы его „Ученія о современномъ государствѣ“.

---

[1]) Она переведена въ первомъ изданіи на русскій языкъ Поповымъ въ 1868 г.

[2]) Въ русской литературѣ противъ этой систематики государственныхъ наукъ особенно сильно возсталъ проф. Сергѣевичъ въ своемъ сочиненіи: «Задача и метода государственныхъ наукъ». 1871 г. Онъ желалъ бы всю теорію о государствѣ обозначать просто словомъ «политика», но «не въ нѣмецкомъ, а въ аристотельскомъ смыслѣ науки о государствѣ вообще» (стр. 38). Для систематики же онъ предлагаетъ термины французскихъ и англійскихъ ученыхъ, съ цѣлію отдѣлять «*чистую* науку» отъ «*прикладной*». Не раздѣляя этихъ воззрѣній въ принципѣ, мы однако не можемъ войти здѣсь въ ихъ разборъ.

Само собою разумѣется, что нѣкоторыя повторенія неизбѣжны; при самомъ строгомъ отграниченіи политики отъ государственнаго права, предметъ обѣихъ наукъ одинъ и тотъ же. Но различны ихъ принципы, задачи и научные пріемы. Вотъ почему мы настаиваемъ на ихъ самостоятельности. Чѣмъ совершеннѣе будетъ ихъ систематическое построеніе и изложеніе, тѣмъ менѣе, конечно, мы будемъ встрѣчать у писателей подобныя повторенія и смѣшенія.

Что же самостоятельнаго видимъ мы въ „Политикѣ"?

Политика дѣлится на 12 книгъ, содержаніе которыхъ слѣдующее: 1. Природа и характеръ политики; 2. Современныя политическія идеи; 3. Человѣческая природа, какъ основаніе политики; 4. Средства государства; 5. Отношенія современнаго государства къ духовной жизни, къ религіи, наукѣ и искусствамъ; 6. Политика государственнаго устройства: a) Общія соображенія; 7. b) Дѣйствія и задачи представительной монархіи; 8. c) демократической республики; 9. d) сложныхъ государствъ; 10. Народное представительство и законодательство; 11. Управленіе и 12. Политическія партіи. Сравнивая это содержаніе съ предметами двухъ остальныхъ томовъ „Ученія о государствѣ", мы видимъ въ „Политикѣ" нѣсколько новыхъ отдѣловъ, которые по существу принадлежатъ сюда, а не къ государственному праву. Таковы: вопросъ объ идеальномъ государствѣ; о видоизмѣненіяхъ и смѣнѣ формъ правленія; о революціяхъ, о политическихъ идеяхъ, управляющихъ государственною жизнію современнаго человѣчества, о лучшемъ устройствѣ избирательнаго права и о распространеніи его на женщинъ, о политическихъ партіяхъ и т. д. Напротивъ, другіе отдѣлы политики по природѣ своей должны встрѣчаться и въ государственномъ правѣ: вопросы о представительныхъ и сложныхъ государствахъ, объ отношеніяхъ государства къ духовной жизни, объ управленіи и проч. Но тождество этихъ предметовъ не исключаетъ возможности и пользы ихъ обработки съ разныхъ точекъ зрѣнія, — что и дѣлаетъ отчасти Блунчли. Относительно системы замѣтимъ только, что послѣ главы о человѣческой природѣ, какъ основѣ государства, слѣдовало бы помѣстить отдѣлъ и о внѣшней природѣ (странѣ, климатѣ и т. д.), также оказывающей большое вліяніе на характеръ государствъ. Блунчли такъ и дѣлалъ на своихъ лекціяхъ о политикѣ, но теперь перенесъ этотъ отдѣлъ въ первый томъ.

Затѣмъ политика не касается почти литературы предмета (нѣкоторыя исключенія представляютъ 7, 8, 9, 10 и 12 кн.), отношеній государства къ обществу и всѣхъ вопросовъ международной политики (куда можно прежде всего отнести дипломатію и войну). На нашъ взглядъ это — пробѣлы, хотя и понятные при сравнительной новизнѣ политики, какъ самостоятельной науки.

Укажемъ бѣгло на самые интересные отдѣлы книги. Говоря о природѣ и характерѣ политики, Блунчли опредѣляетъ ея отношенія къ нравственности и праву и требуетъ, чтобы политика не только стояла на почвѣ дѣйствительности, но и была бы идеальна, т. е. проникнута извѣстными высшими идеями, надъ осуществленіемъ которыхъ трудится человѣчество. Къ современнымъ же политическимъ идеямъ онъ относитъ: свободу, равенство, цивилизацію, національность, человѣчность

(Humanität, Internationalität) и самоуправленіе. Отрадно читать его мнѣніе о свободѣ, такъ сильно оспариваемой въ наше время громаднымъ числомъ ученыхъ: „Напрасно, говоритъ онъ, многіе и даже великіе богословы стараются отвергнуть свободу человѣка, осуждая ее, какъ проявленіе грѣха. Къ нимъ присоединились впослѣдствіи нѣкоторые спекулятивные мыслители и естествоиспытатели, которые также отрицаютъ свободу воли на томъ основаніи, что всѣ поступки человѣка вытекаютъ будто бы изъ неотразимой необходимости извѣстныхъ принудительныхъ причинъ. Но идея свободы бьетъ вѣчно живымъ ключемъ изъ глубокихъ родниковъ человѣческаго самосознанія, первоисточникъ котораго скрывается въ Божественномъ Духѣ и божественной свободѣ. Мнѣ кажется, глубочайшее основаніе этого заключается въ томъ, что свобода есть существенное достояніе человѣка, въ силу котораго онъ яснѣе всего сознаетъ свое богоподобіе. Свобода есть самосознающая и самоопредѣляющая жизнь, т. е. жизнь въ высшемъ смыслѣ. Въ свободѣ проявляется творческая сила человѣка; она есть внутреннее раскрытіе его существа въ словѣ, произведеніяхъ и дѣлахъ. Въ отличіе отъ божественной свободы, она ограниченна и относительна, потому что она вытекаетъ изъ ограниченной и сотворенной природы человѣка.“

Не менѣе любопытна, хотя и менѣе развита, глава о революціяхъ. Блунчли строго установляетъ различіе между ними и реформами и говоритъ, что послѣднія, во-время и благоразумно проведенныя, успѣшнѣе всего предупреждаютъ зло революцій. Онъ не умалчиваетъ о темныхъ и прискорбныхъ сторонахъ этого зла и въ цѣломъ очень вѣрно опредѣляетъ общее значеніе революцій.

Болѣе всего заслуживаютъ вниманія тѣ главы политики, которыя посвящены отношеніямъ государства къ религіи, формамъ правленія и политическимъ партіямъ. Много споровъ вызовутъ тѣ страницы разбираемой нами книги, на которыхъ Блунчли говоритъ объ отношеніяхъ современнаго государства къ христіанству. Этого капитальнаго вопроса онъ касается собственно съ трехъ сторонъ: по отношенію къ христіанской религіи вообще, къ духовенству и ко всему остальному населенію. Въ цѣломъ онъ старается держаться воззрѣнія политическаго и общечеловѣческаго. Многія страницы написаны очевидно подъ излишнимъ вліяніемъ той борьбы, которую ведутъ западныя государства съ католическою церковію и которую необходимо прекратить въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Блюнчли видитъ въ этой борьбѣ великое призваніе Германіи и, говоря о ней, его изложеніе, обыкновенно столь ясное и объективное, вдругъ получаетъ отпечатокъ страстности. Его главныя положенія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: въ отличіе отъ средневѣковаго государства, современное не должно отличаться вѣроисповѣднымъ характеромъ (оно interconfessionell). Блунчли отвергаетъ и враждебное воззрѣніе Маккіавелли и Руссо на христіанство и ученіе Шталя о „христіанскомъ“ государствѣ. Но, относясь съ равнымъ по возможности безпристрастіемъ ко всѣмъ религіознымъ ученіямъ и строго отдѣляя отъ нихъ область собственно гражданскихъ отношеній, современное государство, говоритъ Блунчли, можетъ быть названо христіанскимъ не съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, но

„въ томъ смыслѣ, что этимъ христіанство признается однимъ изъ главныхъ основаній нашего современнаго просвѣщенія и до-нынѣ дѣйствующею религіею громаднаго большинства людей. Въ то же время этимъ указывается на необходимость для современнаго національнаго государства (Volksstat) уважать и охранять христіанскую нравственность и нравы (Sitte)." Христіанство, замѣчаетъ далѣе Блунчли, призвано быть религіею человѣчества и въ періодъ зрѣлости послѣдняго, если оно, какъ выражается Лоранъ, проявитъ свою способность усовершаться, т. е. освободится отъ заблужденій прежнихъ временъ и получитъ дополненіе, очищеніе и исправленіе отъ духа науки. Намъ-же кажется, что христіанству нечего переходить въ какое-то „очищенное" философское ученіе для того, чтобы быть религіею человѣчества.

Повторяемъ, можно во многомъ расходиться съ Блунчли въ этомъ отдѣлѣ и совершенно иначе смотрѣть на призваніе христіанства въ современномъ обществѣ, но тѣмъ не менѣе этотъ отдѣлъ очень поучителенъ и богатъ многими здравыми мыслями [1]).

Полны живаго интереса всѣ главы, относящіяся до политики государственнаго устройства (Verfassungspolitik). Онѣ обнаруживаютъ глубокое знакомство автора съ политикою и исторіею. Старый вопросъ въ политикѣ объ идеальномъ государственномъ устройствѣ онъ разрѣшаетъ такъ, что не существуетъ такой формы государственнаго устройства, которая годилась бы для всѣхъ народовъ и во всѣ времена. „Идеальное государство, говоритъ онъ, требуетъ и совершеннаго народа, въ немъ живущаго, а это предположеніе противорѣчитъ природѣ человѣка." Но та форма правленія наиболѣе совершенна, которая наилучше удовлетворяетъ тремъ основнымъ задачамъ всякой политики: 1) свободѣ отдѣльныхъ гражданъ, а чрезъ нее полнѣйшему развитію ихъ личныхъ и общественныхъ силъ; 2) единству, могуществу и благосостоянію цѣлаго народа, что немыслимо безъ прочно-организованнаго правительства, но, по возможности, недоступнаго произволу деспотизма, и 3) служенію общимъ цѣлямъ человѣчества, въ составъ котораго отдѣльные народы входятъ только какъ члены.

Разобравъ теоріи Маккіавелли и Шлейермахера о смѣнѣ формъ правленія, онъ высказывается въ пользу существованія правильнаго и естественнаго закона для такой смѣны, объясняемаго какъ политическими, такъ и психологическими мотивами. Конечно, этотъ законъ не абсолютенъ: онъ задерживается въ своемъ развитіи извѣстными политическими событіями, но въ цѣломъ онъ вытекаетъ изъ существа государственной жизни и соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ періодамъ въ жизни народовъ. Развитіе этого закона состоитъ въ томъ, что активное сознаніе государства (das active Statsbewusstsein), выражающееся въ способности и волѣ управлять, — въ началѣ исторической жизни народа проявляется лишь въ нѣкоторыхъ избранныхъ лицахъ, часто даже въ одномъ лицѣ,

[1]) Сюда относимъ мы все то, что Блунчли говоритъ, наприм., о великомъ нравственномъ значеніи христіанства, «которое по существу хотя и не государственнаго характера, но и не противогосударственнаго» (sein unstatlicher Grundcharakter ist keineswegs statsfeindlich).

облеченномъ авторитетомъ божества, а потомъ съ постепеннымъ ходомъ развитія этого народа расширяется сперва на образованные передовые классы общества, и наконецъ проникаетъ въ низшіе слои населенія. Отсюда нормальный ходъ смѣнъ для правильныхъ формъ правленія будетъ таковъ: теократія, монархія, аристократія, демократія, монархія и т. д.; для формъ же извращенныхъ: іерархія, тираннія, олигархія, охлократія, тираннія и т. д. Иногда бываетъ, что извѣстный народъ, въ теченіи всей своей исторіи, не измѣняетъ существующей у него формы правленія; въ такомъ случаѣ указанный нами законъ проявляется въ видоизмѣненіяхъ одной и той же формы, совершающихся съ такою же постепенностію, какъ и смѣны.

Къ сожалѣнію мы не можемъ слѣдовать за Блюнчли въ его дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ онъ говоритъ: о причинахъ паденія неограниченной монархіи въ Европѣ, о политическомъ характерѣ англійской конституціи, о причинахъ неудачныхъ доселѣ попытокъ утвердить представительную монархію во Франціи, о событіяхъ, вызвавшихъ быстрый ростъ Пруссіи, объ идеалѣ нѣмецкаго государства, о политическомъ характерѣ сѣверо-американской республики и ея подражаніяхъ во Франціи и Швейцаріи и т. д. Все это должно прочесть въ подлинникѣ, потому что извлеченія изъ этого, по богатству и важности предмета, неудобны.

Позволимъ себѣ только сдѣлать относительно всего разбираемаго отдѣла два небольшія замѣчанія: указывая на тѣ элементы и условія, которые создали могущество прусской монархіи (династія Гогенцоллерновъ, войско, чиновничество, благоустроенные финансы, обязательное народное образованіе), Блунчли упускаетъ изъ виду одно весьма существенное условіе: постоянный союзъ Пруссіи съ Россіею, который, за исключеніемъ одной семилѣтней войны, всегда поддерживалъ Пруссію во всѣ критическіе моменты ея исторіи. Достаточно вспомнить сѣверную войну, отношенія Петра III и Екатерины II къ Фридриху II, Александра I къ Фридриху Вильгельму III и наконецъ послѣднюю франко-прусскую войну. Россія всегда любила закрывать своею дружбою Пруссію отъ ея враговъ,—Австріи и Франціи. Затѣмъ мы не можемъ понять специфически-нѣмецкій идеалъ государства. Едва ли новѣйшіе народы Европы призваны выработывать свои національные идеалы, а если это вѣрно, то не думаемъ, чтобы нѣмецкій народъ, до послѣдняго времени въ политическомъ отношеніи уступавшій Англіи и Франціи, составлялъ исключеніе. Каждый великій народъ вноситъ въ политическую жизнь извѣстныя своеобразности, коихъ совокупность нельзя еще возводить въ идеалъ [1]). Поэтому многое, что Блунчли сюда относитъ (при-

[1]) Едва ли возможно оспаривать въ настоящее время ту истину, признаваемую и современною политическою теоріею и практикою, что сущность политическихъ идеаловъ, основныя начала политической жизни одинаковы у всѣхъ европейскихъ народовъ, но *формы* національныя и историческія осуществленія этихъ идеаловъ и общихъ началъ *могутъ* и *должны быть различны* у каждаго народа. Въ этомъ заключается главнѣйшій успѣхъ политическаго сознанія нашего времени. *Ред.*

мирение вѣроисповѣдныхъ противоположностей, различныхъ враждующихъ между собою народностей и извѣстное сліяніе демократическихъ элементовъ, идей и учрежденій съ аристократическими), составляетъ болѣе или менѣе призваніе всѣхъ современныхъ государствъ вообще, а многое другое, напротивъ (сглаженіе антагонизма между сѣверною и южною Германіею, удаленіе противорѣчія между національнымъ единствомъ имперіи и партикуляристическими стремленіями отдѣльныхъ территорій, между прусскою династіею и остальными царствующими домами), имѣетъ значеніе временное, мѣстное и, будучи крайне важнымъ для практической политики, не выдвигаетъ еще германское государство на степень какого-то особеннаго типа.

Что касается до формъ правленія, то Блунчли останавливается только на тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе для нашего времени: на представительной монархіи, на представительной республикѣ, на сложныхъ и полусамостоятельныхъ государствахъ. Онъ видимо склоняется въ пользу конституціонной монархіи, которой отдаетъ преимущество и предъ монархіею неограниченною и предъ республикою представительною. Даже въ демократическихъ тенденціяхъ нашего времени онъ не видитъ для нея опасности, если она пойметъ „политическую задачу монархической Европы, состоящую не въ подавленіи, а въ правильной охранѣ и организаціи великихъ народныхъ массъ“.

Въ отдѣлѣ „о народномъ представительствѣ и законодательствѣ“, особенно интересна критика различныхъ системъ, предложенныхъ для исправленія недостатковъ общей подачи голосовъ и доводовъ Милля въ пользу дарованія избирательнаго права женщинамъ. Блунчли весьма основательно высказывается противъ этого права: оно будетъ пагубно и женщинамъ и государству. Полнаго одобренія заслуживаетъ предложеніе Блунчли ввести и въ государственной жизни, на подобіе конфирмаціи въ западныхъ церквахъ, испытаніе зрѣлости въ политическомъ отношеніи для всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Только лица, получившія необходимое политическое образованіе и выдержавшія испытаніе, принимаются въ составъ дѣйствительныхъ гражданъ (Bürgerweihe). Въ наше время государство такъ часто призываетъ своихъ гражданъ къ разнообразнымъ должностямъ (общая воинская повинность, участіе въ институтѣ присяжныхъ, по мѣстному самоуправленію и т. д.), что для нихъ крайне необходимо знакомство, хотя бы съ основами общаго и отечественнаго государственнаго права. „Безъ политическаго образованія, говоритъ Блунчли, немыслимы политическая свобода и право выборовъ“. Если политическое совершеннолѣтіе считать въ 25 лѣтъ, то обученіе это слѣдуетъ начинать за нѣсколько лѣтъ до этого возраста. „Оно имѣетъ своею задачею познакомить молодыхъ гражданъ съ существомъ государства, его исторіею и устройствомъ, объяснить имъ отношенія ихъ отечества къ остальнымъ государствамъ, къ церкви и къ обществу, дать имъ понятіе объ устройствѣ и задачахъ различныхъ государственныхъ должностей и о правахъ и обязанностяхъ гражданъ. Чрезъ все это въ нихъ уяснилось бы и окрѣпло сознаніе государства“.

Политика заканчивается отдѣломъ о политическихъ партіяхъ. Эт

одинъ изъ лучшихъ и блестящихъ отдѣловъ во всемъ сочиненіи. Блунчли указываетъ на то, что партіи сами по себѣ являются „условіемъ и признакомъ всякой здоровой политической жизни, и что, поэтому, чѣмъ послѣдняя свободнѣе и болѣе развита, тѣмъ рѣзче выступаютъ и партіи съ своими особенностями. Лишь борьба и соперничество между ними производятъ высшія государственныя дѣянія, на которыя народъ способенъ, и пробуждаютъ богатыя, но часто дремлющія въ немъ силы и дарованія“. Изъ этого существа партій вытекаютъ и ихъ обязанности: никогда не ставить себя выше государства (что обратило бы ихъ въ простыя факціи) и не стремиться къ уничтоженію своихъ противниковъ, такъ какъ *всѣ политическія* партіи имѣютъ въ предѣлахъ государства равное право на существованіе. Мы говоримъ съ удареніемъ о политическихъ партіяхъ. Онѣ отличаются тѣмъ, что „одушевляются извѣстнымъ политическимъ принципомъ и преслѣдуютъ политическую тенденцію. А политическимъ въ строгомъ и полномъ смыслѣ слова мы называемъ только то, что основано на существованіи государства, что съ нимъ согласуется и служитъ лишь общему благу“. Политическія партіи дѣлятся, по мнѣнію Блунчли, на шесть группъ: 1) религіозно-политическія; 2) обнимающія различныя страны, національности или племена; 3) сословныя; 4) конституціонныя, т. е. основанныя на различныхъ принципахъ государственнаго устройства; 5) правительственныя и оппозиціонныя и 6) чисто-политическія партіи — самая лучшая и высшая форма изъ нихъ: „Онѣ управляются исключительно политическими принципами и всегда свободно слѣдуютъ за движеніями государственной жизни“. Затѣмъ Блунчли останавливается долго на партіи ультрамонтановъ и рисуетъ ее самыми мрачными красками: „всякое ея торжество, восклицаетъ онъ, есть пораженіе для человѣческой цивилизаціи и задержка культуры. Одни ордена и монастыри богатѣютъ и лишь іерархія становится могущественнѣе, но народъ бѣднѣетъ и глупѣетъ, а государство идетъ къ упадку“. Намъ кажется этотъ строгій приговоръ слишкомъ общимъ. Кромѣ того насъ удивляетъ здѣсь одинъ важный пробѣлъ: говоря о противогосударственныхъ партіяхъ нашего времени, нельзя обойти молчаніемъ соціалдемократовъ. Если Блунчли думаетъ, что они сюда не относятся, потому что стремятся къ преобразованію не столько государства, сколько всего общества, то замѣтимъ во 1-хъ, что и ультрамонтаны далеко не могутъ быть названы только политическою партіею и во 2-хъ, что соціалдемократы, по справедливому мнѣнію Бульмеринга, „занятые сперва экономическими и общественными вопросами, перешли потомъ къ политическимъ задачамъ и стараются, съ точки зрѣнія хозяйства и общества, ниспровергнуть государство“ [1]). Поэтому и политика должна ими серьезно заняться.

---

[1]) См. его послѣднее соч. Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts стр. 22 — 28. Бульмерингъ противоставляетъ ультрамонтановъ и соціалистовъ какъ антигосударственныя партіи — тремъ главнымъ партіямъ политическимъ: консерваторамъ (правой сторонѣ), радикаламъ (лѣвой) и либераламъ (центру). Замѣчанія его о соціалистахъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Затѣмъ Блунчли переходитъ къ подробному разбору ученій о партіяхъ Шталя и Ромера. Воззрѣнія послѣдняго имѣли на него очевидно большое вліяніе. Онъ принимаетъ его главное положеніе, что для политическихъ партій существуетъ естественный законъ, соотвѣтствующій психологическому закону человѣческихъ возрастовъ. На этомъ основаніи онъ, подобно Ромеру, принимаетъ четыре партіи, которыя соотвѣтствуютъ, конечно говоря приблизительно, духу и особенностямъ извѣстнаго возраста человѣка: радикалы (возрасту мальчика), либералы (вполнѣ развитые юноши), консерваторы (зрѣлаго мужчины) и абсолютисты (старца). Первыя двѣ партіи составляютъ партію движенія (прогресса), остальныя двѣ — партію охраненія. Всѣ онѣ конечно борются между собою, но всѣ онѣ необходимы для полнаго раскрытія государственной жизни и поэтому ни одна изъ нихъ не въ правѣ уничтожить другую. Поочередно въ извѣстные періоды развитія народовъ, естественное преобладаніе получаетъ то одна, то другая партія, но въ сущности главное руководство политическою жизнію должно принадлежать обѣимъ умѣреннымъ, а не крайнимъ партіямъ, т. е. либераламъ и консерваторамъ.

Блунчли изображаетъ яркими красками и часто съ большимъ остроуміемъ особенности и духъ этихъ партій, конечно оговариваясь, что его изложеніе носитъ лишь характеръ типа, къ которому дѣйствительная жизнь болѣе или менѣе приближается, но никогда вполнѣ не подходитъ.

Таково, въ немногихъ словахъ, богатое содержаніе „Политики". Намъ нечего распространяться о характерѣ самого изложенія и слога. Въ этомъ отношеніи „Политика" смѣло можетъ быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ Блунчли. Одна изъ главныхъ причинъ распространенности и извѣстности его сочиненій состоитъ, конечно, въ томъ, что Блунчли обладаетъ въ высшей степени даромъ чутко подмѣчать юридическія потребности и сознаніе современнаго человѣчества и затѣмъ находить для нихъ всегда ясное, обще-доступное, но научное выраженіе. Къ этой въ Германіи далеко не всѣмъ свойственной ясности, онъ присоединяетъ еще тщательную отдѣлку слога: на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ отпечатокъ большой художественности, вполнѣ научной при строгой простотѣ. Поэтому, читая и изучая ихъ всегда съ удовольствіемъ, невольно удивляешься великому мастеру мысли и слога.

Въ заключеніе, мы не можемъ не упомянуть о непонятномъ для насъ распоряженіи нашей цензуры, запретившей обращеніе „Политики" въ Россіи. Мы приписываемъ это распоряженіе недоразумѣнію. Тотъ или другой отдѣлъ, та или иная мысль могутъ показаться странными въ Россіи; мы съ этимъ вполнѣ согласны, — но, въ цѣломъ, книга эта, какъ сочиненіе вполнѣ научное и написанное въ умѣренномъ тонѣ, можетъ только содѣйствовать отрезвленію и обогащенію политической мысли въ нашемъ обществѣ. Когда же наконецъ и у насъ будетъ понято, что не наука вредна, а праздность мысли или самодовольное полузнаніе?

Гр. Леонидъ Комаровскій.

(профессоръ имп. московскаго университета).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Funck-Brentano et Sorel. Précis du droit des gens. Paris. 1877. 528 p. in 8⁰. *(Функъ-Брентано и Сореля,* Руководство къ международному праву. Парижъ. 1877).

Чтеніе этого труда двухъ французскихъ ученыхъ наводитъ на весьма грустныя размышленія. Трудъ этотъ можетъ служить новымъ подтвержденіемъ того невыгоднаго положенія, которое еще занимаютъ въ настоящее время политическія науки вообще и наука международнаго права въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать незавиднымъ положенія наукъ, относительно которыхъ *каждый* признаетъ себя въ правѣ постановить свой рѣшительный приговоръ, судить и разсуждать съ видомъ глубокаго знатока. Для изученія какого нибудь ремесла требуется обыкновенно прохожденіе опредѣленнаго числа лѣтъ ученья; для умѣнья вести конторскія книги полагается продолжительное сидѣнье за конторками въ банкирскихъ домахъ; для того, чтобъ быть военнымъ и сознательно относиться къ требованіямъ военной службы, необходимо долговременное изученіе военныхъ наукъ и военной службы. Словомъ, для каждой отрасли человѣческаго знанія непремѣнно требуются подготовка, трудъ и время.

Только для разсужденія о политическихъ вопросахъ не требуется никакихъ предварительныхъ познаній и никакой подготовки. Можно осуждать всѣ научныя истины, признанныя государственнымъ и международнымъ правомъ, нисколько не подвергая себя опасности быть обвиненнымъ въ невѣжествѣ. Этого мало! Можно даже написать цѣлый курсъ международнаго права, не имѣя понятія о самыхъ элементарныхъ истинахъ этой науки.

Трудъ гг. Функъ-Брентано и Сореля служитъ самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ нами сказаннаго. Ни одинъ изъ обоихъ авторовъ не былъ извѣстенъ по сіе время какими нибудь трудами въ области науки международнаго права. Функъ-Брентано сдѣлался извѣстенъ въ европейской литературѣ только съ 1876 года, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „La civilisation et ses lois. Morale sociale“ (Цивилизація и ея законы. Соціальная мораль). Это громкое заглавіе не въ состояніи было скрыть внутреннюю скудость идей. Что же касается Сореля, то онъ точно также никогда не подвизался на поприщѣ юридической литературы, если не считать сочиненіемъ юридическимъ его „Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande“ (1874). Но оба эти писателя состоятъ профессорами науки международнаго права въ парижской „Ecole libre des sciences politiques“. Въ виду этой своей должности гг. Функъ-Брентано и Сорель составили вышеприведенное сочиненіе, служащее, такимъ образомъ, мѣриломъ той высоты, на которую они поставили преподаваемый ими предметъ.

Посмотримъ теперь, что понимаютъ авторы подъ наукою международнаго права. Они энергически настаиваютъ на необходимости изуче-

[illegible]

дарственнаго порядка и о самомъ государствѣ. Если же источникомъ публичнаго международнаго права является международное частное право, то должно думать, что по мнѣнію авторовъ разбираемаго труда тѣ же самыя нормы, которыя опредѣляютъ отношенія между подданными различныхъ государствъ, имѣютъ обязательную силу также въ области междугосударственныхъ отношеній. И, дѣйствительно, авторы не останавливаются предъ этимъ выводомъ: они безъ обиняковъ объявляютъ, что въ случаѣ нарушенія международнаго частнаго права нарушены права заинтересованнаго государства, которому остается или начать дипломатическіе переговоры, или же войну (стр. 29).

Однако возвратимся къ разсмотрѣнію основной точки зрѣнія гг. Функъ-Брентано и Сореля. Если дѣйствительно писатели международнаго права понятія не имѣли о „реальномъ" правѣ и исключительно предавались въ своихъ системахъ абстрактнымъ разсужденіямъ, то было бы крайне желательно знать, кто изъ выдающихся ученыхъ этой науки можетъ быть обвиняемъ въ *такомъ* пренебреженіи исторіи и фактовъ? Развѣ Гуго Гроцій, Вольфъ, Ваттель, Гефтеръ и Блунчли не обращали никакого вниманія на реальные факты и историческій опытъ? Какимъ же образомъ объяснить, что многія изъ началъ, которыя выставлялись Гуго Гроціемъ какъ обязательные законы въ области международныхъ отношеній, теперь вошли въ плоть и кровь цивилизованныхъ народовъ, если они не основывались на историческихъ фактахъ и изученіи законныхъ интересовъ государствъ?

Впрочемъ, сами авторы должны сознаться, что „теоретики" также основывали свои положенія на „точномъ изученіи фактовъ" (étude exacte des faits), излагали ихъ методически и старались поставить ихъ въ согласіе съ развитіемъ международныхъ отношеній (стр. 2). Въ виду этого обстоятельства гг. Функъ-Брентано и Сорель даже соглашаются признать системы теоретиковъ „не совершенно безполезными" (стр. 495), потому что онѣ констатируютъ добытые результаты и служатъ рычагами къ дальнѣйшему расширенію человѣческаго знанія.

Если это такъ, если „теоретики" точно также обращали вниманіе на факты, то, спрашивается, чѣмъ же отличается практическое или „реальное" направленіе авторовъ отъ направленія первыхъ? Если существующія научныя системы международнаго права основываются на „точномъ изученіи фактовъ", т. е. историческаго опыта и международныхъ отношеній, то трудно понять, въ чемъ же собственно состоитъ различіе между „droit des gens réel" гг. Функъ-Брентано и Сорель и „droit des gens theorique" остальныхъ писателей по международному праву.

Впрочемъ разница существуетъ, — но только въ противуположномъ смыслѣ. Всѣ новѣйшіе писатели по международному праву въ Германіи, Англіи, Франціи и Бельгіи гораздо больше обращаютъ вниманія на факты, обычаи и законныя потребности народовъ, нежели авторы разбираемаго труда. Они гораздо менѣе приводятъ факты въ доказательство своего „реальнаго" или положительнаго международнаго права, нежели Кальво, Блунчли, Гефтеръ и другіе. Они цитируютъ только *одно* сочиненіе, которое они выставляютъ какъ образецъ, признавая его „наи-

болѣе полнымъ и наиболѣе дѣльнымъ“ (le plus sage) изъ всѣхъ существующихъ трудовъ. Это сочиненіе Кальво: „Le droit international *théorique* et *pratique*. Такое заявленіе можетъ казаться весьма страннымъ, въ виду того, что Кальво, какъ видно изъ заглавія, на первый планъ ставитъ именно „теорическую“ часть международнаго права, на которую сами авторы совершаютъ такое ожесточенное нападеніе. Какимъ же образомъ могли они положить этотъ трудъ въ основаніе своего собственнаго руководства, которымъ должна была начинаться новая эпоха въ наукѣ международнаго права? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Но съ другой стороны, нельзя не сказать, что еслибъ авторы дѣйствительно приняли за образецъ сочиненіе Кальво и болѣе внимательно его изучили, они навѣрно отказались бы отъ своего страннаго раздѣленія международнаго права и многихъ крайне смѣлыхъ, чтобъ не сказать болѣе, выводовъ.

Своеобразная оригинальность гг. Функъ-Брентано и Сореля обнаруживается, между прочимъ, изъ ихъ пониманія *войны* и отношеній между воюющими государствами. Они признаютъ войну санкціею международнаго права, которая основывается исключительно на силѣ, и потому право войны есть право сильнѣйшаго (стр. 7). Отсюда слѣдуетъ, что всякая попытка къ уничтоженію международныхъ войнъ не имѣетъ никакого разумнаго смысла. Мало того: „никогда не достигнутъ того, чтобъ война была цивилизованнѣе, потому что никогда нельзя будетъ достигнуть ея упраздненія“ (стр. 497). На этомъ основаніи „стараться обратить обычаи войны въ кодифицированное право значитъ прибавить ко всѣмъ бѣдствіямъ войны еще возмущеніе, которое возбуждаетъ нарушеніе права въ каждой честной душѣ“ (стр. 796).

Эти категорическія положенія заставляютъ думать, что, по мнѣнію авторовъ, война не должна подчиняться никакимъ ограниченіямъ, потому что она торжество сильнѣйшаго. Если нельзя „цивилизировать“ войну, то нечего думать о томъ, чтобъ можно было настаивать на соблюденіи воюющими державами какихъ нибудь обычаевъ и правилъ войны. Однако, на основаніи своего „реальнаго“ направленія авторы не могли не констатировать, что въ теченіи времени выработались извѣстные обычаи и законы, обязательная сила которыхъ признается во время войны цивилизованными народами. Эти же обычаи войны очевидно ограничиваютъ право сильнѣйшаго; они ограничиваютъ дѣйствія войны, которыя чрезъ нихъ все болѣе и болѣе подчинялись вліянію цивилизаціи; наконецъ, если это такъ, то нельзя не желать, чтобъ эти обычаи войны были бы точно выяснены, кодифицированы и исполненіе ихъ обезпечено прежде всего знаніемъ воюющихъ армій объ ихъ существованіи.

Гг. Функъ-Брентано и Сорель не затрудняются также констатировать, что обычаи войны существуютъ, что война должна быть опредѣлена (стр. 7) и что по мѣрѣ развитія цивилизаціи обычаи войны дѣлаютъ войны „менѣе варварскими, болѣе быстрыми и учеными“ (стр. 497). Такимъ образомъ на той же самой страницѣ (497), на которой категорически утверждается о невозможности „цивилизировать“ войну, доказывается, что цивилизація дѣйствительно ограничиваетъ, мало по малу, ея бѣдствія! Мало того, отрицая возможность и цѣлесообразность кодификаціи военныхъ обычаевъ,

они вслѣдъ за тѣмъ. черезъ нѣсколько строкъ, доказываютъ, что воюющія государства должны согласиться на счетъ этихъ обычаевъ, съ цѣлью предупредить различное ихъ толкованіе (стр. 497)!

Подобныя противорѣчія и неясности встрѣчаются почти на каждой страницѣ этого руководства „реальнаго" международнаго права. Стòитъ только открыть любую страницу, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ на удачу.

На страницѣ 12-й авторы стараются провести различіе между понятіями о націи (nation) и государствѣ (Etat). Подъ націею они разумѣютъ общество людей, соединенныхъ между собою общностью нравовъ, обычаевъ и историческихъ преданій. На слѣдующей же страницѣ (13-й) они утверждаютъ, что государства суть націи, которымъ удалось организоваться въ предѣлахъ опредѣленной территоріи. Если же, по ихъ мнѣнію, понятія о государствѣ и націи не покрываютъ другъ друга, если націи бываютъ раздроблены между различными государствами, то нѣтъ логическаго основанія сказать въ то же время, что государство есть нація. Очевидно, что авторы въ одномъ случаѣ употребляютъ слово „нація" для обозначенія *культурнаго* единства между политически разрозненными членами одного и того же племени, въ другомъ — они разумѣютъ *политическое* единство *народа*.

Далѣе, на страницѣ 130 и слѣд. гг. Ф.-Брентано и Сорель приступаютъ къ подробному изученію весьма важнаго вопроса о международныхъ трактатахъ. По мнѣнію авторовъ, международные трактаты мира составляютъ „основаніе (le fond) международнаго права, потому что война прекращаетъ всѣ правовыя отношенія между воюющими государствами". Такое положеніе представляется совершенно бездоказательнымъ, во 1-хъ потому, что сами авторы доказываютъ, что войны подчиняются опредѣленнымъ юридическимъ нормамъ, и во 2-хъ, потому, что трактаты союзные, вѣчнаго нейтралитета и т. п. едва ли имѣютъ меньшее значеніе, при конкретныхъ обстоятельствахъ, нежели трактаты мира.

На основаніи вышеизложеннаго нельзя признать сочиненіе гг. Функъ-Брентано и Сорель удачною попыткою изложить современное международное право. Намъ кажется, что трудъ авторовъ стоялъ бы значительно выше, еслибъ они лучше изучили современную литературу международнаго права. Тогда бы ихъ *„реальное"* международное право не представлялось бы смѣшеніемъ всѣхъ юридическихъ и политическихъ понятій, но обратилось бы въ *положительное* международное право, излагаемое въ превосходныхъ трудахъ Филлимора, Блунчли, Гефтера, Кальво и другихъ.

Rüstow. Kriegspolitik und Kriegsgebrauch. Studien und Betrachtungen. Zürich. 1876 (p. 328 in 8⁰). (*Рюстова*, Политика и обычаи войны).

Авторъ этого сочиненія швейцарскій полковникъ, пользующійся въ Европѣ довольно значительною извѣстностью вслѣдствіе своихъ военно-историческихъ трудовъ. Начиная съ Восточной войны 1854 года не было войны въ Европѣ, которой этотъ писатель не посвятилъ бы одного или

двухъ томовъ. Но кромѣ того онъ сдѣлалъ себѣ имя своими сочиненіями по общей тактикѣ и стратегіи новѣйшаго времени.

Настоящій трудъ, подлежащій нашему разбору, вызванъ желаніемъ г. Рюстова представить въ точно опредѣленныхъ рамкахъ всѣ вопросы, возникающіе во время военныхъ дѣйствій между воюющими государствами. Онъ говоритъ, что до сихъ поръ „о такъ называемомъ международномъ правѣ войны" разсуждали только юристы, которые только обращали вниманіе на „право", но не на „необходимости" (неизбѣжныя условія) войны. Онъ же признаетъ всѣ эти „разглагольствованія" юристовъ и въ частности писателей по международному праву совершенно непроизводительною „галиматьею". Цѣль его труда заключается въ изученіи необходимыхъ потребностей войны и въ выясненіи выработавшихся военныхъ обычаевъ (Kriegsgebrauch). На послѣднихъ страницахъ, авторъ самъ объясняетъ, что ему вполнѣ удалось изложить военные обычаи въ гораздо болѣе „понятной и ясной формѣ" (стр. 324). Въ виду этого категорическаго заявленія должно думать, что ему дѣйствительно удалось убѣдить писателей международнаго права, что они „пустоголовые" (leere Köpfe), надъ которыми смѣются ихъ же „господа" (Herren), платящіе имъ жалованье, но въ то же время смѣющіеся надъ ними (стр. 246).

Изъ этихъ немногихъ словъ можно получить нѣкоторое понятіе о томъ задорѣ и о той неприличной ученому писателю прыти, которыми, къ сожалѣнію, слишкомъ отличается эта книга. Неизлишне прибавить, что изъ всѣхъ писателей международнаго права г. Рюстовъ особенно ожесточенъ противъ своего знаменитаго земляка профессора Блунчли. На этого ученаго, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ и вполнѣ заслуженною извѣстностью, г. Рюстовъ нападаетъ съ особенною желчностью и энергіею. Откуда такая вражда — это вопросъ, на который трудно найти отвѣтъ въ самомъ сочиненіи.

Но обратимся къ разсмотрѣнію новаго „штандтпункта", который открылъ г. Рюстовъ для обсужденія взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ.

Авторъ принимаетъ за исходную точку зрѣнія слова знаменитаго прусскаго стратега Клаузевица: „война орудіе политики". Въ войнѣ и посредствомъ ея государства стремятся къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей. Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію г. Рюстова, что война не подлежитъ никакимъ опредѣленнымъ правиламъ или законамъ, и говорить о правѣ во время войны значитъ морочить себя и другихъ. Война есть такая же борьба за существованіе, какая происходитъ во всей природѣ (стр. 5).

Но эта основная точка зрѣнія очевидно основана на софизмѣ, что политика и право или законъ ничего общаго между собою не имѣютъ. По мнѣнію г. Рюстова государственный дѣятель, пользующійся своею властью для достиженія политическихъ цѣлей, никакимъ законамъ не подлежитъ: онъ стоитъ выше закона. Онъ можетъ принимать такія мѣры, издавать такія распоряженія, которыя вполнѣ нарушаютъ установленные законы и права. Но если онъ въ состояніи предпринимать такія противозаконныя дѣйствія, онъ, по мнѣнію г. Рюстова, поступаетъ совершенно правильно и никакому осужденію не подлежитъ. Однимъ словомъ, если

война орудіе политики, то, на основаніи словъ автора, она не подчиняется никакимъ правиламъ, законнымъ или обычнымъ. Но такое воззрѣніе на политику кажется крайне страннымъ въ устахъ писателя, принадлежащаго свободной Швейцаріи. Оно было бы совершенно къ лицу какому нибудь турецкому пашѣ. По понятіямъ же современныхъ цивилизованныхъ народовъ и политическихъ мыслителей, политика должна быть закономѣрна, т. е. сами политическія цѣли государствъ должны быть, въ принципѣ, опредѣляемы закономъ, который, въ то же время, опредѣляетъ компетенцію, права и степень власти лицъ, обязанныхъ преслѣдовать установленныя цѣли.

Далѣе, если авторъ представляетъ себѣ войну между людьми въ видѣ такой же борьбы за существованіе, какую мы видимъ въ природѣ, въ которой, по словамъ Спинозы, большія рыбы имѣютъ *право* пожирать малыя, то онъ этимъ не сказалъ рѣшительно ничего новаго. Но что война между народами не есть такое взаимное пожираніе людей, неподчиняющееся рѣшительно никакимъ правиламъ, доказательства тому мы находимъ въ разбираемомъ трудѣ г. Рюстова.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя авторъ постоянно насмѣхается надъ требованіемъ, чтобъ воюющія войска не нарушали такого-то правила и такого-то закона войны, самъ онъ постоянно говоритъ объ обычаяхъ войны (Kriegsgebrauch). Въ принципѣ, говоритъ онъ, воюющему дозволено употреблять какія угодно средства для нанесенія вреда своему врагу. Въ особенности неограниченна власть того воюющаго государства, на сторонѣ котораго правда и справедливость (стр. 170). Впрочемъ, если воюющія державы сами ограничиваютъ свои права, то онѣ руководствуются только своими интересами. „Во время войны", торжественно объявляетъ г. Рюстовъ, „существуютъ только интересы, которые имѣютъ значеніе, но не права" (стр. 189). Съ этой точки зрѣнія, разсматривая, напримѣръ, отношенія оккупаціонной арміи къ населенію занятой непріятельской территоріи, г. Рюстовъ признаетъ „господствующимъ закономъ", на основаніи котораго завоеватель „только мало по малу и при употребленіи смягчающихъ средствъ обрѣзываетъ населенію уши" (стр. 213). Правда, это онъ находитъ „излишне жестокимъ", но при извѣстныхъ обстоятельствахъ такія жестокости неизбѣжны.

Между тѣмъ довольно любопытно, что авторъ поставилъ себѣ задачею именно выяснить обычныя правила или законы войны, которые никакъ не признаютъ за воюющими сторонами неограниченныхъ правъ на всевозможныя жестокости и звѣрства. Мало того: цѣлая половина разбираемаго сочиненія очевидно основана на той системѣ *права войны*, которая принята Блунчли и всѣми другими авторитетными писателями по международному праву. Далѣе, самъ г. Рюстовъ неоднократно говоритъ, что отношенія между воюющими государствами подчиняются извѣстнымъ „естественнымъ законамъ" (стр. 171). Этого мало. Авторъ доказываетъ, что съ развитіемъ цивилизаціи и смягченіи нравовъ должны были также смягчаться нѣкоторые обычаи войны и изчезнуть изъ практики нѣкоторыя излишнія жестокости.

По нашему крайнему разумѣнію, такія противорѣчія доказываютъ, что самъ авторъ не уяснилъ себѣ, раньше, чѣмъ приступилъ къ составленію

своего труда, то о чемъ онъ собственно намѣренъ писать. Дѣйствительно, если авторъ признаетъ существованіе извѣстныхъ обычныхъ правилъ, съ обязательною силою для воюющихъ армій, то эти правила по необходимости должны имѣть значеніе. Иначе нечего говорить о правилахъ войны, выработавшихся практикою, или о „Kriegsgebrauch". Если же подобные законы существуютъ, то смѣшно говорить о неограниченной власти воюющихъ въ отношеніи другъ къ другу. Законы войны могутъ основываться или на обычаѣ, или на опредѣленныхъ международныхъ соглашеніяхъ, какъ напримѣръ Женевская конвенція 1864 года и Петербургская декларація 1868 года. Въ первомъ случаѣ, они подаютъ поводъ къ постояннымъ спорамъ между воюющими сторонами, потому что ихъ содержаніе и обязательная сила недостаточно точно выяснены. Пока государства не согласились насчетъ этихъ обычныхъ правилъ войны, между ними должны возникать постоянные споры и несогласія въ толкованіи ихъ. Но отрицать самое существованіе этихъ обычаевъ войны никто не въ состояніи, и меньше всего самъ г. Рюстовъ, который на 200 страницахъ только и разсуждаетъ о тѣхъ правилахъ и способахъ дѣйствія, которые употребляютъ и могутъ употреблять воюющія стороны.

Почему же г. Рюстовъ глубоко убѣжденъ, что *его* пониманіе военныхъ обычаевъ болѣе основательно, чѣмъ гг. Блунчли, Кальво и другихъ?—Это вопросъ, на который даетъ отвѣтъ только замѣчательный полемическій задоръ автора. Извѣстный американскій генералъ Халлекъ, игравшій весьма выдающуюся роль въ междоусобной войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, также написалъ сочиненіе (International Law and Laws of war 1861) о обычаяхъ и законахъ войны, но онъ нисколько не счелъ нужнымъ доказывать, что такихъ законовъ и правилъ нѣтъ, какъ это дѣлаетъ г. Рюстовъ. Еще менѣе считаетъ Халлекъ возможнымъ признать за тѣмъ изъ воюющихъ, „который защищаетъ правое дѣло", больше правъ на совершеніе жестокостей, нежели за его противникомъ. Кому-же неизвѣстно, что всегда обѣ воюющія стороны признаютъ себя правыми и предоставить одной изъ нихъ больше власти, нежели другой, значитъ рѣшить совершенно произвольнымъ образомъ судьбу воюющихъ народовъ и оправдывать напередъ всѣ ужасы, которые могутъ быть противъ нихъ совершаемы.

Что же касается правилъ войны, основанныхъ на спеціальныхъ международныхъ трактатахъ, то г. Рюстовъ готовъ признать ихъ обязательность. Иначе пришлось бы думать, что онъ могъ бы оправдывать всѣ неслыханныя звѣрства, которыя совершаются въ настоящую войну турками надъ несчастными русскими ранеными. Впрочемъ, онъ полагаетъ, что точное исполненіе Женевской Конвенціи совершенно невозможно (стр. 200), хотя, съ другой стороны, человѣколюбіе требуетъ ея соблюденія (стр. 201).

При такомъ взглядѣ на войну, совершенно естественно думать, что г. Рюстовъ не можетъ сочувствовать никакимъ попыткамъ новѣйшаго времени, имѣвшимъ цѣлью кодифицировать обычаи и законы войны. Дѣйствительно, онъ не затрудняется высказать то положеніе, что чѣмъ истребительнѣе и болѣе варварски будетъ война, тѣмъ лучше охраняются истинные интересы человѣколюбія (стр. 179)!

Между тѣмъ, благодаря одному изъ счастливыхъ противорѣчій и непослѣдовательностей, которыхъ встрѣчается много въ разбираемомъ трудѣ, авторъ не осуждаетъ безусловно идеи, вызвавшей Брюссельскую конференцію 1874 года. Г. Рюстовъ полагаетъ, что только посредствомъ соглашенія между государствами можно будетъ обратить обычаи войны (Kriegsgebrauch) въ законы войны (Kriegsgesetz) (стр. 173). Только когда военные обычаи будутъ кодифицированы, они могутъ получить окончательную обязательную силу (стр. 324).

Согласившись отнестись снисходительно къ идеѣ Брюссельской конференціи, авторъ вслѣдъ затѣмъ утверждаетъ, что въ Брюсселѣ великія военныя державы желали издать „Code d'invasion" („кодексъ наступленія или завоеванія"), съ цѣлью парализовать силу самообороны второстепенныхъ государствъ. Между тѣмъ, самъ авторъ, излагая обычаи войны, относящіеся до занятія непріятельской территоріи, постоянно или ссылается на проектъ декларапіи, составленной на Брюссельской деклараціи, или выставляетъ правила съ нею по существу согласныя! (стр. 219). Точно также при обсужденіи другихъ вопросовъ права войны г. Рюстовъ не затрудняется приводить въ пользу своего мнѣнія авторитетъ Брюссельской конференціи. Но, съ другой стороны, авторъ, къ несчастію, весьма часто приписываетъ проекту Брюссельской деклараціи такія правила, о которыхъ въ немъ нѣтъ и помину. Такъ, онъ утверждаетъ, что на основаніи деклараціи каждый волонтеръ или доброволецъ долженъ бы имѣть отъ правительства „писанное или печатное" разрѣшеніе на военныя дѣйствія (стр. 186). Такого правила нѣтъ и не было въ Брюссельской деклараціи. Изъ этого факта и другихъ ему подобныхъ можно убѣдиться, что авторъ имѣетъ вообще довольно смутныя понятія о Брюссельской деклараціи, на которую онъ однако постоянно ссылается (Блунчли).

Изъ вышеизложеннаго видно, что трудъ г. Рюстова значительно выигралъ бы во внутреннемъ своемъ достоинствѣ, еслибъ въ немъ было меньше политическаго задора и глумленія надъ воззрѣніями другихъ писателей, у которыхъ онъ самъ заимствуетъ весьма многое. При этомъ условіи тѣ здравыя мысли и мѣткія замѣчанія, которыя встрѣчаются въ его трудѣ, не исчезали бы подъ массою яко бы остроумныхъ выходокъ противъ ученаго его земляка.

Такъ, довольно интересною представляется глава 4-я, въ которой разбираются различныя причины международныхъ войнъ начиная съ эпохи первоначальныхъ періодовъ исторіи до настоящаго времени. Между прочимъ, авторъ разбираетъ также отношенія Россіи къ Турціи и доказываетъ, что мы имѣемъ несомнѣнное право открыть двери изъ Чернаго моря въ Средиземное море, т. е. добиться свободы прохода для военныхъ судовъ чрезъ проливы Босфорскій и Дарданельскій. Турокъ авторъ изгоняетъ не только изъ Европы, но даже отнимаетъ у нихъ западную часть Малой Азіи, гдѣ снова должны возродиться цвѣтущія колоніи древней Греціи. „И почему, спрашиваетъ г. Рюстовъ, „не признать за Россіею, связанною племенными и церковными отношеніями съ народами Балканскаго полуострова, право на естественное покровительство надъ ними? Почему она не могла бы владѣть нѣсколькими укрѣпленными пунктами на обоихъ берегахъ Босфора и Дарданелловъ? Какая невыгода была бы отъ этого для

современной цивилизаціи?“ (стр. 71). Нѣтъ никакой возможности усмотрѣть этой невыгоды и то что говорится и пишется по этому поводу „ничто иное какъ вызубренныя фразы дипломатіи, которая своими подвигами въ продолженіи XIX в. выказывала себя до послѣдней возможности совершенно неспособною“.

Послѣдняя фраза вновь доказываетъ, что авторъ рѣшительно не въ состояніи относиться съ уваженіемъ и хладнокровно къ воззрѣніямъ, которыхъ онъ не одобряетъ.

Bluntschli. Das Beuterecht im Kriege und das Seebeuterecht insbesondere. Eine völkerrechtliche Untersuchung. Nördlingen. 1877, in 8⁰ p. 168. (*Блунчли*, Право добычи на войнѣ и морское право добычи въ особенности).

Этотъ этюдъ знаменитаго гейдельбергскаго профессора обязанъ своимъ происхожденіемъ просьбѣ, съ которою обратился къ нему почтенный предсѣдатель и учредитель московскаго общества мореплаванія и судоходства графъ А. Комаровскій—подвергнуть основательному разсмотрѣнію вопросъ о законности добычи во время войны на морѣ. Г. Блунчли, съ свойственною ему любовью къ наукѣ и основательностью, взялся за разрѣшеніе поставленной задачи, и результатомъ его изысканій явился трудъ, за который остается только благодарить какъ его автора, такъ и нашего соотечественника, подавшаго къ тому мысль.

Впрочемъ, несправедливо было бы видѣть въ этомъ краткомъ этюдѣ какое-то выдающееся произведеніе новѣйшей литературы международнаго права, вносящее совершенно новыя идеи. Нѣтъ, самъ авторъ поставилъ себѣ только цѣлью доказать историческими фактами и посредствомъ разбора мнѣній своихъ противниковъ, что частная непріятельская собственность должна пользоваться на морѣ такою же неприкосновенностію, которая признается за нею во время военныхъ дѣйствій на сушѣ.

Согласно этой цѣли, г. Блунчли останавливается, прежде всего, на историческомъ развитіи права частной собственности во время судоходныхъ войнъ. Онъ приводитъ весьма любопытныя доказательства тому, что въ исторіи военныхъ обычаевъ дѣйствительно, мало по малу, совершается осязательный переходъ къ гуманизаціи военныхъ дѣйствій. Если въ древнихъ войнахъ на Востокѣ, въ Азіи, военно-плѣнные казнились и жертвовались богамъ, то въ древней Греціи уже высказывается сознаніе неприкосновенности жизни плѣнныхъ: они продавались въ рабство и иногда выкупались. Римляне же обыкновенно обращали въ рабство только вооруженныхъ своихъ враговъ, взятыхъ въ плѣнъ. Что-же касается дѣтей, женщинъ и вообще мирнаго населенія на непріятельской территоріи, то они обыкновенно остаются на свободѣ. Въ средніе вѣка еще болѣе смягчаются суровыя послѣдствія войны: военноплѣнные не только не обращаются въ рабство, но долгъ рыцарства требовалъ уваженія къ нимъ со стороны побѣдителя. Этого мало. Даже собственность мирнаго населенія въ непріятельскомъ государствѣ далеко

не всегда опустошается и раззоряется въ конецъ. Весьма любопытнымъ представляется, въ этомъ отношеніи, швейцарскій законъ 1399 года, приводимый г. Блунчли (стр. 42).

Однако, все-таки еще въ продолженіи XVI и XVII вв. обычаи войны были крайне суровы. Въ теченіи 30-ти лѣтней войны воюющія державы доходили до крайней степени взаимнаго ожесточенія и жестокости. Но не совсѣмъ основательнымъ кажется намъ мнѣніе автора, что эта ужасная война была поворотомъ къ прежнимъ худшимъ временамъ (стр. 45). Тридцатилѣтняя война потому раззорила въ конецъ всю Германію, что продолжалась столь продолжительное время, а не потому, что измѣнились взгляды государствъ на войну или военные обычаи. Продолжительность этой войны пріучила войска къ легкой и необузданной жизни насчетъ мирнаго и безоружнаго населенія какъ родины, такъ и непріятельской страны.

Со второй половины прошлаго столѣтія, постепенно получаетъ право гражданства принципъ, что война есть отношеніе государства къ государству и непосредственная борьба между войсками. На этомъ основаніи вырабатывается самою военною практикою сознаніе неприкосновенности частной собственности подданныхъ непріятеля, такъ что военною добычею могутъ быть только предметы, принадлежащіе самому воюющему государству.

По убѣжденію г. Блунчли единственно только Брюссельская конференція 1874 года выставила тѣ точныя правила для современной войны между *цивилизованными* народами, которыя должны имѣть обязательную силу.

Во второй части своего изслѣдованія, авторъ переходитъ къ подробному анализу воззрѣній различныхъ писателей по международному праву, начиная съ Альберика Гентилиса, до настоящаго времени, по вопросу о неприкосновенности частной собственности во время войны. Разсмотрѣвъ критически доводы защитниковъ въ пользу конфискаціи частной собственности на морѣ, г. Блунчли констатируетъ, что даже приверженцы англійскаго призоваго права не могутъ отрицать. что на сушѣ собственность частныхъ лицъ дѣйствительно признается неприкосновенною во время войны. Но если это положеніе признается за нею во время сухопутной войны, то нѣтъ, по его мнѣнію, никакого *юридическаго* основанія для захвата купеческихъ судовъ и товаровъ, принадлежащихъ подданнымъ непріятельскаго государства.

Въ пользу этого положенія г. Блунчли приводитъ рѣшенія, принятыя огромнымъ большинствомъ голосовъ на послѣднихъ двухъ сессіяхъ Института Международнаго Права. Какъ въ Гаагѣ, гдѣ Институтъ засѣдалъ въ 1875 году, такъ и во время его сессіи въ сентябрѣ 1877 года въ Цюрихѣ, огромное большинство членовъ было за провозглашеніе принципа неприкосновенности частной собственности во время морской войны. Только присутствовавшіе въ засѣданіяхъ англійскіе юристы, какъ-то: Траверсъ-Твисъ, Вестлекъ, Монтэгю-Бернаръ, Голландъ и Лоримеръ энергически защищали англійское призовое ---- и необходимость захвата мирныхъ купеческихъ судовъ.

Не убѣдится-ли въ скоромъ времени сама Англія, что ей гораздо выгоднѣе отречься отъ права захвата непріятельскихъ купеческихъ судовъ?

Lindsay. Manning the Royal Navy and mercantile marine; also Belligerent and Neutral Rights in the event of war. London. 1877, p. 133 in 8⁰. (*Линдсея*, Комплектованіе военнаго и коммерческаго флота; права воюющихъ и нейтральныхъ въ случаѣ войны).

На поставленный въ предъидущей рецензіи вопросъ о выгодности для самой Англіи отказаться отъ права захвата купеческихъ судовъ отвѣчаетъ г. Линдсей, отставной морякъ англійской морской службы, совершенно утвердительно. Онъ полагаетъ, что для Англіи гораздо выгоднѣе отречься отъ своего стариннаго права, потому что англійскій коммерческій флотъ не можетъ быть вполнѣ защищенъ во время войны отъ непріятельскихъ нападеній. Онъ не понимаетъ слѣпоты англійскихъ государственныхъ людей и юристовъ, которые съ ожесточеніемъ возстаютъ противъ отмѣны захвата коммерческихъ судовъ.

Авторъ былъ другомъ и единомышленникомъ Ричарда Кобдена, который со всѣмъ своимъ авторитетомъ заступился за новый принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ, защищаемый почти всѣми континентальными публицистами и учеными юристами. Г. Линдсей приводитъ нѣсколько выписокъ изъ необнародованныхъ и адресованныхъ къ нему писемъ знаменитаго англійскаго политическаго дѣятеля, въ которыхъ онъ со всею своею энергіею возстаетъ противъ господствующаго въ Англіи взгляда (стр. 113 и слѣд.). По мнѣнію автора, англійскій коммерческій флотъ „Ахиллесова пята" (must vulnerable point) Англіи (стр. 126), и только обезпеченіе его отъ непріятельскаго захвата можетъ спасти его на случай войны.

Имѣя въ виду эти вѣскіе аргументы, мы можемъ находить крайне непонятнымъ, что всѣ новѣйшіе англійскіе государственные люди, начиная съ лорда Пальмерстона и кончая графомъ Биконсфильдомъ, не только не допускаютъ мысли объ отмѣнѣ захвата купеческихъ непріятельскихъ судовъ, но даже мало сочувствуютъ постановленіямъ парижской декларація 1856 года, которыя отмѣнили каперство и ограничили произволъ воюющаго въ отношеніи нейтральной торговли. Не менѣе страннымъ должно казаться, что всѣ современные англійскіе спеціалисты по международному праву, не исключая замѣчательнаго своею самостоятельностью Лоримера, единодушно защищаютъ старую практику. Неужели всѣ эти выдающіеся по своему уму и политическому смыслу люди не понимаютъ, какая опасность угрожаетъ англійскимъ коммерческимъ судамъ въ случаѣ войны съ Англіей? Неужели они не въ состояніи видѣть, что никогда англійскій военный флотъ не въ состояніи будетъ защищать отъ непріятельскихъ нападеній всѣ англійскія коммерческія суда, число которыхъ превышаетъ количество купеческихъ кораблей всѣхъ другихъ народовъ земнаго шара взятыхъ вмѣстѣ?

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ. Замѣтимъ только, что защита Англіею нынѣ дѣйствующаго порядка морской войны служитъ новымъ доказательствомъ того практическаго ума и холоднаго разсчета, которыми всегда отличались государственные дѣятели этой страны. Въ Англіи несомнѣнно господствуетъ мнѣніе, что во 1) пока она не откажется отъ захвата купеческихъ судовъ, другія державы также не согласятся на требуемую реформу, и во 2) войны между континентальными державами гораздо вѣроятнѣе и чаще, нежели между Англіею и какою-нибудь другою державою. Если это такъ, то, въ случаѣ войны, въ которой Англія останется нейтральною, торговля воюющихъ державъ легко можетъ быть захвачена ея купеческими судами. Согласно съ этимъ въ интересахъ Англіи оставаться, насколько возможно, нейтральною и эксплуатировать торговлю съ воюющими государствами всѣми средствами. При такихъ условіяхъ Англія добивается, что судохозяева воюющихъ государствъ часто бываютъ вынуждены или отказываться отъ торговли, или даже продавать свои суда англичанамъ. Къ тому-же, въ Англіи далеко еще не всѣ убѣждены въ томъ, что англійскій военный флотъ дѣйствительно не въ состояніи будетъ очистить море отъ непріятельскихъ судовъ или запереть ихъ, посредствомъ блокады, въ опредѣленныхъ портахъ.

Какъ бы то ни было, но г. Линдсей совершенно не согласенъ съ господствующимъ въ Англіи воззрѣніемъ. Насколько авторъ самостоятельно смотритъ на вещи и не боится общественныхъ предразсудковъ, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ самымъ безпощаднымъ образомъ казнитъ своихъ соотечественниковъ, которые, во время Восточной войны, не стыдились хвастаться тѣмъ, что нападали на бѣдныхъ финляндскихъ рыбаковъ и сожигали и разсоряли ихъ рыбачьи лодки. „Мы подожгли и раззорили полдюжину несчастныхъ барокъ (luggers), принадлежащихъ городу Колѣ, большая часть жителей которыхъ, я увѣренъ, никогда не слыхали о Константинополѣ, еще меньше о „четырехъ пунктахъ“, и, уничтоживъ средства къ жизни этого бѣднаго и невиннаго народа, мы подожгли ихъ городъ, оставивъ мужей, женъ и дѣтей умереть отъ холода и голода. Это никогда не называлось славою!“ (This is never called „glory“). „Наконецъ, заключаетъ Линдсей, такая нація какъ Великобританія должна была стыдиться своихъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ во время войны съ Россіею“ (стр. 127).

Такое честное отношеніе къ событіямъ можетъ только вызвать искреннее уваженіе во всякомъ постороннемъ человѣкѣ; такое справедливое осужденіе варварскихъ поступковъ Англіи противъ Россіи въ Восточной войнѣ даетъ автору право на особенное сочувствіе и признательность со стороны каждаго русскаго.

Изложенныя выше мысли г. Линдсея составляютъ содержаніе второй части его труда. Въ первой, онъ подробно разсматриваетъ современное положеніе англійскаго военнаго флота со стороны комплектованія его личнаго состава. Соображенія автора весьма интересны, но скорѣе относятся къ области военно-морской техники и прежде всего заслуживаютъ вниманія спеціалистовъ по морскому дѣлу.

Pierantoni. Storia del diritto internazionale nel secolo XIX. Napoli, 1876, in 16°, p. 665. (*Пьерантони*, Исторія международнаго права въ XIX вѣкѣ).

Профессоръ Неаполитанскаго университета г. Пьерантони извѣстенъ уже многими сочиненіями по международному праву. Но наиболѣе слабымъ кажется намъ послѣднее произведеніе его пера: „Исторія международнаго права въ XIX столѣтіи". Нѣтъ спора, что заглавіе весьма громкое, но посмотримъ, что даетъ содержаніе.

На основаніи этого труда, исторія международнаго права есть ничто иное какъ простой перечень всякаго рода фактовъ изъ области международной жизни и науки, безъ всякой между ними внутренней связи. Притомъ авторъ начинаетъ исторію международнаго права въ XIX столѣтіи, не болѣе и не менѣе, какъ съ эпохи реформаціи и со временъ Гентилиса и Гуго Гроція! Это значитъ отнести уже слишкомъ далеко назадъ начало XIX вѣка. Если къ тому имѣть въ виду, что исторія международнаго права въ продолженіи XVI, XVII и XVIII вѣковъ излагается на 36 страницахъ маленькаго формата и весьма крупнымъ шрифтомъ, то понятно будетъ, до какой степени поверхностенъ весь этотъ перечень голыхъ фактовъ Затѣмъ въ двухъ главахъ (II и III) или на 79 страницахъ авторъ излагаетъ исторію наполеоновскихъ войнъ, эпоху конгрессовъ, исторію Восточной войны 1854—1856 г. и исторію литературы международнаго права. Впрочемъ, хотя въ теченіи времени съ 1815 по 1856 годъ наука международнаго права, въ полномъ смыслѣ, процвѣтала въ западной Европѣ и съ любовью изучалась весьма замѣчательными юристами, г. Пьерантони знаетъ за весь этотъ періодъ только о существованіи трудовъ двухъ или трехъ итальянскихъ писателей. Только въ сочиненіяхъ г. Манчини, пользующагося конечно общеевропейскою извѣстностью, и въ его школѣ, къ которой тѣломъ и душою принадлежитъ самъ авторъ, усматриваетъ онъ всю науку международнаго права за весь этотъ богатѣйшій періодъ ея исторіи (стр. 113 и слѣд.).

Наконецъ въ остальныхъ главахъ (IV до X) г. Пьерантони дѣлаетъ попытку разсказать о всѣхъ событіяхъ и трудахъ, которые возникли въ теченіе времени съ 1859 года до конца 1876 года и касаются отношеній между современными цивилизованными народами. Весь этотъ очеркъ страдаетъ такою же поверхностью изложенія и такими же существенными пробѣлами, какъ первыя главы его труда. Наиболѣе подробно излагаетъ г: Пьерантони исторію возникновенія Института Международнаго Права (стр. 488 и слѣд.) и его работъ, начиная съ его основанія (1873 года) до предпослѣдней его сессіи въ Гагѣ въ 1875 году. Если авторъ желалъ такимъ образомъ выразить свое уваженіе къ учрежденію, за которымъ должно признать блестящую роль въ будущемъ, то онъ совершенно достигъ своей цѣли. Однако, вполнѣ раздѣляя съ авторомъ его чувства уваженія къ Институту Международнаго Права, мы все-таки думаемъ, что въ исторіи этого учрежденія

никакъ не отражаются всѣ международныя событія послѣдняго времени. Между тѣмъ г. Пьерантони удѣлилъ Институту въ своей „Исторіи международнаго права въ XIX ст." въ *десять* разъ больше мѣста, нежели всей эпохѣ конгрессовъ послѣ 1815 года.

Такимъ образомъ нельзя признать послѣдній трудъ г. Пьерантони удавшимся въ какомъ бы то ни было отношеніи. Онъ стоитъ гораздо ниже его „Исторіи изученія международнаго права въ Италіи" (Storia degli studi del diritto internazionale in Italia 1869); лучшія мѣста этой книги составляютъ также лучшія страницы въ разсмотрѣнномъ нами трудѣ.

Don Nicasio di Landa. El derecho de la guerra conforme à la moral. Pamplona. 1877. 3 ed., p. 336, in 8⁰. *(Никазіо Ди Ланда*, Право войны, основанное на нравственности).

Авторъ этого сочиненія извѣстенъ Европѣ тѣмъ горячимъ участіемъ, которое онъ принималъ въ составленіи первоначальнаго проекта Женевской конвенціи о раненыхъ и больныхъ воинахъ въ 1863 году. Четыре года спустя, именно въ 1867 году, онъ издалъ свое „Право войны, основанное на нравственности", которое въ нынѣшнемъ году появилось третьимъ изданіемъ. Несмотря на ужасныя войны, опустошавшія въ последнее время Европу, г. Ланда остался такимъ же убѣжденнымъ защитникомъ интересовъ человѣколюбія, какимъ онъ былъ всегда. Правда, не въ особенно привлекательной картинѣ представляетъ онъ себѣ современныя международныя отношенія. Если, говоритъ онъ въ предисловіи, древніе народы говорили: „Vae victis!"—то въ настоящее время мы должны сказать: „Горе безсильнымъ!" (Ay de los débiles!). Но такое положеніе нисколько не приводитъ автора въ отчаяніе. Нѣтъ, напротивъ, по его мнѣнію, „чѣмъ чаще стали войны, тѣмъ необходимѣе настаивать на уваженіи нравственности".

Исторія международныхъ войнъ привела автора къ непоколебимому убѣжденію въ необходимости постояннаго ограниченія ихъ бѣдствій и въ возрастающемъ уваженіи воюющихъ сторонъ къ установившимся законамъ и обычаямъ войны. Въ этомъ отношеніи онъ особенно высоко цѣнитъ заслугу писателей международнаго права, которые, даже во время самыхъ ужасныхъ войнъ, не уставали защищать интересы цивилизаціи и право безоружныхъ и несчастныхъ жертвъ войны. Вотъ почему г. Ланда такъ высоко ставитъ извѣстныя „Инструкціи для армій Сѣверо-Американскихъ Штатовъ", составленныя Либеромъ, и превосходное сочиненіе профессора Блунчли. Наконецъ, Брюссельская конференція 1874 года, созванная по высоко-гуманному почину нашего Государя, представляется г. Ландѣ наиболѣе знаменательнымъ явленіемъ въ исторіи попытокъ ограничивать, насколько возможно, бѣдствія международныхъ войнъ.

Такова основная точка зрѣнія автора и источники, на которыхъ

онъ основываетъ свои положенія, совершенно согласныя съ трудами Либера и Блунчли и Брюссельскою деклараціею 1874 года.

Выяснивъ въ весьма краснорѣчивомъ введеніи сущность войны, ея ужасы и несчастную необходимость ея, авторъ переходитъ затѣмъ къ опредѣленію основныхъ началъ права войны. Онъ даетъ свое собственное опредѣленіе войны (стр. 21) и доказываетъ, что только та война должна быть признана справедливою, которая вызвана нарушеніемъ основныхъ правъ народовъ (стр. 25). Далѣе, онъ разсматриваетъ (въ книгѣ II) права воюющихъ въ отношеніи мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства и вообще одобряетъ принципы, выставленные по этому вопросу въ первыхъ статьяхъ проекта Брюссельской деклараціи (стр. 71). Опредѣливъ (въ книгѣ III) взаимныя права воюющихъ въ отношеніи другъ къ другу, г. Ланда заключаетъ свой трудъ краткимъ очеркомъ права нейтралитета (кн. IV) и ученіемъ о заключеніи мира (кн. V).

При обсужденіи всѣхъ этихъ предметовъ авторъ приводитъ буквальный переводъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ трудовъ Либера и Блунчли, а равно и изъ проекта Брюссельской деклараціи 1874 года. Потому это сочиненіе испанскаго писателя, очевидно, ничего новаго не даетъ и самостоятельнаго научнаго значенія не имѣетъ. Это только общій выводъ изъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ войны.

Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877. St.-Pétersbourg, p. 514 in 16°. (Дипломатическій ежегодникъ Россійской Имперіи, за 1877 г.).

Это изданіе обязано своимъ происхожденіемъ счастливой мысли дать каждому, интересующемуся международными или дипломатическими сношеніями Россіи съ иностранными державами, самую удобную настольную книгу. Согласно этой мысли въ этомъ „Ежегодникѣ" имѣется не только перечень высшихъ чиновъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, состава русскихъ посольствъ и консульствъ за границею, но также перечисленіе чиновъ дипломатическаго и консульскаго корпусовъ иностранныхъ державъ въ Россіи. Кромѣ того, въ немъ всегда обнародываются всѣ дипломатическіе акты, заключенные и обнародованные правительствомъ въ теченіе истекшаго года. Такъ, между прочимъ, въ ежегодникѣ за 1877 годъ имѣются in extenso всѣ протоколы послѣдней константинопольской конференціи, которые во всякомъ случаѣ останутся драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ.

Насколько это полезное изданіе пріобрѣло интересъ, видно отчасти изъ того любопытнаго факта, что объемъ его увеличивается съ каждымъ годомъ: въ 1861 году, когда оно возникло, была издана книжечка въ 113 страницъ; въ 1877 году вышла книга того же формата въ 514 страницъ. Правда, на объемѣ этого изданія всегда отражается ходъ дипломатическихъ сношеній за истекшій годъ. Но, намъ кажется, что если ввести въ это изданіе еще нѣкоторыя необходимыя улучшенія,

оно всегда будетъ интересно и полезно помимо случайныхъ политическихъ обстоятельствъ. Почему, напримѣръ, не включить въ это изданіе краткій перечень международныхъ трактатовъ и фактовъ за каждый годъ, въ которыхъ Россія непосредственно не участвовала, но игнорировать которыхъ она не можетъ? Почему нельзя указать на вновь изданныя въ другихъ государствахъ законоположенія, въ томъ или другомъ отношеніи, касающіяся международныхъ отношеній?

Ф. Мартенсъ.

(профессоръ имп. с.-петербургскаго университета).

Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechts, von Hofrath Dr. *Leop. Neuman*. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Wien 1877 (Конспектъ дѣйствующаго европейскаго международнаго права. Соч. проф. *Неймана*. Второе исправленное изданіе. Вѣна 1877).

Количество трудовъ, обнимающихъ полный курсъ международнаго права, довольно велико, но ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ тѣхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ мы въ правѣ ожидать. Главною причиною такого явленія служатъ: 1) недостаточное опредѣленіе предѣловъ международнаго права; 2) почти совершенно забытое разграниченіе между самыми международными правами въ строгомъ смыслѣ и государственными правами по отношенію къ международному юридическому порядку, дѣйствующими только въ силу государственнаго закона, т. е. безъ международноправоваго обязательства; 3) вытекающее изъ этого недостаточнаго разграниченія неправильное опредѣленіе юридическаго характера тѣхъ нормъ, которыя соблюдаются государствами, какъ правила въ международныхъ сношеніяхъ по доброй волѣ, безъ юридической на то обязанности и съ полнымъ правомъ отказаться отъ нихъ во всякое время. Comitas gentium, какъ называются эти правила, имѣетъ громадное значеніе для международно-юридическаго порядка, но тѣмъ не менѣе необходимо ихъ (comitas) отличать отъ международнаго права въ строгомъ смыслѣ этого понятія. Не трудно понять, что при такомъ—надо сказать странномъ—смѣшеніи совершенно различныхъ правовыхъ отношеній невозможно было не только опредѣлить предѣлы, но и характеръ, понятіе и обязательную силу международнаго права. Публицисты часто провозглашали общеобязательнымъ международнымъ правомъ такія нормы, которыя хотя и признаются въ приблизительно одинаковомъ видѣ большею частію или даже всѣми образованными государствами „правилами въ международныхъ отношеніяхъ“, но которыя тѣмъ не менѣе составляютъ только государственное право, отмѣняемое во всякое время по свободной волѣ государственной власти. Цѣлесообразность соблюденія нѣкоторыхъ изъ такихъ нормъ въ силу справедливости или выгодности и необходимости не при[...] этимъ нормамъ характера международно-юридическаго. Мы объ этом говоримъ еще послѣ.

Слѣдовательно составленіе новыхъ курсовъ находитъ для себя довольно обширное поле. Можно только порадоваться каждому опыту съ цѣлію: 1) выяснить чисто юридическій характеръ отдѣльныхъ ученій международнаго права, 2) опредѣлить въ этихъ предѣлахъ общеобязательное международное право и 3) кратко указать на отдѣльные виды такъ называемаго спеціальнаго или партикулярнаго международнаго права. Накопленный въ существующихъ учебникахъ юридическій матеріалъ можетъ служить основнымъ базисомъ такого разбора. Г. Нейманъ, авторъ приведенной въ заглавіи книги, начинаетъ предисловіе своего труда слѣдующими словами: „предпріятіе отважное прибавить къ немалочисленному уже безъ того количеству учебниковъ по международному праву новый и особенно если авторъ имѣетъ сказать только мало новаго." При напечатаніи своего труда авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ своихъ слушателей, которымъ онъ хотѣлъ дать руководство (Leitfaden). При томъ же онъ высказываетъ надежду, что его очеркъ окажется не безполезнымъ и для постороннихъ читателей. Задачею учебника авторъ признаетъ „опредѣленіе началъ данной науки; учебникъ долженъ заключать въ себѣ все существенное, выдѣлить все лишнее, оставить въ сторонѣ всѣ контроверзы", „но при томъ же строго держаться системы, не нарушая органической связи всего цѣлаго" (единства?) Разсматриваемый нами здѣсь трудъ профессора Неймана относительно систематизаціи держится метода Гефтера. Авторъ согласенъ, что дѣленіе на право во время войны и право во время мира не совсѣмъ строго логично, что дѣленіе на матеріальное и формальное право можетъ казаться болѣе правильнымъ. Но, замѣчаетъ авторъ, международное право получаетъ дѣйствительную силу „wird geltend gemacht" не только во время войны, но большею частію также и въ нормальномъ положеніи международныхъ отношеній, во время мира. Потому авторъ остается при старой, какъ онъ говоритъ, „систематизаціи". Первая часть: право во время мира обнимаетъ тѣ-же три главы, которыя мы находимъ у Гефтера, а именно слѣдующія: 1) права лицъ (государства и суверены), 2) имущественныя права и 3) взаимныя обязательства народовъ (государствъ). Вторая часть разсматриваетъ право во время войны и распадается на слѣдующія три главы: процессуальныя средства, нейтралитетъ, postliminium. Въ приложеніи (р. 149—178) помѣщенъ очеркъ началъ посольскаго права. Мы не ставимъ автору въ упрекъ, что онъ держался систематизаціи Гефтера, по тѣмъ не менѣе мы должны указать на непослѣдовательность въ его собственныхъ взглядахъ. Эта непослѣдовательность автора состоитъ въ слѣдующемъ: онъ замѣчаетъ, что международное право вступаетъ въ дѣйствительную силу (wird geltend gemacht, formalisirt, Geltendmachung des Rechts въ судебно-процессуальномъ смыслѣ, т. е. отстаиваніе субъективнаго права судебнымъ порядкомъ) большею частію въ мирномъ состояніи международныхъ отношеній. На средства и пути, которыми государства пользуются для достиженія такихъ цѣлей, авторъ (на 10 стр.) не указываетъ, но ясно и несомнѣнно, что онъ здѣсь за исключеніемъ самой войны подразумѣваетъ тѣ средства, которыя разсматриваетъ во второй части своего труда, содержащей разборъ права во время войны. Въ первой части (право во время мира) авторъ процессуальныхъ средствъ (судебнаго порядка) вовсе не касается; надо слѣдовательно думать, что онъ ихъ относитъ

цѣликомъ ко второй части, но этимъ онъ создаетъ систематизацію, отъ которой онъ сначала отказался, т. е. дѣленіе на матеріальное и формальное право; разборъ посольскаго права въ особомъ приложеніи объясняется развѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что такое мѣсто въ системѣ или лучше сказать внѣ системы, посольскому праву дано было и другими публицистами, между прочимъ напр. Гефтеромъ. Но г. Нейманъ же называетъ пословъ и вообще дипломатическихъ агентовъ органами международнаго права. Изъ этого слѣдуетъ, что, будучи послѣдовательнымъ, авторъ долженъ бы былъ соединить вторую часть и приложеніе (цѣликомъ посвященное разбору посольскаго права) въ одну часть: формальное право, заключающее въ себѣ по общему порядку ученіе объ органахъ и формахъ судопроизводства. Положимъ, что авторъ упрекаетъ публицистовъ въ слишкомъ узкомъ пониманіи войны, какъ процессуальнаго средства, т. е. какъ формальнаго *права*. Но такъ какъ въ своемъ изложеніи, во второй части, самъ онъ понимаетъ войну въ смыслѣ судебнаго, процессуальнаго средства (отстаиванія удовлетворенія нарушеннаго права посредствомъ процессуальныхъ, судебныхъ средствъ), то нечего и доказывать, что въ юридическомъ отношеніи война по международному праву извѣстна только какъ видъ тѣхъ средствъ, которыми государства въ международныхъ отношеніяхъ пользуются для полученія удовлетворенія за нарушеніе ихъ правъ со стороны кого бы то ни было. Хотя юридическій характеръ отдѣльныхъ частей международнаго права во время войны въ наукѣ еще мало выясненъ, тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ томъ, что международное право, какъ юридическая наука, можетъ разсматривать войну лишь въ смыслѣ судебнаго принудительнаго порядка.

На стр. 93 авторъ указываетъ на необходимость различенія войны какъ факта и какъ юридическаго понятія: „Юридическое понятіе слѣдующее: „война“ есть употребленіе однимъ государствомъ противъ другаго физической силы для полученія *удовлетворенія* за нарушеніе права и *гарантій* противъ подобныхъ-же нарушеній въ будущемъ“. „Право на продолженіе войны имѣетъ мѣсто, пока существуетъ право на войну. Это юридическое основаніе и эта цѣль войны опредѣляютъ предѣлы его продолженія“. „Справедливо начатая война дѣлается несправедливой, если она выходитъ изъ предѣловъ этой цѣли“. Вотъ лучшія доказательства тому, какъ авторъ понимаетъ *цѣль и право войны*. Войны изъ политическихъ лишь цѣлей, хотя и соблюдаютъ правила, принятыя цивилизованными народами по отношенію къ непріятелю, по предъ судомъ международнаго права онѣ правонарушенія, слѣдовательно не принадлежатъ къ предметамъ науки международнаго права, которая ихъ осуждаетъ, какъ замѣчаетъ въ приведенной нами выдержкѣ и самъ г. Нейманъ. Потому и мы требуемъ признанія войны судебно-процессуальнымъ средствомъ, составляющимъ въ связи съ другими видами международно-юридическихъ судебно-процессуальныхъ средствъ, такъ сказать судопроизводство въ международно-юридическомъ порядкѣ. Въ первой части своего труда, излагающей право во время войны, авторъ разбираетъ всѣ тѣ правоотношенія, которыя составляютъ у г. Бульмеринга матеріальное право; разница только въ томъ, что проф. Нейманъ во второмъ отдѣлѣ первой главы (права лицъ) на пяти страницахъ разсматри-

ваетъ права суверенов и ихъ семействъ съ точки зрѣнія международнаго права, между тѣмъ какъ проф. Бульмерингъ относитъ *весь этотъ отдѣлъ* къ формальному праву, а именно къ ученію *объ органахъ права*, въ ряду коихъ суверены *высшіе*, министерства, имѣющія непосредственныя отношенія къ международнымъ сношеніямъ — *средніе* и дипломатическіе агенты всѣхъ четырехъ классовъ—нисшіе органы. Кальтенборнъ, какъ извѣстно, относилъ уже въ своей критикѣ международнаго права весь отдѣлъ о правахъ органовъ международнаго права къ матеріальному праву и отстаивалъ правильность такой систематизаціи въ 1859 году, т. е. послѣ того, какъ Бульмерингъ напечаталъ первую часть своей систематики, въ которой развитая имъ потомъ подробная систематизація международнаго права сообщена была въ общихъ чертахъ.

Не вдаваясь въ слишкомъ обширное опроверженіе правильности этихъ болѣе или менѣе одностороннихъ взглядовъ на опредѣленіе какъ характера органовъ международнаго права, такъ и мѣста посольскаго права и правъ суверенов въ системѣ международнаго права, мы только вкратцѣ предлагаемъ результаты нашихъ соображеній по этому вопросу. Суверены и всѣ дипломатическіе агенты дѣйствуютъ въ международныхъ отношеніяхъ не только въ качествѣ органовъ формальнаго права, но служатъ вообще посредствующими органами въ международныхъ сношеніяхъ и пользуются въ такомъ качествѣ извѣстными правами, они болѣе чѣмъ только органы формальнаго права; можно даже сказать, что ихъ дѣятельность въ качествѣ послѣднихъ болѣе случайная или такъ сказать придаточная, *главная* ихъ дѣятельность политико-административная, потому-то ихъ права по этой дѣятельности и ихъ личныя и имущественныя права, признаваемыя за ними международнымъ правомъ, относятся къ матеріальному праву, а ихъ права въ качествѣ органовъ формальнаго права имѣютъ свое мѣсто въ формальномъ правѣ и именно въ политико-административной дѣятельности дипломатическихъ чиновъ. Такъ называемая внѣземельность и неприкосновенность личности и архива посольскаго обусловливаютъ отправленіе судебныхъ функцій по отношенію къ соотечественникамъ и не придаютъ ни дипломатическимъ агентамъ, ни консуламъ качества или значенія органовъ формальнаго международнаг[о] права, они только органы гражданскаго или уголовнаго процесса п[о] законамъ своего отечества. Для государства, пользующагося внѣ св[о]ихъ территоріальныхъ предѣловъ правомъ отправленія судебныхъ функці[й] надъ своими подданными посредствомъ назначенныхъ имъ для того о[р]гановъ -- это право составляетъ матеріальное право. Нѣкоторые публицисты заявили, что споръ о такой или иной какой нибудь систематизаціи курсовъ довольно маловаженъ, что достаточна ясная группировк[а]. Но ясная группировка и должна быть построена на твердомъ основаніи главнаго начала излагаемой науки. Находящіяся въ тѣсной связи другъ съ другомъ ученія разъясняются вполнѣ только при строгомъ построеніи системы. Поэтому-то соотвѣтствующая основному началу данной науки система и имѣетъ большое педагогическое значеніе; только она можетъ связать всѣ отдѣльныя ученія въ единое цѣльное. Потому надо порадоваться каждому опыту выяснить систематизацію согласно главному началу данной науки.

Трудъ г. Неймана не представляетъ намъ въ этомъ отношеніи успѣховъ, заслуживающихъ вниманія и похвалы.

Обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторые основные взгляды автора разсматриваемаго проспекта.

Государство не есть высшій юридическій порядокъ (das höchste Rechtsinstitut) на земномъ шарѣ, потому что человѣчество живетъ не въ одномъ государствѣ, а во многихъ отдѣльныхъ; *этотъ* высшій правовой порядокъ (höhere und höchste Rechtsordnung) именно международно-правовой (internationale Rechtsordnung) порядокъ; отдѣльныя государства субъекты международнаго права. Дѣйствующій надъ ними международно-юридическій порядокъ придаетъ правовой жизни отдѣльныхъ государствъ свойство и значеніе общечеловѣческое. Авторъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ, какъ онъ это понимаетъ: въ смыслѣ ли поддержанія международно-юридическаго порядка посредствомъ юридическаго порядка отдѣльныхъ государствъ, или же въ смыслѣ созданія новыхъ правоотношеній. Слѣдуетъ предполагать, что авторъ имѣлъ въ виду и то и другое. Признавая уваженіе самостоятельности (независимости) государствъ существеннымъ условіемъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что государство, выступая въ международно-юридической жизни съ бо́льшимъ индивидуальнымъ значеніемъ, чѣмъ отдѣльный человѣкъ въ государствѣ, и имѣя законодательную власть при несуществованіи дѣйствующей надъ государствами подобной же власти по отношенію къ международному общежитію и общенію, несравненно независимѣе и самостоятельнѣе и несравненно болѣе довольствуется самимъ собою, нежели это можетъ человѣкъ по отношенію къ государству (Das Individuum im Staat ist hilfsbedürftiger, als der Staat in der internationalen Gemeinschaft). *Дѣйствительность положительнаго международнаго права авторъ признаетъ за неопровержимый фактъ.* Хотя международно-юридическій порядокъ не управляется исходящими отъ высшаго авторитета „*законами съ принудительною силою*“, но за то жизнь въ обществѣ, *обычай* (das Leben in der Gemeinschaft, die Gewohnheit) самый плодородный источникъ права, и вотъ изъ общности интересовъ и сношеній между цивилизованными народами рождается международное право.

Не признать такой необходимости и такого факта нельзя. Принудительность, по отношенію къ нарушителю права, для полученія отъ него удовлетворенія не есть существенное условіе дѣйствительности положительнаго права. Авторъ вѣроятно подразумѣваетъ здѣсь принудительность со стороны власти стоящей надъ тяжущимися сторонами; вѣдь и международному праву присуща принудительность, хотя и только въ видѣ самозащиты отъ нарушенія правъ отдѣльнаго государства со стороны другаго государства [1]). И самъ г. Нейманъ признаетъ это, продолжая потомъ: „положимъ, что война есть употребленіе физической *силы* (*Gewalt*), но такое дѣйствіе по себѣ не есть еще неправда; неправдою оно дѣлается только вслѣдствіе несправедливыхъ причинъ, незаконныхъ поводовъ (Beweggründe)“. Признавая значеніе за этими замѣтками автора, мы не будемъ рѣшать, на сколько авторъ ими можетъ убѣдить тѣхъ публицистовъ, которые отрицаютъ дѣйствительность положительнаго международнаго права. Г. Ней-

[1]) Смотри Zeitschrift für ges. Staatswissensch. 1877. p. 567 etc.

манъ ссылается на существованіе подтверждающихъ эту дѣйствительность фактовъ. Это, правда, лучшій методъ; такимъ путемъ доказывается и необходимость международнаго права, несмотря на нерѣдкія правонарушенія, на встрѣчаемое часто господство грубаго интереса и насилія. Мы очень хорошо понимаемъ, что авторъ не могъ имѣть въ виду написать исторію международнаго права, хотя бы только въ самыхъ общихъ очеркахъ, но тѣмъ не менѣе мы въ правѣ требовать отъ учебника опредѣленія юридическаго характера международнаго права и разъясненія условій, поддерживающихъ его дѣйствіе.

Перейдемъ къ разбору взглядовъ автора на источники международнаго права. Законъ авторомъ понимается только какъ исходящая отъ высшей власти норма и потому только возможенъ въ государственномъ быту; надъ государствами нѣтъ законодательной власти, имѣющей право издавать нормы для международныхъ отношеній. Договоры между отдѣльными государствами, будь ихъ количество даже неисчислимо, юридически дѣйствительны и обязательны только для заключившихъ ихъ государствъ („и постановленія ихъ заслуживаютъ названіе законовъ только въ болѣе широкомъ смыслѣ понятія о законѣ"). Потому стараніе создать общее положительное международное право на основаніи безчисленнаго количества договоровъ авторъ считаетъ тщетнымъ. Также неправиленъ по его мнѣнію, взглядъ, что такъ называемое положительное международное право основывается только на договорахъ. Авторъ оканчиваетъ эти разсужденія слѣдующими словами: большая часть правъ народовъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ есть результатъ обычая, потому что законовъ въ тѣсномъ смыслѣ для взаимныхъ правовыхъ отношеній государствъ вовсе не имѣется. Замѣтимъ, что здѣсь авторъ *не только* довольно самовольно съуживаетъ понятіе о *законѣ, какимъ* является каждое договорное постановленіе въ силу того, что договаривающіяся стороны по свободной волѣ создаютъ надъ собою обязательную норму и этимъ дѣлаются для самихъ себя законодательнымъ авторитетомъ, властію [1]), *но* также забываетъ, что дѣйствительно большая часть нормъ такъ называем. положительнаго международнаго права (подъ которымъ, какъ кажется, авторъ подразумѣваетъ частное международное право, такъ какъ источниками его онъ допускаетъ также договоры), дѣйствуютъ въ силу договорныхъ постановленій, и что большая часть тѣхъ правилъ, которыя нерѣдко признаются за обычное право, суть только comitas gentium безъ международно-юридическаго обязательства, вслѣдствіе чего онѣ во всякое время могутъ быть отмѣнены государственною властью по свободной волѣ; ихъ дѣйствіе, какъ нами уже было сказано, вслѣдствіе необходимости фактической, не дѣлаетъ ихъ юридически обязательными. Авторъ даже вовсе не указываетъ на значеніе и юридическій характеръ этого comitas gentium и его отношеніе къ обычному праву, отмѣнимому только при согласіи всѣхъ участвующихъ въ этомъ правѣ государствъ; отказъ въ соблюденіи такого обычнаго права со стороны одного или нѣсколькихъ, но безъ общаго на то согласія всѣхъ, есть правонарушеніе; та-

[1]) См. мою вышеук. рецензію въ Zeitschrift für Staatswissenschaft. 1877. p. 566.

кой casus не представляется въ случаѣ отказа соблюдать въ будущемъ какое нибудь правило comitas gentium, этимъ дается лишь право на употребленіе реторсій. При тщательномъ разборѣ договорнаго матеріала окажется, что значеніе обычнаго права для международнаго права въ строгомъ смыслѣ не такъ велико; такъ называемыя основныя начала международнаго права признаются въ договорахъ не только косвеннымъ, а также и прямымъ образомъ. Повсемѣстное одинаковое ихъ признаніе въ безчисленномъ количествѣ договоровъ почти всѣхъ государствъ европейской семьи дѣйствительно *обычай* въ силу отчасти безусловной необходимости, такъ что источникомъ этихъ правъ служатъ на первомъ ряду эта необходимость, а затѣмъ *договоры*. Подобнымъ-же путемъ образовались и другія общепризнанныя нормы съ международно-юридическимъ обязательствомъ, напр. отмѣна береговаго права, droit d'aubaine etc. Общаго положительнаго международнаго права въ смыслѣ одинаково для всѣхъ обязательныхъ нормъ въ силу *единаго общаго признанія* ихъ со стороны всѣхъ относительно государствъ съ безусловною обязанностью ихъ соблюденія — мы почти вовсе не имѣемъ, потому что *такое* общее признаніе обусловлено разными фактическими препятствіями. — Укажемъ еще на то, что обычай, равно какъ и договорныя постановленія, становятся общимъ положительнымъ международнымъ правомъ, всегда только въ смыслѣ правоваго обязательства между отдѣльными государствами.

Опредѣленіе авторомъ философіи международнаго права не совсѣмъ ясно, разсужденія его по этому предмету не избѣгли нѣкоторыхъ противорѣчій; въ одномъ мѣстѣ философія международнаго права опредѣляется какъ результатъ высшихъ философскихъ взглядовъ (здѣсь авторъ усвоилъ себѣ довольно неудачную теорію Кальтенборна), въ другомъ мѣстѣ (и при томъ, на той же страницѣ) какъ научная историко-догматическая разработка общихъ и главныхъ руководящихъ началъ (in seiner grössten Reinheit (?)). Но подобная разработка есть именно система положительнаго международнаго права съ историческимъ развитіемъ догматовъ въ такомъ видѣ, какова она желательна и должна быть; слѣдовательно она не представляетъ никакой другой разницы въ сравненіи съ *тѣмъ* видомъ научной разработки международнаго права, который проф. Нейманъ называетъ догматикой положительнаго международнаго права, кромѣ развѣ только того, что въ послѣднемъ случаѣ не обращается вниманія на историческое развитіе догматовъ. Впрочемъ, если почтенный авторъ намѣренъ предложить свой трудъ какъ систему или догматику, то дѣйствительно существуетъ еще другой видъ научной разработки догматики положительнаго международнаго права, именно тотъ видъ, который авторомъ называется философіею международнаго права, въ смыслѣ научной догматической разработки общихъ и главныхъ руководящихъ началъ.

Не опредѣляя сущности comitas gentium, авторъ весьма часто принимаетъ его за международное право въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія, напр. въ посольскомъ правѣ, въ правѣ во время войны, въ правѣ сувереновъ, въ такъ называемомъ гражданскомъ международномъ правѣ и т. п. Признавая совершенно справедливо и за отдѣльными лицами характеръ субъектовъ (p. 16) международнаго права, авторъ однако не

обратилъ надлежащаго вниманія ни на разборъ такъ называемыхъ основныхъ правъ, ни на разборъ правъ иностранцевъ. Не касаясь уже недостаточнаго разъясненія взаимнаго соотношенія этихъ основныхъ правъ, почти вовсе не затронутаго въ трудѣ г. Неймана, мы только замѣтимъ, что авторъ даже не попытался уяснить причину ихъ юридическаго дѣйствія. Къ сожалѣнію размѣры этой рецензіи не позволяютъ намъ остановиться на сдѣланномъ авторомъ разборѣ основныхъ правъ. Удивительно, что проф. Нейманъ отнесся столь поверхностно къ значенію этого отдѣла, который долженъ служить основаніемъ всей системы. Относительно своихъ взглядовъ на право взаимныхъ сношеній между государствами авторъ впадаетъ въ противорѣчія, объяснимыя только небрежностью (ср. напр. р. 21, 22, 23, 47, 53). Бо́льшей похвалы заслуживаютъ вторая и третья глава (имущественныя права и права о обязательствахъ), хотя особенно замѣчательнаго авторъ въ нихъ не предлагаетъ, а напротивъ, въ нихъ не рѣдки даже довольно грубыя погрѣшности относительно положительнаго международнаго права, но надо признать, что эти главы лучше первой и именно третья глава лучше второй. При подробномъ разборѣ отдѣльныхъ ученій этихъ двухъ главъ намъ почти на каждой страницѣ пришлось бы не согласиться съ авторомъ, но тѣмъ не менѣе мы должны признать *достоинства* этой части его труда, состоящія именно въ краткомъ и мѣткомъ изложеніи разсматриваемыхъ имъ ученій. Эта похвала въ большей даже еще степени относится именно ко второй части (къ изложенію права во время войны) и къ приложенію (изъясняющему посольское право). Преимущественно эта часть труда, обнимающая нѣсколько болѣе половины всей книги (р. 83—177), оправдываетъ изданіе этого курса. Трудовъ Гефтера и Гартмана авторъ не опередилъ, но во многихъ отношеніяхъ даже отсталъ отъ нихъ. Правда, авторъ хотѣлъ написать только руководство, подробный конспектъ, предоставляя объясненіе частностей академическимъ лекціямъ.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ труду г. Неймана, мы не могли не сдѣлать этихъ замѣчаній, потому что именно такого рода курсы должны обратить на себя вниманіе образованной *публики*, хотя спеціально не подготовленной по международному праву, но тѣмъ не менѣе интересующейся имъ.

Nouveau Recueil général des Traités et autres Actes relatifs aux rapports de droit international. Continuation du grand recueil de G. Fr. de Martens par *Charles Locmoer et Jules Hopf.* Deuxième Série. Tome I. Göttingue. 1876. IV + 710 (Новое собраніе трактатовъ и дипломатическихъ актовъ, продолженіе собранія Мартенса).

Нельзя отрицать, что значительная часть образованнаго общества весьма расположена сомнѣваться въ дѣйствительности положительнаго права между государствами; хотя эти люди сами даже не знаютъ, что они

отрицаютъ, то есть, что надо подразумѣвать подъ международнымъ правомъ, что оно есть и чѣмъ оно не можетъ быть, они тѣмъ не менѣе гордятся своею мудростью и даже не прочь сожалѣть о бѣдныхъ публицистахъ, трудящихся надъ изысканіемъ доказательствъ въ пользу дѣйствительности положительнаго международнаго права. Такой взглядъ къ счастью не обезкураживаетъ публицистовъ международнаго права; рядомъ съ трудами по другимъ частямъ правовѣдѣнія издаются отъ времени до времени хорошія сочиненія и по этой отрасли. Лучшею опорою международнаго правоваго быта служитъ его собственная внутренняя необходимость; эта необходимость существуетъ и доказывается самыми убѣдительными историческими доводами. Послѣдніе, правда, не бросаются въ глаза, ихъ надо изучать, какъ общее явленіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ фактовъ. Государства поставлены въ необходимость соблюдать въ международныхъ отношеніяхъ опредѣленный порядокъ; это ясно явствуетъ изъ безчисленнаго количества договоровъ, тщательное изученіе которыхъ показываетъ непрерывное стремленіе государствъ обставить свои взаимныя отношенія объективными нормами права, путемъ обоюднаго согласія на это. Въ силу этого права государства имѣютъ возможность пользоваться международнымъ общеніемъ, на сколько это для нихъ выгодно; но вслѣдствіе одинаковыхъ правовыхъ понятій относительно гражданской и общественной жизни и ея правоваго порядка въ пользу безопасности и благосостоянія являются и въ договорахъ разныхъ государствъ одинаковыя въ принципѣ постановленія. Разсматриваемый нами томъ извѣстнаго превосходнаго собранія государственныхъ договоровъ Мартенса какъ нельзя лучше можетъ убѣдить насъ въ томъ, что современныя культурныя понятія, успѣвшія окрѣпнуть въ умахъ всѣхъ образованныхъ людей, значительно повліяли и на международный правовой бытъ, получившій въ послѣднія десятилѣтія такое широкое и всестороннее развитіе, какого въ началѣ нашего вѣка едва ли можно было предвидѣть. Ежедневно усовершенствующаяся техника по разнымъ частямъ промышленныхъ занятій даетъ возможность бóльшаго развитія международныхъ сообщеній; ими создаются новые объекты для правоваго порядка.

Интересно и поучительно познакомиться съ ходомъ развитія международно-правоваго быта вообще и по части международно-гражданскаго общенія въ особенности за послѣдніе пять, шесть лѣтъ. Такая любознательность найдетъ себѣ полнѣйшее удовлетвореніе въ приведенномъ въ заглавіи томѣ продолженія собранія Мартенса. Этому изданію черезъ 14 лѣтъ исполнится первое столѣтіе его существованія. Оно начато въ 1791 году и съ тѣхъ поръ продолжалось безпрерывно. Этого собранія до сихъ поръ вышло въ свѣтъ всего 52 тома, знакомящіе читателя со всѣми документами, относящимися къ международному быту государствъ съ 1761 года по 1876 г. Изданіе это съ самаго начала всегда называлось Recueil, но начиная съ 9-го тома къ этому простому названію прибавилось слово „новое“ (nouveau); подъ новымъ заглавіемъ напечатаны 20 томовъ, заключающихъ въ себѣ договоры, состоявшіеся въ теченіе періода съ 1808 по 1839 годъ. „Прибавленія“ (Nouveaux supplements) къ этому собранію за время съ 1761 по 1839 годъ составляютъ 3 тома. Акты, относящіеся къ междугосударственному быту вообще и къ международно-правовому въ

особенности за періодъ съ 1840 г. по 1872 г., помѣщены въ „Nouveau recueil général de traités“, обнимающемъ 20 томовъ? [1]). Пользованіе этимъ изданіемъ облегчается очень добросовѣстно составленнымъ общимъ указателемъ, для 51 тома, въ двухъ частяхъ (хронологическимъ и алфавитнымъ). 52-й томъ составляетъ первый томъ второй серіи „Nouveau recueil général“ и имѣетъ свой хронологическій и алфавитный (по государствамъ) указатели, въ немъ помѣщены всего 196 номеровъ, изъ которыхъ около 20 содержатъ въ себѣ акты и договоры, относящіеся къ времени съ 1853 года по 1870, остальные же знакомятъ читателя съ актами и договорами послѣднихъ шести-семи лѣтъ. Замѣтимъ, что этотъ первый томъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ относящихся къ междугосударственному быту документовъ за означенное время; значительная часть изъ нихъ напечатана въ 20 томѣ первой серіи, а нѣкоторые отложены до слѣдующаго тома. Прошлое столѣтіе изобиловало преимущественно договорами союзными; послѣднія десятилѣтія нашего вѣка создали потребности совершенно другаго характера; можно безъ преувеличенія сказать, что громадные размѣры международнаго общенія всѣхъ возможныхъ видовъ поставили на первый планъ права иностранцевъ и вообще международно-гражданскія сношенія, развитію которыхъ помогло освобожденіе труда и вообще цивилизація послѣдняго времени. Даже и самый бѣглый просмотръ указателя къ первому тому второй серіи „Nouveau recueil général“ убѣдитъ читателя въ справедливости вышесказаннаго. Не говоря уже о помѣщенныхъ въ немъ договорахъ относительно почтовыхъ сообщеній и т. п., мы желаемъ обратить вниманіе читателя преимущественно на договорныя сдѣлки о консулахъ, наслѣдствѣ иностранцевъ, выдачѣ преступниковъ, торговлѣ и судоходствѣ. Особые договоры о консулахъ, наслѣдствахъ иностранцевъ и выдачѣ преступниковъ принадлежатъ почти исключительно послѣднимъ двумъ-тремъ десятилѣтіямъ. Нерѣдко по каждому изъ этихъ предметовъ государства заключаютъ между собою почти дословно одинаковые договоры. Но этого явленія издатели разсматриваемаго тома „Nouveau recueil“ къ сожалѣнію не приняли въ разсчетъ и, несмотря на тождественность многихъ помѣщенныхъ въ немъ договоровъ, не ограничились простымъ указаніемъ на неё, а печатали одинъ и тотъ же документъ три, четыре и болѣе разъ въ одномъ и томъ же томѣ. Неумѣстность такой роскоши сознаъ уже почтенный издатель „archives de droit international“, и потому никогда не печаталъ одинаковыхъ постановленій въ разныхъ договорахъ по нѣсколько разъ, а ограничивался въ такомъ случаѣ простымъ указаніемъ на тождественность. Далѣе, лишнимъ намъ кажется принятый издателями методъ иногда печатать одинъ договоръ на двухъ языкахъ. Положимъ, что печатаемые такимъ образомъ договоры заключены контрагентами оффиціально на двухъ языкахъ, но для чего же въ собраніи договоровъ, имѣющемъ значеніе не оффиціальное, печатать двойной текстъ, вмѣсто одного французскаго. Слѣдуетъ обратить вниманіе на удобства образованной публики, читающей во всѣхъ странахъ по французски; между тѣмъ, какъ по англійски, по нѣмецки и по италіянски

[1]) См. основательный анализъ этого собранія у Bulmering: Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts. 1874. p. 101—5. — См. также Стоянова, Очерки исторіи и догматики междунар. права. 1875 п. 736—7.

читаютъ и говорятъ внѣ родины этихъ языковъ только немногіе. Издаваемые въ Парижѣ „archives diplomatiques“ обратили на это обстоятельство вниманіе и нельзя не похвалить за это ихъ издателей. Сдѣланные въ этомъ собраніи переводы на французскій языкъ заслуживаютъ безпрекословной похвалы; они доказываютъ возможность подстрочнаго перевода дипломатическихъ документовъ съ разныхъ языковъ на французскій (что впрочемъ и до того не подлежало сомнѣнію). Собраніе Мартенса, издаваемое въ настоящее время гг. Самверомъ и Гопфомъ, имѣетъ еще и тотъ недостатокъ, что, не смотря на его назначеніе издавать *новѣйшіе* договоры, послѣдніе печатаются въ немъ обыкновенно годъ, два и болѣе иногда послѣ ихъ заключенія. Мы думаемъ, что издатели окажутъ большую пользу всѣмъ интересующимся и изучающимъ международное право, если устроятъ болѣе учащенные выпуски своего изданія. Каждое государство въ Европѣ и Америкѣ имѣетъ свой правительственный вѣстникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ другими актами печатаются также и договоры съ другими государствами, собрать изъ этихъ разныхъ вѣстниковъ договоры и прочіе акты международнаго юридическаго быта такъ, чтобы въ означенный срокъ составить отдѣльныя тетрадки для продолженія собранія Мартенса, не трудно. Можно даже предположить, что кругъ читателей несомнѣнно увеличится, когда собраніе будетъ издаваться въ указанномъ видѣ.

Die Verwaltung des Generalgouvernements Elsass, von *Edgar Loening* (Управленіе Эльзаса, соч. Лёнинга).

Ученіе о правовомъ отношеніи государственной власти къ занятой ею территоріи непріятеля въ литературѣ было затрогиваемо довольно часто (именно въ учебникахъ), но тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ не разъяснено. Правда, нельзя не замѣтить затрудненій, связанныхъ съ разборомъ этого довольно запутаннаго международно-правоваго отношенія, но нельзя также и упустить изъ виду того неблагопріятнаго вліянія, которое на разъясненіе этого ученія имѣла фикція, что воюющее государство, занявъ съ военною цѣлью извѣстныя части непріятельской территоріи, этимъ завладѣніемъ еще не получаетъ никакой *государственной власти* надъ занятою страною, а что оно дѣлается въ ней какою-то неизвѣстною и неопредѣленною высшею властью, замѣщающею *государственную власть непріятеля* (дѣйствовавшую до тѣхъ поръ, но на время вытѣсненную).

Этимъ же недостаткомъ страдаетъ отчасти и названный въ заглавіи трудъ бывшаго Штрассбургскаго, нынѣ Дерптскаго профессора Лёнинга, достойный, впрочемъ, по многимъ причинамъ, справедливой похвалы.

Трудъ этотъ представляетъ переработанное и дополненное изданіе статей, напечатанныхъ авторомъ въ 1872 и 1873 году въ „Revue de droit international“. Заявленіе автора, что онъ старался безпристрастно изучать отношенія германскаго союзнаго правительства къ Эльзасу во время войны, руководствуясь (въ критикѣ этого правоотношенія?) началами науки и осуществимой справедливости, не осталось пустою фразою, а исполнено добросовѣстно. Въ виду значительнаго количества *при-*

страстно написанныхъ трудовъ о послѣдней франко-прусской войнѣ, какъ французскихъ, такъ и нѣмецкихъ, строго научное изслѣдованіе проф. Лёнинга было весьма желательно. Можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не согласиться съ оправданіями многихъ самовольныхъ актовъ Германскаго правительства, но нельзя поставить автору въ упрекъ систематическое пристрастіе; факты имъ не искажаются; а въ этомъ заключается уже большая заслуга автора, и потому этотъ трудъ достоинъ стоять рядомъ съ статьями Блунчли и Ролена-Жакемена, изучавшихъ вообще значеніе франко-прусской войны по отношенію къ международному праву. Далѣе этюды г. Лёнинга заслуживають вниманія и еще потому, что авторъ находился въ близкомъ отношеніи къ самой практикѣ изучаемаго имъ вопроса; это благопріятное обстоятельство дало ему возможность пользоваться нѣкоторыми оффиціальными документами, оставшимися неизвѣстными до появленія его статей. Содержаніе названнаго труда слѣдующее.

Авторъ раздѣляетъ свои этюды на одиннадцать главъ, первая глава „общія начала“ имѣетъ общетеоретическое значеніе; въ ней вкратцѣ характеризуется развитіе теоріи вопроса и указывается на тѣ требованія, которымъ данное правоотношеніе должно соотвѣтствовать согласно началамъ возможной справедливости. Эта глава впрочемъ не особенно выдающаяся; авторъ приводитъ взгляды другихъ публицистовъ, критикуя ихъ, но въ результатѣ же онъ самъ возвращается къ извѣстнымъ уже началамъ. Но безпрекословной похвалы заслуживаетъ популярное изложеніе какъ въ остальныхъ частяхъ разсматриваемой книги, такъ и въ этой первой главѣ.

Въ нашемъ рефератѣ мы коснемся лишь нѣкоторыхъ, болѣе общихъ вопросовъ. Авторъ говоритъ, что пока война необходимое средство для разрѣшенія споровъ между государствами, слѣдуетъ также допустить для воюющихъ между собою государствъ пользованіе всѣми средствами, содѣйствующими достиженію цѣли (это начало исходная точка зрѣнія при изученіи всѣхъ вопросовъ права войны). Но война ведется только противъ непріятельскаго государства, а не противъ населенія. Одно изъ средствъ для достиженія цѣли войны есть занятіе непріятельской страны, чтобы отнять у непріятеля возможность отправлять въ ней функціи государственной власти. Но это завладѣніе только временное и продолжается только до прекращенія войны. Занятая непріятелемъ посредствомъ войны территорія переходитъ въ его собственность только въ силу договорной сдѣлки съ бывшимъ владѣтелемъ или же посредствомъ совершеннаго завоеванія (debellatio), но вслѣдствіе простой оккупаціи государственная власть надъ данною страною еще не переходитъ къ непріятелю; занявши непріятельскую территорію, воюющая сторона пользуется въ ней государственными верховными правами не въ полномъ объемѣ государственной власти, а только въ извѣстныхъ размѣрахъ, т. е. она не имѣетъ по отношенію къ завоеванной временно территоріи *государственной власти*, а только какую-то высшую власть (höchste Gewalt) для достиженія цѣлей войны, *власть*, имѣющую международно-юридическое основаніе. Тѣмъ не менѣе эта высшая власть совершенно самостоятельна и независима отъ непріятельской государственной власти; судьи и полиція дѣйствуютъ только по уполномочію со стороны оккупанта. Но несмотря на эти права, онъ, оккупантъ,

обязанъ согласовать свои дѣйствія по отношенію къ занятой странѣ и ея населенію съ тѣмъ началомъ современнаго права войны, что государственная власть надъ этой страной принадлежитъ не ему; такъ напр. международное право запрещаетъ ему перемѣнять основные законы государственнаго устройства или требовать отъ населенія дѣйствій, исполненіемъ которыхъ оно сдѣлалось бы измѣнникомъ относительно своего отечества, напр. требовать отъ этихъ жителей присягу подданства. Эти правила не измѣняются намѣреніемъ оккупанта навсегда удержать за собою занятую имъ страну.

Подтверждая, что Германское управленіе соблюдало правила войны по отношенію къ Эльзасу и Лотарингіи, авторъ самъ же указываетъ на намѣреніе Берлинскаго кабинета оставить эти провинціи за Германіею и не отрицаетъ возможности, что въ остальныхъ занятыхъ нѣмецкими войсками провинціяхъ оккупантъ поступалъ болѣе строго и самовольно и не совсѣмъ согласно съ международнымъ правомъ. Авторъ объясняетъ такое отступленіе отъ справедливыхъ требованій цивилизованныхъ военныхъ обычаевъ продолжительнымъ зимнимъ походомъ и сильно раздраженнымъ національнымъ антагонизмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хвалитъ строгую дисциплину германскаго войсковаго начальства.

При изученіи отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ выбранной имъ задачѣ, авторъ высказываетъ между прочимъ слѣдующія мысли.

За оккупантомъ онъ признаетъ слѣдующія права: 1) требовать подводы и наказывать непослушныхъ, неисполняющихъ надлежащимъ образомъ возложеннаго на нихъ долга, напр. бѣжавшихъ отъ своихъ обозовъ; 2) принуждать подданныхъ непріятельскаго государства печатать прокламаціи оккупанта; 3) заставлять жителей занятой страны выстроить или поправить разрушенные мосты; 4) издавать уголовные законы безъ обратнаго дѣйствія и опредѣлять наказанія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ временнаго положенія; требуя въ каждомъ наказаніи лѣстницу, авторъ не отрицаетъ справедливости также и конфискаціи имущества; 5) наказывать начальство общины за неисполненіе данныхъ ему оккупантомъ порученій; 6) возлагать на общину, подъ страхомъ наказанія всѣхъ, отвѣтственность за вредныя для оккупанта дѣйствія со стороны одного или нѣкоторыхъ изъ ея членовъ въ предѣлахъ общины. Практика германскаго войсковаго начальства наказывать своихъ солдатовъ въ непріятельской странѣ ex officio и за такія преступленія противъ частныхъ лицъ, которыя на родинѣ преслѣдуются лишь по жалобѣ со стороны обиженнаго лица, вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду автора. Ради бо́льшаго удобства, авторъ допускаетъ дѣйствіе уголовныхъ законовъ государства-оккупанта также и для преступленій недисциплинарныхъ, совершенныхъ въ занятой странѣ военными чинами оккупанта. *Сущность* даннаго правоотношенія, по мнѣнію автора, требуетъ примѣненія закона занятой страны (едва ли это нѣчто иное, какъ фикція).

Авторъ далѣе признаетъ за оккупантомъ право финансоваго законодательства; но онъ ограничиваетъ его права относительно недвижимостей непріятельской государственной власти лишь пользованіемъ доходовъ изъ нихъ, такъ напр. оккупантъ имѣетъ право пользованія государственными лѣсами только въ размѣрахъ, предназначенныхъ самой

себѣ бывшею государственною властью. Довольно обстоятельно разсматриваются авторомъ въ послѣдней главѣ юридическія послѣдствія мирнаго договора и мира для занятой во время войны страны и именно оставшейся за оккупантомъ. По мнѣнію автора старые законы продолжаютъ имѣть обязательную силу и безъ спеціальныхъ на это указовъ до тѣхъ поръ, пока они не отмѣняются. Много хлопотъ было изъ-за II статьи франкфуртскаго мирнаго трактата. Германское правительство вело себя въ этомъ случаѣ не совсѣмъ безъукоризненно. Такой упрекъ проглядываетъ также изъ-за замѣчаній почтеннаго автора, останавливающагося на разборѣ этой статьи, весьма обстоятельномъ. Означенною статьею франкфуртскаго договора 1871 г. опредѣляется распредѣленіе французскихъ подданныхъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи между Франціею и Германіею: „французскіе подданные, принадлежащіе по своему *происхожденію* къ уступленнымъ территоріямъ и на нихъ нынѣ живущіе" (Les sujets français *originaires* des territoires cédés, domiciliés actuellement sur ce territoire) имѣли право выселиться до 1-го октября 1872 г. со всѣмъ имуществомъ и безъ всякаго задержанія.

Что такое ограниченіе круга тѣхъ лицъ, которымъ, согласно буквальному смыслу договорной статьи, дозволялось остаться въ подданствѣ Франціи и выселиться изъ Эльзаса и Лотарингіи, не предполагалось французскими дипломатами, заключившими франкфуртскій миръ, доказывается послѣдовавшими по этому поводу переговорами. Какъ образецъ договорныхъ статей, опредѣляющихъ подобныя правоотношенія, авторъ предлагаетъ относящуюся сюда статью Пражскаго мирнаго договора, заслуживающую подражанія, какъ вслѣдствіе ясной редакціи, такъ и по справедливому взгляду на самое дѣло (подданными наступившей послѣ мира государственной власти завоевателя считаются всѣ „*живущіе* на уступленной ему территоріи" и имъ дается право выселиться въ опредѣленный срокъ).

За исключеніемъ однихъ лишь территоріальныхъ сервитутовъ, права и обязательства государственной власти относительно уступленной въ мирномъ договорѣ непріятелю части территоріи, бывшія до оккупаціи, не касаются новой государственной власти (стр. 241 и т. д.). Но находящіяся на этой территоріи государственныя имущества дѣлаются собственностью новаго владѣльца, безъ обязанности для него заплатить долги бывшаго владѣльца, связанные съ этими имуществами. Относительно этого положенія автора нельзя не замѣтить, что, если-бы онъ болѣе тщательно и основательно обдумалъ послѣдствія, вытекающія изъ такого начала, онъ едва ли сформулировалъ бы такое общее положеніе. Впрочемъ государства и здѣсь пользуются неограниченнымъ правомъ договорной сдѣлки, видъ которой обусловливается соотношеніемъ силъ воюющихъ государствъ.

Не намѣреваясь подвергнуть почтенный трудъ проф. Лённинга подробной критикѣ относительно всѣхъ его частностей, мы позволимъ себѣ сдѣлать только слѣдующія краткія замѣчанія.

Необходимость вести войну, дозволенную международнымъ правомъ только какъ процессуальное средство, согласно понятіямъ и духу цивилизаціи нашего времени, *безъ грубаго произвола, а непремѣнно со-*

гласно опредѣленнымъ законамъ, признается какъ публицистами, такъ и правительствами; неразъясненная еще до сихъ поръ въ точности возможность логически выводить требуемыя чувствомъ гуманности и правосознаніемъ правила правоотношеній во время войны изъ сущности самой войны, не должна насъ отклонять отъ требованія согласовать войну съ началами справедливости. Какъ процессуальное средство, война ведется *между государственными властями и назначенными ими для того органами,* и только въ экономическомъ и семейномъ отношеніи война затрогиваетъ интересы и добро каждаго гражданина; потому положеніе: что война только отношеніе между государствами, вѣрно только въ смыслѣ обоюдной непріятельской встрѣчи извѣстнаго рода, т. е. въ смыслѣ права убивать, ранить и вообще ослаблять непріятеля. Во всякомъ случаѣ правильнѣе говорить, что война есть отношеніе между *государственными „властями"* воюющихъ странъ. Только такимъ выраженіемъ существо этого правоотношенія обозначается *ясно*.

Оккупантъ, занявъ непріятельскую территорію, дѣлается въ ней государственною властью въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ цѣли войны. Какъ извѣстно, опытомъ опредѣленія этихъ размѣровъ занималась Брюссельская конференція (см. 27 и 28 томы собранія Staatsarchiv).

Власть оккупанта надъ занятою имъ страною такая же единичная и государственная, какъ всякая государственная власть; хотя, согласно своей цѣли и требованіямъ справедливости она должна быть ограничена соотвѣтственно ея назначенію, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать правильность названія этой власти *государственною*-же; она, положимъ, ограничена международнымъ правомъ, но она независима по отношенію къ непріятельской государственной власти, de facto устраненной, т. е. въ данномъ случаѣ войны она высшая власть надъ занятою страною или государственная. Отправляться при изученіи такихъ вопросовъ съ точки зрѣнія какой нибудь фикціи—по меньшей мѣрѣ ошибочно; изучая разсматриваемое правоотношеніе изъ самой его сущности, мы принуждены признать за оккупантомъ государственную власть надъ занятою страною, т. е. высшую власть. Признавая за государствомъ-оккупантомъ право и обязанность исполненія функцій государственной власти, авторъ, какъ видно, не расходится съ нашимъ взглядомъ, но противорѣчитъ началамъ, высказаннымъ имъ нѣсколько прежде въ этомъ же трудѣ. Причину тому, что почтенный авторъ не признаетъ *прямо* этой государственной власти, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать въ его стараніи обезпечить недвижимое государственное имущество отъ завладѣнія и органическія государственныя учрежденія отъ передѣлокъ оккупанта. Но мы думаемъ, что эти ограниченія государственной власти оккупанта надъ занятою страною, обусловливаемыя правовыми взглядами современной цивилизаціи, не нуждаются въ такихъ объясненіяхъ, основывающихся на фикціяхъ. Цивилизованныя правовыя убѣжденія нашего вѣка служатъ оправданіемъ и основаніемъ ограниченій, какъ государственной власти вообще, такъ *и этого ея „вида"*; авторъ упустилъ изъ виду, что государственная власть не есть Левіаѳанъ Гоббеса, *что она абсолютна только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, т. е. всегда ограничена разумностью государственныхъ цѣлей.* Имѣетъ ли оккупантъ право требовать

отъ населенія на время оккупаціи присягу — вопросъ, научно еще не разрѣшенный. Но отрицать справедливость такого требованія, имѣя за себя только субъективный, научно не доказанный взглядъ другихъ публицистовъ, не можетъ считаться основательнымъ.

Г. Лённигъ критикуетъ поведеніе германскаго военнаго начальства по отношенію къ управленію Эльзаса во время войны съ Франціею по мѣркѣ гуманныхъ взглядовъ и справедливыхъ требованій современной цивилизаціи; выводовъ его нельзя считать общепризнаннымъ обязательнымъ международнымъ правомъ, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ согласиться, что большая часть этихъ началъ, хотя и не соблюдается одинаково строго, но все-таки лежатъ въ основаніи современной практики, непризнающей ихъ, положимъ, во всѣхъ частяхъ формальнымъ обязательнымъ правомъ, но все-таки и не осмѣливающейся отказаться отъ ихъ нравственной обязательности. Изъ предметовъ международнаго права въ тщательномъ научномъ изслѣдованіи нуждается именно право войны (Kriegsvölkerrecht); такъ и международно-правовой характеръ отношеній оккупанта къ занятой имъ странѣ разъяснится только послѣ полнаго разбора общихъ правоотношеній во время войны.

О. Эйхельманъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Общинное землевладѣніе.

Lavelèye. De la propriété et de ses formes primitives. Bibliothèque de la philosophie contemporaine. Paris. 1877 (*Лавеле*, Собственность и ея первобытныя формы).

Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877.

Почти въ каждомъ сочиненіи о формахъ крестьянскаго землевладѣнія разсматривается и рѣшается, такъ или иначе, вопросъ объ экономическомъ значеніи этихъ формъ. Онъ не обойденъ и въ сочиненіяхъ, выписанныхъ въ заголовкѣ, гг. Соколовскаго и Лавеле; но ни тотъ, ни другой авторъ не подвинули его рѣшенія и, какъ я смѣю думать, не могли подвинуть, оставаясь при той же постановкѣ вопроса, котораго они не постарались измѣнить. Вопросъ объ экономическомъ значеніи общины, т. е. о томъ, составляетъ ли оно препятствіе для сельской культуры или нѣтъ, въ самой своей постановкѣ одностороненъ и потому фальшивъ, ибо онъ предполагаетъ только одно рѣшеніе, основанное на анализѣ только одной стороны общины, одного ея свойства. Но община вовсе не *простое* явленіе, имѣющее только одно свойство, вліяніе котораго могло бы вполнѣ исчерпы-

вать всю *совокупность* вліяній всей общины; напротивъ, даже поверхностный анализъ открываетъ, что община имѣетъ нѣсколько свойствъ, оказывающихъ *различныя* вліянія: Всякая община, — какъ съ періодическими предѣлами, такъ и послѣ того какъ они уничтожены, когда община только *регламентируетъ* работу — заключаетъ въ себѣ два свойства. Во-первыхъ, *обязательный сѣво-оборотъ* (Flurzwang), состоящій въ томъ, что общинникъ принужденъ вести хозяйство такъ, какъ его ведутъ всѣ его односельцы; онъ не можетъ уничтожить пара, служащаго выгономъ для скота всей общины; онъ долженъ начать косить и окончить покосъ въ одно время съ другими потому, что до раздѣла, совершаемаго ежегодно всею общиною, онъ не знаетъ своего участка и что на скошенные луга выпускается общинный скотъ; по этой же причинѣ онъ долженъ снять хлѣбъ одновременно съ другими, — снятое поле служитъ также пастьбищемъ для скота общины; онъ не можетъ дѣлать особенныхъ затратъ, недѣлаемыхъ другими общинниками, потому что его участокъ, чрезъ извѣстное число лѣтъ, перейдетъ къ другому; даже если передѣлы совершаются періодически въ опредѣленные впередъ сроки, такъ что общинникъ увѣренъ, что до минованія срока онъ будетъ пользоваться своимъ участкомъ, все-таки онъ можетъ, безъ потери, сдѣлать только такія затраты, которыя возвратятся до истеченія срока, т. е. всѣ болѣе долгосрочныя затраты исключаются. Едва-ли кто нибудь будетъ отрицать, что эта *обязательность* для каждаго члена общины господствующей въ ней системы хозяйства есть препятствіе для измѣненія культуры однимъ изъ общинниковъ, хотя никто не утверждаетъ, что община есть „непобѣдимое“ препятствіе, какъ говоритъ г. Соколовскій о противникахъ общины (стр. 102). Если даже община регламентируетъ обработку, заставляетъ общинника унаваживать его участокъ и проч. и угрожаетъ отнятіемъ участка, въ случаѣ дурнаго хозяйства, то это все-таки не парализуетъ заключающагося въ общинѣ препятствія для прогресса и заставляетъ общинника вести хозяйство только *не хуже другихъ*. Когда говорится объ общинѣ, какъ о препятствіи для культуры, утверждается не то, что при общинѣ не можетъ быть никакого движенія впередъ, а только то, что въ общинѣ прогрессъ долженъ идти медленнѣе, потому что здѣсь требуется признаніе его необходимости не многими общинниками, а большинствомъ ихъ. Нельзя, конечно, приводить отдѣльные примѣры въ доказательство возможности прогресса и въ общинномъ хозяйствѣ, какъ это дѣлаютъ г. Соколовскій, указывая на Туксинскую общину, превратившую болото въ сѣнокосъ, и г. Лавеле, указывая на швейцарскіе Allmenden и бельгійскіе общинные участки, которые обработываются не хуже другихъ. Въ такихъ примѣрахъ нѣтъ нужды, потому что въ возможности успѣховъ въ хозяйствѣ и при общинныхъ порядкахъ никто не сомнѣвается. Но эти примѣры вовсе не опровергаютъ утверждаемаго положенія, что одно свойство общины обязательность или принудительность системы хозяйства (Flurzwang) есть препятствіе для прогресса отдѣльныхъ хозяевъ; прогрессъ, выражающійся въ приводимыхъ примѣрахъ, могъ совершиться вопреки имѣющемуся въ общинѣ препятствію; кромѣ того, швейцарскіе и бельгійскіе примѣры не идутъ къ дѣлу, потому что въ Швейцаріи и Бельгіи общинные участки, подлежащіе обработкѣ, выдѣляются общинникамъ на продолжительные сроки

(до 20 лѣтъ), а иные даже пожизненно. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, анализъ одного этого свойства общины приводитъ къ выводу, что это свойство есть препятствіе для прогресса, задерживающее его, дѣлающее его болѣе медленнымъ.

Но этимъ свойствомъ не исчерпывается все содержаніе, вся структура общины. Другое свойство общины есть *связь* между общинниками, *союзъ* людей. На это второе свойство наводитъ насъ примѣръ той-же Туксинской волости, описываемой г. Соколовскимъ (стр. 103, прим.). Несомнѣнно, община, какъ обычный, постоянный, привычный, старый союзъ людей, можетъ дѣйствовать успѣшнѣе для производства усовершенствованій, *требующихъ участія или согласія многихъ сосѣдей*, какъ въ данномъ примѣрѣ, — нежели отдѣльные разрозненные собственники, которые ради этого одного предпріятія, неосуществимаго для каждаго изъ нихъ порознь, должны составить новый союзъ, товарищество или компанію.

Итакъ, община заключаетъ въ себѣ два явленія: принудительную систему хозяйства и союзъ людей; первое изъ нихъ мѣшаетъ культурѣ, второе — помогаетъ ей. Если это вѣрно, то нельзя утверждать объ общинѣ, *какъ цѣломъ*, заключающемъ въ себѣ оба свойства, что она препятствуетъ, или что она помогаетъ культурѣ. Очевидно, нельзя быть ни противникомъ, ни защитникомъ общины, во имя сельско-хозяйственнаго прогресса, потому что неизвѣстно, которое изъ этихъ свойствъ сильнѣе вліяетъ, которое изъ нихъ одолѣваетъ другое, такъ какъ *количественно* опредѣлить ни одного свойства, ни другаго нельзя; нельзя сказать ни то, что община, какъ цѣлое, есть препятствіе для прогресса, потому что она имѣетъ одно свойство помогающее прогрессу и другое свойство препятствующее ему. Еще менѣе, конечно, можно быть противникомъ или защитникомъ общины, имѣя въ виду не хозяйственное только, но вообще *соціальное* значеніе, потому что съ этой, болѣе общей точки зрѣнія, нужно принимать въ разсчетъ еще различныя другія ея свойства и вліянія, какъ союза людей, имѣющаго воспитательное, политическое значеніе и проч., изъ которыхъ ни одному нельзя отдать абсолютно предпочтенія передъ другими. Если бы можно было согласиться, что община, какъ цѣлое, составляетъ препятствіе для *сельско-хозяйственнаго* прогресса, то все-таки оставалось бы неизвѣстнымъ, есть ли она препятствіе для *общаго* прогресса людей.

Если вѣрно, что община есть сложное явленіе, имѣющее различныя свойства съ различными вліяніями, то ясно, почему вопросъ объ экономическомъ вліяніи общины, поставленный односторонне, обсуждается въ каждой новой книгѣ объ общинѣ, на основаніи новыхъ или старыхъ доводовъ, нисколько не подвигаясь къ рѣшенію; смотря по общему направленію автора, община или восхваляется, или порицается.

Гг. Соколовскій и Лавеле прямо противополагаютъ общинную форму землевладѣнія индивидуальной, какъ будто между ними нѣтъ никакого сходства. Г. Лавеле видитъ въ общинѣ эльдорадо для всего человѣчества, выносящаго теперь, при индивидуальной поземельной собственности, борьбу между владѣющими и безземельными классами, которая принимаетъ все болѣе и болѣе опасные размѣры, и рекомендуетъ общинный порядокъ владѣнія, какъ будто въ немъ нѣтъ подобной же борьбы. Такое

представленіе объ общинѣ должно быть признано предвзятымъ, потому что оно противорѣчитъ наблюденіямъ въ общинахъ, описанныхъ самимъ Лавеле и другими. Менъ, превосходно знающій индійскую общину, говоритъ, что община, какъ эластическое тѣло, способное воспринимать въ себя новыхъ членовъ, существуетъ только на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, пока трудъ человѣка дороже земли. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается наблюденіями различныхъ общинъ, не исключая швейцарскихъ Allmenden, описанныхъ и восхваленныхъ у Лавеле: общиннымъ имуществомъ въ швейцарскихъ общинахъ пользуются только древніе члены общины и притомъ соразмѣрно ихъ индивидуальной собственности; имѣющій индивидуальную собственность пользуется четырьмя саженями общиннаго лѣса, неимѣющій—только двумя, и въ этомъ отношеніи общинники дѣлятся на 5 классовъ; то-же относительно пастьбища, которымъ пользуются только зажиточные, имѣющіе возможность прокормить скотъ въ стойлахъ въ теченіи зимы. Но кромѣ того, общинникомъ можетъ быть наслѣдственный членъ общины, могущій доказать свое право документомъ, который имъ хранится какъ святыня; недостаточно имѣть право гражданства и осѣдлость въ общинѣ. Чѣмъ болѣе цѣннымъ становится общинное имущество, тѣмъ болѣе начинаютъ дорожить имъ общинники, и это прямо ведетъ къ недопущенію всѣхъ постороннихъ. „Опредѣленность правъ, которой правительство достигло чрезъ различныя судебныя учрежденія",— говоритъ Менъ объ индійской общинѣ, Village-Comunitees, стр. 167, — „судопроизводство, наказывающее нарушителей правъ, въ особенности денежная цѣна, которую правительство дало различнымъ правамъ чрезъ установленіе общественной безопасности отъ одного конца Индіи до другаго — все это помогло владѣющимъ классамъ дорожить ихъ правами съ возрастающею каждый день къ нимъ привязанностью". „Деревенскія общины, въ періодъ ихъ первоначальной борьбы за существованіе, были экспансивнымъ и эластическимъ тѣломъ и эти ихъ свойства могутъ быть поддерживаемы до нѣкотораго времени дурнымъ правительствомъ. Но сколько-нибудь сносное правительство, чрезъ косвенное свое вліяніе, отнимаетъ у нихъ эту способность къ воспринятію постороннихъ лицъ". Независимо отъ того, что община теряетъ способность воспринимать въ свою среду постороннихъ, каждому ясно, что при извѣстной быстротѣ возрастанія населенія долженъ наступить моментъ, когда занятая общиною территорія становится недостаточною для *самихъ членовъ общины.*

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ о-ва Явы уже теперь замѣчается чрезмѣрное дробленіе общинной земли; въ кантонѣ Унтервальденъ прежде каждый общинникъ имѣлъ право выгонять двѣ коровы на общее пастьбище, а теперь, вслѣдствіе возрастанія числа общинниковъ, только одну; въ будущемъ можно ожидать, что на двухъ общинниковъ придется одна корова и т. д. Такимъ образомъ, въ средѣ самой общины долженъ появиться классъ безземельныхъ, т. е. община должна распасться на владѣющихъ и невладѣющихъ общинниковъ; здѣсь также должна начаться борьба между пролетаріемъ и капиталистомъ. Менъ утверждаетъ, что въ индійской общинѣ замѣчаются несомнѣнные слѣды древней борьбы между владѣющими и невладѣющими членами общины; то-же самое утверждаетъ Лавеле объ общинѣ въ кантонѣ Ури, стр. 279: „Безземельные члены об-

щины (Beisassen) часто жалуются на неравенство и отсюда происходитъ сильная борьба между радикальными реформаторами, требующими равенства для всѣхъ, и консерваторами, желающими удержать старыя привилегіи". Появленіе невладѣющихъ классовъ происходитъ въ общинномъ порядкѣ землевладѣнія также, какъ и при индивидуальной собственности, и производитъ то-же слѣдствіе, борьбу. Разница только въ томъ, что при общинномъ землевладѣніи моментъ появленія безземельныхъ отсрочивается на болѣе продолжительное время, нежели при индивидуальномъ, потому что появляющійся въ нѣкоторыхъ семьяхъ недостатокъ земли уравнивается излишкомъ въ малочисленныхъ семьяхъ, тогда какъ при индивидуальномъ землевладѣніи эти многочисленныя семейства давно должны-бы породить безземельныхъ членовъ общества. Изъ предъидущаго также ясно, какъ неосновательно считать общину демократическимъ учрежденіемъ; она остается демократическою только до тѣхъ поръ, пока она не превратится въ закрытую корпорацію поземельныхъ собственниковъ. Съ этого момента она становится такимъ же привиллегированнымъ классомъ поземельныхъ собственниковъ, какъ европейская поземельная аристократія.

Г. Соколовскій, игнорируя превосходное объясненіе Мена — въ приведенномъ выше сочиненіи и въ другомъ (Early history of Institutions) — происхожденія индивидуальной собственности изъ общинной, утверждаетъ, что „принципы" общиннаго и индивидуальнаго землевладѣнія такъ противоположны, что второе не могло произойти изъ перваго; по его мнѣнію, индивидуальная собственность могла возникнуть только путемъ насилія, появляющагося вмѣстѣ съ княземъ и дружиною. Ссылка на противоположность принциповъ здѣсь, конечно, неумѣстна, потому что историческое развитіе не есть логическое, послѣдующая историческая форма вытекаетъ изъ предъидущей не логически. Авторъ не замѣчаетъ, что объясненіе происхожденія явленія не изъ предшествующей ему формы, а изъ посторонняго явленія, есть теорія механическая; она всегда оставляетъ открытымъ вопросъ: откуда же взялась у этого князя и дружины совершенно новая, дотолѣ никому неизвѣстная, форма индивидуальнаго владѣнія?

Изъ фактовъ, собранныхъ самимъ авторомъ, видно, что въ русской общинѣ уже появляются признаки начала перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ индивидуальному, помимо всякаго посторонняго вліянія. Первобытная община, въ которой самая обработка производится всѣмъ населеніемъ деревни, какъ, напр. было въ XVI в. въ Дмитровскомъ уѣздѣ (стр. 84 и примѣч.), такая община существуетъ теперь только относительно покосовъ, т. е. простѣйшей культуры, въ Вологодской губерніи (стр. 160), съ раздѣленіемъ даже продукта или выручки *поровну*, а въ остальныхъ мѣстностяхъ исчезла; далѣе, община, въ смыслѣ принудительной системы земледѣланія, т. е. съ Flurzwang и періодическими передѣлами, также показываетъ нѣкоторые признаки разложенія, заключающіеся въ томъ, что частые передѣлы имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ земля не удобряется (въ Малороссіи), что тамъ, гдѣ пашни дѣлятся рѣдко, луга передѣляются ежегодно, что тамъ, гдѣ земля удобряется, передѣлы становятся рѣже и производятся въ *опредѣленные* сроки, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской губ. навозники вовсе не подлежатъ передѣламъ (стр. 100). Эти навозники составляютъ уже *индивидуальную* собственность, ограниченную

только тѣмъ, что ее нельзя продать необщиннику. Начало устраненію передѣловъ, т. е. уничтоженію общины, положено, потому что община безъ общинной обработки, безъ передѣловъ, лишается всѣхъ признаковъ общины; круговая порука предъ финансовою администраціей остается единственною общинною связью. Что удлинненіе сроковъ передѣловъ и исключеніе унавоженныхъ частей изъ передѣляемыхъ земель есть вторженіе въ общинное хозяйство, ясно, потому что удлинненіе срока есть удлинненіе *индивидуальнаго* владѣнія и хозяйства, отличающееся отъ полнаго выдѣла только меньшею продолжительностью, а исключеніе навозниковъ есть прямое уменьшеніе *общинной* земли, часть которой становится *индивидуальною* собственностью. Чрезъ удлинненіе сроковъ между передѣлами совершился переходъ во многихъ западно-европейскихъ общинахъ отъ общиннаго землевладѣнія къ индивидуальному. [1])

Едва-ли можно согласиться съ г. Соколовскимъ въ томъ, что общинные порядки въ русскомъ крестьянствѣ держатся сознаніемъ, что земля, какъ даръ Божій, не будучи продуктомъ человѣческаго труда, должна принадлежать всѣмъ, что ею должны пользоваться поровну всѣ. Не значитъ-ли это вводить въ циклъ первобытныхъ идей представленія, выработанныя въ позднѣйшее время наукою? Не значитъ-ли это приписывать историческому явленію причину, которая произошла гораздо позже этого явленія? „Естественный комунизмъ первобытныхъ формъ собственности происходитъ не изъ теоретическаго или періодическаго стремленія къ лучшему или справедливому способу распредѣленія общинной земли, но вслѣдствіе простой *невозможности*, сообразно первобытнымъ, неяснымъ представленіямъ, дѣлать различіе между сородичами, связанными дѣйствительнымъ или воображаемымъ единствомъ происхожденія отъ одного родоначальника“ (Early history, 188 стр.).

Лѣтъ тридцать назадъ, поверхностное сравненіе русскихъ деревенскихъ порядковъ съ западно-европейскими давало возможность утверждать, что община есть исключительно славянское учрежденіе; что по этому поводу говорилось и писалось — извѣстно всякому. Но послѣ работъ Ландау, Гассе, Мэна, показавшихъ, что община была и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Индіи, нужно было оставить эту воображаемую особенность славянъ. Не то-ли теперь происходитъ съ *особенною привязанностью* русскаго народа къ общиннымъ и артельнымъ порядкамъ, которую г. Соколовскій не можетъ достаточно похвалить? Съ племенными особенностями нужно быть очень осторожнымъ: извѣстное свойство даннаго народа часто представляется его особенностью только потому, что неизвѣстно пока, что эта особенность принадлежитъ всѣмъ или многимъ племенамъ. Указываемая особенность русскаго народа подрывается значительно приводимымъ Лавеле фактомъ съ о-ва Явы, населеннаго магометанами (55 стр.): между 1811 и 1816 гг., когда островъ принадлежалъ англичанамъ, англійскій

---

[1]) Не мало сбивчивости понятій о поземельной общинѣ и безплодныхъ споровъ по этому предмету произошло между прочимъ (и даже главнѣйше) потому, что не было дѣлаемо различіе между *общиннымъ владѣніемъ и общинною собственностью.* Смѣшеніе этихъ двухъ различныхъ и въ экономическомъ и въ юридическомъ отношеніи явленій, имѣющихъ совершенно разнородныя послѣдствія, производитъ чрезвычайную путаницу въ спорахъ объ общинѣ. *Ред.*

губернаторъ Стамфортъ Рафлесъ пытался ввести подворный налогъ, взимавшійся съ каждаго двора порознь, а не съ общины. Яванцы дѣлали видъ, что исполняютъ требованіе начальства, а между тѣмъ продолжали платить съ общины; назначенный правительствомъ съ двора налогъ они передѣляли по своему, сообразно старымъ порядкамъ.

Если вѣрно то, что говоритъ Лавеле о крестьянахъ о-ва Явы, стр. 63, то оно также не подтверждаетъ мнѣнія г. Соколовскаго: „Хорошо знакомые съ нравами и мыслями яванцевъ утверждаютъ, что законъ, дозволяющій раздѣлъ общинныхъ имуществъ, остался-бы мертвою буквою, что ни въ одной общинѣ не нашлось-бы большинства, которое наложило-бы руку на древнее учрежденіе". Если сѣверно-русскіе крестьяне, при всякомъ удобномъ случаѣ, составляютъ артель или общину, то это-же наблюдается и у индійцевъ, въ англійской Индіи: „Нѣкоторые христіанскіе миссіонеры сдѣлали недавно опытъ, обѣщающій большой успѣхъ; они основали деревни изъ прозелитовъ, взятыхъ изъ различныхъ частей Индіи. Тѣмъ не менѣе, эти люди тотчасъ-же образуютъ союзъ, употребляютъ выраженія и вводятъ обычаи, принятые въ ихъ общинахъ, — такъ натурально, какъ-будто они и ихъ предки были, съ незапамятныхъ временъ, членами этой особенной индійской ассоціаціи, деревенской общины" (Early history, 239 стр.), въ которой сохранилось еще воспоминаніе объ общемъ происхожденіи всего населенія общины отъ одного предка.

Если предъидущія замѣчанія направлены были къ тому, чтобы показать, что въ обработкѣ фактовъ сочиненія гг. Соколовскаго и Лавеле не лишены заблужденій, то справедливость требуетъ отнестись съ полнымъ почтеніемъ къ превосходному экономическому описанію сѣверно-русской общины въ XV и XVI вѣкахъ, сдѣланному г. Соколовскимъ на основаніи писцовыхъ книгъ, которыми до сихъ поръ въ этомъ отношеніи никто не пользовался, и къ своду данныхъ объ общинныхъ порядкахъ Лавеле, сдѣланному отчасти по малоизвѣстнымъ журнальнымъ статьямъ и рѣдкимъ изданіямъ.

Jevons, Geld und Geldverkehr. Internationale wissenschaftliche Bibliothek. XXI. Leipzig. 1876 (*Іевонса*, Деньги и денежное обращеніе).

Въ обширной, разбросанной въ періодическихъ журналахъ и изданіяхъ, литературѣ о деньгахъ и денежномъ обращеніи, до сихъ поръ не было сочиненія, обнимающаго весь предметъ, начиная натуральнымъ обмѣномъ безъ всякаго участія денегъ и кончая современнымъ механизмомъ обмѣна, въ которомъ металлическія деньги имѣютъ значеніе только мѣрила цѣнности. Въ книгѣ Іевонса читатель находитъ анализъ всѣхъ явленій, входящихъ въ эту область: матеріаловъ, употребляемыхъ какъ деньги, отъ соли, кораллов и проч. до золота и серебра; различныхъ системъ денежнаго обращенія: смѣшанной, сложной, простой и проч.; свойствъ денегъ, какъ орудій обмѣна, мѣрила цѣнностей и проч. Система платежей, созданная вѣками, достигла, кажется, послѣдняго развитія въ разсчетномъ домѣ. Тѣмъ не менѣе возникшій недавно въ Лондонѣ новый банкъ, чековый, о которомъ

въ прошломъ году были только краткія газетныя замѣтки, подробно описанный въ книгѣ Іевонса, показываетъ, что и эта система допускаетъ дальнѣйшія усовершенствованія. Задача чековаго банка сдѣлать изъ чека, до сихъ поръ извѣстнаго только промышленному міру и зажиточнымъ людямъ, орудія платежей, доступныя всякому. Чеки чековаго банка отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что они подписаны на опредѣленную сумму впередъ, тогда какъ обыкновенные чеки подписываются на произвольную сумму самимъ выставляющимъ чекъ; это освобождаетъ банкъ отъ веденія счетовъ каждаго кліента, имѣющаго у него текущій счетъ. Чеки продаются не только въ банкѣ, но и у различныхъ агентовъ его, у мелочныхъ лавочниковъ и пр. Незначительность подписной суммы дѣлаетъ чекъ доступнымъ низшимъ классамъ общества. Обширность циркуляціи обезпечивается тѣмъ, что чековой банкъ имѣетъ 984 агента въ Англіи и 596 за границею, принимающихъ его чеки въ платежахъ и уплачивающихъ по чекамъ во всякое время по предъявленіи. Полученныя чрезъ продажу чековъ суммы денегъ чековый банкъ помѣщаетъ въ наиболѣе солидныхъ банкахъ за извѣстный процентъ. Этотъ процентъ вмѣстѣ съ $^1/_5$%, начитываемаго на каждый чекъ, составляетъ доходъ учрежденія. За подробностями читатель обратится къ книгѣ Іевонса, стр. 297—305.

Живое изложеніе, иллюстрированное не придуманными въ кабинетѣ, а взятыми изъ исторіи денежнаго обращенія, примѣрами, дѣлаютъ чтеніе книги интереснымъ и легкимъ. Иногда, однаго-же, эта легкость пріобрѣтается въ ущербъ глубинѣ. Такъ, опредѣленіе денегъ (не монеты) авторъ обходитъ, указавъ на различный смыслъ, въ которомъ употребляется въ бухгалтерской практикѣ выраженіе: наличная касса, т. е. деньги. Въ обыденной жизни мы употребляемъ многія выраженія, не обращая никакого вниманія на логическую точность. Кто можетъ сказать, что́ разумѣется подъ словами: зданіе и домъ. Пусть читатель попробуетъ опредѣлить, какой изъ слѣдующихъ предметовъ можно разсматривать какъ домъ и почему: конюшня, палатка, оранжерея, сарай, маякъ, остовъ корабля, будка, погребъ, дача, голубятня? Здѣсь также трудно прійдти къ какому-нибудь заключенію, какъ въ вопросѣ о томъ, что разумѣемъ подъ словами: деньги или наличныя деньги, 255 стр. Задача, конечно, заключается не въ опредѣленіи различныхъ понятій, придаваемыхъ слову въ банковой практикѣ, а въ отысканіи общихъ всякимъ деньгамъ признаковъ, которые должны войдти въ логическое опредѣленіе денегъ.

Послѣ кризиса 1873 года, наступившаго, въ большей или меньшей степени, во всей почти Европѣ, въ литературѣ начали обзывать кредитную систему Borgsystem (система займа денегъ), Pumpsystem (система высасыванья) и пр., представляя значеніе ея совершенно фальшиво, выставляя одинъ ея признакъ за совокупность всѣхъ признаковъ этой системы, одно ея вліяніе за совокупность всѣхъ ея вліяній, забывая, что только эта Borgsystem дала возможность Европѣ развить промышленность до ея современныхъ размѣровъ. Не утверждая, что на мнѣніе автора о кредитѣ также подѣйствовалъ кризисъ, нельзя, однако-же, не замѣтить, что въ его книгѣ кредитная система также представляется односторонне, ложно. Какое представленіе о кредитѣ вынесетъ читатель, если онъ повѣритъ автору, что кредитъ есть ничто иное какъ отсрочка плате-

..., стр. 243. Не значить-ли, опредѣляя все значеніе кредита такимъ образомъ, не идти дальше смысла формулы, употребляемой въ векселѣ: я, нижеподписавшійся, обязуюсь уплатить такую-то сумму тогда-то? Если-бы значеніе кредита ограничивалось отсрочкою платежей, то, конечно, онъ не породилъ-бы такой обширной литературы и самая книга Іевонса не увидѣла бы свѣта.

Утвержденіе автора (стр. 250), что „вексель тѣмъ отличается отъ денегъ, что послѣднія не приносятъ процентовъ и что они платятъ или погашаютъ обязательство, тогда какъ платежъ векселемъ порождаетъ обязательство" также ошибочно, потому что не всякій платежъ векселемъ порождаетъ новое обязательство: если я имѣю вексель на кого-нибудь, то я могу уплатить этимъ векселемъ мой долгъ третьему лицу, не порождая новаго обязательства, а замѣняя въ томъ-же обязательствѣ одно лице другимъ.

Объясняя значеніе выпуска безпроцентныхъ билетовъ эмиссіоннаго банка, авторъ приводитъ примѣръ постройки рынка на о-вѣ Гернзэ (Guernsey), очень часто служащаго иллюстраціею въ различныхъ сочиненіяхъ, но нигдѣ не упрощеннаго до такой степени въ ущербъ глубинѣ пониманія. „Губернаторъ о-ва, Daniel le Broc, имѣлъ намѣреніе выстроить рынокъ; но такъ какъ у него не было нужныхъ для этого денегъ, то онъ выпустилъ, за печатью о-ва, 4,000 облигацій, въ одинъ фунтъ каждая. Этими облигаціями онъ заплатилъ за работу и матеріалъ. Когда рынокъ былъ готовъ и началъ приносить доходъ отъ находящихся въ немъ помѣщеній, облигаціи были обмѣнены на полученныя такимъ образомъ деньги и цѣль была достигнута безъ выдачи хотя-бы одной унціи золота. Эти выгоды бумажныхъ денегъ объяснить не трудно. Выпускомъ своихъ облигацій Daniel le Broc вытѣснилъ изъ обращенія золото равной стоимости и произвелъ такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ насильственный заемъ изъ металлическихъ денегъ острова, не платя за него процентовъ. Подобная выгода достигается при всякомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, какъ разъ на ту сумму, на которую онъ превышаетъ находящіяся въ запасѣ, ради размѣна, металлическія деньги. Частные и акціонерные банки Англіи, выпускающіе банковые билеты, выигрываютъ такимъ образомъ до 130 милл. марокъ на процентахъ, Шотландскіе до 55 м. и Ирландскіе болѣе 120 милл.", стр. 208.

Вмѣсто того, чтобы объяснить, откуда взялись матеріалъ, продукты, необходимые для постройки рынка и содержанія рабочихъ во время постройки, какимъ образомъ чрезъ выпускъ облигацій можно было привлечь эти продукты къ данному предпріятію, Іевонсъ обращаетъ вниманіе читателя на безпроцентность займа,— категорію сдѣлокъ, возникающую изъ извѣстнаго строя народнаго хозяйства и неимѣющую никакого значенія для производства страны. Продукты, составляющіе проценты въ народномъ хозяйствѣ, есть только часть богатства страны; увеличится эта часть или уменьшится — совокупность народнаго богатства остается безъ измѣненія; пользуются этими продуктами тѣ или другіе—также совершенно безразлично для богатства страны. Дѣло не въ томъ, нужно ли было платить проценты за матеріалъ, необходимый для постройки рынка и содержанія рабочихъ, или нѣтъ, а въ томъ, какимъ путемъ пріобрѣтены были эти продукты. Совершенно непонятно, какимъ образомъ облигаціи, не пользующіяся принуди-

тельнымъ курсомъ, могли вытѣснить золото. Несомнѣнно, выпускъ облигацій, самъ по себѣ, не могъ создать нужныхъ для постройки рынка продуктовъ, слѣдовательно они должны были существовать уже въ моментъ выпуска билетовъ. Продукты, затраченные въ различныя предпріятія или служащіе для непосредственнаго потребленія, не могли, конечно, идти на постройку рынка, слѣдовательно остаются только свободные капиталы. Существованіе такихъ свободныхъ цѣнностей объясняется тѣмъ, что произведенные продукты не сейчасъ-же сбываются и истрачиваются; въ странѣ, положимъ на о-вѣ Гернзэ, всегда имѣется нѣкоторое количество цѣнностей, произведенныхъ, но еще не проданныхъ въ руки предпринимателей, употребляющихъ ихъ въ различныя производства. Изъ этихъ свободныхъ капиталовъ могъ возникнуть рынокъ. Ясно, результатъ этой операціи, съ народнохозяйственной точки зрѣнія, заключается въ томъ, что свободные капиталы страны уменьшились, превратившись въ затраченныя; увеличилась та часть народнаго богатства, которая приноситъ странѣ экономическую пользу. Обстоятельство, что владѣльцы этихъ свободныхъ капиталовъ получили взамѣнъ ихъ облигаціи, дѣла, разумѣется, не измѣняетъ. Было-бы совершенно то-же, если-бы они согласились дать эти цѣнности правительству острова въ заемъ, до полученія денегъ отъ найма рынка. Но именно этого согласія они не могли-бы дать, потому что, въ такомъ случаѣ, до полученія денегъ они должны-бы сократить или прекратить производство. Облигаціи или векселя, по которымъ плательщикомъ является цѣлый островъ, вслѣдствіе извѣстности такого плательщика и довѣрія къ нему, имѣютъ обширный рынокъ, т. е. многіе соглашаются принять такой вексель или такую облигацію. Поставщики продуктовъ для рынка получили въ облигаціяхъ матеріальный знакъ, дающій имъ возможность, при первой нуждѣ, пріобрѣсти необходимыя имъ вещи, для продолженія производства, уплативъ этими знаками. Путемъ передачи этихъ знаковъ кредиторы острова будутъ постоянно мѣняться; получающій этотъ знакъ, взамѣнъ проданныхъ имъ продуктовъ, замѣщаетъ собою бывшаго кредитора; чрезъ передачу, этотъ знакъ даетъ возможность каждому данному кредитору острова, нуждающемуся въ продуктахъ, получить ихъ отъ того, кто въ данный моментъ имѣетъ такіе свободные продукты и готовъ, взамѣнъ ихъ, получить облигаціи; онъ даетъ возможность непрерывно подставлять вмѣсто даннаго лица, кредитовавшаго островъ, давшаго ему продукты и нуждающагося теперь въ другихъ продуктахъ, замѣнить себя другимъ лицомъ, имѣющимъ теперь свободные капиталы. До тѣхъ поръ, пока въ странѣ находятся свободные капиталы, облигаціи находятъ сбытъ, благодаря извѣстности плательщика по нимъ. Если-бы поставщики нужныхъ для рынка предметовъ не взяли облигацій, а удовольствовались простою помѣткою въ своихъ книгахъ, то имъ было-бы труднѣе найти охотниковъ дать имъ нужные продукты на основаніи этой одной помѣтки, довѣріе къ которой не можетъ существовать безъ довѣрія къ лицу, ведущему книгу; ихъ кредитъ не можетъ равняться кредиту острова.

Изъ предъидущаго ясно, что если-бы въ моментъ выпуска облигацій не нашлось свободныхъ капиталовъ, то облигаціи не нашли-бы сбыта и рынокъ не могъ-бы возникнуть. Процессъ былъ-бы совершенно иной, если-бы облигаціи имѣли обязательное обращеніе, если-бы каждый обязанъ былъ

ихъ принимать, подобно бумажнымъ деньгамъ. Только въ этомъ случаѣ можетъ быть рѣчь о вытѣсненіи золота. Если облигаціи являются излишними, если свободныхъ цѣнностей, нужныхъ для постройки рынка, нѣтъ, если всѣ цѣнности затрачены или имѣютъ уже назначеніе, тогда облигаціи дѣйствуютъ какъ бумажныя деньги, т. е. повышаютъ цѣны всѣхъ предметовъ, заставляютъ прежнихъ пріобрѣтателей ихъ сократить свои требованія; получающійся отъ этого уменьшенія излишекъ товаровъ можетъ быть употребленъ на постройку рынка. Здѣсь мы видимъ только иное распредѣленіе продуктовъ, имѣвшихъ уже сбытъ; то, что теперь затрачивается на постройку рынка, берется не изъ свободныхъ цѣнностей, а изъ цѣнностей, которыя и безъ того были-бы затрачены, только въ другомъ предпріятіи.

Едва-ли также можно отнести къ счастливымъ упрощеніямъ представленіе Іевонса о постоянствѣ денежной единицы. „Единственный смыслъ нормальной единицы цѣнности состоитъ въ томъ, что означаетъ извѣстное количество однородной, неизмѣняющейся субстанціи“, такъ какъ „нѣтъ никакого основанія допустить, чтобы какая-нибудь субстанція могла удержать за собою одну и ту-же цѣнность, хотя-бы на одинъ день“, ибо „цѣнность выражаетъ ничто иное, какъ измѣняющееся, вслѣдствіе своей природы, мѣновое отношеніе двухъ предметовъ“ стр. 70. Если это отношеніе дѣйствительно ежедневно мѣняется, вслѣдствіе измѣненія цѣнности различныхъ предметовъ, являющихся членами этого отношенія, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что и другой членъ (денежная единица) также мѣняется; не всякое измѣненіе отношенія происходитъ отъ измѣненія обоихъ его членовъ; напротивъ, извѣстно, что вслѣдствіе условій, лежащихъ въ производствѣ и потребленіи драгоцѣнныхъ металловъ, они подлежатъ меньшимъ колебаніямъ, сравнительно съ другими продуктами, хотя никто не будетъ оспаривать, что отношеніе, выражающее собою мѣновую цѣнность различныхъ продуктовъ относительно драгоцѣнныхъ металловъ, постоянно мѣняется, именно вслѣдствіе измѣненія цѣнности этихъ другихъ продуктовъ.

Новая аргументація Воловскаго (Wolowsky, La question monetaire. Paris 1869) въ пользу сложной (съ двумя металлическими единицами) денежной системы, считавшейся окончательно осужденною, находитъ защитника въ авторѣ разсматриваемой книги. Указанное Воловскимъ свойство сложной системы превосходно разъяснено графически Іевонсомъ. Но онъ повторяетъ также ошибку Воловскаго, который, замѣщая сложную систему, указываетъ на одно ея вліяніе, благопріятное для постоянства денежной единицы, не замѣчая, что та же система заключаетъ въ себѣ другое свойство, вліяющее какъ разъ наоборотъ. Несомнѣнно, что въ сложной системѣ, въ которой оба принятые металлы, золото и серебро, признаются закономъ платежнымъ средствомъ, заключается свойство, вліяющее на уменьшеніе величины каждаго колебанія, потому что паденіе цѣны даннаго металла порождаетъ на него спросъ, такъ какъ выгоднѣе платить этимъ дешевымъ металломъ, нежели дорогимъ, вслѣдствіе чего паденіе не можетъ достигнуть той степени, какой оно достигло-бы при простой системѣ; то-же, разумѣется, нужно сказать про повышеніе цѣны: на вздорожавшій металлъ уменьшается спросъ и тѣмъ парализуется его по-

вышеніе. Противъ этой аргументаціи нужно замѣтить, что она не ведетъ къ заключенію, которое ей подставляется Воловскимъ и Іевонсомъ, потому что постоянство денежной единицы зависитъ не только отъ величины каждаго колебанія, но также и отъ количества ихъ. Если сложная система увеличиваетъ постоянство денежной единицы тѣмъ, что она уменьшаетъ каждое колебаніе, то она также уменьшаетъ это постоянство тѣмъ, что она вводитъ совершенно новыя колебанія, не существующія въ другихъ системахъ и появляющіяся здѣсь, потому что она признаетъ два металла за мѣрило цѣнности, изъ которыхъ каждый подвергается колебаніямъ.

К. Гаттенбергеръ.

(профессоръ имп. харьковскаго университета.)

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1877 Г.

Война и ея послѣдствія въ государствѣ и обществѣ.—Международное право.— Войско и военная организація. — Государственные финансы; финансовое положеніе до войны и чрезвычайные финансовые ресурсы для покрытія военныхъ расходовъ; бумажныя деньги; текущее финансовое законодательство; таможенный тарифъ. — Государственное хозяйство; всемірная выставка въ Парижѣ; пути и способы сообщеній; коммиссія для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла; передача шоссейныхъ дорогъ въ распоряженіе земствъ; разныя другія мѣры по государственному хозяйству. — Полиція. — Судебная часть; тюремная коммиссія. — Народное образованіе; вновь открытыя и преобразованныя учебныя заведенія. — Ученая часть.—Мѣстное управленіе.—Гражданское право.

Война съ Турціей, объявленная Высочайшимъ Манифестомъ 12 Апрѣля 1877 г., наполняетъ собою всю государственную жизнь Россіи за истекшій годъ. Дѣятельность правительства была исключительно сосредоточена сперва на приготовленіяхъ къ войнѣ и мобилизаціи войскъ, а потомъ на военныхъ операціяхъ. Весьма естественно, что все движеніе законодательства и государственнаго управленія въ 1877 г. заключалось, сверхъ неизбѣжныхъ текущихъ распоряженій, разрѣшающихъ разные частные случаи [1]), только въ постановленіяхъ, вызванныхъ военными событіями и имѣющихъ силу лишь на военное время, и также отчасти въ нѣкоторыхъ узаконеніяхъ, давно подготовленныхъ въ предыдущіе годы.

Не только правительство, но и все наше общество, имѣющее какой либо досугъ отъ ежедневныхъ черствыхъ нуждъ насущнаго существованія, было поглощено въ мысляхъ о военныхъ событіяхъ. Вся общественная дѣятельность была направлена къ облег-

---

[1]) Въ этомъ «Обозрѣніи» (какъ это было и во всѣхъ предыдущихъ томахъ Сборника) мы перечисляемъ всѣ безъ изъятія, даже незначительные законодательные акты, установляющіе какія либо общія нормы и начала, также и важнѣйшія административныя распоряженія, имѣющія этотъ характеръ. Мы не упоминаемъ только о такихъ распоряженіяхъ, которыя сдѣланы хотя бы и Высочайшею властью и законодательнымъ порядкомъ, но которыя разрѣшаютъ частные административные случаи и не имѣютъ по своему существу никакого общаго законодательнаго характера. Такихъ правительственныхъ актовъ издается у насъ весьма много.

ченію тягостей и страданій войны и къ дѣламъ благотворенія, съ нею связаннымъ. Въ этомъ отношеніи, будутъ, безъ сомнѣнія, признаны заслуги самостоятельной и организованной общественной дѣятельности, являющейся нынѣ въ помощь правительству и незамѣнимой распоряженіями прямыхъ его органовъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ труды Общества Краснаго Креста, образованнаго у насъ въ силу Женевской конвенціи 1864 г., облагодѣтельствовавшей весь образованный міръ. Какіе бы ни замѣчались недостатки во всей этой общественной дѣятельности, но она составляетъ положительный успѣхъ, въ сравненіи со всѣми прежними нашими войнами, ее не знавшими. Всѣ органы мѣстнаго самоуправленія, — земскаго, городскаго и сельскаго, — были также преимущественно заняты распоряженіями, относящимися до военныхъ приготовленій и дѣйствій и также до уменьшенія жертвъ войны. И этой дѣятельности совершенно недоставало прежнимъ нашимъ войнамъ; уже по этому не можетъ не быть оцѣнено значеніе, въ кругу нашего государственнаго управленія, всѣхъ этихъ органовъ, созданныхъ реформами нынѣшняго царствованія. Они же, и до наступленія военныхъ дѣйствій, посреди томительныхъ дипломатическихъ переговоровъ, и во время тяжкихъ испытаній войны, и наконецъ послѣ ея славныхъ побѣдъ, безпрерывно являлись передъ престоломъ представителями народныхъ думъ и чувствъ, неразлучно сопровождавшихъ Монарха-Освободителя во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ подъятой Имъ борьбы.

Итакъ во всѣхъ областяхъ нашего государственнаго и общественнаго быта въ прошедшемъ году труды мира отступили на задній планъ передъ напряженіемъ всѣхъ правительственныхъ и народныхъ силъ для достиженія успѣховъ на театрахъ войны. Но можно быть кажется увѣреннымъ, что сверхъ великихъ доблестей, которыя запишутся за 1877 г. въ военную исторію Россіи, многія явленія этой боевой жизни нашего отечества не пройдутъ безслѣдно и для успѣховъ нашего мирнаго государственнаго и гражданскаго строя. Прежде всего, не можетъ быть позабыто, что не смотря на всеобщую военную тревогу, доходившую - въ иные неутѣшительные моменты боя до самаго крайняго развитія, не смотря на общее разстройство промышленныхъ дѣлъ и на чрезвычайное отягощеніе отдѣльныхъ классовъ и лицъ бременемъ войны,—у насъ вездѣ продолжалось, безъ малѣйшихъ потрясеній, и въ правительственной и въ общественной сферѣ, правильное, нормальное теченіе жизни. Всѣ члены государственнаго и общественнаго организма

продолжали безостановочно всѣ свои жизненныя отправленія. Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ внутреннее, коренное здоровье организма, какіе бы въ немъ ни были преходящіе, случайные и наружные недуги; этотъ фактъ доказываетъ, что организмъ обладаетъ громаднымъ запасомъ естественныхъ, — историческихъ и національныхъ, — силъ, для излѣченія отъ всякихъ недуговъ. Враги Россіи тщетно надѣялись на государственное разстройство, которое будетъ вызвано въ ней войною. Хотя затрудненія [1]) и жертвы борьбы съ турками далеко превзошли въ дѣйствительности тѣ легкія ожиданія, которыми тѣшились у насъ многіе передъ войною, и хотя одна уже эта предполагавшаяся легкость борьбы чрезвычайно увеличила для насъ ея трудность, но тѣмъ не менѣе никакое напряженіе силъ, вызванное этими неожиданными препятствіями, не нарушило обычнаго хода внутренней жизни въ государствѣ. Главнѣйшимъ признакомъ этого органическаго здоровья нашего государственнаго тѣла было ни на минуту непоколебавшееся единеніе власти съ народомъ, единство въ общей работѣ всѣхъ органовъ власти, не только центральныхъ, но и всѣхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, дѣйствовавшихъ нераздѣльно съ бюрократическими органами, столь разнородными съ ними по своему строенію, и сверхъ всего, нравственное единство всѣхъ сословій, классовъ, общественныхъ группъ въ общемъ національномъ движеніи, не смотря на все разнообразіе высказывавшихся мнѣній и желаній. Это разнообразіе личныхъ мыслей и чувствъ въ обществѣ есть необходимое условіе умственнаго прогресса въ его политической жизни и оно нисколько не ослабляетъ, какъ мы это уже и могли видѣть въ 1877 г., единство народнаго духа, во всѣхъ общественныхъ слояхъ, къ конечнымъ цѣлямъ великаго государственнаго предпріятія. Это государственное единство націи, неограниченная готовность каждаго крупнѣйшаго и мельчайшаго ея члена жертвовать этому единству всѣми личными своими помыслами и желаніями, составляютъ главную основу могущества всякаго историческаго народа; это могущество всегда проявлялъ русскій народъ въ моменты тяжкихъ испытаній своей тысячелѣтней исторіи.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, мыслящіе государственные люди могутъ почерпнуть не мало указаній для будущаго государственнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ и для исправленія всѣхъ старыхъ и вновь замѣченныхъ недостатковъ въ нашемъ государственномъ и

[1]) Эти затрудненія были напередъ высказаны въ статьѣ *Г. А. Леера*: «Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ» (въ IV томѣ Сборн. Гос. Зн.).

общественномъ бытѣ. Историческія, національныя свойства народа, на которыхъ зиждется все его могущество, выказались съ неизмѣнною энергіею, при всѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ реформами нынѣшняго царствованія. Также какъ русскій солдатъ, освобожденный отъ крѣпостнаго права и граждански полноправный, бился въ Балканскихъ горахъ съ тою-же безпредѣльною преданностью престолу, покорностью начальству и беззавѣтною отвагою, отличавшими его во всѣ прежніе дни его гражданской неволи, также точно и каждый русскій человѣкъ, остававшійся дома, трудился на пользу войны, въ кругу всѣхъ вновь созданныхъ учрежденій и вновь дарованныхъ ему правъ, съ тѣмъ же самоотверженіемъ, какое онъ выказывалъ и въ старыя, такъ называемыя до-реформенныя, наши времена. Преобразованія, обновившія нашъ государственный строй, не разслабили его, — какъ этого многіе у насъ страшились, — а напротивъ только укрѣпили его къ борьбѣ, которая превзошла своею суровостью многія прежнія войны. Нѣкоторая свобода публичнаго слова, которой еще не знали наши отцы и которая произвела отчасти разнообразіе мнѣній, не повредила единству патріотическихъ мыслей и чувствъ, съ которыми весь народъ нераздѣльно шелъ и идетъ противъ враговъ Россіи вслѣдъ за своимъ Вѣнценоснымъ Вождемъ. Видя все это,—надо надѣяться,—наши скептики отнесутся въ будущемъ съ бо́льшимъ довѣріемъ ко внутреннимъ здоровымъ силамъ нашего народа, ко всему дальнѣйшему развитію его государственной исторіи; это развитіе никогда не можетъ остановиться въ средѣ исторической націи, оно безпрерывно возвышаетъ ея внутренній духъ безпрерывнымъ обновленіемъ государственныхъ формъ ея быта. Надо надѣяться, что наши скептики отнесутся съ бо́льшимъ довѣріемъ къ свободѣ движеній этого народнаго духа, который, посреди самыхъ тяжкихъ испытаній, остается вѣренъ своей исторіи. Возбужденіе этого духа въ 1877 г. будетъ плодотворно для дальнѣйшаго движенія нашей государственной жизни. Но пока не заключенъ нашъ миръ съ Турціей, всѣ наши силы должны быть сосредоточены на одномъ этомъ дѣлѣ; въ событіяхъ истекшаго года, мы можемъ почерпнуть полное упованіе на то, что наше дѣло на Балканскомъ полуостровѣ, далеко еще не довершенное, будетъ, вопреки всякимъ препятствіямъ, закончено къ славѣ и чести Россіи.

Военныя операціи, хотя бы онѣ стояли на самомъ первомъ мѣстѣ всей государственной дѣятельности Россіи за прошедшій

годъ, не могутъ входить въ кругъ настоящаго нашего «Обозрѣнія» [1]. Но мы обязаны указать здѣсь на акты международнаго права, относящіеся къ войнѣ и составляющіе такъ сказать *внѣшнее законодательство* государства [2]. Вслѣдъ за объявленіемъ войны правительство наше обнародовало правила, составленныя въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и Высочайше утвержденныя 11 мая 1877 г., которыми Россія, «основываясь на заключенныхъ договорахъ и общепринятыхъ принципахъ международнаго права, намѣрена руководствоваться, по случаю войны съ Турціей, какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, такъ и нейтральной торговли». Въ основаніе этихъ правилъ положены не только начала дѣйствующаго международнаго права, обусловленнаго обязательными трактатами, но и самыя гуманныя требованія относительно развитія этого права, какія практически совмѣстимы съ нынѣшними способами веденія войны и были предъявлены общественнымъ мнѣніемъ Европы въ послѣднихъ войнахъ. Между прочимъ, нашимъ войскамъ было предписано этими правилами строгое исполненіе женевской конвенціи 1864 г. о раненыхъ и больныхъ воинахъ, и сверхъ того въ этихъ правилахъ сказано, что «въ виду бѣдствій войны и съ цѣлію согласовать по мѣрѣ возможности и *подъ условіемъ взаимности* военныя дѣйствія съ требованіями человѣколюбія, военное начальство не преминетъ сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, выставленныхъ брюссельскою конференціею 1874 г., на сколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенною цѣлію настоящей войны». Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ Россія *добровольно* взяла на себя починъ въ исполненіи проекта декларации (о правилахъ и обычаяхъ войны), составленнаго на брюссельской конференціи и не получившаго обязательной силы въ дѣйствующемъ международномъ правѣ (вслѣдствіе отказа Англіи присоединиться къ этому проекту) [3]. Этотъ починъ въ гуманизи-

---

[1]) Обозрѣнію военныхъ операцій на обоихъ театрахъ войны и обсужденію военныхъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, посвященъ обширный трудъ нашего ближайшаго сотрудника генерала Г. А. Леера; въ VI т. Сб. Гос. Зн. войдетъ начало этого труда, который будетъ продолжаться въ будущихъ выпускахъ.

[2]) Въ IV т. Сб. Г. Зн. (см. «Обозрѣніе» за 1876 г. стр. 1—13) были изложены дипломатическіе документы, которыми заключались переговоры европейскихъ державъ 1876 г. о восточномъ вопросѣ и которыми было мотивировано наше объявленіе войны.

[3]) См. о брюссельской конференціи т. II Сб. Гос. Зн. «Обозрѣніе».

рованія войны былъ тѣмъ болѣе великодушенъ со стороны Россіи, что онъ былъ сдѣланъ въ борьбѣ съ непріятелемъ, принадлежащимъ только офиціяльно къ семьѣ европейскихъ народовъ и не признающимъ для себя священными въ бою самыя обыкновенныя понятія не только христіанской, но даже общечеловѣческой нравственности. Обязательныя (*при условіи взаимности*) правила женевской конвенціи и необязательныя правила гуманности, заявленныя учеными представителями международнаго права, были сторго соблюдаемы нашими военачальниками въ настоящей войнѣ, даже *безъ исполненія условія взаимности со стороны непріятеля.* Самыя дикія его звѣрства и самыя рѣзкія нарушенія европейскихъ обычаевъ войны не вызвали со стороны нашихъ командующихъ никакихъ военныхъ репрессалій, которыя вполнѣ оправдываются международнымъ правомъ и которыя облегчили бы страданія нашихъ войскъ, вынужденныхъ вести бой по европейски съ племенами, вооруженными всѣми варварскими средствами Азіи. Послѣ упомянутыхъ правилъ былъ изданъ у насъ весьма человѣколюбивой законъ о военноплѣнныхъ, принадлежащій по времени обнародованія ко второй половинѣ 1877 г. (и потому къ «Обозрѣнію» въ будущемъ томѣ Сб. Г. Зн.). Дѣйствительное-же обращеніе наше съ турецкими плѣнными далеко превзошло своею гуманностью всякія требованія международнаго права.

Все это великодушіе Россіи въ нынѣшней войнѣ, можетъ быть и *излишнее* съ точки зрѣнія практическихъ политическихъ интересовъ,—будетъ рано или поздно признано безпристрастнымъ общественнымъ мнѣніемъ образованнаго міра, когда улягутся слѣпыя страсти, возбужденныя восточнымъ вопросомъ. Однако уже и теперь слышатся голоса этого безпристрастнаго суда совѣсти образованнаго міра. Здѣсь должно упомянуть о мнѣніи, громко высказанномъ Институтомъ Международнаго Права, который считаетъ въ своей средѣ знаменитѣйшихъ представителей международнаго права и государственныхъ наукъ всѣхъ образованныхъ націй. Вотъ между прочимъ какъ выражается Институтъ въ своихъ разсужденіяхъ (въ послѣдней своей сессіи 1872 г. въ Цюрихѣ) о соблюденіи правилъ международнаго права и человѣколюбія въ нынѣшней войнѣ: «..... Институтъ не можетъ произвести слѣдствія надъ ежедневно возрастающими случаями страстныхъ обвиненій обѣихъ воюющихъ сторонъ (въ нарушеніи международныхъ правилъ войны). Но есть другой вопросъ, который общество юристовъ, основанное «для содѣйствія успѣхамъ международнаго права», можетъ считать обязан-

ностью для себя поставить и имѣетъ средства разрѣшить. А именно нужно знать, въ какой степени были приняты воюющими мѣры, чтобъ обезпечить на сколько возможно знакомство армій съ законами войны и ихъ исполненіе. Въ этомъ отношеніи извѣстны слѣдующіе факты. Почти въ тоже время, какъ былъ опубликованъ «Призывъ Института къ воюющимъ» (о соблюденіи правилъ человѣколюбія и международнаго права), императорскій указъ предписалъ всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ Имперіи соблюденіе не только женевской конвенціи 1864 г. и петербургской деклараціи 1868 (о разрывныхъ пуляхъ), но и общихъ принциповъ, признанныхъ на брюссельской конференціи 1874 г. Все это было популярнымъ образомъ изложено въ «Военномъ Сборникѣ» и отпечатано въ тысячахъ экземпляровъ для распространенія въ русской арміи. Сверхъ того, русское правительство издало самыя гуманныя правила о военноплѣнныхъ. Въ виду всѣхъ этихъ дѣйствій русскаго правительства, которыя доказываютъ усилія имъ сдѣланныя, чтобы соблюденіе законовъ войны вошло въ служебныя обязанности солдатъ, Институтъ къ сожалѣнію долженъ признать, что турецкое правительство не сдѣлало никакого распоряженія, чтобъ его войска знали обычное европейское право войны, формулированное между прочимъ въ проектѣ брюссельской деклараціи». Послѣ этого Институтъ Международнаго Права изображаетъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ нерадѣніе Высокой Порты къ исполненію обязательствъ, принятыхъ ею на себя по женевской конвенціи и правилъ Общества Краснаго Креста и звѣрскіе способы веденія войны турецкими войсками; онъ объясняетъ, что государства, принятыя въ европейское сообщество подобно Турціи, не имѣютъ право употреблять на войнѣ дикія азіятскія полчища и должны быть за это отвѣтственны. Въ заключеніе Институтъ говоритъ: «Воодушевленный пламенною любовью къ миру и справедливости, Институтъ желаетъ только воспользоваться всѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое ему принадлежитъ вслѣдствіе его организаціи, его прошедшихъ трудовъ, спеціальныхъ работъ его членовъ, чтобы указать, подлѣ благороднѣйшихъ примѣровъ мужества, патріотизма и состраданія (въ нынѣшней войнѣ), на зрѣлища звѣрства и животности, доведенныхъ до самыхъ послѣднихъ своихъ крайностей». Эти сужденія Института Международнаго Права, который пользуется первостепеннымъ ученымъ авторитетомъ во всемъ свѣтѣ, имѣетъ само по себѣ большое для насъ значеніе; но надо думать, что во слѣдъ за нимъ во всемъ образованномъ мірѣ будутъ признаны

человѣколюбивый образъ веденія войны со стороны Россіи, даже сравнительно съ недавними европейскими войнами, и чрезвычайныя затрудненія военныя и нравственныя, которыя приходится нашимъ войскамъ испытывать въ борьбѣ съ непріятелемъ-варваромъ.

Переходимъ къ предлежащему намъ обозрѣнію нашего законодательства и государственнаго управленія за первую половину 1877 г. [1]).

По текущему *международному праву* въ началѣ 1877 г. опубликована конвенція о торговлѣ и судоходствѣ, заключенная между Россіей и Румыніей 15 марта 1876 года. Эта конвенція пришлась кстати для позднѣйшихъ совокупныхъ международныхъ и военныхъ операцій, неразрывно соединившихъ Россію и Румынію въ событіяхъ 1877 года. Опубликованъ трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Россіей и Испаніей 11 февраля 1876 года.

Къ организаціи *военныхъ силъ* и *военной части* вообще относятся слѣдующія постановленія. При указѣ Правительствующаго Сената распубликованы правила, инструкціи и формы для устройства государственнаго ополченія, составленныя особою Коммиссіею при Военномъ Министерствѣ, на основаніи Положенія 30 октября 1876 г. о государственномъ ополченіи. На пограничную (таможенную) стражу распространено дѣйствіе дисциплинарнаго устава военнаго вѣдомства. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенъ переводъ въ войска порочныхъ чиновъ пограничной стражи и предоставлено таможенному вѣдомству право передавать въ войска только тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые окажутся неблагонадежными собственно для таможенной службы (Выс. пов. 14 янв. 1877 г.). Въ измѣненіе §§ 54, 86 и 100 Положенія о воинской повинности, дозволено, въ случаѣ призыва на службу чиновъ запаса, призывать ихъ на службу въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ своей губерніи, гдѣ они проживаютъ, а не въ своихъ уѣздахъ, въ которыхъ они числятся (Выс. пов. 10 дек. 1876 г.). Это облегчительное распоряженіе весьма полезно, такъ какъ жертвы, связанныя для нашего народа собственно съ исполненіемъ воинской повинности, неизмѣримо менѣе тяжки, чѣмъ всѣ бюрократическія формальности и проволочки, которыми окружена эта

---

[1]) Обозрѣніе второй половины 1877 г. войдетъ въ VI т., который долженъ выйти въ ближайшемъ времени.

повинность до ея дѣйствительнаго исполненія и которыя составляютъ немаловажную непроизводительную трату народныхъ силъ. Установленъ порядокъ доставленія въ сборные пункты нижнихъ чиновъ запаса, призванныхъ на дѣйствительную службу (Выс. утв 1 марта 1877 г. М. Г. С.). Нижнимъ чинамъ унтеръ-офицерскаго званія, остающимся на службѣ сверхъ срока, присвоены разныя права: преимущественное право на занятіе въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ должностей, замѣщаемыхъ по вольному найму, добавочное жалованье и единовременныя пособія и пенсіи при увольненіи ихъ въ запасъ или отставку (Выс. утв. 1 марта 1877 г. М. Г. С.). Мѣра эта весьма полезна въ виду настоятельной необходимости для войскъ привлекать унтеръ-офицеровъ къ возможно болѣе продолжительной службѣ.

Къ особымъ мѣрамъ, вызваннымъ военными обстоятельствами, должно отнести изданіе временныхъ правилъ (Высоч. утв. 28 апр. 1877 г.) объ отвѣтственности лицъ гражданскаго вѣдомства, совершившихъ, въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, наиболѣе тяжкія преступленія, направленныя ко вреду или безопасности государства и арміи (бунтъ противъ Верховной Власти и государственную измѣну, умышленное истребленіе военныхъ запасовъ и разныхъ принадлежностей военной обороны, умышленное сокрытіе свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля, нападеніе на часоваго и караулъ и вооруженное имъ сопротивленіе). За всѣ эти преступленія обвиненныя лица судятся военнымъ судомъ, по военно-уголовнымъ законамъ для военнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть предаваемы тому же суду, по усмотрѣнію главныхъ военныхъ начальниковъ, лица, обвиняемыя въ другихъ тяжкихъ гражданскихъ преступленіяхъ: убійствѣ, грабежѣ, разбоѣ, изнасилованіи, зажигательствѣ и проч. Упомянутыя правила распространены и на преступленія противъ безопасности флота: умышленный поджогъ или иное умышленное истребленіе кораблей, доковъ, морскихъ магазиновъ или иныхъ морскихъ сооруженій, маяковъ и другихъ предостерегательныхъ знаковъ (Выс. указъ Сенату 9 мая 1877 г.).

Управленіе мѣстными войсками въ Закавказскомъ краѣ преобразовано на общихъ основаніяхъ Положенія объ управленіи мѣстными войсками въ военныхъ округахъ Европейской Россіи 26 августа 1874 г. (Высоч. пов. 20 апрѣля 1877 г.).

Изо всѣхъ отраслей государственнаго управленія, *финансы* занимали собою всего болѣе наше общественное мнѣніе въ истек-

шемъ году. Наши финансы сосредоточивали на себѣ также особенное вниманіе заграничной публики; иностранная публицистика, разсуждая о нашихъ боевыхъ силахъ, всего болѣе останавливалась на нашемъ финансовомъ положеніи. На финансовое истощеніе Россіи всего болѣе расчитывали ея европейскіе враги и туркофилы; о порокахъ нашей финансовой системы горько сожалѣли даже наши политическіе друзья [1]), указывая на нихъ какъ на главную опасность, предстоящую намъ въ войнѣ.

Послѣ разныхъ наружныхъ симптомовъ благопріятнаго финансоваго положенія, совершенно успокоившихъ въ предыдущіе годы нашу отечественную публику относительно этой самой неутѣшительной стороны всей нашей государственной исторіи, въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія, — послѣ исчезновенія дефицитовъ въ бюджетѣ, возвышенія нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ, постоянства иностраннаго вексельнаго курса, сооруженія на счетъ государственнаго кредита, казавшагося безпредѣльнымъ, громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, блистательныхъ, превысившихъ всякія бюджетныя ожиданія результатовъ исполненія государственныхъ росписей по отчетамъ государственнаго контроля, — послѣ всего этого, наша публика сильно встревожилась въ 1877 г. почти внезапными противуположными симптомами финансоваго положенія, — главнѣйше быстрымъ и неуклоннымъ паденіемъ иностраннаго вексельнаго курса, т. е., паденіемъ цѣны нашихъ бумажныхъ денегъ, вздорожаніемъ товаровъ, покупаемыхъ на эти деньги, возрастаніемъ лажа звонкой монеты при обмѣнѣ на кредитные билеты и недостаточнымъ успѣхомъ всѣхъ нашихъ государственныхъ займовъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ. Хотя въ исторіи нашихъ финансовъ не произошло въ 1877 г. рѣшительно ничего новаго кромѣ войны, которая можетъ разстроить финансовое положеніе самыхъ богатыхъ націй, но наша публика круто перешла въ своихъ сужденіяхъ по этому предмету отъ крайняго оптимизма къ крайнему пессимизму. Эти быстрые переходы общественнаго мнѣнія слишкомъ понятны, не

---

[1]) См. между прочимъ замѣчательныя статьи о русскихъ финансахъ въ берлинской «національной газетѣ», которая въ теченіи 1877 г. отличалась, во всей нѣмецкой печати, своими сочувствіями къ Россіи и къ ея дѣлу въ Турціи. Авторомъ этихъ статей, подписанныхъ буквами А. В., признается Адольфъ Вагнеръ, занимавшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ каѳедру въ дерптскомъ университетѣ, пользующійся первостепеннымъ авторитетомъ въ экономической литературѣ и близко изучившій наши финансы (преимущественно нашъ государственный кредитъ и наше бумажное денежное обращеніе).

только вслѣдствіе общаго темперамента нашего общества, но въ особенности при крайне слабомъ распространеніи у насъ точныхъ свѣдѣній и понятій о финансовомъ дѣлѣ: публика всегда расположена судить о немъ по чисто внѣшнимъ, доступнымъ для ея непосредственныхъ ощущеній признакамъ (какова напр. возрастающая теперь дороговизна жизни на кредитные билеты), не вдаваясь въ изслѣдованіе ихъ внутреннихъ, коренныхъ причинъ. Какъ ни вреденъ всякій безсознательный пессимизмъ въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, а въ настоящемъ случаѣ, онъ вреднѣе всякаго другаго, поощряя враговъ Россіи въ ихъ расчетахъ на слабость ея боевыхъ силъ,— но мы должны надѣяться, что новѣйшій нашъ пессимизмъ во взглядахъ на финансы будетъ гораздо плодотворнѣе прежняго оптимизма, который усыплялъ общественное вниманіе къ излѣченію нашихъ финансовыхъ недуговъ. Эти недуги весьма застарѣлые; они не только не произведены вновь войною, но даже нисколько не измѣнились съ нею въ своемъ существѣ, а только раздражились до нѣкоторыхъ острыхъ симптомовъ, болѣе ощутительныхъ, чѣмъ прежнее скрытое, безъ наружныхъ болей, состояніе болѣзни.

Такимъ образомъ вопросъ о нашихъ финансахъ выступилъ на первый планъ во всѣхъ сужденіяхъ и иностранцевъ и самихъ русскихъ людей о политическомъ положеніи Россіи, какъ внутреннемъ, такъ даже и о внѣшнемъ. Безъ сомнѣнія этотъ вопросъ потребуетъ у насъ наибольшей государственной дѣятельности, вслѣдъ за заключеніемъ мира. Этому нельзя не порадоваться: пока недостатки нашей финансовой системы еще не достигли до крайняго своего развитія и пока они еще исправимы, безъ тѣхъ государственныхъ потрясеній, къ которымъ приводило критическое положеніе финансовъ въ другихъ странахъ, — надо поспѣшить финансовою реформою, если настоятельность ея сознана и обществомъ и правительствомъ. Какъ бы ни были печальны выше указанные симптомы нынѣшняго болѣзненнаго состоянія нашихъ государственныхъ финансовъ, въ нихъ не было и нѣтъ ничего критическаго; это положительно явствуетъ изо всѣхъ опубликованныхъ въ истекшемъ году фактическихъ данныхъ, какъ относительно нашихъ обыкновенныхъ финансовыхъ источниковъ, такъ и экстраординарныхъ ресурсовъ, потребованныхъ войною.

Наше государственное казначейство встрѣтило войну при блистательномъ состояніи своей *денежной наличности*. Результатомъ исполненія государственной росписи за 1875 г. было превышеніе доходовъ противъ расходовъ на $33^{1}/_{4}$ мил. руб. Съ присоедине-

ніемъ остатковъ прежнихъ лѣтъ, отчетъ Государственнаго Контроля за 1875 г. исчислялъ до 40½ мил. *свободный финансовый ресурсъ*, остававшійся къ 1 января 1876 г. въ распоряженіи правительства для экстренныхъ издержекъ 1876 и 1877 гг. [1]). Въ 1876 г. уже показались зловѣщіе признаки будущихъ военныхъ событій и этотъ годъ нельзя болѣе считать нормальнымъ въ финансовомъ отношеніи: въ 1876 г. дѣлались военныя приготовленія, потребовавшія отъ казны чрезвычайныхъ расходовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все народное хозяйство уже испытывало давленіе грозныхъ политическихъ обстоятельствъ, которыя не могли не отразиться и на государственныхъ доходахъ. При этихъ условіяхъ нельзя не признать благопріятными финансовые результаты исполненія государственной росписи за 1876 г., какъ они показаны въ отчетѣ государственнаго контроля за этотъ годъ. Въ этомъ отчетѣ счетъ обыкновенныхъ бюджетныхъ доходовъ и расходовъ отдѣленъ отъ чрезвычайныхъ расходовъ на военныя надобности и чрезвычайныхъ ресурсовъ для нихъ предназначенныхъ. Нельзя не одобритѣ этого порядка въ нашей государственной отчетности. Такимъ образомъ, въ контрольныхъ отчетахъ за 1876, 1877 и 1878 гг. мы будемъ имѣть точныя свѣдѣнія о расходахъ казны на войну; такихъ свѣдѣній, даже приблизительныхъ, о первой восточной войнѣ мы не имѣемъ, и никогда,—какія бы тщательныя изслѣдованія ни были произведены въ нашихъ государственныхъ архивахъ,—мы не получимъ. Въ указанномъ фактѣ должно признать значительный успѣхъ въ нашемъ государственномъ управленіи; этимъ успѣхомъ мы обязаны главнѣйше контрольной реформѣ.

Хотя въ контрольномъ отчетѣ за 1876 г. счетъ расходовъ, прямо вызванныхъ военными приготовленіями, отдѣленъ отъ исполненія обыкновеннаго бюджета, тѣмъ не менѣе показанныя цифры обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ нельзя признать нормальнымъ выраженіемъ нашихъ финансовыхъ обстоятельствъ въ мирное время. Не только всѣ источники обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ находились подъ большимъ или меньшимъ гнетомъ ожиданій войны, но и многіе расходы по разнымъ вѣдомствамъ, хотя и не прямо произведенные на военныя приготовленія, были въ большей или меньшей степени ими обусловлены. Это соображеніе придаетъ еще болѣе благопріятный харак-

[1]) См. о финансовыхъ результатахъ 1875 г. и финансовыхъ операціяхъ въ 1876 г. Т. III Сборн. Гос. Зн., Обозрѣніе, стр. 18 и слѣд.

теръ результатамъ исполненія обыкновеннаго или мирнаго бюджета 1876 г.

Общій итогъ обыкновенныхъ бюджетныхъ доходовъ, поступившихъ за 1876 г., составляетъ 559.262,000 р. (противъ ожиданій росписи болѣе на 2.518,000 руб.); общій итогъ расходовъ, по всѣмъ статьямъ, предвидѣннымъ въ бюджетѣ, — 573.000,000 р. (болѣе противъ ожиданій росписи на 22.448,000 р.). Такимъ образомъ по исполненію обыкновеннаго бюджета составился за 1876 г. недостатокъ доходовъ противъ расходовъ въ 5½ мил. (отнесенный на счетъ 40½ мил. бюджетныхъ остатковъ прежнихъ лѣтъ). Этотъ дефицитъ нельзя считать значительнымъ для военнаго времени, которое въ экономическомъ отношеніи уже началось въ 1876 г. Мы должны приготовить себя къ инымъ размѣрамъ дефицитовъ за 1877 и 1878 гг., даже по счету обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Незначительность упомянутой цифры 5½ недостатка доходовъ противъ расходовъ въ 1876 г. убѣждаетъ, что еслибъ внѣшнія политическія обстоятельства были въ 1876 г. нормальны, то и въ этомъ году продолжалось бы то финансовое равновѣсіе, которое было достигнуто въ предыдущіе годы.

Чрезвычайныхъ расходовъ на военныя надобности произведено въ 1876 г. на 50.998,000 р., отнесенныхъ на чрезвычайные финансовые ресурсы (четвертый выпускъ 5% билетовъ государственнаго банка, выпущенныхъ по указу 6 ноября 1876 г.), и кромѣ того 8.305,000 р., израсходованныхъ военнымъ и морскимъ министерствами изъ ихъ запасныхъ фондовъ (составившихся изъ ихъ остатковъ по смѣтамъ двухъ предыдущихъ лѣтъ).

О движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ по росписямъ 1877 и 1878 гг. мы воздержимся отъ всякаго сужденія, пока не будемъ имѣть контрольныхъ отчетовъ объ исполненіи смѣтныхъ предположеній за эти годы; если вообще результаты дѣйствительнаго исполненія нашихъ бюджетовъ всегда очень разнятся съ бюджетными предвидѣніями, то государственныя и экономическія обстоятельства 1877 и 1878 гг. могутъ тѣмъ болѣе дать финансовые результаты, непредвидѣнные въ смѣтахъ. Здѣсь слѣдуетъ только упомянуть, что въ государственной росписи на 1877 г. предполагалось превышеніе обыкновенныхъ доходовъ противъ обыкновенныхъ расходовъ на 8,522 р.; возможность подобнаго предположенія (хотя бы не исполнимаго вслѣдствіе войны), — посреди чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ, которыя уже достаточно обнаружились во время составленія росписи на 1877 г., не

доказываетъ того истощенія нашихъ финансовыхъ силъ, при которомъ мы будто бы вступили въ войну, по сказаніямъ нашихъ европейскихъ враговъ.

О чрезвычайныхъ расходахъ войны, не только будущихъ, но даже и произведенныхъ въ 1877 г., мы также не можемъ составить себѣ теперь полное понятіе; къ наиболѣе точнымъ выводамъ по этому вопросу мы могли бы придти черезъ исчисленіе чрезвычайныхъ кредитныхъ ресурсовъ, посредствомъ которыхъ удовлетворяются военные расходы. Но мы еще не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о результатахъ реализаціи государственныхъ займовъ, заключенныхъ по случаю войны, и о наличныхъ суммахъ, поступившихъ по этимъ займамъ въ распоряженіе государственнаго казначейства. Даже свѣдѣній о движеніи суммъ, реализованныхъ по первому изъ этихъ займовъ (четвертому выпуску 5% билетовъ государственнаго банка, на 100 мил., по Выс. указу 6 ноября 1876 г.), государственный контроль еще не сообщаетъ, и обѣщаетъ изложить ихъ только въ своемъ отчетѣ за 1877 г., имѣющемъ появиться въ концѣ нынѣшняго года. Кромѣ упомянутаго займа были заключены еще слѣдующіе: внутренній 5% заемъ подъ названіемъ «Восточнаго займа 1877 г.» на нарицательный капиталъ въ 200 мил. (по Высоч. указу 29 апрѣля 1877 г.) и внѣшній заемъ (5% внѣшній заемъ 1877 г.), открытый въ Берлинѣ, Амстердамѣ, Парижѣ и Лондонѣ на 15 мил. фунт. стерл. (по Выс. пов. 26 мая 1877 г.). Выпущенные въ 1877 г. новые шесть разрядовъ (серій) билетовъ государственнаго казначейства на 18 мил. руб. (по Выс. указу 28 дек. 1876 г.) не составляютъ новаго займа, такъ какъ они выпущены, согласно установившемуся порядку, взамѣнъ того же количества погашенныхъ билетовъ (1869 г.). Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о бюджетѣ 1878 г., г. министръ финансовъ вычисляетъ всѣ чрезвычайные военные расходы, произведенные «съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1876 г. по 25 декабря по 1877 г.» до 432½ милліоновъ рублей.

Сверхъ трехъ означенныхъ процентныхъ займовъ правительство прибѣгнуло для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войною, къ безпроцентному займу, черезъ выпуски кредитныхъ билетовъ. Объ этихъ выпускахъ мы почерпаемъ свѣдѣнія въ публикуемыхъ балансахъ государственнаго банка. Въ этихъ балансахъ возникла съ нѣкоторыхъ поръ (уже гораздо ранѣе приготовленій къ войнѣ) особая рубрика «кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій банка». Эта рубрика возрасла къ 1 декабря 1877 г. до 293.100,000 руб. Соотвѣт-

ственно этимъ выпускамъ возросъ долгъ банку со стороны государственнаго казначейства по текущимъ расходамъ за его счетъ къ 1 дек. 1877 г. до 230.332,000 руб.; эта ссуда банка казнѣ на ея чрезвычайные расходы была очевидно сдѣлана на счетъ вышеозначенныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Можно считать съ величайшею вѣроятностью массу нашихъ кредитныхъ билетовъ увеличившеюся въ обращеніи въ теченіи 1877 г. на 300 милл. Упомянутые выше три процентные займа и выпущенная на расходы государственнаго казначейства сумма кредитныхъ билетовъ далеко превышаютъ цифру ($432^1/_2$ м. р.) военныхъ расходовъ, показанную г. Министромъ Финансовъ; но съ одной стороны, нарицательная сумма процентныхъ займовъ была гораздо выше выпускной, и сверхъ того, въ 1877 г. всѣ займы еще не были ни реализованы, ни полностью покрыты взносами подписчиковъ, а съ другой стороны, и въ обыкновенномъ бюджетѣ 1877 г. долженъ оказаться, по случаю военныхъ обстоятельствъ, значительный дефицитъ, который долженъ быть (сверхъ остатковъ отъ предыдущихъ смѣтъ) отнесенъ на всѣ эти экстраординарные кредитные ресурсы. Какая останется отъ всѣхъ нихъ свободная сумма для покрытія военныхъ расходовъ 1878 г. и потому потребуются ли для этихъ расходовъ новые займы,—ничего этого мы не знаемъ. Намъ остается только пожелать болѣе успѣховъ для этихъ новыхъ,—въ особенности заграничныхъ займовъ, чѣмъ тѣ непріятныя случайности, которымъ подвергалось заключеніе ихъ въ 1877 г. Должно надѣяться, что послѣ этихъ опытовъ эти случайности будутъ устранены.

Вышеозначенная огромная масса бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ (т. е. неразмѣнныхъ на звонкую монету и пользующихся во всѣхъ платежахъ узаконеннымъ курсомъ, наравнѣ съ монетою), увеличившая почти на половину (на 43%) количество денегъ, бывшихъ до 1877 г. въ народномъ обращеніи, уже тогда превышавшее потребности обращенія, — эта масса и была главною причиною необычайнаго паденія цѣны кредитныхъ билетовъ и всѣхъ указанныхъ выше болѣзненныхъ симптомовъ, встревожившихъ иностранную и русскую публику относительно нашего финансоваго положенія.

Конечно, эта форма государственнаго кредита и этотъ способъ покрытія чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ могутъ быть наименѣе оправданы финансовою наукою и влекутъ за собою наиболѣе гибельныя экономическія послѣдствія. По несчастію нашему, привычка къ этому чрезвычайному ресурсу унаслѣдована

нашею финансовою администраціею съ давнихъ поръ и она не встрѣчала достаточнаго противудѣйствія въ сознаніи экономическихъ истинъ со стороны самаго общества. Воздержаться отъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ было тѣмъ труднѣе, что мы вынуждены были начать войну съ разстроенною бумажною денежною системою, съ принудительнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ, оставшихся еще отъ первой восточной войны. Надо надѣяться, что послѣ нынѣшняго опыта наше общество лучше сознаетъ это зло и будетъ болѣе расположено къ финансовымъ жертвамъ, необходимымъ для исправленія денежной системы, послѣ заключенія мира. Надо надѣяться, что у насъ не будутъ болѣе возможны тѣ настоятельныя ходатайства передъ правительствомъ о новыхъ выпускахъ бумажныхъ денегъ, какія намъ приходилось до войны, еще не такъ давно, слышать въ нашихъ коммерческихъ кружкахъ.

Сверхъ печальной необходимости, вынудившей прибѣгнуть для покрытія военныхъ расходовъ къ выпускамъ бумажныхъ денегъ,— къ самой тяжкой формѣ государственнаго кредита, — нельзя не пожалѣть, что всѣ вообще чрезвычайные финансовые ресурсы для войны должны быть почерпнуты у насъ исключительно на счетъ кредита. Хотя другія его формы,—процентные займы внутренніе и внѣшніе, — несравненно менѣе вредны, чѣмъ выпуски бумажныхъ денегъ, но вслѣдствіе неудобствъ заключенія займовъ въ самый разгаръ войны (испытанныхъ нами въ 1878 г.) и по многимъ другимъ причинамъ, политическимъ и финансовымъ, нынѣ вездѣ принято правиломъ обращать часть военныхъ издержекъ на налоги и преимущественно на *прямыя подати*. Между тѣмъ, вслѣдствіе коренныхъ пороковъ всей нашей податной системы, неисправленныхъ въ эпоху мира, у насъ не существуетъ ни чрезвычайныхъ податей, взимаемыхъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ (подобно англійскому подоходному налогу въ прежнее время), ни обыкновенныхъ податей, которыхъ размѣры могли бы быть возвышены въ этихъ обстоятельствахъ; возвышеніе этихъ размѣровъ привело бы къ самому крайнему и несправедливому отягощенію бѣднѣйшихъ классовъ народа (см. объ этомъ подробнѣе въ «Обозрѣніи» въ III т. Сб. Г. Зн. стр. 15). Поэтому, съ одной стороны, если нельзя поставить нашей финансовой администраціи въ упрекъ, что она была принуждена искать только въ кредитѣ финансовыхъ способовъ для веденія войны, то съ другой стороны, должно ожидать, что реформа прямыхъ податей, заглохшая въ послѣдніе годы, будетъ признана неотложною, вслѣдъ за заключеніемъ мира. Объ этой реформѣ напоминаетъ уже одна

необходимость изыскать въ обыкновенныхъ доходахъ государства средства для уплаты 17 милліоновъ ежегодныхъ процентныхъ платежей по новымъ государственнымъ займамъ.

Косвенныя подати съ потребленія, — если даже нѣтъ другихъ соображеній, препятствующихъ ихъ возвышенію, — всего менѣе могутъ служить финансовымъ ресурсомъ въ военное время, когда именно въ это время сокращается потребленіе большей части товаровъ, кромѣ предметовъ насущнаго существованія, и война безъ того производитъ вздорожаніе жизни (въ особенности у насъ при выпускахъ бумажныхъ денегъ, возвысившихъ почти всѣ товарныя цѣны). Все это мы также испытали въ 1877 г., съ котораго вступило въ дѣйствіе распоряженіе, состоявшееся въ 1876 г. о взиманіи звонкою монетою таможенныхъ сборовъ, — этой главной по доходности послѣ питейныхъ налоговъ, отрасли нашихъ косвенныхъ податей. Мѣра эта занимаетъ первое мѣсто въ финансовомъ законодательствѣ за первую половину 1877 г. и имѣетъ большое значеніе во всей нашей финансовой политикѣ. Прямою цѣлію этой мѣры было пріобрѣтеніе звонкой монеты въ натурѣ, для заграничныхъ металлическихъ платежей, чрезвычайно усилившихся вслѣдствіе военныхъ операцій. Пока не время подвергать обсужденію вопросъ должно ли отдать предпочтеніе этому способу пріобрѣтенія звонкой монеты передъ другими, — покупкой монеты и иностранныхъ траттъ на бумажныя деньги, и проч. У насъ были испытаны въ прошедшемъ же году разные способы пріобрѣтенія нужныхъ правительству драгоцѣнныхъ металловъ какъ внутри страны, такъ и заграницею; впослѣдствіи, когда мы будемъ имѣть точныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ операціяхъ, мы будемъ въ состояніи судить объ относительной выгодности каждой изъ нихъ. Но распоряженіе о взиманіи таможенныхъ сборовъ звонкою монетою привело еще къ другому результату, который мы можемъ оцѣнить уже теперь, — къ чрезвычайному возвышенію таможеннаго тарифа (въ размѣрѣ обезцѣненія кредитныхъ билетовъ), вслѣдствіе переложенія таможеннаго тарифа, на звонкую монету, по ея нарицательной цѣнѣ, сравнительно съ бумажными деньгами.

Этотъ результатъ можетъ быть и не былъ въ прямыхъ намѣреніяхъ правительства, но онъ составилъ цѣлое событіе въ исторіи нашей таможенной политики. Протекціонистскій (почти запретительный по многимъ частямъ) характеръ нашего таможеннаго тарифа, который и безъ того былъ весьма высокъ въ сравненіи съ тарифами прочихъ европейскихъ державъ (въ особенности ближай-

шей къ намъ и дружественной Германіи),—былъ усиленъ въ крайней степени и почти неожиданнымъ образомъ. На первый разъ, послѣдствіемъ этой мѣры въ финансовомъ отношеніи былъ сильный упадокъ привоза иностранныхъ товаровъ и дохода отъ таможенныхъ сборовъ. Сколько намъ извѣстно изъ частныхъ источниковъ (пока не опубликованы официальныя свѣдѣнія), таможенный доходъ уменьшился въ 1877 г. на $14^{1}/_{2}$ мил. руб.; эта цифра чистаго убытка казны отъ этой мѣры весьма почтенна и могла бы послужить немаловажнымъ ресурсомъ для военныхъ расходовъ. Звонкая монета была пріобрѣтена этимъ путемъ несравненно дороже, чѣмъ всякими иными способами. Потребленіе и ввозъ иностранныхъ товаровъ и безъ этой мѣры должны были сократиться во время войны. Независимо отъ указанныхъ финансовыхъ соображеній, эта мѣра была весьма рѣшительнымъ поворотомъ въ нашей таможенной политикѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Пересмотры тарифа въ 1851 и 1855 гг. сопровождались значительнымъ пониженіемъ таможенныхъ сборовъ и были сдѣланы въ духѣ освобожденія нашей иностранной торговли отъ протекціонизма. Затѣмъ, хотя при послѣднемъ общемъ пересмотрѣ тарифа въ 1868 г. не господствовали въ правительственной сферѣ тѣ же идеи и желанія идти къ ослабленію таможеннаго покровительства, но въ общемъ своемъ результатѣ разнообразныя измѣненія (пониженія и возвышенія по разнымъ статьямъ) размѣра таможенныхъ сборовъ тарифа не привели къ усиленію его покровительственнаго характера. Независимо отъ этого, паденіе цѣны бумажныхъ денегъ, которыми уплачивались таможенные сборы, производило само собою пониженіе тарифа. Такимъ образомъ распоряженіе о взиманіи таможенныхъ сборовъ звонкою монетою съ 1877 г. получило характеръ совершеннаго переворота въ общемъ движеніи нашей таможенной политики до этого года. Такіе крутые перевороты не могутъ быть выгодны для развитія отечественной промышленности: она прежде всего нуждается въ постоянствѣ и послѣдовательности относящихся къ ней государственныхъ мѣропріятій. Въ этомъ, казалось бы, должна заключаться первая ея *охрана* со стороны правительства.

Военныя эпохи всегда усиливаютъ расположеніе къ таможенному протекціонизму и всегда неблагопріятны для мѣръ, устраняющихъ таможенныя стѣсненія свободы международной торговлѣ. Въ русскомъ обществѣ, при весьма слабомъ распространеніи научныхъ экономическихъ понятій, свобода международной торговли имѣла всегда много враговъ, — даже въ кругу людей, незаинтересованныхъ матерьяльно въ таможенномъ протекціонизмѣ.

Это также застарѣлый недугъ въ экономической жизни Россіи, далеко не искорененный наукою и реформами истекшаго двадцатилѣтія. Къ нѣкоторому нашему оправданію можетъ служить то обстоятельство, что въ недавнее время таможенный протекціонизмъ снова поднялъ голову даже въ образованнѣйшихъ странахъ западной Европы. Однако просвѣщенное германское правительство энергически противустоитъ напору этихъ протекціонистскихъ идей и не уступаетъ имъ ничего. Нельзя не замѣтить, что возрожденіе протекціонизма въ нашемъ законодательствѣ было также невыгодно для насъ въ политическомъ отношеніи: оно сильно раздражило противъ насъ Германію, нашу вѣрнѣйшую союзницу въ восточномъ вопросѣ. Можетъ статься, практическій опытъ таможеннаго протекціонизма, какой сдѣланъ у насъ съ 1877 г., будетъ весьма плодотворенъ для будущихъ успѣховъ нашего экономическаго и государственнаго воспитанія. Невыгодные экономическіе результаты, также какъ и финансовые, не замедлятъ обнаружиться. Очень часто, никакія отвлеченныя, хотя бы и самыя ясныя ученія науки не въ силахъ убѣдить массу практической публики въ тѣхъ истинахъ, которымъ эта масса всего лучше обучается дѣйствительнымъ опытомъ жизни. Въ числѣ другихъ внутреннихъ и финансовыхъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены только посреди прочнаго внѣшняго мира, станетъ по всей вѣроятности и вопросъ о нашей таможенной политикѣ, которая въ теченіи нынѣшняго столѣтія неоднократно колебалась между системою крайняго протекціонизма (покровительства отечественному производству посредствомъ стѣсненій и запрещеній ввоза иностранныхъ товаровъ) и системою освобожденія международной торговли отъ таможенныхъ узъ. Направленіе этой политики должно наконецъ такъ или иначе опредѣлиться на болѣе продолжительное время, съ тѣмъ чтобы съ нимъ могли такъ или иначе сообразоваться интересы и капиталы, затраченные въ нашей промышленности. Къ эпохѣ мира, когда возбудится этотъ капитальный государственный вопросъ, отъ котораго въ значительной степени зависятъ ходъ всего нашего народнаго хозяйства и улучшеніе нашей финансовой системы, накопятся практическія свѣдѣнія и наблюденія нынѣшняго таможеннаго опыта. Между прочимъ, кромѣ убыточнаго финансоваго результата для государственныхъ доходовъ, не можетъ остаться безъ послѣдствій въ общественномъ мнѣніи одинъ фактъ, поразительный для разрушенія одной изъ грубѣйшихъ иллюзій нашихъ протекціонистовъ: несмотря на чрезвычайное умень-

шеніе привоза иностранныхъ товаровъ и на особенное усиленіе въ 1877 г. нашего вывоза, цѣна бумажныхъ денегъ и иностранный вексельный курсъ продолжали свое паденіе. Давно ли наши протекціонисты, домогаясь болѣе усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и болѣе широкихъ посредствомъ этихъ выпусковъ кредитныхъ пособій торговлѣ (которыя съ щедростью и раздавались государственнымъ банкомъ въ 1877 г.), упорно доказывали безвредность этихъ выпусковъ при строго охранительной таможенной системѣ? Они же съ фанатизмомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, проповѣдывали, что возвышеніе цѣны бумажныхъ денегъ и вексельнаго курса *зависитъ единственно* отъ такъ называемаго выгоднаго торговаго баланса. Къ установленію этого баланса казалось не было теперь недостатка въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, — въ сокращеніи привоза сравнительно съ вывозомъ и сверхъ того въ приливѣ къ намъ звонкой монеты посредствомъ внѣшняго займа и громадныхъ правительственныхъ закупокъ иностранныхъ траттъ! Къ сожалѣнію распоряженіе объ уплатѣ таможенныхъ сборовъ звонкою монетою не могло не имѣть противуположнаго вліянія на цѣну кредитныхъ билетовъ: оно не могло не содѣйствовать ихъ обезцѣненію въ значительной степени, ибо уменьшило на всю цифру этихъ сборовъ спросъ на бумажныя деньги.

Въ томъ же духѣ таможеннаго протекціонизма состоялись и разныя отдѣльныя мѣры по таможенной части. Возвышены таможенные сборы: съ паровозовъ до 1 р. 25 к. и съ тендеровъ до 50 к. съ пуда (Выс. утв. 10 мая 1877 г. М. Г. С.). Эта законодательная мѣра находится въ непосредственной связи съ другимъ распоряженіемъ о правительственномъ содѣйствіи нашему желѣзнодорожному производству. Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета министровъ повелѣно включить въ условія со всѣми вновь разрѣшаемыми желѣзно-дорожными компаніями обязательное пріобрѣтеніе ими въ Россіи всего грузоваго вагоннаго подвижнаго состава и всѣхъ паровозовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ установлена выдача денежныхъ премій отъ правительства русскимъ заводамъ за изготовленіе для компаній паровозовъ (отъ 2,500 р. до 3,000 р. за каждый) и наконецъ допущенъ безпошлинный (въ видѣ опыта на 2 года) ввозъ изъ заграницы для сталелитейныхъ и сталерельсовыхъ заводовъ. Остается пожелать, чтобы наши производители по этой важной промышленной отрасли воспользовались для общей пользы всѣми этими обширными пособіями и правами, щедро дарованными имъ отъ правительства, и

чтобы отъ недобросовѣстнаго пользованія этими правами не произошло,—какъ можно опасаться,—затрудненій въ развитіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Возвышены также таможенные сборы съ иностранныхъ роялей и церковныхъ органовъ, до ста рублей со штуки, съ фортепіано, піанино и непереносныхъ органовъ, кромѣ церковныхъ, до 60 р. со штуки (Выс. утв. 6 іюня 1877 г. М. Г. С.). Нужно замѣтить, что всѣ вышеупомянутыя возвышенія таможенныхъ сборовъ сдѣланы *сверхъ* общаго возвышенія тарифа по всѣмъ товарамъ, произведеннаго переложеніемъ его на звонкую монету. По таможенной части, остается указать на правила, Выс. утв. 4 января 1877 г., о транзитѣ черезъ Закавказскій край европейскихъ товаровъ въ Персію и Турцію и азіятскихъ товаровъ изъ Персіи и Турціи въ Европу.

Системы *государственныхъ налоговъ и повинностей* касаются, сверхъ вышеизложенныхъ мѣръ по таможенной части, еще слѣдующія постановленія. Въ отмѣну нѣкоторыхъ статей Устава о земскихъ повинностяхъ, изданы новыя правила о подводахъ, требуемыхъ отъ обывателей для воинскихъ потребностей. Подводы для проходящихъ штатныхъ воинскихъ командъ сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ должны быть оплачиваемы контрмарками, а во всѣхъ другихъ случаяхъ воинскихъ потребностей — наличными деньгами (по 4 к. за версту съ 1 марта по 1 ноября и по 3 к. во все остальное время). Контрмарки разсчитываются каждая на 25-верстное разстояніе за одноконную подводу, съ упряжью и проводникомъ. Цѣна контрмарокъ опредѣлена: красныхъ, выдаваемыхъ съ 1 марта по 1 ноября, въ 1 руб. и бѣлыхъ, въ остальное время года, въ 75 к. каждая. Въ этой цѣнѣ контромарки засчитываются казною при представленіи ихъ владѣльцами въ зачетъ уплаты ими государственныхъ податей или же по этой цѣнѣ выдаются за нихъ изъ казны наличныя деньги. Для перевозки больныхъ нижнихъ чиновъ (сухопутнаго вѣдомства) обывательскія подводы могутъ быть требуемы лишь въ томъ случаѣ, когда лѣчебныя заведенія находятся на разстояніи отъ командъ болѣе 7-ми верстъ (Выс. утв. 16 ноября 1876 г. М. Г. С.).

Установленный въ 1872 г. акцизъ съ фотогеноваго производства отмѣненъ; срокъ приведенія въ исполненіе этой мѣры предоставленъ Министру Финансовъ, съ тѣмъ чтобы взиманіе акциза было прекращено не позже 1 января 1878 г. (Выс. утв. 6 іюня 1877 г. М. Г. С.). Это распоряженіе какъ нельзя болѣе правильно: съ одной стороны, фотогеновое производство, едва у насъ воз-

никшее, имѣло полное право на покровительство, а съ другой стороны, фотогенъ служитъ для удовлетворенія самыхъ обыденныхъ, неизбѣжныхъ и нисколько не роскошливыхъ потребностей общества и потому не принадлежитъ къ тѣмъ предметамъ, которые признано въ современной финансовой теоріи и европейской практикѣ справедливымъ облагать косвенными налогами съ потребленія. Къ такимъ предметамъ по преимуществу принадлежитъ табакъ, какъ предметъ роскоши, и потому возвышеніе различныхъ сборовъ съ табачныхъ произведеній и торговли ими, сдѣланное въ дополненіяхъ и измѣненіяхъ Устава о табачномъ акцизѣ (Выс. утв. 6 іюня 1872 г. М. Г. С.), было весьма раціонально, хотя бы эта мѣра и не могла обѣщать серьезныхъ финансовыхъ воспособленій для государства, пока потребленіе табака мало распространено въ массахъ нашего народонаселенія.

По финансовой части остается указать на Высочайше утвержденное 21 февраля 1871 г. временное положеніе о контролѣ и на изданныя временныя постановленія относительно порядка примѣненія смѣтныхъ правилъ къ расходамъ, вызваннымъ военными обстоятельствами (Выс. утв. 22 февраля 1877 г. М. Г. С.).

Къ области *государственнаго хозяйства* относятся слѣдующія узаконенія и распоряженія. Издано утвержденное Министромъ Финансовъ 4 декабря 1876 г. Положеніе о русскомъ отдѣлѣ на всемірной выставкѣ 1878 г. въ Парижѣ. До сихъ поръ французское правительство упорствуетъ въ неотсрочкѣ этой выставки, для которой представляется такъ мало благопріятныхъ условій въ нынѣшнемъ году. Германское правительство уже давно отказалось отъ всякаго участія въ этомъ предметѣ. Какъ ни мало можетъ быть расположенъ и готовъ нашъ промышленный міръ, посреди военныхъ событій, предстать съ своими продуктами на всемірный судъ въ Парижѣ, наше правительство поступаетъ однако весьма благоразумно, не покидая этого дѣла, не смотря на все нынѣшнее напряженіе государственныхъ и народныхъ силъ Россіи совсѣмъ къ другимъ задачамъ. Участіе ея, вслѣдъ за этимъ напряженіемъ, во всемірномъ промышленномъ состязаніи и въ одномъ изъ самыхъ характеристическихъ современныхъ праздниковъ мира, можетъ доказать только обиліе русскихъ силъ и русской природы, не истощаемыхъ никакими жертвами войны. Впрочемъ, независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній, всѣ мыслящіе въ Европѣ люди признаютъ, что промышленныя и всякія другія выставки получили

чрезмѣрное, почти чудовищное развитіе, что онѣ причиняютъ напрасную трату труда и капиталовъ, выгодную только для аферистовъ, и что пора пріостановить это развитіе, тѣмъ болѣе, что оно большею частію пользуется правительственными пособіями и не ограничивается свободною частною предпріимчивостью.

Въ прошедшемъ году вступила въ дѣйствіе весьма важная мѣра въ области государственнаго хозяйства и нашихъ путей сообщеній. Сооруженіе и эксплуатація нашихъ желѣзныхъ дорогъ вызываетъ уже нѣсколько лѣтъ всеобщія у насъ жалобы; безпорядки на этихъ главнѣйшихъ государственныхъ путяхъ нашего времени, поглотившихъ у насъ громадныя массы капиталовъ и возложившихъ на государственный бюджетъ чрезвычайную тягость, сдѣлались особенно очевидны во время мобилизаціи войскъ. Общественное мнѣніе единодушно и громко заявляетъ у насъ, что услуги, оказываемыя нашими желѣзными дорогами, нисколько не соотвѣтствуютъ чрезмѣрнымъ жертвамъ, принесеннымъ на нихъ государствомъ, и что въ нашей желѣзнодорожной дѣятельности господствуютъ личные интересы, не согласные съ государственными и общественными интересами. Поэтому было какъ нельзя своевременно учрежденіе по Высочайшему повелѣнію (15 іюля 1876 г.) *«высшей Коммиссіи»* (подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Баранова) для *«всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи»*. Высочайшимъ повелѣніемъ 22 октября 1876 г. этой Коммиссіи предоставлено право производить изслѣдованія на мѣстѣ чрезъ особыя подкоммиссіи и призывать въ свои засѣданія всѣхъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ заявленій.

Окончательные результаты занятій Коммиссіи будутъ «доложены Его Величеству непосредственно»; хотя о работахъ этой Коммиссіи до сихъ поръ ничего не опубликовано, но онѣ дѣятельно производились, сколько извѣстно, въ 1877 г., не смотря на крайне неблагопріятныя обстоятельства военнаго времени. Можно надѣяться, что по наступленіи мира, Коммиссія выполнитъ важную государственную задачу, на нее возложенную, и приведетъ въ точную ясность положеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, возбуждающее такъ много недоумѣній и въ публикѣ, и въ правительственной средѣ. Смѣемъ надѣяться, что для той же цѣли съ пользою послужитъ публикуемый въ нашемъ изданіи обширный трудъ нашего почтеннаго сотрудника *А. А. Головачева.*

За истребленіе или поврежденіе знаковъ, выставляемыхъ при производствѣ *правительственныхъ взысканій по устройству путей*

сообщеній, назначены взысканія, установленныя въ ст. 32 Уст. о наказ., налаг. мир. судьями (Выс. утв. 30 ноября 1876 г. М. Г. С.). Для облегченія сношеній мѣстностей, которыя не связаны прямыми почтовыми трактами, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено, по ходатайству мѣстныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, устанавлять пересылку корреспонденціи всякаго рода по проселочнымъ дорогамъ, на счетъ мѣстныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, при согласіи ихъ принять на свои средства весь потребный расходъ (Выс. утв. 21 декабря 1876 г. М. Г. С.).

Согласно съ распоряженіями, уже прежде сдѣланными по другимъ губерніямъ, казенныя шоссейныя дороги Ярославской и Калужской губерній переданы на десять лѣтъ въ хозяйственное завѣдываніе мѣстныхъ земствъ (Выс. утв. 24 дек. 1876 г. Пол. Ком. Мин.). Общія основанія этого распоряженія тѣ же, какія были приняты по другимъ губерніямъ: земства получаютъ право на взиманіе шоссейныхъ сборовъ, поступавшихъ въ казну, имъ выдаются ежегодно казною суммы на ремонтъ дорогъ (по Ярославской губерніи по 395 р. на версту, по Калужской — по 300 р.) и чистый доходъ, который останется у земствъ, отъ этихъ ремонтныхъ суммъ и отъ шоссейныхъ сборовъ, за производствомъ всѣхъ расходовъ на содержаніе переданныхъ дорогъ, употребляется земствами на сооруженіе новыхъ шоссейныхъ линій. Съ тѣхъ поръ, какъ шоссейныя дороги перестали быть государственными путями и превратились въ мѣстные, передачу ихъ въ завѣдываніе земскихъ учрежденій, распоряжающихся мѣстнымъ хозяйствомъ, должно признать вполнѣ правильною государственною мѣрою. Польза этой мѣры уже и оказалась, какъ въ улучшеніи содержанія дорогъ, переданныхъ земствамъ казною, такъ и въ сокращеніи расходовъ казны по этому предмету. Безусловно одобряя эту мѣру въ ея существѣ, нельзя при этомъ однако не замѣтить нѣкоторой *неправильности въ формѣ* всей этой операціи, повторившейся и въ настоящемъ случаѣ по Ярославской и Калужской губерніямъ. Этой государственно-финансовой операціи приданъ характеръ частнаго *контракта* между правительствомъ (Министерствомъ Путей Сообщеній) и земствомъ. Это выраженіе «контрактъ» даже буквально употреблено въ текстѣ постановленій (Положеній Комитета Министровъ), состоявшихся по этому предмету. Между тѣмъ понятіе контракта, и по своему юридическому существу, и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, нисколько не соотвѣтствуетъ существу тѣхъ отношеній, которыя не только *должны* установиться въ этомъ

дѣлѣ между центральными правительственными учрежденіями и земскими, но даже и тѣмъ отношеніямъ, которыя между ними тутъ-же и возникли. Земскія учрежденія, *какъ государственныя*, какъ органы мѣстнаго государственнаго самоуправленія, не должны и не могутъ вступать въ контрактныя сдѣлки съ правительствомъ, подобно частнымъ, чисто общественнымъ учрежденіямъ (акціонерныхъ компаніямъ, частнымъ подрядчикамъ и проч.). На практикѣ уже оказалась неправильность упомянутаго выраженія: когда возбуждались разногласія и пререканія между земствами и инспектирующими шоссейныя дороги властями, тогда они разрѣшались, какъ иначе и быть не можетъ, административнымъ порядкомъ (путемъ жалобъ земства и распоряженій высшей административной инстанціи), а не судомъ. Между тѣмъ споры по контрактамъ разбираются только судебнымъ (гражданскимъ) порядкомъ. Затронутый нами здѣсь вопросъ имѣетъ большое значеніе собственно потому, что съ нимъ тѣсно связано продолжающееся у насъ общее неправильное пониманіе существа земскихъ учрежденій. Разъясненію этого важнаго предмета, заключающему въ себѣ всю будущую судьбу мѣстнаго управленія и самоуправленія въ Россіи, посвященъ трудъ *А. Д. Градовскаго*, первая часть котораго помѣщена въ настоящемъ томѣ Сборника.

Дозволено въ губерніяхъ, имѣющихъ взаимное страхованіе отъ огня, выдавать сельскимъ обществамъ, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, ссуды изъ мѣстныхъ запасныхъ страховыхъ капиталовъ для пріобрѣтенія необходимыхъ огнегасительныхъ снарядовъ (Выс. утв. 11 января 1877 г. М. Г. С.). Относительно правилъ предосторожности отъ пожаровъ внѣ городскихъ селеній сдѣлано слѣдующее законодательное распоряженіе: предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по сношенію съ Главноуправляющимъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, согласовать принадлежащія сюда статьи Уставовъ Лѣснаго и Пожарнаго со всѣми послѣдовавшими въ нихъ измѣненіями и дополненіями и новую ихъ редакцію разослать къ мѣстнымъ начальствамъ, въ видѣ временныхъ правилъ, впредь до замѣны ихъ мѣстными постановленіями, на основаніи Выс. утв. 16 іюня 1873 г. Мнѣнія Гос. Совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ издать инструкціи чинамъ полиціи и лѣснаго управленія относительно тушенія пожаровъ; и тѣмъ же министрамъ предоставлено внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта

предположенія свои объ устройствѣ пожарной части въ селеніяхъ (Выс. утв. 1 февраля 1877 г. М. Г. С.).

Для сбереженія станичныхъ лѣсовъ Войска Донскаго, составляющихъ общественную собственность станицъ, установлены особыя правила, наблюденіе за которыми возложено на мѣстное войсковое управленіе (Выс. утв. 24 февр. 1877 г. М. Г. С.).

По *полиціи* безопасности состоялись слѣдующія распоряженія. Установлены новыя правила (во измѣненіе 91, 92 и 95 ст. Уст. о нак., нал. муров. суд.) о взысканіяхъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ въ жилыхъ мѣстахъ и за куреніе табака на улицахъ и площадяхъ, гдѣ это воспрещено (Выс. утв. 21 дек. 1877 г. М. Г. С.).

По *судебной части* состоялись слѣдующія законоположенія. Отъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей освобождены кассиры учрежденій государственнаго банка и ихъ помощники, а также лѣсничіе казенныхъ лѣсовъ (Выс. утв. 23 ноября 1876 г. М. Г. С.). Упраздненъ Второй Департаментъ Правительствующаго Сената, согласно общему порядку, указанному въ Положеніи 1865 г. о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, и усиленъ личный составъ Канцеляріи Особаго Присутствія Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ (Выс. утв. 15 апрѣля 1872 г. М. Г. С.). Это послѣднее распоряженіе напоминаетъ вообще о нынѣшнемъ нашемъ судебномъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ по государственнымъ или политическимъ преступленіямъ. Этотъ порядокъ, недавно установленный послѣ многократныхъ преобразованій и опытовъ по этой части, нельзя считать окончательно утвердившимся, хотя онъ и обставленъ значительными судебными гарантіями, составляющими немаловажный успѣхъ съ судебною процедурою прежняго времени по этой части. Мы ограничиваемся пока этимъ бѣглымъ замѣчаніемъ. Въ виду первостепенной государственной важности этого предмета и распространившихся слухахъ о готовящихся предположеніяхъ правительства къ новымъ преобразованіямъ въ этой области суда, мы надѣемся помѣстить въ ближайшихъ томахъ нашего изданія особый трудъ одного изъ извѣстныхъ нашихъ юристовъ, посвященный этому предмету.

Введены новые судебные сборы, въ пользу земства, съ гражданскихъ дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (взамѣнъ 200 ст. Уст. гражд. судопр.): 1) судебная пош-

лина съ каждаго исковаго прошенія, по 1 коп. съ каждаго рубля отыскиваемой суммы, и 2) сборъ съ бумаги, по 10 к. съ каждаго листа поданной просьбы, и относящихся къ ней документовъ сторонъ и исполнительныхъ документовъ суда. Отъ взысканія этихъ сборовъ освобождены иски ниже 10 руб. и также неимущіе, на всякую сумму, по постановленію мироваго судьи (Выс. утв. 10 мая 1877 г. М. Г. С.).

Важнѣйшимъ фактомъ въ законодательной дѣятельности по судебной части за первую половину 1877 г. [1]) должно признать учрежденіе, по Высочайшему повелѣнію, въ средѣ Государственнаго Совѣта Коммиссіи для тюремнаго преобразованія. Этому распоряженію нельзя не порадоваться, такъ какъ тюремный вопросъ, столь у насъ настоятельный, оставался много лѣтъ безъ всякаго движенія, не смотря на общепризнанное не только въ публикѣ, но и въ правительственной сферѣ крайне неудовлетворительное состояніе нашихъ мѣстъ заключенія и не смотря на неоднократно составлявшіеся въ разныхъ инстанціяхъ проекты къ ихъ улучшенію [2]). Упомянутой Коммиссіи Государственнаго Совѣта «поставлено въ обязанность обозрѣть въ совокупности содержаніе всѣхъ дѣлъ (накопившихся въ Государственномъ Совѣтѣ по преобразованію тюремной части и о пересмотрѣ 2 главы 1 раздѣла уложенія о наказаніяхъ) и, имѣя въ виду главную оныхъ цѣль, лучшее устройство нашихъ мѣстъ заключенія, приспособленное къ правильной системѣ наказаній, — представить на уваженіе соединенныхъ Департаментовъ законовъ, экономіи и гражданскаго свои соображенія о мѣрахъ къ достиженію этой цѣли, съ проектомъ заключеній по вопросамъ, требующимъ нынѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ». Не можемъ не обратить особеннаго вниманія на мотивы, которыми руководствовался Государственный Совѣтъ (въ соединенныхъ Департаментахъ законовъ, экономіи и гражданскомъ), испрашивая упомянутое Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Коммиссіи. Въ изложеніи этихъ мотивовъ мы между прочимъ читаемъ: «Государственный Совѣтъ счелъ обязанностью прежде всего повторить неоднократно выраженное имъ убѣжденіе, что *карательныя учрежденія наши, а равно мѣста заключенія обвиняе-*

---

[1]) Законоположеніе, измѣнившее порядокъ дѣлопроизводства въ Кассаціонныхъ Департаментахъ Сената, принадлежитъ по времени своего опубликованія ко второй половинѣ 1877 г., обозрѣніе которой войдетъ въ VI т. Сб. Г. Зн.

[2]) См. объ этомъ предметѣ статью *И. Я. Фойницкаго*, въ I т. Сб. Г. Зн.

мыхъ, не могутъ безъ важнаго ущерба для благосостоянія и внутренней безопасности государства оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они нынѣ находятся, и потому приведеніе ихъ въ лучшее устройство составляетъ задачу первостепеннаго государственнаго значенія, къ осуществленію которой надлежитъ стремиться со всею энергіею, не останавливаясь передъ частными и случайными затрудненіями». Въ высшей степени интересны, не для одного только тюремнаго вопроса, слѣдующія замѣчательныя сужденія нашего высшаго государственнаго учрежденія въ томъ же изложеніи мотивовъ: «...Въ полномъ собраніи законовъ и въ архивахъ высшихъ установленій можно найти не мало документовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ заботахъ правительства по этой части. Между тѣмъ всѣ его заботы и старанія не привели до сихъ поръ къ удовлетворительному результату. Соображая причину столь прискорбнаго явленія, Государственный Совѣтъ не могъ не признать, что она между прочимъ заключается въ томъ, что вопросъ о тюремномъ преобразованіи въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ ставился не всегда на достаточно практическую почву. Заботы обращались болѣе на установленіе *законодательныхъ правилъ, чѣмъ на мѣры исполненія;* издавались тщательно разработанныя законоположенія и не изыскивалось средствъ для ихъ осуществленія. Въ 1845 г., въ связи съ утвержденіемъ новаго уложенія о наказаніяхъ, предначертана была система карательныхъ и исправительныхъ учрежденій, которая своими утонченными развѣтвленіями и стремленіемъ наблюсти точное соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ превосходила все, что могли донынѣ достигнуть государства и болѣе насъ богатыя какъ деньгами, такъ и людьми. Для каждаго разряда заведеній были изданы особыя положенія, въ которыхъ, слѣдуя указаніямъ пенитенціарной науки, опредѣлены подробно правила содержанія заключенныхъ, занятія ихъ работами, нравственнаго назиданія и указаны всѣ мѣры, нужныя для достиженія цѣлей уголовнаго правосудія. *Но не было ни устроено заведеній, къ которымъ эти правила были бы приложимы, ни приготовлено людей, которые могли бы примѣнять ихъ въ духѣ закона;* вслѣдствіе того, законъ и пришелъ въ такой разладъ съ жизнью, что *наказаніе, которое на самомъ дѣлѣ несетъ преступникъ, весьма часто не имѣетъ почти ни одной общей черты съ тѣмъ, чему онъ долженъ быть подвергнутъ по словамъ судебнаго приговора...* Посему естественно представляется сомнѣніе, не есть ли задача, которая по отношенію къ тюремному вопросу нынѣ озабочиваетъ прави-

тельство,—задача преимущественно административная и успѣхъ ея не зависитъ ли болѣе отъ дѣятельныхъ распоряженій правительственныхъ инстанцій, чѣмъ отъ законодательныхъ постановленій?

Нельзя не сознаться, что нарисованная выше картина «разлада закона съ жизнію» вѣрно изображаетъ положеніе не одного только тюремнаго дѣла, а многихъ частей нашего государственнаго управленія. Многія и многія части отличаются у насъ чрезвычайнымъ изобиліемъ и роскошью самыхъ благихъ законодательныхъ постановленій и въ то же время полнымъ отсутствіемъ закона, въ практическихъ распоряженіяхъ администраціи. Подлѣ возвышенныхъ намѣреній законодателя, сокрытыхъ въ архивахъ и остающихся на бумагѣ, течетъ дѣйствительная жизнь, подъ господствомъ личнаго произвола и всѣхъ случайныхъ частныхъ обстоятельствъ каждаго распорядителя.

Будемъ надѣяться, что въ предполагаемыхъ коммисіею государственнаго совѣта мѣрахъ къ устройству нашей тюремной части будутъ избѣгнуты ошибки, такъ выразительно имъ замѣченныя въ многочисленныхъ прежнихъ проектахъ по этой части [1]). Должно считать успѣхъ этого дѣла обезпеченнымъ при личномъ составѣ коммиссіи, членами которой состоятъ лица, извѣстныя своею просвѣщенною государственною дѣятельностью и учеными трудами: члены государственнаго совѣта К. К. Гротъ (предсѣдатель), А. П. Заблоцкій-Десятовскій, К. П. Побѣдоносцевъ и Н. И. Стояновскій. Предсѣдатель коммиссіи К. К. Гротъ объѣхалъ въ прошедшемъ году нѣкоторыя губерніи, для личнаго ознакомленія съ мѣстами заключенія.

Въ сферѣ *народнаго образованія* и учебныхъ заведеній приняты слѣдующія мѣры. Въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея офицерскаго курса, учрежденнаго въ 1827 г. при бывшемъ морскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣшнемъ морскомъ училищѣ), упомянутый курсъ переименованъ въ Николаевскую морскую академію (Выс. пов. 28 января 1877 г.).

---

[1]) Эти проекты, оставленные государственнымъ совѣтомъ безъ послѣдствій и послужившіе поводомъ къ учрежденію новой коммиссіи, были разобраны въ означенной выше статьѣ *И. Я. Фойницкаго*, въ I томѣ нашего изданія. Такимъ образомъ строгая критика, которой подвергнуты эти проекты въ этой статьѣ, отчасти оправдалась нынѣшнимъ распоряженіемъ правительства, пріостановившаго приведеніе ихъ въ исполненіе.

Въ 1877 г. продолжалось развитіе и распространеніе учебныхъ заведеній, входящихъ въ кругъ университетскаго (классическаго) образованія. Преобразованы изъ четырехклассныхъ прогимназій *въ шестиклассную:* Гомельская прогимназія и пятая С.-Петербургская (Выс. утв. 7 дек. 1876 г., 10 мая 1877 г. М. Г. С.). Учреждены вновь: четырехклассныя *прогимназіи:* въ г. Брянскѣ Орловской губ. (Выс. утв. 7 дек. 1876 г. М. Г. С.).

Вновь учреждены *реальныя училища:* шестиклассныя—въ Томскѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ съ коммерческимъ отдѣленіемъ, въ Новочеркасскѣ и ст. Урюпинской съ коммерческимъ отдѣленіемъ, въ г. Великихъ Лукахъ Псковской губ.; четырехклассное въ Ромнахъ Полтавской губ. (Выс. утв. 7 дек. 1876 г., 25 янв., 26 апрѣля 1877 г. М. Г. С.).

Учреждены *учительскія семинаріи* въ Эстляндской губерніи и въ г. Новочеркасскѣ (Выс. утв. 28 дек. 1876 г. М. Г. С.). Открыты четвертый классъ и начальное училище въ Рижской учительской семинаріи (Выс. утв. 28 дек. 1876 г. М. Г. С.). Учрежденъ въ Оренбургѣ *учительскій институтъ* для приготовленія учителей городскихъ училищъ Оренбургскаго учебнаго округа (Выс. утв. 28 дек. 1876 г. М. Г. С.).

Преобразованъ изъ трехкласснаго въ шестиклассный Тамбовскій женскій институтъ (Выс. пов. 5 февр. 1877 г.).

По разнымъ *спеціальнымъ* отраслямъ народнаго образованія состоялись слѣдующія распоряженія. При Успенской сельско-хозяйственной фермѣ (въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ) въ Переяславскомъ уѣздѣ учреждена практическая школа садоводства и огородничества (Выс. пов. 2 февраля 1877 г.).

Въ управленіи учебными заведеніями произошли слѣдующія перемѣны. Въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ образованы особые училищные совѣты (подъ предсѣдательствомъ городскихъ головъ) для завѣдыванія начальными училищами, на правахъ уѣздныхъ совѣтовъ (Выс. утв. 28 дек. 1874 г. М. Г. С.). Въ Туркестанскомъ краѣ учреждена должность инспектора народныхъ училищъ (Выс. утв. 1 марта 1877 г. М. Г. С.). На область Войска Донскаго распространено положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. (Выс. утв. 10 мая 1877 г. М. Г. С.).

Къ мѣрамъ правительства *по ученой части* или для содѣйствія успѣхамъ наукъ должно отнести «устройство при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія коммиссіи по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ» (Выс. утв. 22 апрѣля 1877 г.

М. Г. С.). Задачу этого новаго учрежденія, на расходы котораго предназначены суммы изъ государственнаго казначейства, нельзя въ точности опредѣлить по тексту состоявшагося объ немъ законодательнаго постановленія; это постановленіе гласитъ: «учредить при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія особую Коммиссію изъ *лицъ отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, которыя изъявятъ согласіе* принять участіе въ международномъ обмѣнѣ изданій, *на основаніяхъ*, которыя будутъ выработаны Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ упомянутыми учрежденіями» (пунктъ 1 Мнѣнія Гос. Совѣта). Означенныя выше «основанія» остаются до сихъ поръ намъ неизвѣстны или по крайней мѣрѣ не опубликованы. О дѣятельности этой Коммиссіи намъ также ничего не извѣстно. «Основанія», которыя будутъ выработаны Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія», для содѣйствія международному обмѣну ученыхъ изданій, было бы весьма интересно знать, такъ какъ этотъ обмѣнъ, т. е. ввозъ въ Россію иностранныхъ изданій, связанъ у насъ съ крайними затрудненіями. Даже высшія ученыя учрежденія и отдѣльныя лица, пользующіяся привиллегированными (въ цензурномъ отношеніи) правами по полученію иностранныхъ книгъ, терпятъ значительныя затрудненія въ своевременномъ пріобрѣтеніи изъ заграницы ученыхъ пособій, необходимыхъ для ихъ занятій. Иностранныя изданія доставляются отъ издателей ученымъ учрежденіямъ и лицамъ или черезъ посредство книжной торговли или прямо черезъ почту. Въ томъ и другомъ случаѣ, происходятъ проволочки, не существующія въ другихъ европейскихъ государствахъ, и весьма часто возникаютъ непоборимыя препятствія къ доставленію книгъ по ихъ назначенію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій иностранные издатели не рѣдко совсѣмъ отказываются отъ обмѣна своихъ изданій съ русскими учеными учрежденіями и лицами. Всѣ эти затрудненія обусловлены у насъ устарѣвшими цензурными правилами; желательно, чтобы упомянутая Коммиссія озаботилась измѣненіемъ и облегченіемъ этихъ правилъ, если содѣйствіе развитію «международнаго обмѣна изданій по части наукъ и художествъ» составляетъ задачу ея дѣятельности. Съ облегченіемъ стѣснительнаго порядка нашей иностранной цензуры, этотъ обмѣнъ разовьется коммерческимъ и почтовымъ путемъ, самъ собою, безъ всякихъ особыхъ государственныхъ мѣропріятій и государственныхъ расходовъ по этой части.

Важнѣйшею мѣрою 1877 г. *по устройству мѣстнаго управленія*

было введеніе въ дѣйствіе въ прибалтійскомъ краѣ общаго городоваго положенія 16 іюня 1870 г. Указомъ Сенату 26 марта 1877 г. было повелѣно привести въ исполненіе особыя правила примѣненія этого положенія къ городамъ прибалтійскаго края. Мѣра эта давно ожидалась. Средневѣковыя, привиллегированныя муниципальныя учрежденія прибалтійскаго края, возбуждавшія ропотъ не только въ русскихъ поселенцахъ этого края, но и въ нижнихъ слояхъ его туземнаго городскаго населенія, сдѣлались непозволительнымъ анахронизмомъ въ наше время. Наше городовое положеніе 1870 г., согласное съ общими началами городскаго самоуправленія и гражданской равноправности, господствующими въ современной образованной Европѣ, составляетъ прогрессъ въ административномъ строѣ прибалтійскаго края. Въ правилахъ примѣненія къ нему этого положенія соблюдено уваженіе къ историческимъ и бытовымъ мѣстнымъ особенностямъ края, не нарушающимъ общихъ основаній нашего городоваго устройства.

Къ организаціи *мѣстнаго управленія* относятся слѣдующія постановленія. Съ 1 января 1877 г. вступили въ дѣйствіе новые штаты с.-петербургскаго градоначальства и с.-петербургской городской полиціи, съ увеличеніемъ суммы отпускаемой на нихъ изъ казны (на 127,667 р.), сверхъ прежней штатной суммы отъ казны, 305,000 р. и изъ городскихъ доходовъ 769,081 р. (Выс. утв. 30 дек. 1876 г. М. Г. С.).

Для быстраго удовлетворенія воинскихъ потребностей земскими и городскими учрежденіями, въ военное время, установлены особыя (въ видѣ изъятія отъ общаго порядка) временныя правила, дѣйствующія въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Этими правилами ускоренъ и облегченъ формальный порядокъ удовлетворенія воинскихъ потребностей. Эти правила заключаются въ слѣдующемъ: созываемыя для этого предмета чрезвычайныя земскія и городскія собранія признаются дѣйствительными не смотря на число явившихся гласныхъ; собранія эти разрѣшаются губернаторами, безъ представленія о томъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ; денежныя повинности могутъ быть обращаемы, въ случаѣ нужды, въ натуральныя, по простому большинству голосовъ въ собраніяхъ, безъ соблюденія установленной для этого общей процедуры; для безотлагательности исполнительныхъ дѣйствій, производимыхъ губернаторами на счетъ земствъ и городовъ, имъ открываются кредиты казенными палатами до 5,000 р. (Выс. утв. 17 янв. 1877 г. Пол. Ком. Мин.).

Согласно общему плану сокращенія и упрощенія мѣстной администраціи государственныхъ имуществъ, послѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, управленія государственными имуществами Смоленской и Витебской губерній въ одно Смоленско-Витебское, въ г. Смоленскѣ (Высоч. пов. 27 дек. 1876 г.).

Публикою уже давно ожидаются результаты работъ, производящихся во II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи по кодефикаціи нашего матеріальнаго *гражданскаго права*, т. е., по новому изданію X т. Св. Законовъ, совершенно обветшавшаго посреди преобразованій нынѣшняго царствованія и далеко отставшаго отъ потребностей нашего времени. Въ ожиданіи этого настоятельнаго законодательнаго труда, нужно упомянуть объ одномъ законодательномъ проектѣ, относящемся къ той же области гражданскаго права. Въ 1877 г. опубликованы (въ Правительственномъ Вѣстникѣ, №№ 69—89) правительственныя предположенія для установленія порядка охраненія наслѣдствъ, который опредѣленъ въ ст. 1401 — 1408 Уст. Гражд. Судопр., лишь временно, впредь до пересмотра. Вышеупомянутое опубликованіе правительственныхъ предположеній сдѣлано «съ цѣлію вызвать въ періодической печати указаніе практическихъ недостатковъ, которыми страдаетъ нынѣ существующій порядокъ охраненія наслѣдствъ, а также обсужденіе тѣхъ общихъ вопросовъ, разрѣшеніемъ коихъ обусловливается устраненіе такихъ недостатковъ».

20 Января 1878 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ

СБОРНИКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

под редакціей **В. П. Безобразова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА, А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ I. — СОДЕРЖАНІЕ: Законъ и административное распоряженіе по русскому праву, *А. Д. Градовскаго.* — Эмиграція, *кн. А. И. Васильчикова.* — Банковые законы и банковая политика, *Н. Х. Бунге.* — Русская карательная система, *И. Я. Фойницкаго.* — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, статья первая, *Ю. Э. Янсона.* — Замѣтка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи, *Г. С. Сидоренки.* — Брюссельская международная конференція 1874 г., *Ѳ. Ѳ. Мартенса.* — Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азіи. Историческій очеркъ *В. В. Григорьева.* — Новѣйшія попытки къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ, *И. Е. Андреевскаго.* — Привилегіи на изобрѣтенія, *В. И. Вешнякова.* **Критика и библіографія.** Русская литература. Церковь. Православная церковь въ Буковинѣ, соч. Влад. Мордвинова. — *М. Н. Горчакова.* Государственное право (теорія). Исторія политическихъ ученій, соч. Б. Чичерина. — *Г.* — Государственное управленіе. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, соч. М. Владимірскаго-Буданова. Ч. I-я. — *И. Андреевскій.* — Международное право. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, соч. Ф. Мартенса, т. I-й. — *М.* — Военныя науки. Всеобщая военная исторія, князя Н. С. Голицына. — *Г. Леера.* Франко-нѣмецкая война 1870 — 1871 г.; перев. съ нѣмецк. А. Риттера и И. Маслова. — *Г. Леера.* Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева, т. XXIII. — *К. Бестужевъ-Рюминъ.* — Статистика. Памятныя книжки. — з. — Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книги 5 и 6. — з. Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, составленъ полковникомъ Ильинымъ. — з. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1-е января 1874 г., изд. 3-е, гр. А. В. Соллогуба. — з. — Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи, соч. М. Раевскаго, ч. 1-я. — з. — Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Вып. III. — з. — Гражданское право. Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу, соч. П. Деларова. — *И. Кауфмана.* — Государственное и народное хозяйство. Реформа нашей кредитной системы, соч. А. Шипова. — *И. Кауфмана.* Иностран-

ная литература. Церковь. Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ-Буша. — *М. И. Горчакова.* — Избраніе Папы и Имперія, соч. Лоренца. — *М. И. Горчакова.* — **Международное право.** Примѣчанія о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами. — Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ. — Женевская конвенція во время франко-германской войны, соч. Муанье. — Отчеты интернаціональнаго комитета о раненыхъ. — Первыя десять лѣтъ краснаго креста, соч. Муанье. — **Государственное управленіе.** Исторія городскаго устройства въ Германіи, Маурера. — Происхожденіе германскаго городскаго устройства. А. Гейслера. — Лекціи административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное, Ж. Ліежоа. — Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, соч. Рӧсслера. I томъ, 2 отдѣлъ. — Право экспропріаціи, Грюнгута. — Колонизація у современныхъ народовъ, г. Леруа-Больё. — **Государственное и народное хозяйство.** Современная германская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда. — **Гражданское право.** Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вернера. — Артельное законодательство въ Германіи, Д. Гермака Зихерера. — Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Порталя. **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за первую половину 1874 г.). Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части.— Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управленіе: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги. — Акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе начальныя училища. **Цѣна 3 руб.**

ТОМЪ II. — СОДЕРЖАНІЕ: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, *В. И. Сергѣевича.* — Акціонерныя общества, *Ѳ. Г. Тернера.* — **Устройство правильной переписи населенія въ Россіи,** *Ю. Э. Янсона.* — **Земскія повинности и мѣстные налоги,** *В. А. Лебедева.* — **Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою),** *В. И. Чаславскаго.* — **Международное вмѣшательство,** *М. Н. Капустина.* — **Научная постановка церковно-суднаго права,** *М. И. Горчакова.* — Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, *Г. А. Леера.* — **Моменты исторіи законодательства печати,** *И. Я. Фойницкаго.* — **Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства,** *Д. П. Окуратова.* **Критика и библіографія. Русская литература. Церковь.** Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Исторія русской церкви, соч. архіепископа Макарія. — *М. И. Горчакова.* — Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — О церковномъ хозяйствѣ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи, соч. Нила Попова. — *М. И. Горчакова.* **Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи. соч. Д. Я. Самоквасова. — *Ѳ. И. Леонтовича.* **Государственное управленіе.** Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, соч. И. Тарасова. — *И. Е. Андреевскаго.* — Очеркъ основъ санитарной дѣятельности, соч. А. Доброславина. — *Г. И. Архангельскаго.* **Международное право.** Начало невмѣшательства. — *Гр. Л. Камаровскаго.* — Начало невмѣшательства, соч. гр. Л. Камаровскаго. — *Ф. Ф. Мартенса.* — Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи, соч. Иванова. — *Ф. Мартенса.* — Международное право, соч. М. Н. Капустина. — *Ф. Мартенса.* Исторія. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонидова. — *Е. Е. Замысловскаго.* — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи: Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н Шубинскаго. — *А. Брикнера.* —

Древности права балтійскихъ славянъ, соч. А. Котляревскаго, ч. I. — *В. С. Иконникова.* — Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. 1. — *Я. К. Грота.* — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XXIV.— *К. Н. Бестужева-Рюмина.* **Статистика.** Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, изд. Мин. Юст. — з. — Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи, сост. Д. Ливрономъ. — з.— Холерныя эпидеміи въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823—1872 г., соч. Архангельскаго. — з. Курсъ статистики, соч. Н. Карасевича. — з. **Финансы.** Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ: Акцизъ. Соч. И. Янжула. — *Л.* **Иностранная литература. Церковь.** Письмо къ проф. Трейчке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н. *М. И. Горчакова.* — **Государственное управленіе.** Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствовѣдѣнія. Лоренца Штейна. — *Г. С.* **Исторія.** Орденъ іезуитовъ, его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера. Іезуиты, соч. Губера, переводъ А. Маршанда. — *В. Бауера.* **Статистика** Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія; соч. д-ра Швабе.—з. **Государственное и народное хозяйство** Исторія политической экономіи въ Германіи, Вильгельма Рошера. — *К.* **Финансы.** Руководство къ финансовой наукѣ, Лоренца Штейна. — *К.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за вторую половину 1874 г.). Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственная служба вообще.—Финансы. — Государственное хозяйство — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе; преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Гражданское право; раскольничьи браки. **Цѣна 5 руб.**

ТОМЪ III. — СОДЕРЖАНІЕ: Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви, *Ѳ. Г. Тернера.*— Поступательное движеніе Россіи въ средней Азіи, *М. И. Венюкова.*— Республика или монархія установится во Франціи? *В. И. Герье.*- Ансильонъ и Кругъ, *В. Н. Чечерина.*— Національный вопросъ, *А. Д. Градовскаго.* — **Критика и библіографія. Русская Литература. Государственное право (теорія).** Русское государственное право, Т. I.— И. Андреевскаго.— Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права.— А. Романовича-Славатинскаго.— Начала русскаго государственнаго права. Т. I.— А. Градовскаго.— *Н. М. Коркунова.*— **Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи.— *Д. Я. Самоквасова:*— Возраженіе г. Самоквасову. *Ѳ. И. Леонтовича.*— **Исторія права.** Исторія Кодификаціи гражданскаго права.— С. В. Пахмана.— *Н. В. Калачова.*— Сочиненіе Н. Д. Иванишева.—*И. Е. Андреевскаго.*— Обычное право, выпускъ первый —Е. Якушкина. — *П. А. Матвѣева.*— Значеніе общенароднаго гражданскаго права.— Боголѣпова.— *П. Л. Карасевича.*— **Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXV.— С. Соловьева.— *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—**Гражданское право.** Законы о ипотекахъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ.—К. Юзефовича.—*Ф. И. Шмигельскаго.*—**Государственное и народное хозяйство.** Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи.—Д. А. Тимирязева. —*А. Я. Шмидта.* **Иностранная Литература. Международное право.** Институты практическаго международнаго права въ мирное время.—А. Гартмана.—*Ѳ. Эйхельмана.* Практика, теорія и кодификація международнаго права. Бульмеринга.—*Ѳ. Эйхельмана.* Ежегодникъ Института Международнаго Права.—*Гр. Л. Комаровскаго.* **Исторія.** Территоріальное расширеніе Россіи.—Д. Макензи-Уолласа. — *М. Капустина.* Исторія Россіи и европейской политики 1814 до 1831 г.—Бернгарди. — *А. Г. Брикнера.* Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліяніе состоянія войны и мира.—Дево.—*П. Л. Карасевича.* Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи, часть первая.—Фюстель-де-Куланжа. — *П. Л. Карасевича.* **Статистика.** 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863—1872 г.; 2) Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи.—В. Андерса.—*А. Я. Шмидта.* **Народное хозяйство.** Матеріализмъ и Славянство.— Д-ра Осипа Серпеца. — *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.* Фи-

лософія права. Очеркъ курса естественнаго права, или историческое и философское введеніе въ изученіе права вообще. — Тиссо. — *П. Л. Карасевича.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1875 г.).** Вступленіе. — Церковь; возсоединеніе греко-уніатовъ.— Международное право; всеобщій почтовый союзъ. — Войско и военная организація; развитіе устава 1874 г. о воинской повинности; преобразованія въ центральной и мѣстной военной администраціи; развитіе способовъ къ мобилизаціи боевыхъ силъ. — Государственное управленіе; организація центральныхъ органовъ и государственная служба вообще. — Финансы; упраздненіе государственнаго земскаго сбора; податная реформа; исполненіе бюджета.— Государственное хозяйство; съѣздъ представителей банковъ.—Полиція.—Судебная часть; судебная реформа въ привислянскомъ краѣ. — Народное образованіе; лицеи, сельскія школы, среднія учебныя заведенія.—Ученая часть; административная статистика.—Мѣстное управленіе.—Гражданское право.—Заключеніе.

ТОМЪ IV. — СОДЕРЖАНІЕ: Начала русской земли, *С. М. Соловьева.*—Современныя условія военнаго судостроенія, *Э. Е. Гуляева.*—О подоходныхъ налогахъ, *И. Ю. Патлаевскаго.*—Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ кромѣ опредѣляемыхъ по суду? *Я. Ѳ. Кистяковскаго.*— Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи, *Г. А. Леера.* — Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, *Н. В. Калачова.* — Желѣзныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачева.*—Исторія построенія дорогъ, Статья первая. **Критика и библіографія. Руская Литература.** Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣ Михайловича, *М. Вл. Буданова.* —**Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXVI. *К. Бестужева-Рюмина.*— Архивъ юго-западной Россіи Ч. II, т. II. *В. Иконникова.*—**Государственное и народное хозяйство.** Англійская свободная торговля, вып. 1-й. И. Янжуля.—*А. И. Чупрова.* Общинное землевладѣніе, вып. 1-й. А. Посникова. *Г. И. Чупрова.* **Иностранная Литература.** Государство и законы о народномъ образованіи. *Н. Х. Бунге.*—Свѣдѣнія о современной Сербіи. *И. Срезневскаго.* — **Статистика.** Сравнительная статистика Царства Польскаго. В. Заленскаго. *Григорія Симоненко.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1876 г.).** Лондонскій протоколъ, какъ результатъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1876 г. и его послѣдствія.— Центральныя государственныя учрежденія.—Текущее международное право.— Войско и военная организація.—Государственное управленіе и государственная служба вообще; празднованіе юбилеевъ.—Государственные финансы.—Государственное хозяйство; преміи за успѣхи по лѣсному хозяйству; Казенные горные заводы.—Судебная часть.—Народное образованіе; Имп. Медико-Хирургическая Академія; гимназіи; реальныя и народныя училища; разныя спеціальныя учебныя заведенія — Ученая часть. —Мѣстное управленіе; обязательныя постановленія мѣстныхъ административныхъ властей.—Гражданское право.

ПОГРѢШНОСТИ IV ТОМА.

Отд.	Стран.	Строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
II.	46	28 сн.	Н. И. Иванишеву	Н. Д. Иванишеву
			П. Ѳ. Мѣдынцеву	Ѳ. Г. Лебединцеву

ПОГРѢШНОСТИ V ТОМА.

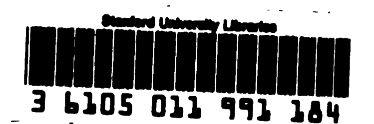
Отд.	Стран.	Строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
I.	172	6 сн.	независимо тѣхъ грузовъ	независимо отъ тѣхъ грузовъ
I.	175	9 св.	Балагое	Бологое
I.	180	2 сн.	съ тѣмъ условіимъ	съ тѣмъ условіемъ
I.	192	6 сн.	Мценсъ	Мценскъ
I.	248	12 сн.	Осташевской	Осташковской
II.	6	3 св.	радакціи	редакціи
II.	23	5 св.	conatug	conatu
			cnocipi	concipi
		30 св.	solos	solas
			lees	leges
II.	61	1 сн.	А. Палюмбецкій, Професоръ Имп. Университета Св. Владиміра.	А. Палюмбецкій, Профессоръ Имп. Харьковскаго Университета.

/15/

Цѣна 3 руб.

UNIVERSITY
LIBRARIES

Stanford University Libraries
3 6105 011 991 184

AUG 1 0 1997

